

MODERN HUMANITIES
SUCCESS/УСПЕХИ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

№7, 2022 год

Подписано к публикации: 24.05.2022

Главный редактор журнала:

доктор педагогических наук,
профессор

Солопанова Ольга Юрьевна

**«Modern Humanities Success /
Успехи гуманитарных наук»
включен в список ВАК с
8.07.2019г., (Elibrary.ru).**

**Свидетельство о регистрации
СМИ:** Эл № ФС77-75120 от 19 фев-
раля 2019г. Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых ком-
муникаций
(Роскомнадзор)
ISSN 2618-7175 (online)
E-mail: info@mhs-journal.ru
Сайт: <http://mhs-journal.ru>

© Modern Humanities Success /
Успехи гуманитарных наук 2022

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Абдуллаева Арзугуль Айюбовна (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат филологических наук, доцент
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, г. Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабкина Екатерина Сергеевна (РФ, г. Хабаровск) – доктор филологических наук, доцент
Балута Анастасия Анатольевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна (Кыргызстан, г. Нарын) – кандидат педагогических наук, доцент
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абильтаевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Ваджиров Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Вегвари Валентина Васильевна (Венгрия, г. Печ) – кандидат педагогических наук, доцент
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзага оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Дулбова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулдзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, профессор
Касымова Рашида Таукеловна (Казахстан, г. Алматы) – доктор педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джимшервна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна (РФ, г. Белгород) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Метревели Медея Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Насипов Ильшат Сахиятулович (Республика Башкортостан, г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор
Новрузолиева Севда Джаид гызы (Азербайджан, г. Баку) – кандидат филологических наук
Нугуманова Людмила Николаевна (РТ, г. Казань) – доктор педагогических наук, доцент
Оганян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Окорочкова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Олджай Тюркан (Турция, г. Стамбул) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Ракитина Светлана Владимировна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Сухомлина Татьяна Александровна (РФ, г. Самара) – доктор филологических наук, доцент
Тимофеева Анастасия Анатольевна (Чехия, г. Брно) – кандидат филологических наук
Тихомирова Евгения Ивановна (РФ, г. Самара) – доктор педагогических наук, профессор, академик
Российской академии Естественных наук, академик МАН
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Шайденко Надежда Анатольевна (РФ, г. Тула) – доктор педагогических наук, профессор, член-
корреспондент Российской академии образования
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических
наук, ведущий научный сотрудник
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлев Евгений Владимирович (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мирзоева С.А., Дорофеева Л.Г. ПОЭТИЧЕСКАЯ ЦИТАТА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ Е.С. ГИНЗБУРГ «КРУТОЙ МАРШРУТ»	7
Алексютина О.А., Видющенко С.И., Левичева Е.В. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИДА В ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ	13
Комиссарова Л.М., Милюкова А.Г., Янчевская К.А. ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ПРОЕКТАХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПАРКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРКА ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА Г. БАРНАУЛА)	18
Нажмутдинова Д.М., Мазанаев Ш.А. «НЕДРУЖЕСТВЕННОЕ» ВРЕМЯ В ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА «ДЕНЬГИ ДЛЯ МАРИИ»	23
Потребич Е.С. ЛИЧНОСТНЫЙ КОНТЕКСТ ПЬЕСЫ «ШАРМАНКА» А. ПЛАТОНОВА	28
Хабутдинова М.М. ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЭПОПЕИ НАКИ ИСАНБЕТА «ГАПДЕРИ»	36
Шкляев А.Г. КУЗЕБАЙ ГЕРД И ЕГО ПОЭТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ОБ УДМУРТСКОМ ЭТНОСЕ	42
Абиева Н.М., Каюда Е.Н. РАБОТА С ИМПЛИЦИТНЫМИ СМЫСЛАМИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	47
Бай Ужилига ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА	52
Картоева З.М. НАРОДНОСТЬ И ПАТРИОТИЗМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М-С.А. ПЛИЕВА	59
Лю Ци АНАЛИЗ ЭТАПА РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	63
Чжао Нань ОБРАЗЫ СВЕТСКИХ ДАМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ВОЙНА И МИР»)	66
Пэй Цзян О ПОЭТЕ-ПЕРЕВОДЧИКЕ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА ГУ ЮЙ	72
Акинина П.С. РАЗВИТИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА “GLAMOUR” В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	77

Ковалев П.А. РОЛЬ ЯДЕРНОЙ И ПЕРИФЕРИЙНОЙ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ	81
Кузьмина Е.К., Нуриева Г.Р. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ В АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ	86
Черкашина Е.Л. МЕТОДЫ СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «ВРЕМЯ СТРОИТЬ» АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ПРОФИЛЯ ДЛЯ ПРЕДМАГИСТРАНТОВ СРЕДНЕГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ	92
Шпар Т.В., Азнабаева А.Ф. ПРОЗВИЩНЫЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ COVID-19	100
Абдукадырова Т.Т., Алимханова М.Х., Упаева Х.А. СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ РЕЧИ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	107
Ван Биньюй Д.С. ЛИХАЧЕВ И ЛУ СИНЬ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	112
Грошев Д.В. ОТЛИЧИЯ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НА УРОВНЕ ПРОСОДИИ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	117
Довгер О.П., Алябьева А.А. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЕЧЕНИЕ» В АНГЛИЙСКОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	125
Маерова Л.В., Коробчак В.Н. СИСТЕМА ОБРАЗОВ РАССКАЗА К. МЭНСФИЛД «THE BLISS» КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «АВТОРСКОГО МИРОВИДЕНИЯ»	131
Хараева Л.Х., Гелястанова А.Л., Хамурзова А.Г. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ МЕДИЦИНСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА	135
Парамонов Д.В. ОБ ОТРАЖЕНИИ В ПЕРЕВОДЕ ИНФОРМАЦИИ СТИХОТВОРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	141
Пирмагомедова А.Р., Таджибова Р.Р. СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ЧЕРНОГО ЮМОРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	146
Семендяева Ю.Ю. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ANGER» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	151

Уразаев М.Д. МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС АДЪЕКТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ЛЕКСИКИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	155
Абдурахманова Д.З. МАНИПУЛЯТИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПОЛИТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЕННОМ КОНТЕКСТЕ	159
Алжеева М.М., Бамбушева И.М., Горяева Э.Э., Дорджиева О.Е. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАСТИЦ «吗», «呢», «吧» В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ	163
Дулалаева И.Ю. ПЕРЕФРАЗИРОВАНИЕ И ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОГО	167
Салимова Г.Н., Липаева Л.С. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИТУАЦИЙ НАРУШЕНИЯ ТАБУ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)	173
Аквазба Е.О., Дюпина Ю.В., Стебунова Е.И. ВОЗМОЖНОСТИ ТЕКСТОВОГО АНАЛИЗА КАК ИНСТРУМЕНТА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	178
Гребенщиков Ю.Ю., Захарова М.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЦИФРОВОЙ ОЛИМПИАДЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ «НОМО DICENS» ДЛЯ ПРОДВИЖЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ МОСКВЫ	183
Подгорбунская И.Г. ЭКСПЛИКАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА HAND В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	188
Стожок Е.В. СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЕРМИНА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)	193
Узенцова Е.А. К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ АББРЕВИАТУР В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ В.С. ВЫСОЦКОГО)	197
Рабаданова Л.Н. СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	203
Цебровская Т.А. АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕРОГАТИВНО МАРКИРОВАННЫХ ЭТНОНИМОВ-АКРОНИМОВ (ДМЭ-АКРОНИМОВ) СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	206
Гао Мэнлинь СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА НА ПРИМЕРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ЧЕРТ ЛИЦА СО СЛОВАРЕМ	211

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Некрасова М.А.**
ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ УРОВНЯ ЛОГИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 215
- Алёшкин А.Н., Попов А.С., Шолотонов М.А.,
Цеменовский М.А., Кашкова М.П.**
ОЦЕНКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ
НА ДИСТАНЦИОННЫХ И ОЧНЫХ ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРОЙ С ПОМОЩЬЮ ДНЕВНИКОВ САМОКОНТРОЛЯ 221
- Перницкий И.А.**
ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ОСНОВЕ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА 226
- Ли Юнцзюй, Чжан Лэлэ**
ПРЕПОДАВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «МЕНЕДЖМЕНТ ТУРИЗМА»
В ПРИКЛАДНЫХ ВУЗАХ В АСПЕКТЕ НАПРАВЛЕНИЯ
«ИННОВАЦИИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО» 231
- Пастушенко Е.Е., Пастушенко Е.Е., Умаров М.М.,
Балашова Е.Ю., Наумов М.В.**
ВОЗМОЖНЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО ТЕХНИКЕ
БЕЗОПАСНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ
НА ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ 236
- Божкова А.А., Реутова А.А., Стрельцова М.А.**
ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЛАВНОСТИ СВЯЗНЫХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ ДОШКОЛЬНИКОВ С ЗАИКАНИЕМ
И БЕЗ РЕЧЕВЫХ НАРУШЕНИЙ 240
- Журавлёва Ю.И., Ярошенко Е.В., Астахова М.В.**
АДАПТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ
АКТИВНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ 245
- Заманова М.А.**
СИНЕРГЕТИКА ОБРАЗОВАНИЯ «СИНЕПЕДАГОГИКА» 251
- Гаврюшкин А.Н., Кутимский А.М.**
О ПРИНЦИПАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ И НЕПРЕДВЗЯТОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЗАЦИИ СПОРТА 257
- Дроздов С.А.**
ОБУЧЕНИЕ БАКАЛАВРОВ ПРАКТИЧЕСКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В РИСУНКЕ
ПЕЙЗАЖА НА ВТОРОМ КУРСЕ ПЛЕНЭРНОЙ ПРАКТИКИ 261

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЦИТАТА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ Е.С. ГИНЗБУРГ «КРУТОЙ МАРШРУТ»

*Мирзоева С.А., аспирант, учитель,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
«Школа будущего», г. Калининград,
Дорофеева Л.Г., доктор филологических наук, профессор,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта*

Аннотация: в статье рассматриваются особенности цитирования поэтических текстов в романе Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут», анализируется функциональная роль цитаты в структуре текста. Исследуется роль цитаты в формировании речевого портрета повествователя, анализируются особенности оформления цитатного поля и их функциональная специфика. Устанавливается, что поэтические тексты очерчивают круг чтения заключенных, который способствует сохранению индивидуальности говорящего, составляющей противовес условиям бытовой унификации населения тюрем и лагерей. Поднимается проблема взаимосвязи цитатного текста в мемуаристике с темой памяти и мотивом узнавания. Последний выносится в сюжетную линию повествования, предопределяя в юмористических и иронических эпизодах, посвященных проблеме неузнанной цитаты, цитаты-шифра, грядущий культурный раскол общества, лишенного связи с образованной интеллигентной средой, преемственности культурных ценностей. Изучается поэтический аспект лирических включений в эпический нарратив о массовых репрессиях, позволяющий повествователю создавать широкий культурный контекст переживаемых событий: объединять в художественном целом историчность, фактографичность и литературность; смещать границы конкретного исторического времени, быта и отражать духовный маршрут героини. Как следствие, поэтические цитаты из русской классики становятся не просто фоновым обрамлением духовного мира главной героини, но способом преодоления исторического времени, что находит отражение как в сюжетной линии повествования, так и в структурной организации текста.

Ключевые слова: «чужое слово», цитата, лагерная проза, мемуары, документальная проза, Е.С. Гинзбург, «Крутой маршрут»

...стихи объединяют всех. Сидя в Ярославке, я часто думала, будто это только я искала и находила в поэзии выход из замкнувшегося круга моей жизни. <...> А это оказалось высокомерным заблуждением...

Е.С. Гинзбург

Феномен «чужого слова» в литературном произведении стал объектом внимания исследователей XX века [1, 8, 10], хотя ученые отмечали, что в качестве приема текстопорождения он наблюдался в более ранних текстах (памятниках письменности), и был особенно распространен в канонических текстах различных религий и культур [4, 5, 18].

Функционально-семантическая роль цитаты в художественном произведении является предметом активного изучения в филологической науке последних десятилетий. Наибольший объем исследований приходится на изучение роли цитаты в художественных текстах различных эпох [9, 14, 15, 16]. При этом дискурсивные практики цитаты в периферийных литературных жанрах изучены значительно меньше, несмотря на то, что функциональный объем цитатного поля в жанрах, граничащих с историческими документами, предположительно шире. Мемуарная проза – жанр, находящийся на границе художественного слова и исторического документа (то есть она является одновременно историческим фактом и литературным [19, с. 255-270]), потому она становится од-

новременно эстетическим и историческим объектом. Расширение функциональной прагматики цитатного поля становится логичным следствием специфики жанра.

В строго литературном тексте цитатное поле может осмысляться в качестве диалога сознаний через призму множества «забытых смыслов» [2, с. 373] или явления языка в его креативной функции, обеспечивающей способность языка не только передавать готовые сообщения, но и создавать новые тексты, непредсказуемые автоматическими алгоритмами [12, с. 15-20]. Цитата может актуализировать способности текста частично или полностью формировать свой смысл посредством отсылки к другим текстам [17, с. 12]. Она может восприниматься в качестве механизма метаязыковой рефлексии, позволяющего автору определить способ образования собственного текста, а читателю – углубить понимание за счет установления многомерных связей с другими текстами [20] и т.д. Появление цитаты в художественной литературе – это всегда приращение смысла [6, с. 152-165].

В мемуарной прозе цитата отсылает к свидетельствам современников, документальным и га-

зетным текстам, фиксируя общественные умонастроения, исторический контекст, вводя в произведение не только художественное, но и историческое время. Цитатное поле в мемуарной прозе (помимо названных художественных функций) подчеркивает документальность дискурса, расширяет границы пространства и времени, позволяет выдерживать необходимую дистанцию с событийным рядом, вводит в текст дополнительные голоса и точки зрения, подчеркивая установку на объективность изложения, преобразовать повествование личным восприятием контекста, раскрывать образ рассказчика через его круг чтения.

Изучая особенности книги Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут: хроника времен культуры личности», современные исследователи относят ее к жанру «автобиографического романа» [7, с. 57], «примеру мемуарной “лагерной” прозы» [3, с. 60], повествующей о заключениях и злключениях автора в период «большого террора». Ученые уже обращали внимание на некоторые особенности цитатного дискурса этого текста, при этом «чужое слово» рассматривалось в контексте аллюзивного ряда, родственного роману М. Булгакова Мастер и Маргарита» [7, с. 57-64]. В рамках данной статьи хотелось бы обратить внимание, что цитатное поле в романе «Крутой маршрут» выходит за рамки образно-тематического родства с булгаковским текстом. Наиболее часто автор-повествователь прибегает к цитированию поэтических текстов – стихотворений и поэм XIX-XX вв.

Цитатность как таковая для Е. Гинзбург становится одним из стержневых элементов повествования. «Чужое слово» обнаруживается на разных структурно-повествовательных уровнях – в диалогах, монологах, рамочном тексте и т.д. Например, цитируемый текст может использоваться в названии глав: «Каторга! Какая благодать!» (Б. Пастернак) (157), «На будущий – в Ерусалиме!» (И.Сельвинский и самоцитирование стихотворения, написанного по мотивам лирики И. Сельвинского) (203), «Вам сегодня не везло, дорогая мадам Смерть» (И. Сельвинский) (326), «И барский гнев, и барская любовь» (А.С. Грибоедов) (630) и др. Композиционная рамка, согласно утверждению Ю.М. Лотмана, имеет свойство переводить внимание аудитории «с сообщения на код» [13, с. 71]. Цитаты в заголовках почти всегда точные, прямые, оформленные кавычками. Исключение составляет цитата из поэмы «Горе от ума» А. Грибоедова («И барский гнев, и барская любовь» (630)), что, вероятно, связано с широким распространением, употреблением цитаты, восприятием ее как части русской фразеологии, а не авторским текстом. Данная фраза уже не требует текстовых маркеров и помет для ее узнавания. В остальных

случаях все цитаты поэтических текстов оформлены согласно правилам русского языка и этики цитирования. Корректное оформление цитатного поля выполняет одновременно этическую функцию (помечен текст, не являющийся интеллектуальной собственностью автора), и эстетическую (сигналы указывают на необходимость распознавания читателем «чужого слова», важность обращения к первоисточнику для наиболее полного понимания содержания главы).

Использование оформленных цитат в заголовках позволяет автору-повествователю связать оригинальный текст с литературным контекстом, обрамляя первый нужными смыслами и коннотациями. Кроме того, наличие цитат в рамочном тексте обращает внимание на их роль как структурно-композиционного элемента.

Особую значимость приобретает точное цитирование главной героиней (и повествователем) поэтических текстов наизусть, по памяти. Цитируемые тексты обычно хрестоматийны, среди авторов поэты XIX-XX вв.: А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, Ф.И. Тютчев, В. Инбер, А. Блок, О. Мандельштам, Б. Пастернак, С. Черный и т.д. Во многих случаях присутствует прямая отсылка к автору и названию текста, то есть – ссылка на источник цитаты. Это (с одной стороны) подчеркивает одну из функций цитаты – необходимость ее узнавания аудиторией. С другой стороны, отмеченный прием демонстрирует особенность речевого поведения рассказчика – преподавателя и научного сотрудника, привычного к корректному оформлению цитатного поля. Следовательно, цитатный текст и его корректное оформление формируют речевой портрет повествователя, очерчивают его круг чтения.

Другой речевой особенностью повествователя становится органичное соединение лирического текста с эпическим повествованием о массовых репрессиях 1937-38 гг. Е. Гинзбург подчеркивает эту массовость не только чередой портретов и судеб женщин и мужчин из самых разных слоев общества, но и спецификой повествовательного слова, воедино сплетающего литературные роды и жанры в оригинальном нарративе о пережитом времени.

Функции цитаты в «Крутом маршруте» разнообразны и находятся во взаимосвязи с сюжетными ситуациями, в которых они используются. Так, например, узнаваемый песенный мотив может использоваться как шифр для передачи сообщений:

«Вернувшись в камеру, мы спели на мотив популярной студенческой песенки:

*Саша, Саша, над твоим окошком
Папироска белая висит.
Ты ее достать попробуй ложкой,*

А то всем нам здорово влетит.

Раздавшийся в ответ раскатистый баритон звучал отлично:

*Да, да, я слышал,
Ах, все теперь я понял,
Ее достать решился
Сегодня ж вечером...» (107)*

Указание на использование мотива студенческой песенки в качестве шифра позволяют рассказчику добиться эффекта иронии в повествовании о человеческой трагедии. Однако кроме этого эффекта можно заметить еще один, а именно – усугубление разделения общества на «своих» и «чужих». Если в первых главах романа эта граница еще проницаема (аресту повествователя способствуют друзья и коллеги, с которыми Е.С. Гинзбург говорит «на одном языке»), то к финалу между заключенными и надзирателями образуется коммуникативная пропасть – последние не просто не знают иностранных языков и не распознают речевой «шифра», но даже пишут с ошибками: «А помнишь, ты рассказывала, что все объявления, которые он вывешивает, пестрят ошибками...» (777). Так, неузнанная цитата в начале романа становится символом грядущего общественного раскола, отсутствия общей памяти, общего языка у одного народа.

Довольно часто воспроизведение чужого текста становится поводом для собственного высказывания, сочинительства, подражания: «Что же тогда? Стихи... Только они... Свои и чужие...И вот я кручусь взад и вперед на расстоянии своих пяти шагов и сочиняю» (177). Воспроизведение и сочинение образуют единое целое, как чтение и письмо. Стихи читаются в карцере и одиночке. Там они превращаются в способ выживания, сохранения душевного здоровья в периоды долгого одиночества, губительного для человеческой психики. Чтение наизусть не просто тренирует память, но и позволяет создать ощущение диалога с писателем, его творчеством, а полнота диалога достигается путем создания собственных подражательных текстов, в которых использованы родственные речевые коды и символы:

*«Я совсем заболела от волнения и разрядку
нашла, опять-таки только заняв себя стихами.
<...>*

*...Злодеи прошлого, потупя взоры вниз,
Тебя поют в почтительном дисканте.
Сам Тьер перед тобою гуманист,
А Галифе — мечтатель и романтик.
Но вот теперь смотри: твои дела
Тебя погубят мощной волей рока!
Ты видишь, гад? Тарпейская скала*

От Капитолия совсем не так далеко!» (Е.С. Гинзбург) (232)

Стихотворения часто читаются наизусть в диалогах с сокамерницами:

*«Юлька, стихи такие есть... Саши Черного...
Жить на вершине голой,
Писать стихи и сонеты
И брать от людей из дола
Хлеб, вино и котлеты...» (242)*

Здесь отражена функция стихотворного текста как звучащей речи, которая должна быть не просто пережитой и воспринятой исполнителем, но быть услышана Другим. В этом случае цитата становится органичной частью реплики, обладающей не только коммуникативной, но и эстетической, поэтической функцией (по Р. Якобсону [21, с. 193-230]), что также формирует особенности речевого портрета героини.

Как правило, тексты цитируются по памяти. Чтение стихов по памяти становится отражением идеи сохранения культурного наследия даже в тех обстоятельствах, когда культурные устои и обстановка рушатся или кажутся неуместными. Именно способность помнить и воспроизводить лучшие образцы художественного слова позволяет Е.С. Гинзбург (в качестве рассказчика и героини) сохранить личностные особенности в обстоятельствах, которые «стирают» все личное и индивидуальное в человеке. В более узком и прагматичном смысле, речевая особенность героини и повествователя позволяет ей сохранить профпригодность для жизни после заключения в должности «преподавателя русского языка и литературы в школе взрослых» (774).

Поэтические, лирические тексты составляют основу цитатного поля Е.С. Гинзбург, что отчасти может быть объяснено их формализованной структурой, облегчающей запоминание и воспроизведение. Кроме того, они обладают широтой функционального ряда. В поэтике Е.С. Гинзбург функции лирической цитаты расширяются. Это не просто уместные тематические примеры, помогающие ей выразить чувства от новых впечатлений и происходящего. Функционально они позволяют ей обращаться к собственной памяти и опыту писателей, сохранять речевые привычки, ориентироваться на диалогическое мышление, создавая образ Другого и как бы выходить за пределы пространства тюремной реальности, его одиночек, карцеров, бараков. «Чужое слово» становится способом пережить испытания: «На после обеда у меня намечен Пушкин. Я мысленно читаю себе лекцию о нем. Потом читаю наизусть все, что помню. Оказывается, память, освобожденная от внешних впечатлений, вдруг раскрылась, как куколка в бабочку. Чудеса! Даже «Домик в Коломне», выходит, знаю, весь наизусть. <... >Самое страшное наступало именно после ужина. Тишина сгуща-

лась, приобретала какую-то осязаемую душную силу. <...>Хоть бы один звук... Но когда звук раздавался, становилось еще хуже. <...>Стихи... Они одни...» (177-178); «Только бы не сойти с ума. Все что угодно, только не это. “Не дай мне Бог сойти с ума. Нет, лучше посох и сума...” А ведь первый признак надвигающегося безумия – это, наверно, именно желание вот так завить на одной ноте. Это надо преодолеть. Работой мозга. Когда мозг занят делом, он сохраняет равновесие. И я снова читаю наизусть и сочиняю сама стихи. Потом повторяю их много раз, чтобы не забыть. И главным образом, чтобы не слышать, не слышать этого крика» (200). Представленные примеры демонстрируют, что чтение наизусть позволяет героине выходить за рамки реального пространства или пренебрегать ими, не дает сойти с ума, и хоть на какое-то время перестать слышать крики итальянской коммунистки, бежавшей от режима Муссолини и попавшей в бутырские застенки.

Историческая реальность становится страшнее любых поэтических метафор, которые довольно быстро опредмечиваются, утрачивают значения фигуры речи: «Я инстинктивно чувствовала: пока меня волнует и этот ветер, и эти пламенные звезды, и стихи, – до тех пор я жива, как бы ни тряслись ноги, как бы ни гнулся позвоночник под тяжестью носилок с раскаленными камнями. Именно в том, чтобы сохранить в душе все эти последние сокровища, и заключалось теперь сопротивление наступающему на нас страшному миру» (310-311). Этим размышлениям предшествует цитата стихотворения А. Блока «Пляски смерти» из цикла «Страшный мир». Постепенно раскрывая тему изменений, происходящих с человеком в заключении, способности выстоять или сломаться, Л. Гинзбург выводит поэтическую метафору «страшного мира» в реальную историческую плоскость, уже без цитат и кавычек. Так, на базе читательского и поэтического опыта образуется уникальное восприятие действительности, в которой цитата и художественный образ подчас становятся единственным средством духовного и физического выживания.

Лирические цитаты довольно часто становятся средствами актуализации внутренних диалогов, коммуникативно родственными молитвенным текстам [11, с. 464-482]. Для переживания испытаний героиня обращается к своим внутренним резервам, к памяти, к опыту великих людей. При цитировании стихотворного текста сохраняется его формализованная структура, (предполагаемое) частое повторение, заучивание наизусть, создание собственных текстов «по образцу» (подражания), использование в тех жизненных ситуациях, когда необходим собеседник, превосходящий обраща-

ющего опытом, знанием, силой духа. В первой части романа поэтические цитаты функционально и семантически тождественны молитвенным текстам, которые героиня узнает и выучит в лагерях. Следовательно, речевая особенность, описанная ранее как восприимчивость к «чужому слову» и «забытым смыслам», становится фундаментом для культурного и духовного развития героини.

Таким образом, можно говорить, что цитата в романе Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут» становится значимым элементом, охватывающим всю ткань повествования от рамочного текста, образующего его композиционные своды, до сюжетных, лексических и образных компонентов художественного целого.

В романе обыгрываются все грани коммуникативного потенциала «чужого слова». Здесь присутствуют отсылки к реальному историческому времени, фиксируются речевые характеристики и широта круга чтения главной героини и ее окружения, способы взаимодействия главной героини с различными культурными парадигмами и т.д. Поэтические формы используются в качестве шифра, способа установления контакта, выявления «своих» и «чужих». Цитатное поле актуализирует тему памяти (народной и литературной), показывая, как она может объединять и разобщать людей. Способность уместно цитировать чужие тексты становится основой речевого портрета повествователя и его личным способом выжить, преодолеть все трудности, сохранив в себе человеческие качества. Обилие именно поэтических цитат в романе «Крутой маршрут» позволяет рассказчику органично смещать акценты с документального нарратива, представленного в тексте отсылками к документам, персоналиям, конкретной топике, на личные переживания и эмоциональное состояние, на роль поэтического текста в лагерном быте, на литературность повествовательного дискурса.

Использование цитат из художественной литературы вводит в произведение тему диалога с литературной классикой, образует определенный литературный контекст роману «Крутой маршрут», подчеркивая его органичность русской литературе.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. Ван Л. Нарратологические особенности книги воспоминаний «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2017. № 1 (42). С. 60 – 63.

4. Денисова И.В. Библейские цитаты в рязанском летописном тексте // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2020. № 1 (66). С. 88 – 94.

5. Запольская Н.Н. Библейские цитаты в текстах конфессиональной культуры: семантика, функции, адаптация // Славянский альманах. 2003. № 2002. С. 482 – 492.

6. Золян С.Т. О семантике поэтической цитаты // Проблемы структурной лингвистики. 1985-1987. М.: Наука, 1989. С. 152 – 165.

7. Капрусова М.Н. Булгаковские аллюзии в книге Е. Гинзбург «Крутой маршрут» // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX-XXI веков (Вып. 7). М., 2019. С. 57 – 64.

8. Козицкая Е.А. Цитата, «чужое» слово, интертекст: материалы к библиографии // Литературный текст: проблемы и методы исследования. «Свое» и «чужое» слово в художественном тексте: Сб. науч. трудов. Вып. 5. Тверь: Изд-во ТвГУ, 1999. 550 с.

9. Кравцова А.А. ИмPLICITная цитата в стихотворении А. Ахматовой: к проблеме пушкинского текста // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 3 (88). С. 61 – 64.

10. Кристева Ю.В. Слово, диалог, роман. М.: Высшая школа, 1993. 400 с.

11. Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 464 – 482.

12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

13. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: «Искусство-СПб», 2000. 704 с.

14. Марьяина О.В. Трансформация цитат в русском постмодернистском тексте (к постановке проблемы) // Филология и человек. 2007. № 2. С. 046 – 053. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-tsitat-v-russkom-postmodernistskom-tekste-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 03.07.2021)

15. Марьяина О.В. Цитаты как показатель межтекстовой интеграции (на материале художественных текстов 1980-х 2000-х гг.) // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 5. С. 48 – 50.

16. Преображенский С.Ю. Проблема межтекстовых связей в лингвистическом толковании художественных текстов: аллюзия и цитация // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 4. С. 788 – 793.

17. Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб.: СПбГУ, 1995: СПбГУ. 193 с.

18. Трофимова Н.В. Функционирование библейских цитат в воинских повестях, вошедших в летописи XIV-XV вв. // Вестник славянских культур. 2018. № 2. С. 137 – 150.

19. Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255 – 270.

20. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007. 280 с.

21. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193 – 230.

Reference

1. Bahtin M.M. Voprosy literatury i jestetiki. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1975. 502 s.

2. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.

3. Van L. Narratologicheskie osobennosti knigi vospominanij «Krutoj marshrut» Evgenii Ginzburg. Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2017. № 1 (42). S. 60 – 63.

4. Denisova I.V. Biblejskie citaty v rjazanskom letopisnom tekste. Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. 2020. № 1 (66). S. 88 – 94.

5. Zapol'skaja N.N. Biblejskie citaty v tekstah konfessional'noj kul'tury: semantika, funkicii, adaptacija. Slavjanskij al'manah. 2003. № 2002. S. 482 – 492.

6. Zoljan S.T. O semantike pojeticheskoy citaty. Problemy strukturnoj lingvistiki. 1985-1987. M.: Nauka, 1989. S. 152 – 165.

7. Kaprusova M.N. Bulgakovskie alljuzii v knige E. Ginzburg «Krutoj marshrut». Mihail Bulgakov v potoke rossijskoj istorii XX-XXI vekov (Vyp. 7). M., 2019. S. 57 – 64.

8. Kozickaja E.A. Citata, «chuzhoe» slovo, intertekst: materialy k bibliografii. Literaturnyj tekst: problemy i metody issledovanija. «Svoe» i «chuzhoe» slovo v hudozhestvennom tekste: Sb. nauch. trudov. Vyp. 5. Tver': Izd-vo TvGU, 1999. 550 s.

9. Kravcova A.A. Implicitnaja citata v stihotvoreanii A. Ahmatovoj: k probleme pushkinskogo teksta. Uchenye zapiski OGU. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2020. № 3 (88). S. 61 – 64.

10. Kristeva Ju.V. Slovo, dialog, roman. M.: Vysshaja shkola, 1993. 400 s.

11. Levin Ju.I. Lirika s kommunikativnoj tochki zrenija. Levin Ju.I. Izbrannye trudy: Pojetika. Semiotika. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. S. 464 – 482.

12. Lotman Ju.M. Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija. M.: «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. 464 s.

13. Lotman Ju.M. Semiosfera. SPb: «Iskusstvo-SPB», 2000. 704 s.

14. Mar'ina O.V. Transformacija citat v ruskom postmodernistskom tekste (k postanovke problemy). *Filologija i chelovek*. 2007. № 2. S. 046 – 053. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-tsitat-v-ruskom-postmodernistskom-tekste-k-postanovke-problemy> (data obrashhenija: 03.07.2021)

15. Mar'ina O.V. Citaty kak pokazatel' mezhtekstovoj integracii (na materiale hudozhestvennyh tekstov 1980-h 2000-h gg.). *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2010. № 5. S. 48 – 50.

16. Preobrazhenskij S.Ju. Problema mezhtekstovyh svjazej v lingvisticheskom tolkovanii hudozhestvennyh tekstov: alljuzija i citacija. *Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*. 2017. № 4. S. 788 – 793.

17. Smirnov I.P. Porozhdenie interteksta. *Jelementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorcestva B.L. Pasternaka*. SPb.: SPbGU, 1995: SPbGU. 193 s.

18. Trofimova N.V. Funkcionirovanie biblejskih citat v voinskih povestjah, voshedshih v leto-pisi XIV-XV vv. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 2018. № 2. S. 137 – 150.

19. Tynjanov Ju.N. Literaturnyj fakt. *Tynjanov Ju.N. Pojetika. Istorija literatury*. Kino. M., 1977. S. 255 – 270.

20. Fateeva N.A. *Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti*. M.: KomKniga, 2007. 280 s.

21. Jakobson R.O. *Lingvistika i pojetika. Strukturalizm: «za» i «protiv»*. M.: Progress, 1975. S. 193 – 230.

A POETIC QUOTE IN THE AUTOBIOGRAPHICAL NOVEL BY E.S. GINZBURG "THE STEEP ROUTE"

*Mirzoeva S.A., Postgraduate, Teacher,
Kant Baltic Federal University,
"School of the Future", Kaliningrad,
Dorofeeva L.G., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Kant Baltic Federal University*

Abstract: the article examines the features of quoting poetic texts in the novel by E. S. Ginzburg "Steep Route", analyzes the functional role of the quotation in the structure of the text. The role of the quotation in the formation of the narrator's speech portrait is investigated, the features of the design of the quotation field and their functional specificity are analyzed. It is established that poetic texts outline the reading circle of prisoners, which contributes to the preservation of the speaker's individuality, which is a counterbalance to the conditions of everyday unification of the population of prisons and camps. The problem of the relationship of the quoted text in memoiristics with the theme of memory and the motive of recognition is raised. The latter is brought into the storyline of the narrative, predetermining in humorous and ironic episodes devoted to the problem of an unrecognized quote, a cipher quote, the coming cultural split of a society devoid of connection with an educated intelligent environment, the continuity of cultural values. The poetic aspect of lyrical inclusions into the epic narrative of mass repressions is studied, which allows the narrator to create a wide cultural context of the events experienced: to combine historicity, factography and literature in the artistic whole; to shift the boundaries of a specific historical time, everyday life and reflect the spiritual route of the heroine. As a result, poetic quotations from Russian classics become not just a background frame of the spiritual world of the main character, but a way to overcome historical time, which is reflected both in the storyline of the narrative and in the structural organization of the text.

Keywords: "someone else's word", quote, camp prose, memoirs, documentary prose, E.S. Ginzburg, "Steep route"

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИДА В ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ

*Алексютина О.А., кандидат педагогических наук, доцент,
Видющенко С.И., кандидат филологических наук, доцент,
Левичева Е.В., кандидат филологических наук, доцент,
Брянский государственный университет*

Аннотация: в работе представлены результаты изучения функционирования лидов на примере журналистских материалов, опубликованных на страницах еженедельника «Аргументы и факты».

С теоретической точки зрения была предпринята попытка рассмотреть специфику функционирования лида как одного из главных элементов журналистского текста. С практической стороны исследование способствует пониманию того, чтобы исследователи, журналисты, студенты лучше представляли, какой вид лида нужно предпочитать при написании материалов в том или ином газетном жанре. Исследование базируется на изучении картотеки лидов методом прямой выборки. Объект исследования – лиды из еженедельника «Аргументы и факты», предмет – функциональные возможности лидов в материалах разных журналистских жанров.

В статье рассматриваются определения лида, которые предложили разные исследователи, даётся наше определение лида, излагаются основные классификации лидов К. Уоррена М. И. Шостак, А. В. Колесниченко.

Анализ материалов показал, что в еженедельнике чаще встречаются затяжные лиды. Исследование позволило сделать вывод о том, что функционирование лидов связано с определёнными журналистскими жанрами. Модифицированные, обобщающие, анекдотические виды лидов преобладают в группе информационных жанров; цитатные употребляются в аналитических группах жанров; эссеистский лид используется в художественно-публицистической группе жанров; сценические лиды используются как в аналитических, так и в художественно-публицистических группах жанров; повествовательные, ситуативные, вопросительные разновидности лидов функционируют как в информационных, так и в аналитических группах жанров.

Ключевые слова: лид, журналистика, классификация лидов, функционирование лидов, связь лида и жанра, соотношение видов лидов и жанров в еженедельнике «Аргументы и факты»

Целью исследования было рассмотрение функциональных возможностей современных видов лидов с точки зрения их использования в журналистских жанрах. Это представляется нам важным по ряду причин: с теоретической точки зрения мы уточняем описание и специфику функционирования лида как одного из главных элементов журналистского текста, с практической стороны наше исследование способствует тому, чтобы исследователи, журналисты, студенты понимали, какому виду лида отдавать предпочтение в том или ином журналистском жанре.

Объектом нашего наблюдения стала картотека из 85 лидов, взятых из еженедельника "Аргументы и факты" №10 (2105) с 24 по 30 марта 2021 г. [12] и №12 (2105) с 9 по 15 марта 2022 [13] г., предметом – основные характеристики лида, его функциональные возможности в материалах разных журналистских жанров. Этот общественно-политический еженедельник был выбран для исследования по ряду причин. Во-первых, на протяжении уже многих десятилетий он является одним из самых популярных в России – уверенно входит в десятку СМИ, пользующихся читательским интересом [3]. Во-вторых, на страницах этого издания представлен разнообразный спектр журналистских жанров: анализ показал, что отсутствуют только такие разновидности художественно-публицистических жанров, как фельетон, памфлет,

пародия, сатирический комментарий, житейская история, легенда, эпитафия, эпиграф, эпиграмма, анекдот, шутка. Хотим заметить, что особенности идиостиля журналистов мы не рассматривали потому, что в «АИФ» не можем выделить каких-либо журналистов ни с точки зрения частотности их материалов, ни из-за каких-либо выдающихся стилистических черт.

Английское слово "лид" означает "введение, вводка". Исследователи И.И. Саченко, Т.Н. Дасаева, Е.Ф. Конев [8] говорят, что этот термин стал использоваться в отечественных СМИ не так давно, для американских журналистов лид является самой ответственной частью работы.

Исследователь А. Мирошниченко определяет лид как вводку, зачин [7] журналистского произведения.

Лид служит логическим продолжением заголовка, включает в себе главную информацию о событии, не рассказывая о второстепенных фактах.

Исследователь Г.В. Лазутина подчёркивает связь лида с темой и идеей произведения [5].

М.И. Шостак подчёркивает важнейшую функциональную характеристику лида, считая его ударной фразой сообщения [10]. По её мнению, привлекательность лида влияет на то, будет ли прочитан материал. Исследователь подчёркивает,

что именно лид "устанавливает тон повествования" [11].

Схожее мнение высказывает А.В. Колесниченко, считая, что задача лида – в привлечении внимания читателя к журналистскому материалу [4]. Исследователь говорит, что такие важные свойства, как информативность и динамичность, влияют на главные функции лида, потому что привлекают внимание к событию и настраивают читателя на дальнейшее чтение газетного материала.

Обобщая все вышеизложенное, мы можем предложить собственное определение лида: это один из основных элементов заголовочного комплекса и начальная часть текста, которая привлекательна для читателя информативностью и динамичностью.

Существует много классификаций лидов, предложенных К. Уорреном, А.В. Колесниченко, М.И. Шостак и др. Среди типов лидов встречаются похожие по характеристикам, но имеющие разные названия.

Одним из первых классификацию лидов представил К. Уоррен [2], описав следующие типы: 1) суммарное начало, 2) ударное начало, 3) живописное начало, 4) контрастное начало, 5) начало с вопроса, 6) бекграунд начало, 7) начало с цитаты, 8) курьезное начало.

М.И. Шостак в работах "Журналистика новостей" и "Репортер: профессионализм и этика" [10; 11] для «жесткой» подачи новостей предложила следующую классификацию: 1) "суммарный" лид; 2) "лид одного элемента"; 3) "комбинированный" лид; 4) "лид-контраст"; 5) "цитатный" лид; 6) "лид-последствия"; 7) "лид-прогноз".

Для "мягкой" подачи информации, по мнению М.И. Шостак, типичны такие виды, как: 1) "лид-временное умолчание"; 2) "лид-говорящие подробности"; 3) "сценический" лид; 4) лид-"стаккато"; 5) лид-"репортаж" даёт динамичное описание события; 6) лид-"встряска"; 7) лид-"восклицание"; 8) лид-"обращение".

А.В. Колесниченко предложил следующую классификацию лидов, на которую мы опирались в нашем исследовании [4, с. 99-104]:

- 1) прямые: а) обобщающие, б) модифицированные, в) оберточные, г) расколотые;
- 2) затяжные: а) сценические, б) повествовательные, в) анекдотические, г) ситуативные;
- 3) вопросительные;
- 4) цитатные;
- 5) эссеистские.

При анализе печатных материалов мы пользовались классификацией жанров, предложенной исследователем А.А. Тертычным [9].

Из 85 лидов к прямым мы отнесли 17, что подтверждает мнение А.В. Колесниченко о том, что в

еженедельниках чаще встречаются затяжные лиды (их оказалось 48), это объясняется спецификой подобных изданий, которые внимательно читают. Цитатных лидов было 10, вопросительных – 9, эссеистских – 1.

При анализе прямых лидов мы выделили:

- модифицированные виды (9 материалов из 23): Мэр Собянин осмотрел ледовый дворец «Арктика», построенный в Ново-Переделкине за счёт инвестора [13],

- обобщающие виды (8 материалов из 23): Прокуратура через суд «выбила» инвалиду лекарство за пять миллионов рублей [12, с. 2].

Примечательно, что эти разновидности ввода в текст были присущи жанрам заметки, информационной корреспонденции, в материалах с такими лидами просто сообщалась новостная информация.

Расколотый и оберточный виды прямых лидов в анализируемом материале не встретились. Предполагаем, это объясняется тем, что еженедельник сообщает актуальную новостную информацию при помощи ответов на вопросы Что? Где? Когда? Кто? Почему? Каким образом? или рассматривает каждое информационное событие подробно, не сообщая о нескольких событиях сразу в одном материале.

Самыми распространёнными в картотеке были затяжные лиды. Чаще всего использовались повествовательные разновидности лидов (21 материал из 48), которые функционировали в жанрах:

- аналитических статей (4 материалов из 21): Мэр Собянин утвердил на прошлой неделе ещё 10 стартовых площадок в 8 административных округах под дома для реновации, из 38 пятиэтажек переедут 7 тыс. человек [13, с. 10],

- проблемных статей (5 материалов из 21): Как будет развиваться столичная система образования в 2022 г., стало известно из программы, утверждённой на прошлой неделе мэром Собяниным [13, с. 12],

- интервью (5 материалов из 21): В прошлом году, пока весь мир сидел на карантине, 25-летний спортсмен из Брянска много работал и устанавливал один рекорд за другим. Но довольствовался этими победами недолго – решил в очередной раз превзойти самого себя и оставить далеко позади возможных конкурентов [12, с. 2],

- информационная корреспонденция (2 материала из 21): В ветеринарной клинике ФГБУ «Брянская ВМЛ» появилось новое направление деятельности – рентгенодиагностика. Теперь домашние животные Брянска смогут получать ещё более качественную ветеринарную помощь [12, с. 3].

Реже использовались (по 1 материалу из 21) лиды, описывающие такие жанры, как:

- мнение: Президент подписал закон, позволяющий взыскивать через суд деньги чиновников с банковских счетов, если сумма поступления превышает их доход за три года, а законность получения средств не подтверждена [12, с. 6],

- рецензия: Сериал «Елизавета», идущий на канале «Россия», открыл очередную главу цикла «История любви, история России [12, с. 42],

- анонс: Телеканал ТНТ покажет сериал «Исправление и наказание» с Анной Михалковой в главной роли [12, с. 25],

- обозрение: Обозреватель «АИФ» в Ереване попросил простых людей рассказать о своей жизни – с тех пор, как не стало Советского Союза. Некоторые даже плакали [13, с. 15].

Сценические лиды (16 материалов из 48) функционировали в следующих жанрах:

- проблемная и аналитическая статья (10 материалов из 16): Прошло больше года с начала пандемии. Создано несколько вакцин. Появились и надежды, и новые опасения [13, с. 5], Повышение пенсионного возраста в РФ не стало панацеей. Соотношение пенсий и зарплат продолжает снижаться [13, с. 4],

- интервью (3 материала из 16): На прошлой неделе посол России в США был приглашён в Москву для консультаций, Владимир Путин предложил Джо Байдену поговорить в прямом эфире, от чего тот отклонился [13, с. 3],

- очерк (3 материала из 16): Огромные, напоминающие динозавров рыбины плавают в проруби. В каждой веса – килограммов 200, а то и тяжелее. В осетровых хозяйствах на службе крепкие мужики, чтобы в случае чего смогли вытащить тушу на своём горбу да заодно и увернуться от ударов мощного хвоста – если врежет, метров на двадцать улетишь [12, с. 28],

- заметка (1 материал из 16): На выходных президент вместе с Сергеем Шойгу побывал в Туве. Они катались на вездеходе и гуляли по таёжному лесу [13, с. 2],

- письмо (1 материал из 16): Глава управления труда и занятости Орловской обл. Александр Сотников констатировал: в области безработица, при этом вакансии с зарплатой в 15-18 тыс. так и остаются невостребованными [13, с. 4].

Ситуативные лиды (7 материалов из 48) функционируют в таких жанрах, как:

- проблемная статья (2 из 6): 3 и 7 марта состоялись очередные раунды переговоров между представителями России и Украины [12, с. 2],

- отчёт (2 из 6): По итогам 2020 года розничный кредитный портфель ВТБ в Брянской области вырос на 10% с начала года и составил 10,8 млрд рублей. Портфель привлечённых средств физлиц

на 1 января достиг 12,8 млрд рублей, прирост за 12 месяцев – 15%,

- совет (1 материал из 6): Эксперт «АИФ» рассказывает, как сохранить взаимопонимание в семье, когда вокруг слишком тревожно и неопределённо [12, с. 43],

- заметка (2 материала из 6): 22 марта на совещании по вакцинации Владимир Путин сообщил, что тоже сделает прививку [12, с. 2].

Редко использовался анекдотический лид (1 материал из 48), который был представлен в жанре блиц-опроса: Побьёт ли Терминатор иноагентов и что пить после прививки? [13, с. 2].

Цитатные лиды (10 материалов из 85) функционировали:

- часто в жанре интервью разных видов (8 из 10 материалов): «Не считаю себя песенником, я не конкурент ни Пахмутовой, ни Шаинскому», – признался в интервью «АИФ» белорусский композитор Эдуард Ханок, написавший «Малиновку», «Зиму» («У леса на опушке»), «То ли ещё будет» и другие хиты [13, с. 18].

- реже – в проблемных статьях (2 материала из 10): «Такая пустота внутри» – первая реакция Ирины Громовой на то, что паралимпиада в Пекине пройдёт без русских, без белорусов. Людям, чьи возможности сама жизнь ограничила, включили санкционные ограничения [12, с. 46].

Преобладание цитатных лидов в интервью объясняется тем, что с помощью прямой цитаты легко привлечь внимание читателя к личности интервьюируемого. В проблемных статьях с указанным типом лида акцент делается на проблеме, а не на личности.

Частотность использования вопросительных лидов (9 материалов из 85) связана чаще всего со следующими жанрами:

- аналитического интервью (3 материала из 9): Справится ли отечественная медицина в условиях новых ограничений? [12, с. 35],

- проблемного интервью (3 материала из 9): Заменят ли таблетки операции на сердце? Нужно ли направление для госпитализации в Бакулевку? И трудно ли женщине руководить хирургами? [13, с. 13],

- в проблемных статьях (3 материала из 9): Европа, Япония, Канада и США ввели санкции против российских авиакомпаний – запретили летать, поставлять свои самолёты и запчасти. На чём теперь будем летать? [12, с. 16],

Единичны материалы, написанные в жанрах:

- хроникального сообщения (1 материал): Когда этот номер «АИФ» готовился к печати, спецоперация ВС РФ на Украине продолжалась уже почти 2 недели. Каковы её результаты? [12, с. 2],

- информационной корреспонденции (1 материал): Появилась информация, что наши студенты, обучающиеся в Европе и США, рискуют быть отчисленными только за то, что они – граждане России. А какие институты выбирают наши молодые люди? И кто приезжает на учёбу в Россию? [12, с. 33],

- заметки (1 материал): Как воспользоваться электронным сертификатом для покупки технических средств реабилитации? [12, с. 18].

Эссеистский тип лида нам встретился только однажды – в очерке: В нынешней сложной международной обстановке, когда каждый день приносит новости об очередном закрытии границ, портов и воздушного пространства для русских, услышать голоса поддержки особенно ценно [12, с. 20].

Проведённый анализ позволил сделать вывод о том, что функционирование журналистских лидов связано с определёнными журналистскими жанрами. Мы выяснили, что:

- модифицированные, обобщающие, анекдотические виды лидов используются преимущественно в группе информационных жанров;

- цитатные лиды употребляются в аналитических группах жанров;

- эссеистский лид функционировал в художественно-публицистической группе жанров;

- сценические лиды используются как в аналитических, так и в художественно-публицистических группах жанров;

- повествовательные, ситуативные, вопросительные разновидности лидов функционируют как в информационных, так и в аналитических группах жанров.

Наблюдения над функционированием лидов в журналистике необходимо продолжать, чтобы журналистам, студентам, исследователям лучше понимать связь лидов и жанров в текстах.

Литература

1. Бобров А.А. Путь к профессионализму: учебное пособие для курса «Основы творческой деятельности журналиста». Москва: DirectMedia, 2014.

2. Виды лида в заметке [Электронный ресурс]. URL: https://studwood.ru/543357/zhurnalistika/klassifikatsiya_lidov (дата обращения: 10 марта 2022 г.)

3. Исследование печатных СМИ в России за 2021 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://livedune.ru/blog/issledovaniya/pechatnye-smi2021> (дата обращения: 27 апреля 2022 г.)

4. Колесниченко А.В. Практическая журналистика: учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2008.

5. Лазутина Г.В. Основы творческой деятельности журналиста: учебник для вузов. М.: «Аспект пресс», 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text6/42.htm> (дата обращения: 14 апреля 2022 г.)

6. Лазарева Э.А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Известия УрГУ. 2006. № 3. С. 15.

7. Мирошниченко А. Сам-себе-СМИ: Журналистика для блогера. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-biblio.ru/xbook/new/xbook337/index.html?go=part-005*page.htm (дата обращения: 18 апреля 2022 г.)

8. Саченко И.И., Дасаева Т.Н., Конев Е.Ф. Средства массовой информации США: Творческие методы и приемы написания новостей [Электронный ресурс]. URL: http://dedovkgu.narod.ru/bib/smi_usa.htm (дата обращения: 27 февраля 2022 г.)

9. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002.

10. Шостак М.И. Журналистика новостей // «Журналист». 1997. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://school6krsk.narod.ru/g-book/pages/LEAD.html> (дата обращения: 18 февраля 2022 г.)

11. Шостак, М. И. Репортер: профессионализм и этика. М: Изд. Рип-холдинг, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text/08.htm> (дата обращения 20 февраля 2022 г.).

12. Аргументы и факты. №12 (2155) 24-30 марта 2021 г.

13. Аргументы и факты. №10 (2105) 9-15 марта 2022 г.

References

1. Bobrov A.A. Put' k professionalizmu: uchebnoe posobie dlja kursa «Osnovy tvorcheskoj dejatel'nosti zhurnalista». Moskva: DirectMedia, 2014.

2. Vidy lida v zametke [Jelektronnyj resurs]. URL: https://studwood.ru/543357/zhurnalistika/klassifikatsiya_lidov (data obrashhenija: 10 marta 2022 g.)

3. Issledovanie pechatnyh SMI v Rossii za 2021 god. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://livedune.ru/blog/issledovaniya/pechatnye-smi2021> (data obrashhenija: 27 aprelja 2022 g.)

4. Kolesnichenko A.V. Prakticheskaja zhurnalistika: uchebnoe posobie. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2008.

5. Lazutina G.V. Osnovy tvorcheskoj dejatel'nosti zhurnalista: uchebnik dlja vuzov. M.: «Aspekt press», 2001. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://evartist.narod.ru/text6/42.htm> (data obrashhenija: 14 ap-relja 2022 g.)

6. Lazareva Je.A. Zagolovochnyj kompleks teksta – sredstvo organizacii i optimizacii vosprijatija. Izvestija UrGU. 2006. № 3. S. 15.

7. Miroshnichenko A. Sam-sebe-SMI: Zhurnalistika dlja blogera. [Jelektronnyj resurs]. URL: [http://www.e-biblio.ru/xbook/new/xbook337/index.html?go=part-](http://www.e-biblio.ru/xbook/new/xbook337/index.html?go=part-005*page.htm)

005*page.htm (data obrashhenija: 18 apre-lja 2022 g.)

8. Sachenko I.I., Dasaeva T.N., Konev E.F. Sredstva massovoj informacii SShA: Tvorcheskie metody i priemy napisanija novostej [Jelektronnyj resurs]. URL: http://dedovkgu.narod.ru/bib/smi_usa.htm (data obrashhenija: 27 fevralja 2022 g.)

9. Tertychnyj A.A. Zhanry periodicheskoj pečati: uchebnoe posobie. M.: Aspekt Press, 2002.

10. Shostak M.I. Zhurnalistika novostej. «Zhurnalist». 1997. № 8. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://school6krsk.narod.ru/g-book/pages/LEAD.html> (data obrashhenija: 18 fevralja 2022 g.)

11. Shostak, M. I. Reporter: professionalizm i jetika. M: Izd. Rip-holding, 2001. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://evartist.narod.ru/text/08.htm> (data obrashhenija 20 fevralja 2022 g.).

12. Argumenty i fakty. №12 (2155) 24-30 marta 2021 g.

13. Argumenty i fakty. №10 (2105) 9-15 marta 2022 g.

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE LEAD IN THE JOURNALISTIC TEXT

*Aleksyutina O.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Vidyushchenko S.I., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Levicheva E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Bryansk State University*

Abstract: the paper presents the results of studying the functioning of leads on the example of journalistic materials published on the pages of the weekly "Arguments and Facts".

From a theoretical point of view, an attempt was made to consider the specifics of the functioning of the lead as one of the main elements of a journalistic text. On the practical side, the study contributes to understanding that researchers, journalists, and students have a better idea of what kind of lead should be preferred when writing materials in a particular newspaper genre. The study is based on the study of the lead file by direct sampling. The object of the research is leads from the weekly magazine "Arguments and Facts", the subject is the functionality of leads in materials of different journalistic genres.

The article discusses the definitions of the lead proposed by various researchers, gives our definition of the lead, outlines the main classifications of the leads of K. Warren, M.I. Shostak, A.V. Kolesnichenko.

The analysis of the materials showed that protracted leads are more common in the weekly. The study allowed us to conclude that the functioning of leads is associated with certain journalistic genres. Modified, generalizing, anecdotal types of leads prevail in the group of informational genres; quotation leads are used in analytical groups of genres; essayist leads are used in the artistic and journalistic group of genres; stage leads are used in both analytical and artistic and journalistic groups of genres; narrative, situational, interrogative varieties of leads function both in informational and analytical groups of genres.

Keywords: lead, journalism, classification of leads, functioning of leads, connection of lead and genre, correlation of types of leads and genres in the weekly "Arguments and Facts"

ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ПРОЕКТАХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПАРКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРКА ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА Г. БАРНАУЛА)

*Комиссарова Л.М., кандидат филологических наук, доцент,
Милюкова А.Г., кандидат филологических наук, доцент,
Янчевская К.А., кандидат филологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет*

*Авторы выражают признательность руководителю КГКУ “Фонд имущества Алтайского края”
Вакаеву Владиславу Александровичу за предоставленные данные опроса общественного мнения*

Аннотация: в статье исследуется проблема функционирования городских парков как урбанизированных общественных пространств. Целью статьи является выявление доминантных кодов восприятия парка Октябрьского района Барнаула (Изумрудного) общественностью города, задачами – выявление когнитивных представлений жителей города о парке как компоненте городской культуры, который влияет на условия и качество городского пространства, оценка предлагаемых в процессе реновации вариантов нейминга парка и сопоставление данных вариантов с результатами социологического опроса и контент-анализа комментариев горожан. Рассматривается классификация парков и периодизация развития данных общественных пространств. Определяются характеристики последнего этапа в развитии парков в мире: повышение степени участия общественности, вовлечения местных жителей в процессы изменения территории, использование социальных сетей и виртуальной среды. Рассматриваются типичные проблемы реализации “тактического урбанизма” и “партисипативного проектирования”. Обобщены успешные примеры реновации заброшенных общественных пространств парков. Дана общая характеристика состояния парков в Барнауле. Как показало наше исследование, парк Октябрьского района Барнаула в глазах общественности имеет четко выраженный образ. Как показывают материалы социологического опроса и контент-анализа, для горожан актуальна концепция парка как зеленого, экологичного пространства. По итогам анализа названий, и соответственно, ядра кода геокультурного пространства парка, наиболее нейтральным и долговременным является название “Изумрудный”, относящийся к коду “природного”, “экологического”, что отвечает основным тенденциям развития урбанистики.

Ключевые слова: городской парк, городская среда, общественные публичные открытые пространства, общественность

Введение

В настоящее время в России наблюдается очевидный интерес к паркам, их восстановлению и созданию новых. В коммуникативном поле актуализируются темы парков как необходимого и неотъемлемого компонента городской среды. В крупных городах страны реализованы масштабные проекты реновации парков. Нормализацию ситуации можно наблюдать и в небольших российских городах.

В региональных городах, в частности, в Барнауле (административный центр Алтайского края, население 700 тыс. человек) парковое пространство представлено только одним типом парков – это территории, оформленные как парки в советский период. В процесс создания новых парковых пространств, парков третьего типа, город так же еще не включен.

На момент исследования в системе парков города преобладают парки аттракционов, это семь парков частного управления, две территории со статусом лесопарка, существующих официально: один (предмет дальнейшего исследования), находится в упадке, один, совмещающий зону аттракционов и “зеленую” зону для прогулок меньшей площади, находится в муниципальном управле-

нии. В настоящее время Барнаул проходит сложный период транзита общественных пространств от приватизации к возрождению, от “города торговых центров” к “городу парков”.

В исследовательской литературе не подвергается сомнению значение общественных парков и других городских зеленых зон для формирования городской идентичности, повышения качества жизни, создания и укрепления позитивного имиджа города для городских сообществ, развития туризма и продвижения бренда дестинации [1, 2, 3]. Этап возрождения общественных пространств связан с повышением степени участия общественности, вовлечения местных жителей в процессы изменения территории, использованием социальных сетей и виртуальной среды как инструментов формирования культуры на основе всеобщего участия.

В социокультурном аспекте парковые зоны рассматриваются преимущественно в историческом аспекте – исследователи пишут о том, как зарождалась и развивалась парковая культура. Как подчеркивают исследователи, в парковой культуре и в дореволюционный, и советский период парки были востребованы в первую очередь как возможность человека в урбанизированном пространстве

ощутить единение с природой. В советский период парк позиционировался как “способ восстановления сил для труда”.

Исследование, предлагаемое в настоящей статье, примыкает к направлению, в котором парк рассматривается как пространство смыслов, семиотическое пространство, пространство культуры и место конструирования и развития городской идентичности [4, 5, 6]. Коммуникация выполняет роль инструмента в освоении ландшафта, его семиотизации, в создании образа ландшафта (парка), в конфронтации либо интеграции образов, созданных различными социальными слоями горожан.

Все эти процессы дают нам основания для актуализации вопроса о том, какие представления о парке существуют в сознании жителей регионального города.

Материалы и Методы

В данной статье рассматривается фрагмент геокультурного пространства Барнаула – парк Октябрьского района Барнаула (в прошлом – парк Меланжевого комбината, в настоящее время используется название “Изумрудный”), который находится в упадке, долгое время был под управлением различных арендаторов, в течение года был предметом судебных разбирательств, связанных с незаконной вырубкой большого количества деревьев на территории парка.

Целью статьи является выявление доминантных кодов восприятия парка общественностью города, задачами – выявление когнитивных представлений жителей города о парке как компоненте городской культуры, который влияет на условия и качество городского пространства, оценка предлагаемых в процессе реновации вариантов нейминга парка и сопоставление данных вариантов с результатами опроса и анализа комментариев горожан.

Статья состоит из трех частей: 1) в первой представлен анализ данных социологического опроса жителей города, 2) во второй – анализ комментариев участников городского сообщества в социальной сети “ВКонтакте”, 3) в третьей мы произвели семиотический анализ обсуждающихся в СМИ названий исследуемого парка Барнаула. Охарактеризуем каждый из трех исследовательских блоков.

Опрос связан с общественным обсуждением судьбы парка “Изумрудный” и проведен в декабре 2019 года, выполнен по заказу Фонда имущества Алтайского края Алтайским центром политического консалтинга. Проведенный опрос позволяет ответить на ряд актуальных для данного исследования вопросов: выявить общекультурные представления об идеальном парке определить, какие компоненты в нем важны для горожан, какой вид деятельности они хотят осуществлять при посе-

щении парка. Опрос проводился 2-14 декабря 2019 г. Ссылка на анкету, размещенную на платформе Google Forms, распространялась через региональные СМИ (новости на порталах “Алтапресс”, “Катунь 24”, “Барнаул22”) и через личные страницы заинтересованных в теме жителей, например, куратора парка, руководителя “Фонда имущества Алтайского края” В.А. Вакаева. Опрос охватил жителей, проявляющих интерес к обсуждаемой теме, что обеспечило целевую выборку. Выборка составила 1500 респондентов, которые в настоящий момент проживают в Барнауле, разных возрастных категорий: до 18 лет – 8%, 19-25 лет – 18%, 26-40 лет – 46%, 41-60 лет – 24%, 61 лет и старше – 4%.

Позицию горожан позволяет выявить анализ еще одного источника – свободных комментариев респондентов, участвующих в опросе, посвященном той же тематике, “Народном анкетировании по парку “Изумрудный””. Анкетирование было проведено на странице городского сообщества “Шпиль” в социальной сети “ВКонтакте”. Из 1155 участников анкетирования 286 респондентов оставили текстовые отзывы, пожелания-предложения. Таким образом, в выборку вошли 286 единиц – текстовых отзывов, опубликованных на странице сообщества 19 марта 2019 г., накануне “круглого стола” по судьбе парка “Изумрудный” (https://vk.com/wall-60409922_3596). В них нашли отражение мнения жителей города о том, какие компоненты они хотят / не хотят видеть в парке. Комментарии, на наш взгляд, являются формой согласования представлений жителей о парке как городском пространстве. Необязательность комментариев как части опроса, а также их появление накануне круглого стола, а, следовательно, и всплеска, посвященного ему публикаций в СМИ, позволяет говорить о неискренности, отсутствии влияния “концептуальных клише”, которыми насыщены комментарии экспертов или авторов, погруженных в проблематику. Все единицы выборки были закодированы для этого исследования. Были использованы категории: степень детализации представления о парке, желаемый тип парка, упоминаемые компоненты парковой среды и сооружения.

Семиотический анализ, на наш взгляд, обогатит результаты нашего анализа, поскольку позволит оценить предлагаемые с учетом планируемой «реновации» парка варианты его нейминга. В качестве основы для семиотического анализа названий парка взят подход классика структуралистской школы Р. Барта [3]. Цель анализа заключается в том, чтобы выявить и классифицировать эти различные типы знания, обобщив их по признакам общего культурного кода. Для анализа были взяты

три наименования парка Октябрьского района Барнаула, как официальные, так и неофициальные.

Результаты

Представим результаты исследования по трем определенным блокам.

Данные социологического опроса

Парк воспринимается жителями как часть общегородского культурного пространства, участвует в формировании стиля жизни барнаульцев, потому что он одинаково актуален и для тех, кто живет рядом, и для тех, чей путь до парка занимает значительное время. Об этом свидетельствует данные опроса: только 44% респондентов, могут прийти в парк пешком, остальные участники опроса используют общественный транспорт – 27% (401 чел.); автомобиль – 24% (364 чел.) или велосипед – 5% (79 чел.), их путь до парка составляет до 30 минут – у 32% (487 чел.), от 30 до 60 минут – у 26% (389 чел.) и более 60 минут – у 3% (52 чел.).

Несмотря на то, что состав респондентов неоднороден по возрасту и социальному статусу, и что у 72% опрошенных (от 18 до 40 лет) нет личного опыта включенности в парковую культуру в ее расцвете в рамках своего города, они застали парки города в период деформации (парк в упадке с 1990-х), аудитории близок парк в построении отношений “человек – природа”. Это отражается в выборе типа парка, а также элементов, которые должны быть в “идеальном” парке с точки зрения респондентов. Из 6 типов парка, выделенных на основе обсуждаемых проектов реконструкции 45% жителей (675 чел.) выбрали “Экопарк”, 26% (390 чел.) – “Парк культуры”, и по 11% голосов было отдано за концепции “Парк развлечений” и “Спортивный парк”.

На вопрос “Что больше всего привлекает вас при посещении парков” 43% ответили “Посещение “тихих” зон отдыха” (отметим, что также респонденты отметили концертные программы (14%), просветительские (13%) и спортивные (12%) мероприятия). Участники опроса могли отдать голоса за несколько элементов (общий объем – 6936 ответов). Наиболее востребованными стали зона тихого отдыха – скамейки, беседки в зоне деревьев и кустарников (14,6%), аллеи (9,2%) и зона нативной природы, имитирующая участок естественной природы: лес, луг и т.п. (9%). Также к компонентам природы можно отнести цветочные клумбы – 5,8%. Но в представлениях горожан об идеальном парке почти нет места зоне аттракционов, ее доля в выбранных элементах парка – только 4,5% (311 из 6936 ответов).

Территория парка “Изумрудный” связана с историей города. Здесь проходил Томский почтовый тракт, связывавший город со столицами – Моск-

вой и Петербургом, историки акцентируют внимание на необходимости сохранения в парке “зоны покоя” (часть парка разбита на месте существовавшего в XIX веке Кресто-Воздвиженского кладбища), обозначено в парке и место расстрела красноармейцев в годы гражданской войны. Но для жителей города в исторический аспект парковой культуры на данный момент не актуален. За концепцию “Историко-мемориальный парк” было отдано 5% голосов.

Всего респондентам было предложено 40 объектов парковой инфраструктуры. При их определении составителями опроса были учтены как классические формы, так и современные элементы, внедряемые в парковое пространство нового формата функционально-специализированные площадки. В позициях жителей нашли отражение все элементы парка, но доминирует компонент природой тематики – пруд, его включили в свой набор объектов 70% респондентов, такое же количество голосов совокупно было отдано за фонтан и искусственный ручей. Независимо от возраста респондентов в приоритете объекты, позволяющие проводить время на свежем воздухе – каток, детская площадка, велобеговая дорожка, прокат катамаранов и спортивного инвентаря, летний кинотеатр. Для молодых барнаульцев интересны летний кинотеатр (41,7%), сцена (27,5%) и общепит (кафе – 37,5%, ресторан – 5%, кофейня – 29,2%). Представители старшего поколения выступают за объекты для подвижных видов спорта, такие как: лыжня – 33,6% (41-60 лет), 40% (61 и старше); велобеговая дорожка – 35,3% (41-60 лет), 36,7% (61 и старше); спортивные уличные тренажеры – 30,6% (41 -60 лет), 31, 7% (61 и старше).

Анализ комментариев респондентов в социальной сети “ВКонтакте”

Значительная часть комментариев отражает желание горожан создать природный парк и зону тихого отдыха. Ключевым посылом комментариев является тема сохранения / восстановления парка как элемента природы в городской среде.

Семиотический анализ названий парка

Проанализируем три варианта названия парка по значению слова-референта, языковой форме, денотативному и коннотативному значениям. Согласно значению слова-референта (общему для трех вариантов), парк – это большой сад, роща с аллеями, цветниками, прудами и т.п.

Денотативное значение “ГорСад” – городской общественный сад. Коннотативные значения включают типичное название объекта или организации в СССР (ср. Горно, Общепит и т.д.), авангардные течения в культуре в России начала XX века и популярную градостроительную концепцию начала XX века.

Согласно денотативному значению “Изумрудный”, это метафора, переносное значение “ярко-зеленый, цвета изумруда”. Коннотативные значения названия включают три компонента: драгоценность, экологичность и литературные коннотации.

Денотативное значение названия “Меланж-парк” – пряжа или ткань из смешанных, различных по природе или по окраске волокнистых материалов. Коннотативные значения включают, во-первых, все фоновые знания барнаульцев, связанные с историей меланжевого комбината, во-вторых, молодежность, сленговость, в-третьих, изысканность, европейскость и в этом смысле также чуждость, нерусскость

Дискуссия

Новейшая история парка Октябрьского района Барнаула (с начала 2000-х годов) прямым образом иллюстрирует мысль В.Л.Каганского [5] о пострегионализации и быстрой острой фрагментаризации вплоть до парцелляризации российского культурного ландшафта

Как показывают результаты опроса, горожане видят парк традиционно – как место единения человека с природой. Приоритетность экологического парка не зависит ни от места жительства граждан, ни от затраченного времени на путь к парку.

Выбор объектов паркового пространства, на наш взгляд, позволяет говорить о желаниях горожан в построении отношений “человек – ценности и идеалы”. На фоне слабого интереса к концепции историко-мемориального парка и парка аттракционов, респонденты отдадут свой выбор форматам спортивным (площадки, тренажеры, лыжня, каток, теннисные столы, скалодром, роллердром, батут и др.) и культурным (сцена, кинотеатр, лекторий, музей, выставочные стенды, коворкинг и др.). В совокупности эти объекты значительно превышают число ответов, отданных за стационарные и передвижные аттракционы.

По результатам анализа комментариев, их ключевым посылом является тема сохранения / восстановления парка как элемента природы в городской среде, а также тема озеленения, посадки деревьев и ухода за ними.

Все коннотативные значения в представленном анализе названий парка классифицируются на исторические, историко-архитектурные, визуальные, литературно-художественные, инокультурные. Для того чтобы утверждать, что все эти коннотации являются частью определенных культурных кодов города, необходимо расширить материал урбонимов, взяв на следующем этапе названия и систему знаков современных российских и зарубежных парков.

Заключение

В коммуникативном поле Барнаула очень слабы информационные блоки, формирующие положительный образ парка как компонента городского пространства. Как показало наше исследование, парк Октябрьского района Барнаула в глазах общности имеет четко выраженный образ. Как показывают материалы социологического опроса и контент-анализа, для горожан актуальна концепция парка как зеленого, экологичного пространства. По итогам анализа названий, и соответственно, ядра кода геокультурного пространства парка, на наш взгляд, наиболее нейтральным и долговременным является название “Изумрудный”, относящийся к коду “природного”, “экологического”, что отвечает основным тенденциям развития урбанистики.

Литература

1. Чана К.С., Питерс М. и Марафа Л.М. Общественные парки в городском брендинге: восприятие посетителей по сравнению с жителями Гонконга // Городское лесное хозяйство и озеленение городов. 2015. № 14. С. 1157 – 1165. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ufug.2015.10.016>
2. Элиза Е. Усиление брендинга города с помощью общественных пространств // Материалы QiR: 12-я Международная конференция по качеству в исследованиях Депок, Индонезия: Индонезийский университет. 2011. С. 1755 – 1760.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москва, СССР: Прогресс, 1989. С. 97 – 100.
4. Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Международный журнал исследований культур. 2011. № 4 (5). С. 26 – 40.
5. Лавренова О.А. Культурный ландшафт как метафора // Философские науки. 2010. № 6. С. 92 – 102.
6. Лавренова О.А. Семантика культурного ландшафта. (Dissertation of Doctor of Philosophy). Москва, Россия: Российский государственный гуманитарный университет. 2010. С. 15 – 20.

References

1. Chana K.S., Piteris M. i Marafa L.M. Obshchestvennyye parki v gorodskom brendinge: vospriyatie posetitelej po sravneniju s zhiteljami Gonkong. Gorodskoe lesnoe hozjajstvo i ozelenenie gorodov. 2015. № 14. S. 1157 – 1165. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ufug.2015.10.016>
2. Jeliza E. Usilenie brendinga goroda s pomoshh'ju obshchestvennyh prostranstv. Materialy QiR: 12-ja Mezhdunarodnaja konferencija po kachestvu v issledovaniyah Depok, Indonezija: Indonezijskij universitet. 2011. S. 1755 – 1760.

3. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika. Moskva, SSSR: Progress, 1989. S. 97 – 100.

4. Kaganskij V.L. Issledovanie rossijskogo kul'turnogo landshafta kak celogo i nekotorye ego rezul'taty. Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tur. 2011. № 4 (5). S. 26 – 40.

5. Lavrenova O.A. Kul'turnyj landshaft kak metafora. Filosofskie nauki. 2010. № 6. S. 92 – 102.

6. Lavrenova O.A. Semantika kul'turnogo landshafta. (Dissertation of Doctor of Philosophy). Moskva, Rossija: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. 2010. S. 15 – 20.

ASSESSMENT OF PUBLIC OPINION IN PARK TRANSFORMATION PROJECTS (BASED ON PARK OF OKTYABRSKY DISTRICT IN BARNAUL)

*Komissarova L.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Milyukova A.G., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yanchevskaya K.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Altai State University*

Abstract: the article investigates the problem of functioning of urban parks as urbanized public spaces. The aim of the article is to identify the dominant codes of perception of the Oktyabrsky District Park in Barnaul (Izumrudny) by the city public, the objectives are to identify cognitive perceptions of the city residents about the park as a component of urban culture, which affects the conditions and quality of urban space, assessment of proposed options for park naming and comparison of these options with the results of opinion polling and content analysis of citizens' comments. The classification of parks and periodization of the development of these public spaces are considered. The characteristics of the latest stage in the development of parks in the world are defined: the increase in the degree of public participation, the involvement of local residents in the processes of changing the territory, the use of social networks and virtual environment. Typical problems of "tactical urbanism" and "participatory design" implementation are considered. Successful examples of renovating abandoned public park spaces are summarized. A general characteristic of the state of parks in Barnaul is given. As our study has shown, the park in the Oktyabrsky district of Barnaul has a clearly expressed image in the eyes of the public. As shown by the materials of the sociological survey and content analysis, the concept of the park as a green, ecological space is relevant to the citizens. According to the results of the analysis of the names and, accordingly, the core code of the geocultural space of the park, the most neutral and durable is the name "Izumrudny", relating to the code of "natural", "ecological", which corresponds to the main trends of urbanism development.

Keywords: city park, urban environment, public open spaces, public

«НЕДРУЖЕСТВЕННОЕ» ВРЕМЯ В ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА «ДЕНЬГИ ДЛЯ МАРИИ»*Нажмутдинова Д.М.,**Мазанов Ш.А.,**Дагестанский государственный университет*

Аннотация: в статье рассматриваются черты физиологического и нравописательного, социального очерка в повести «Деньги для Марии», а также время как один из главных героев. Целью исследования является описание категории времени в повести Распутина, чему соответствуют следующие задачи: описать особенности сюжета; рассмотреть основные мотивы, связанные со временем; проанализировать композицию повести и роль снов; определить черты кризисного времени, характерного для повествования. Рассмотрены следующие особенности и проблемы произведения: частые ретроспекции; наличие «ближнего» и «дальнего» прошлого, «длительного» настоящего; нравственная проверка односельчан Марии и Кузьмы как основа сюжета; семейные связи как последний оплот в мире разрушающихся межчеловеческих связей; сны как воплощение идеального мира; примеры в повести иррационального выпадения из реальных природных (сезонного и суточного) циклов времени; соединение разных временных пластов с помощью образа главного героя, а также усиление авторского начала. Научная новизна состоит в определении времени как обусловленной психологическим состоянием Кузьмы категории, в выявлении основных черт кризисного («экстремального») времени, а также описании соотносительности конкретного времени с «большим» историческим временем в художественном мире повести Распутина. Личный вклад автора статьи состоит не только в описании категории времени в исследуемой повести, но и в выявлении внесюжетных фрагментов, где времени как такового нет (описания природы и внешности персонажей, авторские отступления). Практическая значимость состоит в возможности применения результатов исследования в анализе остальной прозы Распутина и аналогичных произведений других авторов «деревенской прозы».

Ключевые слова: время, повесть, сюжет, композиция, сон, автор, ретроспекция

Повесть «Деньги для Марии» включает в себя черты физиологического и нравописательного, социального очерка. Здесь нет пространственных рассуждений о времени, но оно, тем не менее, является одним из главных героев повести, проявляясь опосредованно, через символы и подтекст.

Эта повесть, как и физиологический очерк, отражает состояние современного общества (в нашем случае советского), его социального и духовного состояния, во всех деталях быта и нравов. Физиологический очерк раскрывает жизнь преимущественно так называемых низших слоев общества; так, в повести Распутина мы видим типичных представителей трудовой, крестьянской его части, их бытовые характеристики. Кроме того, произведение этого автора претендует на объективный анализ описываемых героев и явлений.

В основе фабулы повести «Деньги для Марии» – пять дней из жизни простой крестьянской пары. Особенность этого произведения в том, что развитие художественного времени здесь определяется не последовательностью событий, а постоянными ретроспекциями; драматизм же ситуации проявляется в том, что в одной точке – кризисных пяти днях – пересекаются прошлое, настоящее и будущее [4]. Автор постоянно возвращается в прошлое с помощью подробных ретроспекций, затем – снова в настоящее, которое изображается непоследовательно, так как жизнь героев вышла из обычного русла. Перед читателем даже не пять кризисных дней в настоящем, а только один, последний день в настоящем, в то время как о четырех предше-

ствовавших днях уже рассказывается как о ближнем прошлом. Так что можно говорить о наличии в повести ближнего и дальнего прошлого. Глубокое погружение в описания прошлого позволяют ощущать его как «длительное» настоящее.

Сюжет повести «Деньги для Марии», на первый взгляд, очень прост: малограмотная сельчанка Мария по неопытности и доброте допустила растрату, за что ей грозят суд и тюрьма, а ее муж Кузьма отправляется на поиски необходимой суммы (метафора так называемого «хождения в народ»). Деньги вмешиваются в жизнь простой крестьянской семьи и вскрывают несовершенство человеческих отношений, показывая, казалось бы, знакомых людей с неожиданной и не всегда приятной стороны. Банальная ситуация позволяет автору оценить нравственный потенциал деревенских жителей и сделать соответствующие выводы.

Находятся и те, кто отдает Кузьме все, до последней копейки: это дед Гордей, взявший деньги для Кузьмы у своего сына; лежащая тетя Наталья, собиравшая сумму на свои похороны (деньги «с того света»); председатель колхоза, отдавший свою месячную зарплату. Противоположный лагерь составляют те, кто отказал Кузьме, хотя деньги имел: это, например, прижимистая и хитрая Степанида. Директор школы дает Кузьме займы 100 рублей, но перед этим читает ему нравоучительную лекцию. В зависимости от того, с кем встречается Кузьма, его состояние меняется от надежды до полной безысходности. Под вопросом остается родной брат главного героя, который так

и не появляется на страницах повести: судя по негативным впечатлениям людей, знавших его, надеяться на его помощь Кузьме не приходится.

Весь сюжет строится на нравственной проверке односельчан Марии и Кузьмы: мы встречаемся с различными характерами и нравственными принципами. Проходит «испытание на прочность» и сам Кузьма: каждый раз его мучает чувство неловкости и стыда за свои просьбы, которые ставят его земляков в двусмысленное положение. Для него поиск денег – мучительный путь, особенно потому, что он прекрасно осознает бедность таких же тружеников, как он сам. Кузьма чувствует, в каком доме ему, скорее всего, откажут, но при этом все равно идет туда, понуждаемый своим безысходным положением. Кроме того, он до последнего надеется на искреннее расположение к его жене тех, кому она в свое время помогала.

Для Кузьмы и его жены Марии время превращается в их главного врага, принимая облики разных персонажей и обстоятельств. Примечательна в этом плане сцена с Евгением Николаевичем, к которому герой обращается за деньгами (мотив «время – деньги»). Евгению Николаевичу принадлежат многозначительные рассуждения на тему времени, типа: «Когда мы не на работе, время у нас свое, не казенное... Время есть, чай вот можно поставить» [3]. Этот затянутый, неловкий разговор происходит на фоне тикающего будильника, напоминающего взрывной механизм, который «тревожно и громко» отсчитывает минуты, жизненно важные для Кузьмы и его семьи. Его собеседник, словно наслаждаясь своей властью над просителем, пускается в долгие рассуждения: так, он без ложной скромности сравнивает свою услугу Кузьме с помощью, которую оказали когда-то друг другу русские князья перед лицом врага. Из его поведения и речи очевидно, что он тешит свое самолюбие в ситуации, когда и отказать неловко, и денег очень жалко. Евгений Николаевич в данной ситуации выступает на стороне враждебного времени, так как усиленно тянет его, тем самым сокращая шансы Кузьмы на успешное завершение его поисков денег.

Интересно выстроена композиция: события первых трех дней представлены как воспоминания Кузьмы во время его поездки в город. Благодаря такому приему читатель знакомится с разными персонажами более подробно, чем это было бы возможно при прямолинейном сюжете. Кроме того, характеры и поступки односельчан оказываются осмысленными в сознании Кузьмы. Последним испытанием становится ожидаемая встреча с родным братом, которая должна продемонстрировать крепость семейных связей – последний оплот в мире разрывающихся межчеловеческих связей.

Важную композиционную роль в повести играют сны, которые в последующих произведениях этого автора превратились в один из любимейших его приемов. Повесть начинается с описания сна, в котором события складываются наилучшим образом, как это и должно быть в мире нормальных человеческих отношений, основанных на братстве и бескорыстном чувстве коллективизма: машина Кузьмы подъезжает к дому, где уже собраны деньги для Марии, и люди выносят ему эту сумму. В другом сне земляки Кузьмы делят недостачу на всех, и Мария оказывается спасена благодаря такой взаимовыручке. Но, к сожалению, такой поворот событий, как показала жизнь, возможен только во сне.

Основное содержание и качество времени в повести определяется психологическим состоянием Кузьмы, которое характеризуется особой напряженностью. Можно констатировать, что это кризисное, переломное время, которое в силу своей экстремальности может порой приравнять секунды и годы, и даже целые десятилетия. Как правило, такое необычное течение времени возникает в угрожающих жизни ситуациях, на пределе душевных и физических сил – перед казнью, самоубийством, перед лицом иррациональных сил.

Именно в таком стрессовом состоянии, порождающем кризисное время, и находятся Кузьма и Мария, и драматизм этот нарастает по мере развития повествования. Слово «время» не раз повторяется в повести. Например, Кузьма рассуждает: «Теперь времени больше нет. Если утром не поехать, будет поздно» [3]. Эти мысли оттеняются окружающим пейзажем, непогодой: «На улице ветер, все качается, стонет, гремит» [3]. Время года, когда разворачиваются действия в повести, описывается как неопределенное и тревожное, подобное зыбкому положению Кузьмы: «не осень и не зима, осень каждую минуту может сломаться и наступит зима» [3], а время суток – «никуда негодное время между днем и ночью» [3]. Это своего рода выпадение из реального природного времени. Автор показывает тип недружественного человеку времени, которое люди, в частности главные герои, стремятся «переждать», то есть скорее «проскочить», как страшный сон, в реальность которого не хочется верить. Появление в повести такого кризисного времени, когда миг приравнивается к годам и более, было призвано отразить подмеченные Распутиным перемены в жизни и психологии деревенских жителей.

Интересно, что вначале Кузьма очень своеобразно реагирует на весть о недостаче в кассе у жены; можно даже сказать, что его психологическая реакция на это событие довольно странная, отчужденная, словно он хочет мысленно отстра-

ниться от произошедшего, навсегда оставшись/закаменев в счастливом прошлом, подобно памятнику. Поначалу он демонстрирует полную пассивность, отсутствие какого-либо сопротивления и нежелание активно действовать, спешить. Нормальной ему видится только размеренная жизнь, в которой будущее столь же предсказуемо, как и прошедшее: «Поезд подойдет, он сядет в мягкий вагон и со всеми удобствами доедет до города. Он пойдет к брату и возьмет у него те деньги, которых не хватает до тысячи. И пойдет у них с Марией опять все, как надо, заживут, как все люди?..» [3]. Но вся драма в том, что прежнюю жизнь уже не вернуть: прошлое необратимо неправомерно, будущее смутно, а конфликт кажется неразрешимым. Единственное спасение – благоприятный исход событий – перенесено во вневременной план, которым является хронотоп сна: только здесь герою видится желанное избавление от неразрешимой в реальности проблемы.

Распутин, затрагивая острые социальные темы, все больше углубляется в сферу исследования категории времени. Описывая конкретные случаи из жизни людей, протекающие в определенный отрезок времени, автор, как правило, соотносит их с большим историческим временем, даже с вечностью, благодаря чему такие отдельные ситуации и судьбы обретают вневременное значение и символический смысл. Так, рамки частного случая в семье Кузьмы в повести раздвигаются, обретая форму анализа социальной психологии вообще.

В повести «Деньги для Марии» отмечается усиление авторского начала, что отражается в первую очередь в композиции, в основе которой лежит ретроспекция: здесь автор соединяет разные временные пласты с помощью образа главного героя. Кузьма мысленно постоянно возвращается в четыре предыдущих дня, когда были ревизия и судорожные поиски денег, а также в дальнейшее прошлое. Есть в повести и внесюжетные фрагменты, где времени как такового нет: это описания природы и внешности людей, авторские философские размышления.

Примечательно, что распространенные ретроспекции связаны только с теми героями, которые пришли на помощь Кузьме: это председатель, баба Наталья, дед Гордей. Эти пространственные ретроспекции показывают заинтересованность автора в тех или иных героях и помогают узнать истоки их нравственного поведения и добрых поступков. Как правило, этих персонажей объединяет добросовестное отношение к труду (жадная денежная Степанида, например, сторонится тяжелой колхозной работы). Однако не всегда любовь к труду означает наличие у человека необходимого набора достоинств, что видно на примере одного из по-

путчиков Кузьмы – пьяного парня-трудяги. Всего одна встреча в поезде со стариками-супругами и Кузьмой заставила его многое пересмотреть в своей жизни. Именно этой пожилой супружеской паре принадлежит фраза о том, что «доброта человеческая, уважение к старшим и трудолюбие... родом из деревни» [3].

Кроме ретроспекций, Распутин часто склонен в своем повествовании возвращаться к уже известным фактам. Так, фрагмент о работе Марии в магазине заканчивается кратким повтором того, что было рассказано в предыдущих частях. Предпоследняя же глава восстанавливает события и переживания последнего дня Кузьмы, словно автор хочет напомнить обо всем, что успело забыться. Таким образом Распутин как бы стягивает все события и мысли в одну финальную точку. Финал при этом остается открытым: Кузьма оказывается на пороге дома своего брата, где он может быть спасен либо его последняя надежда может рухнуть. Суть в том, что писателю важно совсем другое: не столько тот факт, отыщет ли Кузьма нужную сумму, а то, как он и люди, к которым он обратился, проявят себя в сложившихся обстоятельствах.

Распутин показывает в своей повести ситуации и проблемы, ставшие характерными приметами времени, как, например, прагматизм, пришедший на смену бескорыстной взаимовыручке: «Когда у нас раньше бывало, чтобы деревенские друг дружке за деньги помогали? Хошь дом ставили, хошь печку сбивали – так и называлось: помочь... А теперь все за деньги... Работают за деньги и живут за деньги. Везде выгоду ищут» [3].

В повести мы видим много разноликих героев, которым автор дает краткую выразительную характеристику: они все важны и для сюжета, и для реализации авторского замысла, хотя и появляются в повествовании на недолгое время («Евгений Николаевич... моложе Кузьмы, но в деревне его величают все, даже старики, потому что вот уже пятнадцать лет он директор школы... Родился и вырос Евгений Николаевич здесь же... Живет он вдвоем с женой...» [3]; «В деревню агроном приехал два года назад из сельхозуправления... Его уважали, хотя сначала встретили недоверчиво... Дело свое он любил, и очень скоро стал в деревне своим человеком» [3] и др. Некоторые из этих второстепенных персонажей представляются даже более живыми и достоверными, чем, например, образ главной героини Марии, которую критики не раз обвиняли в отсутствии своеобразия и национального начала (И. Виноградов [1], А. Дырдин [2]).

Мария описывается автором как трудолюбивая, добрая женщина, которая свое предназначение

находит в служении людям: она чувствует себя счастливой оттого, что является человеком, «без которого деревня не может обойтись» [3], хотя область ее служения и весьма скромна – она работник сельского магазина. Земляки, казалось бы, все, без исключения, любят ее («Люди при ней с удовольствием идут в магазин» [3]), пользуются ее добротой, но случившаяся беда обнажила много неприглядного в их отношении к героине.

Мария оказалась один на один со своим горем, отгородившим ее от всего мира и даже от родных. Она словно каменеет в своей беспомощности перед свалившимся на нее испытанием, в невозможности как-то противостоять случившемуся: «Мария все так же сидела за столом спиной к Кузьме и смотрела в окно... Мария не шевелилась» [3]; «Упадет на кровать и лежит, не шевелится» [3]; «Смотрит и не видит, слышит и не понимает, так, наверное, будет продолжаться до тех пор, пока ее судьба не решится окончательно» [3]. Почти все повествование мы видим героиню страдающей и пассивной, отчужденной от всего происходящего, что, возможно, и делает ее образ несколько бледным и невыразительным.

Иное дело – Кузьма, который вначале вроде так же, как и его жена, растерянно цепенеет перед лицом случившегося, но потом, будто опомнившись, берет инициативу в свои руки и начинает действовать, пусть и не всегда продуктивно и обдуманно. Распутин ставит его в центр повествования и акцентирует его особое отношение ко времени, как к врагу, который неумолимо приближает возможный арест Марии. Именно этот герой, который на протяжении всей повести движется, едет, ходит, пересекая пространство вдоль и поперек, становится точкой пересечения для разных временных пластов и, соответственно, для разных персонажей, связанных с этими пластами.

Финал открытый, от чего присутствует недосказанность: Кузьма останавливается на пороге дома своего брата («Вот он и приехал – молись, Мария! Сейчас ему откроют» [3]). Повествование останавливается на самом, казалось бы, напряженном, кульминационном моменте, который предопределяет всю дальнейшую судьбу всей семьи Кузьмы. Хотя брат давно оторвался от семьи, Кузьма все-таки пришел к нему в надежде пробудить голос крови, восстановить разрушенные когда-то традиционные родственные связи.

Таким образом, время в повести Распутина можно определить как кризисное, обусловленное психологическими состояниями Кузьмы, в образе которого пересекаются различные временные пласты. Оно имеет ряд особенностей, что отразилось в структуре нелинейного сюжета, фабулы и композиции, в наличии определенных мотивов («время – деньги», «время как враг», «хождение в народ»); в определяющей роли снов и ретроспекций в композиции. Частный случай из жизни крестьянской семьи (недостача денег и мытарства в поисках нужной суммы) соотнесен автором с «большим» историческим временем, даже с вечностью, потому обретает символическое, глобальное звучание – мотив тоски по поводу тотального разобщения, отсутствия бескорыстной взаимовыручки, а также разрушающихся человеческих связей, даже родственных. Роль «вневременных» компонентов, которые, как выше сказано, соотносят частное и общее, в повести играют внесюжетные фрагменты (описания природы и внешности персонажей, авторские отступления).

Литература

1. Виноградов И. Чужая беда // Новый мир. 1968. № 7. С. 250.
2. Дырдин А.А. Творчество В.Г. Распутина: дис. ... канд. филолог. наук. Ленинград, 1981. С. 86.
3. Распутин Валентин. Деньги для Марии. URL: <https://www.rulit.me/books/dengi-dlya-marii-download-19074.html> (дата обращения: 10.06.2021)
4. Ржевская Н.Ф. Концепция художественного времени в современном романе / Функция «ретроспекций» в романе // Филологические науки. 1970. № 4. С. 31.

References

1. Vinogradov I. Chuzhaja beda Novyj mir. 1968. № 7. S. 250.
2. Dyrdin A.A. Tvorchestvo V.G. Rasputina: dis. ... kand. filolog. nauk. Leningrad, 1981. S. 86.
3. Rasputin Valentin. Den'gi dlja Marii. URL: <https://www.rulit.me/books/dengi-dlya-marii-download-19074.html> (data obrashhenija: 10.06.2021)
4. Rzhetskaja N.F. Konceptija hudozhestvennogo vremeni v sovremennom romane. Funkcija «retrospekcij» v romane. Filologicheskie nauki. 1970. № 4. S. 31.

"UNFRIENDLY" TIME IN THE STORY "MONEY FOR MARY" BY V. RASPUTIN

*Nazhmuddinova D.M.,
Mazanaev Sh.A.,
Dagestan State University*

Abstract: the article examines the features of physiological and moral, social essay in the novel "Money for Mary," as well as time as one of the main characters. The purpose of the study is to describe the category of time in Rasputin's novel, which corresponds to the following tasks: to describe the features of the plot; consider the main motives associated with time; analyze the composition of the story and the role of dreams; identify the features of the crisis time characteristic of the narrative. The following features and problems of the work are considered: frequent retrospection; the presence of "near" and "far" past, "long" present; moral verification of fellow villagers Maria and Kuzma as the basis of the plot; family ties as the last stronghold in a world of disintegrating inter-human ties; dreams as the embodiment of an ideal world; examples in the story of irrational loss from real natural (seasonal and daily) time cycles; connecting different time layers using the image of the protagonist, as well as strengthening the author's principle. Scientific novelty consists in determining time as a category due to the psychological state of Kuzma, in identifying the main features of crisis ("extreme") time, as well as describing the correlation of a particular time with a "large" historical time in the artistic world of Rasputin's novel. The personal contribution of the author of the article consists not only in describing the category of time in the story under study, but also in identifying extras, where there is no time as such (descriptions of the nature and appearance of the characters, author's digressions). The practical significance lies in the possibility of applying the results of the study in the analysis of the rest of Rasputin's prose and similar works of other authors of "village prose".

Keywords: time, story, plot, composition, sleep, author, retrospection

ЛИЧНОСТНЫЙ КОНТЕКСТ ПЬЕСЫ «ШАРМАНКА» А. ПЛАТОНОВА

*Потребич Е.С., аспирант,
Хэйлунцзянский университет, Китай*

Аннотация: специфику платоновских пьес исследователи творчества писателя видят, как правило, в типологическом единстве персонажей, в поведении которых преобладают ролевые начала, но платоновские герои имеют более сложную многоуровневую систему аллюзий. В своей статье, продолжая работу ряда исследователей, мы выявим новые социальные и культурные контексты в пьесе «Шарманка», которые позволяют по-новому взглянуть на данную пьесу, понять систему персонажей и основные мотивы, отражённые в ней. В частности, рассмотрим один из сложнейших центральных образов в драматургии Платонова – образ иностранца, имеющий реальный прототип. В пьесе «Шарманка» в качестве одной из главных сюжетных линий А. Платонов использует второй приезд Герберта Уэллса в Россию, что позволяет ввести ряд персонажей, которые обнаруживают ряд аллюзий к старшим современникам, с которыми драматург не только вёл активную творческую дискуссию, но которые сыграли значительную роль в судьбе писателя.

Текст пьесы пронизан аллюзиями к историческим личностям и событиям 1930-1931 годов. И если политический и социальный контекст достаточно подробно изучен в платоноведении, то личностный контекст, несмотря на его актуальность, остаётся практически не изученным.

Ключевые слова: Платонов, Шарманка, контекст, персонаж, система образов, иностранец

Одна из наиболее популярных тем в платоноведении – проблема контекстов его творчества. Впервые данная тема начала системно разрабатываться в статьях Е. Толстой-Сегал, сформулировавшей один из важнейших принципов платоновской аллюзии – многослойность [11]. Последовавшие работы исследователей выявили ряд источников для творчества Андрея Платоновича: мифология, фольклор, библейские образы, классическая русская и зарубежная литература, современная советская литература, философия и естественные науки. Также освещались и некоторые вопросы, связанные с современными автору реалиями в политической и общественной жизни в работах Н. Корниенко [5], М. Геллера [2], А. Харитоновой [12], Н. Малыгиной [6], В. Вьюгина [1] и др.

Впервые целостный анализ отдельных произведений писателя (на материале повести «Котлован» и пьесы «Шарманка») с реконструкцией их политического и культурного контекста был осуществлен в диссертации Н. Дужиной [4], работавшей с рукописями, и оставившей нам бесценные наблюдения по истории создания одной из самых острых и злободневных пьес Платонова. Анализ рукописи даёт основание утверждать, что структура, сюжет и образная система «Шарманки» претерпели значительные изменения по сравнению с изначальным замыслом.

На незавершенность пьесы указывает ряд исследователей. Н. Дужина видит причину в насыщенности пьесы преходящими деталями сиюминутной политической ситуации. Однако если рассматривать данную пьесу в контексте жизни самого Платонова, то становится очевидна причина трансформации и невозможность публикации или постановки пьесы в том виде, в котором она была.

Начавшаяся после публикаций произведений «Усомнившийся Макар» (1929) и «Впрок» (1931) травля Платонова и последовавшее за тем дело мелиораторов (1930-1931), не могли не отразиться на судьбе и творчестве писателя. В процессе работы над пьесой (предполагаем, речь идёт о 1930–1931 годах) под воздействием внешних факторов менялись творческие планы, сюжет, список действующих лиц и даже название пьесы. Социальная сатира становится отражением личной трагедии автора, а за героями пьесы стоят реальные люди, на что указывает и сам драматург, перечисляя персонажей пьесы, он называет их «действующие люди» [9, с. 59].

На наш взгляд, именно реальный контекст даёт ключ к пониманию всего произведения, поэтому вопрос датировки и времени работы над пьесой остаётся одним из главных. Н. Дужина, работая с рукописями пьесы «Шарманка», считает, что Платонов писал её с октября по декабрь 1930 года, и отмечает, что автор по мере работы над ней вычеркивает старые варианты названия пьесы («Дирижабль» и «Человек, укравший установку») и пишет новое [3, с. 432]. Однако в записях Платонова 1931 года есть упоминание о пьесе «Дирижабль», текст которой не сохранился. По мнению большинства платоноведов, она является доработанным вариантом пьесы «Шарманка».

В пьесе «Шарманка» есть прямые указания на время действия. Щоёв предлагает оставить в своей кооперативной системе Стерветсена, закрепив его за кооперативом на два года – до конца пятилетки. Как отмечает Н. Дужина, первая пятилетка задумывалась с 1928 по 1933 годы, но уже с 1929 года говорят о «пятилетке в четыре года». В пользу этой версии говорит и то, что в сентябре 1930 года в Ленинград прилетает дирижабль «Граф Цеппе-

лин», а вскоре после этого в СССР начинается сбор средств на постройку дирижабля по проекту К. Циолковского. Завязкой пьесы является странствие Алёши и Мюд, которые собирают средства на постройку дирижабля.

И если с началом работы над текстом пьесы относительно всё понятно, то верхняя граница вызывает вопросы. Как считает Н. Дужина, пиши Платонов «Шарманку» после декабря 1930 года, он бы не делал этого на таком устаревшем материале, как многолапчатая система с центром в районе, объединяющая десять тысяч пайщиков [4, с. 59]. Но, во-первых, сама Наталья Ильинична допускает, что «Дирижабль» является вариантом пьесы «Шарманка», над которой Платонов продолжал работать и в 1931 году. Во-вторых, немаловажным является и сам контекст пьесы. Алёша, главный герой, в образе которого содержится отсылка к судьбе самого автора, в конце пьесы кается: Я был одиночный талант... Я осознаю себя ошибочником, двурушником, присмирением и ещё механистом... Но не верьте мне... Может быть я есть маска классового врага! Я жалкий заблужденец, а вы вожди... [9, с. 109].

На наш взгляд, это отсылка к письмам Платонова, которые он пишет Сталину, в «Литературную газету», формально адресованное М. Горькому, и в «Правду». В письме Платонова Сталину (8 июня 1931 года): «Нижеподписавшийся отрекается от всей своей прошлой литературно-художественной деятельности, выраженной как в напечатанных произведениях, так и в ненапечатанных. Автор (...) пришел к убеждению, что его прозаическая работа, несмотря на положительные субъективные намерения, приносит почти сплошной контрреволюционный вред сознанию пролетарского общества» [10].

Таким образом, личностный контекст позволяет по-новому взглянуть на историю создания пьесы, отодвинув рамки работы над ней минимум на полгода. Становится очевидным, почему данная пьеса не могла быть опубликована, и работа над ней прекратилась в 1931 году. Весной выходит статья Сталина «Головокружение от успехов», с которой полемизируют «Впрок» и идейно близкая ей пьеса «Шарманка». А начавшееся в декабре 1930 года дело мелиораторов, по которому обвиняемым проходил сам Платонов, заставляет изменить сюжет пьесы, убрав некоторых персонажей. Дело мелиораторов завершилось осуждением лишения свободы 28 человек в июне-июле 1931 года, то есть, после реакции Сталина на «Впрок».

В более ранней части текста пьесы «Шарманка» Алёша именовался Самосцевым, затем Платонов исправляет эту фамилию на имя «Алёша». Очевидна здесь отсылка к мелиоративной дея-

тельности Платонова. На острове Самос находилась знаменитый акведук, являвшийся одним из семи чудес света. Есть и фразы самого Алёши, которые являются автоцитатами. Так, Алёша в пьесе говорит, что ничего он не член (ср. анкету Платонова Всероссийского съезда писателей, на вопрос: «Каким литературным направлением сочувствуете или принадлежите?», он отвечает: «никаким, имею свое»). В данном контексте примечательна и концовка в пьесе, в которой Алёша кается: я был одиночный талант... Я осознаю себя ... механистом... [9, с. 19]. Это отсылает нас непосредственно к технической деятельности и изобретениям А.П. Климентова.

Также в пьесе изначально был герой под именем Мучимое, что было невозможно в сложившейся ситуации, и его Платонов заменяет на Кузьму, железного человека.

Исследователи пьесы проводили параллели между персонажами и политическими деятелями эпохи. По мнению Н. Дужиной, Угланов Михаил Павлович, один из героев пьесы, – «собирает личность», состоящая из Угланова Николая Александровича и Томского Михаила Павловича; вместе с Бухаринным считались лидерами «правого уклона» и в качестве таковых стали главной мишенью на состоявшемся летом 1930 года 16 съезде партии» [3, с. 432]. Не менее интересен в этом ключе и образ Железного человека, как изначально Платонов называет Кузьму. Вероятно, в нём есть отсылка к Железному Феликсу, Ф.Э. Дзержинскому, который в начале 20-х возглавлял министерство жд сообщений, а также отвечал за план индустриализации страны, выбирая, по какому пути будет развиваться промышленность: будет ли заимствовать на Западе, или же создавать свои технологии, что с точки зрения фабулы выглядит вполне закономерным. Примечательно, что портрет «Дзержинского висит в комнате Абраментова в программной пьесе «Высокое напряжение», написанной в 1931 году. Интересна и деталь, когда Кузьма срывается на лозунги и обвинения (рвачка...оппортунист) он начинает говорить фрикативный «г», характерный для жителей Украины. Возможно, здесь отсылка к чекисту С. С. Дукельскому. 24 июня 1930 года он был назначен заместителем ПП ОГПУ в Воронеже, заняв одновременно должность начальника Секретно-оперативного управления (СПУ) [8]. Именно с его приходом дело воронежских мелиораторов, которых возглавлял в своё время Платонов, получает своё активное продолжение, и в местных газетах начинается компания по «правильному» восприятию «спецедействия». Вредителей, то есть специалистов на производстве, ведущих подрывную дея-

тельность, в пьесе предлагается есть, прятать в себя.

Несмотря на то что произведения основаны на деталях и реалиях того времени, они не могут быть прочитаны в одном контексте. Трактовка Н. Дужиной названия пьесы: «Шарманка» – это страна, которую крутят железной рукой, а она послушно издаёт требуемый мотив (...) не является полной [3, с. 432]. Достаточно вспомнить концовку, в которой МЮД с шарманкой уходит в даль из выдуманного мира бюрократии, а для госслужащих шарманка представляется атрибутом стихийной жизни [9, с. 84]. На наш взгляд, более точно охарактеризовала название пьесы Н.М. Малыгина, которая считает, что шарманка – мотив чего-то знакомого, фразы когда-то и где-то услышанные [6].

Пьеса прочитывается в определенном контексте, но почти всегда читатель попадает в ловушку рецепции, трактуя её в том или ином ключе. Подобно тому, что происходит в языке платоновских героев, избыточные и свёрнутые конструкции актуализируют повествование, собирательные образы всегда имеют реальных прототипов, которые создают множественные варианты прочтения, что в свою очередь не только затрудняет их идентификацию, но и создаёт многомерность повествования. Это и социально-исторический контекст (в данном случае – «Шахтинское дело», борьба с «правым уклоном», «Дело мелиораторов»), и сатирический (за основу сюжета взят второй приезд Герберта Уэллса в Россию, ставший к 1930 году литературным анекдотом), и литературный (со множеством реминисценций).

Платоноведами довольно подробно рассмотрены аллюзии к творчеству классиков литературы, мы же подробно рассмотрим «фантастический» контекст, столь же актуальный, как и политический. Стоит отметить, что Платонов – третий в советской литературе, кто пишет о роботах. Первым был А. Беляев с юмористическим рассказом «Сезам откройся», опубликованным в 1928 году, в нём богатый немецкий промышленник привозит в дом «механических слуг». Однако ночью механические слуги оказались переодетыми грабителями. Видимо, мотив подмены и обмана иностранца взят из этого рассказа, стоит обратить внимание и на имя главного героя – бывшего промышленника Эдуарда Гане. У Платонова имя обманутого иностранца Эдуард Валькирия Гансен Стерветсен. Фамилия обыгрывает распространённые ругательства в адрес немецких специалистов «спецов-вредителей», как писали в то время в газете «Правда», с той лишь разницей, что драматург придаёт ей датское звучание.

Вторым произведением о роботах стала повесть Владимира Владко «Роботы идут» (Идуть роботарі), опубликованная в 1929 году. Ровесник и земляк Платонова В. Владко, в отличие от Платонова, отказывается от мечты детства стать инженером в пользу более прибыльного дела – журналистики и литературы. Как фантаст он дебютировал рассказом «Помилка Джонатана Говерса», вскоре переработанном в научно-фантастическую повесть «Роботы идут», которая была отмечена в 1929 году премией на Всеукраинском конкурсе. Возможно, в этом кроется ещё одна причина фриктивного «г» в речи Кузьмы, и его работа исключительно за деньги.

У Володько американский инженер изобретает робота, чтобы избавить рабочих от непосильного труда, и изнутри разрушить систему капитализма, строящуюся на эксплуатации рабочих. Рабочие с помощью инженеров со всего мира подчиняют роботов себе с помощью радиоволн, побеждают капиталистов, и обещают победить мировой капитализм. Пролог пьесы «Шарманка» это по сути продолжение повести Владко, когда робот оказывается в стране победившего пролетариата.

Помимо конкретных политических и литературных аллюзий к времени (1930-1931 годы), есть и другие временные пласты. Сюжет с отниманием денег на дирижабль у Алёши имеет свои реальные отсылки к судьбе Циолковского, который пытался собрать деньги на дирижабль, но в итоге ни денег, ни дирижабля не получил: «Сейчас (1913 год) эти деньги лежат у газеты, и она не знает, что с ними делать. Один из моих знакомых был в конторе газеты и предлагал отдать их мне на продолжение моих работ. В конторе это не нашли возможным; однако казали, что деньги сохраняются и только понемногу погашаются вследствие неизбежных канцелярских расходов по их хранению и отчётности. Возможно, – иронически заканчивает Циолковский, – что теперь они уже погасились» [7, с. 13].

Ещё один, пожалуй, самый важный временной пласт – приезд иностранца в Россию и вечер испытания новых форм еды, за которыми без труда угадывается второй приезд Г. Уэллса в Россию в 1920 году и торжественный ужин 30 сентября в Доме искусств (впервые об этом говорится в докладе Р. Голикова 24 сентября 2019 г. в ИМЛМИ РАН).

Почему именно второй приезд? Первая поездка Уэллса в Россию произошла в 1914 году и не оставила заметного следа в его публицистике и переписке. Как говорит Стерветсен в «Шарманке», «я был молод и приезжал давно в Россию я жил здесь в 19 веке на Фабрике жамочных пышек». Во второй раз Уэллс приезжает в СССР в 1920 году. В

период его визита в СССР Великобритания ещё не признала советское правительство, но шаг уже был сделан.

Уэллс, несмотря на все свои попытки учить и писать русские слова в латинской транскрипции, так ничего по-русски и не выучил [13]. В качестве переводчика поехал его сын. В пьесе А. Платонова меняет сына на дочь – Серену. Именно в этом прочтении становятся понятны некоторое противоречия в пьесе. Так, Серена, будучи датчанкой, неизвестные слова подбирает по-французски: Мы читали и нам производили... папа, информасьон? – и во сне говорит по-французски [9, с. 101]. Сыну было 18 лет, студент-зоолог, беспрестанно говоривший о животных, не мог заинтересовать именитых советских писателей, в окружении которых всё время находился Г. Уэллс, и его поручили Валентине Ходасевич, которая объяснялась с ним по-французски и водила юношу по городу. С В. Ходасевич связан и другой не менее интересный эпизод, когда они с Уэллсом пришли в зоопарк: «Было чудом, что порядочное количество зверей ещё были живы, но на многих кожа висела складками и казалась с чужого плеча. Очень грустные глаза были у льва, которому при нас принесли в бадье какое-то вегетарианское месиво из муки и ботвы: понятно, что загрустишь! Я старалась что-то привирать Джипу, уверяя, что это „разгрузочный день“, да и не всегда в Петрограде бывает свежее мясо... „Да-да, я понимаю...“ – говорил Джип» [13]. В зоопарк они ходили каждый день, пытались подкармливать умирающих зверей. Видимо эта «экспериментальная пища» и станет одним из прообразов в пьесе.

Множество мелочей приезда именитого английского писателя не ускользнуло от внимания А. Платонова. Их он со всей скрупулёзностью воспроизводит в пьесе, укрупняя те или иные сюжетные линии. Так, Ольга Берггольц, никогда с Уэллсом не встречавшаяся, в «Дневных звездах», с чужих слов напишет о нём: «Смотрел, как на сцену, из окна отдельного купе в хорошем вагоне, где ехал со своим сыном, со своим английским кофейным прибором, пледом и консервами, привезёнными из Англии» [13]. Плед и консервы были подарком М. Горькому, у которого остановился Г. Уэллс, и у которого в доме постоянно было много постояльцев и гостей. В «Шарманке», пока все вынуждены дегустировать экспериментальные виды еды, Евсей попробует паёк заграничного учёного [9, с. 85].

Мотив еды и голода неразрывно связан с репродуцированным образом Уэллса. А. Платонов мастерски обыгрывает инцидент во время скандального банкета в Доме искусств, куда были приглашены многие известные литераторы того вре-

мени. Николай Оцуп вспоминал: «Заведующий хозяйством Дома искусств позвал на экстренное совещание писателей и предложил им утвердить меню обеда в честь Уэллса. Накормить английского гостя можно было очень хорошо (чтобы пустить ему пыль в глаза). „Совещание“ этот план отвергло: пусть знает Уэллс, как питается русский писатель...<...> Принято было среднее решение: пира не устраивать, но и голодом Уэллса не морить» [13]. Юрий Анненков, на чьем тексте базируются почти все рассказы о том банкете, писал: «По распоряжению Продовольственного Комитета Петербургского Совета в кухню „Дома Искусств“ были доставлены по этому случаю довольно редкие продукты».

Щоёв: Евсей! Организуйте мне бал! Устройте великую рационализацию, приготовьте мощную пищу!

Евсей: Рационализацию-то я сделаю, Игнат Никанорович, ума в массах много, только пищи, боюсь не хватит.

Щоёв (задумчиво): Пищи, говоришь, нет... Ну что ж! Мы организуем вечер испытания новых форм еды [9, с. 83].

Не все смогли попасть на данный вечер. Берберова, которой на вечере не было, позднее напишет: «А если и были некоторые скрипучие голоса на этом вечере, то только тех людей, которых усиленно, но безуспешно пытались не пригласить в Дом искусств; они все-таки явились со злобредной целью пожаловаться Уэллсу на то, что с ними сделали, и показать, до чего они доведены».

Чуждый мусорный голос (взрослого за окном): Дозвольте жижку жевнуть! Я тоже член.

Пожарный закрывает окно. Но извне открывается другое, соседнее окно – и те же лица глядят, в том же порядке, точно они не переменили места. Пожарный закрывает и это окно [9, с. 92].

Вечер испытания едой событийно повторяет ужин в честь Уэллса. В пьесе, как и в жизни, испытание едой происходит не сразу, а идёт предварительная сцена заготовки пищи, поэтому ужин переносится на следующий день. А разразившийся скандал в Доме искусств в пьесе А. Платонова гротескно показан в виде бала со всеобщей рвотой, что было неудивительно: на вечер пришли голодные, не евшие несколько дней писатели, что стало приговором Уэллсу. Виктор Шкловский после обвинительного выступления Амфитеатрова сорвался со стула и закричал в лицо британскому фантасту: «Мы ненавидим вас ненавистью затравленных зверей за вашу бесчеловечную блокаду, мы ненавидим вас за нашу кровь, которой мы истекаем, за муки, за ужас и за голод, которые нас уничтожают, за всё то, что с высоты вашего благополучия вы спокойно называли сегодня „курь-

ёзным историческим опытом“!» [13]. Для Стерветсена весь мир лишь эксперимент [9, с. 88].

Сам образ иностранца отсылает нас не только к личности Г. Уэллса, но и полемизирует с его творчеством. Так Стерветсен говорит о том, что «в Европе много нижнего вещества, но на башне угас огонь» [9, с. 65], что напрямую отсылает нас к роману «Негасимый огонь». Сама тема пищи и голода – прямая полемика с романом зарубежного фантаста «Пища богов», написанным им в 1904 году. Роман оканчивается борьбой гигантов и обычных людей, где гиганты – символ нового типа людей, свободного от предрассудков и социальных предрассудков, обычные люди – мещане, живущие своими корыстными интересами. Ещё больше уэллсовских аллюзий мы находим в рассказе «Заблуждение на родине компота», написанном по мотивам «Шарманки», где герой рассказа Щоев (в пьесе это заведующий кооперативом) совершает полёт на Луну.

Раздача одежды и предметов быта иностранцев в пьесе «Шарманка», комически обыгранная Платоновым, является прямой отсылкой к Уэллсу, делавшему подарки именитым советским литераторам: сигары, лезвия и т.д. Даже мотив купли-продажи в пьесе «Шарманка», покупка надстройки, трактуемый платоноведомы исключительно в фаустовском или христианском контексте как покупка души, имеет реальный прототип. В Шкловский вспоминал один из своих разговоров с Уэллсом: «Уэллс тогда сидел, а сын занимался своими делами, и он мне говорил, что в этой стране надо спекулировать. <...> Спекулировать, потому что здесь, говорит, такие вещи продаются, нефрит выбрасывается... старый английский фарфор, китайский фарфор, английский, ворует» [13]. Именно в соавторстве со Шкловским после путешествия по Центрально-чернозёмному округу А. Платонов напишет в 1925 году очерк «Че-Че-О» и, вероятно, непосредственно от очевидца услышит историю о том памятном вечере. Однако интерес самого А. Платонова к творчеству Г. Уэллса появился намного раньше и связан с его творчеством. Вероятно, фаустовские мотивы и вопросы души являются своего рода полемикой с британским фантастом, в тексте «Шарманки» есть несколько аллюзий к произведению Г. Уэллса «Негасимый огонь: Роман о побежденном дьяволе», не издававшемся в СССР, но вероятно известном В. Шкловскому.

В едином контексте с Г. Уэллсом даются множественные отсылки к М. Горькому, по приглашению, которого иностранец приехал в Россию. Стерветсен «любит горькую долю», то есть отсылка к пребыванию в доме Горького, где в то голодное время всё было в достатке, и писатель знакомится и влюбляется в жену М. Горького Марию

Закревскую-Бенкендорф-Будберг. Мюд в пьесе «Шарманка» обращается к Серене: «Спасибо девочка (целует сразу Серену в щёку). Кто нам сдаётся, тому мы всё прощаем». А это прямая отсылка к статье М. Горького «Если враг не сдаётся, – его уничтожают», вышедшей 15 ноября 1930 года в газете «Правда».

Старшие современники А. Платонова были самыми известными социалистами среди писателей того времени: один – с Запада, другой – из Советской России. И Уэллс, и Горький мечтали о пришествии другого, качественно нового человека. Были убеждены, что такой человек должен формироваться путём просвещения, воспитания и образования, который желательно начинать с детства. Были привержены энцикло-педизму, пытались написать (или организовать, чтобы другие написали) «всё про всё». Не верили в массы, а только в передовые группы просвещённых людей. Единственной стоящей социальной группой считали интеллигенцию [13]. С ними и вступает в полемику А. Платонов, отстаивавший самого обычно «сокровенного человека», пусть и «природного дурака», но без которого «мир будет неполным».

Таким образом, реальный контекст второго приезда Г. Уэллса в Россию задаёт фабулу пьесы и позволяет не только рассматривать присутствовавших на вечере в Доме искусств, впоследствии сыгравших в судьбе А. Платонова 1930-х годов значительную роль, как прообразы, но и произвести смещение фокусировки с личности главных героев-странников, на «руководителей», за которыми угадываются реальные черты А. Фадеева, Л. Авербаха, А. Воронского, А. Толстого и др.

А. Платонов использует в пьесе «Шарманка» обычный для него набор мотивов: мотив голода, купли-продажи, души, преобразования мира и т.д., накладывая на них образы реальных людей, которые так или иначе пересекаются с этими мотивами в жизни. Таким образом, сюжетно-образующими в пьесе «Шарманка» выступают именно платоновские мотивы, наиболее актуальные вопросы, к которым обращался автор, и реальные прототипы начинают жить и действовать в этой парадигме.

Типологически и идейно в пьесе «Шарманка» можно выделить три группы персонажей: Алёша и его спутники, иностранцы и руководство кооперативной системой с их служащими. Образы Алёши, Мюда и Кузьмы можно трактовать как альтер эго самого автора, где Алёша – кающийся Платонов, Мюд – его взгляды юности, а Кузьма – техническое наследие А. Климентова. В данном прочтении «Шарманка» предстаёт перед нами как пьеса-покаяние Платонова писателя не за «Впрок», а за письма Сталину, в которых он каялся в своих литературных грехах, покаяние перед самим собой,

предавшем идеи юности. В финале пьесы из уст Мюда выносится приговор Алёше: «прощай, при- смиренец». Это не конкретный человек, а символ юности, беззаветной веры в революцию. МЮД, в трактовке Н. Дужиной, – Международный юношеский день [3, с. 432]. С другой стороны, каждый образ собирательный и прочитывается в совершенно разных контекстах: культурном, реальном, литературном, историческом, политическом и т.д. Дочь Стерветсена вводится исключительно как вспомогательный герой, позволяющий раскрыться множественным контекстам. И хоть любовная линия Алёша – Серена обозначена А. Платоновым, она играет второстепенную роль ретушируя основные коллизии пьесы.

В списке действующих лиц, или «действующих людей», который даётся в начале сохранившегося варианта пьесы, заявлены и говорящая труба на столе Щоева, и ряд героев, которых мы в тексте пьесы не обнаруживаем: чуждый человек, милиционер, кольцевой почтальон. Однако несмотря на то, что в тексте их нет, мы можем сделать предположение об их роли в пьесе. Милиционер как лирический герой, выступавший против обобщественного подхода к отдельно взятой личности, встречается в более ранней пьесе «Дураки на периферии» (1928), милиционер становится причиной аварии на предприятии и гибели специалистов в пьесе «Высокое напряжение» (1931). Образ почтальона наиболее интересен в контексте пьесы «Шарманка», так как из прибора, необходимого для распределения электричества, он делает радио (можно провести параллель с шарманкой), что и приводит к трагедии. В отличие от Алёши он не просто, кается, а налаживает работу техники, обвиняя самих энтузиастов, пожертвовавших своими жизнями, чтобы не останавливать работу предприятия. В конце пьесы «Высокое напряжение» он призывает быть неподвижными и любить больше почту и телеграф, потому что это «дело слишком серьёзное».

В изменившейся политической обстановке весны 1931 года (разгром платоновского «Впрок» и окончание «Дела мелиораторов»), финальная речь почтальона прочитывается как речь самого автора к руководству, возможно, А. Фадееву: «Теперь стрелять уж ни к чему...Сами виноваты: привили мне любовь к научно-техническим достижениям, пустили ходить в будущее, – вот я и стремлюсь! Чего ты нервничаешь? Аппарат твой цел. Я изучил его по инструкции и ничуть не испортил...» [9, с. 153]. Таким образом, незаконченная пьеса «Шарманка» – это личная трагедия А. Платонова, предавшего свои идеалы юности и подводящего итоги своей технической деятельности юности (в пьесе Алёша сам ломает Кузьму, которого изобрёл,

находящегося под ударами критики, а пьеса «Высокое напряжение», написанная в этом же году, – обещание исправиться.

Пьеса Шарманка многопланова и многосюжетна: всё зависит от рецепции, несмотря на проделанную титаническую работу литературоведов, многие контексты и аллюзии ещё предстоит от- крыть.

«Шарманка» стала определенным этапом в творчестве Платонова, написанная в переломное время как для самого писателя, так и судьбы страны в целом. После неё у А. Платонова больше не будет комедий, а тревога за судьбу отдельно взятого человека сменит мысли о судьбе народа («Джан», «14 красных избушек») и мира в целом («Ноев ковчег, или Каиново отродье»).

Литература

1. Вьюгин В.Ю. «Чевенгур» Андрея Платонова (к творческой истории романа): авторефер. дис. ... канд. филол. наук. Инт-т рус. лит. (Пушкинский дом) РАН. Санкт-Петербург, 1992.
2. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. М.: Изд-во «МИК», 1999. 32 с
3. Дужина Н.И. Примечания Текст. // Платонов А.П. Ноев ковчег: Пьесы; сост. А. Мартыненко; предисл. А. Битова; примеч. Е.В. Антоновой, Н.И. Дужиной, Н.В. Корниенко, Н.М. Малыгиной. М.: Вагриус, 2006. С. 430 – 433.
4. Дужина Н.И. Творчество Андрея Платонова в политическом и культурном контексте (повесть «Котлован» и пьеса «Шарманка»): дис. ... к. филол. н. Москва, 2004. 313 с.
5. Корниенко Н. История текста и биография А. П. Платонова (1926-1946) // Здесь и теперь. Москва, 1993. № 1. 320 с.
6. Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова в контексте литературного процесса 1920-1930-х годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1992.
7. Перельман Я.И. Циолковский: его жизнь, изобретения и научные труды: по поводу 75-летия со дня рождения. Ленинград; Москва: Государственное технико-теоретическое издательство, 1932. 62 с.
8. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934-1941. М.: «Звенья», 1999. С. 181 – 182.
9. Платонов А.П. Ноев ковчег: Пьесы / сост. А. Мартыненко; предисл. А. Битова; примеч. Е.В. Антоновой, Н.И. Дужиной, Н.В. Корниенко, Н.М. Малыгиной. М.: Вагриус, 2006. С. 430 – 433.
10. Платонов А.П. «...Я прожил жизнь» (письма, 1920-1950 годы). URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/II/platonov-andrej-platonovich/ya-prozhil-zhiznj-pisjma-19201950-godi/12> (дата обращения: 01.05.2022)

11. Толстая-Сегал Е.К. вопросу о литературной аллюзии в прозе Андрея Платонова: Предварительные наблюдения // Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1981. Vol. V-VI. P. 344 – 369.

12. Харитонов А.А. Андрей Платонов в контексте своей эпохи (материалы IV Платоновского семинара) // Русская литература. 1993. № 2. С. 243 – 251.

13. Чертанов М. Герберт Уэллс. М.: Молодая гвардия, 2010. URL: https://royallib.com/book/chertanov_maksim/gerbert_uells.html (дата обращения: 01.05.2022)

References

1. V'jugin V.Ju. «Chevengur» Andreja Platonova (k tvorcheskoj istorii romana): avtorefer. dis. ... kand. filol. nauk. Int-t rus. lit. (Pushkinskij dom) RAN. Sankt-Peterburg, 1992.

2. Geller M. Andrej Platonov v poiskah schast'ja. M.: Izd-vo «MIK», 1999. 32 s

3. Duzhina N.I. Primechanija Tekst. Platonov A.P. Noev kovcheg: P'esy; sost. A. Martynenko; predisl. A. Bitova; primech. E.V. Antonovoj, N.I. Duzhinoj, N.V. Kornienko, N.M. Malyginoj. M.: Vagrius, 2006. S. 430 – 433.

4. Duzhina N.I. Tvorcestvo Andreja Platonova v politicheskom i kul'turnom kontekste (povest' «Kotlovan» i p'esa «Sharmanka»): dis. ... k. filol. n. Moskva, 2004. 313 s.

5. Kornienko N. Istorija teksta i biografija A. P. Platonova (1926-1946). Zdes' i teper'. Moskva, 1993. № 1. 320 s.

6. Malygina N.M. Hudozhestvennyj mir Andreja Platonova v kontekste literaturnogo processa 1920-1930-h godov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moskva, 1992.

7. Perel'man Ja.I. Ciolkovskij: ego zhizn', izobrenenija i nauchnye trudy: po povodu 75-letija so dnja rozhdenija. Leningrad; Moskva: Gosudarstvennoe tehniko-teoreticheskoe izdatel'stvo, 1932. 62 s.

8. Petrov N.V., Skorkin K.V. Kto rukovodil NKVD. 1934-1941. M.: «Zven'ja», 1999. S. 181 – 182.

9. Platonov A.P. Noev kovcheg: P'esy. sost. A. Martynenko; predisl. A. Bitova; primech. E.V. Antonovoj, N.I. Duzhinoj, N.V. Kornienko, N.M. Malyginoj. M.: Vagrius, 2006. S. 430 – 433.

10. Platonov A.P. « ...Ja prozhil zhizn'» (pis'ma, 1920-1950 gody). URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/P/platonov-andrej-platonovich/ya-prozhil-zhiznj-pisjma-19201950-godi/12> (data obrashhenija: 01.05.2022)

11. Tolstaja-Segal E.K. voprosu o literaturnoj alljuzii v proze Andreja Platonova: Predvaritel'nye nabljudenija. Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1981. Vol. V-VI. P. 344 – 369.

12. Haritonov A.A. Andrej Platonov v kontekste svoej jepohi (materialy IV Platonovskogo seminar). Russkaja literatura. 1993. № 2. S. 243 – 251.

13. Chertanov M. Gerbert Ujells. M.: Molodaja gvardija, 2010. URL: https://royallib.com/book/chertanov_maksim/gerbert_uells.html (data obrashhenija: 01.05.2022)

THE PERSONAL CONTEXT OF THE PLAY "HURDY-GURDY" BY A. PLATONOV

*Potrebich E.S., Postgraduate,
Heilongjiang University, Harbin, China*

Abstract: researchers of the writer's creative work see the specifics of Platonic plays, as a rule, in the typological unity of characters whose behavior is dominated by role-playing principles, but Platonic heroes have a more complex multilevel system of allusions. In our article, continuing the work of a number of researchers, we will identify new social and cultural contexts in the play "Hurdy-Gurdy", which allow us to take a fresh look at this play, to understand the system of characters and the main motives reflected in it. In particular, let's consider one of the most complex central images in Platonov's dramaturgy – the image of a foreigner having a real prototype. In the play "Hurdy-Gurdy", which allow us to take a fresh look at this play, to understand the system of characters and the main motives reflected in it. In particular, let's consider one of the most complex central images in Platonov's dramaturgy – the image of a foreigner having a real prototype. In the play "Hurdy-Gurdy", A. Platonov uses the second visit of H.G. Wells to Russia as one of the main storylines, which allows him to introduce a number of characters who reveal a number of allusions to older contemporaries with whom the playwright not only conducted an active creative discussion, but who played a significant role in the writer's fate.

Keywords: Platonov, hurdy-gurdy, context, character, image system, foreigner

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЭПОПЕИ НАКИ ИСАНБЕТА «ГАПДЕРИ»

*Хабутдинова М.М., кандидат филологических наук, доцент,
Казанский федеральный университет*

Аннотация: в статье впервые анализируется эпопея Наки Исанбета «Гаптери» (1946). По неизвестным причинам она осталась неопубликованной. Мы обнаружили машинопись эпопеи в архиве известного татарского писателя-фольклориста. Цель нашего исследования – выявить вклад Н. Исанбета в дело реконструкции древнего жанра. В работе используется культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный методы анализа. Доказано, что при создании стихотворной эпопеи поэт успешно опирается на народно-поэтическую (фольклорную) и литературную (Г. Тукай) традиции. Как и при создании сводного текста дастана «Идегей», в работе над эпопеей «Гаптери» раскрылся в полной мере поэтический дар Н. Исанбета. Автор произведения продемонстрировал глубокое освоение эстетики народного творчества, особенностей художественного мышления татарского народа. Художественный мир, проблематика и структура образов «Гаптери» близки структуре эпических образов татарского народного творчества. Рассмотрев подробно образы Гаптери таза (плешивого), каһармана (героя), мудрой супруги, автор статьи приходит к выводу о том, что Н. Исанбет в своей эпопее воспроизводит особенности создания эпических героев в сказках, народных легендах, дастанах как в плане характерологии, так и в плане художественной образности.

Ключевые слова: татарская литература, Наки Исанбет, стихотворная эпопея, образ таза, эпический герой

Наки Исанбет снискал славу талантливого поэта еще в годы учебы в медресе «Хасания» в Уфе. По собственному признанию писателя, он начал писать стихи в 10 лет, воодушевившись примером Г. Тукая и М. Гафури. Первое стихотворение Н. Исанбета было опубликовано на страницах журнала «Ак юл» в 1914 году, когда ему исполнилось 15 лет [6]. В годы учебы в Казани шакирд медресе «Мухаммадия» уже снискал славу создателя романтических поэм. Широкому кругу читателей известны поэмы Н. Исанбета «Укыгучы кыз» («Учительница», 1916) [4, 136-139 б.], «Качкын» («Беглый», 1916) [4, 134-135 б.], «Сукбай» («Зимагор», 1916) [4, 140-145 б.], «Эшче Хафиз» («Рабочий Хафиз») [4, 146-147 б.], «Контрабандистлар» («Контрабандисты») [4, 148-171 б.], «Днепрострой» (1933) [7, 254-259 б.], «Нужа бабай» («Дед-нужда») [7, 260-300 б.]. Большинство из них носило ученический характер. Литературовед Л.Р. Надыршина ошибочно рассматривает ранние поэмы Н. Исанбета в русле экзистенциализма [9, С. 14-15]. На деле перед нами яркие образцы татарских романтических поэм 1920-1930-х гг. Если поэмы 1920-х гг. «Качкын» («Беглый», 1916), «Сукбай» («Зимагор», 1916) были написаны Н. Исанбетом под влиянием пушкинских («Братья-разбойники») и лермонтовских («Беглец», «Мцыри») поэм, то в поэмах 1930-х гг (ср «Днепрострой»), отчетливо прослеживаются традиции поэзии Пролеткульта, особенно В. Маяковского (ср. поэмой «Рассказ Хренова о Кузнецкое и людях Кузнецкое» (1929)). Поэмы «Контрабандистлар» («Контрабандисты», 1931) и «Нужа бабай» («Старик Нужда», 1949) являются сатирическими по духу.

1940-е гг. можно по праву считать итоговыми в творческой биографии Н. Исанбета в работе над

жанром поэмы. Специфика художественного мышления «выдающегося литератора» ярче всего проявилась при реконструкции сводного текста эпоса «Идегей» [3]. М. Усманов деятельность поэта-текстолога сравнивает с подвигом Элиаса Ленирота, собирателя и составителя знаменитой поэмы «Калевала» [11, с. 248].

Смеем предположить, что за создание эпопеи «Гаптери» (1946 г.) [5] Наки Исанбета взялся вдохновленный успехом «Идегея». Судя по посвящению, это «маленький подарок» автора к 30-летию Великой Октябрьской революции. К сожалению, по неизвестным причинам, произведение осталось неопубликованным. Свои размышления о героическом потенциале своих современников Н. Исанбет облекает в форму полушутливого легкого повествования, имитирующего народную сказовую манеру. Выбирая жанровую форму для своего произведения, Н. Исанбет, как нам кажется, оттолкнулся от наработок Гегеля. Размышляя в «Лекциях по эстетике» над жанровым своеобразием классической эпопеи, немецкий философ так определил ее типологические признаки:

- 1) значительность и трагедийность событий, определяющих судьбы народов и человечества,
- 2) масштабность героя, воплощающего коллективистский идеал (племени, народа, нации), осуществляющего идею коллектива в трагической ситуации;
- 3) установка автора, возвышенного певца, выразителя коллективного сознания, на прославление великих событий и великих героев,
- 4) возвышенный, эстетически украшенный стиль с устоявшимися поэтическими приемами и формулами [1, с. 426-427].

Н. Исанбет описывает в своей эпопее ключевые

события первой половины XX в., имевшие общенародное и государственное значение (война, революция, коллективизация). Широкий охват действительности позволил автору включить в рамки основного события – поиска героем райской жизни на земле – большого числа самостоятельно разработанных эпизодов.

Произведение нацелено на разрастание вширь: описывая жизнь Гаптери, Н. Исанбет в систему персонажей включает огромное количество действующих лиц, взаимодействующих с главным героем. Среди них встречаются как реальные исторические персонажи, чьи имена иронически переосмыслены (Керенский, Деникин (Женикин), Колчак (Кылчык), С. Максуди, Черчилль (Черчель) и др.), так и вымышленные.

Ведущей темой произведения является тема формирования гражданского мироощущения. В рамках вековой традиции, читатели становятся свидетелями возвышения героя из «низов» (ср. со «Сказанием о Юсуфе» болгарского поэта Кул Гали). Главным героем эпопеи «Гаптери» становится человек из народа. Это крестьянин Габдерахим Рахимов, колхозник колхоза им. М. Вахитова, ветеран Великой Отечественной войны, вырастивший с супругой Гульжамал 9 детей. Стремясь подчеркнуть демократизм образа Гаптери, поэт выбирает ему «говорящее имя»: «раб милосердного (Аллаха)».

Чтобы привлечь внимание читателей, поэт наделяет героя особенной внешностью: плешивого Гаптери называли в деревне Тазом. В среде татарского народа к людям с таким недостатком внешнего облика сформировалось особое отношение. В татарских пословицах преобладает шутовское отношение: «Акыллы баштан жүләр чәчләр киткән, ди». [8, 706 б.]. Н. Исанбет, комментируя пословицы о *тазе*, считает нужным заметить, что в татарских сказках этот образ ассоциируется с находчивостью, хитростью, расторопностью. Фольклорист указывает, что народ придумал *таза*-оптимиста в эпоху феодализма в надежде на кардинальное изменение своего социального статуса. Так, в одной из пословиц утверждается, что благодаря предприимчивости таз может стать обладателем царской казны («Казынган таз казна тапкан, / Кашынган таз кутыр тапкан» [8, 707 б.]), добиться любви царской дочери (Таз көндөз көлдән борчак чүпли, төнле патша кызы янына бара [8, 706 б.]).

Н. Исанбет наделяет героя богатой литературной биографией: первым Гаптери воспел в своем стихотворении «Таз» еще Г. Тукай: «Күреп калган Тукай абый, / Шигырьгә дә язган эле / Үткенлеген аның данлый. / Хәтерлимсез?...» [5, 9 б.]. Как верно подметила литературовед Ф. Ибрагимова,

великий поэт, воспевая плешивого проказника-шакирда, призвал своих читателей формировать мнение о людях не по одежке, а по внутреннему потенциалу их натуры. Тукаевский Таз – оптимист, отличающийся находчивостью, умением быстро найти выход из любой ситуации [2, 600 б.].

Чтобы выявить духовный потенциал татарского народа, Н. Исанбет в качестве «общенационального дела» использует «войну». Поэт воспекает в эпосе героя («каһарман»), мечтающего о райской жизни на земле, хлебнувшего лиха в мирной жизни под гнетом эксплуататоров, а также на фронтах Первой Мировой, гражданской, Великой Отечественной войнах. В образе Гаптери нашел воплощение коллективистский идеал татарского народа: на глазах у читателей он превращается из глуповатого таза («Авылның ул актык тазы») в гражданина СССР, человека большой души («зур жанлы, / Халык жанлы, батыр жанлы»), готового отдать жизнь за счастье Идель-Йорта («Ватанның зур каһарманы») [5, 287 б.].

Эпопея Н. Исанбета состоит из введения [5, 3-5 б.], двух глав «Патша кызын алмаган Гаптери таз» [5, 6-179 б.], «Гаптери абый Бөек Ватан сугышында» [5, 180-306 б.] и заключения [5, 307 б.]. Н. Исанбет во введении указывает на прочную связь своего произведения с предшествующей фольклорной и литературной традицией: «Безгә калган бу бер йола / Бездән сезгә калыр ул да» [5, 5 б.]. Поэт считает важным сохранение в литературе древней эпической традиции, восхваляющей героических сынов родной земли.

Всесторонняя картина народной жизни в эпосе Н. Исанбета включает в себя как изображение крупных исторических событий, так и воссоздание облика повседневности. Герой в ней обретает самостоятельный голос на фоне многоголосого хора своих современников. Автор погружает своих читателей в интимные переживания Гаптери.

В первой части эпопеи Н. Исанбета преобладает сказочное, а во второй – реалистичное начало. Основанием для этого, по мнению поэта, послужил характер современной эпохи, превратившей сказку о бедняке и его мечте о народном счастье в быль, а рядовых тружеников – в настоящих героев-богатырей. Сюжет каждой из частей эпопеи представляет собой законченное целое.

Первая часть эпопеи «Патша кызын алмаган Гаптери таз» («Гаптери таз, не взявший в супруги царскую дочь»), состоящей из 45 подглав, целиком отвечает фольклорной сказочной традиции. В ней героем становится бедняк из татарской бытовой сказки, живущий на окраине деревни в маленьком домишке с мудрой супругой Гульжамал

(«ярлы булып та» [5, с. 11]). Габдерахим едва сводит концы с концами, т.к. его земельный надел находится на заболоченной земле. Односельчане по-своему обращаются к нему «Гаптери», а за глаза называет «Тиле таз» («Глупый плешивый»).

Завязкой сказочной эпической ситуации становится «недостача»: потеря героем лошади и, как следствие, утрата возможности обработать свой земельный надел. Благодаря доверчивости, мечтательной натуре, муж Гульджамал не раз попадает в затруднительные ситуации, т.к. поначалу он живет «чужим умом». Доверившись мулле, крестьянин отправляется искать рай на чужбине. В результате вначале Гаптери попадает в кабалу к своему родственнику-баю, затем – к царю: 7 лет прослужил в Царской Армии.

Исанбетовский герой обладает пытливым умом и постоянно высказывается, чтобы скорректировать свое мнение об окружающем мире. Важную роль в становлении мировоззрения героя сыграла встреча с кузнецом-батыром Ибаном, который объяснил ему суть эксплуататорского ада на земле. «Волшебный помощник» предложил ему вместе бороться за всенародное счастье. Вначале упрямый Таз решил искать счастья в одиночку, однако вскоре он был вынужден отказаться от этой мысли. Возвращаясь домой, Гаптери попадает в кровавый переплет гражданской войны и вместе с Ибаном наводит порядок на родной земле. Вернувшись на родину, вместе с супругой принимает активное участие в создании колхоза. Образ Гаптери дается Н. Исанбетом в динамике. На глазах у читателей бедняк превращается в героя эпохи, способного взять на себя ответственность за судьбу своей страны, своего народа.

Автор эпопеи подчеркивает в герое черты характера, указывающие на героический потенциал его натуры: жизненная хватка, оптимизм, совестливость, доброта, щедрость души («хэйран иде кунакчыл»). Несмотря на бедность, Гаптери отличается гостеприимством. Он самокритичен: непрерывно оценивает себя в «зеркале ума» («акыл көзгесе»). В соответствии с народным идеалом, Гаптери счастлив в семейной жизни: Гульджамал души не чаёт в своем муже: «Мэхэббэтлэре тигез, / Яттан ялгыз тусалар дә / Күнеллэре бик тигез... [5, 12 б.]

В сказочной главе фигурируют «волшебные предметы» (белое полотенце, клубок, ключка (кәкмәшә)). «- Менә сиңа ак сөлгә, / Битен югач сөртәрсең, / Кулымдагы шул йомгагым / Юлың булып сүтелсең!» [5, 26 б.], – с такими словами провожает в путь своего мужа Гульджамал. Ее духовная связь с мужем визуализируется через нить, за которую она дергает струны души мужа, напоминая о необходимости вернуться домой.

«Волшебный помощник» – батыр Ибан куёт сказочное оружие – ключку, с помощью которой вместе с Гаптери они очищают мир от эксплуататоров.

Время в поэме распадается на 2 периода: Царское время и советскую эпоху. Н. Исанбет реконструирует в эпопее сказочную топонимику. Сказочный мир имеет в первой главе трехчастную структуру: внизу мир мертвых (гарасат), в середине – мир людей, в небесах – мир Аллаха. В «чужой мир» Гаптери попадает через *мост*, который он принимает за мифологический мост Сират. Смысл перехода в рамках народной традиции оказывается в обретении героем мудрости. Проводником в «чужой мир» выступает стражник-«вредитель» с «говорящим именем»: Кылычбай Жантимиров («Бай с железным сердцем», «с железной душой»). В роли волшебного транспортного средства в сказочной главе фигурируют поезд-«аждаха» и сибирский крылатый конь.

Судьбоносной становится для таза встреча с царем и его дочерью, которые втянули его в пучину войны, пытались обмануть во время революции. Н. Исанбет указывает, что его герой является носителем вековых представлений нашего народа о доблести и героизме: «Бабасы кебек уйлау / Аңа килгән борыннан». [5, 68 б.]. В эпопее упоминается татарский народный праздник *сабантуй* в значении «поля битвы», где есть возможность для проявления героического начала в человеке. Наблюдая за характером военных действий в годы Первой Мировой, герой не приемлет ее затяжной характер, а также выстрелы исподтишка: «Ул нинди сабан туге / Ай буе да ел буе? / Безнең яктагыча түгел, / Гел хэрэмнән уйныйлар: / Күрәнми посып яталар, / Шуннан кеше аталар. / Карый да Гаптери моны, / Егетлекмени бу? ди. [5, 68 б.]

Вначале Гаптери стремился удивить окружающих неординарными поступками («коры егетлек» [5, 70 б.]: ловил пулю то ртом («очып килгән пуляны / Авызы белән йотты» [5, 70 б.]), то руками («очып килгән пуляны / кулы белән тотып алды» [5, 70 б.]), затем продемонстрировал свое снайперское искусство: «Карап ята берәз күккә, / Кагына да ясана да / Әйләнә, ди, кәккүккә» [5, 71 б.]. Генерал наградил его за ратные успехи большой медалью.

Благодаря Ибану-депутату из Петербурга («Сугыш бара ил басарга, / Сез килгәнсез жир басарга? / Шул вакыт үз илебездә / Кем хужа соң жиребезгә?» [5, 79 б.]), Гаптери взялся за ум. В сказочной части фигурирует образ мельницы, которая наделяется семантикой «мельницы жизни»: Моңа чаклы дөнъя безне әйләндергән, / Хәзер безнең кулга төште бу тегермән. /

Жибәрмегез кулдан сабын, / Аңа бирдек эшче канын [5, 80 б.]. Как известно, мельница занимает особое место в системе материальных и духовных ценностей татарского крестьянина. Она ассоциируется с достатком, символизирует сакральное место, пограничье, где мельник обладает своей поведенческой моделью, вызванной к жизни особым знанием при контакте с «чужим миром».

Обычно фольклорная сказка начинается обозначением условного сказочного пространства. Н. Исанбет начинает первую главу с традиционной татарской сказочной присказки, в которую вплетает детали обычного крестьянского быта [5, 7 б.].

В сказке представлены два среза общества: семейный и общественно-политический. Если в семье царит порядок, то общественно-политическая жизнь в эпопею все больше погружается в хаос. Родной земле постоянно угрожают то внешние, то внутренние враги, что требует от героя деятельного участия в ее судьбе.

Общественный переворот принимает в сказочной главе характер земной карусели, приводящей в движение все предметы вокруг: «Берсе тормый урнында, / Нәммәсе дә әйләнә, / Әйләнә дә әурелә, Өерелә де чөерелә!...» [5, 76 б.]

Гражданская война в первой главе постепенно теряет реалистические очертания. По законам сказки враги Гаптери во главе с адмиралом, спасаясь бегством, прибегают к трансформации своего облика:

*Гаптери боларны күргәч тә
Кәккүк булып чүпләргә тотынды,
Тегеләр ярма булып чәчелде,
Гандери әтәч булып чүпләргә тотынды, ди
Гандери генәме күрсәң анда?*

Әтәч булып төшкән бөтен безнең кызыл команда! [5, 122 б.]

Младшая дочь царя принимает в сказке облик сестры милосердия, постепенно приобретая черты змеи-искусительницы (юха), сбивающей путника с истинного пути. Разглядывая царскую дочь, Гаптери оценивает ее крестьянским взором: «Кашы нечкә каләм икән, / Үзе ничава икән, / Кәжә сава белә микән, / Ни төсле сава икән? / Алданмы, ди, арттанмы? / Белмәс, хәер, бу аны...» [5, 67 б.] Сравнение Гульдзамал с царской дочерью, оказывается не в пользу последней. Гаптери понимает, что для него нет никого дороже и красивей, чем его супруга. С образом Гульдзамал связан в эпопею мотив вещего сна.

В ходе битвы герой добывает себе крылатого коня размером с жеребенка (Себер аты), на котором преследует врага до Сибири и Дальнего Востока.

В память о битвах за народное счастье Ибан батыр дарит другу волшебный меч. Односельчане

с удивлением констатируют изменения в герое: «Әйләнгән бу, алмашкан; / Тиле таз булып киткән, / Акыллы булып кайткан» [5, 151 б.].

Мирное счастье семьи было нарушено Восстанием вилочников, во время которого Гаптери был вынужден вновь взять винтовку в руки и позвать на помощь друга. Одержав победу, Гаптери остался на родине созидать ТАССР (Советчыл Татарстан): создал и возглавил в деревне артель, построил просторный дом для семьи, вырастил детей. Дети героя нашли свою дорогу в жизни: Арслангарай и Мингарай поступили учиться в Казанский университет, Ляля, Лябиба – в летное училище, Альфия и Гульфия – в медтехникум, Фатхери – военное училище, Зубаржат стала артисткой в филармонии, а младший Мубарак остался с отцом и матерью. Сказка о глупом Тазе завершается семейной идиллией, которую автор готов снимать на камеру.

Вторая часть поэмы целиком посвящена событиям Великой Отечественной войны. Открывается хикаят масштабной картиной народной войны за Волгу (Идель). Н. Исанбет прославляет единство страны: «Кара безнең халыкка: / Әйтәм без бик көчле, / Без күп икәнбез! / Әйтәм бездә күэт, / Бердәм ил икәнбез!» [5, 182 б.] Сама битва за Родину соотносится с *әмә* (помочь). Стремясь зримо очертить круг участников народного ополчения, Н. Исанбет перечисляет названия татарских населенных пунктов в той же стилистической манере, что встречается в песнях слепого Фарраха [10 б.]

Вторая часть представляет из себя описание череды подвигов, совершенных старым георгиевским солдатом на фронте. Н. Исанбет изображает отца-героя на фоне фронтовых подвигов его детей. Предчувствуя гибель детей, накануне войнф Гульдзамал видит сон о рассыпавшемся жемчужном ожерелье. Вслед за детьми старый солдат сбегает на фронт. Военные будни даются в зеркале характеристик отца-воина и воина-сына. Нанизывая один эпизод на другой, автор размышляет на тему семейной гордости. В ткань эпопеи автор органично включает лирические отступления. Например, песню «Батырлар даны турында жыр» [5, 233-234 б.]. Размышляя о природе героизма, Н. Исанбет свое мнение выражает в застольном выступлении старого поэта, прославляющего человека с самостоятельным мышлением [5, 235 б.].

Н. Исанбет рассматривает проблему героизма в историческом разрезе. Героями для него являются как современники, совершающие свои подвиги на фронте, трудовые – в тылу, так и исторические деятели (Алпамша, Александр Македонский,

Шекспир). Поэт ощущает себя летописцем солдатских будней Гаптери на фронте.

С тонким юмором в стиле солдатской байки описывает автор эпопеи путешествие георгиевского солдата по Берлину. Народная культурная традиция здесь дает о себе знать в шутовском солдатском балагурстве. Автор, описывая прогулку старого солдата, часто прибегает к гиперболам: так, солдат Гаптери едва сумел пройти через Брандебургские ворота («Чак-чак башы тими, ди») [5, 244 б.]. Берлинская Колонна Победы при приближении солдата-победителя теряет реальные размеры и становится ему по колено [5, 245 б.]. Сочный солдатский юмор дает о себе знать и в языковой игре. Так рассматривая мраморную статую Бисмарка, Гаптери приходит к заключению: «Күрме торыр Бисмарк? / Белмим, кичэ күпме торган, / Бүген тормый биш марк!» [5, 245 б.]. Полны солдатского юмора размышления старого солдата об укладе жизни немцев, специфике их национального характера [5, 246-247 б.]. Н. Исанбет умело использует в эпопее потенциал звукописи: «Атлар китте жу итеп, / Атлар купты ду итеп, / Ярманның таш каласы / Бары кала шу итеп. [5, 275 б.].

Диалоги Гаптери абзья с кладовщиком Юсупом из Атни, генералом во время сдачи снайперской винтовки полны внутренней экспрессии. Мы становимся свидетелями чудесного преображения героя-снайпера в народного ходатая. «Бойкий колхозник» уговаривает генерала доверить ему перегнать на родину табун из 40 лошадей. Здесь решающее слово оказывается за генераллисимумом, который прославляет победу коллективного начала в герое («Илгэ багышлап / Илне алда / Күргәнец өчен») [5, 269-270 б.].

Весьма ярким получился в эпопее эпизод с отбором лошадей из табуна численностью в 5 тысяч голов. Автору удалось создать целую галерею ярких индивидуализированных портретов животных, каждое из которых обладает своим норовом и статью.

Описывая возвращение героя на родину, Н. Исанбет делится с читателями своими размышлениями о природе татарского национального характера (оптимизм, бесстрашие, страстная любовь к лошадям, религиозность, чистоплотность, хлебосоольство).

Полны лиризма размышления главного героя о солнце родной земле. Здесь важную роль играет антитеза: немецкое холодное солнце-эрзац противопоставляется родному солнышку, похожему на блин, плывущий в растопленном сливочном масле.

Финальные строки носят характер гимна в честь родной земли и ее славного сына, память о подвиге которого сохраняется в экспозициях сельского музея. Верный тюркской эпической традиции, Н. Исанбет описывает в эпопее богатырское застолье. Размах застолья, его характер также служат возвышению героя, подчеркиванию его героического статуса. Пир в эпопее Н. Исанбета моделирует ситуацию единения общества как воплощения гармонической целостности народной жизни. Важное место отводится поэтическим тостам, прославляющим подвиг рядовых граждан как на войне, так и в тылу. Это ритуал, указывающий на социальную гармонию, благоденствие. Н. Исанбет считает важным подчеркнуть духовную связь героического прошлого с настоящим. Для этого в описание застолья автор вводит образ парня, играющего на сазе, исполняющего старинные татарские песни, в которых оживают голоса жителей Древнего Булгара и Ханской Казани. Важная роль отводится описанию татарской плясовой.

Эпопея «Гаптери» – это объемное произведение, где «стежок» за «стежком» воссоздается национальная жизнь татар в первой половине XX в., которая дается в разрезе вековых традиций (уклад жизни, обряды, характер, кухня, язык). Это народная героическая эпопея, созданная по законам фольклорного эпического повествования. Она вобрала в себя и сказку, и хикаят. Н. Исанбет высказывает народную точку зрения на природу героического. Опираясь на народные представления, поэт наделяет своего героя лучшими чертами национального характера, что превратило Гаптери в национальный образ. При всей эпической обобщенности в Габдерахите Рахимове отчетливо прослеживаются его личностные черты. От эпизода к эпизоду его душа раскрывается разными гранями. Образ неунывающего таза и героя-победителя соединяются в финале автором воедино, что ведет к созданию образа народа-победителя, созидającego своими усилиями рай на земле.

Литература

1. Гегель Г. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1971. Т. 3. 312 с.
2. Ибраһимова Ф.И. «Таз» // Габдулла Тукай. Энциклопедия. Казан: Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, 2016. Б. 600.
3. Идегэй: татар халык дастаны: Н. Исәнбәт жыйнамаһы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. Б. 39 – 76; № 12. Б. 34 – 82.
4. Исәнбәт Н. Әсәрләре: в 4 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Т. 1. Б. 312.

5. Исәнбәт Н. Гаптери // Н. Исәнбәтнең шәхси архивы. Кулъязма. Машинкада басылган. Күләме. 307 б.

6. Исәнбәт Н. Кемдер ул? // Ак юл. 1914. № 15. 4 нояб.

7. Исәнбәт Н. Сайланма әсәрләр: 3 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. Т. 1. 456 б.

8. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: 3 т. Казан: Татар китап. нәшр., 1967. Т. 2. 706 б.

9. Надыршина Л.Р. Татарская поэма начала XX века как художественная система: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Место защиты: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 2009. 19 с.

10. Сүз табучы сукур Фәһрәх әңгәмәләре / Жыючысы, кереш сүз авторы Н. Исәнбәт. Уфа: «Башкнига» һәм Башнаркомпрос нәшере, 1928. 32 б.

11. Усманов М. О трагедии эпоса и трагедиях людских // Идегей: Татарский народный эпос. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. С. 247 – 254.

References

1. Gegel' G. Jestetika: v 4. t. M.: Iskusstvo, 1971. T. 3. 312 s.

2. Ibrahimova F.I. "Taz". Gabdulla Tukaj. Jenci-

klopedija. Kazan: G. Ibrahimov isemendäge Tel, әdәbijat һәм сәнгәт' instituty, 2016. B. 600.

3. Idegaj: tatar halyk dastany: N. Isәнbәт жујnamasy. Sovet әdәbijaty. 1940. № 11. B. 39 – 76; № 12. B. 34 – 82.

4. Isәнbәт N. Әсәрләр: v 4 t. Kazan: Tatar. kit. nәshr., 1989. T. 1. B. 312.

5. Isәнbәт N. Gapteri. N. Isәнbәтнең shәhsi arhivy. Kul#jazma. Mashinkada basylgan. Kүләme. 307 b.

6. Isәнbәт N. Kemder ul? Ak jul. 1914. № 15. 4 nojab.

7. Isәнbәт N. Sajlanma әsәrlәр: 3 t. Kazan: Tatar. kit. nәshr., 1960. T. 1. 456 b.

8. Isәнbәт N. Tatar halyk mәkal'lәre: 3 t. Kazan: Tatar kitap. nәshr., 1967. T. 2. 706 b.

9. Nadyrshina L.R. Tatarskaja pojema nachala XX veka kak hudozhestvennaja sistema: avtoref. dis. ... kand. filolog. Nauk. Mesto zashhity: Kazan. gos. un-t im. V.I. Ul'janova-Lenina. Kazan', 2009. 19 s.

10. Syz tabuchy sukur Fәһrәh әңgәmәләre. Жyju-chysy, keresh syz avtory N. Isәнbәт. Ufa: «Bashkniga» һәм Bashnarkompros nәshere, 1928. 32 b.

11. Usmanov M. O tragedii jeposa i tragedijah ljudskih. Idegej: Tatarskij narodnyj jepos. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1990. S. 247 – 254.

IDEOLOGICAL AND ARTISTIC ORIGINALITY OF THE POETIC EPIC OF NAKI ISANBET "GAPDERI"

Khabutdinova M.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Kazan Federal University

Abstract: the article analyzes for the first time the poetic epic of Naki Isanbet "Gapteri" (1946). For unknown reasons, it remained unpublished. We found a typescript of the epic in the archive of a famous Tatar writer-folklorist. The purpose of our research is to identify the contribution of N. Isanbet to the reconstruction of the ancient genre. The work uses cultural-historical and comparative methods of analysis. It is proved that when creating a poetic epic, the poet successfully relies on folk-poetic (folklore) and literary (G. Tukai) traditions. The poetic gift of N. Isanbet was fully revealed in the work on the epic "Hapteri", which was equal with the creation of the consolidated text of dastan "Idegey". The author of the epic demonstrated a deep mastery of the aesthetics of folk art, the peculiarities of the artistic thinking of the Tatar people. The artistic world, the problems and the structure of the images of "Gapteri" are close to the structure of the epic images of Tatar folk art. Having considered in detail the images of the Gapteri taz (the bald), the kaharman (hero), the wise wife, the author of the article comes to the conclusion that N. Isanbet in his epic reproduces the features of the creation of epic heroes in fairy tales, folk legends, dastans both in terms of characterology and in terms of artistic imagery.

Keywords: Tatar literature, Naki Isanbet, poetic epic, the image of the bowl, epic hero

КУЗЕБАЙ ГЕРД И ЕГО ПОЭТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ОБ УДМУРТСКОМ ЭТНОСЕ

*Шкляев А.Г.,
Удмуртский государственный университет*

Аннотация: на примере лирических стихов, рассчитанных на пробуждение удмуртов к активной общественно-политической жизни, исследуется динамика настроений, чувств и представлений выдающегося удмуртского поэта Кузубая Герда. Призывая учиться, бороться за новую жизнь удмуртов, он выражал к ним своё отношение, идеализируя их или, наоборот, подвергая критике за социальную инертность и духовную приземлённость. На смену романтически настроенным стихам поэта, в которых находят выражение его утопически окрашенные идеалы, приходят стихи, в которых чувствуется и разочарование, и суровая критика своего этноса, но и утрата иллюзий относительно того, что действительность может быть так быстро преобразована, как это хотел бы поэт-просветитель, и что этнос, который он хотел вывести на светлую дорогу жизни, не един в своих устремлениях, социально расколён и слишком разнороден. Находясь в Москве все 20-е годы, Герд внимательно наблюдал за событиями на своей малой родине и на все главные события откликался стихами в самых разных жанрах. Стихи его – барометр общественно-политических настроений художественной интеллигенции только что создаваемой автономной области.

Ключевые слова: Кузубай Герд, романтизм, поэтическая публицистика, этническая идентичность, образные ряды, некрасовские интонации, утрата иллюзий

Кузубай Герд – псевдоним удмуртского поэта Кузьмы Павловича Чайникова (1908-1937). В 1922-1930 гг. он учится в Высшем литературно-художественном институте имени В. Брюсова, а затем в аспирантуре Института народов Востока. Входил в литературную группу «Кузница». В своём творчестве хотел соединить революционный пафос В. Маяковского с «половодьем чувств» С. Есенина. В начале 1930-х годов вернулся в Ижевск и работал преподавателем в совпартшколе. В 1932 году арестован, обвинён по инспирированному ОГПУ «Делу «Софин», сослан на Соловки и расстрелян в урочище Медвежьегорск. Реабилитирован в 1958 году. Но и после этого о Герде ещё долго говорили вполголоса: исследователям не был доступен архив «дела поэта».

В январе 1978 года известный удмуртский поэт Флор Васильев, будучи депутатом Верховного Совета УАССР, председателем правления Союза писателей УАССР, в г. Ижевске впервые собрал в Клубе Союза журналистов литературную общественность на встречу, посвящённую памяти Кузубая Герда. Это было 80-летие со дня рождения поэта. Помню, выступая на нём, другой удмуртский поэт и учёный Даниил Яшин оценил остроту и пафос творчества поэта как «яростно активное отношение к действительности». Так он обозначил публицистическую сторону наследия Кузубая Герда.

С юных лет Герд был одержим стремлением вывести свой народ не только к счастливой и свободной жизни, но и желанием, чтобы удмурты, выйдя из нищеты и бесправия, оставались удмуртами, не теряя, говоря сегодняшним языком, своей идентичности. Подобными мыслями жили тогда просветители и других народов Поволжья. И это понятно, господствующая идеология царизма, вы-

раженная в триаде «самодержавие, православие, народность», не могла вмещать в себя империю с её многонациональностью и многоконфессиональностью: в планы царизма входили ассимиляция и обращение в православие всех так называемых инородцев России. Дума о том, чтобы народ, приступая к новой жизни, не потерял свой язык, лучшие свойства своего менталитета, добрые обычаи и самобытный образ жизни, пронизывает всё творчество Герда. Вот он, призывая свой народ встряхнуться, пробудиться к общественной жизни, пишет:

*Встань, поднимись, а затем, веря солнцу,
Стань, как италмас*,
переодеваясь в свои одежды:
Надень свой красивый айшон**,
украшенные наряды:*

*Надень на грудь звенящее серебряное монисто.
«Удмурт музьемлы» (Удмуртскому краю)****

Наряду с необходимостью просвещать свой народ, Герд непременно подчёркивает его национальное своеобразие. Идеал поэта – освобождение не только от социального и национального гнёта, но и сохранение неповторимости, оригинальности, национального достоинства своего этноса. Неслучайно, другой молодой поэт Михаил Петров, пока смотревший на жизнь только через призму классовой борьбы, обрушился на стихотворение «Айшон» К. Герда, где воспевался старинный головной убор как атрибут, как символ национального образа жизни. М. Петров именно на это стихотворение, акцентирующее внимание на национальном, а не на классовом, написал злую пародию.

Опасения Герда, что новая жизнь, увлекая удмуртов своим светом, как огонь мотыльков, может их «обжечь», не давали покоя и другим нашим

первым просветителям. Всё творчество и работа Герда были программой действия по сохранению и модернизации удмуртского этноса в новых исторических условиях. И народ, кажется, поэта понимал и ему внимал. Его имя было уже дано коммуне; его сборник «Крезьчи» (Гусляр) назвал уже «золотым клубком» удмуртской литературы молодой критик Андрей Луан (Андрей Лучкин); встречая в городе Глазове, поэта на руках пронесли от вагона до здания вокзала. Его стихи становились народными песнями. Народ испытывал духовный подъём, наполнялся верой в свои силы.

Проследим линию размышлений Герда о своём народе и сохранении его идентичности. Молодой поэт, когда он работает ещё в городе Сарапуле, – там, где временно размещался Удмуртский Комиссариат Наркомнаца, – в преддверии создания Вотской (Удмуртской) автономии, весь на романтическом подъёме. На съезде учителей, как сообщает газета «Гудыри» (Гром), Герд говорит: «Тани ми султим. Милям йыррьёсмы инме пыкисько, синьёсмы шунды кадь жуало, ми тыл пырти но, ву пырти но, жужыт гурезь йылти но кошком выль, чагыр дуннее!» – «Вот мы встали. Наши головы упираются в небо, в глазах наших солнце, мы сквозь огонь и воду, и через высокие горы пойдём в новые, голубые дали!» [1, с. 82]. Как раз эта мысль о голубых даях тоже будет вдохновлять поэта и станет темой всего его раннего творчества. Вспомним в связи с этим его переключку со своим современником В. Маяковским: «Там, за горами горя, солнечный край непечатый».

Бесконечно веря в свои силы, Герд, как и многие первые удмуртские поэты, надеялся, что его народ под влиянием революции вот-вот воспрянет и активно включится в общественно-политическую жизнь. Но новая жизнь, как представляет лирический герой Герда, всё где-то задерживалась. Мешали «старая тёмная жизнь», «упаднические настроения», удмуртский менталитет – «нам и так сойдёт», социальная пассивность. Задержки особенно чувствовались на ниве подъёма национальной культуры и национального строительства. В 1924 году «всесоюзный староста» М.И. Калинин после посещения удмуртских сёл в речи перед работниками профсоюзов в Ижевске говорил, что даже по сравнению с годами гражданской войны в решении национальных вопросов мы не ушли далеко. Но мы, сказал он тогда, сделаем всё, «чтобы защитить культуры малочисленных народов от всесокрушительного напора великих цивилизаций» [4].

Медленные темпы национально-государственного строительства очень расстраивали Герда, и причины этого он видел в социальной инертности масс и бюрократизме властных структур. Бу-

дучи на культурной работе в Сарапуле, он обращался пока к своим читателям, то призывая их поскорее проснуться к новой жизни, то ругая их за нерасторопность, то, наоборот, заступаясь за них... Вот он пытается объяснить нерешительность удмурта. Защищая его от упреков, он считает, что его давят пока прошлые страдания:

*Если бы собрать его слёзы –
Целое море бы образовалось.*

*Если бы его горе собрать,
То бы целая гора поднялась.*

«Ой, тырос...» (Ой, очень много...)

Вот он ласково, как бы упрасывая, обращается к родине, а равно к своему народу:

*Мой удмуртский край, не спи уже, хватит,
Холодная зима уже миновала.*

«Султы, Удмуртлыке!»

(Поднимись уже, Удмуртский край)

Поэт снова и снова пытается объяснить удмуртам, почему они стесняются ещё нового: «Когда смотришь на солнце, глаза боятся». При этом он обращается и к удмуртской девушке, и к удмуртскому парню, и к национальным работникам, и ко всем своим друзьям. Словно социолог, он видит свою читательскую аудиторию дифференцированно и к каждому её сегменту, как теперь пишут, старается находить свои убедительные слова.

Любимые друзья!

Встаньте все,

Чтобы удмуртов из лесов выводить.

Навстречу им идти спешите,

Вести туда, где всходит солнце.

«Сьод пилемьёс» (Чёрные тучи)

При встрече с трудностями, поэт призывает своих читателей не опускать голову:

Думая, что пришли тяжёлые дни,

Почему вы приуныли?

Солнце потухло? Так думая,

Почему впадаете в горе.

"Тулъс вуоз» (Весна придёт)

Он утешает и успокаивает:

Не плачь, мой друг, не сокрушайся,

Показывай, как наступит светлый день:

Эта тёмная ночь когда-нибудь закончится –

Светлый день когда-то настанет.

«Чыдэтском» (Отдохнём)

А когда Герд видит, что удмурты

всё ещё дремлют, он их клянёт:

Так и надо нам,

С давних времён униженному народу:

Не можем мы своих

недоброжелателей ненавидеть,

Нашу свободу, настоящую жизнь любить.

«Чик юнме быро» (Зря гибнут)

Он ругает народ:

На просторах своего края, как девушка, спишь,

*Кто-то к тебе придёт, думая, всё ждёшь.
Сам поднимайся, не жди!
Сам выйди на солнце,
Никто к тебе не придёт -
Зачем кому-то веришь.
"Удмурт музъемлы" (Удмуртскому краю)*

Почти рефреном в разных вариантах звучат у Герда интонации, которые перекликаются с некра-совскими стихами, обращёнными к русскому народу: «Ты проснёшься ль, исполненный сил, Иль, судеб повинясь закону, Всё, что мог, ты уже совершил. Создал песню, подобную стону, И духовно навеки почил?..»

Всею силой своего таланта, прибегая к жанрам памфлета и басни, Герд обрушивается на тех, кто не уважает своей культуры, родной язык, кто против того, чтобы своего ребёнка учить в удмуртской школе, кто против удмуртской автономии, кто не хочет сообща, в единстве, работать, кто, едва выходя из своей среды, становится высокомерным и «заболевает» национальным нигилизмом. Так на страницы «Гудыри» (Гром) приходят мощные по художественной силе сатирические стихи «Парсь» (Свинья), «Воз» (Воз), «Пагза» (Лестница), «Пуныос» (Собаки). Герд не чурался вносить в свои стихи и темы, далёкие от поэзии. Стихами он пишет о том, что пионеры в деревне для подписки на газету «Гудыри» собрали пуд муки, а когда узнаёт, что некто учитель Шамшурин оклеил газетой стены своего дома, он пишет памфлет «Тараканъёсты дышетисьёс» (Учителя тараканов).

Герд был одним из тех удмуртских поэтов, кто со всей страстью, с большой художественной силой бередил душу своего читателя. Он его утешал, вдохновлял, заставлял горевать, плакать, он его окрылял, ругал, проклинал. Он, можно сказать, «мял» душу удмурта, словно тесто, и призывая его быть сильным и просвещённым. В некоторых стихах мы видим и его самобичевание. Пройдут годы, и Герд напишет:

*А ты, сердце?
Почему ты
Тихо живёшь?
Ты рыхлое,
Как мягкое тесто...
Ну, встань!
Будь твёрдым
В это время!
Ты слышишь?
Гремит то здесь,
То там
Новый гром!*

«Мынам кулонэ» (Моя смерть).

Когда Герд уже оказался под огнём несправедливой, вульгарно-соцтологической критики, и его

сородичи, к кому он обращался с надеждой на заступничество, сами его травили, написал в письме своему современнику и стороннику Александру Эрику (Александр Наговицын) горькие строки: «Удмуртъёс полын секыт улыны, удмуртъёс полын секыт кулыны» (Среди удмуртов тяжело жить, среди удмуртов тяжело умирать) [6, с. 313]. Это были слова страшного отчаяния и разочарования в тех, в кого он верил и кому много доброго сделал. В этот период поэт, чувствуя себя крайне одиноким и непонятым, обращается к друзьям, и это, можно сказать, его завещание коллегам, претендующим на звание поэта [6, с. 416].

*Поэт,
Если нет понимающего
Написанные тобой стихи,
А если тебя самого
Травят все давно, –
Вырви горячее сердце своё,
Прибей тёмной ночью
К полевым воротам:
Пусть горит днём и ночью:
Пусть светит и утром, и вечером.
Видя пламя в темноте,
Выйдет (на него) заплутавшийся путник...
Неужели и тогда не найдётся
Тебя понимающий,
Поэт?
«Кылбурчи» (Поэт).*

После десяти лет борьбы Герда за то, чтобы образумить и вывести свой народ на «светлую дорожку жизни» (так называлась первая пьеса поэта), судьба ещё раз предоставила К. Герду возможность осмыслить свои чувства, обобщить переживания и сделать свои выводы. В 1932 году К. Герд был вызван в Нижний Новгород, арестован там Нижегородским ОГПУ, и первым делом ему было предложено раскрыть свои взгляды на национальные проблемы. Как искренний человек он написал на десятке страниц всё, что у него было на душе. Поскольку текст был написан не следователем со слов допрашиваемого, а собственной рукой поэта, то его можно считать исповедью, самостоятельным произведением и подлинной публицистикой. Поэт как бы сам себя допрашивал и отвечал во внутреннем монологе:

«Осуждал ли я проводимую по отношению к восточным финнам национальную политику?»

– Да!

Я против коллективизации, индустриализации и социализма?

– Нет. Но они не должны быть разрушающим началом для национального политического бытия и национальной культуры восточных финнов. Колхозы, совхозы, индустриальные центры должны стать центром действительно новой нацио-

нальной культуры. А этого нет. Есть только центры травли и разрушения нацкультуры и преследования преданных этой культуре работников.

Отрицал ли я советскую власть?

– Нет. Советская власть – система наиболее подходящая для восточных финнов, так как она привлекает к государственно-политической жизни самые глубокие слои населения. А это значит – залог успеха, прогресса» [5, с. 23].

«Мы на грани, – писал Герд в статье «Вотьяк в своих песнях», побаиваясь ускоренной ассимиляции своего этноса, ратуя за его сбережение в условиях разворачивающейся глобализации и призывая его поскорее встать в ряд цивилизованных народов, – всему на свете даётся своё время, если не сейчас, то потом – никогда».

* купальница – особо почитаемый удмуртами цветок

** праздничный национальный головной убор удмуртской женщины

*** для более адекватной передачи смысла здесь и далее стихи даются в подстрочном переводе автора статьи.

Литература

1. Валтон А. Художественная литература в движении родственных народов. Рецепция Кузубая Герда в Эстонии // Кузубай Герд и современность: Материалы международной научно-практической конференции Ижевск, 31 марта – 2 апреля 2008. Ижевск: Национальная библиотека Удмуртской Республики, 2008. С. 17 – 19.

2. Герд Кузубай. Люкам сочинениос. Куать томен 3-ти том: Веросьёс, повесть, пьесаос, статьяос, научной ужьёс, гожтэттьёс / Люказ, азыкыл гожтиз но валэктонъёс сётиз Ф.К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2004. С. 313.

3. Герд Кузубай. Люкам сочинениос. Собр. соч.: в 6-ти т. Т. 4. Стихотворения, поэмы, переводы, статьи, научные работы, письма / сост., авт. предисл. коммент. Ф.К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2004. С. 169.

4. Ермаков Ф.К. Светлой памяти гениального сына удмуртского народа Кузубая Герда – Кузьмы Павловича Чайникова – к 110-летию со дня рождения и 50-й годовщине реабилитации // Кузубай Герд и современность: Материалы международной научно-практической конференции Ижевск, 31 марта – 2 апреля 2008 г. Ижевск: Национальная библиотека Удмуртской Республики. 2008. С. 7 – 11.

5. История удмуртской советской литературы: в 2-х т. / Кол. Авторов. ИМЛИ им. А.М. Горького

АН СССР; НИИ при СМ УАССР. Устинов: Удмуртия, 1987. Т. 1. С. 82.

6. Калинин М.И. Интеллигенция, рабочий класс и крестьянство. Стенограмма речи тов. Калинина на торжественном заседании представителей профессиональных организаций гор. Ижевска 26 ноября // Ижевская правда. 1924. 30 ноября.

7. Кузнецов Н.С. Из мрака... Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. С. 20 – 23.

8. Степанова Т.С. К истории исследования рукописей Кузубая Герда и современность // Материалы международной научно-практической конференции Ижевск, 31 марта – 2 апреля 2008 г. Ижевск: Национальная библиотека Удмуртской Республики, 2008. С. 74 – 79.

9. Шкляев А. Чашьём нимъёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. С. 448.

10. Шкляев А.Г. Технология провокационных проектов в межнациональной сфере в 1930-е гг. (Дело «СОФИН» и разгром финно-угорской интеллигенции) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Вып. 18. С. 254 – 258.

References

1. Valton A. Hudozhstennaja literatura v dvizhenii rodstvennyh narodov. Receptija Kuzebaja Gerda v Jestonii. Kuzebaj Gerd i sovremennost': Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Izhevsk, 31 marta – 2 aprilja 2008. Izhevsk: Nacional'naja biblioteka Udmurtskoj Respubliki, 2008. S. 17 – 19.

2. Gerd Kuzebaj. Ljukam sochinenios. Kuat' tomen 3-ti tom: Veros#jos, povest', p'esaos, stat'jaos, nauchnoj uz#jos, gozhtjet#jos. Ljukaz, az'kyl gozhtiz no valjekton#jos sjotiz F.K. Ermakov. Izhevsk: Udmurtija, 2004. C. 313.

3. Gerd Kuzebaj. Ljukam sochinenios. Sobr. soch.: v 6-ti t. T. 4. Stihotvorenija, pojemy, perevody, stat'i, nauchnye raboty, pis'ma. sost., avt. predisl. komment. F.K. Ermakov. Izhevsk:Udmurtija, 2004. S. 169.

4. Ermakov F.K. Svetloj pamjati genial'nogo syna udmurtskogo naroda Kuzebaja Gerda – Kuz'my Pavlovicha Chajnikova – k 110-letiju so dnja rozhdenija i 50-j godovshhine reabilitacii. Kuzebaj Gerd i sovremennost': Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Izhevsk, 31 marta – 2 aprilja 2008 g. Izhevsk: Nacional'naja biblioteka Udmurtskoj Respubliki. 2008. S. 7 – 11.

5. Istorija udmurtskoj sovetskoj literatury: v 2-h t. Kol. Avtorov. IMLI im. A.M. Gor'kogo AN SSSR; NII pri SM UASSR. Ustinov: Udmurtija, 1987. T. 1. S. 82.

6. Kalinin M.I. Intelligencija, rabochij klass i krest'janstvo. Stenogramma rechi tov. Kalinina na torzhestvennom zasedanii predstavitelej profesional'nyh organizacij gor. Izhevskaja 26 nojabrja. Izhevskaja pravda. 1924. 30 nojabrja.

7. Kuznecov N.S. Iz mraka... Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta, 1994. S. 20 – 23.

8. Stepanova T.S. K istorii issledovanija rukopisej Kuzebaja Gerda i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii Izhevsk,

31 marta – 2 aprelja 2008 g. Izhevsk: Nacional'naja biblioteka Udmurtskoj Respubliki, 2008. S. 74 – 79.

9. Shkljaev A. Chash#em nim#jos. Izhevsk: Udmurtija, 1995. C. 448.

10. Shkljaev A.G. Tehnologija provokacionnyh proektov v mezhnacional'noj sfere v 1930-e gg. (Delo «SOFIN» i razgrom finno-ugorskoj intelligencii). Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost': sb. nauch. tr. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. Vyp. 18. S. 254 – 258.

KUZEBAY GERD AND HIS POETIC JOURNALISM ABOUT THE UDMURT ETHNOS

*Shklyayev A.G.,
Udmurt State University*

Abstract: on the example of lyrical poems designed to awaken Udmurts to an active socio-political life, the dynamics of moods, feelings and ideas of the outstanding Udmurt poet Kuzebai Gerd is investigated. Calling on Udmurts to study and fight for a new life, he expressed his attitude towards them, idealizing them or, conversely, criticizing them for social inertia and spiritual mundanity. The poet's romantic-minded poems, in which his utopian ideals find expression, are replaced by poems in which one feels both disappointment and harsh criticism of one's ethnos, but also the loss of illusions that reality can be transformed as quickly as the poet-educator would like, and that the ethnos and that the ethnos, which he wanted to lead to a bright path of life, is not united in his aspirations, is socially stratified and too heterogeneous. Kuzebai Gerd's poems can also be considered as a barometer of the socio-political sentiments of the artistic intelligentsia of the newly created autonomous region. Being in Moscow all the 20s, Gerd carefully watched the events in his small homeland and responded to all the main events with poems in a variety of genres.

Keywords: Kuzebay Gerd, romanticism, poetic journalism, ethnic identity, figurative series, Nekrasov intonations, loss of illusions

РАБОТА С ИМПЛИЦИТНЫМИ СМЫСЛАМИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

*Абиева Н.М., кандидат филологических наук, доцент,
Каюда Е.Н., старший преподаватель,
Алтайский государственный медицинский университет*

Аннотация: в статье рассматривается актуальная тема для методики преподавания русского языка как иностранного, а именно работа с аутентичными текстами, которые являются ценным источником в рамках современного деятельностного подхода обучения иностранным языкам. Интерес исследователей сосредоточен на таких текстах, как рекламные тексты и рекламные слоганы медицинских препаратов и медицинских учреждений. Сосредоточение на медицинской тематике рекламных текстов продиктовано тем, что перед учебной аудиторией с иностранными студентами стоит важная задача овладеть лексикой, грамматикой и синтаксисом языка на достаточном уровне, позволяющем успешно коммуницировать с русскоговорящими пациентами на практике, а также адаптироваться в русскоязычной среде. Данные тексты представляют несомненный интерес с точки зрения содержащихся в них имплицитных смыслов. Раскрытие приемов, на которых строится рекламный слоган, помогает на занятиях по русскому языку повышать уровень коммуникативной компетенции, творчески осмыслять образцы живого языка, понимать и использовать новые лексические формы. Подбор текстового материала, его анализ и структурирование перспективно в отношении использования полученных материалов в качестве лингводидактического корпуса, который может выступать основой для разработки учебных пособий и различных видов заданий повышенной сложности.

Ключевые слова: коммуникативно-ориентированная методика, коммуникативные ситуации, имплицитность, эксплицитность, аутентичные тексты, слоган, реклама, лекарственные препараты

Коммуникативно-ориентированная методика преподавания русского языка как иностранного (далее РКИ) всегда декларировала стремление к созданию на занятиях коммуникативных ситуаций, максимально приближающихся к естественным, к формированию у учащихся не только учебных, но и внеучебных мотивов и интереса к языку, что поддерживается обращением к аутентичным текстам («аутентичными письменными текстами будут являться рекламные проспекты и объявления, изучение меню кафе и ресторанов, этикетки товаров, описания товаров в интернет-магазинах и др.» [1]), погружение в естественную языковую среду. Отсюда особое внимание к разговорной речи, к художественной литературе, к языку СМИ в целом, и к корпусу рекламных текстов, в частности.

Актуальность применения текстов рекламного содержания на уроках РКИ со студентами медицинского университета обусловлена особыми причинами. Для студентов-медиков взаимодействие с информационным полем (письменным или устным), связанным с медициной, несет развивающий и информативный характер. Очевидна потребность иностранных студентов в адаптации к языковой среде обучения. Разработанные методические материалы могут способствовать повышению качества образования по дисциплине «Иностранный язык», совершенствованию коммуникативных и профессиональных навыков.

Целью данного исследования является описание особенностей работы с аутентичными текстами, а именно, рекламными текстами медицинской

тематике, представляющие интерес с точки зрения имплицитного смысла. Согласно энциклопедическому словарю PR и рекламы, *имплицитный* – означает неявный, невыраженный смысл [9].

Выявление принципов и приемов, на которых построены тексты, дает возможность развивать у обучающегося способность самостоятельно понимать и использовать языковые единицы, повышать свой уровень владения языком, творчески осмысливая воспринимаемую информацию.

Задачей исследования является подбор, группировка и анализ языкового материала из СМИ, который будет являться базой для работы с обучающимися на занятиях по РКИ.

Так, русскоязычная реклама является неисчерпаемым источником аутентичных текстов и давно применяется в практике преподавания русского языка. Реклама считается продуктивным лингводидактическим материалом, поскольку является зеркалом современного живого языка, а «воздействующий характер рекламы может стимулировать коммуникативную активность» [2]. По мнению современных исследователей, могут представлять интерес для обучения, как непосредственно тексты рекламы, так и рекламные технологии коммуникативного воздействия [5].

«Отличительной особенностью психологической модели массовой коммуникации является отсутствие обратной связи в пределах единичного акта коммуникации» [6, с. 36], – это объясняет принцип воздействия рекламного текста на слушающего.

Решение проблемы перехода иностранных обу-

чающихся, изучающих русский язык, от учебного к реальному общению связан с их культурно-речевой адаптацией в языковой среде. Когда обучающийся контактирует в чужой языковой среде за пределами учебной аудитории, то поток информации в большинстве случаев понимается с трудом.

Одной из разновидностей таких текстов является реклама. Реклама – это информация о товарах, различных видах услуг с целью оповещения потребителей и создания спроса на товары и услуги. Сам термин «реклама» происходит от латинского слова “*reklamare*” («громко кричать» или «известить») [3, с. 348].

Реклама – это сообщение, создающееся с намерением побудить адресанта к ответным действиям. Рекламная деятельность – это разновидность массовой коммуникации.

Рекламный текст – особый вид делового текста. Коммуникативная интенция рекламного текста заключается в том, чтобы предьявить не зону эксплицитного, а зону имплицитного. В рекламе соединяются вербальные (словесные) компоненты с невербальными. Ключевой фразой вербального текста рекламы является слоган.

Слоган (от англ. *slogan* – «лозунг, девиз») – короткий лозунг или девиз, отражающий уникальное качество товара, чаще в прямой, иносказательной или абстрактной форме. Слоган – это «ударный инструмент рекламы», т.к. он несёт в себе рекламную идею, говорит о предмете рекламы что-то важное. Назначение слогана в рекламном материале – привлечь внимание и побудить к действию. Главным критерием рабочего слогана является его краткость, звучность, «яркость». Текст рекламы не должен быть затруднен для восприятия носителями языка, а потому в законе РФ «О рекламе» сказано, что «использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации» [8] не допустимо, следствием этого будет закономерная проблема понимания подобного текста субъектом, не являющимся носителем языка.

В связи с этим поднимается вопрос, как и каким образом, иностранный студент медицинского вуза должен самостоятельно понять имплицитный смысл, который был заложен в рекламе, этот смысл, как правило выражен через использование метафор [4, с. 210]. При этом главное в методическом плане заключается в том, что обращение именно к имплицитной информации текста актуализирует проблему, способную породить у студентов живую мысль.

Для них многие лекарственные препараты знакомы, т.к. они изучают их на дисциплинах:

«Латинский язык», «Фармакология» и «Биохимия».

Рекламу безрецептурных препаратов можно услышать и увидеть в СМИ и аптеках нашего города.

Основные группы лекарств, продающихся в аптеках без рецепта врача:

- для лечения острых респираторных заболеваний;
- для лечения пищеварительной системы;
- для лечения заболеваний кожи;
- добавки в пищу и витамины;
- анальгетики.

Приведем примеры таких рекламных текстов. К рекламным текстам медицинской тематики можно отнести не только слоганы препаратов, но и промо-слоганы медицинских учреждений и аптек.

Можно выделить несколько принципов построения рекламного слогана.

1. Одним их распространённых принципов для текстов рекламы является обыгрывание такого стилистического приема, как *игра слов*, где слоган конструируется на основе прецедентного текста – это может быть пословица, поговорка, фразеологизм и т.п.

«Сделай из слона муху! Магне В6, препарат против стресса» – на основе фразеологизма «делать из мухи слона», обыгрывается логически обратная операция.

«Есть ли жизнь после работы? Суапрадин» – на основе фразы из российского кинофильма «Карнавальная ночь», ставшей крылатой и известной почти всему населению РФ, «Есть ли жизнь на Марсе?».

«Не рви волосы на лысой голове! Клиника по восстановлению волос» – на основе фразеологизма «рвать на голове волось», что означает «сильно горевать и переживать о потерянном», обыгрывается ситуация сильного огорчения от заболевания облысения.

«И целого стула мало... Ожирение – это смертельно опасная болезнь» – по аналогии с названием известного фильма про Джеймса Бонда «И целого мира мало» 1999 г.

«От улыбки станет всем светлей! Медицинский центр «Жемчужный»» – на основе песни из советского мультипликационного фильма 1974 года «Крошка Енот». Обыгрывается всем известная фраза из мультфильма. Улыбка всегда ассоциируется с чем-то добрым, с хорошим расположением человека и помогает найти общий язык.

«Любовь с первого взгляда. Центр современной стоматологии» – на основе названия телевизионной игры 1991 года. Это сказочное чувство, которые мечтают испытать многие, это внезапная

искра, которая возникает между двумя незнакомыми людьми. И после посещения данного стоматологического центра вы сможете испытать чувство любви с первого взгляда или с первой улыбки.

«Ничего не помогает от стресса и депрессии? Спокойствие, только спокойствие! Поможет Новопассит.» Обыгрывается знаменитая фраза, сказанная Карлсоном в мультфильме «Малыш и Карлсон» (1968 г.).

«Ллофлатил» – «... и диарею как ветром сдуло!». За основу берется фразеологизм «как ветром сдуло» – означает явление, которое очень быстро исчезает.

Следующий пример построен на основе игры слов и образов, сама же игра слов строится на окказиональном словообразовании («блинные ноги», «хоженные ноги», «тройные ноги»). Этот вариант текста один из самых сложных для восприятия иностранцами:

«Какие у вас блинные ноги! Под вечер самые длинные ноги раскисают. У вас такие хоженные ноги! Под вечер самые ухоженные ноги устают ходить. У вас очень тройные ноги! Под вечер самые стройные ноги гудят и кажутся втрое тяжелее. «Тромблесс», средство против гематом и тромбов».

2. Слоган может быть построен на основе метафоры (метонимии, синекдохи), явного или скрытого сравнения, на основе переноса свойств с одного предмета на другой (см. Пирогова Ю. «Явные и скрытые сравнения», 1998) [7].

«Смойте проблему вздутия живота. Смекта – для ощутимого эффекта» – «устранить проблемы» и «смыть проблему» – понятия, находящиеся в отношении метафорического сравнения.

«В животе ураган – принимай Эспумизан» – расстройства желудка с характерными симптомами (вздутие, метеоризм и др.) сравниваются с природным явлением на основе переноса, а потому, для понимания образа иностранцу необходимо знать лексическое значение слова «ураган».

«Називин – для носов и носиков» – вариант метонимии, замены частным целого. Слушающий должен понять, что речь идет о формах выпуска препарата для взрослых и детей, поскольку используется уменьшительно-ласкательная форма слова «нос», а значит, необходимо знание уменьшительно-ласкательных суффиксов.

«Ждете, когда РАК на горе свистнет? Не ждите! Проверьте свое здоровье» – здесь за основу берется известная поговорка «Когда рак на горе свистнет», означающая «когда-нибудь, неизвестно когда». Слушающих побуждают не надеяться на русское «авось» (надежда на случайную удачу), а

заранее проверить свое здоровье и вовремя принять меры для предотвращения необратимого случая. Это вариант омонимии, когда слова одинаково произносятся и пишутся, но у них разное значение.

3. Часто используется прием *рифмовки*. Ритмика и рифма способствует скорому запоминанию слогана, поскольку рифмирование – один из принципов мнемонических упражнений, направленных на развитие запоминания.

Едем на дачу – «Мезим» в придачу.

«Мезим» – для желудка не заменим.

Если горло заболит, принимайте «Фалиминт».

Алия. Защита твоя.

В животе ураган – принимай «Эспумизан».

«Смекта» – для ощутимого эффекта.

Знает каждый человек Чудо-доктор, сеть аптек.

«Если что-то кое-где у вас порой... Значит это- ГЕМОПРОЙ!».

«Здоровый рот – без всяких хлопот» – «Пародонтоцид».

В этих примерах рифма строится на созвучье последних слогов слов.

4. *Приемы, основанные на использовании контекста*, когда понимание смысла слогана выводится лишь при знании определенных культурных реалий и традиций или скрытого подтекста.

«Почему у коал не бывает насморка? Потому что они живут в эвкалиптовых рощах! Санорин» – необходимо знание ареала обитания и питания упомянутого животного.

«Прежде, чем положить зубы на полку, нужно их вставить. Девиз стоматологии» – этот слоган отражает бытующее мнение в России (и мн. др. странах) о том, что стоматологические услуги являются одними из самых дорогих среди медицинских. Кроме того, вторым приемом здесь используется фразеологизм «положить зубы на полку», что значит «ограничить себя в питании в следствие отсутствия финансов».

«Мы будем благодарны вам до конца своей жизни... Первый московский хоспис. Слоган от лица пациентов» – во фразе обыгрывается суть медицинского учреждения типа хоспис, где пожилые пациенты проводят остаток своих дней.

«Секса не будет, когда ты полностью облысеешь! Клиника по восстановлению волос» – открытое предупреждение о снижении качества жизни с целью привлечь клиентов мужского пола. Апелляция к ценностной сфере.

«Центр отказа от курения «Сорвись с крючка»». Обыгрывается фраза «быть на крючке», что значит «быть во власти, под полным контролем». А данный центр предоставляет комплексное лечение и помогает избавиться от

зависимости, (т.е. сорваться с крючка – выйти из-под власти, из-под контроля).

«Высокое давление приводит к инфаркту и инсульту «Не жди, когда о твоём диагнозе узнают в морге! Измерь давление, пока не пропал сигнал!». В данном предложении акцентируется внимание на таких словосочетаниях, как «узнают в морге, измерь давление, не пропал сигнал». Каждый человек хочет сохранить свое здоровье, поэтому он должен позаботиться о нем, пока у него не пропал сигнал (сердцебиение) и он не находится в морге. Россия занимает второе место по количеству инсультов. По данным Минздрава, самой распространенной причиной естественной смерти в России являются заболевания системы кровообращения.

«Клиника «Омикрон» - «Мама, смотри! Весь мир своими глазами!». После посещения данной клиники вы сможете увидеть мир без использования очков или контактных линз.

5. *Графические приемы* – когда выделяются слова или части слов (буквы), которые становятся самостоятельно значимыми и несут дополнительный смысл.

«Аптеки «Здоровье». Болезням не поЗДОРОВится!» – визуально маркируется корено слова «здоров» для привлечения внимания.

«737-93-93. Семь цифр Вашего здоровья» – отсылка к числовому ряду.

«Сеть стоматологических клиник «Мастер Дент» - «Терпеть (ТЕПЕРЬ) будет можно!». Глагол «терпеть» (зубную боль) заменяется на наречие «теперь» в значении «при изменившихся обстоятельствах, при создавшихся условиях» (употребляется для указания на обусловленность одного действия другим, предшествующим).

Работа над раскрытием имплицитной информации дает студентам возможность активизировать имеющиеся у них пассивные лингвистические, страноведческие и познавательные потенции; формирует у студентов мотив самоутверждения в плане высказывания неординарных предположений; развивает фантазию; способствует глубинному пониманию текста и формированию лингвистической, коммуникативной и страноведческой компетенции.

Таким образом, исследования в этом направлении перспективно с точки зрения внедрения в учебные процесс оригинального дидактического материала, созданного на основе анализа и выборки рекламных текстов. Кроме того, рекламные подборки могут служить материалом для разработки учебно-практических пособий для самостоятельных работ и внеаудиторного чтения, а также для упражнений

повышенной сложности в конкурсных и олимпиадных заданиях.

Литература

1. Абиева Н.М. Работа с аутентичными текстами на занятиях по русскому языку как иностранному со студентами-медиками // Русский язык в поликультурном образовательном пространстве. материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых с международным участием: к 30-летию кафедры русского языка. Астрахань, 2021. С. 160 – 164.

2. Бровина А.В. Русскоязычная реклама как лингводидактический материал в преподавании РКИ // Мир науки, культуры, образования. 2021. №5 (90). С. 342 – 344.

3. Канищева Т.Д., Голованова И.И., Филатова Н.И. Реклама как неотъемлемая часть современной жизни // Молодой ученый. 2014. №7 (66). С. 347 – 349.

4. Каюда Е.Н. Проблемы обучения медицинской лексики и пути их решения на занятиях русского языка как иностранного (РКИ) // Обзор педагогических исследований. 2021. Т. 3. № 3. С. 209 – 213.

5. Кравченко О.Н. Современная русскоязычная реклама как обучающая реальность // Мир русского слова. 2011. № 3. С. 88 – 96.

6. Леонтьев А.А. Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М.: Наука, 1974. 148 с.

7. Пирогова Ю. Скрытые и явные сравнения // Реклама и жизнь. 1998. № 5. С. 12 – 23.

8. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ [Электронный ресурс] Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968

9. Энциклопедический словарь РР и рекламы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pr.slovaronline.com/>

Referenses

1. Abieva N.M. Rabota s autentichnymi tekstami na zanjatijah po russkomu jazyku kak inostrannomu so studentami-medikami. Russkij jazyk v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve. materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov i molodyh uchenyh s mezhdunarodnym uchastiem: k 30-letiju kafedry russkogo jazyka. Astrahan', 2021. S. 160 – 164.

2. Brovina A.V. Russkojazychnaja reklama kak lingvodidakticheskij material v prepodavanii RKI. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2021. №5 (90). S. 342 – 344.

3. Kanishheva T.D., Golovanjova I.I., Filatova N.I. Reklama kak neodъемная часть современной жизни. *Molodoy uchenyj*. 2014. №7 (66). S. 347 – 349.

4. Kajuda E.N. Problemy obucheniya medicinskoj leksiki i puti ih reshenija na zanjatijah russkogo jazyka kak inostrannogo (RKI). *Obzor pedagogicheskikh issledovanij*. 2021. T. 3. № 3. S. 209 – 213.

5. Kravchenko O.N. Sovremennaja russkojazychnaja reklama kak obuchajushhaja real'nost'. *Mir russkogo slova*. 2011. № 3. S. 88 – 96.

6. Leont'ev A.A. *Psiholingvističeskie problemy massovoj kommunikacii*. M.: Nauka, 1974. 148 s.

7. Pirogova Ju. Skrytye i javnye sravnenija. *Reklama i zhizn'*. 1998. № 5. S. 12 – 23.

8. Federal'nyj zakon «O reklame» ot 13.03.2006 N 38-FZ [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968

9. Jenciklopedičeskij slovar' RP i reklamy [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://pr.slovaronline.com/>

WORKING WITH IMPLICIT MEANINGS IN ADVERTISING TEXTS OF MEDICINES AT THE LESSONS ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

*Abieva N.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kayuda E.N., Senior Lecturer,
Altai State Medical University*

Abstract: the article deals with an actual topic for the methodology of teaching Russian as a foreign language, namely the work with authentic texts, which are a valuable source in the framework of the modern activity-based approach to teaching foreign languages. The interest of researchers is focused on such texts as advertising texts and advertising slogans of medical products and medical institutions. The focus on the medical topics of advertising texts is dictated by the fact that the educational audience with foreign students has an important task to master the vocabulary, grammar and syntax of the language at a sufficient level, which allows them to successfully communicate with Russian-speaking patients in practice, as well as adapt to the Russian-speaking environment. These texts are of undoubted interest from the point of view of the implicit meanings contained in them. Disclosure of the techniques on which the advertising slogan is built helps to increase the level of communicative competence in the Russian language classes, creatively comprehend samples of the living language, understand and use new lexical forms. The selection of textual material, its analysis and structuring are promising in relation to the use of the received materials as a linguodidactic corpus, which can serve as the basis for the development of teaching aids and various types of tasks of increased complexity.

Keywords: communication-oriented methodology, communicative situations, implicitness, explicitness, authentic texts, slogan, advertising, medicinal preparations

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

*Бай Ужлига, аспирант,
Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Аннотация: данная статья посвящена анализу дискурса высокопоставленных российских политических деятелей, узнаваемых широким кругом аудитории в стране и выполняющих значительные роли в политике страны, при этом принадлежащих к разным гендерным группам.

Цель исследования: анализ особенностей дискурса высокопоставленных российских политических деятелей, которые проявляются в структурированном языке женщин-политиков и мужчин-политиков, и их выражения при выступлениях в медиа. В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи: 1. осуществить анализ дискурса мужчин-политиков (на примере С.В. Лаврова и Д.С. Пескова); 2. осуществить анализ дискурса женщин-политиков (на примере В.И. Матвиенко и И.А. Яровой); 3. Провести сравнительный анализ дискурсов женщин-политиков и мужчин-политиков.

Сделан вывод, что в дискурсах женщин-политиков и мужчин-политиков наблюдаются как общие черты (функция обозначения единства народа и государства (местоимение “мы”), единицы, обозначающие какую-либо эмоциональную степень уверенности и т.д.), так и различные (степень использования синтаксических приемов, степень метафоризации дискурса). Значимость исследования особенностей дискурса высокопоставленных российских политических деятелей заключается в возможности ее практического применения лицами, начинающими политическую карьеру.

Ключевые слова: политик, дискурс, медиа, языковое поведение, языковые средства, синтаксическая конструкция, метафоризация

Введение

Начиная со второй половины двадцатого века, ученые все больше стремятся уделить особое внимание исследованию проблем, направленных на понимание различных аспектов человека и общества. Повышается интерес к способу самовыражения личности и к тому, каким образом она влияет на общество и транслирует свои идеи. На данный момент, проводится широкий анализ феноменов, затрагивающих несколько дисциплин, поскольку изменения, наблюдаемые в одной, параллельно идут с развитием других научных областей. Множество работ посвящаются дискурсивному анализу, значимость которого все больше отмечается в последние годы.

По сегодняшний день релевантными остаются основные идеи М. Фуко, заключающиеся в том, что главной составляющей дискурса является власть [10]. Данный аспект проявляется в том, что в каждом высказывании говорящего кроется какая-либо цель и степень влияния на воспринимающих информацию. Повышенный интерес к дискурсу как к структурированному по определенным нормам в конкретных условиях языку, можно объяснить тем, что по мере анализа дискурса раскрываются не только языковые особенности личности, но и социальные практики, в которых он проходит. В нем отражается и то, как мы выражаем себя через речь, и то, каким образом выстраиваются отношения между субъектами в обществе [3]. Из этого следует выделение разного типа дискурса, такие, как политический, юридический, рекламный, медицинский, спортивные и другие. Особое внимание уделяется медиадискурсу.

По мере того, как расширяется разнообразие медиажанров, а также усиливается вовлеченность социума в получении и передачи информации при параллельном развитии цифровых СМИ, развиваются и исследования, направленные на анализ медиадискурса [5]. Медиа представляет собой вездущую форму массовой коммуникации, затрагивающей широкий круг аудитории, и анализ дискурса в рамках данной формы имеет ряд особых причин, среди которых следующие: 1) медиа обладает властью репрезентировать события под определенным углом, что происходит при использовании тех или иных языковых средств; 2) медиа выполняет не только репрезентативную функцию, но также рассматривается как средство, структурирующее убеждения, знания, ценности, социальные отношения; 3) медиадискурс создает некую систему отношений через власть, он решает, какую информацию распространять, какую – нет [1].

На данный момент, медиaprостранство приобретает огромное значение для общества, в особенности для политических деятелей. Сегодня мы можем наблюдать мужчин-политиков и женщин-политиков на самых разных каналах СМИ и, тем самым, легко подвергаться их воздействию. Важным является анализ их языковых стратегий для понимания, каким образом достигается коммуникация политических деятелей с аудиторией и происходит влияние на сознание и мнение аудитории. Политический медиадискурс нередко касается изучения дискурсивных особенностей политического деятеля того или иного гендера, поскольку на сегодняшний день все больше женщин занимают политические роли в современной жизни, все

сильнее привлекает внимание образ женщины-политика в медиа.

Данная статья посвящена анализу дискурса высокопоставленных политических деятелей, узнаваемых широким кругом аудитории в стране и выполняющих значительные роли в политике, однако принадлежащих к разным гендерным группам, а именно министра иностранных дел С.В. Лаврова, пресс-секретаря президента РФ Д.С. Пескова, председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко, заместителя председателя Государственной думы Федерального собрания И.А. Яровой, с целью выяснить, особенности какого характера проявляются в структурированном языке женщин-политиков и мужчин-политиков и выражаются ли они в значительной степени при выступлениях в медиа.

Материалом анализа послужили интервью, зафиксированные в разных информационных источниках (РБК, МИЦ “Известия”, “Коммерсантъ”, “Бизнес онлайн”, “ТАСС”), опубликованные в 2020 г., который характеризовался множеством событий как на международном уровне, так и в рамках внутренней политики (изоляция стран при пандемии COVID-19, разработка вакцин и их внедрение, обострение конфликта в Нагорном Карабахе, президентские выборы в США и др.). Выявляя дискурсивные особенности политических деятелей в интервью, можно обратить внимание на методы, используемые политиками для проявления власти над аудиторией и манипулирования сознанием общества.

Анализ дискурса мужчин-политиков Сергея Викторовича Лаврова и Дмитрия Сергеевича Пескова

Структурированный дискурс отражает как индивидуальные особенности политической личности, так и определенные механизмы и взгляды государства, которого она представляет.

Рассмотрев языковое поведение Сергея Викторовича Лаврова, выделим ряд особенностей. Прежде всего, политик часто может выразить несогласие с распространенным мнением по какому-либо вопросу, временами используя отрицательную форму разных частей речи (глаголы, местоимения, частицы). Также подобные формы используются в случаях, когда политик отклоняется от высказывания своей позиции либо прогнозов и подчеркивает, что не обладает информацией по данному вопросу: *“Перестраховочные меры будут приниматься. Я не думаю, что будут признаны целесообразными какие-то избыточные меры, но такой свободы, которая была до сих пор, я не ожидаю”*, *“Я не вижу такой необходимости и не слышал ни о каких планах подобного рода среди людей, которые имеют отношение к этому во-*

просу”, *“Я не могу предвидеть, что предпримут наши западные партнеры”* [8].

В некоторых случаях наблюдается стремление Лаврова к обособленности своей точки зрения, сформулированное через противопоставление: *“Если люди тоскуют по Советскому Союзу — это их право. Я не вижу такой необходимости и не слышал ни о каких планах подобного рода среди людей, которые имеют отношение к этому вопросу”*, *“Я против того, чтобы устраивать судилище над журналистами, но журналисты обязаны отвечать за то, что они публикуют”* [8].

Стоит отметить особенности при высказываниях политика о позиции РФ и других стран, когда для дискурса становится характерной эвфемизация. Политик нацелен на вуалирование своей позиции, не прямое обозначение мыслей. Однако, одновременно с этим можно заметить выражение позиции через элементы разговорного стиля, тем самым подчеркивая стремление Лаврова открыто изъяснять свои эмоции: *“У нас уже достаточно примеров, когда в отношении россиян без всяких на то причин предпринимаются недружественные шаги. Я не могу предвидеть, что предпримут наши западные партнеры, которые умеют на ровном месте выдумывать санкции, как это бывало неоднократно. Никаких конкретных доказательств никто не предоставляет, highly likely (наиболее вероятно), и принимаются санкции. Надеюсь, что возобладают чувство меры и здравый смысл, как и необходимость действовать в рамках международного права”* [8].

В данном отрывке наблюдается совмещение лексических единиц, как “сглаживающих” позицию политика, так и тех, что открыто отражают обвинение действий других государств и правоту своего. Примечательно то, как Лавров выражает свою надежду на появление *“чувства меры и здравого смысла”*, тем самым говоря, что им не руководствуются другие государства в настоящий момент.

Сергей Лавров нередко говорит об обвинениях РФ иностранными политиками, как словах “без доказательств”: *“Никаких конкретных доказательств никто не предоставляет, highly likely (наиболее вероятно), и принимаются санкции”*, *“Ни единого конкретного факта нам не предъявлено”*, *«Мы на стороне справедливости и здравого смысла. Справедливость предполагает, что нельзя бездоказательно кого-либо в чем-либо обвинять»* [8].

Политик также выбирает использование как лексем, относящихся к разговорному стилю при описании действий других государств, так и метафорические сочетания: *«Я не считаю, что это корректно: заявлять, что все обязаны следовать*

этим стандартам, — перебор. Как я считаю перебором и инициативу, с которой выступила Франция, рассматривать проблемы свободы в киберпространстве”, “Что касается здравого смысла: все силы должны быть направлены не на то, чтобы кричать «держи вора!», а на то, чтобы объединиться и создать вакцину”, “Есть определенная престижная гонка, кто будет первым, есть проявления национального эгоизма, когда разворачивается борьба за то, кто будет первым обладателем вакцины” [8].

В приведенных примерах было показано, какими характерными чертами выделяется дискурс, направленный на обсуждение действий со стороны других государств по отношению к РФ. Также требует особого внимания языковое поведение Сергея Лаврова при описании действий и позиций РФ.

Если в перечисленных примерах Лавров чаще всего говорил от своего лица, применяя местоимения “я”, то в высказываниях ниже можно заметить распространенное применение единиц “мы”, “нас”, “наше” как обозначение единства страны в целом и его позиции. Кроме того, это выражает солидарность не только в идеях, но и эмоциональной составляющей вопроса: “Постигшая Закавказье трагедия является нашей общей болью”, “Нас, конечно, беспокоит интернационализация нагорно-карабахского конфликта и привлечение боевиков с Ближнего Востока” [6].

При рассмотрении речевого портрета Дмитрия Пескова, заметим, что политик в значительной степени употребляет местоимение “мы”, тем самым акцентируя выражение позиции государства через его высказывания. Обозначение лица в самом начале придает высказыванию оттенок решительности и твердости в позиции: “Мы слышали достаточно жесткие высказывания в отношении России из Берлина”, “Мы не согласны с этим высказываниями. Мы по-прежнему заинтересованы, чтобы раскрыть обстоятельства”, “Мы так не делаем никогда” [4].

В некоторых случаях политик передает свое эмоциональное состояние, используя вводные слова, тем самым отражая свой взгляд на исходящую ситуацию. Благодаря лексическому повтору повышается степень убедительности высказывания. В речи также содержатся единицы, обозначающие состояние или степень уверенности говорящего. Кроме того, используются формы побудительного наклонения, чтобы привлечь внимание аудитории: “К сожалению, встречаем глухую стену непонимания у наших визави”, “Давайте вспомним ограничения для владения иностранными средствами массовой информации”, “Нужно

разобраться, мы обязательно это проверим. Мы обязательно это проверим [4]”.

Стоит отметить особенность в речевом поведении Дмитрия Пескова, которая заключается в использовании большого количества метафорических образов для большего вовлечения аудитории в ситуацию, требующую внимания. Политиком также может использоваться лексика в высоком стиле, что является не частым явлением среди деятелей в данной сфере. Стоит заметить, что при обозначении другого государства, Песков может использовать, напротив, единицы разговорного стиля: “Это пауза вежливости”, “Это болезненная ломка”, “... чтобы не душить экономику”, “... встречаем глухую стену непонимания у наших визави”, “... чтобы выламывать руки потенциальным конкурентам, это уже...” [4].

Анализ дискурса женщин-политиков Валентины Ивановны Матвиенко и Ирины Анатольевны Яровой

Стоит отметить, что при выражении своей позиции, Валентина Матвиенко старается избегать прямого употребления местоимения “я”, сглаживая эффект сказанного. Вместо этого, политик стремится использовать другие способы отражения точки зрения (“я бы сказала”, “хочу сказать”, то есть упуская местоимение, либо используя условную частицу, вместо “я хочу сказать”): “Мы долго консультировались с нашими коллегами — председателями парламентов”, “И, на мой взгляд, проведение сейчас заседания Межпарламентской Ассамблеи СНГ очень актуально”, “Еще раз хочу сказать: пандемия как новый вызов позволила вывести наше взаимодействие на еще более эффективный, практический, я бы сказала, уровень” [7].

Лишь в случаях, когда политик стремится сделать значительный акцент на главных идеях, выносимых аудитории и полностью поддерживаемых политиком, применяет местоимение “я”: “Прежде всего, я хочу поблагодарить правительство — и делаю это публично”, “Я призываю всех соблюдать правила, которые рекомендуют медики” [7].

Для подчеркивания правоты приведенных аргументов политиком часто используются единицы, выражающие высокую эмоциональную степень: “Да, безусловно, все мероприятия Межпарламентской Ассамблеи СНГ, запланированные на эту сессию, состоятся”, “Вообще, тема очень чувствительная, очень тонкая”, “Наши граждане должны быть абсолютно уверены в том, что взятые государством социальные обязательства будут безусловно выполнены” [7].

Стоит отметить склонность политика к высказыванию дополнительных комментариев (в письменной форме отмеченных скобками), которые

могут изначально создать эффект добавочной информации, однако представляющих важное для понимания позиции политика примечание: *“И тема вакцины – первая из них была разработана в России (у нас уже третья на подходе)”*, *“Но если наши коллеги как-то ее коснутся (нельзя этого исключать)”*, *“Несмотря на то, что он будет дефицитным (а, кстати, в большинстве стран это происходит, и в этом нет никакой серьезной проблемы), тем не менее 36% всех расходов будут направлены на социальные цели”*[7].

Наиболее распространенный прием в речи Матвиенко представляет собой ряд однородных единиц. Политик также склонен к приему градации. Данный метод расширяет высказывание, которое кажется при этом убедительнее, и создает более яркий эмоциональный фон: *“Это и обмен опытом борьбы с коронавирусом, и принятие мер поддержки экономики и граждан”*, *“Мы видим, как растет сотрудничество в различных союзах, в различных структурах на уровне регионов, на уровне макрорегионов”*, *“И ответственное, осознанное поведение россиян – одно из главных условий”*, *“Я хочу поблагодарить правительство – и делаю это публично – за очень тщательную, кропотливую и очень вдумчиво работу по подготовке федерального бюджета”*, *“Нам нельзя остановить экономику, нельзя допустить роста безработицы, нельзя не поддержать малый и средний бизнес”*[7].

Отметим, что метафоризация дискурса происходит только в случае описания отношений РФ с другими государствами либо конкретной ситуации, происходящей в государствах: *“Всякие отношения – это улица с двусторонним движением. Пока же с американской стороны, выражаясь на языке дорожных знаков, который я выбрала, висит “кирпич”, “В переходный период в Соединенных Штатах традиционно приостанавливаются или замедляются многие процессы в двустороннем формате, что естественно. Образно говоря, нажимается кнопка “пауза”*[7].

Стоит отметить особенности поведения аудитории в изложенную историю, характерные для дискурса Ирины Яровой. Благодаря использованным вводным конструкциям, политик достигает эффекта “близости” слушателя с говорящим и дает возможность вместе с политиком поразмыслить над определенной проблемой. Кроме того, Яровая употребляет условное наклонение в конце высказывания, давая возможность аудитории согласиться с ее позицией. Политик также применяет способ прямого обращения. Таким образом, Яровая в значительной степени уменьшает дистанцию между нею и аудиторией: *“Знаете, я бы сравнила так”*, *“Вы не представляете, какое там многооб-*

разие всего”, *“Вот если речь идет о вопросах жизни, здоровья близких вам людей, вы же не на глаз это должны определять, да? Вы должны действовать так, чтобы незамедлительно разобратся в ситуации и чтобы ваша помощь была максимально своевременной. Вот моя логика именно такая”*.

Политик также нередко употребляет единицы, выражающие степень уверенности, которые помогают легче убедить аудиторию. Кроме того, повторение подобных единиц напрямую влияет на то, насколько быстро поверит слушатель в сказанное: *“Нужно сказать, губернатор поддержал все мои предположения, что очень важно”*, *“Важно разобратся и дать объективные выводы”*, *“Очень важно, что научное сообщество подключены к этой работе”*, *“Могу сказать точно, вся работа и результаты будут публичны”*.

Частым приемом политика является употребление однородных синтаксических и лексических единиц, повторы, которые расширяют определенную идею, тем самым углубляя восприятие слушателями. Таким образом, аудитория убеждена в многогранности совершаемых действий, на эффективность которых указывает политик: *“Предварительно пообщавшись с нашими учеными, стало понятно, что пробы нужно брать на глубине. Что нужна вода в большом объеме. Что нужен песок”*, *“Но сегодня настрой есть у всех: у государства, у науки, у общества – на то, чтобы ничего не упустить”*, *“И что наши действия по исследованию верны и по содержанию, и по оперативности”*, *“Время принятия решений и реагирования всегда имеют серьезное значение в сборе доказательств и оценке фактов”*[9]

Сравнение особенностей дискурсов женщин-политиков и мужчин-политиков Сергея Лаврова, Дмитрия Пескова, Валентины Матвиенко, Ирины Яровой

Рассмотрев особенности дискурсов, выбранных для исследования в работе, стоит отметить следующие особенности:

- Языковое поведение политиков представляет собой многогранный аспект, требующий внимательного анализа, так как именно оно определяет, каким образом строится стратегия убеждения слушателей. Мы видим, что местоимение “я” в маркировании своей позиции наблюдается чаще в дискурсе мужчин-политиков. Единица “мы” (как и ее форма “наш” и т.д.) как инструмент, создающий ощущение единства политика, государства и народа, часто используется политическими деятелями обеих гендерных групп

- Элементы, обозначающие какую-либо эмоциональную степень уверенности, имеющие

форму наречий, вводных слов и т.д. (“нужно”, “важно”, “точно”, “очень”, “безусловно”, “абсолютно”, “разумеется”, “убеждены”, “к сожалению”) широко встречается в речи и женщин-политиков, и мужчин-политиков. Замечаем, что при повторе подобных элементов в дискурсе еще более усиливается влияние на аудиторию передаваемых идей.

- Для женщин-политиков более характерно использование множества синтаксических конструкций, приема градации, повтора, ряда однородных членов. Они расширяют идею, придают ей различные оттенки, тем самым, у аудитории создается впечатление, что было предпринято множество действий, привлечено большое количество лиц при решении затрагивающих общество проблем (“Мы видим, как растет сотрудничество в различных союзах, в различных структурах на уровне регионов, на уровне макрорегионов”, “Мы видим, с какой теплотой, с какой благодарностью граждане, проживающие в зоне конфликта, относятся к российским миротворцам” [7], “Но сегодня настрой есть у всех: у государства, у науки, у общества – на то, чтобы ничего не упустить”, “Свою задачу вижу в том, чтобы установить правду и ничего кроме правды” [9])

- Для женщин-политиков также более характерно использование таких средств, как частицы “вог”, “да”, “но” и т.д. при “соединении” высказываний (“И, на мой взгляд, проведение сейчас заседания Межпарламентской Ассамблеи СНГ очень актуально”, “Вообще, тема очень чувствительная, очень тонкая”, “Но, поверьте, все возможно”, “Вот моя логика именно такая”)

- Для мужчин-политиков более характерна метафоризация дискурса. Это делается с целью обозначения определенного эмоционального фона политика, а также создания образов для более полного восприятия ситуации аудиторией. В речи отмечается совмещение единиц как высокого стиля (при высказывании о РФ), так и разговорного стиля (при высказываниях о других государствах), а также средств эвфемизации для непрямого языкового отражения отношений между странами (“Что касается здравого смысла: все силы должны быть направлены не на то, чтобы кричать «держи вора!», а на то, чтобы объединиться и создать вакцину”, “Есть определенная престижная гонка, кто будет первым, есть проявления национального эгоизма, когда разворачивается борьба за то, кто будет первым обладателем вакцины”, “Это пауза вежливости” [8])

При анализе были выделены некоторые различия,

а также общие черты дискурсов высокопоставленных российских политиков. Значимым остается то, как в одинаковой степени те или иные языковые средства, употребляемые политиками, представляют собой инструменты, с помощью которых достигаются главные цели говорящих, а именно репрезентация своего статуса, воздействие на аудиторию и передача убеждений, ценностей, информации широкому кругу аудитории через определенный взгляд.

Заключение

В настоящее время значительное внимание уделяется исследованию медиадискурса, поскольку медиа в процессе глобализации и цифровизации приобретает всю большую значимость для общества при познании и восприятии реальности. Политическая коммуникация становится актуальным предметом для изучения. Кроме того, параллельно с усиливающейся ролью женщин-политиков в деятельности государства развиваются исследования политического медиадискурса, учитывающего гендерную специфику языковых приемов и единиц, к которым обращаются высокопоставленные лица.

Дискурс политических деятелей получает широкий доступ к аудитории через СМИ и имеет своего рода власть, имеющую структурную, нормативную и психологическую характеристики. Структурный характер власти медиа отражается в том, что идеи и убеждения политического деятеля достигают широкого круга аудитории, психологическая составляющая проявляется в вере аудитории к политику, а нормативная обусловленность власти медиа обеспечивает свободу слова. Все перечисленное является весомой причиной для изучения политического медиадискурса, выявления языковых средств, используемых для воздействия на массовую аудиторию и ее убеждения [2].

В статье были рассмотрены интервью, размещенные на разных информационных каналах, высокопоставленных российских политиков Сергея Лаврова, Дмитрия Пескова, Валентины Матвиенко, Ирины Яровой, проведенные в рамках 2020 года. Анализ показал, что в дискурсах женщин-политиков и мужчин-политиков наблюдаются как общие черты (функция обозначения единства народа и государства, выполняемая местоимением “мы”, единицы, обозначающие какую-либо эмоциональную степень уверенности, имеющие форму наречий, вводных слов и т.д.), так и различные (степень использования синтаксических приемов, степень метафоризации дискурса). Стоит отметить, что используемые те или иные языковые средства имеют одинаковую силу и значимость для политиков при воздействии на восприятие обществом происходящих ситуаций в своей стране и мире.

Литература

1. Fairclough N. Media discourse. London: Arnold. 1995. 214 p.
2. Gurevitch M. Linkages between the mass media and politics: a model for the analysis of political communications systems // Mass communication and society. London: The Open University Press. 1997. P. 270 – 290.
3. Jorgensen M., Phillips L. Discourse Analysis as Theory Methods. SAGE Publications Ltd. 2002. P. 1 – 2.
4. Бизнес онлайн. Турция ошибочно считает, что мира сложно достичь силовыми войсками, и здесь мы расходимся 13.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/488210> (дата обращения: 29.04.2022)
5. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Москва, 2008. С. 152 – 153.
6. Коммерсантъ. Россия с уважением воспримет любой выбор американского народа 03.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4558591> (дата обращения: 29.04.2022)
7. МИЦ “Известия”. Вызовы, которые сегодня перед нами стоят, требуют координации усилий. Интервью Валентины Матвиенко 25.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/121656/> (дата обращения: 29.04.2022)
8. РБК. Интервью главы МИДа Сергея Лаврова 15.05.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/05/2020/5ebe5a2c9a794780f51c7959> (дата обращения: 03.05.2022)
9. Российская газета. Следы в океане. Ирина Яровая: Причины загрязнения установим публично 05.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/10/05/reg-dfo/irina-iarovaia-prichiny-zagriazneniia-ustanovim-publichno.html> (дата обращения: 26.04.2022)
10. Фуко М. Археология знания: пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга. 2004. 416 с.

References

1. Fairclough N. Media discourse. London: Arnold. 1995. 214 p.
2. Gurevitch M. Linkages between the mass media and politics: a model for the analysis of political communications systems. Mass communication and society. London: The Open University Press. 1997. P. 270 – 290.
3. Jorgensen M., Phillips L. Discourse Analysis as Theory Methods. SAGE Publications Ltd. 2002. P. 1 – 2.
4. Biznes onlajn. Turcija oshibochno schitaet, chto mira slozhno dostich' silovymi vojskami, i zdes' my rashodimsja 13.11.2020. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/488210> (data obrashhenija: 29.04.2022)
5. Dobrosklonskaja T.G. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI. Moskva, 2008. S. 152 – 153.
6. Kommersant#. Rossija s uvazheniem vosprimet ljuboj vybor amerikanskogo naroda 03.11.2020. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4558591> (data obrashhenija: 29.04.2022)
7. MIC “Izvestija”. Vyzovy, kotorye segodnja pered nami stojat, trebujut koordinacii usilij. Interv'ju Valentiny Matvienko 25.11.2020. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/121656/> (data obrashhenija: 29.04.2022)
8. RBK. Interv'ju glavy MIDa Sergeja Lavrova 15.05.2020. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/05/2020/5ebe5a2c9a794780f51c7959> (data obrashhenija: 03.05.2022)
9. Rossijskaja gazeta. Sledy v okeane. Irina Jarovaia: Prichiny zagrijaznenija ustanovim publichno 05.10.2020. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2020/10/05/reg-dfo/irina-iarovaia-prichiny-zagriazneniia-ustanovim-publichno.html> (data obrashhenija: 26.04.2022)
10. Fuko M. Arheologija znanija: per. s fr. M.B. Rakovoj, A.Ju. Serebrjannikovoj; vstup. st. A.S. Kolesnikova. SPb.: IC «Gumanitarnaja Akademija»; Universitetskaja kniga. 2004. 416 s.

GENDER ASPECT OF POLITICAL MEDIA DISCOURSE

*Bai Uzhiliga, Postgraduate,
High School of Journalism and Mass Communication,
Saint-Petersburg State University*

Abstract: this article is devoted to the analysis of the discourse of high-ranking Russian political figures recognized by a wide range of audiences in the country and performing significant roles in the country's politics, while belonging to different gender groups. The purpose of the study is to analyze the features of the discourse of high-ranking Russian political figures, which manifest themselves in the structured language of female politicians and male politicians, and their expressions when speaking in the media. In accordance with the purpose of the study, the following tasks were set: 1. to analyze the discourse of male politicians (on the example of S.V. Lavrov and D.S. Peskov); 2. to analyze the discourse of women politicians (using the example of V.I. Matvienko and I.A. Yarova); 3. to conduct a comparative analysis of the discourses of women politicians and men politicians. It is concluded that in the discourses of female politicians and male politicians there are both common features (the function of denoting the unity of the people and the state (the pronoun “we”), units denoting some emotional degree of confidence, etc.) and different (the degree of use of syntactic techniques, the degree of metaphorization of discourse). The significance of the study of the peculiarities of the discourse of high-ranking Russian political figures lies in the possibility of its practical application by persons starting a political career.

Keywords: politician, discourse, media, linguistic behavior, linguistic means, syntactic construction, metaphorization

НАРОДНОСТЬ И ПАТРИОТИЗМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М-С.А. ПЛИЕВА

*Картюева З.М., аспирант,
Ингушский государственный университет*

Аннотация: в работе рассматриваются народность и патриотизм в художественных произведениях ингушского писателя М-С.Плиева. Произведения писателя проникнуты народным духом, имеют большую значимость для общества. Во всем этом чувствуется индивидуальная и национальная окрашенность творческой манеры писателя. Герои его произведений представлены как граждански зрелые и нравственно чистые личности с необычайно обостренным чувством единства. Это чувство в дальнейшем становится свойством души горца, ингуша, для которого сокровища народной мудрости были очень дороги. Мотивы патриотизма и интернационализма, героизма и мужества в их органическом переплетении с внутренними переживаниями героя в индивидуальном преломлении нашли в произведениях писателя.

Цель исследования – провести анализ духовно-нравственных ценностей, приведших персонажей произведений писателя патриотизму.

В преодолении многих проблем и недостатков в художественном творчестве важная роль принадлежит писателям, описывающим в своих произведениях жизнь народа. Одним из таких ярких личностей, писателей, которые вложили все свое умение является ингушский писатель М-С.Плиев, который активно включился в борьбу за мир, создавая талантливые произведения, пронизанные идеями патриотизма и интернационализма.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих **задач:** выявить идейно-нравственные позиции героев произведений писателя, которые привели к формированию патриотизма и интернационализма; дать характеристику понятию народность в художественных текстах М-С. Плиева.

Ключевые слова: ингушская литература, язык писателя, стиль, художественно-изобразительные средства, художественное произведение, сравнения, национально-культурный характер

Ингушская литература активно способствует воспитанию нового человека, формированию у него патриотизма и чувства интернационализма. В настоящее время ингушская литература и культура стали неотъемлемой составной частью многонациональной культуры нашей страны, и они занимают достойное место в общероссийской духовной сокровищнице.

Ингушские поэты и писатели смело берутся за художественное воплощение крупных социально значимых проблем современного общественного развития. Авторы выдвигают нерешенные самой жизнью проблемы. Этим преодолевается стремление привлечь внимание читателей к жизни и быту ингушей, горцев. В произведениях ингушских писателей изображается жизнь простого народа, подчеркиваются черты национальной самобытности ингушей. Ярким примером являются его рассказы, романы и повести, в которых в художественную ткань произведения включена борьба за справедливость, честь и достоинство каждого человека.

Как говорил В.Г. Белинский «душа народа, как и душа каждого частного человека, высказывается в критические моменты истории» [1, с. 17].

В произведениях писателя изображена жизнь ингушского народа в один из критических и напряженных периодов. Вся ингушская литература пропитана болью о многострадальном ингушском народе. Она, как и вся многонациональная литература нашей страны, достойно прошла испытание войной.

Произведения М-С. Плиева по-новому, с учетом возросших требований времени стремятся «ковать броню человеческой души», решает задачу идейно-нравственного вооружения. Произведения писателя в соответствии с накопленным к тому времени художественно-эстетическим опытом вносят вклад в дело развития всей ингушской литературы.

Ингушские писатели, унаследовав героические заветы, чувства и думы отцов и дедов, сохранившиеся в мудрой народной поэзии, в своих творениях показали себя художниками нового склада. Ведь сложная эпоха требовала от писателей небывалой повышенной ответственности. Высокое сознание своего гражданского долга перед народом было присуще С. Чахкиеву, А. Бокову, И. Базоркину, М-С. Плиеву и многим другим ингушским писателям.

Требованиями этого времени продиктованы и содержание и отчасти и форма произведений ингушской литературы. Вся ингушская литература посвящена истории, испытаниям ингушского народа, которые довелось им в полной мере пережить из реальной жизни.

С небывалой активностью возникали новые произведения ингушских писателей и поэтов. Они пронизаны многообразием форм и идейным единством, дышали необычайно обостренным чувством любви к Родине и собственному народу.

Чертами идейно-художественной зрелости отмечены произведения М-С. Плиева, в том числе его роман «Трудный перевал» в двух частях. В

нем автор стремится показать сам процесс формирования нового сознания ингушского народа через его ярких представителей. Герои его произведений представлены как граждански зрелые и нравственно чистые личности с необычайно обостренным чувством единства. Это чувство в дальнейшем становится свойством души горца, ингуша, для которого сокровища народной мудрости были очень дороги.

Такие герои его произведений, как Магомет, Бекхан, Шахмурза, Мадина, Пяти, Хадис и другие это герои-патриоты со сложившимся характером и богатым духовным миром. Реалистическое изображение характера, его углубленности – кредо М-С. Плиева. Он, словно ювелир, с филигранной точностью изобразил свойства характеров своих персонажей. Через авторское описание передал все их национальные особенности. В этом еще ярче проявились определяющие мотивы творчества М-С. Плиева – патриотизм, интернационализм и народность.

Слово «народность», обладает достаточной смысловой определенностью, и вместе с тем семантически многопланово, а потому упорно сопротивляется дефинициям. Причастность писателя к жизни нации и ее культуре проявляется по-разному. Здесь значимы и укорененность в отечественных традициях, и родство миропонимания народному менталитету, и пристальный интерес к современной участи широких слоев общества, и широкая опора на богатства национального языка, и уважительное внимание к истории своего народа и государства, и (далеко не в последнюю очередь) стремление создавать произведения, которые были бы понятны и сродни людям, удаленным от литературно-художественной среды, то есть обращенность творчества к широким общественным слоям [4, с. 6].

Народность проявляется в близости к народу и по форме и по смыслу, это изображение в произведениях народных типов, характеров, а также идеалов и взглядов народа.

Глубокая любовь к Родине, идеи дружбы выражались писателем в разнообразных формах своих произведений. Иногда он с эпическим размахом рисует окрашенный личными раздумьями портрет всей интернациональной массы народов:

В пороховом огне горит земля родная в этот день,

Защитники в объятиях смерти в этот день,

Враг ненавистный наступает в этот день,

У горцев нет трусливых в этот день,

Защитники все как один – герои! [2, с. 265].

А красоту внутреннего мира ингуша, его внутрисемейные, внутриродовые отношения М-С. Плиев раскрывает в единении всех родственников

в момент опасности, когда последние полмешка кукурузной муки, прибереженные на следующий год, решают всей родней дать, чтобы выручить из беды Магомета.

Излюбленной формой выражения патриотизма и народности М-С. Плиева являются народные песни, используемые автором в своих произведениях:

Золото родила, умница!

Мать твою, мать твою!

Серебро родила, умница!

Мать твою, мать твою! [2, с. 206].

В ряде случаев писатель использует и сатиру для более точного описания персонажа. Они имели действительную силу:

А мулла-то Тагир

Нынче веру сменил,

Полумесяц продал –

Снежный ком нацепил,

Снегу поклоняется.

Снег не прекращается.

Ха-ха! [2, с. 270].

При всей традиционности, такие песни-прибаутки были порождены самой жизнью. Они воплощали в себе традиционные черты характера ингуша и новые качества, полученные в процессе борьбы за новую жизнь.

Мудрая простота, непосредственность передачи многообразных чувств и переживаний в доступной форме вплетаются в художественную ткань его произведений. Образы простых ингушей живым народным языком песен, пословиц и поговорок творчески переосмысливались им. В этом также проявлялась истинная народность писателя. Порою с подкупающим юмором, скромностью он выражает свои мысли о народе посредством метафор и сравнений: *Тут-то и кинуть имя Магомета Арсамакова, как кидают кость своре собак. Слезы сверкнули на щетине, словно утренняя роса на лугу* [3, с. 222].

Чувства глубокой горечи по поводу страданий и унижений, выпавших на долю ингушского народа, гнев и возмущение писатель выражает в своих произведениях.

Его рассказы, повести и романы говорят об идейно-художественном росте автора, в которых представал живой и полнокровный образ непосредственного участника боев, человека, для которого столь естественно ощущение кровного единства национального и интернационального. Этот образ, как правило, у автора имел реальных прототипов – прославившихся своими подвигами, поступками представителей ингушского народа.

Они своим бесстрашием, мужеством и несгибаемой волей утверждают высокие и благородные идеалы общества. Все эти представители разных

национальностей, образы которых нарисованы с неординарной художественной силой, в разных экстремальных ситуациях доказывают на практике свои умения и навыки борьбы за новую свободную жизнь.

Собранный и целенаправленный в действиях Михаил, с крутым характером и упорством Клава, умудренный жизнью Николай Федорович и другие. На наш взгляд, внутреннюю теплоту и национальную окрашенность придает произведениям М-С. Плиева удачно вплетенные в ее художественную ткань устойчивые сочетания – проклятия ингушей:

*Сгореть тебе синим огнем, руку ломаешь!
Чтоб твоего отца перезахоронили со свиньей* [2, с. 335]!

Будь проклят твой отец и праотцы [3, с. 279]!

*Гореть тебе в аду, если попытаешь мою дочь
сладить с Хадрисом! Прочь, собачье дерьмо,
чтоб ты сгинул* [2, с. 274]!

Отстань, бес в человеческом облике! будь проклята, ведьма [3, с. 32]!

Многогранна и панорамно широка жизнь в изображении писателя. Иногда М-С. Плиев, рисуя бурный океан человеческой жизни, углубляется и во внутренний мир отдельных людей, показывает преждевременное взросление детей, духовный рост взрослых, его волнует замысел показать морально-эстетическое выпрямление личности в водовороте смены эпох. Во всем этом чувствуется индивидуальная и национальная окрашенность творческой манеры писателя. Ненавязчиво, без приукрашивания и сгущения красок писатель показывает лицо войны в эпизодах, картинках, в емких деталях и штрихах, в столкновениях жизни и смерти, правды и лжи, честности и подлости, трусости и непоказной храбрости. Его герои, преодолевающие невероятные трудности и нередко ценой жизни побеждающие врага.

В его произведениях действуют и борются единые в своем патриотическом порыве и страданиях представители разных народов нашей страны, старики и молодые, отцы, дети, внуки, мать и сын, муж и жена, неукротимые, опаленные войной борцы за жизнь, свободу, рядом с которыми ходит смерть.

В лучших произведениях ингушской литературы 20 века были сделаны попытки решения проблемы воссоздания образа положительного героя, борющегося за справедливость и новую свободную жизнь. Во многих из них интересный художе-

ственно-эстетический опыт творческого использования жанровых принципов, образно-поэтических приемов и средств устной народной поэзии. Начало и середина 20 века явились строгой проверкой гражданских позиций ингушских писателей, их верности основополагающим принципам литературы – идейности, народности и художественности. Ингушская литература, и в ее составе произведения М-С.Плиева, являются не только летописью борьбы за новую жизнь, но и оружием идейной борьбы со старым загнившим миром.

Такими образом, проведенный анализ художественных текстов М-С. Плиева привел к **выводу** о том, что мотивы патриотизма и интернационализма, героизма и мужества в их органическом переплетении с внутренними переживаниями героя в индивидуальном преломлении нашли свое место в произведениях писателя. Произведения писателя проникнуты народным духом, имеют большую значимость для общества, народа. Автор тоньше выражает переживания и мысли, текст его приобретает конкретную образность благодаря использованию устойчивых сочетаний и других единиц устного народного творчества ингушей.

Литература

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 1. 574 с.
2. Плиев М-С.А. Трудный перевал. Бой на рассвете. Книга 2. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1984. 344 с.
3. Плиев М-С.А. Трудный перевал. Побратимы. Книга 1. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982. 287 с.
4. Хализев В.Е. О народности в литературе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206020739&>

References

1. Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij. M., 1953. T. 1. 574 s.
2. Pliev M-S.A. Trudnyj pereval. Boj na rassvete. Kniga 2. Groznyj: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1984. 344 s.
3. Pliev M-S.A. Trudnyj pereval. Pobratimy. Kniga 1. Groznyj: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1982. 287 s.
4. Halizev V.E. O narodnosti v literature [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206020739&>

NATIONALITY AND PATRIOTISM IN THE WORKS OF M-S.A. PLIEV

*Kartoeva Z.M., Postgraduate,
Ingush State University*

Abstract: the paper examines the nationality and patriotism in the works of art of the Ingush writer M-S.A. Pliev. The writer's works are imbued with the folk spirit, are of great importance to society. In all this, the individual and national coloring of the creative manner of the writer is felt. The heroes of his works are presented as civilly mature and morally pure individuals with an unusually heightened sense of unity. This feeling later becomes a property of the soul of a mountaineer, an Ingush, for whom the treasures of folk wisdom were very dear. The motives of patriotism and internationalism, heroism and courage in their organic intertwining with the inner experiences of the hero in individual refraction were found in the works of the writer.

The purpose of the study is to analyze the spiritual and moral values that led the characters of the writer's works to patriotism.

In overcoming many problems and shortcomings in artistic creativity, an important role belongs to writers who describe the life of the people in their works. He is concerned about the idea to show the moral and aesthetic straightening of the personality in the maelstrom of changing epochs. One of such bright personalities, writers who have invested all their skills is the Ingush writer M-S.A. Pliev, who actively joined the struggle for peace, creating talented works imbued with the ideas of patriotism and internationalism.

Achieving this goal required solving the following tasks: to identify the ideological and moral positions of the heroes of the writer's works, which led to the formation of patriotism and internationalism; to characterize the concept of nationality in the literary texts of M-S.A. Pliev.

Keywords: Ingush literature, writer's language, style, artistic and visual means, artwork, comparisons, national and cultural character

АНАЛИЗ ЭТАПА РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Лю Ци,

Харбинский научно-технический университет, Китай

Работа выполнена при поддержке проекта экономического и социального развития провинции Хэйлуньцзян 2021 года (специальный предмет «Иностранный язык»)

"Исследование лингвистических характеристик детской литературы

Н. Носова на основе корпуса", проект(WY2021025-B)

Аннотация: русская детская литература – важная часть мировой детской литературы. Развитие русской детской литературы не было достигнуто в одночасье, а было долгим и сложным, ограниченным общим уровнем литературного развития, а также экономическим и политическим развитием. Являясь важной частью мировой детской литературы, русская детская литература не только богата прекрасными традициями русской литературы, но и обладает уникальным творческим стилем. Детская литература – жанр литературы, специально предназначенный для детей. Она обладает такими характеристиками, как целевая аудитория, простая сюжетная линия, яркий язык и глубокая философия, а также имеет большую ценность для академических исследований. Можно сказать, что "открытие детей" и создание и распространение детских концепций создали условия для производства детской литературы. Русская детская литература была обнаружена в народном устном творчестве, и она получила дальнейшее распространение благодаря созданию буквы, и она постоянно развивалась в связи с потребностями образования. В этой статье рассматриваются различные этапы развития русской детской литературы, надеется предоставить справочные идеи для конкретного изучения российских писателей детской литературы и их произведений.

Ключевые слова: русская детская литература, этап развития, характеристика

Введение

Поскольку детей действительно считают самостоятельными личностями, появилась детская литература. Можно сказать, что детская литература вместе развитие с русской литературы. В то же время у неё есть свои собственные предпосылки и особенности развития.

Развитие русской детской литературы

Первую попытку рассмотреть детскую литературу как итог почти тысячелетнего развития предпринял Ф.И. Сетин, им выделены такие периоды ее развития: древнерусская литература для детей IX-XVII веков, детская литература XVIII века, XIX века, литература рубежа XIX-XX веков [1, с. 62]. Исходя из этого, в данной статье мы представим этап развития русской детской литературы.

Истоки русской литературы для детей IX-XVII

Русская детская литература возникла из народного устного творчества, с веселым и запоминающимся ритмом. Древние славяне основывались на жизненном опыте, трудовой деятельности, фольклоре и передавали детям из уст в уста, не записывалось. Большая часть содержания народных устных творений содержит уважение к предкам, похвалу за трудолюбие и семейную жизнь, а цель состоит в том, чтобы воспитать в детях доброту. В некоторых детских легендах можно найти привычки семейной жизни и правила общественной жизни того времени. До сих пор полностью сохранились многие древние русские баллады, детские песни и т.д., и именно они породили русскую детскую литературу. Кроме того, создание кирилловской азбуки глубоко способствовало прогрессу

русского общества и заложило основу для производства русской детской литературы в более поздний период.

С появлением кирилловского алфавита, а также распространением Библии и "Госпела" содержание детской литературы обогатилось. Тематика и образы персонажей в Библии служат ориентиром для детской литературы. Среди них образ набожной матери и образ маленьких детей, растущих в христианской культуре, отражены во многих детских литературных произведениях о семье и детской жизни.

Литература для детей XVIII

В 18 веке, благодаря реформам таких монархов, как Петр Великий и Екатерина II, значительно развились образование, наука и культура. В это время детская литература печаталась и издавалась в больших количествах в качестве учебных учебников, а произведения большого количества писателей вошли в кругозор детей, и впервые сформировали систему русской детской литературы [2, с. 95]. Одной из самых основных функций детской литературы является воспитание и обучение детей, повышение их чувства морали и справедливости посредством чтения, а также содействие развитию ценностных ориентаций детей. Поэтому детская литература должна следовать законам физического и умственного развития детей.

Благодаря издателю и писателю Н.И. Новикову обширная работа, атмосфера чтения и спрос на чтение в российском обществе в XVIII веке быстро росли, определили большинство жанров детской литературы и объективно непосредственно

способствовали формированию детской литературы. Поэтому подъем русской детской литературы неразрывно связан с потребностями развития образования [3, с. 84].

Литература для детей XIX

В девятнадцатом веке область русской культуры и искусства процветала как никогда прежде, и появилось большое количество выдающихся мастеров литературы. В истории литературы России были периоды "золотого века" и "Серебряного века". Возрождение литературы и общественной жизни Российское общество проявляется в появлении большого количества журналов.

В этом социальном контексте российская детская литература также быстро развивалась, и появились художественные группы, созданные специально для детей и подростков, сформировав первую группу авторов детской литературы. Например, А.С. Пушкин, А.П. Чехов, Н.А. Некрасов и так далее. Они внесли большой вклад в развитие детской литературы в 19 веке. Педагогические взгляды А.С. Пушкина оказал влияние на группу писателей, писавших для детей.

Кроме того, была расширена тема детской литературы 19 века. Детские литературные произведения, соответствующие принципу реалистического творчества, были опубликованы в больших количествах. В этот период А.С. Пушкин, И.А. Крллов, Л.Н. Толстой и другие писатели сыграют большую роль в продвижении и содействии развитию детской литературы.

Литература для детей X

Тенденция развития русской детской литературы в этот период тесно связана с общественными и политическими текущими событиями.

В 1917 году разразилась советская социалистическая "Октябрьская революция", и теория социализма и классовой борьбы быстро заняла господствующее положение во всем обществе, а принятие и понимание этой теории показали много различий в группе писателей, это различие будет более или менее отражено в детской литературе [4, с. 12].

Развитие детской литературы в советский период сопровождалось развитием советской социалистической культуры. Под руководством пролетарской культуры детская литература рассматривается как одно из важных средств идеологического воспитания подрастающего поколения. На данном этапе М. Горький, Л. Пантелеев, А.Т. Гайдар и группа выдающихся писателей создали большое количество образовательных литературных произведений для детской литературы, формируя одного за другим типичных детских персонажей полного образа, честности и доброты.

Вступив в 21 век, русская детская литература обрела новую жизненную силу и жизненную силу. Детская литература в 21 веке более тесно связана с реальной жизнью, и на первом месте стоит нравственно-воспитательная функция литературы. Она обладает всеми атрибутами, присущими литературе, при этом учитывается интерес к чтению и психологическое развитие детей-читателей, оно носит характерный художественный и образовательный характер. И кроме того, раскрытие характеров персонажей должно осуществляться предметно и зримо, через их дела и поступки, так как ребенка больше всего привлекают действия героев [5, с. 161].

Заключительные замечания

В процессе роста детей литературные произведения оказывают незаметное влияние на развитие их характера, формирование поведенческих привычек и формирование ценностей. Детская литература - это самостоятельная отрасль литературы. В последние годы появляется все больше и больше исследований, связанных с русской детской литературой, и важность и исследовательская ценность русской детской литературы становятся все более заметными. Русская детская литература получила широкое исследование и пристальное внимание ученых благодаря своим превосходным литературным и художественным качествам, богатой языковой выразительности и яркому художественному образу.

Литература

1. Полозова Т.Д. Русская литература для детей. Москва: Академия, 1988. 62 с.
2. Никитина Е.Е. Развитие детской литературы и периодики второй половины XVII – первой половины XIX вв. Отечественная и зарубежная педагогика, 2014. 95 с.
3. Полозова Т.Д. Русская литература для детей. Москва: Академия, 1988. 84 с.
4. 靳涛.儿童本位等效翻译与《小无知游绿城》汉译研究[D].上海:华东师范大学硕士学位论文, 2017. 12 с.
5. Уткина О.А. Детская литература XXI века. Казанский педагогический журнал, 2013. № 4. 161 с.

References

1. Polozova T.D. Russkaja literatura dlja detej. Moskva: Akademija, 1988. 62 s.
2. Nikitina E.E. Razvitie detskoj literatury i periodiki vtoroj poloviny XVII – pervoj poloviny XIX vv. Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika, 2014. 95 s.

3. Polozova T.D. Russkaja literatura dlja detej. Moskva: Akademija, 1988. 84 s.

4. 靳涛.儿童本位等效翻译与《小无知游绿城》汉译研究[D].上海:华东师范大学硕士学位论文, 2017. 12 s.

5. Utkina O.A. Detskaja literatura XXI veka. Kazanskij pedagogičeskij žurnal, 2013. № 4. 161 s.

ANALYSIS OF THE STAGE OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN CHILDREN'S LITERATURE

Liuqi,
Harbin University of Science and Technology, China

Abstract: Russian children's literature is an important part of the world children's literature. The development of Russian children's literature was not achieved overnight, but was long and complex, limited by the general level of literary development, as well as economic and political development. Russian children's literature, being an important part of the world children's literature, is not only rich in wonderful traditions of Russian literature, but also has a unique creative style. Children's literature – a genre of literature specifically designed for children. It has characteristics such as a target audience, a simple storyline, a vivid language and a deep philosophy, and is also of great value for academic research. It can be said that the "discovery of children" and the creation and dissemination of children's concepts have created conditions for the production of children's literature. Russian children's literature was discovered in folk oral art, and it was further spread thanks to the creation of the letter, and it has been constantly developing in connection with the needs of education. This article examines the various stages of the development of Russian children's literature and hopes to provide reference ideas for a specific study of Russian writers of children's literature and their works.

Keywords: Russian children's literature, stage of development, characteristics

ОБРАЗЫ СВЕТСКИХ ДАМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ВОЙНА И МИР»)

*Чжао Нань, кандидат филологических наук PhD,
Институт иностранных языков,
Цилиньский педагогический университет, Китай*

Аннотация: цель исследования – выявить особенности образов женщин, которые относятся к светскому обществу, в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого, описать отношение автора к героиням этого типа и их роль в сюжете романа. Научная новизна исследования состоит в предположении о том, что автор воспринимает светскую жизнь как неизбежное зло и проверку для женщины. Его лучшие героини, например, Наташа Ростова, способны с достоинством пройти эту проверку; остальные светские дамы (Андрей Лиза Болконская, Элен Курагина, княгиня Друбецкая и Анна Павловна Шерер и др.) характеризуются автором как пустые, лицемерные, корыстные, манерные, обладающие недалёким умом, не понимающие семейных ценностей. Полученные результаты показали, что светское общество показано автором как индикатор истинных человеческих качеств героинь-женщин.

Ключевые слова: образ женщины, идеал женщины, светская дама, Лев Толстой, роман «Война и мир»

Введение

Актуальность исследования определяется его специфическим предметом: женские образы представляют собой важную образную составляющую любого художественного произведения, поскольку в основе цивилизационного строения лежит гендерное разделение людей, а в отношении к женщине отражаются этические представления человека, поколения, всего общества в определённый исторический период.

Теоретической базой исследования стали труды представителей различных гуманитарных дисциплин. Образ женщины подвергается философско-антропологическому анализу [1]; он рассматривается как явление, представленное в средствах массовой информации [2], как динамичный феномен, испытывающий на себе влияние различных исторических событий [3], как компонент политического пространства [4], как культурная составляющая, находящая системное отражение в языке [5], как компонент языкового сознания [6] и в других аспектах. Важнейшей задачей современной гуманитарной науки является анализ образа женщины в контексте художественного текста, в его тесной связи с культурой народа и отражающим её мировоззрением автора. М.Н. Крылова полагает, что литературоведческий анализ женских образов позволяет «лучше понять творчество писателя, его этическую составляющую, отражение в нём существенных признаков окружающей писателя действительности» [7, с. 76].

Женские образы рассматриваются литературоведами на материале различных художественных произведений. Исследователями отмечается стремление различных авторов показать богатейший духовный мир женщин и их значимую культурную роль [8], предположения писателей-фантастов о возможной эволюции женских образов в будущем [9], желание писателей изобразить «гуманное начало в образе женщины, тот посыл

искренности, жалости и нежности, который заложен в женщину самой её природой» [7, с. 75], а также отыскать в образах женщин «ускользающие», традиционные черты [10]. Касаются литературоведы и образов светских дам, к примеру, А.В. Голубков анализирует сатирическое изображение светских жеманниц в творчестве Мольера [11]; Ю.Б. Авдонина и Г.И. Щербакова выделяют в произведениях В.П. Мещерского такой образ, как «великосветская дама, в том числе светская львица, желающая всеобщего преклонения» [12, с. 753].

Женские образы Л.Н. Толстого вот уже на протяжении более ста лет привлекают внимание исследователей, которые связывают их с духовными исканиями автора [13], с поклонением женщине [14] и созданием её идеального образа [15], с решением писателем проблем любви, брака и семьи [16], с интерпретацией им темы запретной любви [17], с отрицательным отношением автора к женской эмансипации [18] и другими факторами, определяющими в творчестве Л.Н. Толстого структуру, содержание, сюжетное решение, этическое наполнение женского образа. Интереснейшим типом женских образов в творчестве Л.Н. Толстого стали образы светских дам. В исследовательской литературе они пока не получили достаточного изучения.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования её материалов в вузах гуманитарного направления при изучении курса истории русской литературы, а также спецкурсов и спецсеминаров по литературе XIX века, творчеству Л.Н. Толстого и др. Полученные в исследовании данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников и учебных пособий по истории русской литературы.

Задачи настоящего исследования состоят в том, чтобы, во-первых, проанализировать образы светских дам в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого;

во-вторых, выявить понимание автором значения светского общества для раскрытия этих образов; в-третьих, описать роль героинь, принадлежащих к светскому обществу, в сюжете романа.

В ходе исследования использовались методы наблюдения, анализа и интерпретации авторского художественного текста. Основным подходом стал историко-биографический, согласно которому в произведении отражаются мировоззрение автора, его взгляды на основные проблемы общества, в данном случае – на проблему роли женщины.

Основная часть

Л.Н. Толстой вполне определённо очертил в своих произведениях собственный идеал женщины. По мнению В.Г. Андреевой, идеальными качествами женщины для писателя были «красота, ум, способность к уединению, отношение к труду, религиозность» [19, с. 160]. В. Буговиц отмечает тяготение Л.Н. Толстого к женщинам материнского типа, живущим в гармонии с природой [18, с. 87]. Ж. Юе выделяет поэтичность как обязательное свойство женского образа писателя, а также наличие в женщине «силы спасения» [14, с. 410]. С.Р. Шаваринская считает, что в женском образе для Л.Н. Толстого были важны не только способность к земной любви и умение составить семейное счастье, но и «стремление души к полноте духовной – любви христианской» [13, с. 68]. В этой связи образы светских дам, созданные писателем, занимают особое положение в его творчестве и требуют внимательного рассмотрения.

В создании женского идеала, которое происходило для писателя в течение всего его творчества, важным было противопоставление женских характеров по их отношению к светской жизни. Для писателя было несомненно, что для его современницы, относящейся к аристократической верхушке общества, миновать погружение в светскую жизнь невозможно. Однако его героини чётко делятся на тех женщин, которые, окунувшись в светскую жизнь, прониклись её идеалами и стали их воплощением, и тех, которые смогли разобраться в светской жизни, осознать её пустоту и понять, что женщина должна существовать не в свете, а параллельно с ним, принимая его во внимание, порой окунаясь в него, но не погружаясь полностью. Героинь первого типа можно обозначить как светских дам.

Наиболее яркие образы светских дам мы видим в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Это Лиза Болконская, Элен Безухова, княгиня Друбецкая, А.П. Шерер и др.

С Лизой Болконской, юной беременной женой князя Андрея читатель знакомится уже на первых страницах романа. Она прекрасна в своей внешней прелесть, миниатюрности и юности. Перед чита-

телем она появляется как женщина, «теперь не выезжавшая в большой свет по причине своей беременности, но ездившая еще на небольшие вечера» [20, с. 13]. Для Лизы очень важны эти выезды в свет, ей нравится бесконечная светская болтовня, представляющаяся князю Андрею пустой, и вращение в свете, среди прежних знакомых. Она любит находиться в центре внимания и не готова уединиться в деревне, чтобы спокойно наслаждаться своим положением и готовиться к родам. Значимым в структуре романа является неприятие Лизой отъезда князя Андрея на войну, о чём она заявляет окружающим «таким капризно-игривым тоном, каким она говорила с Ипполитом в гостиной и который так очевидно не шел к семейному кружку» [20, с. 36]. На замечание мужа о том, что он оставляет её не одну, а с отцом и сестрой, Лиза возражает: «Все равно одна, без моих друзей...» [12, с. 36]. В этой фразе чётко звучит мысль о том, что светская компания для юной княгини важнее, чем семья.

Князь Андрей не может относиться к жене как к полноценному члену семьи. Когда она высказывает своё мнение, «муж посмотрел на нее с таким видом, как будто он был удивлен, заметив, что кто-то еще, кроме его и Пьера, находился в комнате» [20, с. 36]. Л.Н. Толстой точно и однозначно сообщает читателю о том, что князь не любит жену и сам уже не может понять, как решил на ней жениться. Однако читатель, вслед за писателем, не может осуждать князя за негативные чувства к жене. Основной причиной охлаждения князя к Лизе, несомненно, является её пустота, обусловленная вращением в свете, тем предпочтением, которое отдала княгиня светской мишуре перед спокойной семейной жизнью. Показательно, что Лиза тоже не любит мужа и вообще не видит никакой необходимости любить его. Ведь в светском обществе не принято любить супругов; муж – просто значимый элемент жизни светской красавицы, дающий ей имя и положение в обществе, во многом (в том числе материально) обеспечивающий её светский успех.

Отношение Л.Н. Толстого к Лизе неоднозначно. С одной стороны, он осуждает её преданность свету и готовность предпочесть светскую жизнь семейной; с другой – не может не признать, что Лиза юна, мила и ещё не полностью испорчена светом: «Всем было весело смотреть на эту полную здоровья и живости хорошенькую будущую мать, так легко переносившую свое положение» [20, с. 14]. Создаётся впечатление, что писатель растерян и сам не знает, как ему дальше поступить с этой героиней, он не понимает, как может развиваться этот образ, в связи с чем вводит в сюжет смерть женщины (княгиня умирает во время родов).

Элен Безухова – одна из наименее любимых героинь Л.Н. Толстого. Основным её качеством в романе становится красота, внешняя привлекательность, причём об этом упоминается так часто, что становится ясно: это не случайно. Эпитеты *красавица, красивая* являются постоянными для имени Элен: «...*Приехала дочь князя Василия, красавица Элен*» [20, с. 13]. Прекрасная внешность противопоставлена внутреннему уродству героини, которой присущи «безнравственность, корыстолюбие и бесчестие ради богатства» [21, с. 23]. Причины этого – и принадлежности Элен к семье Курагиных, для которых эти качества стали семейными, и то, что она вращается в светском обществе, не имея ни желаний, ни возможности противопоставить что-то его пустоте.

Образ Элен отмечен чертой, которая для Л.Н. Толстого является бесспорным знаком негативного женского характера: она не хочет иметь детей. Выйдя замуж за Пьера Безухова не по любви, а ради его имени и богатства (как это сделала и Лиза Болконская), Элен поступает хуже Лизы: отказывается от материнства. Более того, она оказывается способной на измену, которая ставит в опасность жизнь её мужа, вызвавшего соперника на дуэль. Разъехавшись с мужем, Элен продолжает вести распутный образ жизни, однако распутничает только с высокопоставленными господами – вельможами и даже принцем. Л.Н. Толстой показывает, что склонность к разврату – прямое следствие светского образа жизни женщины и её нежелания иметь детей.

Интересно решает автор вопрос о финале жизни Элен. Во-первых, он не может оставить её в живых. Во-вторых, выбирает интересную причину смерти. Добившись предложения руки и сердца от двух высокопоставленных особ и будучи вынуждена сделать между ними выбор, Элен заболевает неизвестной болезнью, решает лечиться у итальянского доктора и умирает. Этот финал демонстрирует представление автора о том, что такая героиня не может быть счастлива и не должна далее причинять мучения хорошим людям, обманутым её прекрасной внешностью.

Образ княжны Элен является важным для понимания Л.Н. Толстым сути красоты. Внешняя привлекательность данной героини не вызывает ни у кого сомнений: «*Элен была так хороша, что не только не было в ней заметно и тени кокетства, но, напротив, ей как будто совестно было за свою несомненную и слишком сильно и победительно действующую красоту*» [20, с. 18]. Однако автор показывает, что внешняя привлекательность без внутреннего наполнения, без душевной красоты ничего не стоит.

Лиза Болконская и Элен Безухова объединены также тем, что им удаётся увлечь и женить на себе незаурядных мужчин – Андрея Болконского и Пьера Безухова. Писатель показывает этим, что каждый из мужчин, выходящих в свет, даже лучший из них, оказывается не способен отличить внешнюю красоту от внутренней, разглядеть за красивой оболочкой «*отсутствие всяких страстей и желаний*» [20, с. 372]. Когда это разгадывание происходит, обычно бывает уже поздно: рядом оказывается жена, которая не является соратником и единомышленником, которая тяготится семейными ценностями и не способна составить счастье мужчины.

С помощью образа княгини Друбецкой Л.Н. Толстой хочет показать, что происходит со светскими дамами, когда они старятся и период светского блеска остаётся для них позади. Эта пожилая женщина взирает на мир «*с улыбкой молодой кокетки, которая когда-то, должно быть, была ей свойственна*» [20, с. 25], однако её положение в настоящий момент весьма печально. Княгиня бедна и не может позволить себе ту яркую светскую жизнь, к которой привыкла в молодости. Теперь это «*пожилая дама с исплуканным, худым лицом, несколько чужая в этом блестящем обществе*» [20, с. 17].

В отличие от других представительниц светского общества княгиня Друбецкая не бездетна, но она поступила ещё хуже, чем Элен, не желающая иметь детей. Она воспитала своего сына плохим человеком (Может быть, Л.Н. Толстой «убивает» Лизу Болконскую именно из опасения, что она станет плохой матерью). Сын княгини, Борис Друбецкой, завидует Ростовым, которые приютили и опекают его. Он пытается щегольски одеваться, пусть даже и на последние деньги, постоянно находится в поиске выгодных связей. Воспитанный обожающей его матерью, Борис не способен трезво себя оценивать и стремится лишь к тому, что является наиболее важным для княгини Друбецкой, – быть успешным и блестящим в глазах светского общества. Княгине удалось успешно обучить своего сына светскому притворству, расчётливости, меркантилизму, карьеризму и развратности.

Одной из значимых героинь – светских дам является в романе Анна Павловна Шерер, «*фрейлина и приближенная императрицы Марии Феодоровны*» [20, с. 7], с описания салона которой начинается произведение. Салон Анны Павловны – воплощение идеального светского мероприятия, на котором представители высшего света чувствуют себя наилучшим образом. Анна Павловна – прекрасный организатор, обладающий искусством устройства светских собраний, умеющий привлечь

в салон лучших людей и «подать» их обществу как лакомые блюда. Несмотря на значительный для того времени возраст (сорок лет), героиня «преисполнена оживления и порывов» [20, с. 8], но она не способна на открытость и сильные чувства, а её «отжившие черты» постоянно озаряет «сдержанная улыбка» [20, с. 8]. Анна Павловна не просто полна условностей, она сама – воплощённая условность, символ лицемерия и пустоты светского общества. Основное её умение – добиваться всего «придворною и женскою ловкостью и быстротою такта» [20, с. 10].

Для понимания сути этого образа и отношения к нему автора важно упомянуть, что Анна Павловна Шерер бездетна. Это самая неприглядная характеристика, которой мог наделить её писатель, в представлениях которого женщина не может одновременно быть светской дамой и матерью (или хорошей матерью).

Представительницы светского общества, прочно затянутые светом, противостоят в романе тем женщинам, которых свет только коснулся, но не испортил их в силу стержня, заложенного в их характеры и позволяющего им понять, что светская жизнь – это не главное для женщины. Важнейшая из таких героинь – любимица писателя Наташа Ростова. В.Г. Андреева так характеризует данный образ: «В отличие от прелестной Элен, Наташа притягательна именно отсутствием опошляющего и развращающего влияния света» [19, с. 174-175]. Наташа выходит в свет, поражая всех своей свежестью, живостью и полудетской грацией. Она не так красива, как Лиза, Элен и другие светские дамы, гордо несущие свою красоту и использующие её как оружие, но главное в образе Наташи то, что свет не затягивает, не портит её. Она оказывается способна понять, что важнее всего для женщины, – семья, дети, любовь к мужу.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

Л.Н. Толстой считает светскую жизнь «главным искушением» [19, с. 173] женщины, принадлежащей к высшему обществу, и одновременно полагает, что, попадая в свет, женщина проявляет свои истинные качества, свою «внутреннюю сущность» [19, с. 173]. Действительно, находясь в отдалении от света, не имея возможности окунуться в искушения светской жизни, женщина может казаться скромной и расположенной к семейной жизни, но только попадая в свет, она проявляет свои истинные качества.

Погружение в светскую жизнь в глазах писателя выглядит как серьёзнейшая проверка для женщины. Если она рада той пустоте, которую даёт ей свет, если обретённые в высшем обществе бессоч-

держательное общение, бесконечные увеселения, флирт и измены становятся для неё важнее семьи, детей, тихой жизни в собственном кругу, значит, она не прошла проверки. Если же, окунувшись в светскую жизнь и познав все её мнимые радости, женщина понимает, что ничто, даже яркость светской мишуры, не способно заменить ей главного – семьи, служения мужу и детям, верности, значит, она прошла проверку и является близкой к женскому идеалу, существующему в восприятии писателя.

Свет, таким образом, оказывается противоречивым явлением. С одной стороны, это зло, губящее чистоту, уводящее женщин от истинного счастья, отвлекающее от собственного предназначения. С другой стороны, это индикатор, без которого нельзя понять, что же на самом деле составляет нравственную основу женщины.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в более внимательном анализе каждого из образов светских дам, созданных Л.Н. Толстым в различных его произведениях, в выявлении положительных и отрицательных качеств светских дам в представлениях писателя. Необходимо оценить мотив погружения в светскую жизнь как этап становления характера женщины, как механизм её инициации, позволяющий выявить главные черты её характера.

Литература

1. Nuryshva G., Kaldayeva B. The image of a woman in the kazakh worldview: philosophical and anthropological analysis // Bulletin of the Karaganda university. History. Philosophy Series. 2021. Т. 103. № 3. С. 160 – 166.
2. Мохаммед А.Х., Матвиенко В.В. Феномен образа мусульманской женщины в средствах массовой информации Великобритании // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 5-1. С. 67 – 77.
3. Вербовая А.Ю. Влияние мировых войн на образ европейской и американской женщины // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 4-2. С. 340 – 353.
4. Солоненко А., Чернопятава С. Феномен мизогинии и его влияние на формирование образа женщины-политика // Generation PP. Приложение к журналу «Публичная политика». 2021. Т. 1. № 4. С. 235 – 243.
5. Крылова М.Н. Образ женщины в современном русском компаративе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 143 – 150.
6. Мамаева Т.В. Образ женщины в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири // Сибирский филологический форум. 2020. № 4 (12). С. 39 – 44.

7. Крылова М.Н. Образ женщины в творчестве В.Т. Шаламова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 75 – 81.

8. Курманалиева А.О., Дооронова А.Б. Образы женщин во всемирно известных произведениях Чынгыза Айтматова // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2018. № 10. С. 95 – 97.

9. Козлов И.В. Эволюция образов мужчин и женщин в системе персонажей научно-фантастических произведений братьев Стругацких // Неофилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 557 – 565.

10. Шушарина В.В. Образ женщины в прозе Еремея Айпина // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 13 (47). С. 267 – 269.

11. Голубков А.В. «Смешные жеманницы» Мольера: к вопросу о типологии женских характеров // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 5. С. 92 – 95.

12. Авдонина Ю.Б., Щербаклова Г.И. Женские типы в публицистических и художественных произведениях В.П. Мещерского // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. № 3. С. 753 – 765.

13. Шаваринская С.Р. Отражение духовных исканий Л.Н. Толстого в изображении женских типов и характеров в романе «Война и мир» (Образ княжны Марьи) // Духовно-нравственные основы русской литературы: Сб. научн. ст. по мат. VI междунар. науч.-практ. конф.; отв. ред. А.К. Котлов. Кострома: КГУ, 2018. С. 68 – 70.

14. Юе Ж. О поклонении женским образам в русской литературе (на примере романа Л.Н. Толстого «Воскресение») // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 408 – 410.

15. Гулин А. Идеальный женский образ в русской эпической прозе XIX века. Маша Миронова и Наташа Ростова // Русская словесность. 2019. № 6. С. 71 – 80.

16. Аль-Кааби М. Проблема любви, брака и семьи в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: Сб. ст. по мат. XXII междунар. науч.-практ. конф. М.: МЦНИО, 2019. С. 30 – 33.

17. Актай С. Тема запретной любви в русской, турецкой и французской литературе // Язык. Текст. Книга: Мат. междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: УФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2018. С. 109 – 114.

18. Bugovits V. Women in Tolstoy's novels // Pedagogy of Art. 2016. № 1. С. 85 – 88.

19. Андреева В.Г. Героини романов Л.Н. Толстого и «одуряющее свойство» светского существования // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 1. С. 160 – 209.

20. Толстой Л.Н. Война и мир: в 2 кн. Кн. 1. Т.

1, 2. М.: АСТ, 2015. 733 с.

21. Мочалова А.С., Торопова А.И., Шамина Е.М., Домнина А.И. Образ Элен Безуховой (Курагиной) в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 3 (95). С. 23.

References

1. Nuryшева G., Kaldayeva B. The image of a woman in the kazakh worldview: philosophical and anthropological analysis. Bulletin of the Karaganda university. History. Philosophy Series. 2021. Т. 103. № 3. S. 160 – 166.

2. Mohammed A.H., Matvienko V.V. Fenomen obraza musul'manskoj zhenshhiny v sredstvakh massovoj informacii Velikobritanii. Psihologija. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye is-sledovanija. 2019. Т. 8. № 5-1. S. 67 – 77.

3. Verbovaja A.Ju. Vlijanie mirovyh vojn na obraz evropejskoj i amerikanskoj zhenshhiny. Idei i idealy. 2019. Т. 11. № 4-2. S. 340 – 353.

4. Solonenko A., Chernopjatova S. Fenomen mizoginii i ego vlijanie na formirovanie obraza zhenshhiny-politika. Generation PP. Prilozhenie k zhurnalu «Publichnaja politika». 2021. Т. 1. № 4. S. 235 – 243.

5. Krylova M.N. Образ zhenshhiny v sovremenom russkom comparative. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2020. № 1. S. 143 – 150.

6. Mamaeva T.V. Образ zhenshhiny v jazykovom soznanii zhitel'ev Prienisejskoj Sibiri. Sibirskij filologicheskij forum. 2020. № 4 (12). S. 39 – 44.

7. Krylova M.N. Образ zhenshhiny v tvorchestve V.T. Shalamova. Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2021. № 1 (40). S. 75 – 81.

8. Kurmanaliev A.O., Dooronova A.B. Obrazy zhenshhin vo vsemirno izvestnyh proizvedenijah Chyngyza Ajtmatova. Izvestija VUZov Kyrgyzstana. 2018. № 10. S. 95 – 97.

9. Kozlov I.V. Jevoljucija obrazov muzhchin i zhenshhin v sisteme personazhej nauchno-fantasticheskikh proizvedenij brat'ev Strugackih. Neofilologija. 2020. Т. 6. № 23. S. 557 – 565.

10. Shusharina V.V. Образ zhenshhiny v proze Eremeja Ajpina. Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian. 2020. № 13 (47). S. 267 – 269.

11. Golubkov A.V. «Smeshnye zhemannicy» Mol'era: k voprosu o tipologii zhenskih harakterov. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. Т. 22. № 5. S. 92 – 95.

12. Avdonina Ju.B., Shherbakova G.I. Zhenskie tipy v publicisticheskikh i hudozhestvennyh proizvedenijah V.P. Meshherskogo. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2017. Т. 159. № 3. S. 753 – 765.

13. Shavarinskaja S.R. Otrazhenie duhovnyh iskanij L.N. Tolstogo v izobrazhenii zhenskih tipov i harakterov v romane «Vojna i mir» (Obraz knjazhny Mar'i). Duhovno-nravstvennye osnovy russskoj literatury: Sb. nauchn. st. po mat. VI mezhdunar. nauch.-prakt. konf.; otv. red. A.K. Kotlov. Kostroma: KGU, 2018. S. 68 – 70.

14. Jue Zh. O poklonenii zhenskimi obrazami v russskoj literatury (na primere romana L.N. Tolstogo «Voskresenie»). Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2021. № 4 (89). S. 408 – 410.

15. Gulin A. Ideal'nyj zhenskij obraz v russskoj jepicheskoj proze XIX veka. Masha Mironova i Natasha Rostova. Russkaja slovesnost'. 2019. № 6. S. 71 – 80.

16. Al'-Kaabi M. Problema ljubvi, braka i sem'i v romane L.N. Tolstogo «Anna Karenina». Nauchnyj forum: Filologija, iskusstvovedenie i kul'turologija: Sb. st. po mat. XXII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M.: MCNiO, 2019. S. 30 – 33.

17. Aktaj S. Tema zapretnoj ljubvi v russskoj, tu-reckoj i francuzskoj literatury. Jazyk. Tekst. Kniga: Mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg: UFU im. pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina. 2018. S. 109 – 114.

18. Bugovits V. Women in Tolstoy's novels. Pedagogy of Art. 2016. № 1. S. 85 – 88.

19. Andreeva V.G. Geroini romanov L.N. Tolstogo i «odurjajushhee svojstvo» svetskogo sushhestvovanija. Dva veka russskoj klassiki. 2021. T. 3. № 1. S. 160 – 209.

20. Tolstoj L.N. Vojna i mir: v 2 kn. Kn. 1. T. 1, 2. M.: AST, 2015. 733 s.

21. Mochalova A.S., Toropova A.I., Shamina E.M., Domnina A.I. Obraz Jelen Bezuhovoj (Kuraginoj) v romane-jepopee L.N. Tolstogo «Vojna i mir». Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii. 2019. № 3 (95). S. 23.

THE IMAGES OF FINE LADIES IN THE WORKS OF L.N. TOLSTOY (BY THE MATERIAL OF THE NOVEL "WAR AND PEACE")

*Zhao Nan,
Institute of Foreign Languages,
Qilin Pedagogical University, China*

Abstract: the purpose of the study is to identify the features of the images of women who belong to a secular society in the novel "War and Peace" by L.N. Tolstoy, to describe the author's attitude to the heroines of this type and their role in the plot of the novel. The scientific novelty of the study lies in the assumption that the author perceives secular life as an inevitable evil and a test for a woman. His best heroines, such as Natasha Rostova, are able to pass this test with dignity; the rest of the society ladies (Andreyka Liza Bolkonskaja, Helen Kuragina, Princess Drubetskaja and Anna Pavlovna Sherer, etc.) are characterized by the author as empty, hypocritical, selfish, mannered, having a narrow-minded mind, not understanding family values. The obtained results showed that secular society is shown by the author as an indicator of the true human qualities of female heroines.

Keywords: the image of a woman, the ideal of a woman, fine lady, Leo Tolstoy, the novel "War and Peace"

О ПОЭТЕ-ПЕРЕВОДЧИКЕ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА ГУ ЮЙ

*Пэй Цзян, аспирант,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*

Аннотация: в нынешнее время изданий басен Крылова в Китае насчитывает более 300. В первые 80 лет в Китае стихотворные басни Крылова в основном были переведены прозой. Только в 1983 г. Гу Юй и Хэ Шиин впервые отдельно опубликовал свои первые масштабные попытки стихотворного перевода и китайцы начали познавать художественное очарование оригинала Крылова. В данной статье рассмотрены переводы поэта-переводчика Гу Юя басен Крылова, в чьих переводах наблюдаются принципы точности, эlegantности и художественности. В первом блоке рассказывается биография переводчика русской и китайской литературы и краткая история перевода басен Крылова в Китае. Затем выяснены разные принципы перевода, применяемые Гу Юем, сравнены переводы Гу Юя с другими переводчиками Хэ Маочжэном и Хэ Шиинном, подчеркнуты лексические особенности в переводе Гу Юя. Цель исследования – выявить высокое переводческое мастерство Гу Юя, учитывая его концепцию перевода. При анализе художественных подходов перевода басен Крылова применены сравнительный подход, методы анализа, интерпретации и обобщения. Научная новизна заключается в том, что в статье изучены разные китайские переводы басенного творчества Крылова с точки зрения слова, формы и содержания. В результате выявлено, что Гу Юй не только замечательный поэт-переводчик басен Крылова, но и трудолюбивый исследователь, который внес большой вклад в крыловедение Китая. Материал статьи можно использовать при изучении рецепции и перевода басен Крылова в Китае.

Ключевые слова: басни Крылова, перевод, поэт, переводчик, русская литература, Гу Юй

Гу Юй (谷羽) (род. 1940) – китайский русист, переводчик, поэт, профессор Нанькайского университета (Тяньцзинь, КНР), родился 8 августа 1940 г. в городе Синтай (邢台) провинции Хэбэй (河北). С 1957 до 1960 гг. он учил русский язык 3 года в школе. В 1965 г. окончил Нанькайский университет по специальности «русский язык» и стал преподавателем, читал лекции по истории русской литературы, русский язык, русские стихи и др. В 1970-е гг. начал переводить русские стихотворения. С ноября 1988 г. до декабря 1989 г. стажировался в Ленинградском университете. В начале 1990-х годов вступил в Союз писателей города Тяньцзиня (天津). В 1999 г. был награждён Министерством культуры РФ медалью памяти Пушкина за многолетнюю литературную деятельность в области сближения культур России и Китая. В феврале 2013 года стал членом Санкт-Петербургского городского союза писателей [3, с. 109].

Г-н Гу Юй усердно писал и занимался переводом русской поэзии на китайский язык. Он также сотрудничал с российскими китаеведами и поэтами в переводе китайской поэзии на русский язык и добился замечательных результатов. Издал следующие сборники переводов: «Осёл и Соловей – Избранные басни И.А. Крылова» (Харбин, 1983), «Любовная лирика А.С. Пушкина» (Пекин, 1997), «Триста стихотворений русских поэтов» (Гуйлинь, 1999), «Рассказы и повести А.П. Чехова» (Пекин, 2006), «Полное собрание басен И.А. Крылова» (Пекин, 2013) и др., также переводил стихи М. Лермонтова, А. Фета, В. Брюсова, К. Бальмонта, И. Бунина, М. Цветаевой, В. Перелешина, Р. Рождественского, Р. Гамзатова и современных русских поэтов, прозу М. Горького, М. Пришвина, Б. Пастернака, совместно с известным русским восто-

коведом Сергеем Аркадьевичем Торопцевым (1940) переводили 280 китайских стихотворений. Затем издал их под названием «Три вершины, семь столетий. (Антология лирики средневекового Китая)» в Санкт-Петербурге в 2017 г. т.д [см. 4].

Свою переводческую работу он начал именно с перевода басен И.А. Крылова. По его словам, «я начал переводить русские литературные произведения, начиная со сказок, басен и коротких стихотворений. В основном, учитывая небольшой объем этих произведений, я могу использовать маленькие фрагменты времени» [см. 4]. Ведь в свой ранний период перевода у него было как раз много преподавательских работ.

Первый сборник его переводов басен Крылова – «Осел и Соловей» (驴子和夜莺) – вышел в Харбине в 1983 г.: в нем было 166 басен, переведённых в стихах. Гу Юй оказался в числе первых китайских переводчиков, сделавших стихотворные переводы басен Крылова, наряду с другим переводчиком Хэ Шиинном, который тоже в 1983 г. выпустил свои 203 стихотворных перевода басен И.А. Крылова издательством «Хуачэн чубаньшэ (Город цветов)». До того времени большинство переводчиков (такие как Мэн Хай, У Янь и др.) предпочитали переводить их прозой, а в 1983 г. благодаря Гу Юю и Хэ Шиину китайские читатели наконец-то узнали, что в отличие от басен Эзопа, басни Крылова – стихотворные [10, с. 92].

Полное собрание басен Крылова (всего 203 басни) в переводах Гу Юя вышло в 2004 г. в пекинском издательстве «Яньшань», а затем несколько раз переиздавалось другими пекинскими издательствами – в 2013, 2016, 2019 и 2020 гг.

При переводе басен Крылова Гу Юй придерживался принципа: перевести стихи стихами. При

этом он стремится не к педантичному воспроизведению стихотворной формы оригинала, а к точности в передаче содержания и художественной выразительности. Так, например, в переводе басни «Тришкин кафтан» большинство стихов (13 из 18-ти) оканчиваются одной и той же рифмой (на «ань») [5, с. 100], что сильно отличается от способа рифмовки в оригинале, зато соответствует вкусу китайских читателей, ведь в китайских стихотворениях принято сохранять одну и ту же рифмовку с начала до конца [см. 1]. А в переводе басни «Ворона и Лисица» первые три строчки далеко не одинаковы с оригиналом по числу слов, каждый строк насчитывает 9 иероглифов [5, с. 15], и даже больше оригинала на одну строчку, зато прибавляет музыкальность (в китайской поэзии чётные строки звучит красивее, чем нечётные).

Но это не означает то, что Гу Юй совсем не учитывал оригинальную форму басен Крылова. Переводчик не специально шёл навстречу читателям, а создавал гармонию в переводе. В отличие от русского языка, произношение и письмо китайского языка – отдельные системы. Поэтому в китайском языке нет понятия «стопа». Переводчики

Оригинал –

Попрыгунья Стрекоза́
Лéто красное пропéла;
Огляну́ться не успéла,
Как зимá катíт в глаза́.

Перевод Гу Юя –

一只/飞来/飞去的/蜻蜓,
唱着歌/度过了/美好的/夏天;
不容它/回味/幸运的/时光,
转眼间/冬天/已来到/面前。

Транслитерация –

И чжи фэй лай фэй цюй дэ цин тин
Чан чжэ гэ ду гуо лэ мэй хао дэ ся тянь
Бу жун та хуй вэй син юнь дэ ши гуан
Чжуань янь цзянь дун тянь и лай дао мянь цянь

Мой пословный перевод по тексту Гу Юя:

Одна стрекоза, летающая туда и сюда,
Песню поя, прекрасное лето провела;
Не успела вспомнить счастливое время,
Как мигом зима уже пришла.

В каждой строке перевода Гу Юя есть четыре синтагмы, отделенные друг от друга паузами. Обычно при чтении стихов паузы делаются между строками или предложениями, но здесь «паузы» выделяют синтагмы, компенсируя отсутствие точного эквивалента стопы в китайском стихосложении.

Перевод Хэ Маочжэна –

喜欢/蹦蹦/跳跳的/蜻蜓/姑娘,
整个/夏天/都在/不停/歌唱;
转瞬间/来到了/冬天

Транслитерация –

Си хуань бэн бэн тяо тяо дэ цин тин гу нян
Чжэн гэ ся тянь доу цай бу тин гэ чан
Чжуань шунь цзянь лай дао лэ ся тянь

выдвинули концепцию, а именно «компенсировать стопу паузой», чтобы выделить стопу оригинального текста паузой в потоке речи [см. 12]. Согласно этому принципу, в китайском стихотворении одна синтагма соответствует одной стопе русского силлабо-тонического стихотворения. Обычно это два или три слога (иероглифа). Синтагмы разделяются паузами. Пауза здесь делается для того, чтобы различать семантику, а не для того, чтобы подчеркнуть семантику. Например, если мы читаем предложение из басни «Стрекоза и Муравей» – «Лето красное пропела» и делаем акцент на слово «лето», то значит ни зиму, ни весну стрекоза не пропела, а именно лето, и так мы подчёркиваем слово «лето» с помощью интонации и паузы. А если иностранец не знает значения этих слов, а только умеет читать русский текст по слогам, то он тоже может делать паузу после слова «лето», но его цель – различать семантику, а не подчеркнуть. Ведь мы знаем, что после каждого отдельного слова нужно дышать, хоть бы очень коротко. Посмотрим пример (первые четыре строки басни «Стрекоза и Муравей») [6, с. 32; 5, с. 53]:

Посмотрим перевод этих же строчек Хэ Маочжэна (род. 1931), кто совместно с Тянь Баоши (田宝石) переводил монографию Николая Леонидовича Степанова «Басни Крылова» (М.: Худож. лит., 1969. 112 с.) и внёс большой вклад в крылововедение Китая [7, с. 119]:

Мой пословный перевод по тексту Хэ Маочжэна –
 Девушка-стрекоза, любящая прыгать,
 Всё лето непрерывно петь;
 Как мигом зима уже пришла.

В переводе Хэ Маочжэна только три строки, в отличие от оригинала – четыре. Даже синтагмы в каждой строчке не одинаковы: 5, 5, 3. Читая эти предложения, китайские читатели с трудом связывают их с оригинальным текстом Крылова.

Перевод Хэ Шиина –	Транслитерация -
蜻蜓/姑娘/能歌/善舞,	Цин тин гу нян нэн гэ шань у
唱过了/一夏, 跳完了/三伏;	Чан гуо лэ и ся тяо вань лэ сань фу
日子/过得/流水般/速,	жи цзи гуо дэ лю шуй бань су
转眼/寒冷的/冬天/已至。	Чжуань янь цзянь хань лэн дэ дун тянь и чжи

Мой пословный перевод по тексту Хэ Шиина –
 Девушка-стрекоза, любящая прыгать,
 Всё лето непрерывно петь;
 Дни прошли так быстро, как вода текла,
 Как мигом зима уже пришла.

Видимо, вариант Хэ Шиина как и в переводе Гу Юя имеет четыре синтагмы в каждой строке. И перевод по-китайски звучит очень красиво, только одно непонятное место – слишком много слов добавил переводчик, как «跳完了三伏 (танцевала всё лето)», «日子过得流水般速 (дни прошли быстро, как вода текла)». Наверно, переводчик жертвовал содержанием ради красоты формы.

Мы все знаем, что язык в баснях Крылова часто не письменный, а разговорный, иначе говоря, язык народа, живой русский язык. Гу Юй умеет подбирать слова для передачи особенностей языка русского народа. Так, фразу Крестьянина в басне «Крестьянин и Разбойник» – «меня совсем ты доконал» [6, с. 71] – он перевёл как «你要了我的老命 (ты убил мою старую жизнь)» [5, с. 103], точно и с юмором показав, как обычно крестьяне и неграмотные люди капризничают и выражаются, независимо от их возраста. Ещё пример: в переводе басни «Мышь и Крыса» переводчик два раза использовал китайские фразеологизмы для показа невежества Мыши и Крысы. У Крылова: «льву не быть живому» [6, С. 76], в переводе: «那它肯定会一败涂地 (лев потерпит полное поражение)» [5, с. 112]; у Крылова: «сильнее кошки зверя нет» [6, с. 76], в переводе: «猫凶猛厉害举世无敌 (кошка так сильна, что не имеет соперников)» [5, с. 112]. Здесь переводчик показывает силу кошки через китайский фразеологизм «一败涂地 (терпеть полное поражение)», ведь фразеологизм всегда делает текст более выразительным. В своём переводе Гу Юй смело использовал много китайских фразеологизмов, пословиц, поговорок для передачи простых, понятных и выразительных слов Крылова [4, с. 243].

Посмотрим перевод Хэ Шиина, кто уже перевёл полное собрание басен Крылова стихами в 1983 г. [8, с. 76]:

Выразительность басен Крылова отражается не только в самом языке, но и в их сюжетах. Перед читателями его басен стоит как будто не традиционный по нашему пониманию баснописец, а драматург, кто умеет создавать драматические конфликты. В предисловии своего первого издания Гу Юй это утвердил: «И.А. Крылов редко пишет басни в бесстрастной и прямолинейной манере. Он умеет ловить ключевые противоречия и конфликты и быстро доводит события до кульминации» [5, с. 10]. Об этом могу привести пример: в басне «Лисица и Сурок» лисицу выгнали за мошенничество, но она бесстыдно хвасталась тем, что забывала о своей личной пользе ради служебных дел. Сурок выслушал все её слова и ответил: «Нет, кумушка; а видывал частенько, что рыльце у тебя в пуху» [6, с. 31]. Это предложение создаёт для людей такую атмосферу, как будто они находятся в театре, и в этот момент маска лжеца снята, воздух, кажется, затих, и драматический эффект (басня) достиг вершины. Гу Юй хорошо передаёт этот сюжет своим переводом, был так «是的, 亲爱的, 我常看到, 你的尖嘴巴上粘着鸡毛 (да, дорогая, я часто вижу, как у тебя куриный пух клеит на узкорыльце)» [5, с. 51]. Переводчик добавляет глагол «клеить» (粘, чжань), означающий в китайском языке «случайно заставляя другие вещи прилипать к другой вещи или телу человека», опуская читателям смешного преступника [5, с. 33].

Таким образом, несмотря на трудность перевода басен Крылова, Гу Юй старался не пропускать ни одного элемента оригинала [6, с. 15]. Это позволяет говорить о том, что Гу Юй – именно такой поэт-переводчик, который, по нашему мнению, лучше всех переводил басни Крылова стихами в Китае.

Литература

1. Ван Ли (王力). Нормы китайского стихосложения (诗歌格律). Ханчжоу: Народное издательство пров. Чжэцзян, 2019. 261 с.
2. Гаспаров М.Л. Оппозиция «стих – проза» и становление русского литературного стиха // русское стихосложение: традиции и проблемы развития. М.: наука, 1985. С. 264 – 277.
3. Гу Юй. О переводе Ду Фу Наталией Азаровой // Иностранные языки в высшей школе. Рязань, 2016. Вып. 4 (39). С. 109 – 110.
4. Гу Юй (谷羽). Парус, плавающий по морю стихов: Сборник статей об исследовании переводов русских и китайских стихотворений (帆船, 在诗海上漂流 – 俄汉诗歌翻译研究). Тяньзинь: Издательство университета Нанькай, 2019. С. 243-264, 521.
5. Крылов И.А. Осёл и Соловей (驴子和夜莺): пер. Гу Юя. Харбин: Народное издательство пров. Хэйлуцзян, 1983. С. 1 – 13, 15, 33, 44, 51, 53, 100, 103, 112, 154.
6. Крылов. И.А. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М.: ОГИЗ, 1945. С. 15, 28, 31, 32, 71, 76, 106.
7. Крылов И.А. Полное собрание басен И.А. Крылова (克雷洛夫寓言全集). Перевод Хэ Маочжэна. Ханчжоу: Чжэцзян вэньи чубаньшэ, 1997. С. 119.
8. Крылов И.А. Сборник стихотворных басен И.А. Крылова (克雷洛夫寓言诗集). Перевод Хэ Шиина. Гуанчжоу: Хуачэн чубаньшэ, 1983. С. 76.
9. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 796 с.
10. Пэй Цзян. О переводах и переводчиках басен И.А. Крылова в Китае // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 90 – 95.
11. Чжан Цычжу. О традициях, проблемах и перспективах перевода европейского силлаботонического стиха на китайский язык // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2017. 6 (119). С. 128 – 132.
12. Чжэн Тиу. Как мы в Китае переводим стихи: стихотворный аспект // Вестник СПбГУ. Серия 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 142 – 161.

References

1. Van Li (王力). Normy kitajskogo stihoslozhenija (诗歌格律). Hanchzhou: Narodnoe izdatel'stvo prov. Chzhjeczjan, 2019. 261 s.
2. Gasparov M.L. Opozicija «stih – proza» i stanovlenie russkogo literaturnogo stiha. russkoe stihoslozhenie: tradicii i problemy razvitija. M.: nauka, 1985. S. 264 – 277.
3. Gu Juj. O perevode Du Fu Nataliej Azarovoj. Inostrannye jazyki v vysshej shkole. Rjazan', 2016. Vyp. 4 (39). S. 109 – 110.
4. Gu Juj (谷羽). Parus, plavajushhij po morju stihov: Sbornik statej ob issledovanii perevodov russkikh i kitajskih stihotvorenij (帆船, 在诗海上漂流 – 俄汉诗歌翻译研究). Tjan'zin': Izda-tel'stvo universiteta Nan'kaj, 2019. S. 243-264, 521.
5. Krylov I.A. Osjol i Solovej (驴子和夜莺): per. Gu Juja. Harbin: Narodnoe izdatel'stvo prov. Hjelunczjan, 1983. S. 1 – 13, 15, 33, 44, 51, 53, 100, 103, 112, 154.
6. Krylov. I.A. Polnoe sobranie sochinenij: V 3 t. T. 3. M.: OGIЗ, 1945. S. 15, 28, 31, 32, 71, 76, 106.
7. Krylov I.A. Polnoe sobranie basen I.A. Krylova (克雷洛夫寓言全集). Perevod Hje Maochzhjena. Hanchzhou: Chzhjeczjan vjen'i chuban'shje, 1997. S. 119.
8. Krylov I.A. Sbornik stihotvornyh basen I.A. Krylova (克雷洛夫寓言诗集). Perevod Hje Shiina. Guanchzhou: Huachjen chuban'shje, 1983. S. 76.
9. Mokienko V.M., Sidorenko K.P. Krylatye slova basen Ivana Andreevicha Krylova. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2018. 796 s.
10. Pjej Czjan. O perevodah i perevodchikah basen I.A. Krylova v Kitae. Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. 2022. T. 81. № 1. S. 90 – 95.
11. Chzhan Czyczhu. O tradicijah, problemah i perspektivah perevoda evropejskogo sillabotonicheskogo stiha na kitajskij jazyk. Izvestija VGPU. Filologicheskie nauki. 2017. 6 (119). S. 128 – 132.
12. Chzhjen Tiu. Kak my v Kitae perevodim stihi: stihotvornyj aspect. Vestnik SPbGU. Serija 9, Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2016. Vyp. 4. S. 142 – 161.

ABOUT THE POET-TRANSLATOR OF I. A. KRYLOV'S FABLES GU YU

*Pei Jiang, Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University*

Abstract: at the present time, there are more than 300 editions of Krylov's fables in China. In the first 80 years in China, Krylov's poetic fables were mostly translated into prose. It was only in 1983 that Gu Yu and He Shiyong separately published their first large-scale attempts at poetic translation, and the Chinese began to learn the artistic charm of Krylov's original. This article examines the translations of the poet-translator Gu Yu Krylov's fables, whose translations adhere to the principles of accuracy, elegance and artistry. The first section tells the biography of the translator of Russian and Chinese literature and a brief history of the translation of Krylov's fables in China. Then the different principles of translation used by Gu Yu were clarified, Gu Yu's translations were compared with other translators He Maozheng and He Shiyong, lexical features in Gu Yu's translation were emphasized. The purpose of the study is to identify Gu Yu's high translation skills, taking into account his concept of translation. In the analysis of artistic approaches to the translation of Krylov's fables, a comparative approach, methods of analysis, interpretation and generalization are applied. The scientific novelty lies in the fact that the article studies various Chinese translations of Krylov's fable from the point of view of word, form and content. As a result, it was revealed that Gu Yu is not only a wonderful poet-translator of Krylov's fables, but also a hardworking researcher who made a great contribution to the Krylov studies of China. The material of the article can be used to study the reception and translation of Krylov's fables in China.

Keywords: Krylov's fables, translation, poet, translator, Russian literature, Gu Yu

РАЗВИТИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА “GLAMOUR” В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

*Акинина П.С., кандидат филологических наук, доцент,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых*

Аннотация: в статье рассматриваются различные точки зрения ученых – лингвистов по поводу того, что такое концепт. Обобщая изученную информацию, автор приходит к выводу, что концепт – это мысленное образование, главный мыслительный код человека, результат познавательной деятельности человека. Область современных исследований рассматривает концепт с точки зрения гносеологии и типологии концептов. В структуре концепта выделяют три компонента. Семный состав концепта *glamour* на протяжении своего развития претерпевает видоизменения. Денотативные значения данного концепта включают в себя вещный мир человека, его самого и физическое проявление, все, что попадает в поле зрения человека и то, что вызывает эстетическое наслаждение. Дополнительные когнитивные признаки включают в себя роскошь, шарм, лоск, глянец. Состояние концепта *glamour* в XXI веке подразумевает изменение оценочной доминанты. Появление контекстов как с отрицательным, так и с положительным содержанием свидетельствует об оценочной биполярности. Таким образом, можно прийти к заключению, что концепт *glamour* имеет двойственный характер в англоязычной культуре.

Ключевые слова: концепт, *glamour*, концептуальный анализ, фрейм, гносеология, типология концептов, лингвокультура, когнитивные признаки

Введение

В русле современной лингвистики проблема описания структуры концепта занимает центральное место. Совокупность концептов помогает воссоздать национальную картину мира, где находит свое проявление языковое сознание социума и менталитет. Концепт *glamour* не только играет важную роль в человеческом мире, но и определяет отношение личности к окружающей действительности. Анализ концепта *glamour* представляется актуальным ввиду трансформации его содержания, поскольку семный состав лексемы претерпевал изменения неоднократно.

Актуальность исследуемой проблемы определяется тем, что концепт *glamour* составляет важную направляющую человеческого мироощущения, а сравнение его характеристик в разных культурах позволяет сформировать систему аксиологических составляющих различных языковых сообществ.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили лексические единицы, представляющие концепт *glamour* из статей популярных журналов *Cosmopolitan* и *Vogue* на английском языке. Были использованы следующие методы лингвистического исследования:

1) Теоретические. Теоретический анализ научной литературы; индуктивный и дедуктивный методы.

2) Эмпирические. Метод сплошной и частичной выборки при анализе материала; описательный метод; метод комплексного и концептуального анализа.

Результаты исследования

Понятие «концепт» является объектом изучения многих наук: когнитивистика, семантика,

лингвокультурология. Какие существуют точки зрения в отношении того, что значит термин «концепт»?

По мнению известного языковеда С.А. Аскольдова, концепт является интеллектуальным формообразованием [1].

В понимании З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концепт также является ментальной формой, несущей сведения о предмете, являющейся результатом познания [5].

С точки зрения Р.М. Фрумкиной, концепт – это объект концептуального анализа [7]. Суть концептуального анализа состоит в познании концепта. Иными словами концепт дает нам знания об объекте из окружающей действительности.

В монографии «Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка» А.П. Бабушкина мы найдем информацию о том, что концепты – это структуры представления знаний. По мнению ученого, это единица общественного сознания, отображающая предмет действительности, запечатленного в памяти говорящих в виде познанной материи. Концепт проявляется лексемой, иначе его существование немислимо [2].

Концепт – это знание, направленное во фрейм. Он отображает не просто значимые черты объекта, а все те, которые наполнены знанием о предмете в конкретном языковом социуме. Концепт – это признак общечеловеческой культуры [2].

Стоит ли поставить знак равенства между «концептом» и «понятием»? В данном вопросе автор опирается на точку зрения Ю.С. Степанова, считающего, что эти термины не тождественны, а относятся к сферам разных наук. Понятие в большей степени связано с логикой и философией, в то время как концепт входит в область культурологии [6].

Ученый выделяет три элемента концепта:

- 1) Главный признак;
- 2) Дополнительный признак(и);
- 3) Внутренняя форма, отображающаяся в словесной [6].

Современные исследования анализируют «концепт» по следующим направлениям:

- 1) Гносеологическое. Рассматривается история происхождения концепта.
- 2) Типология концептов. То, как рассматривается концепт с точки зрения определенной науки, ее терминологического аппарата [6].

Концепт – это ментальная единица. Наше сознание выступает в качестве связующего звена между реальностью и языком. В наше сознание поступает информация. Затем информация обрабатывается, структурируется. Таким образом, концепты формируют «культурный пласт» [6].

С.Г. Воркачев выделяет в концепте понятийную, образную и значимостную составляющие [3].

Трехкомпонентная структура концепта характерна и для другого ученого – В.И. Карасика, который выделяет следующие элементы: понятийный, образный и ценностный [4], и полагает что концепт в сознании индивидуума – это целый спектр значений, которые могут выражаться лексическими, фразеологическими единицами, прецедентными текстами, всем тем, что отражает картину социальной жизни [4].

Резюмируя разнообразные мнения ученых-лингвистов по поводу термина «концепт», можно сказать следующее:

1) Понимание терминов «концепт» и «понятие» двояко. С точки зрения Ю.С. Степанова, «концепт» и «понятие» относятся к разным наукам.

2) В структуре концепта можно выделить три компонента. Причем такие компоненты, как понятийный и образный, совпадают у С.Г. Воркачева и В.И. Карасика.

3) Концепт – это мысленная форма, результат познания.

Концепт “Glamour” занимает важное место в лингвокультурном пространстве.

Что же стоит за данной лексемой? Если обратиться к этимологическим словарям, то слово *glamour* берет свое начало в латинском и греческом языках. Первоначальное значение латинского слова *grammatica* – изучение языка, позднее стало обозначать собственно знание. С этим значением слово появляется во французском, а затем и в среднеанглийском языке (*gramery*). В период вторжения норманнов французский язык приобретает статус официального, но коренное население по-прежнему использует среднеанглийский вариант языка, избегая французского. В результате французскому языку начинают приписывать кол-

довской смысл, полагая, что во время занятий происходит обучение не только грамотности, но и изучаются магические заклинания. Таким образом, лексическая единица *gramery* переживает семантическую трансформацию и используется в значениях – “skill in grammar, and hence skill in magic” [10].

Изменения в английском языке были радикальны и быстротечны. Из *gramery* возникло *grammar*, а в XVIII возникло слово *glamour*. У существительного присутствовали новые оттеночные значения: *divination, charm, temptation, lure*.

В XIX в. значение лексемы *glamour* получает новые оттенки – «колдовство» превращается в «магическую красоту» и «очарование». В XX в. из-за изменения политического курса в Европе многие представители богемы эмигрируют в Америку. Нью-Йорку отводится роль всемирной культурной столицы. Начинает развиваться модная индустрия, Нью-Йорк составляет конкуренцию Парижу. Газеты, журналы, кино также способствуют продвижению гламура. 1939 год является годом основания журнала “Glamour of Hollewood” (сегодня просто “Glamour”), где освещаются новости мировых столиц моды и печатается информация от известных стилистов, кутюрье и т.д.

Основным трамплином в мир красивой жизни был кинематограф. К 1910 году голливудские звезды становятся эталоном для формирования имиджа.

Существительное *glamour* проходит очередную смысловую трансформацию: очарование сменяется глянцем, эффектной внешностью, ярко выраженной сексапильностью. Именно в XX в. происходит видоизменение семного состава слова *glamour* и окончательное становление концепта.

Сфера денотативных значений концепта *glamour* включает в себя все, что связано с миром человека и восприятие чего приносит эстетическое удовольствие. Лексикографические источники и речевые контексты позволяют говорить о следующих значениях слова *glamour* и его производных (*glamorous, glam, glamorously*) в сознании носителей английского языка:

- 1) Внешность человека, имидж:

Don't you love this doll, Brittany Murphy, with the glam makeup? – Разве вам не нравится эта куколка, Бриттани Мерфи, с гламурным макияжем? (Здесь и далее перевод автора) [9].

Прилагательное *glam* употребляется с существительным *make up* и означает «яркий», «выразительный», «броский», «обращающий на себя внимание».

- 2) Аксессуары, предметы гардероба, декора:

This season's evening gown is not just a tight fit dress – choose from a variety of glamorous features –

В этом сезоне вечерний наряд это не просто обтягивающее платье – выбери из многообразия гламурных возможностей [11]

Прилагательное *glamorous* в сочетании с *features* используется в значении «богатый», «стильный».

3) Стиль жизни человека, что может включать в себя профессию:

I would like to think that the glamour and the unavoidable aspects of artificialness in my work will never affect my way of life – Мне хотелось бы думать, что гламур и неизбежные аспекты искусственности в моей работе никогда не повлияют на мой образ жизни [8].

4) Мир моды и спорта:

I'd like to play for one of those glamour clubs once – Я бы хотел однажды сыграть за один из гламурных клубов [8].

Дополнительные когнитивные признаки для концепта *glamour* включают в себя шарм, роскошь, известность, успешность, глянец, лоск.

"The fashion house Evelyn, led by a young designer, presented its new collection, called "Evita-glamour" – Модный дом Эвелин, возглавляемый молодым кутюрье, презентовал новую коллекцию «Эвита – гламур» [EVELYN.Evita – гламур [Электронный ресурс]. URL: <http://lifestar.ru/video/61.html>].

Как видно из вышеперечисленных примеров, приведенные значения не воплощаются по отдельности – контекст несет в себе дополнительный смысл, ассоциативно связанный с этимологической основой концепта. На интерпретационном уровне данный концепт взаимосвязан с такими основополагающими контекстами, как мир потребления товаров и услуг; мода, шоу-бизнес; медиа, гляцевые журналы, телевидение.

Выводы

Область гламура – это непременно светская жизнь. Но гламур привлекает к себе и другие социальные слои. Гламурное течение, продвигаемое гляцевыми журналами и СМИ привлекает очень многих, выступая в качестве идеала для подражания. В данном случае проявляется сильная ассоциативная связь концепта *glamour* с миром магии, заложенную в процессе его формирования.

Характеризуя состояние концепта *glamour* в XXI столетии, необходимо отметить изменение оценочной доминанты. Современный гламур производит образцы, где красота внешней оболочки становится формульной. Исчезает индивидуальность. Как следствие, возрастает количество контекстов с негативным оттенком. Приведем следующий пример: *Glamour can not exist without envy being a typical emotion – Гламур не может существовать без зависти, будучи типичной эмоцией*

[John Berger, art.critic]. Следующее высказывание несет диаметрально противоположную оценку: *Romance is the glamour that turns ordinary into a golden haze – Романтика это гламур, который превращает обыденность в золотую дымку [Carolyn Gold Heilbrun, writer].*

Мы можем смело говорить об оценочной биполярности. Англоязычная культура двойственна по отношению к концепту *glamour*, ввиду того, что на нее накладывается отпечаток голливудского понимания гламура.

Литература

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ.ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 269.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Воронеж, 2006. С. 29.
3. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ. 1997. № 4. С. 115–124.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты. Дискурс. М.: Гнозис, 2004. С. 75.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико – когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006. С. 24.
6. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: «Академический проект», 2001. С. 43.
7. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. 1992. Сер. 2. № 3. С. 1–9.
8. British National Corpus [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (date of access: 5.03.2022)
9. Cosmopolitan. 2022. № 2. P. 38–91.
10. Skeat W.W. A Concise Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1936. P. 219.
11. Vogue. 2022. № 9. P. 90–195.

References

1. Askol'dov S.A. Koncept i slovo. Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologija. pod obshh.red. V.P. Neroznaka. M.: Academia, 1997. S. 269.
2. Babushkin A.P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike jazyka, ih lichnostnaja i nacional'naja specifika. Voronezh, 2006. S. 29.
3. Vorkachev S.G. Bezrazlichie kak jetnosemanticheskaja harakteristika lichnosti: opyt sopostavitel'noj paremiologii. VJa. 1997. № 4. S. 115–124.
4. Karasik V.I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty. Diskurs. M.: Gnozis, 2004. S. 75.

5. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko – kognitivnyj analiz jazyka. Voronezh, 2006. S. 24.

6. Stepanov Ju.S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. M.: «Akademicheskij proekt», 2001. S. 43.

7. Frumkina R.M. Konceptual'nyj analiz s točki zrenija lingvista i psihologa. Nauchno-tehnicheskaja informacija. 1992. Ser. 2. № 3. S. 1 – 9.

8. British National Corpus [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (date of access: 5.03.2022)

9. Cosmopolitan. 2022. № 2. P. 38 – 91.

10. Skeat W.W. A Concise Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1936. P. 219.

11. Vogue. 2022. № 9. P. 90 – 195.

DEVELOPMENT OF THE LINGUISTIC AND CULTURAL CONCEPT “GLAMOUR” IN THE ENGLISH LANGUAGE

*Akinina P.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov*

Abstract: different points of views about concept are considered in the article. Summarizing the information, the author comes to the conclusion that concept is a mental form, the important mental human code, the result of human cognitive activity. The field of modern research examines the concept from the point of view of epistemology and typology of concepts. Three components in the structure of the concept are emphasized. The same structure of the concept *glamour* is changed. Denotative meanings of that concept include real person's world, its physical phenomenon, everything that causes esthetic amusement. Extra cognitive features include luxury, charm, gloss. The state of the *glamour* concept in the 21st century implies a change in the evaluative dominant. The appearance of contexts with both negative and positive content indicates estimated bipolarity. Thus, it is possible to come to a conclusion that the *glamour* concept has a dual character in English-speaking culture.

Keywords: concept, glamour, conceptual analysis, frame, gnoseology, typology of concepts, linguistic culture, cognitive features

РОЛЬ ЯДЕРНОЙ И ПЕРИФЕРИЙНОЙ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

*Ковалев П.А., аспирант,
Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД Российской Федерации*

Аннотация: цель исследования – определить роль ядерной и периферийной интенциональной лексики в художественной литературе на примере романа Н. Хорнби «Мой мальчик». Задачи исследования – выделение свойств ядра и периферии, формулировка различий между ядерной и периферийной интенциональной лексикой и ее роли. Научная новизна настоящей работы состоит в определении роли ядерной и периферийной интенциональной лексики в художественного произведения. Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты изучения ядерной и периферийной интенциональной лексики в художественном произведении могут быть учтены в дальнейших практических исследованиях, а также по материалам работы сформированы курсы по английской литературе и интерпретации текста для среднего и высшего образования. Также в ходе исследования были выявлены интенциональные компоненты, найденные при анализе интенциональной лексики, которые могут быть использованы исследователями в рамках интент-анализа художественных произведений.

Ключевые слова: интенциональность, интенциональные компоненты, ядерная интенциональная лексика, периферийная интенциональная лексика

Введение

Первоначально термином «интенция» обозначалась направленность на объект, что в философском аспекте приравнивалось к определенному намерению сознания или мышления. Что касается лингвистического понимания данного термина, то мы можем выделить Дж. Остину, который в рамках теории речевых актов для того, чтобы более точно описывать иллокуции и иллокутивные функции речи, использовал термин «интенция», так как именно под ней понимается использование высказывания для достижения определенной цели.

Позднее Дж. Серль (ученик Дж. Остина), который в 1960-1970 занимался развитием теории речевых актов выделял следующие свойства интенции:

- 1) Интенция направлена на конкретный объект, либо производимое действие.
- 2) Присутствует определенный раздражитель, в адрес которого направляется интенция.
- 3) Наличие оценки, смыслового или эмоционального оттенка у субъекта [1].

Таким образом, «под интенциональной лексикой подразумевается лексика, которая содержит семантический компонент – намерение субъекта осуществить действие в отношении объекта, при этом намерение может быть эмоционально окрашенным» [4].

Актуальность исследования состоит в том, что понятие интенциональности в художественной литературе мало изучено. Проанализировав интенциональность в литературе, возможно применить данные знания в других типах дискурса.

Материал исследования – роман Ника Хорнби «About a Boy» (2000) [5].

Был постановлен ряд конкретных задач, в частности:

1. Изучить теорию поля и выделить свойства ядра и периферии.
2. Сформулировать различие ядерной и периферийной лексики.
3. Дать анализ специфики использования ядерной и периферийной интенциональной лексики на материале романа Н. Хорнби «Мой мальчик» и сформулировать ее роль.

Методы исследования: метод сопоставительного и интерпретационного анализа, обобщение, моделирование, метод сплошной выборки, частотный анализ.

В теоретическом плане данное исследование основывается на работах Дж. Серля [1], посвященных теории речевых актов и интенции. Также особое внимание было уделено исследованиям А. Бондарко [2] и Ю. Лотман [3], посвященных анализу полевой структуры и теорией полей, ядру и периферии.

Практическая значимость настоящей работы обуславливается реальной возможностью применения полученных результатов в дальнейших практических исследованиях, а также по материалам работы сформированы курсы для школьного и студенческого уровня образования по английской литературе и интерпретации текста.

Полевая структура. Ядро и периферия

Для того, чтобы углубиться в понимание типологии интенциональной лексики, важно понимать особенности структуры поля, которая рассматривается в рамках концепций теории поля. Как подчеркивает А. Бондарко, противопоставление ядра, с одной стороны, и периферии, с другой, характеризуется многоаспектностью,

способствующей выделению ряда существенных критериев, в частности:

1) Периферия поля будет максимально изолирована в отличии от его ядра. Таким образом, ядерная интенциональная лексика может присутствовать в разнообразных контекстах и употребляться независимо, в отличии от периферийной лексики, которая будет напрямую зависеть от ядерной лексической единицы, к которой она примыкает.

2) Наибольшая функциональная нагрузка в семантике находится в ядре, но к периферии она уменьшается.

3) Ядро всегда первично по отношению к периферии.

4) Систематичность и значительный уровень частотности конкретного языкового элемента наблюдается в ядре, при этом в периферии данные критерии слабо выражены [2].

Ядерная и периферийная интенциональная лексика

При анализе интенциональной лексики и интенций адресанта необходимо подразделить лексику на две группы: ядерную и периферийную лексику, так как интенциональный компонент может присутствовать не только в ядерной единице, чья сема присутствует в дефиниции лексической единицы, но также и в единицах контекстуально и синтаксически связанные с ядерными единицами – периферийными.

Рассматривая эти типы интенциональной лексики, отметим, что самая частотная нейтральная лексика преимущественно будет относиться к ядерной сфере. Периферия лексики может включать различные лексические единицы, по некоторым лексическим критериям, не входящие в ядерную сферу.

Частотность этой лексики, высокая или низкая, не является самостоятельным признаком, но практически всегда обусловлена общеупотребительностью лексики и её соотнесённостью с реалиями, актуально присутствующими, или, напротив, отсутствующими в повседневной жизни носителей языка.

В целом отметим, что ядерная сфера лексической системы языка является основополагающей в текстовом отражении, представлена самостоятельными частями речи и обусловлена основной смысловой нагрузкой. В определении периферийной лексики можно выделить низкую информативность в семантическом плане. При этом определяя психологические универсалии в ядерной интенциональной лексике, периферийная выражает интенциональный компонент. Однако в формировании общего замысла художественного текста, образов персонажей, в совокупности

целостного облика произведения в его словарном богатстве без периферийной лексики не обойтись [3].

Интенциональная лексика в романе Н. Хорнби «Мой мальчик»

В настоящем исследовании приведены некоторые примеры интенциональной лексики из романа Ника Хорнби. Сплошная выборка представлена 633 единицами. Мы распределили их на 2 группы: ядерная лексика и периферийная лексика.

Дадим точное число употреблений единиц из каждой группы и их частотность:

- Ядерная лексика (глагол, имя существительное) – 597 (94,6%).

- Периферийная лексика – 36 употреблений (5,4%).

Как показал анализ текста, наиболее частотными частями речи являются глагол и существительное, что свидетельствует о том, что эти части речи являются основными носителями семантического компонента «интенция». Рассмотрим интенциональный глагол, так как он наиболее широко представлен в романе, что обусловлено тем, что интенциональная глагольная лексика является базовой лексикой в английском языке (например, ‘want’, ‘decide’, ‘need’, ‘hope’, ‘manage’).

Ядерная лексика и ее интенциональные компоненты

Рассмотрим подробнее семантические особенности ядерной интенциональной лексики:

Hope

Дефиниция: “to want something to happen or be true and to believe that it is possible or likely” [6].

Пример: “I **hope** you get things sorted out with Ned and Paula” [5].

Как видно из дефиниции, рассматриваемая единица обладает семантическим компонентом «нейтральная интенсивность интенции».

Urge

Дефиниция: “a strong wish or need” [6].

Пример: “Will’s **urge** to scald had been replaced by an **urge** to shoot Marcus and then turn the gun on himself” [5].

Исследуя дефиницию и употребление единицы в тексте, было выявлено, что данная единица обладает семантическим компонентом «высокая интенсивность интенции».

Failure (2 употребления)

Дефиниция: “a lack of success in achieving or doing something” [6].

Пример: “At least his **failure** gave him a chance to talk to Suzie” [5].

В ходе анализа вышеназванной дефиниции, было выявлено, что данная единица обладает значением «отсутствие успеха в достижении цели интенции».

Ниже приведены выявленные компоненты ядерной интенциональной лексики:

- Высокая интенсивность интенции
- Негативная оценка интенции
- Нейтральная интенсивность интенции
- Неудача в достижении объекта интенции
- Отрицательная оценка интенции
- Отсутствие успеха в достижении объекта интенции

интенции

- Успех в достижении объекта интенции

Периферийные единицы

В данном разделе мы проанализируем периферийную лексику и словосочетания, в которых она используется. Проанализируем примеры из романа, а также рассмотрим, какой семантический компонент добавляет периферийная единица к основной интенциональной лексике.

Общее количество использований периферийной лексики – 36 единиц.

Always (1 употребление)

Употребление: always + want

Пример: “Because I’ve never been out with someone who was a mum before, and I’ve **always wanted to**” [5].

При анализе данной периферийной единицы был выявлен семантический компонент «продолжительность интенции», что усиливает интенциональную единицу “want”.

Too hard (1 употребление)

Употребление: too hard + try

Пример: “It was trying **too hard**” [5].

Данная периферийная лексическая единица “too hard” в комплексе с единицей “try” имеет семантический компонент «высокая интенсивность интенции».

Burning (1 употребление)

Употребление: burning + desire

Пример: “Every day for the last eighteen years he had got up in the morning with the intention of sorting

out his career problem once and for all; as the day wore on, however, his **burning desire** to seek a place for himself in the outside world somehow got extinguished” [5].

Данная периферийная единица в единстве с интенциональной единицей “desire” способствует выражению семантического компонента «высокая интенсивность интенции».

Discernible (1 употребление)

Употребление: discernible + ambition

Пример: “Marcus wore the kind of shoes that Will didn’t think they made any more, plain black slip-ons whose only **discernible ambition** was to get their owner up and down school corridors without attracting the attention of the deputy head” [5].

Рассмотрев пример, было выявлено, что присутствует негативная оценка интенции.

Ниже приведены выявленные компоненты ядерной интенциональной лексики:

- Высокая интенсивность интенции
- Негативная оценка интенции
- Низкая интенсивность интенции
- Отсутствие успеха в достижении объекта интенции
- Отсутствие успеха в достижении объекта интенции на длительном промежутке времени
- Положительная оценка интенции
- Сдерживание интенции
- Сформулированность интенции
- Успех в достижении объекта интенции

Как видно из списка, периферийная лексика обладает самым большим количеством разнообразных интенциональных компонентов по сравнению с другими интенциональными частями речи несмотря на то, что в количественном отношении она представлена слабее.

Далее в табл. 1 приведена частотность интенциональных компонентов периферийных единиц.

Таблица 1

Частотность интенциональных компонентов периферийных единиц

Интенциональный компонент	Кол-во	Част-ть (%)
Низкая интенсивность интенции	4	13
Высокая интенсивность интенции	9	39
Сдерживание интенции	1	4,3
Отсутствие успеха в достижении объекта интенции	1	4,3
Отсутствие успеха в достижении объекта интенции на длительном промежутке времени	2	8,7
Сформулированность интенции	1	4,3
Успех в достижении объекта интенции	1	4,3
Негативная оценка интенции	3	13
Положительная оценка интенции	1	8,7

Как видно из таблицы, самый частотный компонент, которым обладает периферийная лексика – высокая интенсивность интенции. Это обусловлено тем, что периферийная лексика преимущественно является инструментом для усиления ядерной интенциональной лексики.

Заключение

В результате анализа интенциональной лексики, представленной в романе Ника Хорнби, мы пришли к следующим выводам.

1. Ядро несет основную семантическую функцию, отсюда и высокий уровень специализации ядерных единиц. Семантическая функция периферии является второстепенной. Высокая частотность – функция ядра, у периферии же этот признак менее выражен.

2. Что касается периферийной лексики, входящей в состав анализируемых сфер, то в рамках ядерной речи идет об общеупотребительной лексике, отличающейся значительной частотой своего применения, и характеризующейся стилистической нейтральностью. Такая лексика выражает конкретные реалии, присутствующие в языке носителей. Иная лексика, не вошедшая в представленную категорию, представлена в периферийной сфере.

3. Структурный состав периферийной лексики отличается максимальной вариативностью интенциональных компонентов по сравнению с ядерной лексикой. Периферийная интенциональная лексика способствует интенсификации ядерной интенциональной лексики.

Последующие возможности анализа связаны с определением закономерностей, обуславливающих применение интенциональной лексики в рамках произведений художественной литературы, установлении взаимосвязи данной лексики с использованными писателями тропами, а также вы-

яснении ее значения в становлении образов героев.

Литература

1. Серль Дж. Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 333 с.
2. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 2001. 116 с.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. СПб.: Искусство, 1998. 229 с.
4. Ковалев П.А. Интенциональная лексика и ее роль в описании образа Уилла Фримана, персонажа романа Ника Хорнби «Мой мальчик» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 8. С. 247.
5. Hornby N. About a Boy. L.: Penguin Books, 2000. 278 p.
6. Longman English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 25.07.2021)

References

1. Serl' Dzh. Racional'nost' v dejstvii. M.: Progress-Tradicija, 2004. 333 s.
2. Bondarko A.V. Grammaticeskaja kategorija i kontekst. L.: Nauka, 2001. 116 s.
3. Lotman Ju.M. Struktura hudozhestvennogo teksta. SPb.: Iskusstvo, 1998. 229 s.
4. Kovalev P.A. Intencional'naja leksika i ee rol' v opisanii obraza Uilla Frimana, personazha romana Nika Hornbi «Moj mal'chik». Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. T. 14. № 8. S. 247.
5. Hornby N. About a Boy. L.: Penguin Books, 2000. 278 p.
6. Longman English Dictionary [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (data obrashhenija: 25.07.2021)

THE ROLE OF NUCLEAR AND PERIPHERAL INTENTIONAL VOCABULARY IN A WORK OF FICTION

*Kovalev P.A., Postgraduate,
Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

Abstract: the aim of the study is to determine the role of nuclear and peripheral intentional vocabulary in fiction on the using the novel "About a Boy" by N. Hornby. The objectives of the study are to identify the properties of the core and periphery, to formulate the differences between the nuclear and peripheral intentional vocabulary and its role. The scientific novelty of the work lies in the fact that we have formulated the role of nuclear and peripheral vocabulary. The practical significance of the research is reasonably presented by the fact that the results of the study of nuclear and peripheral intentional vocabulary in a work of fiction can be taken into account in further practical research, as well as courses for school and student education in English literature and text interpretation are formed based on the materials of the work. The study also revealed the intentional components found in the analysis of the intentional vocabulary, which can be used by researchers in the framework of the intentional analysis of works of fiction.

Keywords: intentionality, intentional components, nuclear intentional vocabulary, peripheral intentional vocabulary

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ В АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ

*Кузьмина Е.К., кандидат филологических наук,
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязева,
Нуриева Г.Р., кандидат филологических наук,
Казанский федеральный университет*

Аннотация: статья посвящена изучению особенностей рекламных слоганов на английском и французском языках и их характеристик. Реклама играет важную роль в современном мире. Рекламная деятельность носит не только информационный, и побуждающий характер, но и оказывает влияние на широкую аудиторию. Реклама формирует мировоззрение людей, побуждает их к действиям. Особенности воздействия рекламы и ее восприятия тесно связаны с лингвостилистическими особенностями рекламного текста. Реклама демонстрирует современный, живой язык и отражает состояние культуры общества, являясь так называемым зеркалом изменений в языке.

Соответственно, содержание рекламных текстов, способ подачи информации и формирование рекламных слоганов являются актуальными темами, что делает целесообразным и необходимым проведение регулярных исследований, по данной тематике.

Цель нашего исследования: выделить ключевые особенности языковых моделей рекламных слоганов на английском и французском языках на современном этапе, их сходства и различия.

Научная новизна заключается в выявлении актуальных тенденций в рекламе на английском и французском языках.

Материал исследования может найти применение в деятельности международных компаний, принадлежащих англо- и франкоговорящим странам, занимающихся экспортом товаров и услуг при создании и корректировке рекламных текстов, проведении проверки используемых рекламных текстов на соответствие нормам культуры и этики страны – импортера.

В результате они установлены путем рассмотрения языковых моделей рекламных слоганов сквозь призму языковой политики стран, культурных ценностей и нужд потребителей на современном этапе, что позволяет актуализировать данные, полученные ранее в исследованиях подобного рода

Ключевые слова: реклама, рекламный слоган, языковая модель, сопоставительный анализ

Введение

Актуальность данного исследования обуславливается необходимостью постоянного обновления данных по изучаемому вопросу, в связи с перманентными изменениями в сфере культуры, политике, образе жизни. Реклама призвана предоставлять людям информацию о продуктах и услугах, которые могут удовлетворить их потребности. Соответственно, содержание и способ подачи такой информации должны быть актуальными, что делает целесообразным и необходимым проведение регулярных исследований, в том числе и, в сфере формирования рекламных слоганов. Кроме того, ситуация с пандемией в мире в 2020-2022 гг. внесла серьезные коррективы в маркетинговую политику, что повлекло за собой и изменения в рекламе, которые требуют дополнительного изучения в прикладном языкознании.

В ходе исследования решаются следующие задачи:

- раскрыть понятия «реклама», «рекламный слоган», «языковая модель»;
- дать характеристику языковых моделей, используемых в рекламных слоганах на английском и французском языках в контексте культурных особенностей стран;
- обобщить данные и провести сопоставительный анализ рекламных слоганов на английском и

французском языках.

Теоретической базой послужили исследования в области контрастивной лингвистики и сопоставительного языкознания (Е. Bates, I. Bretherton, D.E. Brown, J.H. Greenberg, L.S. Snyder, Л. Блумфилд, М.З. Закиев, А.Е. Кибрик, Дж. Лайонз, Ю.В.Рождественский, Д. Уилсон, Г. Франкфорт, Г. Хойер, А.А. Холодович, Р.А. Юсупов, Т. Якобсен, В.Н. Ярцева и др.), теории языковых контактов и заимствования как одной из форм развития языка, (А.А. Белецкий, И.К. Белодед, Р.А. Будагов, Ж. Вандриес, А.А. Леонтьев), концепции в области изучения прагматиков (З.П. Комолова, М.Н. Морозова, Е.С. Отин, А.В. Суперанская, В.П. Тимофеев) и др.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в практике вузовского преподавания: при чтении лекционных курсов по актуальным проблемам лингвистической прагматики и социолингвистики, ономастики, культуры речи, стилистики, лексикологии, психолингвистики, в процессе преподавания английского и французского языков, в процессе преподавания спецкурсов для филологических специальностей. Материал исследования может найти применение в деятельности международных компаний, принадлежащих англо- и франкоговорящим странам, занимающихся экспортом товаров

и услуг при создании и корректировке рекламных текстов, проведении проверки используемых рекламных текстов на соответствие нормам культуры и этики страны - импортера.

В исследовании были использованы общенаучные **методы исследования**: наблюдение, обобщение, сопоставление, описание, лингвистические методы и приемы контекстуального анализа.

В ходе исследования было проанализировано 130 французских и английских слоганов, опубликованных на тематических сайтах и сайтах иностранных компаний (Apple, Nike, Ronseal, Coca-Cola, Andros, Diffazur, D'Arcy, Typhoo).

Основная часть

Реклама давно является привычной составляющей жизни общества. Она встречается повсеместно, в различных форматах: в виде рекламных текстов, видео, аудио, иллюстраций и др.

Реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [7]. По сути, реклама представляет собой отражение образа жизни людей, а любой рекламный текст, в том числе и рекламный слоган, – это своего рода индикатор современных языковых тенденций.

Реклама является сильнейшим коммуникационным средством, от которого зависит успешность маркетингового продвижения того или иного товара или услуги. Кроме того, она также является составляющей и отражением национальной культуры страны. Это очень важно учитывать при производстве или перекодировке рекламных текстов для осуществления международной торговли. Такие тексты, в основном, представлены в виде рекламных слоганов.

Слоган – это фраза, концентрирующая суть рекламной кампании. Его главные функции включают донесение до потребителей основной мысли рекламной кампании и поддержание ее целостности, когда используются несколько разных рекламных каналов [5].

Лексический состав рекламных слоганов весьма подвижен, языковые модели постоянно видоизменяются.

Менталитет и культурные ценности в разных странах во многом отличаются, а иногда содержат диаметрально противоположные позиции, в связи с этим при выходе на международную арену необходимо проявлять максимум внимания к форме и содержанию транслируемых через рекламу посылов, чтобы не нарушать этические нормы и не оскорбить чувства представителей другой культу-

ры.

В данном исследовании рассмотрим особенности языковых моделей рекламных слоганов в английском и французском языке.

Некоторые отличия в стилях подачи маркетинговой информации существуют даже в странах одной языковой группы (например, Великобритания и США). На территориях, где говорят на разных языках и исповедуют разные культурные ценности такие различия могут быть весьма глобальными, вплоть до диаметрально противоположных. Таким образом, в случае выхода компании на международный рынок, нужно понимать, где будет достаточно просто перевести рекламный текст или минимально адаптировать слоган, а где нужно создавать новый, иногда даже меняя концепцию подачи и значимые акценты.

Построение рекламных слоганов в английском и французском языках диктуют особенности национальных деловых культур. Отношение к бизнесу во Франции и в США во многом отличается, что не может не сказываться на рекламе, производимой в этих странах.

Так, в США реклама отличается большей сдержанностью, даже сухостью; она рациональна и опирается на логику. Слоганы акцентируют внимание на полезных качествах товара, удобстве использования и т.д. Частым лейтмотивом рекламных текстов являются семейные ценности, которые активно пропагандируются в этой стране, соответственно и в рекламе отсылка к ним происходит довольно часто.

Американцам свойственно проявлять некоторый скептицизм и недоверие к продавцу, в силу чего людей необходимо убедить в необходимости товара, его функциональности, рассказывая об его явных «плюсах». Часто используется прием косвенных, почти невыраженных аргументов в рекламе. Цель – максимум информации при минимуме слов [2]. Приведем примеры: *Push button publishing* («Публикация с помощью кнопки») (реклама Mac Pro от компании Apple) [6]; *Quality never goes out of style* («Качество никогда не выходит из моды») (реклама Nike) [6].

В Великобритании манера подачи рекламной информации характеризуется присутствием традиционного английского юмора и английских традиций. Для нее характерны сдержанность и строгость, присущая истинным англичанам: *It does exactly what it says on the tin* («Делает именно то, что написано на жестянке») (реклама Ronseal) [11].

В этом плане французская реклама отличается от англоязычной большей экспрессивностью. Характерной особенностью является наличие ярких сюжетов и образов, эмоциональность преобладает над информативностью. Она отличается утончен-

ностью, эстетическая составляющая играет в ней более важную роль, чем в английском языке. В рекламном тексте больше делается упор на создание хорошего настроения и психологически благоприятного фона, чем на описание конкретных характеристик товара:

Chic, choc, chouette, dimanche («Шикарный, шокирующий, классный воскресный день») (реклама Coca-Cola) [6].

Таким образом, в английской и французской рекламе используются различные языковые модели.

Языковая модель – это вероятностное распределение на множестве словарных последовательностей [8].

Для более точного выявления сходства и различия английских и французских слоганов рассмотрим конкретные примеры.

Например, реклама компании Huawei была переведена с английского на французский язык и претерпела небольшое изменение, которое, тем не менее, несколько изменило смысловую окраску. Английский вариант *Make it possible* (Сделай это возможным – пер. автора) [4], во французском языке звучит как *Rendre possible l'impossible* (Сделай невозможное возможным) [15].

Как видно, в английском языке фраза звучит менее определенно, чему способствует использование неопределенного местоимения «it». Во французском предлагается расшифровка, уточняется, что именно возможно – «l'impossible», что придает большую эмоциональность и убедительность.

Реклама «Fanta» в английском и французском варианте.

«Fanta» – Passe le fun autour de toi (TDN, 2022). Французы используют схожесть звучания слова «fun» (веселье) и название, рекламируемого продукта. Кроме того, применяется прием аллитерации Ц повторение звуков [f] («Fanta» - «fun»), [t] («Fanta» – «autour» – «toi»). *Wanna Fanta, Fanta Fever!* (Хочу Фанты, Фантовой Лихорадки!). В английском слогане, также применяется аллитерация – повторяется звук [f] («Fanta – fever!>). Кроме того, для создания дополнительного акцента на продукте повторяется его название, используется восклицательная интонация.

В следующем примере при описании свойств товара, несмотря на нейтральную форму, во французском варианте, тем не менее, присутствует легкая эмоциональная окраска.

Push button publishing («Публикация с помощью кнопки») (реклама Mac Pro от компании Apple) [6]. *Le plus pratique des sacs plastiques* («Самый удобный из пластиковых пакетов») [6]. В первом случае сообщается информация (необходимость

нажатия кнопки), без какого-либо отношения к этой информации. Во французском слогане можно видеть, что даже при описаниях свойств (пакет сделан из пластика, пакет удобный) выражается отношение к рекламируемому предмету – «*Le plus pratique*» (используется наречие «*Le plus*» - наиболее).

Различные звуковые комбинации используются для создания нужного маркетингового эффекта в следующих текстах компаний, занимающихся продажей продуктов питания. Английский вариант – *Typhoo puts the 'T' in Britain* («Тайфу ставит букву «Т» в Британии (чай «Typhoo»)) (Urban dictionary, 2022). Используется повторение звука [t]. Во французском языке – *D'Ausy: Sic 'est d'Ausy j'y vais aussi* (*D'Ausy: Если это из Аусу, я тоже туда еду*) (D'Ausy, 2022). Здесь применяется многократное использование звука [s], («*Ausy*», «*Sic*», «*est*», «*vais*», «*aussi*»). Кроме того, применено созвучие названия компании (D'Ausy) и наречия «также» («aussi»), что позволяет лишний раз обратить внимание на название компании и сделать его более легким для запоминания, путем создания ассоциации.

И французские, и английские слоганы очень часто содержат рифмованные слова и строки, посредством которых в тексте выделяются определенные языковые единицы, несущие в себе главную смысловую нагрузку, то есть ключевые слова, которые передают основную мысль и требуют привлечения к себе наиболее пристального внимания потребителя. Кроме того, несомненные плюсы использования рифмы в том, что поданная в таком виде информация легко запоминается, иногда даже автоматически, на подсознательном уровне.

Для примера можно указать английскую рекламу пюре «Smash»: *For mash, get Smash* («Для пюре получи Смэш» - пер. автора) (Cadbury's Smash, 2022). Здесь рифмуется название продукта и существительное «mash» (пюре) – «*mash – Smash*», которые очень похожи по звучанию и написанию. Во французском слогане в рекламе *Planta Fin: Le fin du fin c'est Planta Fin; Du pain, du vin, du boursin* (в конце концов – Планта Фин; Хлеб, вино, бурсин) (Andros, 2022) в качестве рифмы к слову «Fin» в названии используется вводное словосочетание «*fin du fin*», а также слова «*vin*», «*boursin*»). Английский слоган в данном примере также звучит более лаконично, французскому же слогану сочетание «*fin du fin*» придает эмоциональную окраску.

Характерным приемом, используемым в слоганах, является ритмический повтор [3]. Такой прием чаще применяется во французских рекламных призывах, чем в английских.

Ритмический повтор представляет собой чередование ударных и неударных элементов. Различные акценты во французском и английском языках определены правилами произношения в них. Во французском языке ударным является последний слог, в английском, напротив, ударение ставится на первом. Кроме того, в отличие от английского, во французском языке нет словесных ударений. Приведем соответствующие примеры рекламных слоганов: *Mettez du fruit dans votre vie* (Добавь фрукты в свою жизнь) [9]. *Diffazur pures et dures* (твердые и чистые диффузоры) [13]. *It catches whatever catches your eye* (Ловит все, что бросается в глаза – пер. автора) [17].

В английском и во французском языках очень похожи принципы применения каламбура. И в том, и в другом языке, чаще всего, берется известная идиома, либо другие устойчивые речевые сочетания, фраза или слово, в которых есть слова, лексемы, схожие по звучанию или смыслу с названием или основными свойствами рекламируемого товара.

Foam sweet foam (Пена, сладкая пена) по аналогии с идиомой *Home sweet home* (Дом, милый дом) [19].

Emirates: Élevez vos conversations vers de nouveaux sommets (Заводите друзей на высоком уровне) [16].

Итак, обобщая вышесказанное и сопоставляя информацию, можно выделить общие и отличные черты рекламных слоганов на английском и французском языках.

Для рекламных слоганов в обеих культурах характерны следующие особенности:

- лаконичность, краткость (в среднем, 4-10 слов) легкость для запоминания;
- привлекательность и наличие интриги, необходимые для того, чтобы завладеть вниманием потребителя и побудить к покупке;
- использование стилистических средств, мощных механизмов воздействия на покупателя, усиливающих экспрессию и придающих рекламе глубокий смысл;
- частое использование названия компании-производителя, в качестве составной части слогана.

Особенности, характерные для англоязычных рекламных слоганов:

1. Преобладание в тексте слогана описаний свойств товара, аргументации его достоинств перед эмоциональной составляющей. Опора больше на логику, чем на эмоции.

2. Использование приемов, способствующих формированию у потребителя чувства значимости, принадлежности к избранному кругу.

4. Вербализация предшествует созданию образа, поэтому основа рекламы, в большей степени, – хороший текст, яркий слоган.

Во французской рекламе в приоритете следующие направления:

1. Использование яркой, выразительной лексики, нацеленной в большей степени на эмоции, чем на разум и логику, в силу чего количество звукоизобразительных (звукоподражательных и звуко-символических) слов почти вдвое превышает их количество в англоязычной рекламе.

2. Преобладание убедительности над информативностью.

Заключение

Итак, в исследовании были рассмотрены и раскрыты такие понятия, как «реклама», «рекламный слоган», «языковая модель».

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что по своей сути реклама представляет отражение образа жизни людей, а любой рекламный текст, в том числе и рекламный слоган, – это своего рода индикатор современных языковых тенденций.

Чтобы успешно функционировать на международных рынках, необходимо знать, как универсальные правила, по которым строятся все рекламные кампании, так и характерные для конкретной страны особенности. Для этого в работе были рассмотрены различные языковые модели, которые могут быть использованы при разработке рекламных слоганов и их адаптации для страны-потребителя. Для построения успешной рекламной кампании необходимо выбирать правильные языковые модели при составлении рекламных слоганов.

Литература

1. Киселев С.С. О смене вектора языковой политики Франции: от закона Тубона к закону Фиоразо // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 29. Вып. 3. С. 418 – 422.

2. Медведева Н.С. Средства звуковой аттракции в рекламе (на материале англоязычных и франкоязычных рекламных видео и радио роликов) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 9. Вып. 2. С. 201 – 209.

3. Пивоварова М.И., Конопелько И. П. Некоторые особенности рекламного текста во французском языковом сознании // Вестник ВГУ. 2019. № 1. С. 131.

4. EN.KARTOLOV.RU. URL: <https://en.kartaslov.ru/перевод-в-контексте/makes+it+possible> (дата обращения: 31.01.2022)

5. Подорожная Л.В. Как создать рекламный слоган: от идеи до воплощения. URL: <http://www.elitarium.ru/slogan-reklamnaja-kampanija-tekst-zagolovok-objavlenie-brend-tovar-celi-imidzh-pravila/> (дата обращения: 31.01.2022)

6. Рыкова В.В. 65 броских и креативных слоганов известных компаний. URL: <https://vladarykova.com/kreativnye-slogany/> (дата обращения: 02.02.2022)

7. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе». Ст. 3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (дата обращения: 01.02.2022)

8. Языковые модели и задача определения частей речи // Лекция 3. ИСП РАН ВМК МГУ. URL: <https://tpc.ispras.ru/wp-content/uploads/2011/10/lecture3-2013.pdf> (дата обращения: 01.02.2022)

9. Andros. URL: <https://www.andros.fr/> (дата обращения: 31.01.2022)

10. AVI URL: <https://www.avi.su/> (дата обращения: 31.01.2022)

11. BBC NEWS URL: <https://www.bbc.com/news/magazine-20945352> (дата обращения: 02.02.2022)

12. D'Aucy URL: <https://www.daucy.fr/> (дата обращения: 31.01.2022)

13. Diffazur URL: <https://www.diffazur.fr/> (дата обращения: 31.01.2022)

14. Cadbury's Smash – For mash get smash. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U4MTgjNkfyI> (дата обращения: 31.01.2022)

15. Classes.ru URL: <https://classes.ru/context-french-russian-term-1576341.htm> (дата обращения: 14.02.2022)

16. ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/328603458_Creativite_Lexicale_Et_Jeux_De_Mots_Dans_Les_Messages_Publicitaires_Formes_Et_Fonctions (дата обращения: 14.02.2022)

17. Sloganlist URL: <https://www.sloganlist.com/drinking-slogans/fanta-slogans.html> (дата обращения: 14.02.2022)

18. TDN 40 slogans publicitaires que l'on connait par coeur! URL: <https://www.letribunaldunet.fr/insolite/40-slogans-publicitaires-que-lon-connaît-par-coeur.html> (дата обращения: 14.02.2022)

19. Urban dictionary URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=TyphooorputtheTinBritain2CandyouputtheTinidiot> (дата обращения: 31.01.2022)

20. Urban Green URL: <https://foamsweetfoam.com/> (дата обращения: 14.02.2022)

References

1. Kiselev S.S. O smene vektora jazykovej politiki Francii: ot zakona Tubona k zakonu Fiorazo. Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2019. T. 29. Vyp. 3. S. 418 – 422.

2. Medvedeva N.S. Sredstva zvukovoj atrakcii v reklame (na materiale anglojazychnyh i frankojazychnyh reklamnyh video i radio rolikov). Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2007. Ser. 9. Vyp. 2. S. 201 – 209.

3. Pivovarova M.I., Konopel'ko I.P. Nekotorye osobennosti reklamnogo teksta vo francuzskom jazykovom soznanii. Vestnik VGU. 2019. № 1. S. 131.

4. EN.KARTOLOV.RU. URL: <https://en.kartaslov.ru/perevod-v-kontekste/makes+it+possible> (дата обращения: 31.01.2022)

5. Podorozhnaja L.V. Kak sozdat' reklamnyj slogan: ot idei do voploshhenija. URL: <http://www.elitarium.ru/slogan-reklamnaja-kampanija-tekst-zagolovok-objavlenie-brend-tovar-celi-imidzh-pravila/> (дата обращения: 31.01.2022)

6. Rykova V.V. 65 broskih i kreativnyh sloganov izvestnyh kompanij. URL: <https://vladarykova.com/kreativnye-slogany/> (дата обращения: 02.02.2022)

7. Federal'nyj zakon ot 13 marta 2006 g. № 38-F3 «O reklame». St. 3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (дата обращения: 01.02.2022)

8. Jazykovye modeli i zadacha opredelenija chastej rechi. Lekcija 3. ISP RAN VMK MGU. URL: <https://tpc.ispras.ru/wp-content/uploads/2011/10/lecture3-2013.pdf> (дата обращения: 01.02.2022)

9. Andros. URL: <https://www.andros.fr/> (дата обращения: 31.01.2022)

10. AVI URL: <https://www.avi.su/> (дата обращения: 31.01.2022)

11. BBC NEWS URL: <https://www.bbc.com/news/magazine-20945352> (дата обращения: 02.02.2022)

12. D'Aucy URL: <https://www.daucy.fr/> (дата обращения: 31.01.2022)

13. Diffazur URL: <https://www.diffazur.fr/> (дата обращения: 31.01.2022)

14. Cadbury's Smash – For mash get smash. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U4MTgjNkfyI> (дата обращения: 31.01.2022)

15. Classes.ru URL: <https://classes.ru/context-french-russian-term-1576341.htm> (data obrashhenija: 14.02.2022)

16. ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/328603458_Creativite_Lexicale_Et_Jeux_De_Mots_Dans_Les_Messages_Publicitaires_Formes_Et_Fonctions (data obrashhenija: 14.02.2022)

17. Sloganlist URL: <https://www.sloganlist.com/drinking-slogans/fanta-slogans.html> (data obrashhenija: 14.02.2022)

18. TDN 40 slogans publicitaires que l'on connait par coeur! URL: <https://www.letribunaldunet.fr/insolite/40-slogans-publicitaires-que-lon-connait-par-coeur.html> (data obrashhenija: 14.02.2022)

19. Urban dictionary URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=TyphooputtheTinBritain2CandyouttheTinidiot> (data obrashhenija: 31.01.2022)

20. Urban Green URL: <https://foamsweetfoam.com/> (data obrashhenija: 14.02.2022)

COMPARATIVE ANALYSIS OF LANGUAGE MODELS IN ENGLISH AND FRENCH ADVERTISING SLOGANS

*Kuzmina E.K., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov,
Nurieva G.R., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Kazan Federal University*

Abstract: the article is devoted to the study of the features of advertising slogans in English and French and their characteristics. Advertising plays an important role in the modern world. Advertising activity is not only informational and motivating, but also has an impact on a wide audience. Advertising forms people's worldview, encourages them to take action. The peculiarities of the impact of advertising and its perception are closely related to the linguistic and stylistic features of the advertising text. Advertising demonstrates a modern, living language and reflects the state of society's culture, being a so-called mirror of changes in language.

Accordingly, the content of advertising texts, the way information is presented and the formation of advertising slogans are relevant topics, which makes it expedient and necessary to conduct regular research on this topic.

The purpose of our research is to identify the key features of the language models of advertising slogans in English and French at the present stage, their similarities and differences.

The scientific novelty lies in the identification of current trends in advertising in English and French.

The research material can be used in the activities of international companies belonging to English- and French-speaking countries engaged in the export of goods and services when creating and correcting advertising texts, checking the advertising texts used for compliance with the norms of culture and ethics of the importing country.

Keywords: advertising, advertising slogan, language model, comparative analysis

МЕТОДЫ СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «ВРЕМЯ СТРОИТЬ» АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ПРОФИЛЯ ДЛЯ ПРЕДМАГИСТРАНТОВ СРЕДНЕГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ

Черкашина Е.Л., доцент,

Научный исследовательский Московский государственный строительный университет

Аннотация: в статье говорится о необходимости внедрения лексики архитектурно-строительного профиля в процесс обучения русскому языку как иностранному на среднем этапе для последующего ее использования предмагистрантами в учебно-научной сфере общения. Анализируется выбор метода семантизации, который связан со спецификой языковой единицы и с уровнем владения русским языком иностранных предмагистрантов. Рассматривается классификация уровней владения русским языком как иностранным. Делается акцент на трудностях восприятия лексики предмагистрантами, в связи с маленьким запасом слов как в активном, так и в пассивном словаре. Отмечается, что предмагистранты должны владеть минимальным набором лексики, связанной с учебной деятельностью. Рассмотрены переводные и беспереводные методы семантизации специальной лексики на примере учебного пособия по русскому языку (научный стиль речи) «Время строить» для предмагистрантов. Каждый метод семантизации подробно описан и проиллюстрирован различными примерами из упражнений учебного пособия. Автор отмечает эффективность использования всех методов семантизации языковых единиц в совокупности для успешного овладения лексикой русского языка в учебной и профессиональной сферах общения.

Ключевые слова: семантизация, лексика, языковые единицы, словарный запас, уровни владения, переводный и беспереводный методы

Введение

Лексика является важнейшим разделом освоения иностранного языка. Наибольшие трудности, с которыми сталкиваются студенты при изучении русского языка как иностранного, связаны с пополнением лексического запаса. Поскольку выбор языковых единиц обусловлен будущей профессией иностранного слушателя, возникает вопрос об эффективности освоения специальной лексики. Внедрение лексических единиц архитектурно-строительного профиля и разработка разнообразных методов их семантизации позволяет предмагистрантам, владеющим базовым уровнем и продолжающим изучать русский язык на 1 сертификационном уровне (научный стиль речи), успешно овладеть языковым материалом, актуальным для обучения в магистратуре.

Актуальность

Актуальность данной статьи выражается в том, что изучение специальной лексики русского языка иностранными слушателями на среднем этапе обучения является важнейшей составляющей процесса обучения и вызывает особенную трудность в процессе овладения языком для учебных и профессиональных целей.

Методология

Формирование цели

Трудности пополнения словарного запаса при изучении русского языка у иностранных предмагистрантов обусловлены рядом причин. Как отмечает исследователь Кузьмина Е.О., они связаны с психологическими, когнитивными особенностями обучающегося, с влиянием родного языка и уровнем владения русским языком [1]. Каждый слуша-

тель воспринимает языковой материал по-разному, с разной скоростью, глубиной осмысления, анализируя и сравнивая особенности изучаемого языка со своим родным языком. Кроме этого, наличие фоновых знаний, не только связанных со специальностью иностранного слушателя, и наличие у него мотивации к изучению русского языка также влияют на процесс пополнения лексического запаса.

Одним из важнейших путей освоения лексического материала по профильной тематике с целью дальнейшего использования в учебно-научной сфере общения является его семантизация. Под семантизацией лексики понимается объяснение значения новых, неизвестных учащимся слов различными способами [2, с. 153].

Выбор метода семантизации связан со спецификой языковой единицы, её принадлежностью к активному или пассивному минимуму, а также, как отмечалось выше, с уровнем владения русским языком иностранных предмагистрантов. Рассмотрим различные классификации уровней владения русским языком, рекомендации при изучении русского языка и целесообразность включения специальной лексики в процесс изучения РКИ на среднем этапе обучения.

По предложенной классификации Г.Г. Городиловой, в изучении русского языка как иностранного выделяются следующие этапы:

- 1) начальный (I семестр подготовительного факультета);
- 2) средний (II семестр подготовительного факультета);
- 3) продвинутый (I-III курсы);

4) завершающий (IV-V курсы) [3].

На первых двух этапах русский язык является основным предметом, когда как на третьем и четвертом этапах обучения русский язык считается уже второстепенным, обслуживающим учебную сферу обучающихся. Это также связано с рекомендациями А.Н. Шукина ориентироваться при изучении русского языка на профили обучения (филологический и нефилологический), учитывать двухуровневую систему подготовки будущих специалистов (бакалавриат и магистратура) и включение профессионального уровня владения языком [4].

Исходя из вышесказанного, целями данной статьи является анализ различных методов семантизации лексики для предмагистрантов архитектурных и инженерных специальностей, принципы работы с лексическими единицами с учетом когнитивных, психологических особенностей обучающихся и уровня владения русским языком.

Постановка задания

Слушатели подготовительных отделений, готовые к поступлению в магистратуру, должны владеть минимальным набором лексических единиц, так или иначе связанных с их учебной деятельностью на среднем этапе обучения, для того чтобы иметь минимальный набор языковых компетенций, позволяющих использовать язык на продвинутом этапе. В связи с этим возникает вопрос о необходимости внедрения специальной лексики на этапе довузовской, в нашем случае, предмагистерской подготовки.

По мнению Бархударова С.Г., в ходе объяснения семантики языковых единиц, преподаватели должны следовать принципам взаимосвязанности лексических единиц с грамматической структурой и коммуникативности. Работа над лексикой проводится параллельно с усвоением грамматической структуры, поскольку и лексика, и грамматика находятся в тесной взаимосвязи друг с другом [5, с. 81].

Говоря о важности коммуникативности в обучении лексике, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров отмечают «центральную установку в обучающей деятельности», определяя цели языка как «средство общения» [6, с. 57]. Внесение в изучаемый материал новых лексических единиц продиктовано коммуникативным принципом.

Существует богатый выбор методов семантизации, которые помогают раскрыть те изучаемые языковые единицы, которые актуальны для обучающихся различных направлений и профилей подготовки, в том числе и архитектурно-строительного. В процессе построения работы над лексикой архитектурно-строительного профиля, необходимо отметить важность отбора содержа-

тельного материала, на основе которого будет происходить процесс семантизации лексики. Говоря о принципах отбора лексических единиц русского языка для последующего изучения иностранными слушателями, исследователь Вагнер В.Н. отмечает их критерии «тематический, логико-семантический и структурно-грамматический» [7, с. 60]. Это означает, что при поиске и отборе материала необходимо руководствоваться, во-первых, актуальностью для архитекторов и инженеров тематикой, во-вторых, целями и содержанием материала и в-третьих, овладением грамматических структур-образов для последующего понимания усвоенной лексики.

Результаты

На примере учебного пособия «Время строить», рассмотрим методы семантизации лексики архитектурно-строительного профиля для предмагистрантов, продолжающих изучение русского языка на первом сертификационном уровне. Балыхина Т.М. выделяет два основных метода семантизации языковых единиц: переводный и беспереводный [8, с. 79].

Переводный метод семантизации используется нами для:

- строительных терминов (*акведук, арка, балка, бетон, водохранилище, гидротехника, грунт, жилой дом, здание, земельный участок, капитальное строительство, колонна, кровля, плотина, поселение, резервуар, ростверк, свод, смета, сооружение, стык, траншея, фундамент, фахверк, и др.*);

- языковых единиц, относящихся к общетеоретической лексике (*канал, смесь, нагрузка, население, основание, организация, отрасль, перекрытие, перегородка, плита, признак, производство, профиль, устраивать, элемент и др.*);

- слов, являющихся однозначными (*дерево, древесина, глина, камень, лестница, металл, песок, стена, труба, щебень и др.*).

- объяснения некоторых глаголов с указанием вопроса и падежа, с которым они употребляются (*бурить – пробурить (что?), винительный падеж (В.п.), вырастить – вырастить (что?), В.п., действовать (на что?), В.п. залезть-залезть (где?), предложный падеж (П.п.) обеспечить – обеспечить (кого?) В.п. (чем?) творительный падеж (Т.п.), расселять – расселить (кого?) (куда?) В.п., позволять (кому?), дательный падеж (Д.п.) что делать?.*)

Переводный метод эффективен для раскрытия значения языковой единицы, особенно в профессиональной сфере коммуникации, однако, как отмечает Балыхина Т.М., «перевод может привести к интерференции, поскольку объем слов в разных

языках не совпадает» [8, с. 79].

Более распространенным и эффективным методом семантизации для иностранных предмагистрантов среднего уровня владения русским языком, является беспереводный метод. Перечислим основные беспереводные методы семантизации, использованные в учебном пособии для предмагистрантов архитектурно-строительного профиля «Время строить»:

- использование однокоренных слов;
- синонимия;
- антонимия;
- использование интернационализмов;
- составление словосочетаний;
- грамматические конструкции научного стиля речи;
- словообразовательный анализ;

ПРЕДМЕТ	ЛИЦО	ПРИЗНАК	ДЕЙСТВИЕ
<i>Проект</i>	<i>Проектировщик</i>	<i>Проектный</i>	<i>Проектировать</i>

Архитектура – архитектор – архитектурный; градостроительство – градостроительный – градостроитель; чертить – чертёж – чертёжный – чертёжник.

Упражнение №2. Распределите однокоренные слова в соответствии с вопросами: ЧТО? КАКОЙ? ЧТО ДЕЛАТЬ?

Отделка, герметичный, дверной, конструкционный, дверь, строительный, теплоизоляция, отделочный, конструкция, бетонный, теплоизоляционный, герметика, бетон стройка, окно, гидроизоляция, строить, герметизировать.

Делая данное упражнение, иностранные слушатели учатся относить изучаемые слова к определенной части речи, вырабатывая навык распознавания части речи, к которой относится то или иное слово, что впоследствии позволяет им уместно употреблять изученную лексику в процессе чтения учебно-научных текстов или создания собственных.

2. Синонимия

Это также эффективный метод семантизации лексики на среднем этапе обучения, который способствует пополнению лексического запаса обучающегося. Приведем пример упражнения на выявление синонимов как метода семантизации слов:

Упражнение. Найдите синонимы, используя слова для справок. Ответ запишите в тетрадь.

Назначение, применять, натуральный, возведение, декорировать.

- наглядность.

Рассмотрим более подробно каждый беспереводный метод семантизации лексических единиц.

1. Использование однокоренных слов.

Данный метод не только позволяет определить часть речи, но и запомнить весь морфемный анализ лексических единиц, с целью поиска идентичных морфемных процессов, происходящих с другими словами, что позволит структурировать слова по частям речи и правильно их употреблять в дальнейшем. Приведем примеры некоторых упражнений, представленных в пособии «Время строить», направленных на семантизацию лексики по однокоренным словам.

Упражнение №1. Прочитайте группы однокоренных слов. Определите значение каждого слова. Запишите слова в таблицу по модели:

Слова для справок: природный, строительство, украшать, использовать, функция.

Владение синонимами облегчает процесс изучения новой лексики, что повышает уровень владения языком и мотивацию обучающегося. Однако известно, что абсолютных синонимов достаточно мало, поэтому при работе с ними, преподавателю необходимо объяснять студенту возможные варианты употребления синонима в том или ином стиле речи. Например, у слова *натуральный* есть синоним *природный*, и оба они могут употребляться в научной речи. Однако существуют устойчивые сочетания, которые используются только с определённым прилагательным: *натуральный продукт*, но *природный газ* (со словом *продукт* используют прилагательное *натуральный*, а со словом *газ* – *природный*). Слово *декорировать* используется в архитектурной сфере, а синоним *украшать* в большей степени употребляется в разговорной и в художественной речи. Например, *декорировать интерьер*, но *украшать елку*.

3. Антонимия

Как метод семантизации, антонимия не менее эффективна, чем синонимия. Приведем пример упражнения на данный тип семантизации.

Таблица 1

Упражнение. Найдите антонимы, соотнесите слова в левой колонке со словами в правой

<i>временный</i>	<i>городской</i>
<i>сельский</i>	<i>вертикаль</i>
<i>многоэтажный</i>	<i>постоянный</i>
<i>горизонталь</i>	<i>второстепенный</i>
<i>прочный</i>	<i>общий</i>
<i>главный</i>	<i>водоотведение</i>
<i>водоснабжение</i>	<i>хрупкий</i>
<i>частный</i>	<i>малоэтажный</i>

Запоминание антонимичных пар также увеличивает словарный запас слушателя, что позволяет ему интенсивно использовать данный метод семантизации при создании собственных научных текстов.

4. Использование интернационализмов

В пособии «Время строить» представлены сле-

дующие типы упражнений по использованию интернационализмов как метода семантизации.

Упражнение №1. Прослушайте и запишите интернациональные слова.

Синтез, анализ, экстерьер, интерьер, эстетика, ватман, утилитарный, симметрия, асимметрия, принцип, пропорция, масштаб.

Таблица 2

Упражнение №2. Найдите русские эквиваленты иностранных слов

<i>ирригация</i>	<i>рекреация</i>	<i>топография</i>	<i>миграция</i>	<i>акведук</i>
<i>отдых</i>	<i>рельеф</i>	<i>переселение</i>	<i>водовод</i>	<i>орошение</i>

Владея английским, французским или испанским языком, иностранные обучающиеся без труда могут понять значение слова по интернациональному корню. Во все сферы русского языка, в частности в научную сферу, проникает большое количество интернационализмов и используются в качестве терминов, что является несомненным вкладом в усвоение терминологии уже на среднем уровне изучения языка.

5. Составление словосочетаний

Большую роль в семантизации лексики является составление словосочетания. Предъявление заданного слова в контексте решает очень много проблем с его семантикой. Это касается многозначных слов или слов, значение которых зависит от сферы употребления. Например, глагол *устраивать* можно употребить с существительным *концерт*, но словосочетание *устраивать фундамент* будет относиться только к строительной сфере. Также обстоит дело и с глаголом *выполнять*: *выполнять задание* или *выполнять фундамент*. Вторым вариантом употребляется только в профессио-

нальной и научной сферах в области строительства, используется в учебных пособиях и при чтении лекций преподавателями. Поэтому иностранным предмагистрантам архитектурно-строительного профиля необходимо знать не только общую сферу употребления того или иного слова, но и профессиональную в том числе. В этом ему поможет знание слов, с которыми сочетаются изучаемые языковые единицы. Именно поэтому преподавателю необходимо конкретизировать значение слова на примерах словосочетаний (*изнашиваться – изнашиваться, в значении физически изнашиваться, подлежать (чему?) Д.п., в значении подлежать демонтажу/сносу, проём, в значении проём в стене, предотвращать – предотвратить (что?) В.п., в значении предотвращать наводнение, регулировать (что?) В.п., в значении регулировать сток*)

Приведем пример упражнения из учебного пособия «Время строить» на построение словосочетаний.

Таблица 3

Упражнение №1. Составьте словосочетания, соединив слова из левой колонки со словами из правой колонки

а) гидротехническое	сток
б) искусственный	мероприятия
в) грунтовая	среда
г) окружающая	сооружение
д) инженерные	водоём
е) речной	плотина

6. Грамматические конструкции научного стиля речи.

Одним из эффективных методов семантизации лексики является изучение грамматических конструкций научного стиля речи. Лексика в этих конструкциях употребляется в контексте, поэтому значения слов в данных грамматических конструкциях приобретают другой смысл. Так, глагол *бывать* в сочетании со словами *в музее* или *в городе* употребляется в значении *посещать*. Однако внутри грамматической конструкции *что (И.п.) бывает (чем, каким?)* Т. п. глагол *бывать* имеет значение классификации. Например: *По материалу стен здания бывают кирпичные, деревянные, бетонные и железобетонные*. В данном предложении выражено значение классификации зданий по материалу стен через конструкцию *что бывает каким*.

В грамматической конструкции *что (И.п.) разделяют на что (В.п.)* глагол *разделять* имеет значение классификации: *Промышленные здания разделяют на производственные и сельскохозяйственные*.

Значение глагола *представлять* также меняется в зависимости от контекста. В сочетании со словом *себя* глагол *представлять* обозначает *видеть образ чего-то или кого-то в голове (представлять себе красивую девушку, солнечный день, то есть видеть в голове образ девушки или прекрасного солнечного дня)*. А сочетание глагола *представлять* с местоимением *собой* в творительном падеже использующаяся в грамматической конструкции *что представляет собой что* обозначает определение понятия: *Архитектура представляет собой синтез науки и искусства*. В данном предложении дается определение архитектуры через грамматическую конструкцию *что представляет собой что*.

Грамматические конструкции научного стиля речи оказывают влияние на семантику слов, содержащегося внутри речевой модели, поэтому являются одним из важнейших методов семантизации лексики.

7. Словообразовательный анализ

На среднем этапе изучения русского языка иностранные слушатели обогащаются лексикой за счет словообразовательного анализа. В текстах научного стиля речи они чаще всего видят слова, образованные суффиксальным способом или способом сложения основ (*двухэтажный, водосброс, теплоизоляция и др.*) Большую трудность для запоминания новых слов составляет разнообразие суффиксов, при образовании прилагательных от существительных (-Н-, -ЧАТ-, -ОВ-, -ЯНН-) (*тектонический – тектоника, сводчатый – свод, стеклянный – стекло*). Поэтому преподавателю необходимо заранее указать суффикс, который будет использоваться при образовании того или иного слова:

-Н-: (*строитель – строительный*), *высота, подъём, поворот, монтаж, монолит, сталь;*

-ОНН-: *коррозия – коррозионный, фильтрация, диссертация;*

-ОВ-: *стык-стыковой, узел, винт.*

Это касается и образования отглагольных существительных. Поскольку нет четкой системы распознавания суффиксов, необходимо всегда показывать словообразовательные модели или совместно делать словообразовательный анализ. Например:

-НИ-: *знать (знание), использовать, формировать, проектировать;*

-ЕНИ-: *оформить (м/мл) – оформление, выразить (з/ж), украсить (с/ш), определить;*

-К-: *натягивать (г/ж) – натяжка, построить, проверить.*

Образование существительных от прилагательных со значением свойства, как правило имеет один суффикс – ОСТЬ, поэтому при образовании существительных указывать модели не обязательно. Словообразовательный анализ также является необходимым и неизбежным методом семантизации лексики:

Упражнение. Образуйте существительные от прилагательных с помощью суффикса -ОСТЬ-

Способный, долговечный, прочный, надёжный, жёсткий, устойчивый.

Метод словообразовательного анализа можно объединить с методом составления словосочетаний на примере следующего упражнения:

Упражнение. Замените словосочетание с глаголом словосочетанием с отглагольным существительным по модели:

Модель: деревянные дома возводят – возведение деревянных домов

строительный процесс организуют; балки пола первого этажа устанавливают. Данный вид упражнения позволяет не только семантизировать лексическую единицу, но и закрепить знания грамматики, повторить образование отглагольных существительных.

8. Наглядность

Наглядность является важнейшим методом семантизации, помогая слушателям эффективно и быстро усваивать лексику изучаемого языка. Наглядные материалы представлены в виде иллюстраций к текстам.

Приведем пример иллюстрации к тексту «Конструктивные элементы зданий», на которой изображены слова: *а – фундамент; б – подвал; в – стены подвала; г – наружная стена; д – окна; е – крыша; ж – перегородки; з – перекрытия; и – внутренняя стена, к – лестница; л – дверь* (рис. 1).

Рис. 1. Конструктивные элементы здания

Процесс семантизации лексики невозможен без визуальной помощи, он облегчает процесс изучения лексики и терминологии, потому что снижает утомляемость, увеличивая скорость усвоения лексического материала и создавая комфортные условия для восприятия лексического материала. К тому же для слушателей нефилологического профиля наглядность и визуализация является доминирующим принципом обучения.

Выводы

Итак, лексика в современной методике преподавания иностранных языков – это один из неотъемлемых компонентов формирования и развития речевых умений и навыков во всех видах речевой деятельности. Процесс семантизации специальной лексики является самым важным процессом в обучении РКИ, поскольку трудности у иностранных предмагистрантов архитектурно-строительного профиля возникают именно с запоминанием и использованием новой лексики. Это связано с недостаточным пополнением лексического запаса, который необходим для получения образования на русском языке. Этапы семантизации, которые раз-

работаны в нашем пособии «Время строить» соответствуют этапам, сформулированным Пассовым Е.И. – семантизация, автоматизация языковых единиц и совершенствование лексических навыков [9]. Предложенные нами переводные и беспереvodные методы семантизации языковых единиц в совокупности делают процесс изучения специальной и общенаучной лексики более эффективным. Успешное овладение лексикой научного стиля речи предмагистрантами на среднем этапе обучения имеет огромное значение для выработки языковых и коммуникативных навыков для демонстрации их в дальнейшей учебной деятельности.

Литература

1. Кузьмина Е.О. Способы семантизации новой лексики на начальном этапе обучения РКИ // Проблемы современного образования. 2019. № 1. С. 167 – 174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-semantizatsii-novoy-leksiki-na-nachalnom-etape-obucheniya-rki> (дата обращения: 22.04.2022)
2. Акиншина А.А., Каган О.Е. Учимся учить: учебник для преподавателей русского языка как иностранного. 9-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2014. 177 с.
3. Городилова Г.Г. Обучение речи и технические средства. М., 1979. 206 с.
4. Шукин А.Н. К вопросу об этапах обучения и уровнях владения русским языком как иностранным // XXV Пушкинские чтения. А.С. Пушкин и Россия: язык – литература – культура – методика. Пленарные доклады. М., 2006. С. 85 – 109.
5. Глухов Б.А., Шукин А.Н. Термины методики преподавания русского языка как иностранного. М., 1983. 331 с.
6. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1982. 320 с.
7. Вагнер В.Н. Лексика русского языка как иностранного и ее преподавание: учеб. пособие. М., Флинта.: Наука, 2009. 104 с.
8. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учебное пособие для преподавателей и студентов. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007. 185 с.
9. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Урок иностранного языка. Москва: «ГЛОССА-ПРЕСС»; Ростов-на-Дону: «Феникс», 2010. 638 с.
10. Черкашина Е.Л. Время строить [Электронный ресурс]: учебное пособие по русскому языку (научный стиль речи) для иностранных студентов. Инженерно-строительный профиль. СПб.: Научно-технологические технологии, 2022. 156 с.

References

1. Kuz'mina E.O. Sposoby semantizacii novoj leksiki na nachal'nom jetape obuchenija RKI. Problemy sovremennogo obrazovanija. 2019. № 1. S. 167 – 174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-semantizatsii-novoy-leksiki-na-nachalnom-etape-obucheniya-rki> (data obrashhenija: 22.04.2022)
2. Akin'shina A.A., Kagan O.E. Uchimsja učit': uchebnik dlja prepodavatelej russkogo jazyka kak inostrannogo. 9-e izd., stereotip. M.: Russkij jazyk, 2014. 177 s.
3. Gorodilova G.G. Obuchenie rechi i tehničeskie sredstva. M., 1979. 206 s.
4. Shhukin A.N. K voprosu ob jetapah obuchenija i urovnjah vladenija russkim jazykom kak inostrannym. XXV Pushkinskie chtenija. A.S. Pushkin i Rossija: jazyk – literatura – kul'tura – metodika. Plenarnye doklady. M., 2006. S. 85 – 109.
5. Gluhov B.A., Shhukin A.N. Terminy metodiki prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo. M., 1983. 331 s.
6. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Lingvostranovedčeskaja teorija slova. M.: Russkij jazyk, 1982. 320 s.
7. Vagner V.N. Leksika russkogo jazyka kak inostrannogo i ee prepodavanie: ucheb. posobie. M., Flinta.: Nauka, 2009. 104 s.
8. Balyhina T.M. Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak nerodnogo (novogo): uchebnoe posobie dlja prepodavatelej i studentov. M.: Izdatel'stvo Rossijskogo universiteta družby narodov, 2007. 185 s.
9. Passov E.I., Kuzovleva N.E. Urok inostrannogo jazyka. Moskva: «GLOSSA-PRESS»; Rostov-na-Donu: «Feniks», 2010. 638 s.
10. Cherkashina E.L. Vremja stroit' [Jelektronnyj resurs]: uchebnoe posobie po russkomu jazyku (nauchnyj stil' rechi) dlja inostrannyh studentov. Inženerno-stroitel'nyj profil'. SPb.: Naukoemkie tehnologii, 2022. 156 s.

**METHODS OF SEMANTIZATION OF THE VOCABULARY OF THE
RUSSIAN LANGUAGE ON THE EXAMPLE OF THE TEXTBOOK
"TIME TO BUILD" FOR ARCHITECTURAL AND CONSTRUCTION SPECIALITY
FOR PRE-GRADUATE STUDENTS OF THE MIDDLE STAGE OF STUDYING**

*Cherkashina E.L., Associate Professor,
National Research Moscow State University of Civil Engineering (MSUCE)*

Abstract: the article is about the need to introduce the vocabulary of architectural and construction speciality in the process of teaching Russian as a foreign language at the middle stage for its subsequent use by pre-graduates in the educational and scientific spheres of communication. The choice of the semanticization method is analyzed, which is related to the peculiarities of the language unit and the level of proficiency in Russian for foreign students. The classification of the levels of proficiency in Russian as a foreign language is considered. The emphasis is placed on the difficulties of perception of vocabulary by pre-graduates, due to the small stock of words in both active and passive vocabulary. It is noted that pre-graduates should have a minimum set of vocabulary related to educational activities. The article considers translational and non-translational methods of semanticization of special vocabulary on the example of a textbook on the Russian language (scientific style of speech) "Time to build" for pre-graduates. Each method of semantics is described in detail and illustrated with various examples from the exercises of the textbook. The author notes the effectiveness of using all methods of semanticization of language units in combination for successful mastering of the vocabulary of the Russian language in educational and professional spheres of communication.

Keywords: semantics, vocabulary, language units, vocabulary, proficiency levels, translational and non-translational methods

ПРОЗВИЩНЫЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ COVID-19

*Шнар Т.В., кандидат филологических наук, доцент,
Азнабаева А.Ф., кандидат филологических наук, доцент,
Башкирский государственный аграрный университет*

Аннотация: статья посвящена прозвищным антропонимическим номинациям периода пандемии COVID-19. Актуальность исследования вытекает из необходимости изучения способа бытия неологизмов, возникших из слова медицинской терминосферы, беспрецедентно стремительно вошедшего в лексические системы языков мира. Прозвищные антропонимические номинации фиксируют актуальную языковую картину мира, включающую эксплицитно интерпретируемые политико-идеологические модусы медиапространства и окказиональные коннотации, бытующие в разговорном обыденном дискурсе немцев. Цель исследования заключается в систематизации лексико-семантических групп слов, представленных в лексикографических источниках. Применялись метод сплошной выборки, описательный метод, компонентный анализ лексических единиц, позволившие выявить десять лексико-семантических групп слов. Гносеологическую ценность и континуумность исследованию придает вовлечение в круг описываемых явлений новых фактов действительности. Результаты исследования могут быть использованы в курсах лексикологии, стилистики текста. Логическим продолжением данного исследования послужит систематизация лексико-семантических групп прагматонимических, а также эвентонимических прозвищных именовании, возникших в эпоху пандемии.

Ключевые слова: прозвища, прозвищные номинации, лексико-семантическая классификация, COVID-19, мелиоративная и пейоративная лексика

Ситуация вокруг пандемии COVID-19 стала триггером рождения явлений в языке. Появлению неологизмов посвящен ряд работ российских и зарубежных авторов [2, 3, 4, 6, 7, 8, 10]. Меры, принимаемые правительствами стран по борьбе с новой коронавирусной инфекцией, вызвали у простых граждан бурю эмоций. Эмоциональный всплеск запустил фейерверк неологизмов, характеризующих все стороны новой реальности. Живой отклик населения на события воплотился в целом ряде неофициальных именовании лиц, предметов, явлений, связанных с пандемией COVID-19. Объектом исследования являются коннотативные семы немецких прозвищных антропонимических именовании, представляющих собой нео-лексику периода пандемии COVID-19, служащие основанием для выявления лексико-семантических групп слов. Предметом данного исследования являются антропонимические прозвищные именовании в немецком языке, структурно представляющие собой сложные слова, композиты. Материалом исследования послужили данные из открытых Интернет-источников, словарь неологизмов, составленный Институтом немецкого языка им. Лейбница в Маннгейме [16, 17]. Словарь отражает не только лексику с нейтральной коннотацией, но и слова со сниженной, шутливой коннотацией.

Дифференциальными признаками прозвищных именовании, положенных в основу нашего отбора, являются вторичность номинации, мотивированность, эмоционально-экспрессивная окраска, шутливая, ироническая, насмешливая характеристика, оценочность, образность, стилистическая сниженность, словообразовательная окказиональность

[14, с. 60-64, 76]. Используя понятие прозвища в широком смысле слова, мы отобрали те номинации, которые характеризуют внешность, характер, привычки, жизненные события и отношение к ним, поведение и т.д., большей частью имеющие пометку в словаре «scherzhaft» «шутливо», «ironisch» «иронично», «wertend» «осуждающе», «abwertend» «уничижительно» либо имплицитно содержащие эмоционально-экспрессивную окраску. Наряду с термином «прозвище» в связи с обозначенным выше предметом исследования мы используем термины «прозвищное именование», «прозвищная номинация».

Мы выделяем следующие лексико-семантические группы антропонимических прозвищных именовании:

1. Обозначения людей, не поддержавших введенные правительством ограничения для снижения распространения COVID-19: *Querdenker, Leerdenger, Coronakritiker, Auflagenkritiker, Lockdownkritiker*. Противники мер, принимаемых по борьбе с коронавирусом, вышедшие на митинги, получили именовании *Coronarebell, Coronaleugner, COVID-19-Leugner, Virusleugner, Virusverharmloser, Anticoronademonstrant, Coronademonstrant, Coronaprottestler, Coronaskeptiker*. Однако массовые мероприятия, в том числе и демонстрации, были в определенный момент запрещены. Поэтому несогласные с новыми требованиями вышли на «прогулку», имеющую целью заявить о своем протесте, а участники стали называться *Coronaspaziergänger, Montagsspaziergänger, Spaziergänger*. О языковой рефлексии на радикализацию политики заявляет и Х. Кэмпфер, исследователь Института немецкого языка имени Лейб-

ница (Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS)) [16].

Наиболее болезненно люди восприняли необходимость самоизолироваться, сократить контакты, а также требование постоянно носить защитную маску на лице. Естественно, что появились граждане, уклоняющиеся от соблюдения карантина и самоизоляции – *Coronaquarantäneverweigerer*, *Coronasünder*. Свидетельством ковид-диссидентских настроений служат сложные (композиционные) слова с компонентом *Maske*- – прозвища противников ношения маски: *Maskengegner*, *Maskenmuffel*, *Maskentrottel*, *Maskenverweigerer*, *Mundschutzgegner*, *Maskenpickel*. Неправильное ношение маски, когда прикрыт только рот, а нос остается открытым, породили следующие именованья людей: *Nacktnase*, *Nasenpimmler*, *Kie-menatmer*.

Pandemieflüchtling – человек, сбежавший от коронавируса в регионы с более мягкими ограничениями; *Partytourist* – турист, укрывающийся от жестких требований в период пандемии под предлогом посещения развлекательных мероприятий в других странах или регионах.

2. Противоположный лагерь составляют именованья лиц, абсолютно подчиняющихся всем требованиям, показывающих необузданное рвение в достижении результатов. *Coronaidiot*, *Covididiot*, *Covidiot* – уничижительное прозвище человека, показывающего неадекватное поведение во время пандемии, с другой стороны оно маркирует социально безответственное поведение [12, с. 196].

Прозвища людей, которые следят за соблюдением санитарных и гигиенических требований во время пандемии: *Coronapolizei* отдел полиции или ведомства по вопросам правопорядка, которые осуществляют контроль за соблюдением ограничений; *Coronablockwart* «блокировщик короны», *Coronapetze* «ябедка» (осуждающе) кто-то, кто доносит в полицию или применяет общественное порицание лиц, не соблюдавших правила во время пандемии COVID-19; *Coronadetektiv*, *Coronavirusdetektiv*, *Virusdetektiv* – прозвище сотрудника, который выявляет цепочку связей / социальных контактов заболевших с целью их изоляции [5, с. 48-62]; *Unterwegsreiniger* специальный сотрудник, который проводит санитарную обработку транспорта прямо во время движения; *Hygieneritter* шутил. кто-то, кто особенно добросовестно, терпеливо и честно выполняет гигиенические требования во время пандемии.

3. Прозвищные именованья политических деятелей, чьи решения внесли в условиях пандемии COVID-19 резкие изменения в плавное течение жизни. Например, *Ankündigungsminister* – шутил. член кабинета министров, дающий много обеща-

ний, но мало воплощающий в жизнь; *Shutdowner* – политик, который особенно резко потребовал приостановить работу экономических и общественных организаций; *Seuchensheriff*, *Coronalügner* – уничижительные обозначения политиков, которым приписывают введение чрезмерных ограничений для сдерживания пандемии. *Coronalügner*, однако, может обозначать человека, который выдает себя за больного COVID-19. На фоне жестких ограничительных мер выделяются политики, которые либо планируют, либо решительно добиваются ослабления ограничений, введенных для борьбы с COVID-19: *Coronaöffnungspolitiker*, *Lockerer*, *Lockerungsdrängler*.

Ангела Меркель, получившая разнообразные прозвища в различные периоды своей деятельности на посту канцлера [15, с. 188-190], добавила к этому списку еще одно: *Krisenkanzlerin* – обозначение руководителя правительства, успешно использующего свою должность, чтобы преодолеть экономические, политические и общественные трудности в период пандемии.

4. Прозвищные именованья людей, отражающие особенности в сфере торговли: *Schnellshopper* – человек, стремительно делающий покупки благодаря безналичной оплате; *Shoppingtourist*, *Einkaufstourist* лицо, отправляющееся за покупками в соседние страны, поскольку на родине из-за ковидных ограничений магазины закрыты; *Baumarktstourist* человек, который посещает с целью покупок строительный рынок, не закрытый из-за пандемии в соседнем регионе, так как дома такие центры закрыты; *Bierwalker* торговец, не имеющий постоянной торговой точки, продающий в парках и других общественных местах среди прочего и алкогольные напитки.

Неслучайно в прозвищах *Klopapierhamster*, *Zellstoffhamster* подчеркивается характерная для хомячков черта – закладывать запасы за обе щеки. Люди, которых нарекают этими прозвищами, уподобляясь животным, закупают неоправданно большой запас туалетной бумаги во время пандемии.

5. Прозвища людей, добровольно оказывающих всевозможную помощь другим во время пандемии, будь то уход за детьми, уборка урожая, уход за больными и т.д.: *Coronaheld*, *Coronahelfer*, *Coronahoffnungsträger*. Прозвище людей, которые в силу своей профессии, не могли уйти на карантин и продолжали работать, часто с риском для здоровья и жизни – *Alltagsheld*. Во время карантина людям из группы риска – пожилым, людям с определенными заболеваниями, инвалидам – было запрещено покидать дом. Волонтеры, которые делали покупки для нуждающихся в помощи во время пандемии, стали настоящими героями: *Ein-*

kaufsheld, Einkaufshelfer. Прозвища этой группы отличаются резко положительной коннотацией, отсутствием иронии. Наряду с нейтральным компонентом *-helfer* «помощник» используются вышшающие *-held* «герой» и *-hoffnungsträger* «приносящий надежду».

6. Именования специалистов, разбирающихся в природе вирусов: *Starvirologe* «звездный» вирусолог, известная личность, консультирующая политиков по принятию решений в условиях ковида; *Coronaexperte* используется в двух значениях: 1) специалист, консультирующий по вопросам новой коронавирусной инфекции; 2) уничтожит. человек, изречения которого воспринимаются как преувеличенные, противоречивые, а собственный научный опыт ставится под сомнение; *Hobbyvirologe* человек, чьи высказывания о болезни и ее возбудителе считаются недостаточно научно обоснованными. Прозвища *Virolügner, Wirrologe* уничтожит. «вирусолог» имплицитно выражают недоверие, желание эксперта обвести вокруг пальца, запутать, «запудрить мозги» обывателя, вызывают образ псевдоученого.

7. Изобретение вакцины от COVID-19 послужило поводом для возникновения прозвищ, связанных с введением прививки: *Impfi / Impfy* человек, уже прошедший вакцинацию; *Impfdrängler, Impfvordrängler* человек, пытающийся получить прививку без соблюдения приоритетной очередности; *Impftourist* индивид, совершающий поездку в другую страну или федеральную землю с целью получить прививку от ковида без приоритетной очередности; *Impfmuffel, Impfzauderer, Impfzögerer* человек, который долго не решается или проявляет низкую готовность к вакцинации против ковида; *Impfchwänzer* «прогульщик прививки» лицо, не соблюдающее сроки вакцинации от вируса SARS-CoV-2.

Impfluenzer персона, которая может повлиять на общественное мнение о вакцинации, используя новые средства массовой информации. Прозвище образовано посредством словообразовательной модели, которую О.А. Никитина, О.А. Гудкова называют интегративной контаминацией [11, с. 127]: в слово *Influenz* «воздействие» инкорпорируется компонент *-mpf-* корня *Impf-* «прививка» с добавлением суффикса деятеля *-er*.

8. Новые обозначения для детей. В то время, когда для всех граждан был введен карантин, некоторые профессиональные группы, такие как медицинские работники, полиция, вынуждены были продолжать работу, поэтому их дети имели право на посещение детского сада, прозвище такого ребенка – *Blaulichtkind*. Вероятно, синий свет должен ассоциироваться с «мигалками» на машинах этих служб. *Coronababy, Coronakind, Coronials,*

Coronnials, Lockdownkind ребенок, зачатый или появившийся во время ограничений на выход из дома и на контакты; *Tandemkind* несовершеннолетний, опекаемый двумя или более неродными семьями. *Coronageneration, Generaton Corona* – особая возрастная группа молодых людей, которым пришлось заканчивать школьное или профессиональное образование во время пандемии COVID-19 и которые поэтому, как считается, менее комфортно начинают свою профессиональную жизнь. *Bumerangkind* – прозвище подростка, молодого человека, вынужденного вернуться к родителям после отдельного от них проживания в связи с неожиданно наступившими изменениями в работе или личной жизни. *Zoomer* – родившиеся в 21 веке молодые люди, принадлежащие к поколению «Z» [1, с. 122]. К этому значению добавилось новое – человек, использующий для работы онлайн платформу Zoom.

9. Особенности проведения досуга, рабочего времени привели к образованию следующих именований: *Spazierpartner* постоянный партнер для регулярных небольших прогулок; *Geistermeister* спортсмен или команда, проводящая соревнования без зрителей из-за пандемии; *Risikotourist* вероятно зараженный ковидом турист, въезжающий из региона с большим распространением заболевания; *Piloturlauber* первый турист, который снова едет в путешествие после снятия ограничений на поездки; *Balkonsänger* певец, поющий для публики прямо с балкона; *Balkonklatsher* человек, аплодирующий с балкона в благодарность врачам и медперсоналу.

Отдельного упоминания заслуживают прозвища *Homeofficer, Homeworker* человек, работающий из-за коронавирусных ограничений из дома, удаленно. О семантическом переосмыслении заимствованной немецким языком английского словосочетания *Home Office* пишет Е.А. Редкозубова: в языке-доноре этим словосочетанием называют министерство внутренних дел Великобритании, в немецком же, как и в русском, это «домашний офис», удаленный способ работы [12, с. 196].

10. Появление нового коронавирусного заболевания овеяно тайной. Существующие гипотезы как о естественно-эволюционном, так и искусственном происхождении опасного штамма, связанного с разработками военных биологических лабораторий, «просвечивают» в прозвищных номинациях, обозначающих приверженцев той или иной теории: *Zeugen Coronas* люди, верящие в существование вируса SARS-CoV-2 и опасность, которая от него исходит, и поэтому придерживающиеся ограничений из-за пандемии; *Schlafschaf* – человек, слепо доверяющий СМИ, не верящий в теорию заговора; *Verschwörungsgläubiger,*

Verschwörungsideologe, *Verschwörungsmithiker*, *Aluhutbürger* человек, который распространяет информацию и считает правдивым то, что определенные события сознательно вызваны и контролируются определенными людьми.

Таким образом, мотивационными импульсами прозвищных неологизмов послужили события и мероприятия, предпринятые в целях снижения распространения коронавирусной инфекции. Прозвищной номинацией охвачены такие концептосферы, как гражданская позиция по отношению к введенным мерам, выполнение гигиенических и санитарных норм в новых условиях, политическая деятельность, готовность помогать нуждающимся, деятельность вирусологов, внедрение прививок от COVID-19, обозначения детей, особенности поведения и ментального настроения в период самоизоляции.

Эмоциональный отклик на всю ситуацию выражается в пополнении тезауруса антропонимическими прозвищными номинациями, содержащими экспрессивную оценку. Опираясь на методологию описания мелиоративно окрашенных лексических единиц [13], мы относим к подобным прозвищам в немецком языке *Coronaheld*, *Coronahelfer*, *Coronahoffnungsträger*, *Hygieneritter* и т.п., так как они акцентируют положительное отношение, одобрение поступков индивида. Но количество таких прозвищных мелиоративов чрезвычайно мало. Подавляющее большинство рассмотренных нами антропонимических прозвищ периода пандемии составляют номинации с ярко выраженной пейоративной коннотацией. «Пейоративная коннотация», по выражению С.В. Лескиной, указывает на «критику и ярко выраженное неодобрение поступками или качествами» [9, с. 167]. Прозвища с легким шутивно-ироничным оттенком (*Ankündigungsmiister*, *Coronapolizei*, *Bumerangkind*) количественно уступают именованиям, маркированным осуждением (*Coronapetze*, *Coronablockwart*), уничижительностью (*Covidiot*, *Wirrologe*, *Zeugen Coronas*). Пейоративные прозвища, получившие распространение в эпоху коронавируса, реализуют семы, отражающие нарушение социальных норм поведения: протест против ограничения прав и свобод человека, недовольство, озлобленность, презрение, порицание, переходящие в откровенную издевку и оскорбление. К традиционным ругательным именованиям с компонентами *-muffel* «уклонист», *-trottel* «простофиля», *-petze* «ябеда» добавляется лексема *Nasenpimmler* «тот, кто носит маску, закрывая только рот», располагающаяся, по нашему мнению, на грани между пейоративной и обценной лексикой, что только подчеркивает негативный характер лексических средств.

Изложим выводы тезисно.

1. В рассмотренных лексико-семантических объединениях слов, не выявляется очевидного ядра и периферии, критерия, позволяющего отнести эти структуры к понятию семантическое поле. Однако однозначно усматриваемая парадигматическая организация этих слов по семантическому признаку дает основание считать их лексико-семантическими группами слов, так, семантика неофициального, прозвищного наименования профессии усматривается в примерах *Coronadektiv*, *Coronavirusdektiv*, *Virusdektiv*. Всего выявлены 10 лексико-семантических групп антропонимических прозвищных номинаций.

2. Выявленные прозвища представляют собой слова со сложными основами – композиты, что подтверждает исторически устоявшуюся и продолжающуюся словообразовательную тенденцию в развитии немецкого языка – *Zusammensetzung* (словосложение); причем выбор соединительного элемента в неполносложных словах подчиняется сложившимся в немецком языке традициям: *die Verschwörung + s + der Ideologe (der Verschwörungsideologe)*. Односложные слова единичны: *impf* (глагольная основа) + диминутивный суффикс английского языка *-y (Impfy)*. Словообразовательные элементы в ситуативных прозвищах способны нести мотивированное эмотивное значение, демонстрируют асимметричные аксиологические коннотации от одобрительной до презрительной (уничижительной), включая нейтральные, в зависимости от конситуации и, в целом, свидетельствуют об амбивалентности субъективного восприятия новой коронавирусной инфекции Covid-19.

3. Доминирующие компоненты композитов Covid и Corona – медицинские термины, не нагруженные экспрессивно-стилистической окраской, обретают ее за счет присоединения к ним лексем с эксплицитными маркерами оценочности: *Coronahelfer*, *Virolügner*. Словообразовательная продуктивность доминирующих основ ведет к переходу этих слов из разряда профессиональной лексики в разряд общеупотребительной, что, в свою очередь, свидетельствует о глобальной тенденции медиализации активного словаря.

Литература

1. Азнабаева А.Ф., Шпар Т.В. Англицизмы в современной русскоязычной сфере социально-экономической коммуникации // Современное состояние, традиции и инновационные технологии в развитии АПК: Материалы международной научно-практической конференции в рамках XXXI Международной специализированной выставки «Агрокомплекс-2021». Уфа, 2021. С. 120 – 126.
2. Аккуратова И.Б. Особенности неологизации в период пандемии в немецком языке [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 10. С. 3080 – 3085. <https://doi.org/10.30853/phil210508> (дата обращения: 28.03.2022)
3. Гарипова Г.Р., Изимариева З.Н., Шпар Т.В. Лингвистические особенности социальной рекламы в английском и немецком языках в период пандемии // Преподаватель XXI век. 2021. № 3. Ч. 2. С. 407 – 416.
4. Гатауллин Р.Г. Корона / согона в деривационной системе современных языков // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25. № 4. С. 840 – 849.
5. Дмитриева О.А., Ванюшина Н.А. Неологизмы эпохи пандемии COVID-19 (на материале русского и немецкого языков) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 2. С. 48 – 62. www.tverlingua.ru (дата обращения: 28.03.2022)
6. Иващенко А.Б. Обогащение словарного запаса в период пандемии на примере немецкого языка // Филологический аспект. 2021. № 10 (78). <https://scipress.ru/philology/articles/obogashhenie-slovarnogo-zapasa-v-period-pandemii-na-primere-nemetskogo-yazyka.html> (дата обращения: 27.03.2022)
7. Игнатова Е.М., Пивоварова Е.В. Орфографические особенности, семантические связи и способы перевода композитообразований концептосферы “Corona” (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 4. С. 1148 – 1154.
8. Куссе Х. Языковой ландшафт коронакризиса в Германии // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 814 – 845.
9. Лескина С.В. Презентация русской и английской языковых картин фразеологизмами пейоративной и мелиоративной коннотаций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 167 – 170. www.gramota.net/materials/2/2009/2/45.html (дата обращения: 29.03.2022)
10. Нефедова Л.А. О дискурсивной маркированности лексики пандемии коронавируса (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. С. 185 – 196. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-diskursivnoy-markirovannosti-leksiki-pandemii-koronavirusa-na-materiale-nemetskogo-yazyka> (дата обращения: 29.03.2022)
11. Никитина О.А., Гудкова О.А. Контаминация как проявление игрового словотворчества в дискурсе о пандемии COVID-19 (на материале новообразований немецкого языка) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4 (39). С. 123 – 132.
12. Редкозубова Е.А. Covid-лексика: этимологический и словообразовательный аспекты (на материале русского, английского и немецкого языков) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. С. 193 – 200.
13. Соколова Т.Ю. Мелиоративность и пейоративность эвфемии // Образование и наука в современных реалиях: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2018. С. 236 – 239.
14. Шпар Т.В. Прозвищные антропонимические номинации в социолингвистическом аспекте (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 264 с.
15. Шпар Т.В. Прозвищные именованья канцлера Германии Ангелы Меркель в свете семантической мотивации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-1 (71). С. 188 – 190.
16. Corona bringt 1000 neue Wortbildungen hervor. <https://www.zdf.de/nachrichten/panorama/corona-krise-woerter-100.html> (дата обращения: 25.03.2022)
17. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (дата обращения: 27.03.2022)

References

1. Aznabaeva A.F., Shpar T.V. Anglicizmy v sovremennoj russkojazychnoj sfere social'noj-ekonomicheskoj kommunikacii. Sovremennoe sostojanie, tradicii i innovacionnye tehnologii v razvitii APK: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii v ramkah XXXI Mezhdunarodnoj specializirovannoj vystavki «Agrokompleks-2021». Ufa, 2021. S. 120 – 126.
2. Akkuratova I.B. Osobennosti neologizacii v period pandemii v nemeckom jazyke [Elektronnyj resurs]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. T. 14. Vyp. 10. S. 3080 – 3085. <https://doi.org/10.30853/phil210508> (data obrashhenija: 28.03.2022)

3. Garipova G.R., Izimarieva Z.N., Shpar T.V. Lingvisticheskie osobennosti social'noj reklamy v anglijskom i nemeckom jazykah v period pandemii. *Prepodavatel' XXI vek*. 2021. № 3. Ch. 2. S. 407 – 416.
4. Gataullin R.G. Korona. sorona v derivacionnoj sisteme sovremennyh jazykov. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2020. T. 25. № 4. S. 840 – 849.
5. Dmitrieva O.A., Vanjushina N.A. Neologizmy jepohi pandemii COVID-19 (na materiale russkogo i nemeckogo jazykov). *Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2021. № 2. S. 48 – 62. www.tverlingua.ru (data obrashhenija: 28.03.2022)
6. Ivashhenko A.B. Obogashhenie slovarnogo zapasa v period pandemii na primere nemeckogo jazyka. *Filologicheskij aspekt*. 2021. № 10 (78). <https://scipress.ru/philology/articles/obogashhenie-slovarnogo-zapasa-v-period-pandemii-na-primere-nemetskogo-yazyka.html> (data obrashhenija: 27.03.2022)
7. Ignatova E.M., Pivovarova E.V. Orfograficheskie osobennosti, semanticheskie svyazi i sposoby perevoda kompozitoobrazovanij konceptosfery “Corona” (na materiale nemeckogo jazyka). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2021. T. 14. Vyp. 4. S. 1148 – 1154.
8. Kusse H. Jazykovej landshaft koronakrizisa v Germanii. *Kommunikativnye issledovanija*. 2020. T. 7. № 4. S. 814 – 845.
9. Leskina S.V. Prezentacija russkoj i anglijskoj jazykovyh kartin frazeologizmami pejorativnoj i meliorativnoj konnotacij. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2009. № 2 (4). С. 167 – 170. www.gramota.net/materials/2/2009/2/45.html (data obrashhenija: 29.03.2022)
10. Nefedova L.A. O diskursivnoj markirovannosti leksiki pandemii koronavirusa (na materiale nemeckogo jazyka). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2021. S. 185 – 196. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-diskursivnoy-markirovannosti-leksiki-pandemii-koronavirusa-na-materiale-nemetskogo-yazyka> (data obrashhenija: 29.03.2022)
11. Nikitina O.A., Gudkova O.A. Kontaminacija kak projavlenie igrovogo slovotvorchestva v diskurse o pandemii COVID-19 (na materiale novoobrazovanij nemeckogo jazyka). *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki*. 2020. № 4 (39). S. 123 – 132.
12. Redkozubova E.A. Sovid-leksika: jetimologicheskij i slovoobrazovatel'nyj aspekty (na materiale russkogo, anglijskogo i nemeckogo jazykov). *Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2020. S. 193 – 200.
13. Sokolova T.Ju. Meliorativnost' i pejorativnost' jefvemii. *Obrazovanie i nauka v sovremennyh realijah: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Cheboksary, 2018. S. 236 – 239.
14. Shpar T.V. Prozvishhnye antroponimicheskie nominacii v sociolingvisticheskom aspekte (na materiale nemeckogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2012. 264 s.
15. Shpar T.V. Prozvishhnye imenovanija kanclera Germanii Angely Merkel' v svete semanticheskoy motivacii. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 5-1 (71). S. 188 – 190.
16. Corona bringt 1000 neue Wortbildungen hervor. <https://www.zdf.de/nachrichten/panorama/corona-krise-woerter-100.html> (data obrashhenija: 25.03.2022)
17. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (data obrashhenija: 27.03.2022)

NICKNAME ANTHROPONYMIC NOMINATIONS OF THE COVID-19 PERIOD

*Shpar T.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Aznabaeva A.F., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Bashkir State Agrarian University*

Abstract: the article is devoted to the nickname anthroponymic nominations of the period of the COVID-19 pandemic. The relevance of the study stems from the need to investigate the way of being of neologisms that arose from the word of the medical terminology, which unprecedentedly rapidly entered the lexical systems of the languages around the world. Nickname anthroponymic nominations fix the actual linguistic view of the world, including explicitly interpreted political and ideological modes of the media space and occasional connotations that exist in the everyday conversational discourse of Germans. The purpose of the study is to systematize the lexical-semantic groups of words presented in lexicographic sources. The use of continuous sampling method, descriptive method, component analysis of lexical units enabled identifying of ten lexical-semantic groups of words. The epistemological value and continuum of research is given by the involvement of new facts of reality in the circle of the described phenomena. The results of the study could be applied in courses of lexicology, stylistics of the text. The logical continuation of this study will be the systematization of the lexical-semantic groups of pragmatonymic, as well as eventonymic, nicknames developed during the era of the pandemic.

Keywords: nicknames, nickname nominations, lexical-semantic classification, COVID-19, ameliorative and pejorative vocabulary

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ РЕЧИ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

*Абдукадырова Т.Т., кандидат педагогических наук, доцент,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
Чеченский государственный педагогический университет,
Алимханова М.Х., ассистент,
Упаева Х.А.,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова*

Аннотация: в данной статье рассматриваются основные пути передачи модальности побуждения при переводе с немецкого языка на русский. Автор утверждает, что наиболее употребительные средства выражения модальности побуждения в разговорном немецком языке чаще всего переводятся на русский язык побудительными конструкциями. В ходе изучения отобранного материала выделены закономерности, согласно которым осуществляется перевод средств выражения побуждения, и установлены сложности, с которыми сталкиваются переводчики при передаче категоричности побудительных высказываний.

Автор приходит к выводу, что в большинстве случаев для перевода используется прямая подстановка – простейший механизм перевода, основанный на замене единицы исходного языка ее непосредственным соответствием. Установлено, что только инфинитивы передаются на русский язык с использованием повелительного наклонения, что представляется не всегда удачным решением, так как русское повелительное наклонение без использования усилительных частиц зачастую не способно передать ту категоричность, которую выражает немецкий инфинитив. Таким образом, можно прийти к выводу, что при переводе побудительных высказываний переводчику следует уделять особое внимание такому их аспекту, как категоричность, пытаясь найти адекватный способ перевода, чтобы сохранить иллюкутивную силу высказывания.

Ключевые слова: модальность, лжепридаточные предложения, перформативные глаголы, иллюкутивность, пассив, конъюнктив, категоричность побуждения

В немецком языке существует целый ряд средств выражения модальности побуждения, среди которых императив, презенс и футур I актив, безличный пассив, презенс конъюнктив, конъюнктив II, инфинитив I, причастие II, модальный глагол + инфинитив I, конструкции *sein + zu + инфинитив* и *haben + zu + инфинитив*, лжепридаточные предложения с союзом *dass*, односоставные предложения, императивные междометия и перформативные глаголы.

Данные средства способны выражать различные оттенки побуждения: категорический приказ, запрет, призыв, распоряжение, нейтральное приказание, совет, просьбу, мольбу [1, с. 93].

Аналогично немецкому языку в русском языке также широко представлены различные средства выражения побуждения: наряду с повелительным наклонением используются формы 1-го и 2-го лица изъявительного наклонения настоящего и будущего времени, формы множественного и единственного числа прошедшего времени изъявительного наклонения, сослагательное наклонение, инфинитивы, неполные и вопросительные предложения, перформативные глаголы, императивные междометия, конструкции со словами *надо*, *нужно*, *пусть*, *пускай*, *давай* и т.п.

Особый интерес представляет собой специфика функционирования средств выражения побудительности в немецкой молодежной речи и особенности их перевода на русский язык.

Для их переводов на русский язык были отобраны высказывания из различных источников, содержащие модальность побуждения, общим количеством 237 предложений.

Проведенный анализ частотности отдельных языковых средств выражения побуждения в немецком языке продемонстрировал, что из всего спектра возможностей языка наибольшей частотностью обладает достаточно небольшое количество форм и конструкций, передающих все возможные оттенки категоричности побуждения в немецком языке (императив, презенс, футур I).

Наряду с этим в молодежной речи редко используются конструкции, категоричность которых очень ярко маркирована и отражена в языковой системе, например, причастие II, инфинитив и лжепридаточные предложения с союзом *dass*. Кроме того, практически не используются формы, типичные для письменной речи (например, презенс конъюнктив, пассивные конструкции и конструкции *haben/sein + zu + инфинитив*).

При этом из отобранных 237 предложений, содержащих средства выражения побуждения в немецком языке, только 197 контекстов были переведены традиционными средствами выражения побуждения в русском языке. 40 примеров выражения побудительности в немецком языке были переведены на русский язык имплицитными формами (повествовательными и вопросительными предложениями) либо вовсе опущены в пе-

реводе. Так, в следующих примерах переводчик использовал средства, отличные от типичных средств выражения модальности побуждения, воспользовавшись такими приемами перевода, как опущение, морфологическая трансформация и логическое развитие:

Träum weiter! – **Мечтать не вредно.**

Hey du, gib mir keine Tipps, ja. – **Обойдусь без советов; Mach mir 'n Eisbeutel, ja!** – **Лед есть?**

Oder, lass es mich so sagen. – **Я тебе лучше спою.**

Erzähl du mir nicht, wie Jungs funktionieren! – **Ты мне еще объяснять будешь, как должны себя вести парни!**

Наиболее часто переводчики опускают при переводе выражения *sag mal*, *guck mal* и *pass auf*, не выполняющие побудительной функции, а использующиеся с целью привлечения внимания собеседника:

Du, sag mal, hast du mal mit Cem geredet? – **А ты с Чемом поговорила? Also pass auf, meine Mutter hat sich offensichtlich von diesem albanischen**

Terroristen getrennt. – **Знаешь, моя мать только что рассталась со своим албанским террористом;**

Guck mal, Mama ist da! – **О, мамочка пришла!**

Применение трансформаций, таких как логическое развитие, добавление и описательный перевод представляется обоснованным, поскольку с их помощью удастся восполнить отсутствующую информацию, что способствует лучшему пониманию содержания. Например:

Ich war schneller. Ok, du bist dran. Dein größtes Geheimnis. –

Я была быстрой. Говори, какая твоя самая большая тайна.

Lena, nein, das ist ein Missverständnis! – **Лена, прекрати, это недоразумение!**

Wie läufst du rum? Hä? – **Прикройся, ты че в таком виде?**

Ich hab dich lieb. – **Не плачь, я тебя люблю.**

Hast du deinen Vater gerade angeschrien!? – **Не повышай голос на отца!**

При анализе передачи побуждения в русском языке было установлено, что наиболее частотное средство немецкого языка императив, как правило (в 83 % случаев), также переводится на русский язык повелительным наклонением, выражая, как и в немецком языке, различные оттенки побуждения, например:

Geh doch auf sie zu, Gürkchen. – **Подружись с ней, Лена.**

При этом в ряде случаев переводчик прибегает к иным средствам перевода немецкого императива, например, к конструкциям с *надо*, *нужно*,

должен:

Jetzt guck doch nicht so überrascht! – **Не надо смотреть такими глазами!**

Sag ihm! – **Ты должна ему сказать!**

В единичных случаях были использованы такие средства, как конструкции с *пусть*, *давай*, 1-е, 2-е лицо настоящего времени изъявительного наклонения, инфинитивы, междометия, неполные предложения. Выбор того или иного средства был, как правило, обусловлен ситуацией: переводчик прибегал к различным трансформациям в разговорных выражениях, чтобы сохранить категоричность высказывания в тех случаях, когда повелительное наклонение, по мнению переводчика, не могло сделать это в полной мере.

Формы презенс и футур актив в большинстве случаев (80%) были переданы в русском языке аналогичными формами: 1-м и 2-м лицом настоящего и будущего времени изъявительного наклонения:

Ne, ne, damit fangen wir erst gar nicht an! – **Вот это мы даже не будем начинать!**

Ihr esst, was da ist! – **Будете есть, что дают!**

Модальные глаголы примерно в половине примеров (49 %) были переданы конструкциями с *нужно*, *должен*, *пора* и т.п.:

Sie müssen das R rollen. – **«Р» нужно производить жестче; Außerdem müssen wir zur Arbeit!** – **И вообще нам на работу пора!**

Наряду с этим, эквивалентами конструкций с модальными глаголами явились предложения с повелительным наклонением (23%), вопросительные предложения (12%) и конструкции с *пусть*, *давай* (8%):

Du darfst bestimmen. – **Сама выбирай.**

Wollen wir ein bisschen shoppen? – **Может, пробежимся по магазинам?**

Dann müssen wir das regeln. – **Давай разбираться.**

Немецкие перформативные глаголы в русском языке, как правило, передавались также перформативными глаголами:

Ich warne dich, wenn du mich nicht gleich reinlässt! – **Предупреждаю, если ты меня не пустишь!**

Ich praktiziere einen friedlichen Islam und ich bitte Sie das zu respektieren, damit es nicht zwischen uns eskaliert! – **Я исповедую мирный ислам и прошу Вас уважительно к этому относиться, чтобы не возникло разногласий!**

Конъюнктив II в большинстве случаев (60%) был передан сослагательным наклонением, реже конструкциями с *нужно*, *должен*, *пора*, единично были использованы неполные предложения и вопросительные предложения:

Anstatt beleidigte Leberwurst zu spielen, solltest du dich lieber freuen, dass überhaupt jemand mit dir

befreundet sein will. – Вместо того чтобы думать, ты **бы** лучше **порадовалась**, что с тобой хочет кто-то подружиться;

Einer von euch müsste jetzt mal Frühstück machen! – Кто-то из вас

должен приготовить завтрак;

Lena, ihr solltet nicht vor allen Leuten so... rumküssen und so. – Лена,

нельзя целоваться на людях, это неприлично.

Реже употребляются формы немецкого языка, выражающие побуждение, в частности пассив, конструкция *haben + zu + инфинитив* не имеют аналогов в русском языке и передаются при переводе различными способами:

Jetzt wird gebetet. – Сейчас мы будем молиться;

Erstmal wird jetzt hier Frühstück produziert, klar!? – Завтрак-то будет?

Du hast mir gar nichts zu sagen! – Ты не смеешь мне указывать!

Ja immerhin hast du ihr zu verdanken, dass du wieder... bescheuert aussiehst. – В конце концов, **ее ты должна благодарить**, что снова выглядишь как клуша.

Для перевода конструкций с инфинитивом в 65 % случаев для перевода использовалось повелительное наклонение:

Mit Yagmur reden jetzt! – **Поговори** с ней, немедленно! *Axel... nicht aufregen!* – **Аксель, не волнуйся**, пожалуйста.

Кроме этого, 18% использования инфинитива были переданы на русский язык неполными предложениями, и лишь 12% – инфинитивом:

Oah, du musst es ja auch so trinken, dass du's erst danach schmeckst! Also, **Zunge hochklappen – und dann einfach weg!** – Ты должна выпить так, чтобы вообще не почувствовать вкуса! *Beresh – u залпом!*

Aufstehen! – **Подъем!**

Yagmur! Duschen, aufstehen, anziehen, Schule! – Ягмур, **подъем, быстро одеваться**, в душ и в школу.

Немецкие неполные предложения в большинстве случаев (64 % примеров) были переведены соответствующими русскими неполными предложениями, в 27 % – повелительным наклонением:

Kein Türkisch in Konfliktsituationen! – **Эй, никаких межкультурных конфликтов!**

Ganz ruhig, Yagmur. Du schaffst das. – **Спокойно, Ягмур, ты справишься!**

Ok, dann das zweite, was dir einfällt. – **Тогда скажи второе, что придет в голову.**

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что наиболее употребительные средства выражения модальности побуждения в разговорном немецком языке чаще

всего переводятся следующими русскими побудительными конструкциями:

- императив – повелительным наклонением;
- презенс и футур I актив – 1-м и 2-м лицом настоящего и будущего времени изъявительного наклонения;
- конъюнктив II – сослагательным наклонением;
- модальные глаголы – конструкциями с *надо, нужно, должен, пора* и т.п.;
- неполные предложения – неполными предложениями;
- перформативные глаголы – перформативными глаголами;
- инфинитив – повелительным наклонением.

Соответственно, в большинстве случаев для перевода используется прямая подстановка – простейший механизм перевода, основанный на замене единицы исходного языка ее непосредственным соответствием. Лишь инфинитивы были переданы на русский язык чаще иным способом, с использованием повелительного наклонения, что представляется не всегда удачным решением, так как русское повелительное наклонение без использования усилительных частиц зачастую не способно передать ту категоричность, которую выражает немецкий инфинитив I.

В связи с выявленными закономерностями задачей следующего этапа исследования явилось установление адекватности используемого приема перевода, поскольку, на первый взгляд, категоричность используемых при переводе конструкций различна и отличается от языка оригинала. С этой целью с помощью информантов-носителей языка была проанализирована степень категоричности отобранных высказываний. К анализу были привлечены 10 информантов-носителей немецкого языка и 10 информантов-носителей русского языка. Для опроса информантов была разработана анкета с 50 примерами, содержащими различные средства выражения побуждения. Оценка степени категоричности происходила по десятибалльной шкале (1 – минимальная категоричность высказывания, 10 – максимальная категоричность).

Как показал проведенный опрос, единство во мнениях информантов относительно точной оценки степени категоричности отсутствует, однако наблюдаются определенные предпочтения. Так, наибольшую степень категоричности в немецком языке (8-10) имеют конструкции, выраженные модальными глаголами *dürfen, können* и *wollen* в изъявительном наклонении и инфинитивом. Также высказывание *Schreib deine Grabrede!*, выраженное императивной формой глагола, было оценено большинством информантов как максимально категоричное, что обусловлено значением и лекси-

ческим наполнением предложения. Средней степенью категоричности (4-7) обладают императив, презенс и футур I актив, неполные предложения, а также безличный пассив. Низкая степень категоричности (0-3) присуща форме претерита конъюнктива.

Сопоставление оценок с привлечением информантов-носителей русского языка продемонстрировало, что переводчику во многих случаях (примерно в 20%) не удалось передать категоричность отдельных немецкоязычных фраз при переводе на русский язык, что можно проиллюстрировать следующими контекстами: *Scheiße! Nicht einsteigen! – Черт возьми! Не уезжай!*

Как указывают теоретические источники, побуждение, выраженное инфинитивом, отличается резкостью и твердостью [2, р. 248; 4, с. 255], что и нашло свое подтверждение в ходе анализа: немецкое предложение многие информанты оценили, как максимально категоричное (средняя оценка категоричности 9,4 из 10), что также поддерживается лексическим окружением. На русский язык предложение было переведено повелительным наклонением (средняя оценка категоричности 6,1 из 10), которое в сочетании с иной лексикой оказалось неспособно передать всю резкость высказывания. Также немецкоязычные информанты единогласно оценили высказывание как приказ, русскоязычные – как мольбу/просьбу.

Также и фраза *Mama, bitte, das darfst du nicht machen!* – *Мама, не делай этого, пожалуйста!* была оценена по-разному носителями немецкого и русского языков. По мнению носителей немецкого языка, в оригинале выражается запрет (обладающий категоричностью 8,2), русский же перевод был оценен как просьба/мольба (5,4 из 10).

Аналогично примерам выше предложение *Jetzt wird gebetet* носители немецкого языка оценили, как категоричный приказ со средней категоричностью 7,8, в то время как его перевод на русский *Сейчас мы будем молиться* обладал, по мнению информантов, гораздо более низкой категоричностью – 3,1. В интервью информанты пояснили, что в немецком языке пассив используется только для выражения приказов, невыполнение которых исключается. В русском же языке употреблено 1-е лицо будущего времени изъявительного наклонения, которое оставляет возможность невыполнения действия.

Также, по мнению информантов-носителей немецкого языка, фраза *Äh, Hasi, nicht die guten Tassen in die Spülmaschine* является достаточно категоричной, несмотря на то, что обращение выражено уменьшительно-ласкательным словом *Hasi* (степень категоричности чуть выше средней – 6,3 из 10), русский же перевод *Милая, не*

надо класть хорошие чашки в посудомоечную машину оказался некатегоричным (2,8 из 10).

Практически отсутствовали несоответствия при использовании прямой подстановки как метода перевода, например:

Und wir würden uns freuen, wenn du uns verzeihen könntest und wieder zur Gebetschule kommst (1,8 из 10) – *Мы были бы рады, если бы ты нас простила и вернулась в школу* (1,7 из 10),

Dann werden wir jetzt mal 'n bisschen über diese Gesetze reden und sie ändern (6,2 из 10) – *Мы немедленно обсудим эти правила и изменим их* (5,7 из 10), наибольшие же несоответствия были обнаружены в конструкциях, не имеющих аналогов в русском языке либо при выборе переводчиком иного способа перевода: *Rauslassen, Yagmur, nicht rein!* (7,7 из 10) – *Не держи их [чувства] в себе!* (4,1 из 10) – *Jetzt sei wie 'ne richtige Schwester und unternimm was mit mir!* (7,4 из 10) – *Ну стань мне настоящей сестрой, давай займемся чем-нибудь вместе!* (4,6 из 10).

Таким образом, можно прийти к выводу, что при переводе побудительных высказываний переводчику следует уделять особое внимание такому их аспекту, как категоричность, пытаясь найти адекватный способ перевода, чтобы сохранить иллюкативную силу высказывания, на что имеет смысл обратить внимание при подготовке студентов языковых специальностей.

Литература

1. Аржанова И.А. Эллиптические и усеченные предложения в системе средств речевой компрессии // Филологические заметки. Саранск, 1999. С. 9 – 12.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
3. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.
4. Официальный ресурс, посвященный творчеству Дж. Р.Р. Толкина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tolkien.su/> (дата обращения: 01.02.2020)
5. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения. М.: Наука, 1977. 112 с.
6. Шендельс Е.И. Практическая грамматика немецкого языка. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1982. 400 с.
7. Buscha J., Freudenberg-Findeisen R., Fortsteuer E., Koch H., Kuntzsch L. Grammatik in Feldern. Ismaning: Verl. für Deutsch, 1998. 336 p.
8. Sommerfeldt K.E., Starke G. Grammatisch-semantische Felder. Einführung und Übungen. Sommerfeldt, Berlin; München; Leipzig: Langenscheidt – Verl. Enzykl., 1991. 126 p.

References

1. Arzhanova I.A. Jellipticheskie i usechennye predlozhenija v sisteme sredstv rechevoj kompressii. Filologicheskie zametki. Saransk, 1999. S. 9 – 12.
2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1966. 608 s.
3. Gulyga E.V., Shendel's E.I. Grammatikoleksicheskie polja v sovremennom nemeckom jazyke. M.: Prosveshhenie, 1969. 184 s.
4. Oficial'nyj resurs, posvjashhennyj tvorčestvu Dzh. R.R. Tolkina [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://tolkien.su/> (data obrashhenija: 01.02.2020)
5. Panfilov V.Z. Kategorija modal'nosti i ee rol' v konstruirovanii struktury predlozhenija i suzhdenija. M.: Nauka, 1977. 112 s.
6. Shendel's E.I. Praktičeskaja grammatika nemeckogo jazyka. 2-e izd., ispr. M.: Vyssh. shk., 1982. 400 s.
7. Buscha J., Freudenberg-Findeisen R., Fortsteuter E., Koch H., Kuntzsch L. Grammatik in Feldern. Ismaning: Verl. für Deutsch, 1998. 336 p.
8. Sommerfeldt K.E., Starke G. Grammatisch-semantische Felder. Einführung und Übungen. Sommerfeldt, Berlin; München; Leipzig: Langenscheidt – Verl. Enzykl., 1991. 126 p.

WAYS OF TRANSLATION OF MEANS OF EXPRESSION OF INCENTIVES IN GERMAN YOUTH SPEECH FROM GERMAN INTO RUSSIAN

*Abdukadyrova T.T., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kadyrov Chechen State University,
Chechen State Pedagogical University,
Alimkhanova M.H., Assistant Professor,
Upaeva H.A.,
Kadyrov Chechen State University*

Abstract: this article discusses the main ways of transferring the modality of motivation when translating from German into Russian. The author argues that the most common means of expressing the modality of motivation in colloquial German are most often translated into Russian with incentive constructions. In the course of studying the selected material, the patterns were identified according to which the means of expressing inducement are translated, and the difficulties that translators face when conveying the categoricalness of incentive statements are established.

The author comes to the conclusion that in most cases, direct substitution is used for translation – the simplest translation mechanism based on replacing a unit of the source language with its direct correspondence.

It has been established that only infinitives are translated into Russian using the imperative mood, which is not always a good solution, since the Russian imperative mood without the use of amplifying particles is often unable to convey the categoricalness that the German infinitive expresses. Thus, we can conclude that when translating incentive statements, the translator should pay special attention to such an aspect as categoricalness, trying to find an adequate translation method in order to preserve the illocutionary force of the statement.

Keywords: modality, pseudo-subordinate sentences, performative verbs, illocutionary, passive, subjunctive, categorical motivation

Д.С. ЛИХАЧЕВ И ЛУ СИНЬ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

*Ван Биньюй, кандидат наук, докторант,
Столичный педагогический университет, Китай*

Аннотация: Д.С. Лихачев (1906-1999) – знаменитый русский литературовед, историк, культуролог, литературный критик, современный русский лингвист Т. Романова в своей статье, посвященной 100-летию со дня рождения Лихачева, указала, что его язык личности – это элитарная языковая личность русского интеллигента. Некоторые российские СМИ очень высоко оценивают заслуги академика, в том числе Парламентская газета, ссылая статью Александра Запесоцкого «О национальном значении наследия Дмитрия Лихачева», считает, что никто не постиг сути российской культуры лучше Лихачева. Причем Лихачев был профессиональным литературоведом, и нам стоит вдуматься в его отношение к эстетике, интеллигенции, концепции культуры, обратиться к его критике формализма и его отношению к историзму и общественным задачам литературы. Лу Синь – псевдоним Чжоу Шужэня (25 сентября 1881 – 19 октября 1936), одного из величайших китайских писателей двадцатого столетия. Он считается одним из основоположников современной китайской литературы, по чьей инициативе в Китае началось распространение «байхуа» – современного устного китайского языка. Лу Синь писал рассказы, был редактором, переводчиком, критиком, поэтом, оказавшим огромное влияние на развитие литературы и общественно-политической мысли Китая первой половины XX века. Сравнение этих двух гигантов культуры XX века, исследование их интеллектуального, литературоведческого и общественного наследия поможет нам в этом новом обзоре культурного развития России и Китая.

Ключевые слова: русский язык, китайская культура, литературоведение, писатель, культура

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев был известным историком культуры России, специалистом по древнерусской культуре, литературоведом, текстологом, одним из знаменитых академиков Академии наук СССР. Некоторые из его произведений, главным образом касающихся вопросов реализма в мировой литературе, уже в 80-е и 90-е годы прошлого века были переведены на китайский язык и изданы в Китае [4-8], как Письма о добром и прекрасном, Поэзия садов. Кроме литературоведения и критики, он также уделял большое внимание изучению интеллигенции и гуманитарно-эстетическим вопросам. Как мы знаем, термин «интеллигенция» занимает довольно важное место в словаре русского языка. Как обычно русские культурологи считают первым русским интеллигентом князя Андрея Курбского, первым дворянским революционером-интеллигентом – Александра Радищева. В его «Путешествии из Петербурга в Москву» он впервые, с точки зрения дворянских интеллигентов, указал на несправедливость крепостничества в царской России и выразил симпатию по отношению к многочисленному угнетенному крепостному крестьянству. Он поистине стал совестью передовой русской интеллигенции. На его призыв откликнулись такие прогрессивные мыслители, как А.С. Пушкин, декабристы, А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Горький и другие, которые в свою очередь продолжали высокую миссию русских интеллигентов [3].

Несмотря на то, что во множестве произведений XIX-XX вв. уже широко использовали термин «интеллигенция», однако, вопрос об определении

«интеллигенции» не получил однозначного ответа вплоть до конца XX века. Что такое интеллигенция? Люди какого темперамента и с какими личными качествами достойны имени «интеллигента»? Академик Д.С. Лихачев как выдающийся ученый обращает большое внимание на этот теоретический вопрос. В письме «О русской интеллигенции» он специально рассмотрел эстетическо-гуманитарный вопрос, связанный с определением термина «интеллигенция». Лихачев указал, что «История русской интеллигенции есть русской мысли». Дмитрий Сергеевич, используя профессиональную методологию, всегда рассматривает теоретические вопросы с конкретно исторической и культурологической точек зрения, изучает сущность интеллигенции с точки зрения географии и культурного пространства и понимает тесную связь термина «интеллигенция» с национально-историческим процессом. Далее, Д.С. Лихачев на этой основе разъясняет определение «интеллигенции», указывая, что интеллигенцию никак нельзя считать неким названием группы профессионалов, а ученые-интеллигенты, как правило, должны поставить вопрос по взаимоотношению интеллигентности и духовной свободы на важнейшее место. По мнению Лихачева, в понятие интеллигентности должны входить способность любезно относиться к миру и другим людям, терпимое отношение к другим национальностям, любовь к природе, уважение к окружающим людям, филологическая воспитанность и не загрязнение среды грубыми словами и дурными мыслями (Лихачев Д.С., Избранное, с. 62). Очевидно, что Лихачев четко отличает интеллигенцию от тех, кто обладает лишь

профессиональными знаниями, но лишен необходимых человеческих качеств. На взгляд академика, уважение к другим людям и терпимость представляют собой основные свойства интеллигенции.

Понятие интеллигенции возникло в Китае гораздо позже, чем в России. В конце XIX – начале XX вв. в результате свержения феодального режима началось формирование множества современных университетов. В них воспитали немало таких великих китайских интеллигентов, продвигавших демократическую повестку и беспокоившихся за судьбу Родины и народа, как Лу Синь, Цай Юаньпэй, Ли Дачжао, Чжэн Дусюй и Ху Ши. Среди этих известных общественных деятелей и мыслителей первым настоящим интеллигентом в Китае считается Лу Синь. Как и Лихачев, Лу Синь также прекрасно описал духовный и психологический облик и культурные навыки китайской интеллигенции и обычного китайского народа. Он уделял особое внимание сатире, высказывал тревогу о нездоровом духовном положении китайцев в таких своих рассказах, как «Записки сумасшедших», «Кун И-цзи», «Подлинная история А-Кью». В отличие от китайского интеллигента, Д.С. Лихачев, следуя дидактической традиции русских писателей XIX века, написал широко известные «Письма о добром и прекрасном», в которых прямо обсуждаются те моральные ценности, которые должен сбересть каждый интеллигент с большой буквы [1].

Однако, надо признать, что между этими двумя великими мыслителями и общественными деятелями есть и много общего. Оба они считаются совестью своей нации, их богатое духовное достояние из поколения в поколение оказывало и оказывает сильнейшее влияние на их читателей, исследователей, современных писателей и интеллигентов. Кроме того, Лу Синь своим пером изобразил духовный облик китайского народа, вывел его на мировую сцену, приблизил к другим великим народам. Лихачев в своей последней заключительной книге «Раздумья о России» также с геополитической и культурной точек зрения дал четкую ориентацию России – Россия никогда не была Востоком. С помощью своих произведений Лу Синь дал иностранным исследователям возможность больше узнать о Китае. Лихачев в прекрасных исследованиях древнерусской литературы и культуры заставляет русских и зарубежных ученых вновь обратить внимание на период расцвета тысячелетней русской культуры. Лу Синь, Д.С. Лихачев и многие другие интеллигенты, уделяя особое внимание своим народам и странам, заботятся также и об общих проблемах всего человечества и так, в

свою очередь, способствуют культурному развитию человечества.

В русской литературе большое влияние имеет реализм, особенно зародившийся в XIX веке критический реализм. Он производит сильное впечатление на многих читателей и исследователей. Реализм как углубленный и расширенный творческий метод и традиция историзма влияют на разные сферы исследований, в том числе литературоведческие исследования и исследования истории культуры. Реализм и историзм проходят в них красной нитью. Традиция реализма и историзма оказывает сильнейшее влияние на оформление литературных представлений Д.С. Лихачева, по мнению которого реализм почти всегда проявляется в традиционных и лучших произведениях русской литературы. Как профессионал, он занимался исследованиями творческого метода реализма, а также исследованиями классической русской литературы с исторической точки зрения. В работе «Прогрессивные линии развития в истории русской литературы» он, основываясь на историзме, перечислил семь линий развития русской литературы, ознаменовавших постепенное снижение прямолинейной условности, возрастание организованности, возрастание личностного начала и т.д. В другой его статье «История – мать истины» литературовед указал, что «наука... служит не интересности как таковой, а познанию истины в первую очередь. Забава ради забавы часто кончается простой усталостью» [2].

Придерживаясь принципов историзма, Лихачев, с другой стороны, также наследовал лучшую и типичную традицию русских писателей и мыслителей XIX века – обращение к общественным функциям литературы. В статье «Об общественной ответственности» (<https://studfile.net/preview/6149676/page:67/>) он подчеркивает, что есть одна сторона в литературоведении, которая действительно отличает его от многих других наук – эстетическая. И дело не в том, что литературоведение изучает проблематику литературы (хотя это делается недостаточно). Литературоведение, если оно охватывает широкий материал, имеет очень большое воспитательное значение, повышая социальные качества человека. Далее он считает, что развивать эстетическую восприимчивость читателей крайне необходимо. Это громадной важности общественное чувство. Это одна из сторон социальности человека. Социальность эта противостоит чувству национальной исключительности и шовинизма. Она развивает в человеке терпимость по отношению к другим культурам.

Величайший деятель культуры Китая начала XX века, Лу Синь способствовал развитию разно-

образных литературных жанров, таких как рассказы, новеллы, эссе, современные и классические стихи, переводы зарубежных произведений (в том числе и русских, как, например, «Мертвые души» Гоголя) на китайский язык. Также он специально занимался текстологией. Лу Синь так же, как и Д.С. Лихачев, уделял особое внимание гуманизму и моральным качествам человека. Он написал множество реалистических и исторических рассказов, как, например, «Утренние цветы, сорванные в сумерках». В его произведениях главенствует повествовательный прием, но одновременно нарратив имеет лирический характер, иногда автор использует прием субъективного комментирования – все это представляется нам единством повествования, лирики и комментирования. Автор писал произведения на фоне реальной жизни: он описал на основе своих наблюдений повседневной жизни ряд живых характеров и красочные события. Кроме того, рассказы Лу Синя полны юмора, сатиры и критических размышлений, которые сыграли важнейшую роль в духовной эволюции китайского народа во время нового демократического движения в начале 20-х годов XX века.

Как и в произведениях русских критических реалистов XIX века, в произведениях Лу Синя очевидна критика социальной действительности, выражены забота о гуманистических ценностях и протест против феодального рабства. Великий китайский писатель и мыслитель стремился духовным образом освободить человека от феодальных оков, боролся за освобождение не только с политической точки зрения, но и ради духовного развития и благополучия всего человечества, что совпадало с идеей «всечеловека» Ф.М. Достоевского.

Более того, Лу Синь, в свою очередь, оказывает глубокое влияние на развитие стиля и разных жанров китайской литературы: почти все последующие современные китайские писатели пишут в стилистике и жанрах, открытых именно Лу Синем. Подобно Д.С. Лихачеву, написавшему большое количество статей и книг по древнерусской литературе и истории русской литературы, Лу Синь, как исследователь, обращал большое внимание на классическую и древнюю литературу своей Родины. Он написал «Обзорную историю китайского романа» для изучения китайских классических романов с помощью западного научно-исследовательского литературоведческого метода: в китайском литературоведении это была первая история романа.

После смерти Андрея Сахарова, одним из самых влиятельных культурных деятелей России, имевших такой высокий престиж, на наш взгляд, оставался Д.С. Лихачев. В каждый исторический

период возникает множество известных всей стране знаменитостей, однако мы можем запомнить только одного из них – главного и сыгравшего величайшую роль в духовной эволюции или материальном развитии страны и даже всего человечества, а другие последовательно забываются из-за различных причин: авторитеты у некоторых рушатся из-за слабости их характера, а некоторые, наоборот, становятся чужды окружающим из-за своей амбициозности. Д.С. Лихачев неподвижно стоит на баке корабля русской культуры второй половины XX века, в нем собраны почти все лучшие качества человека, которые мы очень ценим.

Русский академик Дмитрий Сергеевич Лихачев прожил почти целый век, он нес флаг культуры после ряда великих русских поэтов и писателей XIX века, таких как А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и А.П. Чехов. Испытывая социальные потрясения, смены властей, политические кризисы, бедность и блокаду, Лихачев воспитал в своей душе твердый, как камень, характер. Но, с другой стороны, он так нежно и бережно относился к древнерусской литературе, ко всему прошлому России, к своим предкам, что кажется парадоксальным для этого великого и принципиального мыслителя.

В период семилетки Хрущева 1958-1964 годов борьба с религией сильно обострилась. Однако именно в то же самое время великий русский литературовед написал «несовременную» «Поэтику древнерусской литературы», чье основание было именно религией! С течением времени растет не только научная значимость Д.С. Лихачева, но и его политический авторитет. Его работы по древнерусской литературе заставляют читателей разглядеть просвещенность и ум князей древней Руси, невольно сравнить их лучшие качества с ничтожеством, грубостью и абсурдом современных политиков.

В эпоху перестройки Лихачев открыто поднимал множество социальных вопросов и соответственно сделал ряд предложений по их решению. Он активно участвовал в таких сложных культурных и социальных проектах, как реставрация Невского проспекта, охрана и реставрация Соловецкого монастыря, охрана усадеб Шахматова и Муранова в Подмосковье, реставрация церкви Спаса на Нередице, ремонт Воронцовского дворца в Алушке, работа по охране парков в Петергофе и Пушкине, сада Гатчинского дворца и т.д.

Обсудив деятельность Д.С. Лихачева и признав его первым по значимости русским интеллигентом XX века, мы можем задаться другим актуальным вопросом: «Кто является первым интеллигентом подобного рода в XX веке в Китае?»

Первым персонажем, о котором мы можем думать, безусловно является Лу Синь. Невзирая на то, что он никогда не был заключенным, как Лихачев в Соловецком лагере, и не испытывал таких жизненных неурядиц, не работал совместно с государственными деятелями высшего политического круга, он все-таки был инициатором важного духовного движения в Китае. Мао Цзэдун считал его первым духовным лидером в современном Китае, а Конфуция – первым духовным лидером древнего Китая.

Д.С. Лихачев и Лу Синь способствовали общественно-культурному и духовному развитию России и Китая в XX веке, оба они были интеллектуалами, критически относились к социальной действительности и вдохновляли несколько поколений интеллигенции двух стран.

Литература

1. Аникина Г.П. Концепт "толпа" в творчестве китайских писателей Лу Синя, Лао Шэ и Вс.Н. Иванова // Русский Харбин, запечатленный в слове / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2009. С. 36 – 39.

2. Иоффе Т.В. Мотивированные онимы в повести Лу Синя "снадобье" // Россия и Китай: на пути укрепления двустороннего сотрудничества: Материалы II международной научно-практической конференции, Новосибирск, 03-04 ноября 2017 года / Под ред. В.А. Гавриловой, И.Г. Хрипунова. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2017. С. 72 – 74.

3. Лебедева Н. Лу Синь и писатели Северо-Восточного Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 156 – 164.

4. Лемешко Ю.Г. Лу синь и его коллекция китайских народных картин // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 44. С. 136 – 137.

5. Ручина А.В. Гуманистические проблемы в рассказах Лу Синя // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник материалов XV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Томск, 19-21 мая 2015 года / Под ред. С.А. Песоцкой; Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2015. С. 165 – 167.

6. Ручина А.В. Гуманистические проблемы в

рассказах Лу Синя // Молодой ученый. 2015. № 8 (88). С. 1158 – 1160.

7. Хуан Инань. Публицистика Лу Синя, 1881-1936 гг: специальность 10.01.10 "Журналистика": дис. ... на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 163 с.

8. Чжу Г. Лу Синь и искусство книжной иллюстрации в Китае // Университетский научный журнал. 2022. № 65. С. 136 – 142. DOI 10.25807/22225064_2021_65_136

References

1. Anikina G.P. Koncept "tolpa" v tvorchestve kitajskih pisatelej Lu Sinja, Lao Shje i Vs.N. Ivanova. Russkij Harbin, zapечатlennyj v slove. Pod red. A.A. Zabijako, G.V. Jefendievovj. Blagoveshhensk: Amurskij gosudarstvennyj universitet, 2009. S. 36 – 39.

2. Ioffe T.V. Motivirovannye onimy v povesti Lu Sinja "snadob'e". Rossiya i Kitaj: na puti ukreplenija dvustoronnego sotrudnichestva: Materialy II mezhdu narodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Novosibirsk, 03-04 nojabrja 2017 goda. Pod red. V.A. Gavrillovoj, I.G. Hripunova. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 2017. S. 72 – 74.

3. Lebedeva N. Lu Sin' i pisateli Severo-Vostochnogo Kitaja. Problemy Dal'nego Vostoka. 2006. № 5. S. 156 – 164.

4. Lemesko Ju.G. Lu sin' i ego kollekcija kitajskih narodnyh kartin. Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2009. № 44. S. 136 – 137.

5. Ruchina A.V. Gumanisticheskie problemy v rasskazah Lu Sinja. Kommunikativnye aspekty jazyka i kul'tury: Sbornik materialov XV Mezhdu narodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov i molodyh uchenyh, Tomsk, 19-21 maja 2015 goda. Pod red. S.A. Pesockoj; Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij politehničeskij universitet. Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij politehničeskij universitet, 2015. S. 165 – 167.

6. Ruchina A.V. Gumanisticheskie problemy v rasskazah Lu Sinja. Molodoj uchenyj. 2015. № 8 (88). S. 1158 – 1160.

7. Huan Inan'. Publicistika Lu Sinja, 1881-1936 gg: special'nost' 10.01.10 "Zhurnalistika": dis. ... na soisk. uchen. step. kand. filolog. nauk. Rostov-na-Donu, 2001. 163 s.

8. Chzhu G. Lu Sin' i iskusstvo knizhnoj illjustracii v Kitae. Universitetskij nauchnyj zhurnal. 2022. № 65. S. 136 – 142. DOI 10.25807/22225064_2021_65_136

**D.S. LIKHACHEV AND LU XIN AS REPRESENTATIVES
OF THE RUSSIAN AND CHINESE INTELLIGENTSIA**

*Wang Binyu, Candidate of Sciences, Doctoral Candidate,
Metropolitan Pedagogical University of China, China*

Abstract: Russian literary critic Dmitry Sergeevich Likhachev (1906-1999) – famous Russian literary critic, historian, cultural critic, modern Russian linguist T. Romanova in her article dedicated to the 100th anniversary of Likhachev's birth, pointed out that his personality language is an elite linguistic personality of a Russian intellectual. Some Russian media highly appreciate the merits of the academician, including the Parliamentary Newspaper, referring to Alexander Zapesotsky's article "On the national significance of Dmitry Likhachev's heritage", believes that no one has grasped the essence of Russian culture better than Likhachev. Moreover, Likhachev was a professional literary critic, and we should think about his attitude to aesthetics, intellectuals, the concept of culture, turn to his criticism of formalism and his attitude to historicism and the social tasks of literature. Lu Xin is the pseudonym of Zhou Shuzhen (September 25, 1881 – October 19, 1936), one of the greatest Chinese writers of the twentieth century. He is considered one of the founders of modern Chinese literature, on whose initiative the spread of "baihua" – the modern oral Chinese language - began in China. Lu Xin wrote short stories, was an editor, translator, critic, poet, who had a huge influence on the development of literature and socio-political thought in China in the first half of the XX century. A comparison of these two cultural giants of the twentieth century, a study of their intellectual, literary and social heritage will help us in this new review of the cultural development of Russia and China.

Keywords: Russian language, Chinese culture, literary studies, writer, culture

ОТЛИЧИЯ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НА УРОВНЕ ПРОСОДИИ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

*Грошев Д.В., аспирант,
Российский государственный социальный университет*

Аннотация: процесс восприятия и декодирования устных высказываний остается одним из малоизученных явлений в лингвистике. Необходимость выявления отличительных признаков речевых актов, принадлежащих к побудительным высказываниям, обуславливается важностью их правильного восприятия, отчего зависит успех всей коммуникации. Ошибочное восприятие речевого акта, в противном случае, может привести к нежелательному результату, выражающемся в полном разрушении коммуникативной цели. Под побудительными высказываниями понимаются высказывания, направленные на то, чтобы добиться от адресата выполнения или прекращения действия. Побудительное высказывание имеет множество форм проявлений. В данной статье рассматриваются четыре такие формы, как просьба, мольба, требование и требование с угрозой. Инструментом, способным выявить отличительные признаки речевых актов в устном высказывании, выступает просодия. С целью обнаружения отличительных признаков речевых актов было проведено экспериментально-фонетическое исследование, в котором в качестве дифференцирующих параметров изучались интенсивность и длительность высказываний. Методика проведения исследования представляет собой комплексный анализ: слуховой, акустический и математико-статистический. Исследование показало, что каждый речевой акт, относящийся к побудительному высказыванию, обладает набором типичных для него просодических признаков, позволяющих распознавать их как разные варианты одного и того же речевого акта. Проведенный эксперимент подтвердил, что просьба, требование, мольба и требование с угрозой отличаются на уровне просодии. Результаты исследования могут применяться в области фонологии, экспериментальной и прикладной лингвистики и представлять интерес для криминалистов при проведении фоноскопической судебной экспертизы. Кроме этого, результаты могут быть использованы на занятиях по фонетике в качестве обучающего материала.

Ключевые слова: побудительное высказывание, просодия, речевой акт, интенсивность, длительность, экспериментально-фонетическое исследование

Введение

Одним из самых сложных и малоизученных явлений в лингвистике остается восприятие и декодирование устных высказываний. Несмотря на свою освещенность в отечественной и зарубежной литературе (Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, А.А. Залевская, И.А. Зимняя, А.С. Штерн, Ch. Hockett, С. Knobloch, G. Lakoff и др.), тема остается дискуссионной в силу скрытости от наблюдения механизмов порождения и восприятия речи. Проблема сохраняет свою актуальность ввиду того, что от корректного восприятия речевого (иллокутивного) акта, в частности побудительных высказываний, зависит успех всей коммуникации.

Как известно, коммуникативный процесс представляет собой последовательность речевых актов (иллокуций). W. Motsch определяет иллокуцию как речевое высказывание, наполненное смыслом и согласующееся с коммуникативной интенцией [1, с. 13]. Иными словами, иллокуция – это единица речевой коммуникации, цель которой заключается в том, чтобы изменить сознание собеседника в краткосрочной или долгосрочной перспективе. Причем коммуникативные интенции являются основополагающим фактором коммуникативного взаимодействия, так как они, с одной стороны, побуждают говорящих к вступлению в речевое общение и представляют собой, с другой стороны,

конкретную цель [2, с. 8]. Цель, которую ставит перед собой говорящий и пытается достичь ее в ходе общения, является значимым моментом коммуникативного взаимодействия. Однако коммуникативная цель может быть и не достигнута ввиду различных причин, включая и некорректное восприятие речевых актов. Тем самым обуславливается необходимость установления дифференцирующих признаков речевых актов, которые позволят отличать один речевой акт от другого.

В данной статье под побудительными высказываниями понимаются высказывания, главная цель которых заключается в достижении перлокутивного эффекта, оказываемого на адресата. Побуждение, являясь одной из распространенных форм общения, имеет множество форм проявлений – от мягкого высказывания (мольба) до строгого (требование). Из работы Е.Б. Петровой, обобщившей результаты многочисленных исследований в отношении классифицирования побудительных речевых актов, видно, что большинство ученых относят к побудительным речевым актам приказ, просьбу, мольбу, предупреждение, совет, разрешение, запрет, предложение, требование, рекомендацию, предостережение [3]. В рамках данной статьи рассматриваются только следующие иллокутивные акты: просьба, мольба, требование и требование с угрозой. Примечательно, что требо-

вание с угрозой преимущественно не выделяется как самостоятельный речевой акт. Это связано, вероятно, с тем, что данный иллокутивный акт находится на грани между требованием и угрозой, или же представляет собой крайнюю форму требования.

В условиях устной коммуникации выявление дифференцирующих признаков речевых актов на лексическом и грамматическом уровнях крайне затруднительно, так как разные по своему смысловому наполнению речевые акты, например, мольба, просьба, требование, могут быть выражены в рамках одного и того же лексико-грамматического состава. Иными словами, одно и то же высказывание может выступать в качестве и мольбы, и требования, и просьбы. В таком случае, считается, что единственным инструментом, способным различить речевые акты, является речевая просодия.

«Даже незначительные изменения просодических характеристик позволяют носителям языка отличать их по типу совершаемого действия» [4, с. 60]. Такие изменения прежде всего происходят на уровне частоты основного тона (ЧОТ), интенсивности и длительности, воспринимаемые на слух как мелодика, громкость и темп, соответственно. Большой ряд экспериментально-фонетических исследований [2, 5, 6, 7, 8, 9, 10] показал, что ЧОТ, интенсивность и длительность выступают главными параметрами, позволяющими выявить дифференцирующие признаки речевых актов.

Ранее проведенное исследование продемонстрировало, что мольба, просьба, требование и требование с угрозой отличаются на уровне ЧОТ [11]. В рамках данной статьи предполагается, что перечисленные выше речевые акты дифференцируются по динамическому и темпоральному признаку.

Материалы и методы исследования

Материал подвергался обработке по методике, принятой в экспериментально-фонетических исследованиях Московского государственного института международных отношений. Метод представляет собой комплексный анализ: слуховой, акустический и математико-статистический. Носителям немецкого языка были предложены ситуации, в которых реализуются мольба, просьба, требование и требование с угрозой. Ситуации бы-

ли реализованы в двукратном исполнении. В дальнейшем полученные образцы были представлены двум группам аудитором: носителям немецкого языка и русским преподавателям-фонетистам немецкого языка. В задачу первой группы входило установление аутентичности ситуации общения и подтверждение правильности произносительных норм испытуемых. Второй группе было необходимо во фразах расставить ударения, паузы и движение тона. Следующий шаг включал в себя осуществление фонемно-слоговой расшифровки фраз при помощи специальной программы обработки речевого сигнала Praat, что позволило измерить и проанализировать акустические параметры интенсивности и длительности исследуемых фраз. С целью получения объективной оценки данных, при помощи компьютерной программы SPSS производился математико-статистический анализ результатов исследования, представлявший собой обнаружение степени случайности и закономерности наблюдаемых в речи фактов. Именно математико-статистические подсчеты послужили фундаментом для дальнейшей интерпретации экспериментального материала.

В ходе исследования было проанализировано 115 фраз, воспроизведенными 5 носителями немецкого языка: 3 мужчины и 2 женщины, все в возрасте от 23 до 26 лет, постоянно проживающие в Германии на территории земли Бавария. Общее количество слогов составило 2011.

По методике, предлагаемой Б.М. Башкиной и Л.Д. Бухтиловым [12], полученные данные в абсолютных значениях были переведены в относительные с целью устранения индивидуальных особенностей говорения испытуемых. На основании нормированных относительных значений интенсивности и длительности были установлены усредненные данные.

Для получения более достоверных данных фразы подвергались делению на три зоны: предтакт, ритмический корпус и затакт с выделением семи ключевых слогов [13].

Результаты исследования

В результате исследования были получены четыре модели: М-1 – просьба, М-2 – требование, М-3 – мольба и М-4 – требование с угрозой на уровне интенсивности (рис. 1) и длительности (рис. 2).

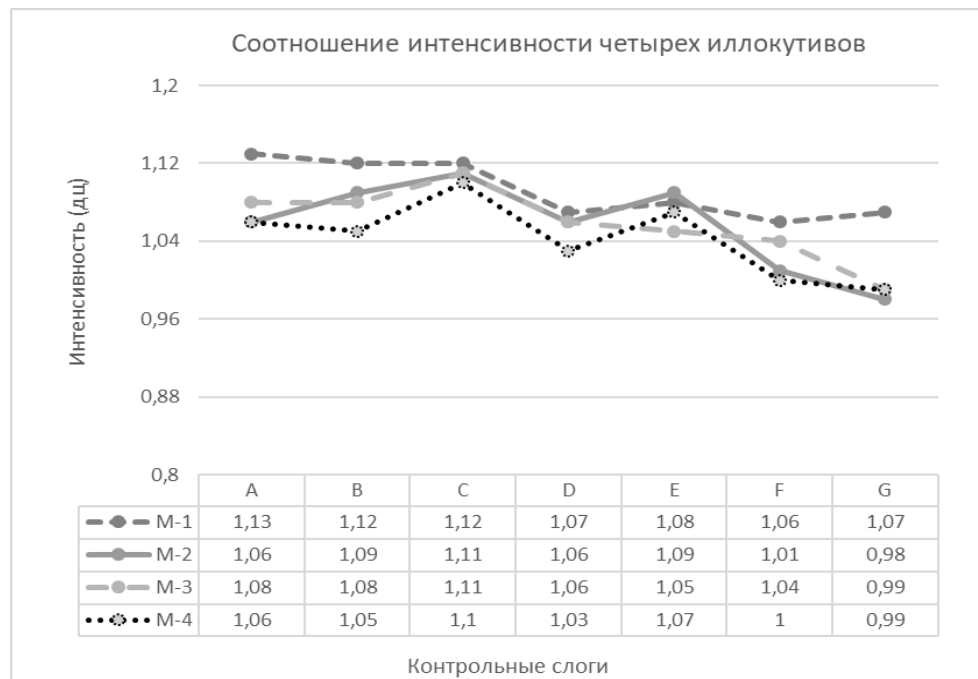

Рис. 1. Требование с угрозой на уровне интенсивности

Анализ усредненных показателей интенсивности моделей М-1 и М-2, М-1 и М-3, М-1 и М-4, М-3 и М-4, М-2 и М-4 (сравнивая их попарно) позволяет отнести данные речевые акты к разным выборкам (t-критерий Стьюдента равен 3,63, 3,77, 5, 1,45, 1,25 соответственно). Наибольшая дифференциация наблюдается в паре моделей М-1 и М-4, чей показатель превышает минимальный порог (75%) в 4,16 раз. Модели М-2 и М-3 статистически не дифференцированы, однако, у данной пары наблюдается устойчивая тенденция к различению. Существует вероятность некоторой тенденции к расхождению при увеличении выборки.

Диапазон интенсивности моделей М-2, М-3 и М-4 приблизительно одинаков, но шире модели М-1 в 0,6 раз (12/7). Схожесть моделей М-2, М-3 и М-4 распространяется и на их расположение по уровням. Все перечисленные модели располагаются на третьем и четвертом уровнях. Диапазон модели М-1 охватывает два уровня – четвертый и пятый, но преимущественно находится на четвертом уровне.

Аналогичная ситуация с общими чертами трех иллокутивов в противовес модели М-1 наблюдается с максимальными и минимальными значениями. Пик интенсивности М-1 приходится на начало предтакта. Объяснить это можно тем, что первый ударный слог в большинстве рассматриваемых случаев оказывался в самом начале фонации. Это приводило к слиянию всего предтакта с первым ударным слогом, что подтверждается практически идентичными значениями в первых трех точках – А (1,13), В (1,12), С (1,12). Модели М-2, М-3 и М-4 единогласно находят свое максимальное значение

в ритмическом корпусе в точке С, которая является первым ударным слогом. Примечательно, что у требования и мольбы в этой точке совпадают даже числовые показатели (1,11). Минимум всех моделей зафиксирован в затакте, однако, у М-1 этот показатель находится в точке F, а моделей М-2, М-3 и М-4 – в точке G с примерно одинаковыми числовыми показателями.

Касательно всех моделей можно отметить одну схожую черту – зигзагообразность движения кривых. Однако каждая модель обладает своими особенностями. М-1 представляет собой нисходяще-восходящую кривую, причем такое движение «вниз-вверх» на протяжении всей фразы наблюдается дважды. Несмотря на это, перепады довольно плавные. Одно из главных отличий данной модели от всех остальных – подъем кривой интенсивности в финале фонации. Модели М-2 и М-4, представляющие собой двухвершинные кривые, обнаруживают между собой схожие черты. В зоне ритмического корпуса и затакта наблюдается абсолютно идентичный контур признака, правда, М-2 располагается чуть выше. Что касается предтакта, то с самого начала фонации М-2 наблюдается крутой подъем кривой вверх вплоть до первого ударного слога (точка С), где М-4, в свою очередь, с точки А слегка понижается и лишь затем резко поднимается вверх, достигая точки С. Для модели М-3 характерно восходяще-нисходящее движение кривой изменения признака. Достигнув своего максимума в точке С, М-3 понижается вплоть до окончания фразы, что отличает эту модель от М-2 и М-4 несмотря на многие сходные черты. Кроме всего, глядя на график 1, можно визуально обнаружить,

что наиболее выделенная громкостью часть при- суща первой половине всех кривых, которая при- ходится на предтакт и частично на ритмический корпус в точке С.

Все иллокутивы преимущественно реализуются в диапазоне третьего и четвертого уровней, что является манифестацией выше средней динамиче- ской выраженности высказываний. Повышенная громкость, присущая данным речевым актам, мо- жет объясняться желаем говорящего повысить шансы на то, чтобы добиться от адресата выпол- нения или прекращения некоего действия.

Просьба, по сути, представляет собой нейтральное высказывание, лишённое эмоцио- нальной составляющей. Отсюда, наблюдается до- вольно плавное движение на протяжении всего развертывания высказывания. Исключение со- ставляет ритмический корпус, а именно точка С, где после ее прохождения, кривая равномерно с незначительными повышениями идет на спад. Можно заключить, что смысловая составляющая находится в начале фонации. Этим же выводом можно объяснить, почему первый ударный слог сливается с предтактом. Стоит отметить, что во всех исследуемых фразах просьба выражалась во- просительной конструкцией, которая преимуще- ственно начиналась при помощи глагола *können* (мочь), например, *könntest du vielleicht in einen Supermarkt gehen und einen Kuchen kaufen?* (Может быть ты смог бы сходить в магазин и купить пи- рог?). Вероятно, при акцентировании слова *können* говорящий изначально пытается выяснить, сможет ли слушающий выполнить его просьбу.

Мольба представляет собой одновершинную кривую, пик которой зафиксирован на первом ударном слоге. Исследование показывает, что как правило, он приходится на слова *bitte* (пожалуй- ста) и *möglich* (возможно), т.е. акцентирование происходит на тех словах, которые способны со- здать комфортную обстановку для слушающего с целью расположить его к себе. При близком рас- смотрении мольбы и просьбы можно заметить, что после первого ударного слога кривые в целом идут на спад, чего нельзя сказать о требовании и требовании с угрозой. Однако затакт резко кон- трастирует: интенсивность просьбы плавно повы- шается, а параметр мольбы стремительно снижа- ется. Такое явление, вероятно, можно объяснить тем, что для просьбы характерна форма вопроси- тельной конструкции, от чего громкость в конце

имеет восходящее направление движения. Умень- шение громкости мольбы к концу фонации обу- славливается законченностью мысли всего выска- зывания.

Требование – желание, выраженное в крайне решительной, категоричной форме. Отсюда можно заметить более резкие перепады интенсивности требования и более вариативный диапазон распро- странения громкости. Смыслообразующей частью выступает ритмический такт, где находятся две динамические вершины, приходящиеся на первый ударный и ядерный слоги. Напротив, предтакт и затакт громкостью выражены не ярко. Особенно отчетливо это видно на примере затакта, где кри- вая требования после достижения главноударного слога стремительно идет на спад. Таким образом, подчеркивается исключительная важность донесе- ния до адресата смысла всего требования. В ходе исследования неоднократно отмечалось акценти- рование громкости на ключевых словах в выска- зываниях.

Требование с угрозой можно расценивать как крайнюю, наиболее авторитарную форму требо- вания. Исходя из самого определения и результа- тов исследования безусловно можно наблюдать схожие черты между требованием и требованием с угрозой, например, двухвершинный контур, иден- тичность движения кривой, расположение на од- них и тех же уровнях. Ритмический такт также выступает смыслообразующей частью. Несмотря на это присутствуют и признаки, позволяющие их дифференцировать на уровне интенсивности. Так, требование с самого начала развертывания выска- зывания плавно повышается, достигая первой точ- ки ритмического корпуса, для требования с угро- зой же на данном отрезке характерна обратная си- туация. В предтакте кривая требования с угрозой плавно понижается, после чего резко движется вверх до первого ударного слога. Затакт фиксиру- ет идентичную картину. На данном участке кривая требования с угрозой имеет равномерное распре- деление громкости. Таким образом, можно сделать вывод, что требование с угрозой, являясь формой требования, представляет собой менее громкое высказывание, причем предтакт и затакт еще бо- лее «спокойны». Вероятно, это делается для более устрашающего эффекта, где на контрасте сталки- ваются, с одной стороны, выделенные громкостью ключевые слова и, с другой стороны, слова, выра- женные крайне спокойно.

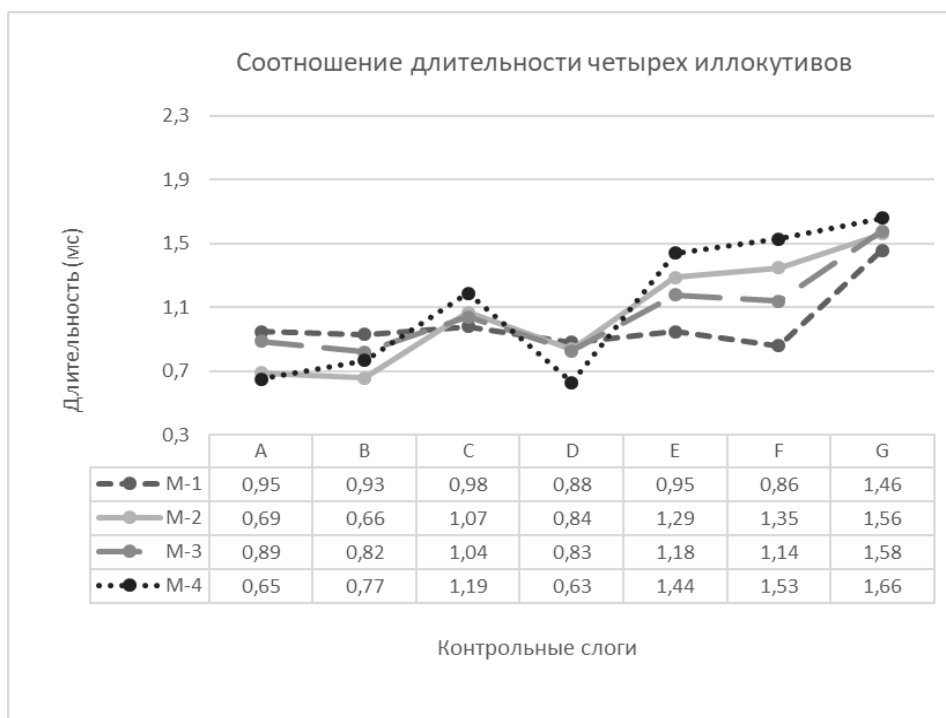

Рис. 2. Требование с угрозой на уровне длительности

Сравнение общих усредненных значений почти всех моделей показывает, что данные иллокутивные акты по признаку длительности не различаются на заданном статистическом уровне (75%). Показатель t-критерия Стьюдента равен < 1. Предполагается, что вероятность различия речевых актов по данному признаку будет выше при увеличении количества исследуемого материала. Исключение составляет сопоставление моделей М-1 и М-4, чей показатель равен 1,28.

Диапазон темпа модели М-1 ниже параметра данного признака модели М-2 в 1,5 раза (60/90), модели М-3 в 1,3 раза (60/76) и модели М-4 в 1,7 раз (60/103). Диапазон темпа модели М-1 охватывает только два уровня – второй и третий, М-3 располагается на втором, третьем и четвертом уровнях, а обе модели М-2 и М-4 пересекают сразу четыре уровня – с первого по четвертый. Примечательно, что несмотря на разное расположение кривые моделей преимущественно находятся на втором и третьем уровне.

Максимум признака всех моделей зафиксирован в затакте в финальной точке (точка G) лишь с незначительным различием в числовых значениях. Такого же консенсуса как у пиковых значений среди минимальных показателей не наблюдается. Исключение составляют модели М-2 и М-3, чей минимум приходится на точку B. Модель М-1 обнаруживает свой минимум в затакте – после главноударного слога (точка F), модель М-4 – в предъядерном слоге (точка D).

Контуры изменений всех моделей имеют свои отличительные особенности. Кривая М-1 двигает-

ся плавно почти на протяжении всей фонации за исключением конца фразы, где вектор изменения длительности модели М-1 резко повышается, почти достигая четвертого уровня. Модели М-2, М-3 и М-4 обладают схожей чертой – представляют собой зигзагообразные кривые, указывающие к концу фразы на увеличение признака. Несмотря на это сходство модель М-3 отличается менее резкими перепадами длительности. Модели М-2 и М-4, обладая сходством по контурам движения, имеют отличия по резкости перепадов. Для модели М-2 по сравнению с М-4 характерны более плавные изменения параметра длительности. Кроме этого, модели М-2 и М-3 контрастируют с М-4 тем, что в начале фонации кривые начинают свое движение по нисходящей траектории, а М-4, в свою очередь, фиксирует восхождение вплоть до первого ударного слога.

Анализ развития параметров длительности контрольных слогов всех моделей выявил их сходные и различительные признаки. В зоне предтакта наблюдается синхронность развития темпа всех речевых актов, за исключением требования с угрозой, с различием в уровневых значениях. В начале фонации мольба и просьба в целом медленнее, чем остальные речевые акты. Дифференциация побудительных высказываний по темпоральному признаку обнаруживается прежде всего в конце ритмического корпуса и начале затакта (в зоне каденции). Мольба, требование и требование с угрозой находятся на один уровень выше просьбы, однако, стоит отметить, что первые перечисленные речевые акты также отличаются между собой по чис-

ловым значениям в зоне каденции. В зоне затакта обнаруживается наиболее ярко выраженная черта, объединяющая все модели – замедление темпа речи к концу фонации, что объясняется законченностью мысли высказывания.

Полученные результаты исследования позволяют по темпоральному признаку объединить мольбу, требование и требование с угрозой в одну группу, чьи параметры резко контрастируют с просьбой. Темп просьбы не меняется практически на протяжении всего развертывания высказывания, что указывает на ее монотонность. Напротив, для требования и требования с угрозой характерны резкие перепады скорости фонации, темп замедляется и ускоряется на протяжении всего высказывания. Это свидетельствует о том, что говорящий, замедляя процесс фонации, выделяет ключевые моменты, и ускоряясь, опускает второстепенные. В мольбе наблюдается устойчивая тенденция к перепадам темпа. Это особенно можно заметить на уровне каденции, где кривая мольбы начинает резкий подъем. Объяснение скрывается в эмоциональной составляющей, которая присуща мольбе.

Несмотря на общие черты речевых актов в рамках одной группы присутствуют и дифференцирующие признаки. Так, требование и требование с угрозой обладают практически идентичным движением кривой, что крайне затрудняет их дифференциацию по темпоральному признаку. Особенность состоит лишь в том, что более резкие перепады присущи требованию с угрозой. Предтакт мольбы и большей части ритмического корпуса имеет схожие черты с просьбой, чем с другими речевыми актами.

Наиболее ярко выраженная дифференциация наблюдается между просьбой и требованием с угрозой, что подтверждается и на статистическом уровне. Существенные отличия двух речевых актов фиксируются на уровне каденции.

Примечательно, что полученные данные по динамическому и темпоральному признаку просьбы, мольбы, требования и требования с угрозой коррелируют с характеристиками данных речевых актов на уровне ЧОТ: «1) просьба представляет собой спокойное высказывание, чей тон поднимается вверх лишь в конце фразы, 2) мольба тоже характеризуется спокойным тоном, однако отмечаются частые перепады, 3) для требования характерен более высокий тон с резким повышением на одной из ключевых точек, после прохождения которого тон постепенно падает, 4) требование с угрозой представляет из себя тоже самое требование, которое повторяет контуры его движения с несущественными отличиями. Однако тон требо-

вания с угрозой более плавный» [11, с. 229].

Заключение

Проведенное экспериментально-фонетическое исследование с применением комплексного анализа, включающего в себя слуховой, акустический и математико-статистический, показало, что речевые акты, представляющие одну из форм побудительных высказываний, – просьба, мольба, требование и требование с угрозой – дифференцируются на уровне просодии, а именно по динамическому и темпоральному признаку. Анализ позволил выявить набор индивидуальных просодических признаков характерных для каждого иллокутивного акта.

Просьба представляет собой мягкое высказывание, которое выражается в отсутствии резких перепадов громкости и темпа на протяжении развертывания всего высказывания. В отличие от просьбы мольба более вариативна – перепады становятся более резкими и находятся на разных уровнях, что объясняется эмоциональной составляющей данного речевого акта. Для требования как для авторитарного высказывания характерно увеличение громкости на первом ударном и ядерном слогах. Причем динамические признаки требования в ключевых слогах коррелируют с темпоральными. Акцентирование интенсивности и длительности в ритмическом корпусе свидетельствует о важности высказывания и его незамедлительном выполнении. У требования с угрозой наблюдаются идентичные признаки, что и у требования. Однако требование с угрозой отличается большей вариативностью по темпоральному признаку. На уровне громкости требование с угрозой представляет наиболее тихое высказывание, что говорит о крайней степени авторитарности говорящего и его уверенности в том, что данное требование будет выполнено, так как в случае невыполнения могут наступить негативные последствия для слушающего в виде каких-либо санкций.

Предполагается, что полученные данные и их лингвистическая интерпретация повысят шансы на более точное распознавание речевых актов побудительной направленности, что в результате будет способствовать достижению коммуникативной цели. Это может быть использовано в синтезе речи – в моделировании побудительных речевых актов.

Полученные результаты могут быть использованы в области фонологии, экспериментальной и прикладной лингвистики, выступать в качестве обучающего материала во время аудиторных занятий по фонетике, а также представлять интерес для криминалистов при проведении фоноскопической судебной экспертизы.

Литература

1. Motsch W. Illokutionstypen und sprachliche Äußerungen // Sprache und Pragmatik. Arbeitsberichte Nr. 34, 1994. P. 4 – 17.
2. Ершова Н.Б. Просодические характеристики иллокутивных актов (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002. 162 с.
3. Петрова Е.Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике // Вестник ВГУ. Серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 3. С. 124 – 133.
4. Григорьев Е.И., Карандеева Л.Г. Особенности реализации речевого воздействия в процессе устной коммуникации // Казанская наука. 2018. № 4. С. 57 – 63.
5. Григорьев Е.И. Прагматический аспект речевой просодии (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1996. 50 с.
6. Карандеева Л.Г. Ситуативно обусловленная вариативность просодических характеристик директивных иллокутивов (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 201 с.
7. Деркач А.К. Культурно-специфические характеристики просодии директивных высказываний: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 162 с.
8. Бурашникова О.Е. Просодические характеристики истинных и неистинных оценочных иллокутивов (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. М., МГИМО, 2008. 181 с.
9. Беленикина Л.Н. Фоностилистическая вариативность просодических характеристик иллокутивных актов сентенциативного типа (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. М., МГИМО, 2011. 169 с.
10. Надеина Т.М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 428 с.
11. Грошев Д.В. Речевой акт "директив" (мольба, просьба, требование и требование с угрозой) как иллокутивный концепт с дифференцирующими признаками // Вестник Тверского государственного университета. 2021. № 4 (71). С. 224 – 230.
12. Башкина Б.М., Бухтилов Л.Д. Физические параметры просодии речи и их измерение. Минск, 1977. 61 с.
13. Essen O. von. Hochdeutsche Satzmelodie // Ztf. für Phonetik. 1956. Bd. 9. Hft.1. P. 75 – 85.

References

1. Motsch W. Illokutionstypen und sprachliche Äußerungen. Sprache und Pragmatik. Arbeitsberichte Nr. 34, 1994. P. 4 – 17.
2. Ershova N.B. Prosodicheskie harakteristiki illokutivnyh aktov (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2002. 162 s.
3. Petrova E.B. Katalogizacija pobuditel'nyh rechevyh aktov v lingvisticheskoj pragmatike. Vestnik VGU. Serija: «Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija». 2008. № 3. S. 124 – 133.
4. Grigor'ev E.I., Karandeeva L.G. Osobennosti realizacii rechevogo vozdejstvija v processe ustnoj kommunikacii. Kazanskaja nauka. 2018. № 4. S. 57 – 63.
5. Grigor'ev E.I. Pragmaticheskij aspekt rechevoj prosodii (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka): avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk. M., 1996. 50 s.
6. Karandeeva L.G. Situativno obuslovlennaja variativnost' prosodicheskikh harakteristik direktivnyh illokutivov (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2006. 201 s.
7. Derkach A.K. Kul'turno-specificheskie harakteristiki prosodii direktivnyh vyskazyvanij: dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2007. 162 s.
8. Burashnikova O.E. Prosodicheskie harakteristiki istinnyh i neistinnyh ocenocnyh illokutivov (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk. M., MGIMO, 2008. 181 s.
9. Belenikina L.N. Fonostilisticheskaja variativnost' prosodicheskikh harakteristik illokutivnyh aktov sentenciativnogo tipa (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk. M., MGIMO, 2011. 169 s.
10. Nadeina T.M. Prosodicheskaja organizacija rechi kak faktor rechevogo vozdejstvija: dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2004. 428 s.

11. Groshev D.V. Rechevoj akt "direktiv" (mol'ba, pros'ba, trebovanie i trebovanie s ugrozj) kak illokutivnyj koncept s differencirujushhimi priznakami. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 4 (71). S. 224 – 230.
12. Bashkina B.M., Buhtilov L.D. Fizicheskie parametry prosodii rechi i ih izmerenie. Minsk, 1977. 61 s.
13. Essen O. von. Hochdeutsche Satzmelodie. Ztf. für Phonetik. 1956. Bd. 9. Hft.1. P. 75 – 85.

**DIFFERENCES OF INCENTIVE PHRASES AT THE LEVEL OF
PROSODY (EXPERIMENTAL AND PHONETIC RESEARCH ON THE
MATERIAL OF THE MODERN GERMAN LANGUAGE)**

*Groshev D.V., Postgraduate,
Russian State Social University*

Abstract: the process of perception and decoding of oral utterances remains one of the little-studied phenomena in linguistics. The need to find the distinctive features of speech acts belonging to incentive utterances is determined by the importance of their correct perception, which determines the success of all communication. Incorrect perception of the speech act, otherwise, can lead to an undesirable result expressed in the complete destruction of the communicative goal. Incentive utterances are understood as utterances aimed at getting the addressee to perform or stop the action. Incentive utterances come in many forms. This article discusses four such forms – a request, an entreaty, a demand, and a threatening demand. Prosody is a tool that can find out distinctive features of speech acts in an oral utterance. In order to discover the distinctive features of speech acts, an experimental and phonetic study was carried out, in which intensity and duration acted as differentiating parameters. The research methodology is a complex analysis: auditory, acoustic and mathematical-statistical. The study showed that each speech act related to an incentive utterance has a set of prosodical features typical of it, allowing them to be recognized as different variants of the same speech act. The conducted experiment confirmed that a request, a demand, an entreaty and a threatening demand differ at the level of prosody. The results of the study can be applied in the field of phonology, experimental and applied linguistics and be of interest to criminologists when conducting phonoscopic forensic examination. In addition, the results can be used in phonetics classes as a teaching material.

Keywords: incentive utterance, prosody, speech act, intensity, duration, experimental and phonetic research

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЕЧЕНИЕ» В АНГЛИЙСКОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*Довгер О.П., кандидат педагогических наук, доцент,
Алябьева А.А.,
Курский государственный медицинский университет*

Аннотация: *цель* данной статьи заключается в исследовании вопросов, касающихся проблемы вербализации концепта «лечение» в английском медицинском дискурсе. *Актуальность и новизна* настоящего исследования определяется несомненной значимостью изучаемого концепта в медицинском дискурсе. Концепт «лечение» включает основополагающие лексические единицы для медицинского лингвистического пространства, т.к. основная цель медицинской помощи – лечение и профилактика заболеваний. Однако, несмотря на всю важность данного концепта, особенности употребления лексем, формирующих его когнитивные слои, в англоязычном медицинском дискурсе остаются малоисследованы. В медицинской терминологии многие понятия зачастую включают в себя несколько вариаций синонимичных обозначений, поэтому дифференцирование данных лексических единиц между собой и изучение специфики их употребления вызывает значительный интерес в современной лингвистике.

Представленная работа анализирует дискурсивные параметры концепта «лечение» в рамках рассматриваемой лексико-семантической группы. Авторы рассматривают наиболее употребляемые лексические единицы в лексико-семантическом ряду концепта «лечение»: «treatment», «management», «therapy», «cure». Компаративный анализ данных лексем в рамках концепта «лечение» в современном английском медицинском дискурсе позволил сделать вывод, что интерпретация представленных лексических единиц полностью зависит от вариаций контекста, т.е. от «активированной» области концептуальной структуры, что, в свою очередь, обосновывает необходимость учитывать когнитивные, семантические, коннотативные и прагматические аспекты их употребления. Кроме того, авторы определяют концепт «лечение» в лингвокультурном пространстве в зарубежной лингвистике с позиций языковых фреймов и гештальт-концепта.

Ключевые слова: концепт, лексема, медицинский дискурс, вербализация, семантический признак, лингвокультурное пространство, дефиниция, фрейм, компаративный анализ, лексико-семантическая группа

Введение

Большинство исследований, посвященных изучению дискурса определяют его как связное высказывание, подверженное прагматическим, социокультурным, экстралингвистическим факторам, т.е. дискурс представляет собой комплексную деятельность, опосредованную речью. Большое внимание в трудах современных как российских, так и зарубежных лингвистов, исследующих дискурс, уделяется когнитивному подходу [1, 2, 3]. В. Заботкина полагает, что когнитивно-дискурсивный подход в современной лингвистической науке базируется на необходимости анализа языковых единиц с точки зрения их единства и тесного взаимодействия [4]. По своей сути дискурс является когнитивным феноменом, нацеленным на передачу, обработку и создание информации. В свою очередь, медицинский дискурс может дефиницироваться как коммуникативно-речевой уровень реализации профессиональной культуры медицинских работников, который отражает духовные ценности и законы профессионального сообщества, цели и задачи социокультурных практик и особенности профессиональной деятельности его членов [5]. Вышеназванная дефиниция указывает на важность проблемы успешной коммуникации в рамках взаимодействия врач-врач и врач-пациент, особенно в условиях доминирующей и укрепляющей свои позиции пациент-

центрированной модели. Этим объясняется интерес лингвистов касательно темы данной статьи. Один из наиболее значимых аспектов медицинского дискурса заключен в области номинации, поскольку почти все лингвистические единицы пространства медицинского дискурса имеют аналогии латинского или греческого происхождения.

Актуальность выбора темы основана на практической значимости дискурсивных исследований в современной лингвистике и нарастающем темпе процессов глобализации в медицине, а также возросший интерес к проблемам лечения в свете пандемии Covid-19. Как результат, англоязычная речь оказывает значительное влияние на формирование медицинского лингвистического пространства.

Целью исследования является изучение особенностей употребления лексических единиц, формирующих когнитивные слои англоязычного концепта «лечение» в англоязычном медицинском дискурсе.

Методология

В ходе исследования использованы русско- и англоязычные публикации, словари Cambridge Dictionary, Oxford и поисковая система ReversoContext; проведен контекстный анализ ряда лексико-семантических единиц, входящих в лексико-семантическую группу концепта «лечение»: treatment, management, cure, healing.

Результаты

В рамках когнитивной лингвистики понятие концепта объективизируется как особое понятие, определяющее знания, репрезентируемые в профессиональном дискурсе.

Концепт как дискретное ментальное образование имеет определенную, но достаточно лабильную структуру: он состоит из концептуальных единиц, которые образуют слои – базовый (ядро) и дополнительные когнитивные слои, отражающие в процессе вербализации коллективное сознание. Приверженцы лингвокультурного подхода к определению понятия «концепт» (Ю.С. Степанов, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, др.) [6, 7, 8] считают, что его структура представляет собой образование, центр которого выражается основным общепринятым значением и однокоренными словами; второй концептуальный слой имеет тесную смысловую связь с ядром и реализует семантический потенциал; периферия, отражающая ассоциации, лингвокультурные коннотации, сформулированные во фразеологические единицы, и т.п. Широко известная Волгоградская лингвистическая школа определяет понятие концепта как «ментальное вербализуемое в социуме образование, состав которого формируют понятийная, образная и ценностная составляющие» [9, 10].

Концепт является семиотическим конструктом, обладая образом, понятием и значением, и характеризующийся признаками гетерогенности и многофункциональности. Смысловая интерференция различных концептов приводит к постоянной их модификации, которая, предполагает, что интерпретация концептуальных конструктов подвержена, главным образом, влиянию окружающего нас мира, и безграничности познания.

Структура концепта, по определению, не может быть жесткой, т.к. основным условием «жизнеспособности» концепта является его постоянное нахождение в концептуальной сфере. Ментальные характеристики явления определяют концептуальный конструкт и образуют его понятийную сферу.

Точность информации выступает важным системообразующим признаком медицинского дискурса и условием успешности коммуникации, реализуемым преимущественно врачом. Точность имеет такие характерные дискурсивные проявления, как лаконичность выражения и шаблонность основных дискурсивных формул [5]. В медицинской терминологии нередко можно обнаружить, что некое понятие включает в себя несколько вариаций синонимичных обозначений, в связи с чем возникает потребность в дифференцировании между собой данных лексических единиц.

Обсуждение

Ядром, базисным слоем концепта «лечение»

выступает понятие «therapy» - лечение, терапия. Значение данной лексемы практически идентично во всех словарных статьях англоязычных словарей - «the treatment of a physical problem or an illness excluding surgery». Употребление различных лексем исследуемого концепта, в частности «treatment», «management», «cure», «healing» рассматривается в контексте, предложенном авторами англоязычных словарей и публикаций.

Наиболее универсальными лексическими единицами концепта «лечение» являются лексемы “treatment” и “management”, которые представляют наибольший интерес для исследования, так как часто вызывают затруднения с точки зрения их корректного использования в пространстве медицинского дискурса.

Лексема «treatment» дефинируется англоязычными толковыми словарями как «the way you deal with or behave towards someone or something» – способ, при помощи которого Вы обращаетесь к кем-то или ведете себя по отношению к кому-то (зд. и далее перевод авторов). Второе когнитивное значение данной лексемы – лечение, направленное на улучшение состояния больного и включающее использование лекарств, медикаментов, физические упражнения, терапию, хирургию и другое. Оно может как привести, так и не привести к полному выздоровлению [11].

She's receiving treatment for a lung infection. – Она проходит лечение от легочной инфекции [12].

Beyond that, the FDA has also authorized treatments that may be used for people who have been hospitalized with COVID-19 and other medications to curb the progression of COVID-19 in people who are not hospitalized but who are at risk for developing severe illness. Scientists continue working hard to develop other effective treatments [13].

Insulin is an effective treatment for people with diabetes. – Инсулин является эффективным средством лечения для людей, страдающих диабетом [12].

Следовательно, лексема «treatment» используется в случаях, когда необходимо сделать акцент на предоставлении больному необходимых лекарственных средств и терапевтических приемов для его биологического излечения.

Анализируя лексему «management», необходимо обратить внимание, что ее основное когнитивное значение – «управление» [11, 12]. Опираясь на данный факт, можно предположить, что в концепции «лечение» данный термин употребляется в более широком смысле и означает общую стратегию, включающую различные аспекты до, после и в момент основного лечения (план операции, подбор и назначение препаратов, физиотерапия, юридический контроль, эмоциональная поддержка и

др).

Correct case management needs to be established at all health facilities, both government and private. – Надлежащее лечение должно назначаться во всех медицинских учреждениях – как государственных, так и частных [12].

The prevention and management of abortion complications is the concern. – Предотвращение и лечение последствий аборт вызывает определенные проблемы [11].

Therapeutic Management of Hospitalized Adults With COVID-19 – Лечение пациентов, госпитализированных с Covid-19 [13].

Таким образом, основное различие между лексемами «treatment» и «management» заключается в том, что «» является лексической единицей, узальное поле которого включает в себя не только терапевтическое лечение болезни в его физическом аспекте (treatment), но и управление психическим состоянием заболевшего (management). Например, на сайте Гарвардского университета, посвященного различным аспектам лечения коронавирусной инфекции, есть несколько статей по проблемам психического здоровья пациентов с Covid-19: “a variety of stress management techniques” [13].

Кроме того, компаративный анализ коллокативных конструкций, образованных с помощью обоих лексических единиц с целью их более точной дифференциации показывает, что лексема «» имеет гораздо обширный ряд подобных сочетаний. По-видимому, аспект правильно подобранных методов лечения занимает несколько более в медицинском дискурсе, по сравнению с эмоциональным и психологическим состоянием больного: “urgent treatment”, “hospital treatment”, “follow-up treatment”, “surgical treatment”, “dietary treatment” “treatment staff”, “management protocol”, “management team”.

Следующая лексема «cure» трактуется в словарях, как «исцеление» или «лекарство». В данном случае следует говорить о непосредственном участии медицинских работников и применении медикаментов, ведущих к выздоровлению [11].

Today doctors can cure many serious diseases that could not be cured in the past. – Сегодня врачи умеют лечить многие серьезные болезни, которые нельзя было вылечить в прошлом [13].

We were testing a genetically engineered virus that would provide a single cure for all forms of flu. – Мы тестировали генетически спроектированный вирус, который смог бы обеспечить единственное лечение для всех форм гриппа [12].

Лексическая единица «Healing» употребляется в тех случаях, когда речь идет о возвращении человека в здоровое, нормальное состояние, и может

подразумевать под собой естественное исцеление, заживление [11, 12].

Scarring and healing suggests the removal occurred at least six months ago. – Рубцы и заживление указывают на то, что удаление произошло по крайней мере 6 месяцев назад [11].

Aspirin and other NSAIDs, such as ibuprofen, may delay the healing of skin wounds. – Аспирин и другие НПВС, такие как ибупрофен, могут задерживать заживление кожных ран [13].

He never would have tried alternative healing. – Он никогда не пробовал альтернативное лечение [13].

Приведенные лексико-семантические единицы формируют второй когнитивный слой концепта «лечение», образующие тесные коннотационные связи с ядром.

Если попытаться рассмотреть концепт «лечение» в лингвокультурном пространстве с позиций зарубежных лингвистов, можно обнаружить некоторые отличия в интерпретации самой сущности термина «концепт». Известный специалист по когнитивной лингвистике В. Эванс (Vyvyan Evans) предлагает довольно необычную модель построения концепта с точки зрения лексических единиц и выражений в рамках дискурса. С точки зрения ученого когнитивные пласты зависят от языковых единиц, так как последние активируют определенные области концепта под влиянием определенных дискурсивных ситуаций и условий. И таким образом, ситуативная интерпретация «рождает» смысловую составляющую языкового конструкта.

В. Эванс определяет концепт как «семантический полюс символической единицы, сгусток языковой информации». При этом концепты играют роль связующего звена между лексическими единицами и экстралингвистической реальностью. Культурная ценность явлений определяется количеством языковых единиц, которые, в свою очередь, образуют концепты, существующие в реальной ментальности носителя языка. Для того, чтобы реализовать концепты в речи, их необходимо вербализовать, т.е. выразить языковыми средствами через единичные лексические единицы, предложения или даже тексты. Выбор формы определяется личностным смыслом и связанной с ним ментальной репрезентацией [14].

Семантическая композиция, соединяя между собой лексический и концептуальный уровни, включает механизмы отбора лексического концепта (lexical concept selection) и слияния (fusion). Так, интерпретация лексической единицы активирует первичные (центральные) и вторичные (периферийные) когнитивные модели [15]. Такой подход позволяет не фиксировать лексем в конкретном когнитивном слое, а оценить их положение и ин-

терпретировать в соответствии с определенными вариациями контекста, т.е. в зависимости от «активированной» области концептуальной структуры.

Примеры употребления «therapy»:

So, what brings you in to therapy? – Итак, что привело Вас на консультацию [16]?

On October of 2001 I stopped Antineoplaston therapy altogether. – В октябре 2001 я полностью прекратила лечение Антинеопластонами [16].

Примеры употребления «cure»:

It means Thomas' cells contain the blueprint for a cure. – Это означает, что клетки Томаса содержат наш шанс на излечение [12].

The only cure is to go and get out there, alone. – Единственное излечение – уйти и быть одному [16].

Еще одна теория зарубежного лингвиста Ч. Филлмора объясняет значение лексических единиц с позиции их отношения с общепринятым пониманием. Ч. Филлмор использует языковые «фреймы», т.е. слова или словосочетания, понимание которых обуславливается пониманием всех частей концепта [17]. Филлмор систематизирует когнитивную составляющую языковых единиц: активация фрейма, выдвижение на первый план фрейма-кандидата и конкуренция фреймов [18].

Еще одной признанной зарубежной теорией концепта выступает гештальт-концепт. Проблемой гештальт-структуры в когнитивной лингвистике занимался Дж. Лакофф. Гештальт репрезентирует чувственные и рациональные элементы опыта, динамические и статические характеристики отображаемого объекта или явления. В гештальте сочетаются фреймы и другие понятия когнитивной лингвистики (схемы, сценарии) [19]. Лингвисты и психологи, занимающиеся анализом гештальта в концепте, рассматривают его как форму профессионального выражения и выделяют 4 основных признака: 1) точность рисунка; 2) метафоричность; 3) структурный подход; 4) верхняя подытоживаемость (итог отделяется от основного смысла) [20].

Выводы

В ходе исследования выяснена структура самого понятия «концепт» как семантического потенциала слова вместе с его коннотативными элементами, рассмотрены теории концепта в зарубежной лингвистике, а также эксплицированы примеры употребления англоязычных лексем, объединенных в концепт «лечение». С когнитивно-прагматической позиции исследование концептов в медицинском дискурсе представляется нам чрезвычайно важным, так как помогает решить определенные коммуникативные цели применительно к обработке информации и созданию новых знаний. Вербальная презентация концепта «лечение»

способствует углубленному пониманию смысловыражающих единиц языка с их семантическими отношениями между собой, что в свою очередь повышает качество коммуникации в рамках медицинского дискурса.

Литература

1. Dijk T.A. van. Discourse and power. Palgrave Macmillan, 2008.
2. Malyuga E.N., Tomalin B. Communicative strategies and tactics of speech manipulation in intercultural business discourse // Training language and culture. 2017. Vol. 1. № 1. P. 28 – 47.
3. Gotti M., Salager-Meyer F. (Eds.). Advances in medical discourse analysis: Oral and written contexts. Bern: Peter Lang. 2006.
4. Заботкина В.И. Когнитивная парадигма как основа преподавания языковых дисциплин // Вестник МГУ. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 52 – 60.
5. Косицкая Ф.Л., Матюхина М.В. Английский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник ТГПУ. 2017. № 6 (183). С. 45.
6. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. Москва: Знак, 2012.
7. Титова Ю.В. Структура концепта и методы его описания // Вестник Ульяновского государственного технического университета, 2010. № 4 (52). С. 16 – 21.
8. Шулятиков И.С. Термин «концепт» в современной лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2015. № 12. С. 98 – 102.
9. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75 – 80.
10. Карасик В.И. Семиотическое моделирование дискурса // Язык. Текст. Дискурс. 2019. № 17. С. 6 – 22.
11. Большой оксфордский толковый словарь английского языка Oxford school dictionary: 45000 слов и выражений / под ред. А. Деллаханти и Ф. Макдональда. М.: Астрель, 2005. 807 с.
12. McIntosh Colin, Cambridge Advanced Learner's Dictionary 4Ed НВ. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии: Cambridge University Press, 2013. 1844с.
13. Harvard health publishing: Harvard medical school – сайт. 2022 URL: <https://www.health.harvard.edu/diseases-and-conditions/treatments-for-covid-19> (дата обращения: 12.02.2022)

14. Evans V. How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning construction. N.Y.: Oxford University Press, 2015. 377 p.

15. Холод Ю.С. Концепт и концептуализация в зарубежной лингвистической парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018. № 6. С. 173 – 176.

16. ReversoContext: сайт. 2013. URL: <https://context.reverso.net/> (дата обращения: 01.04.2022)

17. Fillmore Ch.J. Frames and the semantics of understanding. Quaderni di Semantica. 1985. Vol. 6. № 2. P/ 222 – 254.

18. Зокирова Д.Б. Когнитивная семантика как новое лингвистическое направление // Молодой ученый. 2021. № 3 (345). С. 400 – 402. URL: <https://moluch.ru/archive/345/77724/> (дата обращения: 25.11.2021)

19. Гордеева Е.А. Ментальные структуры в лингвокогнитивной парадигме // Международный исследовательский журнал. 2021. № 7. С. 33 – 37.

20. Новрузова С.В. Гештальт как один из типов концептов // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 266 – 269.

References

1. Dijk T.A. van. Discourse and power. Palgrave Macmillan, 2008.

2. Malyuga E.N., Tomalin B. Communicative strategies and tactics of speech manipulation in intercultural business discourse. Training language and culture. 2017. Vol. 1. № 1. P. 28 – 47.

3. Gotti M., Salager-Meyer F. (Eds.). Advances in medical discourse analysis: Oral and written contexts. Bern: Peter Lang, 2006.

4. Zobotkina V.I. Kognitivnaja paradigma kak osnova prepodavaniya jazykovyh discipline. Vestnik MGU. Serija 19, Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. 2014. № 2. S. 52 – 60.

5. Kosickaja F.L., Matjuhina M.V. Anglijskij medicinskij diskurs v sfere professional'noj kommunikacii. Vestnik TGPU. 2017. № 6 (183). S. 45.

6. Kubrjakova E.S. V poiskah sushhnosti jazyka: kognitivnye issledovanija. Moskva: Znak, 2012.

7. Titova Ju.V. Struktura koncepta i metody ego opisaniya. Vestnik Ul'janovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta, 2010. № 4 (52). S. 16 – 21.

8. Shuljatikov I.S. Termin «koncept» v sovremennoj lingvistike. Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2015. № 12. S. 98 – 102.

9. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovanija. Metodologičeskie problemy kognitivnoj lingvistiki: Sb. nauch. tr. Pod red. I.A. Sternina. Voronezh: VGU, 2001. S. 75 – 80.

10. Karasik V.I. Semiotičeskoe modelirovanie diskursa. Jazyk. Tekst. Diskurs. 2019. № 17. S. 6 – 22.

11. Bol'shoj oksfordskij tolkovyj slovar' anglijskogo jazyka Oxford school dictionary: 45000 slov i vyrazhenij. pod red. A. Delahanti i F. Makdonal'da. M.: Astrel', 2005. 807 s.

12. McIntosh Colin, Cambridge Advanced Learner's Dictionary 4Ed HB. Soedinennoe Korolevstvo Velikobritanii i Severnoj Irlandii: Cambridge University Press, 2013. 1844s.

13. Harvard health publishing: Harvard medical school – sajt. 2022 URL: <https://www.health.harvard.edu/diseases-and-conditions/treatments-for-covid-19> (data obrashhenija: 12.02.2022)

14. Evans V. How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning construction. N.Y.: Oxford University Press, 2015. 377 p.

15. Holod Ju.S. Koncept i konceptualizacija v zarubezhnoj lingvisticheskoj paradigme. Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2018. № 6. S. 173 – 176.

16. ReversoContext: sajt. 2013. URL: <https://context.reverso.net/> (data obrashhenija: 01.04.2022)

17. Fillmore Ch.J. Frames and the semantics of understanding. Quaderni di Semantica. 1985. Vol. 6. № 2. P. 222 – 254.

18. Zokirova D.B. Kognitivnaja semantika kak novoe lingvističeskoe napravlenie. Molodoy uchenyj. 2021. № 3 (345). S. 400 – 402. URL: <https://moluch.ru/archive/345/77724/> (data obrashhenija: 25.11.2021)

19. Gordeeva E.A. Mental'nye struktury v lingvokognitivnoj paradigme. Mezhdunarodnyj issledovatel'skij zhurnal. 2021. № 7. S. 33 – 37.

20. Novruzova S.V. Geshtal't kak odin iz tipov konceptov. Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2020. T. 9. № 1 (30). S. 266 – 269.

**VERBALIZATION OF THE CONCEPT "THERAPY" IN ENGLISH
MEDICAL DISCOURSE. LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS**

*Dovger O.P., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Alyabeva A.A.,
Kursk State Medical University*

Abstract: the aim of this article is to investigate the issues concerning the problem of verbalization of the concept "treatment" in the English medical discourse. The relevance and novelty of the present study is determined by the undoubted importance of the studied concept in medical discourse. The concept "treatment" includes fundamental lexical units for medical linguistic space, as the main purpose of medical care is treatment and prevention of diseases. However, despite the importance of this concept, the peculiarities of the use of lexemes that form its cognitive layers in the English-language medical discourse remain understudied. In medical terminology many concepts often include several variations of synonymous denotations, therefore the differentiation of these lexical units between each other and the study of the specificity of their use is of considerable interest in modern linguistics.

The presented work analyzes the discursive parameters of the concept "treatment" within the considered lexico-semantic group. The authors consider the most used lexical units in the lexical-semantic row of the concept "treatment": "treatment", "management", "therapy", and "cure". Comparative analysis of these lexemes within the concept "treatment" in modern English medical discourse allowed to conclude that the interpretation of the presented lexical units fully depends on the variations of context, i.e. on the "activated" area of conceptual structure, which, in its turn, substantiates the need to consider cognitive, semantic, connotative and pragmatic aspects of their usage. In addition, the authors define the concept "treatment" in the linguistic and cultural space in foreign linguistics from the perspective of linguistic frames and the Gestalt concept.

Keywords: concept, lexeme, medical discourse, verbalization, semantic feature, linguocultural space, definition, frame, comparative analysis, lexical-semantic group

СИСТЕМА ОБРАЗОВ РАССКАЗА К. МЭНСФИЛД «THE BLISS» КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «АВТОРСКОГО МИРОВИДЕНИЯ»

*Маерова Л.В., аспирант,
Коробчак В.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Армавирский государственный педагогический университет*

Аннотация: статья посвящена рассмотрению ведущих языковых и содержательных аспектов лингвостилистического анализа, участвующих в создании художественных образов произведения «The Bliss». Цель исследования заключается в интерпретации рассказа, ввиду экстралингвистических границ, созданных автором произведения. Исследуемый концепт рассматривается на материале малой прозы К. Мэнсфилд, объективно выражающей свою позицию реалий эпохи сквозь труды наследия.

Художественный текст компетентно отражает косвенную картину мира, с точки зрения парадигматической позиции автора, вследствие считается актуальным выделение текстовых концептов, соединенных с персоналистическим содержательным смыслом. Индивидуально-авторские концепты являются объектами вторичной действительности, абсорбирующиеся исследователем на основе сопоставления репрезентированных представлений автора, создаваемой в тексте художественного произведения, с объектами реальной действительности, зафиксированными в культуре на концептуальном уровне.

В работе использовались следующие методы: синтез, дефиниционный анализ; контекстуальный анализ; интерпретативный анализ. Материал может быть использован в процессе изучения особенностей влияния экстралингвистических параметров на стиль написания рассказов эпохи К. Мэнсфилд. Результаты исследования могут найти применение в учебных курсах по стилистике, интерпретации текста.

Ключевые слова: текст, концепт, авторское мировидение, наследие К. Мэнсфилд

Индивидуально-авторская концепция художественного текста неизменно считается одним из ключевых предметов научного исследования лингвистики и эстетики. Анализ концептуального смысла текста изменил направление изучения произведений авторов от истинно стилистического использования языковых единиц до принятия во внимания аспектов когнитологии и антропологической лингвистики. Возможность к изучению и выделению частной картины мира создателя художественных произведений стало актуальным ввиду структуризации концептов. Ценностная идеология времени материализуется путем передачи информационного концепта субъективного участника процесса – писателя.

Термин «концепт» относительно молод в системе предметов исследования современных лингвистов, включен в свод базовых понятий, благодаря работам таких исследователей, как (Апресян 2000; Булыгина 1997, Карасик 1996, 2004; Красавский 2001; Красных 2002, Кубрякова 1998, Попова, Стернин 2000; Митрофанова 2003; Черкасова 2005 и др.), в конце XX – начале XXI столетий включенное в определение семиотических понятий, сложившихся в языке. Так, И.Р. Гальперин впервые указывает на обособленный характер предметно – концептуальной составляющей произведения, при определении понятия принимая во внимание воззрение писателя на действительность эпохи и трансляцию при помощи стилистических языковых средств, которые необходимо подвергать анализу при рассмотрении текста с позиции лингвистики [4, с. 28]. В свою очередь, А.

Вежбицкая, термин концепт определяет через объективизацию духовного и совершенного, воссоздающий культурно обусловленные представления человека о действительном мире [2, с. 57]. В.И. Карасик выделяет миропонимание автора как, целостную совокупность образов действительности в коллективном сознании, в свою очередь пропущенную автором через глубину эмотивного отношения, именуя ее моделью «ценностной картины мира» [5, с. 117]. Таким образом, конкретизируя факт, что индивидуальный образ предметной действительности в первую очередь накладывает отпечаток в сознании автора, после формулируется посредством творчества в произведениях. Основоплагающие категории текста, обуславливающие действительность субъективного образа, служат ресурсами чувственного понимания художественного текста.

В художественном тексте все подчинено идеалу автора, и образы, и персонажи, определяемые как основополагающие категории, являются носителями объективного и субъективного, служат ключами для восприятия эмотивного пространства текста [2]. В данном исследовании мы опираемся на классификацию экстралингвистических параметров текста, предложенную Л.Г. Бабенко, учитывая трехкомпонентную взаимосвязанную систему существования концепта, учитывая не только актуальную действительность в окружении автора на момент создания произведения, так же и жизненный путь, и уровень культуры. Необходимость при лингвистическом анализе учитывать экстралингвистические параметры текста, обу-

словлено функцией передачи автором посредством литературно-художественных произведений, «коллективной культурной памяти» [2, с. 276]. Интересен и тот факт, что реальность в произведении, согласно Л.Г. Бабенко, проходит красной нитью через все уровни текста, и фиксирует совокупность особенностей времени путем создания особого лексического и грамматического строя, задающего эмоциональный оттенок произведения.

В свою очередь, исследователь с противоположной стороны произведения, воспринимая и интерпретируя работу автора, ищет «ключи» к пониманию, учитывая особенности периода написания, сквозь призму экстралингвистических границ текста.

Каждое художественное произведение имеет место прецедентности, и в данном случае интегративными явлениями представляются художественные образы в прозе, являющиеся производными автобиографических факторов создателя текста. Плодотворное существование первичной идеи во вторичной и обуславливает авторский, индивидуальный метод понимания мира. Составляющие не расторгимы, следовательно и содержание текста поистине не может быть обособленно, анализирующий текст читатель должен принять во внимание иную сторону лингвистического разбора текста.

Рассмотрим внутренний концепт авторского мировидения К. Мэнсфилд, с учетом экстралингвистических аспектов анализа произведения на примере работы малой прозы «The Bliss». Всесторонний анализ возможен лишь сквозь рассмотрение призмы биографии писательницы, итак, Кэтрин Мэнсфилд – яркая фигура в английской литературе XX в., ее творчество заметно выделялось в английской прозе начала века. Ввиду особенности эпохи – беспощадной борьбы реалистического и психологического направлений в английской прозе, личных качеств новатора и протестанта бытия современности, не побоялась заявить о противоречиях и классовых феноменах в сентименталистских произведениях того времени. Детство и юность Кэтрин выпала на эпоху расцвета буржуазного общества, разрозненность нравственных ценностей представителей оппозиционных классов. Несмотря на то, что писательница принадлежала к «высшему» сословию ей были не понятны и чужды эгоизм, фальшь и пафос к неравным по состоянию людям; она тяготеет к внутренним качествам людей, видит душевные качества, а не финансовые.

В своих работах автор объективно изображает повседневную жизнь обычных людей разных классов общества, короткие рассказы наполнены

легкостью, прозрачностью, в которых можно пронаблюдать радость и огорчения, а так же личную позицию писательницы. Реалии эпохи раскрываются не через прямой авторский комментарий, а путем постоянного сопоставления психологических переживаний героев с жизненным опытом.

Особенность художественных образов рассказа складывается при помощи образных троп и фигур речи, так же использованием языковых единиц разного уровня, являющимися средством выражения фабулы и метасодержания. Настроение и тональность текста «Блаженство» создается тщательно подобранными языковыми средствами, литературными тропами. Создавая образ героини, описывая ее отношения с другими персонажами, К. Мэнсфилд вкладывает часть из своей собственной жизни – супружеской и общественной. Автор использует прием метафоричного заглавия истории, что задает особый тон содержанию произведения с самого начала повествования, делавший более осязаемой главную тему текста. Еще один прием, к которому обращается писатель – употребление говорящих фамилий главных героев и гостей. Фамилия у четы главных героев, например, указывает на постоянную детскую произвольность главной героини, она «перепрыгивает» от одной мысли к другой, без привязанности к обыденности взрослой, зрелой женщины, она боится признания обдуманности в поступках, считая это признаком, делающим мир грустным для нее «She hardly dared to look into the cold mirror – but she did look...» [10]. История написана от третьего лица, и Мэнсфилд использует важный прием, известный как свободная косвенная речь, чтобы дать нам представление о мыслях инфантильной героини произведения. Лучезарные метафоры «bright, glowing, sparkl...», она находится всегда в движении, проявляя черты детского непринужденного поведения, внутренний диалог Берты и переклик автора с читателем остаются открытыми на протяжении всего рассказа. Настроение главной героини репрезентуется путем использования сравнений «the blue bowl to float in the air», аллегорий и олицетворений предметов «the lovely pear tree with its wide open blossoms as a symbol of her own life», окружающих Берту. Порывистость настроения передается повтором инверсионных оборотов в описании чувств, с помощью вставных конструкций: «How idiotic civilisation is!; How absurd it was; Down she flew...» [10]. Употребление значительного количества восклицательных выражений так же является экспрессивными маркерами описания главных героев, так например, «Absurd!» Так как ее «настоящие» чувства лишь подвержены правилам поведения общества, их нельзя выражать открыто «she did not dare to. She stood watching them, her hands

by her side, like the poor little girl...», « She only wanted to get in touch with him for a moment. She couldn't absurdly cry» [10]. К. Мэнсфилд осуждала элиту своей эпохи за ложность чувств, подobaющих нормам в обществе, впоследствии многие героини рассказов за это несли эмоциональный ущерб. Антитеза так же показывает конфликтность статуса «счастья» современных аристократов: «I'm too happy – too happy!»... восклицание Миссис Янг, далее описывается все богатства и прелести состоятельной жизни молодой пары, но в то же время «she felt quite dizzy», как будто слишком все хорошо, нет никакой новизны и свежести в жизни. Для того, чтобы развлечь себя от обыденной жизни Берта часто устраивает званые ужины, уделяя внимание оформлению своего пространства и подбору гостей. Кэтрин, описывая гостей, так же использует иронические обороты речи, присущие ее легкому стилю написания коротких произведений. Например, в повествовании истории от гостей четы Норманов о маленьком животном в поезде, автор сравнивает саму Mrs. Norman с обезьянкой «she did look like a very intelligent monkey who had even made that yellow silk dress out of scraped banana skins», которая забавляла осужденный ими средний класс. Следующий гость – Eddie Warren, противоположный по настроению хозяйке дома «too – most charming... But how dreadful!», эмоция вновь изображается через антитезу и иронию (упоминание и восхищение предметом гардероба, а не личностью), обесценивая роль фальшивых чувств [10]. Последняя гостья, с не менее говорящей фамилией Mrs. Fulton, описывается создателем рассказа с первых слов так, будто нужно ожидать интриги «she rarely, wonderfully frank..., Miss Fulton, all in silver, with a silver fillet binding her pale blonde hair, came in smiling, her head a little on one side» [10]. Званный ужин состоялся, обсуждая богемные проблемы, главная героиня вдруг почувствовала новые чувства к своему супругу, которого ранее считала другом «For the first time in her life Bertha Young desired her husband», казалось бы она достигла высшего момента счастья, кувшин любви был наполнен. Для выражения этой особенности литератор употребляет вновь восклицательные предложения, используя прием градации эмоционального состояния читателя «now – ardently! ardently!», далее риторические вопросы «Was this what that feeling of bliss had been leading up to?» [10]. Ожидается счастливый и благополучный финал рассказа, но нет – автор меняет повествование резко, совсем в противоположную сторону, минутой позднее после ощущения безграничного счастья Mrs. Young узнает о неверности мужа, с ее так же обожаемой знакомой Miss Pearl Fulton. Конец счастья настает, но о чув-

ствах обманутой супруги автор не говорит прямо, а лишь дает наводку через метафору с прекраснейшим деревом из сада семьи Young «...but the pear tree was as lovely as ever and as full of flower and as still»[10]. Сад ассоциируется с Бертой не только в конце произведения, так, при описании дерева используются эпитеты с положительной коннотацией- perfect, slender, прилагательные в превосходной степени- richest bloom, fullest, что подразумевает сравнение главной героини, с ее идеалистической картиной мира, с так же совершенным деревом «...not a single bud or a faded petal». Берта лишь задает окончательный риторический вопрос во внутреннем диалоге «...what is going to happen now?», который открыт с начала повествования и до последних строк рассказа. Роман, исследующий внутренний мир, порывы души главных героев способен ограничиться лишь стилистически и грамматически выраженным внутренним монологом персонажей, без содействия автора. Очевидно, ввиду правил поведения времени создания рассказа, она не имеет права сказать правду и «разбить иллюзию» абсолютного семейного счастья для окружающего общества. Мэнсфилд разоблачает действия буржуазных марионеток, ниточки поведения которых подвержены замаскированным под высокодуховными, правилами поведения в обществе.

Ключевые слова истории happy, love / fall in love, оформляющие эмотивный окрас речи и внутреннюю речь персонажа, к концу обесцениваются, сменяя состояние эйфории на лишение возвышенных чувств и изменение мировоззрения. Контраст в дискурсивном представлении выявляет отношение писателя, создавая мировоззренческую направленность авторского дискурса, смысловой характер. Базовые слова фактически не имеют определенного положения в художественном тексте, насыщая текст в любой последовательности с точки зрения концептуального и фактологического содержательного уровня текста. Таким образом, композиционная и образная существенность, семантическая значимость, сохраняемая в контексте презентуются как конститутивные признаки идиостиля писателя. Анализ и принятие во внимание такого вида слов и является инструментом интерпретации художественного текста, связующих читателя с категориями мироощущения писателя, выделяя основное содержание в концентрированных участках.

Отметим, динамичный характер национального художественного концепта, определенный идеей времени, событиями из истории и его трансформации в авторских дискурсах работ, обусловленных эпохой создания. Для творчества Мэнсфилд присущ замысел разоблачения эгоистического ми-

ра буржуа, разрушение ложного представления идеальности действительности.

Проанализировав произведение с точки зрения лингвистических особенностей, можно сделать вывод, что экстралингвистические факторы играют существенную роль в образовании настроения и тональности текста, читателю виден идейный замысел автора, с учетом интерпретации эмотивного пространства текста. Автор короткой психологической прозы умело скрывает за маской легкости и непринужденности базовые проблемы общества, и вместе с художественным наследием оставляет особенности жизни эпохи, учитывая коллективную память публики.

Литература

1. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина М., 2007. Т. 1. 352 с.
2. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: УрГУ, 2000. 532 с.
3. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997. 574 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: URSS, 2016. 139 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 265 с.
6. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура: Материалы Международной конференции. Тамбов, 1999. Ч. 1. С. 6 – 13.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. СПб.: «Искусство – СПб», 1998. 285 с.

8. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2007. 268 с.

9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Монография. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 314 с.

10. www.literaryladiesguide.com The story Bliss by Katherine Mansfield (дата обращения: 25.02.2022)

References

1. Antologija konceptov. Pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina M., 2007. T. 1. 352 s.
2. Babenko L.G. Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Ekaterinburg: UrGU, 2000. 532 s.
3. Bulygina T.V., Shmeljov A.D. Jazykovaja konceptualizacija mira. M., 1997. 574 s.
4. Gal'perin I.R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija. M.: URSS, 2016. 139 s.
5. Karasik V.I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 265 s.
6. Kubrjakova E.S. Jazykovoje soznanie i jazykovaja kartina mira. Filologija i kul'tura: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii. Tambov, 1999. Ch. 1. S. 6 – 13.
7. Lotman Ju.M. Struktura hudozhestvennogo teksta. SPb.: «Iskusstvo – SPB», 1998. 285 s.
8. Nikolina N.A. Filologicheskij analiz teksta. M.: Akademija, 2007. 268 s.
9. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika. Monografija. M.: AST: «Vostok-Zapad», 2007. 314 s.
10. www.literaryladiesguide.com The story Bliss by Katherine Mansfield (data obrashhenija: 25.02.2022)

THE SYSTEM OF IMAGES OF THE STORY "THE BLISS" BY K. MANSFIELD AS A REFLECTION OF THE CONCEPT OF "AUTHOR'S WORLDVIEW"

*Maerova L.V., Postgraduate,
Korobchak V.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Armavir State Pedagogical University*

Abstract: the article is devoted to the consideration of the leading linguistic and content aspects of the linguistic-stylistic analysis involved in the creation of artistic images of the work «The Bliss». The aim of the study is interpretation of the story due to extralinguistic peculiarities which the author creates in her work. The researched concept is considered on the material of small proses by K. Mansfield which objectively expressed her position of the realities of the era through the works of heritage.

A literary text reflects an indirect picture of the world from the point of view of the author's paradigmatic position, as a result, it is considered relevant to highlight textual concepts associated with a personalistic meaningful meaning. Individual-author's concepts are objects of secondary reality, absorbed by the researcher on the basis of a comparison of the author's representations, created in the text of literary work, with objects of reality fixed in culture at the conceptual level.

The following methods were used in the work: synthesis, definitional analysis, contextual analysis, interpretive analysis. The research material can be used in the process of studying the influence of extralinguistic features on the author's style of writing of the Mansfield's era. The results of the study may find application in training courses on stylistics and text interpretation.

Keywords: text, concept, author's worldview, heritage of K. Mansfield

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ МЕДИЦИНСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА

*Хараева Л.Х., доктор филологических наук,
Гелястанова А.Л., кандидат филологических наук,
Хамурзова А.Г., кандидат педагогических наук,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова*

Аннотация: медицинский культурный код является одним из старейших культурных кодов, потому что здоровье и благополучие людей являлись всегда целью и смыслом человеческого бытия. Более того, в лексических единицах, относящихся к медицинскому культурному коду, ярко проявляется своеобразие быта, жизни, истории и культуры народов, специфика отношения к себе, к своему здоровью и здоровью общества в целом. Компоненты исследуемого кода, его семантика и образы несут в себе также иные коды культуры, так как они представлены лексическими единицами различной этимологии, структуры, имеют различную внутреннюю форму, неодинаковые мотивировочные признаки, лежащие в основе вторичной номинации. В рамках медицинского кода культуры исследователи выделяют отдельные коды, такие, как, анатомический, растительный, предметный, аксиональный и т.д.

В статье особое внимание уделено языковому анализу кодов, которые, по мнению авторов, являются базовыми для медицинского. В этих базовых кодах отражаются архетипические представления о человеке внешнем и внутреннем, зафиксированы наивные представления о человеке и его здоровье. Медицинский культурный код включает в себя элементы кодов, относящихся к научным знаниям в различных областях.

Ключевые слова: культурный код, вербальный код, вторичная семиотическая система, внутренняя форма слова, мотивировочные признаки, медицинские термины

Введение

Моделируемая языковая картина мира находит свое отражение в различных дискурсах языка, в том числе и институциональных, к которым относится и медицинский, о котором идет речь в статье. Культурная кодификация означает соотносительность с определенным фрагментом реальности, деятельности, обусловленность коммуникативными и трансляционными ситуациями, которые в свою очередь формируют систему ценностей и семантику. Культурный код, помимо универсальных признаков, обусловленных общими законами процесса познания, имеет специфику порождаемую определенным хронотопом. В фокусе научных интересов лежат различные подвиды медицинского культурного кода, из которых базовыми являются те, которые соотносятся, с одной стороны, с архетипическими представлениями о человеке, его природной физической и ментальной сути, те коды, в которых зафиксированы наивные представления о человеке и его здоровье. Таких кодов, на наш взгляд, по определению не может быть много, поэтому рассматриваются, наиболее частотные, на наш взгляд, коды культур. С другой стороны, медицинский культурный код включает в себя элементы кодов, относящихся к научным знаниям в различных областях.

История вопроса

Вопросами культурного кода занимались многие ученые, такие как И.Г. Ольшанский, Н.И. Жинкин, В.И. Беликов, Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская, В.М. Савицкий, В.А. Маслова. В.В. Красных, последняя из которых определяет код культуры как «сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризует,

структурирует и оценивает его» [4]. Культурный код вербализуясь, в рамках определенного дискурса, который дополняется знаками иных семиотических систем, формирует специфическое когнитивное пространство [4]. В.В. Красных отмечает, что «коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры» [4].

Научная новизна

Данное сообщение впервые касается проблем выделения и анализа медицинского культурного кода. По нашему мнению, большинство культурных кодов отражают области жизни и знания в тесном взаимодействии и каждый культурный код включает в себя элементы других. Например, медицинский код включает, по нашему мнению, как минимум три кода – анатомический, клинический и фармацевтический, которые в свою очередь связаны с другими. В подтверждение наших слов может служить мнение, высказанное Д.Б. Гудковым, который определяет культурный код как совокупность семантических полей, фиксируемых в языке» [2]. Данная статья представляет собой первое исследование одной из основных составляющих медицинского культурного кода – антропонимических номинаций, которые являются вербальными выражениями общих представлений, касающихся понятий, относящихся к клинической терминологии: болезни, синдромы, многообразные системные патологии, симптомы, медикаменты различного рода. Как известно, процесс номинации является весьма сложным и состоящим из различных подвидов. Особую роль в процессе номинации в области медицины играют прецедентные имена. Прецедентные имена являются свиде-

тельствами формирования и поступательного развития науки медицины, тесно связанной с личностным фактором, а именно с именами, внесшими свой вклад в развитие данной науки. Прецедентные имена в медицинской терминологии также связаны с архетипическими представлениями человечества об источниках болезней и способах их лечения. Антропонимический код представляет собой определенную систему, в рамках которой выделяются мифонимы, топонимы, антропонимы.

Методы исследования

Исследование проводится на основе когнитивно-концептуального метода познания, а также мотивационного, этимологического, словообразовательного подходов и метода лингвистической комбинаторики, метода анализа номинативной деятельности.

Основным источником экспериментального материала является «Словарь клинических терминов» авторов Б.П. Александровского и В.Г. Соколовского [1].

Дискуссия

Известные анатомические, клинические и фармацевтические термины сами по себе образуют исторически сложившийся медицинский культурный код. Языковые единицы, составляющие общий медицинский код, хранят в себе элементы иных кодов, таких как соматический, химический, растительный, зооморфный [2].

Таким образом, медицинский культурный код является семантическим полем, объединяющим лексические единицы различной семантики. Наиболее древним культурным кодом является соматический, который положен в основу анатомической терминологии, по большей части интернациональной, латинско-греческой по происхождению, которая является одной из основ медицинского культурного кода. Но следует признать, что каждая отдельно взятая языковая картина мира имеет собственную систему соматических терминов, которые на общезыковом уровне приобретают дополнительные смыслы, что отражается и на медицинском культурном коде, имеющем свою специфику в каждом языке. Иными словами, культурные коды образуют вторичные знаковые системы [2]. Говоря о соматическом культурном коде, можно сказать, что он является связующим элементом между системой естественного языка и медицинским культурным кодом.

Важнейшим отличием медицинского культурного кода является то, что он по своей сути не национален, а наднационален, так как его базисом и основой являются лексемы и словообразовательные элементы, унаследованные из латыни и греческого, используемые в медицине в международном масштабе. Более того, именно эти языки

остаются ресурсной базой для формирования новых терминов и их производных. Это в первую очередь касается клинической терминологии, восходящей к односоставным дериватам греческого и латинского происхождения, созданная на основе продуктивных словообразовательных моделей [3]. На примерах клинических терминов, восходящих к латинским и греческим словообразовательным основам наглядно виден процесс так называемой лингвистической комбинаторики, которую можно определить как процесс создания новых слов на основе уже существующих, но в котором обязательно сохраняется их единство на формальном и содержательном уровнях, чем обеспечивается цельность и логичность медицинского дискурса, имеющего четкие границы. Например, базовые для клинической терминологии латинские и греческие корни *-cor*, *-dis*, *-m*, *-or*, *isn*, *-vena*, *-ae*, *-f*, *-stoma*, *-gynaec*, *-pathos* и т.д. и словообразовательные форманты, такие как начальные терминоэлементы, к которым относятся приставки *-anti*, *-dis*, *-eri*, *-endo* или цельноформленные лексические единицы *-aden*, *-artr*, *-brady*, на основе различных словообразовательных моделей создают многочисленные словообразовательные ряды слов, сохраняющих этимологическое значение производящих основ, оставаясь мотивированными частями внутри новых лексических образований. Все эти новые языковые единицы могут структурно и содержательно разлагаться на составные элементы, изначально известные широкому профессиональному кругу лиц. В результате сохраняется как структурная, так и содержательная детерминированность, единство и цельность медицинской подсистемы языка и ее ядра -медицинской клинической терминологии [10]. У многих клинических терминов обнаруживается ясная внутренняя форма, основанная на осознаваемой мотивированности значения [9]. Наличие осознаваемой внутренней формы говорит о мотивированности клинических терминов, то есть их возникновение на основе одного главного признака, легшего в основу номинации. Клинические термины, формирующие соответствующий подвид медицинского культурного кода, мотивированные на сходстве по внешним признакам, относятся в свою очередь к другим культурным кодам. Ниже приводятся классификация на основе выделенных классов признаков.

Зооморфный культурный код – это «совокупность обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных, которые выступают как источник осмысления человеком мира и несут в дополнение к своим природным свой-

ствам функционально значимые для культуры смыслы» [4].

Отбор зоонимов, закрепленный в терминологии раскрывает различные стороны лечебного процесса, в котором органически взаимодействуют внешние и внутренние факторы. Приводимые ниже примеры демонстрируют мотивированный характер вторичной номинации, так как мотивировочным признаком выступает внешний вид человека, больного определенным недугом: Elephantiasis – элифантиаз, слоновость (лат.-греч. Elephants – слон), Leontiasis – леонтиазис, львиный облик при проказе (лат.-греч. leon – лев), Sarcoma – опухоль, напоминающая на разрезе мясо рыбы (греч. sarx – рыбе мясо), Pectuscarinarium – рахитическая грудная клетка куриная грудь (лат. pectus – грудь, carina – выступ груди вперед у птиц), Diphtheria – дифтерия (греч. diphthera – кожа, пленка, выделанная шкура).

К зооморфному коду относятся следующие мотивированные клинические термины зоантропии, основанные на зоонимических ассоциациях: ликантропия или ликомания – греч. Lukos – волк и anthropos – человек, галеантропия-греч. galee – кошка и anthropos человек, кинантропия – лат. Canis – собака и anthropos человек, офидиантропия – греч. змея и anthropos человек.

Растительный или фитонимический код представлен в клинической и фармацевтической терминологиях: hurdeolum – ячмень на веке (уменьшительное от лат. hordeum – ячмень). Фитонимический код находит свое вербальное выражение в фармации.

В рамках медицинского культурного дискурса, искусственная номинация основана на прагматической стратегии актуализации полезных и вредных свойств растений, используемых в изготовлении лекарственных средств. Фармацевтический код, составляющий одну из основ медицинского культурного кода, охватывает многие области, относящиеся к химической и ботанической номенклатурам. Как пишет автор Т.В. Куркина, вопрос о месте и функции терминов в познавательной деятельности специалистов фармации требует особого осмысления, особо выделяя ориентирующую функцию, позволяющую оперировать в пределах какой-либо специальности [5].

Цветовой код также представлен в рамках медицинского культурного кода. Цветолексемы являются отражением связи, существующей между названием предмета определенной окраски и его свойством, качеством [8]. Цветовые ассоциации находят отражение в международном терминологическом элементе, в основе которого лежит цветолексема, которая в данном случае обозначает не цвет, а является наименованием болезни: anthrax – сибир-

ская язва от греч. anthrax уголь. Основой номинации стал угольно-черный цвет струпа сибирской язвы; icterus – желтуха от греч. icteros – желтая птица, ассоциируемая с желтым окрасом кожи больного.

В медицинский культурный код можно включить и элементы аксионального, например: amphorophonia – амфорическое дыхание от греч. phonia – звук i amphora – сосуд, кувшин; chorea-хорея или вид гиперкинеза, при котором больным производятся произвольные движения, напоминающие танец от греч. choreia – танец.

Антропонимический код, являющийся частью клинического кода, служит выражением представлений, стоящих за такими понятиями как болезнь, синдром, патология, снадобья, носящих конкретное известное прецедентное имя. К ним относятся, различные прецедентные имена, в первую очередь, мифонимы, так как это соответствует поэтапному развитию языкового сознания и осознания природы болезней, которые человек ассоциировал с проявлениями высших сил или мифическим персонажами.

Мифические образы лежат в основе клинических терминов. Данные номинации недугов восходят к именам богов и полубогов античности, актуализируя функции этих богов и полубогов или черты характера: название болезни «сатириазис» или гиперсексуальность у мужчин («нимфомания» у женщин) восходит к имени лесного бога Сатира, отличавшегося любвеобильностью, которого сопровождали лесные нимфы; «приапизм» или определенное болезненное состояние, восходящее к богу плодородия Приапу; венерические болезни или «болезни Купидона» соотносятся с богиней любви и красоты Венерой и ее сыном Купидоном. Общее название «афродизиаки» или средства, усиливающие любовное влечение, восходят к имени уже древнегреческой богини любви и красоты Афродите. «Циклопия», врожденное уродство, приводящее к одноглазю плода восходит к мифическому одноглазому великану Циклопу, «голова Медузы» или расширение околопупочных вен передней брюшной стенки, напоминающее голову Медузы со змеями. Врожденное уродство «двуполость» или «гермафродизм», восходящее к имени Гермафродита, сына Гермеса и Афродиты. В самом имени мы видим контаминацию двух личных имен, как бы указывающих на «двоичную» природу этого мифического персонажа, актуализирующую и наименование недуга. Название болезни «сифилис» дано по имени свинопаса, имя которого разлагается на две основы Sys – свинья и philos – друг.

Значительное количество клинических состояний носят имена ученых, их открывших или ис-

следовавших: болезнь Боткина, болезнь Бехтерева, болезнь Паркинсона, синдром Аспергера, синдром Гуретта и т.д. Иногда имя ученого становится производящей основой для новой словообразовательной номинативной единицы, например: сальмонеллез от имени Д. Сальмона, бруцеллез от имени Д. Брюса, дальтонизм от имени Д. Дальтона.

Имена знаменитых деятелей мировой культуры, исторических личностей лежат в основе наименования болезней, такие как: болезнь Стендаля – психосоматическое расстройство, болезнь Мюссе – симптом аортальной недостаточности, синдром Ван Гога –самоповреждение, синдром Хаузера –психологическая карликовость, задержка в развитии. Многие медицинские инструменты или способы лечения также носят имена ученых впервые их использовавших: душ Шарко.

Использование прецедентного имени в качестве медицинского термина – клинического термина можно рассматривать в качестве коннотативного употребления имени собственного, в котором реализуется его первичное значение либо значение, появившееся в ходе искусственной номинации для обозначения клинического феномена. Прецедентное имя одновременно служит и для именования, и для характеристики болезни, синдрома, состояния через указание на его непосредственную причастность к носителю прецедентности или приписываемых его свойств. Например, болезнь Стендаля обозначает психосоматическое состояние, которое охватывает особо впечатлительных людей под воздействием различных факторов. Как известно, французский писатель Анри Бейль (Стендаль) испытал огромное потрясение при знакомстве с шедеврами итальянского искусства и культуры.

Прецедентные имена собственные, используемые в медицинской литературе вызывают интерес, потому что они относятся к слою интернациональной лексики, то есть являются одинаково значимыми для различных языковых коллективов, поскольку они обладают общими свойствами и характеристиками, которые известны в международной профессиональной среде. Они остаются в большинстве случаев неизменными на протяжении длительного времени, независимо от языка употребления [6]. Использование прецедентных имен собственных в научном медицинском дискурсе подтверждает общее языковое правило о том, что семантика этих имен гораздо шире семантики «обычных» имен собственных, именно имена, содержащие намек на известные в науке и культуре личности, демонстрируют высокую способность к переносному употреблению, то есть они широко используются во вторичной семиотической системе.

Языковой материал исследования наглядно демонстрирует, что в процессе искусственной номинации важны типизированные условия, к которым относятся месторасположение, в которых происходит присвоение имени объекту номинации, а именно болезни, синдрома или другого клинического состояния.

Определенная зависимость выбора номинативной единицы может быть обусловлена и другими сопутствующими параметрами – объективными и субъективными, такими как, как профессиональное значение для всего коллектива, актуальность момента, историческая память и т.д. Многие клинические наименования недугов носят названия по месту их обнаружения, очагу распространения и т.д. Например: болезнь Лима (Олд – Лайм США), туляремия (Туляра округ США), лихорадка Эбола (река в Заире), сибирская язва и пр., т.е. топоним, являющийся частью медицинского термина, обладает определенным информативным потенциалом. Географический объект становится одним из мотивировочных признаков нового слова, появившегося в процессе искусственной номинации [7].

Очень часто единицы культурного кода наделяются особенной символикой. Например, в роли *символа человека* как такового или через его характеристику, признак могут выступать: *голова, плечи, рука и т.д.* Л.Х. Хараева отмечает: «Почти повсеместно наблюдается факт, что выражение пространственных отношений самым тесным образом связано с определенными словами, обозначающими вещи, среди которых опять-таки первое место занимают слова, относящиеся к отдельным частям человеческого тела. Внутреннее и внешнее, находящееся впереди и сзади, сверху и снизу, именуется через соотнесение с определенным чувственным субстратом в целом человеческого тела» [9].

Под символом принято понимать ассоциативную единицу хранения лингвокультурной информации, отражающей особенности миропонимания и мироощущения этноса. Выбор объекта для символизации зависит от различных факторов, среди которых наиболее важным является национальный менталитет носителей языка. В языковом сознании различных этносов, несмотря на общность восприятия объектов окружающего нас мира, наблюдаются и присущие только данному народу ассоциации, которые отражают культурные, исторические, социальные особенности развития того или иного этноса. Но мы уже писали выше, что медицинский культурный код в своей основе наднационален, его базу составляет международная терминосистема, поэтому мы приходим к обоснованному мнению, что отличительным признаком медицинского кода является тот факт, что едини-

цы языка, включаясь во вторую семиотическую систему, не приобретают, как правило, значения символа, но превращаются в научные термины.

Выводы

Проведя исследование, мы пришли к некоторым выводам, а именно:

1) медицинской культурный код представляет собой сложное структурное и смысловое целое, состоящее из нескольких лексических пластов, которые можно отнести к различным иным культурным кодам;

2) лексем и устойчивые словосочетания, относящиеся к естественному языку, обозначающие феномены различной природы, имеющие знаковую функцию, образуют связанные между собой вторичные семиотические системы, формируют медицинский культурный код;

3) единицы языка, включаясь во вторичную семиотическую систему, превращаются в медицинские научные термины;

4) основа медицинского культурного кода наднациональна и не имеет явных национально-окрашенных особенностей.

Заключение и перспективы

Таким образом, на основе современных методов анализа мы пришли к пониманию медицинского культурного кода как совокупности различных семантических полей и знаковых систем для которой характерны понятийное и структурное единство, отличающиеся определенными семантическим и формальными границами, которые обуславливают ее профессиональную специфику и препятствуют ее размыванию. Несмотря на то, что проанализированный языковой материал указывает на международный характер основы медицинского культурного кода, нужно отметить, что национально-культурная составляющая исследуемого кода, а именно народные номинации недугов или национальные наименования единиц флоры и фауны, используемых в народной и традиционной медицине, оказались за рамками нашего исследования. На наш взгляд изучение происхождения и классификация этих наименований в различных языках и их сопоставительный анализ существенно расширит границы изучения медицинского культурного кода, в чем заключается перспектива дальнейших изысканий в данной области.

Литература

1. Александровский Б.П., Соколовский В.Г. Словарь клинических терминов (с переводным и толковым значением): словарь. 4-е изд., испр. и доп. Киев:Здоров'я, 1969. 247 с.

2. Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуника-

ция: Сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС.Пресс, 2004. Вып. 26. С. 39 – 50.

3. Ельцова Л.Ф. К вопросу о коммуникативном потенциале производного термина (на примере клинической терминологии // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 665 – 670.

4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

5. Куркина Т.В. Языковая картина фармации // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С.Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 658 – 664.

6. Малкандуева А.Х., Гелястанова А.Л. К сравнительной характеристике фразеологизмов с ономастическим компонентом в русской и немецкой языковой картине мира // Общественные науки. Москва, 2017. № 1. С. 80 – 86.

7. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: «Мысль». 1974. 382 с.

8. Родионова Е.В. Языковая актуализация цветообозначения в антропо-когнитивном аспекте: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. филолог. наук. СПб, 2007.

9. Хараева Л.Х. Внутренняя форма, семантическая и лексическая мотивированность в сопоставительном аспекте // II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы» Гранада, 8-10 сентября 2010. С. 996 – 1001.

10. Хараева Л.Х., Хамурзова А.Г., Тугушева Ф.А., Малкандуева А.Х. Языковые особенности латинской медицинской терминологии // Современный ученый. Белгород, 2020. № 1. С. 206 – 209.

References

1. Aleksandrovskij B.P., Sokolovskij V.G. Slovar' klinicheskikh terminov (s perevodnym i tolkovym znacheniem): slovar'. 4-e izd., ispr. i dop. Kiev:Zdorov'ja, 1969. 247 s.

2. Gudkov D.B. Edinicy kodov kul'tury: problemy semantiki. Jazyk, soznanie, kommunikacija: Sb. Statej. otv. red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. M.: MAKS.Press, 2004. Vyp. 26. S. 39 – 50.

3. El'cova L.F. K voprosu o kommunikativnom potentsiale proizvodnogo termina (na primere klinicheskoy terminologii. Gorizonty sovremennoj lingvistiki. Tradicii i novatorstvo: Sb. v chest' E.S. Kubryakovoj. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2009. S. 665 – 670.

4. Krasnyh V.V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija. M.: Gnozis, 2002. 284 s.

5. Kurkina T.V. Jazykovaja kartina farmacii. Gori-zonty sovremennoj lingvistiki. Tradicii i novatorstvo: Sb. v chest' E.S.Kubrjakovoj. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2009. S. 658 – 664.

6. Malkandueva A.H., Geljastanova A.L. K sravnitel'noj karakteristike frazeologizmov s onomas-tičeskim komponentom v russkoj i nemeckoj jazyk-ovoj kartine mira. Obshhestvennye nauki. Moskva, 2017. № 1. S. 80 – 86.

7. Murzaev Je. M. Očerki toponimiki. M.: «Mysl'». 1974. 382 s.

8. Rodionova E.V. Jazykovaja aktualizacija cve-tooboznachenija v antropo-kognitivnom aspekte:

avtoref. dis. ... na soisk. uch. step. kand. filolog. nauk. SPb, 2007.

9. Haraeva L.H. Vnutrennjaja forma, seman-tičeskaja i leksičeskaja motivirovannost' v soposta-vel'nom aspekte. II Mezhdunarodnaja konferencija «Russkij jazyk i literatura v mezhdunarodnom obra-zovatel'nom prostranstve: sovremennoe sostojanie i perspektivy» Granada, 8-10 sentjabrja 2010. S. 996 – 1001.

10. Haraeva L.H., Hamurzova A.G., Tugusheva F.A., Malkandueva A.H. Jazykovye osobennosti latinskoj medicinskoj terminologii. Sovremennyj učenij. Belgorod, 2020. № 1. S. 206 – 209.

STRUCTURE AND CONTENT OF THE MEDICAL CULTURAL CODE

*Kharaeva L.Kh., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Gelyastanova A.L., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Khamurzova A.G., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Kabardino-Balkarian State University*

Abstract: the medical cultural code is one of the oldest cultural codes, because the health and well-being of people have always been the goal and meaning of human existence. Moreover, in the lexical units related to the medical cultural code, the originality of the way of life, life, history and culture of peoples, the specifics of the attitude to oneself, to one's health and the health of society as a whole is clearly manifested. The components of the code under study, its semantics and images also carry other cultural codes, since they are represented by lexical units of different etymology, structure, have different internal forms, different motivational signs underlying the secondary nomination. Within the framework of the medical culture code, researchers distinguish separate codes, such as anatomical, plant, subject, axional, etc.

The article pays special attention to the language analysis of codes, which, according to the authors, are basic for medical. These basic codes reflect archetypal ideas about a person external and internal, naive ideas about a person and his health are fixed. The medical cultural code includes elements of codes related to scientific knowledge in various fields.

Keywords: cultural code, verbal code, secondary semiotic system, internal form of the word, motivational signs, medical terms

ОБ ОТРАЖЕНИИ В ПЕРЕВОДЕ ИНФОРМАЦИИ СТИХОТВОРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Парамонов Д.В., соискатель,
Калужский государственный университет им. Циолковского*

Аннотация: перевод поэтического произведения сопряжен с рядом проблем, обусловленных характером такого рода произведений. Поэтический текст – это не просто информационное сообщение, но также и особым образом упорядоченная система, компоненты которой могут нести не только информационную функцию, но и служить носителями иного рода информации. В данной работе за основу принимается положение информационной теории перевода, которое состоит в том, что любой текст содержит в себе информацию, однако характер данной информации может меняться в зависимости от конкретного подхода. Задача настоящего исследования – анализ идиостиля переводчика, с целью выявления способов отражения в переводе информации исходного произведения. Материалом для исследования служит произведение Гая Валерия Катулла *Carmen 34* и два варианта его перевода: А.А. Фета и А.И. Пиотровского. Для этой цели проводится его сравнительно-сопоставительный анализ с выбранными вариантами перевода.

Ключевые слова: поэтика, текст, эпика, гимн, смыслы

В настоящем исследовании мы придерживаемся подхода С.Ф. Гончаренко. Он выделяет два вида информации: смысловую и эстетическую. Смысловая информация, согласно его подходу, это «содержащиеся в тексте сведения, позволяющие установить его соотносительность с некоторым сегментом реальности, с некоторой внеязыковой ситуацией» [4, с. 38-49]. Эстетическая информация – это весь тот смысловой массив, который передается помимо смысла. Весь массив информации поэтического произведения реализуется через слово, значимость которого, в связи с ограниченностью словаря произведения будет значительно выше [7, с. 86]. Как замечает М.М. Бахтин, поэтическое произведение, ввиду наличия между словами связей, отсутствующих в повседневной речи, представляет собой целостную смысловую единицу [2, с. 46]. Процесс перевода, предполагающий перекодирование знаков одной языковой системы в знаки другой [1, с. 5] неизбежно влечет за собой трансформации, выбор которых – субъективное решение переводчика, творческая составляющая перевода. Совокупность переводческих решений, определяющих характерные черты итогового текста являются проявлением идиостиля переводчика в конкретном материале. В данной работе идиостиль, согласно классическому определению А.И. Ефимова это «характерная для писателя манера выбора и употребления слов» [6, с. 29], с той лишь разницей, что место писателя в данном случае занимает переводчик.

Carmen 34 Катулла имеет признаки религиозного гимна. Гимн – это древний жанр обрядовой поэзии, сопровождавший различные религиозные церемонии. Особенности такого рода произведений описаны М.Л. Гаспаровым [3]. Он выделяет их характерные составные части:

1. Обращение к божеству с его обязательным поименованием.

2.а. Статическая часть – прославление божества с перечислением признаков его величия.

2.б. Эпическая часть – описание деяний божества, в которых и проявляется его величие.

3. Оперативная часть – молитва к божеству, чтобы оно не оставило народ без своей благосклонности.

В *Carmen 34* Катулла все композиционные компоненты гимна, описанные М.Л. Гаспаровым, в той или иной степени присутствуют. Так, первая строфа соответствует первой части классической структуры гимна – здесь есть и упоминание Дианы, и призыв воспевать ее. Строфы с 2 по 5 составляют статическую часть гимна, здесь практически отсутствуют глаголы, как динамическая часть лексики. В данной части произведения описывается происхождение Дианы и ее величие, как покровительницы природы, земледелия, материнства и т.д. Последняя, шестая строфа полностью укладывается в рамки понимания оперативной части гимна. Здесь содержится молитва и желание, чтобы Диана не оставила род Ромула без своего покровительства.

Таблица 1

1-я строфа:

Catullus	А.А.Фет	А.И. Пиотровский
Dianae sumus in fide puellae et pueri integri: Dianam pueri integri puellaeque canamus	Мы под защитой Дианиной, Чистые девы и мальчики, Встретим Диану, мы чистые, Песнею благочестивой.	Нас Дианы покров хранит, Девы чистые, мальчики, Пойте, чистые мальчики, Песнь Диане, и девы!

В первой части гимна обращает на себя внимание двойное поименование, а также повтор адресатов авторского возвания: *puellae et pueri*. Первая строфа перевода А.А. Фета несколько отличается по структуре от таковой в оригинале. Повтор имени Дианы сохраняется, однако, второй повтор *puellae et pueri* заменен на местоимение *мы*, что сочетается с глагольной формой исходного текста – *canamus*.

Глагол состояния *esse* из первой части строфы оригинала отсутствует по объективным причинам, обусловленным разницей между исходным и переводящим языком (далее ИЯ и ПЯ), а его функции частично отражает местоимение *мы*. *Fides* в данном варианте перевода – *под защитой*, что убирает религиозный оттенок исходной лексической единицы, наличие которого описано исследователем Ж. Дюмезилем [5, с. 532]. Также А.А. Фет использует конкретизацию, добавляя в данную строфу элементы, отсутствовавшие в ИТ. В стихотворении Катуллы использовался лишь глагол *петь*, в то время как в данном варианте перевода, глагол, сохранив свое грамматическое значение, был заменен на *встречать песней*. Далее автор перевода конкретизирует – не просто *встречать песней*, а *песней благочестивой*.

Первая строфа перевода, выполненного А.И. Пиотровским, во многом отражает структуру оригинала. Лексика данного варианта перевода приобретает стилистическую окраску. Из различных вариантов отражения исходного *puella* – А.И. Пиотровский, также, как и А.А. Фет выбирает эквивалент *дева*. Слово *fides* в данном варианте перевода передано двумя словами, выступающими эквивалентом в тексте данному понятию лишь в совокупности. *Покров*, в данном случае, являясь метафорой, может сочетать в себе широкий комплекс значений, часть из которых пересекается с исходным латинским понятием. Связанный же с глаголом предикат *хранит* уточняет совокупность смыслов, заключенных в представленной метафоре. А.И. Пиотровский также использует конкретизацию, уточняя, что поется во славу Диане – *пойте песнь*. В исходном тексте (далее ИТ) это выражалось одной лексической единицей – *canamus*, которая в контексте произведения и в отсутствии уточнения могла бы трактоваться реципиентом несколько шире, хотя и вряд ли значительно отступая от семантики эквивалентной конструкции в переводе.

Таблица 2

2-я строфа:

Catullus	А.А. Фет	А.И. Пиотровский
o Latonia, maximi Magna progenies Iovis, quam mater prope Delliam Depositiv olivam,	О Латония, высшего Дочь Громовержца великая, Ты, породила которую Мать под Делосской оливой.	О Латония, дивная, Дочь Юпитера сильного, Мать Лето родила тебя У маслины делосской.

В преводе А.А. Фета реалия *Latonia* отражена согласно устоявшейся традиции перевода, описательная единица *вышнего*, так же, как и в ИТ относиться к *Iovis*, о чем свидетельствует грамматическая форма. Такой выбор эквивалента вносит дополнительную стилистическую окраску высокого стиля, которая в оригинале была выражена значительно меньше. *Progenies* из исходного текста в переводе А.А. Фета трансформировалось в семантически близкую, однако все же не полностью эквивалентную единицу *дочь*, что является конкретизацией. Вторая описательная единица, относящаяся к *progenies* – *magna*, в данном варианте перевода –

великая, что семантически близко. Вторая реалия – *Iovis* здесь отражена как *Громовержец*. Такой вариант отражения исходной лексической единицы сохраняет все семантическое наполнение, однако снижает уровень культуроспецифичности, так как Юпитер – это исключительно римское божество, а Громовержец может быть соотнесен как с римским, так и, к примеру, с греческим богом грома. Третья строка второй строфы перевода А.А. Фета начинается с обращения, которое отсутствовало в ИТ, однако далее, в третьей и четвертой строках автор перевода следует ИТ пословно на уровне лексики.

В переводе А.И. Пиотровского конкретизируется исходное существительное *progenies*; *oliva* подвержена трансформации замены на единицу, имеющую общее с исходным существительным родовое понятие. Прием смыслового развития используется применительно к элементам описательной группы лексики, что означает наличие семантических трансформаций.

Maximi – это характеристика Юпитер, и логически можно определить, что Юпитер велик, потому что является сильнейшим из богов, главой пантеона. Латония же великая (*magna*) не в том же смысле что и ее отец, поэтому в данном варианте перевода эквивалентом в тексте для данной единицы является *дивная*, со значением прекрасная, восхитительная.

Таблица 3

3-я строфа:

Catullus	А.А. Фет	А.И. Пиотровский
montium domina ut fores silvarumque virentium saltuumque reconditorum amnumque sonantum:	Чтобы была ты владычицей Гор и лесов зеленеющих И по сокрытым ущелиям Рек с громозвучной волною.	Чтоб царила ты в высях гор, И в зеленой глуши лесов, И в потайной тени долин, И на звонких потоках.

Третья строфа перевода А.А. Фета характеризуется перестройкой композиционной структуры. В ИТ каждая строка после первой начиналась с соединительного союза *que*. В данном варианте перевода эта структура не сохраняется, хотя в некоторых случаях эквивалентный союз для отражения в переводе соединительной связи сохраняется, однако не во всех случаях и в других местах композиции, что нарушает формальную структуру строфы. Глагольная часть отражена А.А. Фетом максимально адекватно, сохраняется и семантическое и грамматическое наполнение исходной единицы *fores*. Практически все остальные лексические единицы соответствующих строк отражены в данном варианте перевода практически пословно, с сохранением грамматических форм, кроме последней строки, где *amnis* переведен как *река*, что является конкретизацией, так как *amnis* может быть любым водоемом с

проточной водой и быстрым течением. Причастие, относящееся к *amnis – sonans* в данном варианте перевода отражена несколькими единицами, что влияет на лексическую структуру, так как одна исходная описательная единица заменяется на одну описательную и одну номинативную.

Третья строфа варианта перевода А.И. Пиотровского имеет особенность на уровне синтаксиса и общей композиции. Во-первых, с одной стороны, автор перевода сохраняет изначальное композиционное членение: одна строка – один объект, с другой стороны, там, где в оригинале объект выражался через одну единицу лексики, в переводе А.И. Пиотровского используются две взаимосвязанных номинативных единицы во всех строках, кроме последней, что, разумеется, существенно расширяет номинативную группу. Во-вторых, в данном варианте перевода сохраняется союзная связь, бывшая стилистически элементом ИТ.

Таблица 4

4-я строфа:

Catullus	А.А. Фет	А.И. Пиотровский
tu Lucina dolentibus Iuno dicta puerperis, tu potens Trivia et notho es dicta lumine Luna;	Ты и Люцин томящимся, Ты и Юнона родильницам, Тривия тоже, с заемным ты Светом зовешься Луною.	И Юнона-Люцина ты Для родильниц томящихся, Ты – Дорожница, ты – Луна, Свет кидаешь заемный.

Вариант перевода А.А. Фета очень близко отражает композицию ИТ. Здесь, так же, как и в ИТ каждому имени соответствует одна строка текста; более того, за исключением опущения определения *potens* и добавления нескольких элементов вспомогательной группы, этот перевод очень близок структуре оригинала. Четвертая строфа произведения насыщена реалиями, представленными именами-эпитетами богини Дианы. В ИТ есть два обращения, выраженных местоимениями ты. В переводе автор вводит дополнительное обращение. Таким образом из четырех имен в этом фрагменте, три связаны с

обращениями. В данном варианте перевода имена Юноны и Люцины разбиты по двум разным аспектам, которые в полной мере являются эквивалентами соответствующим единицам ИТ: в случае с *puerperis* – это полный эквивалент *родильницам*, а в случае с *dolentibus* семантическая составляющая сводится к одному из нескольких возможных, семантически близких значений. Вариант А.А. Фета *томящимся* несколько смягчает выраженность семантического признака *страдание* присущего латинскому причастию *dolens*.

В четвертой строфе перевода А.И.

Пиотровского в синтаксическом плане наблюдается совмещение близких по своему содержанию имен Юноны и Люцины. В ИТ каждому имени отводится одна строка, в данном варианте перевода имена сгруппированы в первой и третьей строках. В первых двух строках, несмотря на синтаксические перестановки, содержание

остается максимально близким к ИТ. В третьей строке одно из имен – *Trivia*, теряет определение, в четвертой строке, описание Дианы-Луны включает элемент динамической группы – *кидаешь*. Лексическим трансформациям в данном варианте перевода подвержены имена собственные: *Trivia* – *Дорожница*.

Таблица 5

5-я строфа:

Catullus	А.А. Фет	А.И. Пиотровский
tu cursu, dea, menstruo metiens iter annum, rustica agricolae bonis tectata frugibus explēs.	Ты в обращении месячном Меся теченье годичное, В закромы сельского пахаря Сыплешь и сбор нарочитый.	Делит года далекий путь Лунных месяцев быстрый бег. Ты богатством плодов наполнишь Земледельца усадьбу.

В переводе А.А. Фета исходное существительное *agricola* отражено двумя единицами, одна из которых описательная, хотя номинативная часть *пахарь* уже несет в себе все необходимые для отражения исходной единицы смыслы, в такой ситуации определение *сельский* с точки зрения передачи смысловой информации является избыточным и служит для отражения эстетической информации. Тем более что в ИТ есть прилагательное, являющееся эквивалентом в языке для *сельский* – *rustica*, только данное определение относится в ИТ к иному объекту. Семантическая трансформация затронула исходное существительное *cursu*, так как обращение не является эквивалентом в языке для данной единицы и может выступать в качестве эквивалента только в контексте данного произведения. Более всего, в переводе данной строфы представлены трансформации стилистические. В данной строфе, как нигде ранее ярко отражена эпоха создания перевода. Так, для большей части лексики автор перевода использует устаревшие, с точки зрения современных языковых норм эквиваленты. К их числу относятся – *закрома*, *сбор*, в значении урожай, и характеристика урожая – *нарочитый*, в значении

значительный по величине и качеству. Да и в динамической группе глагол *сыплешь* с точки зрения современных норм в данном контексте имеет стилистическую окраску отличную от нейтральной.

В пятой строфе перевода А.И. Пиотровского наблюдается изменение в плане содержания. В первых двух строках вследствие синтаксической трансформации опущения таких единиц как *tu*, *dea* и морфологическая трансформация, где причастие *metiens* отражено глаголом *делит*, содержащаяся в 1-2 строках смысловая информация несколько искажается. Диана перестает быть в данном фрагменте активным субъектом, и деление года происходит обезличено. Во второй части строфы, описательная лексема *bonus* заменена номинативной единицей – *богатство*, а описательная лексическая единица *rusticus* опущена. В контексте ПТ эквивалентом *rustica tecta* выступает одна номинативная единица – *усадьба*. Существительное *agricola* в переводе А.И. Пиотровского – *земледелец*, что, во-первых, отражает семантику исходной единицы, а во-вторых не имеет привязки к определенным культурным реалиям, и является максимально нейтральным.

Таблица 6

6-я строфа:

Catullus	А.А. Фет	А.И. Пиотровский
Sis quocumque tibi placet sancta nomine, Romulique, antique ut solita es, bona sospites ope gentem.	Будь, под каким бы ты именем Ни пожелала, священной, И как издревле, будь правнукам Ромула вечной защитой.	Под любым из имен твоих Будь, Диана, священна нам! И храни, как хранила встарь, Верных Ромула внуков.

Последняя строфа перевода, как и целом данный вариант перевода с очень высокой степенью соответствия передает информацию ИТ. Встречающиеся синтаксические и морфологические трансформации обусловлены объективными факторами.

Последняя строфа перевода А.И. Пиотровского характеризуется несколькими несоответствиями.

И если синтаксическое опущение *bonis* не сильно сказывается на отражении информации произведения, то опущение глагола *placet* напротив – предикат *Дианы*, и его отсутствие в данном варианте перевода делает ее образ в данной строфе менее активным.

При всем многообразии приемов и переводческих трансформаций, информация

исходного произведения в выбранных вариантах перевода отражается в высокой степени. Различия в авторском стиле являются проявлением творческой составляющей переводческой деятельности, результатом которой становится воспроизводство всей системы стихотворного произведения средствами переводящего языка. Таким образом, несмотря на порой значительные переводческие трансформации на различных уровнях языка, данные варианты перевода на уровне всего произведения, ввиду отсутствия значительного искажения (опущения или дополнения) исходной информации могут считаться эквивалентными исходному произведению.

Литература

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб.: Academia; Филол. фак. СПбГУ, 2004. 347 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. литература, 1975. 502 с.
3. Гаспаров М.Л. Избранные труды. О поэтах. М., 1997. Т. 1. 664 с.
4. Гончаренко С.Ф. Информационный аспект межъязыковой поэтической коммуникации // Тетради переводчика. М.: Высшая школа, 1987. Вып. 22. С. 38 – 49.

5. Дюмезиль Ж. Религия Древнего Рима с приложением, посвященным религии этрусков. М.: Традиция, 2018. 889 с.

6. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. М.: «Просвещение», 1969. 262 с.

7. Ломан Ю.М. Анализ поэтического текста. Л.: «Просвещение», 1972. 271 с.

References

1. Alekseeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie. SPb.: Academia; Filol. fak. SPbGU, 2004. 347 s.
2. Bahtin M.M. Voprosy literatury i jestetiki: Issledovanija raznyh let. M.: Hudozh. literatura, 1975. 502 s.
3. Gasparov M.L. Izbrannye trudy. O pojetah. M., 1997. T. 1. 664 s.
4. Goncharenko S.F. Informacionnyj aspekt mezh#jazykovej pojeticheskoj kommunikacii. Tetradi perevodchika. M.: Vysshaja shkola, 1987. Vyp. 22. S. 38 – 49.
5. Djumezil' Zh. Religija Drevnego Rima s prilozheniem, posvjashhennym religii jetruskov. M.: Tradicija, 2018. 889 s.
6. Efimov A.I. Stilistika russkogo jazyka. M.: «Prosveshhenie», 1969. 262 s.
7. Loman Ju.M. Analiz pojeticheskogo teksta. L.: «Prosveshhenie», 1972. 271 s.

ABOUT THE REFLECTION IN THE TRANSLATION OF THE INFORMATION OF A POETIC WORK

*Paramonov D.V., Applicant,
Kaluga State University named after Tsiolkovsky*

Abstract: the translation of a poetic work is associated with a number of problems due to the nature of such works. A poetic text is not just an informational message, but also a specially ordered system, the components of which can carry not only an informational function, but also serve as carriers of other kinds of information. In this paper, the position of the information theory of translation is taken as a basis, which consists in the fact that any text contains information, but the nature of this information may vary depending on the specific approach. The objective of this study is to analyze the translator's idiosyncrasy, in order to identify ways to reflect the information of the original work in translation. The material for the study is the work of Gaius Valerius Catullus Carmen 34 and two versions of its translation: A.A. Feta and A.I. Piotrovsky. For this purpose, its comparative analysis with the selected translation options is carried out.

Keywords: poetics, text, epic, hymn, meanings

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ЧЕРНОГО ЮМОРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

*Пирмагомедова А.Р.,
Таджибова Р.Р., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет*

Аннотация: данная статья посвящена рассмотрению феномена «черный юмор», как разновидности комизма, на материале англоязычного кинодискурса и его переводов на русский язык, а также анализу и сравнению способов перевода и переводческих трансформаций черного юмора на материале американских кинофильмов «Zombieland» (2009 г.) и «In Bruges» (2008 г.). Рассматриваются два разных перевода англоязычных фильмов – «черных комедий» – в переводе официальном и любительском, проводится сравнительный анализ используемых при переводе «черного юмора» трансформаций, дается аксиологическая характеристика данным трансформациям. Кинофильмы с элементами «черного юмора» отличаются особым сюжетом, который строится на основе сочетания элементов черного юмора, абсурда и сюрреалистических описаний, т. к. подобные фильмы не предназначены для широкой аудитории. Целью статьи является исследование лексических и синтаксических особенностей жанра «черного юмора в англоязычных фильмах «Zombieland» (2009 г.) и «In Bruges» (2008 г.) и способы их передачи на русский язык. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при написании учебных и методических пособий по теории перевода аудиовизуальных текстов, а также быть интересны всем тем, кто изучает английский язык и практикуется в устной разговорной речи.

Ключевые слова: черный юмор, черная комедия, приемы перевода, синтаксическое уподобление, калькирование, описательный перевод

Сегодня в практике перевода отмечается обилие текстов, в которых превалирует черный юмор: художественная литература, пресса, телевизионные и интернет СМИ, телешоу, спектакли, кинофильмы и др. В киноиндустрии кинофильмы с преобладающей формой комизма – черным юмором получают название «dark comedy» («черная комедия»). Такие кинофильмы отличаются особым сюжетом, который строится на основе элементов черного юмора, абсурда и сюрреалистических описаний [5, p. 219].

Наибольшее количество черных комедий наблюдается в американском и британском кино, которые затем переводятся на другие языки мира, включая русский язык. Примерами англоязычных черных комедий являются фильмы Альфреда Хичкока, Стэнли Кубрика, Фрэнка Оза, Мартина Скорсезе, Квентина Тарантино и многих других [5, p. 215].

Двумя главными целями кинофильмов с привлечением черного юмора являются:

- 1) развлечь реципиента;
- 2) показать моральную безнадежность жизни человека [6, p. 172].

Принципы перевода черного юмора в рамках черной комедии зависят, прежде всего, от типологических особенностей данного киножанра и жанровых характеристик самого понятия «черный юмор».

Так, для черной комедии в лингвистическом аспекте характерно применение иноязычной и неконвенциональной лексики, культурем, построение текста на основе сарказма, иронии, гротеска [1, с. 55].

По мнению В.И. Карасика, комические тексты в общем и целом, включая и произведения черного юмора, характеризуются фольклорностью, шутливостью общения, двуплановостью, оценочной природой ключевого компонента, а также частым обыгрыванием звуковой стороны текста [2, с. 145].

Важно отметить, что черный юмор значительно отличается от других форм комического. Если юмор порождает смех, то черный юмор – изначально смех, который связан с развлекательным аспектом шутки, а потом ужас и стыд от своей первоначальной реакции. Таким образом, черный юмор отличается двойственной природой. Это циничное глумление над ценностями человека. С другой стороны, именно черный юмор позволяет человеку притупить страх смерти, преодолеть унижения и дискриминацию в эмоциональном плане [4, с. 14].

Поскольку в данной работе особенности перевода черного юмора рассматриваются на основе кинофильмов, трудности передачи черного заключаются также в том, что в отличие от других типов текстов (например, художественной литературы), где есть возможность вставить сноску с пояснением комизма, в кинофильме это невозможно в связи с киноформатом, а краткие пояснения юмора невозможны из-за ограничений диалогов во времени [1, с. 57].

Для проведения исследования способов перевода черного юмора в англоязычных кинофильмах нами были взяты две черные комедии американского производства: «Zombieland» (2009 г.) и «In Bruges» (2008 г.). В данных кинокомедиях присутствует множество вкраплений черного юмора в

связи с жанром черной комедии. Оба фильма анализировались на основе двух переводов: официальных переводов, выполненных в виде полного дубляжа (перевод «Добро пожаловать в Зомбилэнд» переводчиком IGORok 2009 г. и перевод «Залечь на дно в Брюгге» студией «Кубик в кубе» совместно с «OzzTv» 2008 г.), и любительских переводов «Добро пожаловать в Зомбилэнд» в виде закадрового перевода переводчиком Дмитрием Пучковым (он же Гоблин) в 2009 г. и «Залечь на дно в Брюгге» в виде субтитрирования студией «Calavera».

Для передачи черного юмора переводчики данных кинофильмов используют разнообразные приемы. При этом зачастую разные переводчики применяют различающиеся приемы перевода с целью достижения максимальной эквивалентности и адекватности перевода.

В ходе нашего исследования на основе анализа 80 киноконтекстов был сделан вывод, что чаще всего черный юмор передается путем синтаксического уподобления, а также калькирования и описательного перевода. Рассмотрим данные случаи на конкретных примерах.

1. Синтаксическое уподобление.

Синтаксическое уподобление, по мнению В.Н. Комиссарова, представляет собой «способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ПЯ» [3, с. 178].

В рамках перевода черного юмора в киноконтекстах «Добро пожаловать в Зомбилэнд» и «Залечь на дно в Брюгге» синтаксическое уподобление наблюдается в 49 случаях перевода черного юмора (30,6%). Например:

Таблица 1

Оригинал «In Bruges»	Перевод «Кубик в кубе»	Перевод «Calavera»
– You didn't mean to kill a little boy. – I know I didn't mean to. But because of the choices I made and the course that I put into action, a little boy isn't here anymore . And he'll never be here again. I mean here in the world, not here in Belgium . Well, he'll never be here in Belgium , either, will he? I mean, he might have wanted to come here when he got older .	– Ты не хотел убивать мальчишку. – Это мой выбор. Я сделал свой выбор. Из-за того, какой путь я избрал, мальчика больше нет. И не будет никогда. В смысле, на свете не будет, а не в Бельгии. Да и в Бельгии его не будет, он мог бы сюда поехать, когда вырастет.	– Ты же не нарочно. – Да знаю я. Но я сделал выбор, я нажал на курок. И мальчика больше нет... И уже не будет... В смысле, на свете не будет, а не здесь, в Бельгии. Да и в Бельгии тоже... То есть, он мог бы сюда приехать, когда подросток бы...

В данном примере черный юмор создается на основе метафорической фразы *not be here* в значении «умереть» и ее последующего развертывания в значении «находиться в определенном месте» (*be in Belgium*). Для более явного черного юмора распространение данной фразы осуществляется и в дальнейшей реплике персонажа. Оба переводчика используют наиболее близкий к оригиналу перевод, что возможно за счет синтаксического уподобления. Такой способ перевода возможен в связи с тем, что и в русском языке фраза «быть где-то» используется и в переносном значении для обозначения смерти человека.

2. Калькирование.

Калькирование – это «способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в ПЯ» [3, с. 173]. В результате калькирования в языке перевода полностью копируется структура оригинальной лексемы или словосочетания.

В рамках перевода черного юмора в кинофильмах «Добро пожаловать в Зомбилэнд» и «Залечь на дно в Брюгге» калькирование является второй по частотности использования переводческой трансформаций и употребляется в 23 примерах (14,4%). Рассмотрим пример:

Таблица 2

Оригинал «In Bruges»	Перевод «Кубик в кубе»	Перевод «Calavera»
– You got five grams of coke? – I've got four grams on me and one gram in me , which is why me heart is going like the clappers, as if I'm about to have a heart attack.	– У тебя при себе кокаин? – 1 грамм во мне , поэтому сердце колотится, как будто вот-вот инфаркт случится.	– У тебя 5 граммов кокса? – 4 грамма у меня и 1 во мне. Поэтому сердце колотится как отбойный молоток.

В приведенном примере черный юмор основывается на нарушении ожидания зрителя: первый говорящий персонаж удивляется количеству наркотических средств у его коллеги, а второй персонаж приуменьшает это количество. В переводе «Кубик в кубе» этот прием черного юмора опускается. Сохранение же наблюдается только в переводе студией «Calavera» за счет калькирования, т.е. пословного перевода.

3. Описательный перевод (экспликация).

Экспликация представляет собой «лексико-грамматическую трансформацию, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на ПЯ» [6, с. 184]. В рамках перевода черного юмора в кинофильмах «Добро пожаловать в Зомбилэнд» и «Залечь на дно в Брюгге» отмечено использование 21 приема описательного перевода, что составляет 13,1% от общего количества переводческих трансформаций.

Таблица 3

Оригинал «Zombieland»	Перевод IGOrok	Перевод Д. Пучкова
<ul style="list-style-type: none"> – So where are you guys headed? – Pacific Playland. – The amusement park? – Wait, outside L.A.? – Yeah. We went there as kids. – That place totally blows. My mind. It's so fun. Just good entertainment for the whole family. – Yeah, I went there as a kid too. In fact, this probably counts as off-season. 	<ul style="list-style-type: none"> – Итак, девчонки, куда вы собрались? – Пасифик Плэйлэнд. – Парк развлечений? – Это что, под Лос-Анджелесом? – Да. Мы туда ходили, когда были маленькими. – Это ж полный отстой. Ну мне так казалось. Там даже весело, отличное развлечение для всей семьи. – Да, да, я тоже там был в детстве. Сейчас там наверно сезонные скидки. 	<ul style="list-style-type: none"> – Ну и куда вы едете? – В Пасифик Плэйлэнд. – В парк аттракционов? – Возле Лос-Анджелеса? – Мы ездили туда в детстве. – Паршивое местечко. Я пошутил. Там ну очень весело, куча развлечений для всей семьи. – Да. Я тоже туда ездил в детстве. И сейчас там билеты дешевле.

В данном случае следует выделить черный юмор на тему «смерть», обрадованный посредством слова с измененной эмоциональной окраской. Так, в словарном значении лексема *off-season* передает значение «сезонные скидки», т.е. более низкая цена на услуги, исходя из определенного времени года. В оригинале кинофильма эта лексема используется для юмористического упоминания об особенном периоде в жизни американцев, а именно отсутствии людей из-за зомби, что приводит к нерабочему времени парка аттракционов. В переводе на русский язык оба переводчика используют описательный перевод, хотя с использованием разных лексико-грамматических средств. В лицензионном переводе используется словосочетания сезонные скидки, которое завуалированно передает смысл черного юмора. В любительском переводе применяется описательная фраза *билеты дешевле*, которая полностью лишает перевод чер-

ного юмора, поскольку использует номинацию *дешевле* и не дает понять русскоязычному зрителю, что билетов на аттракционы вообще нет.

Таким образом, если рассматривать переводческие трансформации по разным видам перевода (лицензионный перевод двух фильмов и любительских перевод этих фильмов), то можно отметить некоторую разницу. Синтаксическое уподобление является частотной переводческой трансформацией, используемой для передачи черного юмора, у обоих переводчиков. Калькирование же находится на втором месте по частотности использования только в лицензионных переводах черных комедий, тогда как в любительских переводах калькирование находится на третьем месте, а второе место занимает описательный перевод. В лицензионных переводах описательный перевод, в свою очередь, находится на третьем месте по частотности использования. – см. рис. 1.

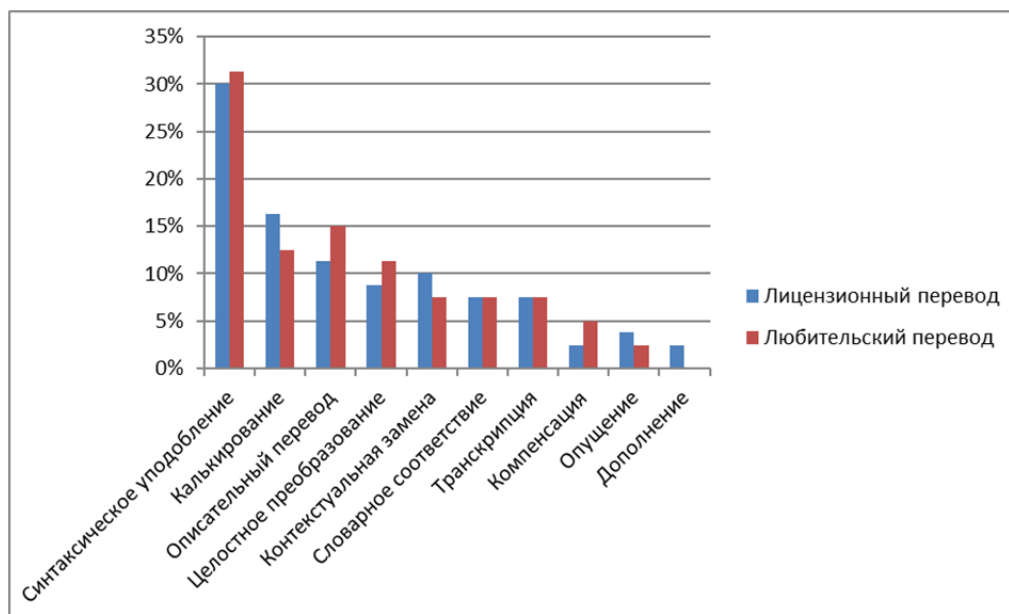

Рис. 1. Способы перевода черного юмора в лицензионных и любительских переводах «Zombieland» и «In Bruges»

Литература

1. Жуланова Е.В., Федорова И.К. Возможности передачи и восприятия культурной специфики комического дискурса в условиях киноперевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 10. С. 54 – 60.
2. Карасик В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 144 – 153.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Альянс, 2017. 254 с.
4. Флеонова О.Л. Лингвостилистические и семиотические особенности американской литературы черного юмора: дис ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. 154 с.
5. Bucari C. Dubbing Dark Humour: A Case Study in Audiovisual Translation // Lods Papers in Pragmatics. 2008. P. 215 – 240.
6. Rishel M.A. Writing Humor: Creativity and the Comic Mind. Wayne State University Press, 2002. 329 p.

References

1. Zhulanova E.V., Fedorova I.K. Vozmozhnosti peredachi i vosprijatija kul'turnoj specifiki komicheskogo diskursa v uslovijah kinoperevoda. Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Problemy jazykoznanija i pedagogiki. 2014. № 10. S. 54 – 60.
2. Karasik V.I. Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izuchenija. Zhanry rechi. Saratov, 1997. S. 144 – 153.
3. Komissarov V.N. Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty). M.: Al'jans, 2017. 254 s.
4. Fleonova O.L. Lingvostilisticheskie i semioticheskie osobennosti amerikanskoj literatury chernogo jumora: dis ... kand. filol. nauk. M.: MGU im. M. V. Lomonosova, 2003. 154 s.
5. Bucari S. Dubbing Dark Humour: A Case Study in Audiovisual Translation. Lods Papers in Pragmatics. 2008. P. 215 – 240.
6. Rishel M.A. Writing Humor: Creativity and the Comic Mind. Wayne State University Press, 2002. 329 p.

**METHODS OF TRANSLATING BLACK HUMOR IN ENGLISH
FILM DISCOURSE INTO RUSSIAN**

*Pirmagomedova A.R.,
Tadzhibova R.R., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dagestan State University*

Abstract: this article is devoted to the consideration of the phenomenon of "black humor" as a sub-genre of comedy, based on the material of the English-language film discourse and its translations into Russian, as well as the analysis and comparison of the translation methods of dark humor based on the material of the American films "Zombieland" (2009) and "In Bruges" (2008). Two different translations of English-language films – "black comedies" – in official and amateur translation are considered, a comparative analysis of the transformations used in the translation of "black humor" is carried out, an axiological characteristic of these transformations is given. Films with elements of "black humor" are distinguished by a special plot, which is based on a combination of elements of dark humor, absurdity, and surreal descriptions, since such films are not intended for a wide audience. The purpose of the article is to study the lexical and syntactic features of the genre of "black humor" in the English-language films "Zombieland" (2009) and "In Bruges" (2008) and ways of their transmission into Russian. The practical significance of the research lies in the fact that its results can be used in writing educational and methodological manuals on the theory of translation of audiovisual texts, as well as be of interest to all those who study English and practice oral colloquial speech.

Keywords: black humour, black comedy, translation methods, literal translation, calquing, explication

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ANGER» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Семендяева Ю.Ю., ассистент,
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

Аннотация: целью исследования в данной статье является изучение существительных, относящихся к эмоциональному состоянию гнева в лексической системе английского языка. К задачам исследования мы можем причислить следующие: изучить роль эмоций в лексикологии, а также их значение в человеческой психологии; подвергнуть разбору различные дефиниции лексической единицы «anger», представленные в англоязычных онлайн-словарях, таких как Oxford Learner's Dictionary, Cambridge Dictionary, Macmillan Dictionary и Collins Online Dictionary; выявить общие компоненты, входящие в коннотативное значение каждого определения рассматриваемой лексики; исследовать основные оттенки значения изучаемого существительного «anger» и степени выражения этого эмоционального состояния, которые делятся на пять групп: discontent, annoyance, indignation, rage, fury, имеющие разное коннотативное значение; рассмотреть лексические единицы, входящие в каждую синонимическую группу и выявить все существительные, имеющие общую коннотацию с лексемой «anger», а также составить синонимические ряды этих групп. В ходе исследования будет приведен количественный анализ лексических составляющих каждой группы. Результаты исследования позволят представить наиболее полный список лексических единиц, относящихся к семантической группе «anger».

Ключевые слова: эмотивная лексика, эмоциональное состояние, эмоции, гнев, дефиниция, коннотация, английский язык

В настоящее время эмоции занимают значительное место «в концептуальной и языковой картине мира человека, они составляют мотивационную основу сознания и социального поведения» [3].

Ведущую роль в представлении эмоционального состояния занимают лексические средства, так как «исследование эмотивной лексики интересно тем, что об истинной природе человеческих чувств, страстей, эмоций, об их силе можно узнать благодаря той форме, которую они приобретают, попадая из внутреннего мира во внешний, то есть благодаря слову» [6]. Исследование такого лексического состава любого языка является нужным для понимания психологии людей.

Согласно И.В. Арнольд, понятия эмоций и чувств должны быть разграничены. Под эмоцией понимается «относительно кратковременное переживание» [1] (*happiness, disappointment, surprise, etc.*), а под чувством – «более устойчивое отношение» [1] (*love, hate, respect, etc.*). А.Н. Леонтьев обуславливает эмоции как психические состояния, проявляющие «оценочное личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в них» [4]. Американский психолог Кэррол Изард дает следующую дефиницию лексемы эмоция: «нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и деятельность; эмоция мотивирует и побуждает, руководит мыслительной и физической активностью индивида» [2]. Все это характеризует эмоциональное состояние человека. Большинство эмоций человека могут быть противопоставлены друг другу: *joy – sorrow, fun – sadness* и т.д., при этом отмечаются и смешанные чувства [9].

Объектом данного исследования выступают эмотивные существительные, отражающие злость в английском языке. Предмет исследования – онлайн-словари Oxford Dictionary, Macmillan Dictionary, Collins Online Dictionary и Cambridge Dictionary, являющиеся эмпирическим материалом данного исследования.

Говоря о существительных со значением гнева, будет целесообразным обозначить, что они изображают отрицательное эмоциональное состояние человека. Так целью нашего исследования является изучение эмотивных существительных со значением гнева, т.е. лексики необходимой для выражения и описания этого чувства.

В лексеме *anger* содержится несколько родственных эмоциональных состояний. П. Экман, являющийся известным американским психологом и экспертом в области изучения человеческих эмоций, считает, что «существует несколько разновидностей этой эмоции: от легкого раздражения до ярости. Они различаются не только по силе испытываемого чувства, но и по типу испытываемого гнева» [8]. Например, *indignation, sullenness, vengeance* и др. Эмоция гнева «мобилизует энергию, необходимую для самозащиты, придает индивиду ощущение силы и храбрости» [2], пробуждают уверенность человека, что побуждает человека защищать себя как личность.

За основу данного исследования нами берется существительное «anger» (гнев, злость) и рассматривается его определение, представленное в упомянутых выше онлайн-словарях.

Рассмотрим определения английского существительного *anger* (гнев):

- «The strong feeling that you have when something has happened that you think is bad and unfair» [13].
- «a strong feeling that makes you want to hurt someone or be unpleasant because of something unfair or unkind that has happened» [10].
- «the strong feeling you get when you think someone has treated you badly or unfairly, that makes you want to hurt them or shout at them» [12].
- «the strong emotion that you feel when you think that someone has behaved in an unfair, cruel, or unacceptable way» [11].

Приведенные выше определения, по-нашему мнению, имеют аналогичное коннотативное значение, а также каждая трактовка данного понятия имеет отсылку на негативно окрашенную эмоцию гнева, выраженную следующими лексическими единицами: *strong feeling/emotion, unpleasant, bad, unfair, cruel, badly, unacceptable, unkind, unfairly*.

Эмоции выступают «мотивом употребления экспрессивной лексики. Как правило, этим эмоциям соответствует целая серия экспрессивов, синонимичных нейтральному наименованию денотата» [7].

Проанализировав вышеупомянутые онлайн-словари на наличие слов и словосочетаний, связанных с выражением гнева, в общей сложности нами была обнаружена 51 лексическая единица.

Тематическая группа гнева может быть разделена в соответствии с разными степенями его проявления, что может свидетельствовать о характере эмоциональных определений, подразделяющихся на пять групп: *discontent* (недовольство), *annoyance* (раздражение), *indignation* (возмущение), *rage* (гнев) и *fury* (ярость). Для наглядности составим синонимический ряд существительных, выражающих эмоцию гнева.

Рассмотрим следующие примеры синонимов, выражающих дефиницию *discontent* и относящиеся к первой группе эмоционального состояния гнева – «*a feeling of being unhappy because you are not satisfied with a particular situation; something that makes you have this feeling*» [13]: *regret, dissatisfaction, envy, unhappiness, restlessness, uneasiness, vexation, discontentment, fretfulness*. Каждая лексема этой группы обладает общей коннотацией – недовольство, о чем свидетельствуют определения каждого слова.

Вторая группа «*annoyance*» – «*a slightly angry or impatient feeling*» [12] содержит в себе существительные со значением раздражения: *irritation, trouble, anger, bother, grief, harassment, disturbance, hassle, nuisance, provocation, displeasure, exasperation, aggravation, vexation, pique, bedevilment*. Общее значение этой группы связано с состоянием раздражения, и всеми его оттенками. Данные лексические единицы могут быть использованы в формальной, а также неформальной речи.

В третью группу «*indignation*» – «*the feeling of shock and anger which you have when you think that something is unjust or unfair*» [11] входят существительные *resentment, anger, rage, fury, wrath, ire* (лук.), *exasperation, pique, umbrage, righteous anger*. Лексические единицы этой группы объединены одним общим значением, т.е. возмущением.

К четвертой группе «*rage*» – «*a feeling of extreme annoyance or displeasure*», т.е. чувство крайнего раздражения или недовольства относятся: *outrage/wrath/ire/exasperation/spleen* (гнев, возмущение, глубокое возмущение), *ill temper/ill humour* (плохое настроение), *vehemence* (горячность), *high dudgeon* (сильное возмущение) и др. Данные лексемы относятся к тематической группе гнев.

В пятую группу «*fury*» – «*intense anger or passion*» [11], т.е. сильный гнев или страсть, входят лексические единицы *temper, frenzy, rampage, tantrum, fit of pique, fit of temper, foulie* (слэнг), *hissy fit* (неформ.), *strop* (неформ.), *paddy* (слэнг). Данные выражения объединяет общее коннотативное значение – ярость – и, как во второй группе, лексемы этой группы могут использоваться в речи формальной и неформальной, а также в разговорной.

В каждую из рассмотренных групп вошли лексические единицы со схожим коннотативным значением. Также стоит обратить внимание на то, что некоторые группы имеют в своем составе одинаковые слова, что свидетельствует о широком значении и общеупотребительности данной лексики. К словам такого рода относятся следующие: *rage, fury, irritation, displeasure, vexation, wrath, ire* и др.

Кроме того, мы считаем необходимым составить диаграмму (рис. 1) иллюстрационного использования, отражающую количественную составляющую каждой из проанализированных нами групп, выражающих определенную стадию развития эмоционального состояния гнева в английском языке.

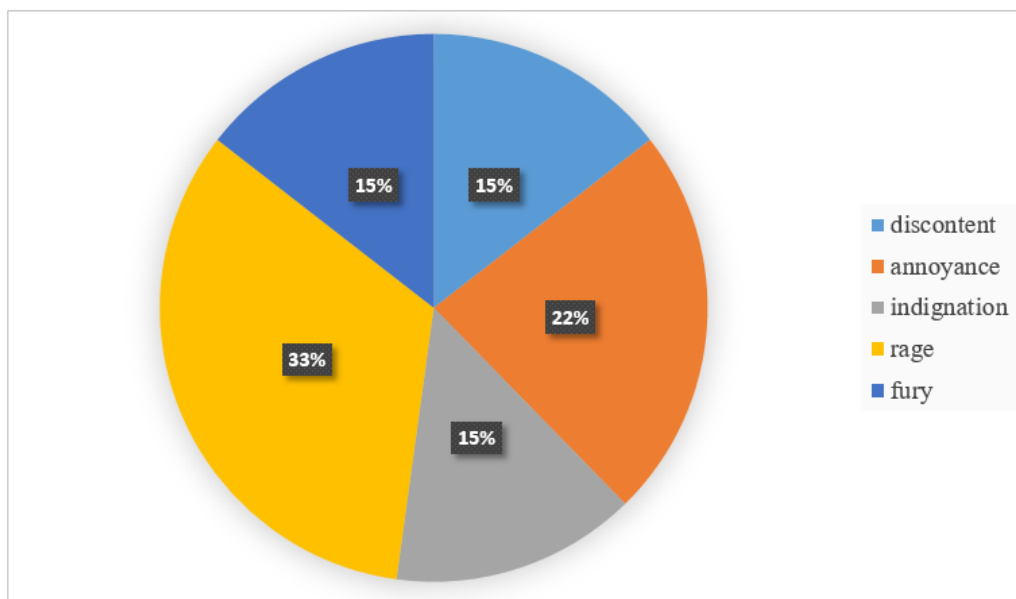

Рис. 1. Степени выраженности эмоции «Anger»

В результате рассмотрения количественного состава пяти проанализированных выше групп, можно сделать вывод о том, что самой обширной является четвертая группа, связанная проявлением эмоции «anger» – группа «rage» с общим количеством 23 лексических единицы (ЛЕ) (т.е. 33% от общего числа лексем), второй по наполненности выступает группа «annoyance» – 16 ЛЕ (22%), третье место по количеству ЛЕ разделяют три группы – «discontent», «indignation» и «fury» с десятью лексическими единицами (15%).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все рассмотренные нами примеры являются ярким проявлением отрицательного коннотативного значения, рассмотренной тематической группы с выражением эмоции гнева, которые могут быть использованы для выражения и описания разной степени проявления этого эмоционального состояния. Использование подобных существительных в устной или письменной речи поможет сделать ее более эмоционально окрашенной и четко передать переживания говорящего (или пишущего).

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2014. 488 с.
2. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
3. Колмогорова А.В., Николаева Г.Р. Особенности вербализации эмоции грусти во французском художественном дискурсе: детская литература vs литература для взрослых // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2. С. 77 – 86.
4. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1971. С. 37.

5. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2017. 440 с.

6. Стрельническая Е.И. Лексические средства выражения эмоционального состояния персонажа и особенности их использования при переводе художественных текстов с английского языка на русский // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. № 3. С. 133 – 137.

7. Шаховский В.И. Что такое лингвистика эмоций. [Электронный ресурс]. URL: http://tverlingua.ru/archive/012/3_shakhovsky.pdf (дата обращения: 24.04.2022)

8. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб.: Питер, 2021. 336 с.

9. Юсупова Н.Г. Языковые средства выражения эмоционального состояния героя в повести Л.Н. Толстого «Дьявол» // Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня смерти Л.Н. Толстого. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2011. С. 57.

10. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 28.04.2022)

11. Collins Online Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 30.04.2022)

12. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 25.04.2022)

13. Oxford Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 30.04.2022)

References

1. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij jazyk. M.: Flinta: Nauka, 2014. 488 s.
2. Izard K.Je. Psihologija jemocij. SPb.: Piter, 2006. 464 s.
3. Kolmogorova A.V., Nikolaeva G.R. Osobennosti verbalizacii jemocii grusti vo francuzskom hudozhestvennom diskurse: detskaja literatura vs literatura dlja vzroslyh. Jekologija jazyka i komunikativnaja praktika. 2017. № 2. S. 77 – 86.
4. Leont'ev A.N. Potrebnosti, motivy, jemocii. M.: Izd-vo Mosk. Un-ta, 1971. S. 37.
5. Maruzo Zh. Slovar' lingvisticheskih terminov. M.: URSS, 2017. 440 c.
6. Strel'nickaja E.I. Leksicheskie sredstva vyrazhenija jemocional'nogo sostojanija personazha i osobennosti ih ispol'zovanija pri perevode hudozhestvennyh tekstov s anglijskogo jazyka na russkij. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2010. № 3. S. 133 – 137.
7. Shahovskij V.I. Chto takoe lingvistika jemocij. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://tverlingua.ru/archive/012/3_shahovskiy.pdf (data obrashhenija: 24.04.2022)
8. Jekman P. Psihologija jemocij. Ja znaju, chto ty chuvstvuesh'. SPb.: Piter, 2021. 336 s.
9. Jusupova N.G. Jazykovye sredstva vyrazhenija jemocional'nogo sostojanija geroja v povesti L.N. Tolstogo «D'javol». Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju so dnja smerti L.N. Tolstogo. Orehovo-Zuevo: MGOGI, 2011. S. 57.
10. Cambridge Dictionary. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (data obrashhenija: 28.04.2022)
11. Collins Online Dictionary [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (data obrashhenija: 30.04.2022)
12. Macmillan Dictionary [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (data obrashhenija: 25.04.2022)
13. Oxford Learner's Dictionary [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (data obrashhenija: 30.04.2022)

NOUNS WITH THE MEANING OF EMOTION “ANGER” IN ENGLISH LANGUAGE

*Semendyaeva Yu.Yu., Assistant Professor,
Sterlitamak branch of Bashkir State University*

Abstract: the aim of the research in this article is to study nouns related to the emotional state of anger in the lexical system of the English language. The objectives of the research can be listed as follows: to study the role of emotions in lexicology, as well as their significance in human psychology; to analyze various definitions of the lexeme „anger“ presented in English-language online dictionaries such as Oxford Learner's Dictionary, Cambridge Dictionary, Macmillan Dictionary and Collins Online Dictionary; to identify common components included in the connotative meaning of each definition of the considered lexeme; to explore the main shades of the meaning of the noun “anger” under study and the degree of expression of this emotional state, which are divided into five groups: discontent, annoyance, indignation, rage, fury, which have different connotative meanings; to consider the lexical units included in each synonymous group and identify all nouns that have a common connotation with the lexeme “anger”, as well as make synonymous rows of these groups. In the course of the study, a quantitative analysis of the lexical components of each group will be given. The results of the study will allow presenting the most complete list of lexical units belonging to the semantic group called “anger”.

Keywords: emotive vocabulary, emotional state, emotions, anger, definition, connotation, English

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС АДЪЕКТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ЛЕКСИКИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Уразаев М.Д., аспирант,
Башкирский государственный университет

Аннотация: данная статья посвящена сопоставлению моделей метафорического переноса в русском и английском языках. Материалом для исследования послужили адъективные лексические единицы концепта «алкогольное опьянение» с прозрачной внутренней формой. Целью данной работы является выявление характерных черт метафорического переноса в языках сравнения, универсальные и уникальные особенности семантической деривации в обоих языках. Результаты исследования 37 лексем показывают, что номинации концепта «алкогольное опьянение» в английском и русском языках имеет ярко выраженные отличия, когда за основу наименования в каждом языке берется иной признак, наряду с отдельными универсальными чертами.

Ключевые слова: алкогольное опьянение, внутренняя форма, концептуальная метафора, метафорический перенос, семантика

Основной посыл теории концептуальной метафоры заключается в том, что сама мысль, по своей природе, является метафоричной. Метафора – это не только стилистический приём, а способ познания, структурирования и объяснения окружающего нас мира [5].

В соответствии с данной теорией, мысль организована в пределах некой концептуальной структуры, а метафора представляет собой концептуальный механизм, через который осуществляется взаимная проекция между различными ментальными областями (crossdomain mappings) [4]. Данная семантическая операция получила название метафорический перенос [2].

Люди используют метафору для интерпретации неизвестных для них концептов путем переноса похожих признаков с известного предмета на неизвестный. Конечно же, возможна обратная операция – создание нового слова для уже знакомого концепта. Кроме того, метафора чаще всего используется в экспрессивных выражениях, например, в лексике алкогольного опьянения.

Сам концепт «алкогольное опьянение» является своеобразной универсальной чертой, присущей человечеству, которому алкогольные напитки были известны издревле. Вино в романских странах, пиво в Германии, эль у кельтов, квас в славянских странах и т.д. [1, с. 521]. **Актуальность работы** вызвана интересом к номинации лексических единиц, представляющих концепт «алкогольное опьянения», к выявлению универсальных и уникальных черт мировидения у носителей языков сравнения, а также к категоризации объектов и явлений действительности, присущим каждому народу и находящим отражение в его языке.

Цель исследования заключается в сопоставительном анализе лексических адъективных единиц концепта «алкогольное опьянение» в английском и русском языках, а также в выявлении уникаль-

ных и специфических черт лексических единиц с прозрачной внутренней формой.

Исследование проводится на *материале* толкового словаря русского языка И.С. Ожегова, онлайн тезауруса – карта слов и выражений русского языка, словаря синонимов ASIS. В.Н. Тришина, словаря современной лексики, жаргона и сленга argo.academic.ru, толкового словаря современного английского языка для продвинутого этапа Хорнби А.С., онлайн словаря Мерриам-Вебстер, онлайн-словаря разговорного английского языка Urban dictionary и тезауруса английского языка WordHippo.

В ходе исследования были использованы следующие **методы исследования:** метод сплошной выборки, семантический анализ, компонентный анализ, метод словарных дефиниций, анализ лексических единиц английского и русского языков, вербализующих концепт «алкогольное опьянение», сравнительный анализ терминов с прозрачной внутренней формой.

Лексические единицы концепта «алкогольное опьянение» используется в разговорном языке, и поэтому, такие черты, как эмоциональность и спонтанность [1] являются основными чертами рассматриваемого концепта. Так в английском языке лексические единицы (далее – ЛЕ) концепта «алкогольное опьянение» метафоризируется через различные концепты, такие как «готовка», «умопомешательство», «разрушение» и т.д. В русском языке это «чрезмерность», «плохое физическое состояние», «настроение» и т.д.

Результаты исследования

Проведем анализ метафорического переноса концепта алкогольное опьянение в английском и русском языках на материале адъективных лексических единиц (37 ЛЕ).

Модели метафорического переноса в английском языке представлены 26 ЛЕ. В результате

проведенного исследования в номинации алкогольное опьянение были выявлены следующие виды метафорических метафорический переносов в английском языке: разрушение → опьянение, ущерб → опьянение, приготовление пищи → опьянение, облитый жидкостью → опьянение, недостаточно просторный → опьянение, состояние беспомощности → опьянение, ослабление → опьянение, под газами (парами) → опьянение, изменение взгляда → опьянение.

Рассмотрим их поподробнее.

1. Разрушение (source domain) → опьянение (target domain):

– **Blasted** (разрушенный, подвергшийся воздействию природных явлений) ~ сильно пьяный. *Dude, we got blasted last night* (Urban dictionary).

– **Bombed** (подвергшийся бомбардировке) ~ сильно пьяный. *I was so bombed last night; I don't remember a thing* (Urban dictionary).

– **Mashed** (раздавленный) ~ сильно пьяный. *Shit man, I was complete mashed last night* (Urban dictionary).

– **Ripped** (разорванный) ~ сильно пьяный. *Mike Hunt was drinking way too much at that party, he was totally ripped!* (Urban dictionary)

– **Smashed** (разбитый) ~ сильно пьяный. *They go out and get smashed four or five times a week* (Oxford Dictionary).

– **Wiped out** (уничтоженный) ~ сильно пьяный. *Thought that it'd be nice to attend a fraternity party in which everyone wasn't wiped out* (Merriam-Webster).

2. Ущерб (source domain) → опьянение (target domain):

– **Stoned** (ударенный камнем) ~ сильно пьяный. *His alcohol tolerance was low enough that one glass of champagne could get him stoned* (Merriam-Webster).

– **Wrecked** (получивший пробоину) ~ сильно пьяный. *Man, I had three exams today, I'm gonna get wrecked tonight* (Oxford Dictionary).

– **Hammered** (ударенный молотком) ~ сильно пьяный. *He turned down another beer to avoid getting hammered* (Merriam-Webster).

– **Thrashed** (избитый) ~ сильно пьяный. *Kirby got so thrashed last night bruz, she humped everyone* (Urban dictionary).

3. Приготовление пищи (source domain) → опьянение (target domain):

– **Canned** (консервированный) ~ пьяный. *Driving home on New Year's Eve, she worried about other drivers who might be canned* (Merriam-Webster).

– **Fried** (зажаренный) ~ пьяный. *Once they realized he was getting fried, his friends made him hand over the keys* (Merriam-Webster).

– **Pickled** (замаринованный) ~ пьяный. *I must have been rather pickled when I agreed to your stupid scheme* (Merriam-Webster).

– **Potted** (приготовленный в горшочке) ~ пьяный. *Work was so awful that I'm just going to go out and get potted tonight* (Merriam-Webster).

– **Stewed** (тушеный) ~ пьяный. *It was clear from the caller's voice that she was fairly stewed* (Merriam-Webster).

4. Залитый (облитый, наполненный, обмазанный) жидкостью (source domain) → опьянение (target domain):

– **Juiced** (залитый соком) ~ пьяный. *He has to get juiced first, but you'll find he's quite a dancer* (Merriam-Webster).

– **Oiled** – *засмазанный* ~ пьяный. *Casino operators like to keep their guests oiled and willing to part with their money* (Merriam-Webster).

– **Soused** (под соусом) ~ пьяный. *He stumbled off to bed, completely soured as usual* (Merriam-Webster).

– **Wet** (промокший) ~ сильно пьяный. *I'm wet as shit right now* (Urban dictionary).

5. Недостаточно просторный (source domain) → опьянение (target domain): **tight** (узкий) ~ пьяный. *He felt more pleasantly tight than at any time since just before that blank period last night* (Urban dictionary).

6. Состояние беспомощности (source domain) → опьянение (target domain):

– **Legless** (безногий) ~ пьяный. *Downed 8 pints last night I was totally legless* (Urban dictionary).

– **Looped** (связанный петлей) ~ пьяный. *I wanna get looped tonight...lets party* (Urban dictionary).

7. Ослабление (source domain) → опьянение (target domain): **impaired** (ослабленный) ~ пьяный. *I think you are becoming impaired faster than you realize* (Urban dictionary).

8. Под газами (парами) (source domain) → опьянение (target domain): **gassed** (загазованный) ~ сильно пьяный. *Dude, that guy was fuckin gassed last night!* (Urban dictionary).

9. Изменение взгляда (source domain) → опьянение (target domain):

– **Cockeyed** (косоглазый) ~ сильно пьяный. *I was cockeyed enough to follow Miller's example and found out how much it really hurt* (WordHippo).

– **Pie-eyed** (круглоглазый) ~ сильно пьяный. *But humans are nothing if not ingenious and when*

they wanted to get pie-eyed they never really needed a tavern (WordHippo).

В русском языке выделены следующие модели метафорического переноса: синий цвет → опьянение, залитый жидкостью → опьянение, ощущение тепла → опьянение, хорошее настроение → опьянение, под газами (парами) → опьянение, изменение взгляда → опьянение. В сего проанализировано 11 ЛЕ.

1. Синий цвет(source domain) → **опьянение** (target domain):

– **Синий** ~ сильно пьяный. *Да ты синий!* (argo.academic.ru)

– **Сизый** ~ сильно пьяный. *Рожя сизая* (argo.academic.ru).

2. Залитый (облитый, наполненный, обмазанный) жидкостью (source domain) → **опьянение** (target domain): **мокрый** ~ сильно пьяный. *Как обед, так все мокрые* (argo.academic.ru).

3. Ощущения тепла (source domain) → **опьянение** (target domain):

– **Тепленький** ~ слегка пьяный. *Пришёл домой тёпленьким* (gramota.ru).

– **Тёплый** ~ пьяный. *Не наливайте ему больше, он уже тёплый* (gramota.ru).

– **Вгретый** ~ сильно пьяный. *Мужик был вгретый, благоухал хорошим коньяком и «Шипром», а из кармана у него торчала настоящая шариковая авторучка* (Мария Семенова – Околованные злом).

4. Хорошее настроение (source domain) → **опьянение** (target domain): **Навеселе** ~ слегка пьяный. *Пришёл домой навеселе* (gramota.ru).

5. Под газами (парами) (source domain) → **опьянение** (target domain): **Загазованный** ~ пьяный. *Загазованный он был, прямо на стражу и нарвался* (gallicismes.academic.ru).

6. Изменение взгляда (source domain) → **опьянение** (target domain):

– **Косой** ~ пьяный. *Скажи мне братец честно, ты отчего косой? От сала и горилки иль водки с колбасой?* (В. Винокур и Л. Лещенко – Гей, славяне).

– **Окосевший** ~ пьяный. *Окосевший поэт постукал по горлышку один из кувшинов, явно принимая его за жреца* (kartaslov.ru).

К универсальным чертам в языках сравнения можно отнести три модели метафорического переноса:

1) залитый жидкостью → опьянение: wet (англ.), мокрый (рус.);

2) под газами (парами) → опьянение: gassed (англ.), загазованный (рус.);

3) изменение взгляда → опьянение: sockeyed (англ.), косой (рус.), окосевший (рус.).

Выводы

Результаты исследования 37 лексических единиц, показывают, что номинация концепта «алкогольное опьянение» в английском и русском языках имеет ярко выраженные отличия, когда, наряду с отдельными универсальными чертами, метафорический перенос осуществляется на основе иного мотивировочного признака. Три модели метафорического переноса являются универсальными – залитый жидкостью, под газами, изменение взгляда. В английском языке на первом месте стоит метафора разрушения, что отражает состояние очень пьяного человека. Стоит также отметить, что в английском языке распространена метафора приготовления пищи. В русском языке же очень распространена метафора ощущение тепла, причём на всех этапах опьянения. Метафора синего цвета указывает на внешний вид человека в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Литература

1. Уразаев М.Д. Исследования лексики алкогольного опьянения в английском языке. Евразийское Научное Объединение. 2021. № 6-6 (76). С. 520 – 522.

2. Яковлева С.Л. Сравнительный анализ метафорического переноса лепидоптеронимов в английском и русском языках // The Scientific Heritage. 2021. № 78-5 (78). С. 44 – 47.

3. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Hillsdale (NJ): Lawrence. Erlbaum Associates, 2006. 830 p.

4. Gentner D., Bowdle B. Metaphor as structure-mapping // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / R. Gibbs (Ed.). New York, NY: Cambridge University Press. 2008. P. 109 – 128.

5. Gubailovskii V., Lakoff G., Johnson M. Metaphors, we live by // Novyi Mir. 2008. V. 10. P. 188 – 189.

References

1. Urazaev M.D. Issledovaniya leksiki alkogol'nogo op'yaneniya v anglijskom jazyke. Evrazijskoe Nauchnoe Ob#edinenie. 2021. № 6-6 (76). S. 520 – 522.

2. Jakovleva S.L. Sravnitel'nyj analiz metaforicheskogo perenosa lepidopteronimov v anglij-skom i rusском jazykah. The Scientific Heritage. 2021. № 78-5 (78). S. 44 – 47.

3. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Hillsdale (NJ): Lawrence. Erlbaum Associates, 2006. 830 p.

4. Gentner D., Bowdle B. Metaphor as structure-mapping. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. R. Gibbs (Ed.). New York, NY: Cambridge University Press. 2008. P. 109 – 128.

5. Gubailovskii V., Lakoff G., Johnson M. Metaphors, we live by. Novyi Mir. 2008. V. 10. P. 188 – 189.

**METAPHORIC TRANSFER OF ADJECTIVAL MODELS FOR
TERMS OF INEBRIATION IN ENGLISH AND RUSSIAN**

*Urazaev M.D., Postgraduate,
Bashkir State University*

Abstract: the article deals with the problem of contrasting patterns of metaphoric transference in English and Russian. Adjectival models for terms of inebriation with a transparent inner form are the material for this research. The purpose of the article is to reveal the metaphorical transference in the considered concept, universal and unique features of semantic derivation in both languages. The results of the study of 37 lexemes of inebriety in English and Russian show, that the nomination process is based on different features, along with some universal ones.

Keywords: inebriety, inner form, conceptual metaphor, metaphorical transfer, semantics

МАНИПУЛЯТИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПОЛИТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЕННОМ КОНТЕКСТЕ

*Абдурахманова Д.З., аспирант,
Южный федеральный университет*

Аннотация: использование языка в политическом контексте вызывает всё больший интерес у народа. Политику необходимо затронуть определённую струну в массовом сознании. Чаще всего в речи политических лидеров мы можем уследить манипулятивные высказывания, направленные на достижение своей главной цели – захват и удержание власти. В рамках данной статьи выявляются две стратегии для реализации обозначенной цели, а также различные тактики в осуществлении манипулятивного воздействия и средства манипулятивной маркированности политического предвыборного дискурса. Кроме того, обобщается теоретический материал, связанный с понятием речевого воздействия и характеристиками речевого манипулирования. Данные результаты исследования могут быть использованы в практике лингвистов-экспертов для рассмотрения представленных тактик в рамках юрислингвистики, или прагмалингвистов для генерализации опыта.

Ключевые слова: манипуляция, речевое воздействие, политический дискурс, прагмалингвистика, стратегия дискредитации, стратегия самопрезентации

Явление речевого воздействия прослеживается ещё с Древней Греции, где ораторы с успехом пользовались словом, как инструментом влияния, убеждения, внушения. Отмечается, что публичные деятели того времени выстраивали свою речь на правилах логики, логичного рассуждения. В современной действительности, с развитием демократии, культуры, связей в широком смысле, человеческого общения, ростом экономической конкуренции, возникновением психологии как науки, феномен речевого воздействия сформировался в науку, именуемую теорией речевого воздействия. Она стала рассматриваться не только с точки зрения лингвистического учения, но и психологии, прагмалингвистики, социолингвистики и других смежных наук.

Если мы обратимся к определению речевого воздействия, то наиболее точно отражающим суть этого явления, на наш взгляд, является определение И.А. Стернина: «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [3, с. 51].

Действительно, ряд учёных (Д. Слобин, М.Р. Желтухина, Е.Ф. Тарасов, К.Ф. Седов, Ж. Вандриес) и целые научные направления (прагмалингвистика, психолингвистика) подтверждают тот факт, что речь не всегда и не только несёт функцию передачи информации. Рассматривая коммуникацию лишь как передачу речевых сообщений, в отрыве от паралингвистических, кинестетических и прагмалингвистических средств, без учёта цели коммуникации, можно столкнуться с коммуникативной неудачей, иначе говоря, отрицательным результатом общения. Правда, последнее может встречаться и в случае, если изначальная коммуникативная цель не была достигнута.

Во избежание коммуникативного «провала» следует брать во внимание факторы, которые влияют на эффективность общения. И.А. Стернин выделяет следующие: «фактор говорящего (все, что относится к физической стороне деятельности говорящего, включая внешность и невербальное поведение), фактор адресата (всё то, что относится к учёту того, на кого ориентировано сообщение) и фактор сообщения (то, что относится к наполнению содержанием, построению и формам языкового выражения сообщения, условиям его передачи). Можно ещё говорить о факторе жанра (учёт правил эффективности определенного жанра речи – митинговое выступление, критика, спор, замечание, приказ, просьба и т.д.), однако, по-видимому, фактор жанра – это грамотное использование всех факторов речевого воздействия факторов в конкретной ситуации общения» [3, с. 53].

В этой связи, следует обозначить, что в акте речевого воздействия принимают участие субъект воздействия, то есть тот, кто производит влияние на деятельность своего собеседника и объект, воспринимающая сторона [4, с. 5]. Оба участника коммуникации находятся во взаимодействии, что предполагает наличие прямого и косвенного воздействия. Прямое речевое воздействие открыто сообщает о своих притязаниях на действия объекта и обыкновённо реализуется за счёт форм повелительного наклонения, повествовательных или вопросительных предложений. В свою очередь, косвенное речевое воздействие представляет коммуникативное намерение говорящего в скрытой, неявной форме, выраженное в специфических языковых формах, которые не передают своего прямого языкового значения и часто направлены не на сам объект, а на всё его окружение.

Тут уместно будет упомянуть о таком понятии, как коммуникативная позиция говорящего. Этот термин подразумевает под собой определённую

степень авторитетности субъекта, производящего коммуникативный акт, перед объектом. Насколько влиятельнее окажется говорящий, настолько эффективнее окажется речевое воздействие.

На наш взгляд, именно в политическом дискурсе нагляднее всего отражается коммуникативная позиция любого политического деятеля. Она может проецироваться на аудиторию, электорат и на своего оппонента в политической гонке. Также она может выражаться одновременно и в отношении к народу и к своему сопернику, если речь идёт о политических дебатах. Бесспорно, политический дискурс является своеобразной ареной для яркого демонстрирования речевого воздействия.

Здесь хотелось бы отметить, что мы различаем манипулятивное и актуализаторское воздействие. При речевой актуализации все языковые единицы употребляются в своём естественном функционировании. Главный принцип такого воздействия – кооперативный уровень взаимодействия, уважение личности собеседника и прямое речевое воздействие. В случае с таким воздействием мы можем говорить о реализации стратегии сближения, предполагающей осуществление приятных действий для собеседника, как: преувеличение интереса, подтверждение общей точки зрения, использование маркеров внутригрупповой принадлежности, необходимого стилистического регистра, подбирающегося под собеседника, обращение по имени и т.д.

Однако, взяв во внимание политический дискурс, мы чаще всего сталкиваемся с манипулятивным воздействием. Борьба за власть, как основная цель в данном виде дискурса, изначально предполагает манипулятивный характер осуществления. Толковые словари Ушакова, Ожегова, Ефремовой определяют манипуляцию, как обман, махинацию, жульничество, проделку. Соответственно, это явление обладает негативной коннотацией. При этом следует отметить, что бывает продуктивная и непродуктивная манипуляция. Первый вид подразумевает расположение к себе партнёра таким образом, чтобы последний в добровольном порядке ставил адресанта в позицию статусного превосходства. Здесь зачастую работают приёмы лестии или комплимента. Непродуктивный же вид манипулятивного воздействия выражается в скрытом воздействии на сознание слушающего с указанием рецепиенту на его неполноценность в том или ином вопросе или сфере.

Согласно Быковой О.Н.: «речевое манипулирование – это вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. В основе языкового

манипулирования лежат такие психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определённых иллюзий и заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков» [1, с. 99].

Как уже отмечалось выше, функциональная специфика политического дискурса заключается в борьбе за власть и её удержании. Используя описательный метод, мы можем выделить риторический подход к рассмотрению политического дискурса. С его точки зрения, обращается внимание на определённые языковые средства, которые используются для осуществления манипулятивной функции речевого воздействия. Со стороны лингвопрагматики делается упор на выявление лингвостилистических особенностей и конкретного семантического направления, которое показывает, как нейтральные языковые средства могут стать политически значимыми в реализации речевого воздействия. На пути к своей цели политики выстраивают стратегии, которые мы разделим на 2 вида: стратегия дискредитации, направленная на умаление профессиональных, интеллектуальных качеств оппонента, его авторитета; и стратегия самопрезентации, заключающаяся в создании положительного образа самого адресанта. В рамках каждой из них реализуются различные тактики.

Рассмотрим обе стратегии на примере предвыборных президентских дебатов между Д. Трампом и Х. Клинтон. В рамках стратегии дискредитации можно выделить следующие тактики:

– тактика обвинения. Это, пожалуй, самая распространённая тактика в стратегии дискредитации. Она выражает открытое приписывание вины без подкрепления конкретных аргументов. В рассматриваемых дебатах реализация данной тактики встречается в речи Д. Трампа по отношению к Х. Клинтон и её команде. Так, например:

«We need to do a better job of preserving our jobs and creating an incentive for companies to build new factories. Just look at Michigan, Ohio and all the places where there are so many jobs, but companies are leaving. You have been doing this for thirty years, why are you only now starting to think about solving these problems? I'll get the jobs back, you can't do that». Здесь обвинение выражается в риторическом вопросе с участием числительных (thirty years), что усиливает внимание аудитории к этому вопросу. А также констатируется факт посредством утверждения (you can't do that), не подкреплённый никакими аргументами, однако это в какой-то степени заставляет аудиторию сомневаться в профессионализме соперника Д. Трампа.

– тактика безличного обвинения. Мы можем проследить её реализацию в словах Х. Клинтон:

«Let's remember where we were eight years ago. We had the worst financial crisis since the Great Depression. Basically, it was precisely because of the tax policy that cut taxes on the rich, did not invest in the middle class, missed Wall Street and created the ideal situation for such a failure».

В этом высказывании напрямую не называются виновные, но контекстуально становится ясно, что оппонент Х. Клинтон выступает за налоговую политику, поэтому явным образом приписывается вина своему сопернику без прямого указания на объект. Для этого Х. Клинтон обращается к аудитории и проводит причинно-следственные связи (let's remember, it was precisely because of the tax policy), употребляет превосходные степени прилагательных (the worst), эпитеты (the ideal situation for such a failure), метонимично перенося обвинение с «налоговой политики» на Д. Трампа, поддерживающего это политическое решение.

Если мы обратим внимание на стратегию самопрезентации, то здесь найдём другие тактики по своему характеру:

– тактика самооправдания. В ответ на слова Д. Трампа о периоде тридцати лет, в течение которых командой Х. Клинтон не выполнялась работа по созданию рабочих мест (см. выше) и утверждению договора НАФТА, ею было произнесено следующее:

«I worked as a secretary of state. I opposed this agreement. I hoped it would be a good deal, but I am not responsible for the fact that it was a bad deal». Очевидно, что употребление местоимения *I* учащается в реализации общей стратегии самопрезентации и данной тактики в частности. Выражения *I opposed, I hoped, I am not responsible* отводят от себя критику и направлены на снятие вины.

– тактика создания положительного образа. Реализацию этой тактики мы находим в словах Д. Трампа:

«My tax cuts are the biggest since Ronald Reagan. I am very proud of them. They will create a huge number of jobs». Так, говорящий старается сфор-

мировать в мышлении слушателей подходящий имидж, прибегая к использованию превосходной степени прилагательного *the biggest*, наречия *very* и личных местоимения *I, my*.

Таким образом, реализуя в своей речи манипулятивные тактики воздействия, политики создают выгодные условия для достижения своих целей. А лингвистические средства помогают грамотно осуществить выбранную стратегию.

Литература

1. Быкова О.Н. Языковое манипулирование. Теоретические и прикладные аспекты речевого общения // Вестник Российской риторической ассоциации. 1999. № 1. С. 99 – 133.
2. Остроушко Н.А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема (к понятию языкового манипулирования) // Мир русского слова. 2002. № 5. С. 86 – 91.
3. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 266 с.
4. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. 239 с.
5. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. 326 с.

References

1. Bykova O.N. Jazykovoje manipulirovanie. Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshhenija. Vestnik Rossijskoj ritoricheskoj asociacii. 1999. № 1. S. 99 – 133.
2. Ostroushko N.A. Rechevoje vozdejstvie kak lingvisticheskaja problema (k ponjatiju jazykovogo manipulirovanija). Mir russkogo slova. 2002. № 5. S. 86 – 91.
3. Sternin I.A. Vvedenie v rechevoje vozdejstvie. Voronezh, 2001. 266 s.
4. Tarasov E.F. Rechevoje vozdejstvie: metodologija i teorija. Optimizacija rechevogo vozdejstvija. M., 1990. 239 s.
5. Shiller G. Manipuljatory soznaniem. M.: Mysl', 1980. 326 s.

MANIPULATIVE SPEECH INFLUENCE IN A POLITICALLY CONDITIONED CONTEXT

*Abdurakhmanova D.Z., Postgraduate,
Southern Federal University*

Abstract: the use of language in a political context is of increasing interest to the people. Politics needs to touch a certain chord in the mass consciousness. Most often, in the speech of political leaders, we can follow manipulative statements aimed at achieving their main goal – the seizure and retention of power. Within the framework of this article, two strategies are identified for the implementation of the designated goal, as well as various tactics in the implementation of manipulative influence and means of manipulative labeling of political pre-election discourse. In addition, the theoretical material related to the concept of speech influence and the characteristics of speech manipulation is summarized. These research results can be used in the practice of expert linguists to review the presented tactics within the framework of legal linguistics, or pragmalinguists to generalize experience.

Keywords: manipulation, speech influence, political discourse, pragmalinguistics, discrediting strategy, self-presentation strategy

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАСТИЦ «吗», «呢», «吧» В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Алжеева М.М., кандидат филологических наук,
Бамбушева И.М.,
Горяева Э.Э.,
Дорджиева О.Е.,

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

Аннотация: основная цель данной статьи – провести исследование использования частиц «吗», «呢», «吧» в вопросительных предложениях современного китайского языка, а также структурной семантики и прагматических характеристик, в том числе и рассмотреть ответы на данные вопросительные предложения, с целью помочь иностранным студентам освоить построение вопросительных предложений с использованием данных служебных слов.

В соответствии с целью перед нами стоят следующие задачи: описать использование частиц «吗», «呢», «吧» в разных типах вопросов: общий вопрос, специальный вопрос, альтернативный вопрос, утвердительно-отрицательная форма вопроса современного китайского языка, проанализировать грамматические явления и объяснить употребление частиц «吗», «呢», «吧», выявить, что форма вопроса зависит от цели говорящего, разложить материал простым языком для более эффективного его освоения иностранными студентами.

Ключевые слова: китайский язык, вопросительное предложение, частица, общий вопрос, специальный вопрос, альтернативный вопрос, утвердительно-отрицательная форма вопроса

Изучение вопросительных предложений играет важную роль в обучении китайскому языку как иностранному. Вопросительная информация в предложениях выражается в основном с помощью вопросительных местоимений, специальных моделей предложений, интонации, а также вспомогательных слов. По сравнению с индоевропейскими языками в китайском языке не хватает морфологических изменений, грамматические функции слов, главным образом, зависят от служебных слов и порядка слов в предложении. Поэтому служебные слова являются одной из трудностей для многих иностранных студентов в изучении китайского языка, но при этом использование частиц является важным грамматическим средством для построения вопросительного предложения в китайском языке.

«吗», «呢», «吧» – три распространенные частицы, используемые для построения вопросительных предложений в китайском языке. Они являются показателями вопросительных предложений. Многие иностранные студенты легко запутываются во время обучения, не уверены, в какой ситуации следует использовать ту или иную вопросительную частицу.

Вопросительные предложения можно разделить на четыре типа по их формальным признакам и семантическим условиям: общий вопрос 是非问 (他去? Он идет?), специальный вопрос 特指问 (谁去? Кто идет?), альтернативный вопрос 选择问 (他去还是你去? Он идет или ты?) и утвердительно-отрицательная форма вопроса 正反问 (他去不去? Он идет не идет?) [1].

«吗», «呢», «吧» используются в конце предложений для выражения вопросительной интонации.

Говоря в общем, частицы «吗», «呢» противоположны, «吗» может располагаться только в конце общего вопроса, а «呢» может стоять в конце предложений, которые выражают специальный вопрос, альтернативный вопрос, утвердительно-отрицательную форму вопроса. Что касается «吧», данная частица встречается в конце всех четырех типов вопросительных предложений.

Рассмотрим область использования «吗». «吗» выражает только вопросительный тон и используется только в вопросительных предложениях, обычно стоит в конце общего вопроса. Структура общего вопроса похожа на повествовательное предложение, за исключением того, что интонация соответствующего утверждения изменяется на вопросительную или добавляется частица [2].

«吗» может стоять в конце утвердительных вопросительных предложений, например:

下雪了吗? Идет снег?

他去过上海吗? Он был в Шанхае?

Этот тип вопроса выражает, что у говорящего нет заранее предполагаемого ответа на то, о чем он спрашивает.

«吗» также может использоваться в конце отрицательной формы общего вопроса, например:

你不爱喝咖啡吗? Ты не любишь пить кофе?

你不喜欢吗? Тебе не нравится?

В подобных предложениях, с одной стороны, тон более деликатный, а с другой стороны, он также выражает, что говорящий угадывает, о чем спрашивают. И эта догадка складывается из двух, которые следуют одна за другой, одна утвердительная, другая отрицательная. То есть эта отрицательная форма общего вопроса применяется в

определенном контексте, обычно спрашивающий на свою утвердительную догадку выражает отрицательные сомнения. Например, значение предложения 你不爱喝咖啡吗? Ты не любишь пить кофе? Содержит предположение, что спрашивающий думает, «что ты любишь пить кофе!». Пример 你不喜欢吗? Тебе не нравится? Означает: «Я думал, тебе понравилось!».

Особенность приведенных выше общих вопросов заключается в том, что сказуемые в них не в удвоенной форме и не используются вопросительные местоимения 谁 кто, 什么 что и т.п.

Однако в некоторых предложениях используются вопросительные местоимения, которые выражают неопределенность 谁 кто, 什么 что, а в конце предложения добавляют «吗», чтобы сформулировать общий вопрос, например:

有什么吃的吗? Есть что-нибудь поесть?

谁都学习日语吗? Все учат японский?

В вопросительном предложении, которое не является общим вопросом, эти вопросительные местоимения несут вопросительную информацию и являются компонентами, которые не могут отсутствовать или быть заменены. Но здесь они не означают неизвестное, о чем надо спросить, а просто выражают неопределенность, и их можно заменить или опустить. «有什么吃的吗? Есть что-нибудь поесть?» можно изменить на «有吃的吗? Есть еда?». «谁学习日语吗? Все учат японский?» можно заменить на «大家都学习日语吗? Все учат японский?» Хотя предложение изменилось, но смысл и интонация не изменились. Следовательно, это скорее особое выражение общего вопроса, а не специальный вопрос.

Рассмотрим область использования «呢». «呢», в основном, применяется при построении вопросительных предложений, выражающих специальный вопрос, альтернативный вопрос, утвердительно-отрицательную форму вопроса, и обычно не применяется для выражения общего вопроса. «呢» на самом деле не несет вопросительной информации, его основная функция заключается в выражении некой интонации углубленного исследования, но также указывает на важный пункт высказывания [3]. Например:

他为什么不来呢? Почему он не приходит? (специальный вопрос)

你学习汉语还是学习日语呢? Ты учишь китайский или японский? (альтернативный вопрос)

这样做可不可以呢? Можно так делать или нет? (утвердительно-отрицательная форма вопроса)

«呢» применяется в специальном вопросе, где

используются вопросительные местоимения «谁 · 怎么 · 什么 · 哪» «кто, как, что, какой» и т.д.

他问谁呢? Кого он спрашивает?

他去哪儿了呢? Куда он пошел?

В этом типе вопросительного предложения вопросительную функцию предложения в основном несет вопросительное местоимение. «呢» же, наоборот, не несет здесь никакой вопросительной информации, а лишь углубляет вопросительный тон. В случае если нет «呢», вопросительный тон в предложении присутствует, причем в более чистом виде. При использовании «呢» вопросительная окраска уменьшается, а тон сомнения и желанная узнать ответ увеличиваются.

В определенном контексте перед «呢» может стоять только один именной компонент [4]. Это особый тип вопросительного предложения, в котором отсутствует вопросительное местоимение, указывающее на форму специального вопроса. Этот тип вопросительного предложения, в основном, имеет две функции, одна из которых состоит в том, чтобы спросить про местоположение, что эквивалентно «在哪儿? Где?» или «去哪儿? Куда идти?». Другая – спросить о ком-то или о чем-то, не повторяя вопроса. Например:

我的鞋子呢? Где моя обувь?

他喜欢吃饺子, 你呢? Он любит пельмени, а ты?

В приведенных выше предложениях, хотя вопросительное местоимение опущено, вопросительная информация по-прежнему присутствует, которая передается некоторыми опущенными вопросительными местоимениями. Например, выражение «我的鞋子呢? Где моя обувь?» можно перефразировать как «我的鞋子在哪儿? Где моя обувь», а «他喜欢吃饺子, 你呢? Он любит пельмени, а ты?» – в «你喜欢吃什么? Ты что любишь есть?».

«呢» можно поставить в конце предложения, выражающего альтернативный вопрос, например:

你明天去还是后天去呢? Ты завтра едешь или послезавтра?

Здесь так же вопросительная информация о выборе не передается модальной частицей «呢». В этом типе вопроса само предложение несет в себе смысл вопроса, предлагая слушателю, на основе альтернативы дать ответ. «呢» используется здесь, чтобы смягчить тон, отражая значение обсуждения.

«呢» также используется в конце утвердительно-отрицательной формы вопросительного предложения. Эта форма вопроса является типом аль-

тернативного вопроса. «呢» здесь также играет роль смягчения тона.

他去不去呢? Он идет или нет?

你写完没写完呢? Ты дописал или нет?

Данный тип вопроса также предоставляет слушателю варианты ответа, но представленные варианты – это утвердительный и отрицательный.

Подводя итог, «吗» и «呢» не могут появиться в одном и том же типе вопросительных предложений, но появляются в друг друга дополняющих формах общего вопроса и не выражающих общий вопрос предложениях. Можно сказать, что по «吗» и «呢» в конце предложения можно судить о типе и характере вопросительного предложения.

Рассмотрим область использования «吧». «吧» можно использовать в конце общего вопроса, например:

你是学生吧? Ты студент?

他能来吧? Он сможет прийти?

В этих предложениях присутствует сильная интонация предположения. У спрашивающего изначально уже есть догадка, которая сопровождается тоном подтверждения. Например «你是学生吧? Ты студент?» означает «Я думаю, что ты студент, но я не уверен». Например «他能来吧? Он сможет прийти?» означает «Он, возможно, сможет прийти, но не точно». Также, если в предложении есть слова «大概, 也许 вероятно, может быть» и т.п., которые означают предположение, в конце предложения можно использовать только «吧», а не «吗».

«吧» можно также использовать в специальном, альтернативном вопросах, в утвердительно-отрицательной форме вопроса

(你说) 他多大吧? (Ты скажи) ему примерно сколько лет?

(你说) 你喝牛奶还是喝果汁吧? (Ты скажи) ты наверняка пьешь молоко или сок?

(你说) 他来不来吧? (Ты скажи) он, наверно, придет?

Хотя этот тип предложения имеет форму вопросительного предложения, но побудительная интонация гораздо сильнее вопросительного тона. На самом деле, в начале предложения опущено словосочетание «ты скажи», которое является призывом к собеседнику дать ответ. Такие предложения должны быть предложениями повелительного наклонения, а не вопросительными предложениями.

«吧» – самая слабая вопросительная частица среди трех частиц, но область ее применения шире.

Рассмотрим ответы на вопросительные пред-

ложения с «吗», «呢», «吧». «吗», «呢», «吧» распределены по разным типам вопросительных предложений. На эти разные типы вопросов следует давать разные ответы.

Общий вопрос задается ко всему предложению в целом. Ответ либо утвердительный, либо отрицательный, используются слова «是 да, 对 верно, 嗯 угу» или «不 не, 不是 нет, 不对 неверно, 没有 не было» и т.д., или можно ответить кивком или покачиванием головы. Например:

A: 他是李老师吗? Он учитель Ли?

B: 不是 Нет

A: 这是他的吧? Это его?

B: 是的 Да.

Отрицательный ответ на отрицательную форму вопроса. Например:

A: 他不说汉语吗? Он не говорит по-китайски?

B: 不说 Не говорит

Хотя ответы на общие вопросы с «吗», «吧» аналогичны, но вопросительное предложение с «吧» указывает на то, что у спрашивающего есть оценка, догадка по поводу ответа, 7, но он не совсем уверен в нем и просит собеседника подтвердить. Обычно на подобные вопросительные предложения больше утвердительных ответов.

Ответ на специальный вопрос направлен на вопросительное местоимение. Например:

A: 他是哪国人呢? Он из какой страны?

B: 他是中国人。Он китаец.

В данном примере необходимо дать ответ про то, из какой страны человек, заменить вопросительное местоимение «哪».

Отвечая на специальный вопрос, в котором опущено вопросительное местоимение, отвечающий должен сам добавить в вопрос вопросительное местоимение, а затем ответить на вопрос.

A: 王金呢? Где Ван Цзинь? (王金在哪儿呢?)

B: 走了。Ушел.

Альтернативный вопрос и утвердительно-отрицательная форма вопроса уже в вопросе содержат варианты ответа, просто нужно выбрать один из вариантов. Например:

A: 你做作业还是玩儿电脑呢? Ты выполняешь задания или играешь на компьютере?

B: 做作业。Делаю задания.

A: 自行车修没修完呢? Велосипед починили или нет?

B: 没修完。Нет.

При изучении вопросительных предложений иностранным студентам легко запутаться в использовании частиц «吗», «呢», «吧», какую их них поставить в конце вопросительного предложения. Акцентировать на их сферы применения и

способах ответа на них, поможет студентам очень различать эти три слова при изучении вопросительных предложений.

Литература

1. Хуан Божун, Ляо Сюйдун. Современный китайский язык. Пекин: Изд-во высшего образования, 2002. С. 112.
2. Чжу Дэси. Конспект лекций по грамматике. Шанхай: Изд-во Шаньу, 2007. С. 202.
3. Ван Лянцзе. Об употреблении слов «吗» и «呢» // Журнал Таншаньского педагогического института. Таншань: Изд-во Таншаньского педагогического института, 2006. № 28 (3). С. 33 – 35.
4. Люй Шусян. Восемьсот слов современного китайского языка. Шанхай: Изд-во Шаньу, 1999. С. 412.
5. Люй Шусян. Восемьсот слов современного китайского языка. Шанхай: Изд-во Шаньу, 1999. С. 56.
6. Хуан Божун, Ляо Сюйдун. Современный китайский язык. Пекин: Изд-во высшего образования, 2002. С. 112.
7. Пэн Сяочуань, Ли Шоуцзи, Ван Хун. Интерпретация грамматики при обучении китайскому

языку как иностранному: 201 пример. Шанхай: Изд-во Шаньу, 2007. С. 249.

References

1. Huan Bozhun, Ljao Sjudun. Sovremennyj kitajskij jazyk. Pekin: Izd-vo vysshego obrazovanija, 2002. S. 112.
2. Chzhu Djesi. Konspekt lekcij po grammatike. Shanhaj: Izd-vo Shan#u, 2007. S. 202.
3. Van Ljancze. Ob upotreblenii slov «吗» i «呢». Zhurnal Tanshan'skogo pedagogičeskogo instituta. Tanshan': Izd-vo Tanshan'skogo pedagogičeskogo instituta, 2006. № 28 (3). S. 33 – 35.
4. Ljuj Shusjan. Vosem'sot slov sovremennogo kitajskogo jazyka. Shanhaj: Izd-vo Shan#u, 1999. S. 412.
5. Ljuj Shusjan. Vosem'sot slov sovremennogo kitajskogo jazyka. Shanhaj: Izd-vo Shan#u, 1999. S. 56.
6. Huan Bozhun, Ljao Sjudun. Sovremennyj kitajskij jazyk. Pekin: Izd-vo vysshego obrazovanija, 2002. S. 112.
7. Pjen Sjaochuan', Li Shouczi, Van Hun. Interpretacija grammatiki pri obuchenii kitajskomu jazyku kak inostrannomu: 201 primer. Shanhaj: Izd-vo Shan#u, 2007. S. 249.

USING PARTICLES "吗", "呢", "吧" IN INTERROGATIVE SENTENCE

Alzheeva M.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),

Bambusheva I.M.,

Goryaeva E.E.,

Dordzhieva O.E.,

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

Abstract: the main purpose of this article is to conduct a study of the use of the particles "吗", "呢", "吧" in the interrogative sentences of modern Chinese, as well as structural semantics and pragmatic characteristics, including the consideration of answers to these interrogative sentences, in order to help foreigners students to master the construction of interrogative sentences using these function words.

In accordance with the goal, we are faced with the following tasks: to describe the use of the particles "吗", "呢", "吧" in different types of questions: general question, special question, alternative question, affirmative-negative form of the question of modern Chinese, analyze grammatical phenomena and explain the use of the particles "吗", "呢", "吧", reveal that the form of the question depends on the purpose of the speaker, decompose the material in simple language for more effective learning by foreign students.

Keywords: Chinese, interrogative sentence, particle, general question, special question, alternative question, affirmative-negative form of the question

ПЕРЕФРАЗИРОВАНИЕ И ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОГО

*Дулалаева И.Ю.,
Елабужский институт,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация: целью исследования является разработка критериев допустимых лексико-семантических преобразований в переводе. **Задачами** исследования являются уточнение и разграничение понятий «парафраз» и «вольный перевод» как лексико-семантических модификаций исходного текста в переводе, выявление условий допустимости использования «парафраз», возможность практического применения парафраз и вольного перевода в условиях транзитного периода конвенциональной нормы на основе сравнительно-сопоставительного анализа переводов современной художественной прозы. Используя такие **методы** лингвистического исследования как сравнительно-сопоставительный метод, метод установления корреляции языковых систем для выявления типологических и функциональных различий в текстах оригинала и перевода, выявляются условия лексико-семантических модификаций подлинника в переводе. Автор вводит такое **новое** для общей теории перевода понятие как критерий допустимого, включающий себя описание условий применения парафраз в качестве «фильтра» уместности лексико-семантических модификаций текста оригинала в переводе. **В результате** выявляются факторы, составляющие данный критерий и позволяющие переводчику делать обоснованный выбор варианта перевода. **Практическая значимость** исследования заключается в расширении списка «инструментов» практического переводчика, способствующих созданию коммуникативно-равноценного текста перевода и адекватному функционированию данного перевода в принимающем социуме и культуре.

Ключевые слова: художественный перевод, вольный перевод, парафраз, конвенциональная норма перевода, эквивалентность перевода, критерий «допустимого» в переводе, коммуникативная равноценность перевода

Введение

Актуальность вопросов, связанных с созданием коммуникативно-равноценного текста перевода, обусловлена возрастающей интенсивностью взаимообогащения культур на современном этапе – по сути ежедневно публикуется большое количество переводов произведений современных зарубежных авторов. Сравнительно-сопоставительный анализ переводов и оригиналов произведений выявляет несоответствия, вызванные неправомерным применением парафраз, а часто и вольного перевода, что, в целом, приводит к созданию коммуникативно-неравноценных текстов, нарушающих эквивалентность перевода, и влияет на расшатывание конвенциональной нормы перевода, общепринятой в XX веке.

Задачами данного исследования являются: во-первых, выявить условия применения парафраз как переводческой трансформации; во-вторых, разграничить понятия парафраз и вольный перевод; в-третьих, обосновать необходимость критерия допустимости для семантических преобразований в переводе в условиях транзитной конвенциональной нормы перевода.

В теоретических работах не предпринимались попытки комплексного изучения условий применения перефразирования и вольного перевода и сопряжения этих трансформаций с меняющейся конвенциональной нормой перевода. **Новизна исследования** заключается в разработке на основе такого исследования критерия допустимого, принимающего во внимание как лингвистические, так

и экстралингвистические и прагматические факторы осуществления перевода.

Результатом исследования явилась разработка такого нового понятия для переводоведения как критерий допустимого, включающий в себя основополагающие принципы возможности или невозможности допущения таких лексико-семантических трансформаций как парафраз и вольный перевод.

Методы исследования включают изучение и анализ теоретических работ, посвященных проблемам общей теории перевода, сравнительно-сопоставительный анализ примеров применения парафраз и вольного перевода отрывков художественной прозы с последующим семантическим и переводоведческим анализом и учетом конвенциональной нормы перевода, а также других факторов, влияющих на обоснованность выбора переводческого решения.

Теоретической базой исследования послужили труды видных российских ученых, занимающихся проблемами общей теории перевода – В.Н. Комиссарова, который подробно освещает вопросы конвенциональной и прагматической норм перевода [1], А.В. Фёдорова, изложившего основные положения такого подхода к переводу как вольный (свободный) перевод в его онтогенезе [9], Н.К. Гарбовского, рассматривающего опыт мировой цивилизации в переводе в диахроническом аспекте [1], Л.Л. Нелюбина и Г.Т. Хухуни [7], которые излагают основные модели перевода XX века и описывают историю развития переводческой мысли в России и за рубежом в историческом аспекте, что

включает и такие тенденции как вольный и буквальный перевод, а также статьи современных исследователей А. Молчановой [6], Н.Ф. Муртазиной [5], А.А. Поддубновой [8], которые предлагают вариативные дефиниции парафразы и отмечают предпочтительность данной трансформации, как в художественном переводе, так и в адаптивном транскодировании в качестве эффективного инструмента локализации текста.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов исследования в практической деятельности переводчиков художественной литературы, а также использовании материалов в вузовской подготовке по направлению 45.03.02 Лингвистика, профиль Перевод и переводоведение при изучении дисциплин «Общая теория перевода», «Теория и практика перевода».

Критерий допустимого в выборе переводческого решения в соответствии с конвенциональной нормой перевода: парафраз или вольный перевод

Конвенциональная норма – один из главенствующих принципов, которому следуют переводчики в определенный временной промежуток. «В настоящее время конвенциональную норму перевода можно определить как требование максимальной близости перевода к оригиналу, его способность полноценно заменять оригинал как в целом, так и в деталях, выполняя задачи, ради которых перевод был осуществлен. Практически это требование реализуется путем выполнения всех или некоторых из указанных аспектов переводческой нормы» [4, с. 232], то есть, по определению В.Н. Комиссарова, это негласный свод правил, позволяющий переводчику создавать тексты, отвечающие представлениям общества о том, каким должен быть перевод, чтобы соответствовать другим произведениям подобного типа. А.В. Федоров считает, что перевод – это умение «выразить верно и полно средствами одного языка то, что выражено ранее средствами другого языка» [9, с. 10]. Эти два определения закладывают, по нашему мнению, основы подхода к переводу текста в том плане, что в своей практической деятельности переводчик должен руководствоваться определенными теоретическими принципами для как можно более полной и точной передачи информации (и предметно-логической, и субъективной), закодированной в исходном тексте.

В разные исторические периоды общепринятые взгляды на перевод разительно отличались, например, в XIX – начале XX века господствовала теория вольного (свободного) перевода, когда текст оригинала как можно ближе адаптировался к реалиям принимающей культуры, что влекло за

собой изменение имен собственных с их уподоблением, изменение места и / или времени событий, замена языковых и культурных реалий, различного рода добавления, преследующие целью «украсить» или «улучшить» перевод и т.д. С развитием теории перевода в нашей стране в середине и второй половине XX века конвенциональная норма претерпела значительные изменения – перевод теперь должен был быть ориентирован на оригинал и быть коммуникативно-равноценным оригиналу, то есть вызывать у рецептора перевода реакцию, схожую с восприятием рецептора оригинального произведения.

Вопросы «расшатывания» конвенциональной нормы перевода рассматривались в работе И.Ю. Дулалаевой, где проанализированы тенденции взглядов на перевод на основе наблюдений и анализа переводов отдельных произведений художественной прозы XX века, с целью установления намечающегося сдвига в сторону вольного (свободного) перевода [3, с. 1307]; отмечается, что при всей вариативности способов достижения переводческой эквивалентности, даже такие именитые писатели-переводчики как В.В. Набоков называли свои работы не переводом, а пересказом или переложением. Переводы начала XXI века показывают противоположную предыдущему веку тенденцию: встречается все больше текстов, которые разительно отличаются от оригинала использованием языковых и стилистических средств, такими отступлениями от текста оригинала, как необоснованные добавления и опущения, свободное перефразирование, что может быть истолковано как вольный перевод, если не в целом, то в отдельных отрывках произведений. Объяснение этому, скорее всего, не плохая теоретическая подготовка переводчиков, а коммерциализация всей отрасли книгоиздания: чем более захватывающе и красиво будет выглядеть бестселлер, тем охотнее читатели его раскупят, тем самым повышая прибыль издательства.

Однако на наш взгляд, читатель заслуживает того, чтобы иметь объективное представление о языке автора оригинала, тех лексических и синтаксических средствах, которые автор использует, создавая свое произведение, для того, чтобы получить неискаженное представление о личности самого автора, и любые неоправданные отступления от текста оригинала изменяют не только само произведение, но и образ автора. Это объясняет необходимость введения критерия допустимого, то есть разработку ограничений, которые будут способствовать тому, чтобы переводчик делал осознанный выбор из множества возможных вариантов перевода.

Языки, задействованные в переводе, не могут

совпадать полностью, что вызывает необходимость использования переводчиком различных лексико-грамматических и стилистических трансформаций, которые вполне оправданы, когда дело касается типологических и функциональных различий между языками. В рамках нашей темы это относится, прежде всего, к парафразу. Парафраз, или перефразирование, по мнению А. Молчановой, это «способ изменения фразы таким образом, чтобы сохранялся первоначальный смысл, несмотря на использование других языковых средств» [6, с. 22]. Данное определение, однако, представляется неполным, так как синонимический потенциал любого языка очень велик, кроме того, в каждом языке существуют предпочтительные, стереотипные способы описания различных речевых ситуаций, что еще раз подтверждает необходимость использования переводчиком некоего критерия, который бы позволил ему ответить на вопрос, почему один вариант перевода предпочтительнее другого.

Классический пример парафраза – это перевод таких выражений, как “take it easy” («отнеситесь к этому легче», «не принимайте близко к сердцу») или “let somebody pass” («уступить дорогу»), то есть в переводе по объективным причинам используются предпочтительные стереотипные способы описания речевой ситуации, поскольку буквальный перевод приводит к созданию неузуальных фраз, затрудняющих правильное восприятие и понимание текста.

Н.Ф. Муртазина считает, что «перефразирование представляет собой «продукт лингвокреативной деятельности человека в процессе переосмысления им предмета или явления окружающего мира» [5, с. 26], что также кажется недостаточным и нуждается в конкретизации, поскольку «лингвокреативность» представляется нам как неопределенное множество способов описания речевых ситуаций с использованием такого же неопределенного множества языковых средств. Кроме того, необходимы обоснованные причины объективного характера для применения данной лексико-семантической трансформации.

А.А. Поддубнова считает перефразирование одним из способов локализации как вида адаптивного транскодирования для адаптации перевода к культурному социуму, в котором переводу предстоит функционировать [8]. Однако, можно ли считать перефразированием следующие примеры, приведенные А.А. Поддубновой, или это все же вольный перевод?

“Let’s cross over! I’m constantly dragging her back and forth across the **crazy traffic** of Rome” [12]. – «Давай перейдем улицу! Я постоянно таскаю ее туда-сюда через **улицы** с римскими **водилами-**

камикадзе» [2]. Можно согласиться, что гипероним “traffic” включает в себя такие гипонимы, как улица, движение, водитель. Но вот введение в перевод слова «камикадзе» является, на наш взгляд, ничем не оправданным с точки зрения лингвистики и лингвокультурологии, поскольку для итальянской культуры это явление является чуждым, то есть можно смело утверждать, что это преобразование текста является не перефразированием, а образцом вольного перевода.

“I will give you the sun and the rain, and if they are not available, I will give you a sun check and a rain check, I will give you **all this and more**”... [12]. – «Ради него я способна вызвать солнце и дождь, и если сразу не выйдет, то в следующий раз уж точно. Отдав **все это и полкоролевства в придачу...**» [2]. В данном примере мы видим лексическое добавление «полкоролевства», что также не оправдано, поскольку, если говорить о функционировании текста перевода в русском социуме и локализации перевода, что, другими словами, является изменением места событий и характерно для вольного перевода, то скорее следовало бы добавить термин «полцарства».

В истории русской переводческой мысли многие выдающиеся писатели и переводчики, начиная с А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, высказывали мысль о том, что перевод тем лучше, чем менее в нем заметно присутствие переводчика.

Таким образом, мы сталкиваемся с необходимостью проведения разграничения понятий «парафраз», или «перефразирование», и «вольный», или «свободный» перевод, что позволило бы переводчику придерживаться некоей «золотой середины» и не впадать в крайности, навязывая свое восприятие и ассоциации, которые могут быть весьма субъективными, рецептору текста перевода.

По определению В.Н. Комиссарова, «Свободным (вольным) переводом называется перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого возможно достичь при данных условиях переводческого акта. Свободный перевод может быть признан адекватным, если он отвечает другим нормативным требованиям перевода и не связан с существенными потерями в передаче содержания оригинала. Более серьезные отклонения от содержания оригинала делают свободный перевод неэквивалентным и неадекватным, превращая его в «переложение» или самостоятельное высказывание на тему оригинала» [4]. Целая глава посвящена К.И. Чуковским вопросам допустимости вольного перевода и анализу того, как свободный перевод влияет на восприятие произведения. Автор отмечает, что «Отражение личности писателя в языке его произведений и называется его индивидуальным стилем, присущим

ему одному. <...> искажив его стиль, мы тем самым искажим его лицо» (Чуковский, 1988, с.19), а также «система допускаемых <...> отклонений от подлинника приводит к тому, что лицо переводимого автора подменяется порою лицом переводчика» [11, с. 25].

В этой связи необходимо упомянуть примечательный эксперимент, проведенный В.И. Фроловым, результаты которого были опубликованы в журнале «Мосты» [10]. Участникам были представлены переводы произведений разных авторов, выполненные одним переводчиком и предлагалось ответить на вопрос, один ли автор у этих произведений. Подавляющее большинство участников согласилось с тем, что это работы одного и того же автора. То есть, эксперимент служит наглядным доказательством того, что языковая личность переводчика, его языковой и жизненный опыт, словарный запас, языковые предпочтения – все это лишает подлинник тех характерных черт, которые присущи автору произведения.

Проводя грань между перефразированием и вольным переводом, следует отметить, что перефразирование допустимо и необходимо там, где происходит несовпадение лексической и грамматической сочетаемости, функциональной нагрузки стилистических приемов, где типологические особенности языков не позволяют сходным образом передать смысл фразы оригинала. Вольный перевод наносит ущерб подлиннику, искажает и фальсифицирует его, создает неадекватный образ автора, подменяя его и его мировосприятие, а также языковую личность автора подлинника личностью переводчика.

Несомненно, художественный перевод процесс творческий, так сказать, лингвокреативный. Однако, каждому переводчику следует придерживаться критериев допустимого в отношении использования перефразирования и вольного перевода. Перефразирование уместно там, где типологические особенности языков, а именно лексическая или грамматическая валентность не позволяют прибегнуть к прямой передаче семантики языковых единиц. Излишнее стремление к парафразу чревато вольностями в переводе, такими, как в рассмотренных примерах, что ведет к созданию коммуникативно неравноценного текста, и, следовательно, нарушает эквивалентность перевода, а также искажает образ автора оригинала.

В практической деятельности переводчику художественной прозы необходимо руководствоваться не столько своими личными предпочтениями, сколько факторами, ограничивающими вольное трактование подлинника, и способными нарушить идиостиль автора. К числу таких ограничений относится и критерий допустимого, впер-

вые предлагаемый нами, который включает следующее: 1) соответствие языковой норме, 2) соответствие речевой норме, 3) соответствие узусу, 4) соответствие прагматической задаче, если такая была поставлена заказчиком перевода, 5) соответствие конвенциональной норме, и, пожалуй, самое главное и трудное, – 6) ответ на вопрос, не произойдет ли в результате выбранного варианта перевода искажение личности персонажа произведения и / или личности автора подлинника, как в языковом плане, так и в мировоззренческом.

В отношении специального, так сказать, «ремесленного» перевода, критерий допустимого работает еще строже: в специальных типах текстов – технических, научных, политических и других подобных – предел допустимых преобразований еще ограниченнее, чем в переводе художественной прозы. Критерий допустимого в переводе таких текстов должен включать такие «фильтры», как 1) соответствие терминосистеме, 2) выбор синтаксических структур соответствующего типа текстов в языке принимающей культуры с учетом их функциональной нагрузки, 3) правильный регистр языка и речи, 4) допустимые фигуры речи – сравнения, метафоры, профессиональный сленг, характерные для данного типа текстов в принимающей культуре. Конечно же, речь не идет о полном исключении перефразирования, но допустимость такой трансформации должна быть обусловлена реальными факторами языковой нормы и узуса.

Заключение

Все вышеизложенное позволяет прийти к следующим **выводам**: 1) условия применения парафраза как переводческой лексико-семантической трансформации определяются типологическими различиями языковых систем, нормой и узусом языка принимающей культуры, а также функциональной нагрузкой лексических стилистических фигур, если они имеются в языках, задействованных в переводе; 2) парафраз, или перефразирование, отличается от вольного перевода тем, это вынужденная лексическая модификация текста оригинала в переводе, тогда как вольный перевод – это необоснованное лексико-грамматическое преобразование текста, часто обусловленное типом языковой личности переводчика и его языковыми предпочтениями или лексическим запасом, приводящее к искажению подлинника, включая фальсификацию персонажей, их мировоззрения, а также и личности автора оригинала; 3) в условиях изменений конвенциональной нормы перевода в первые десятилетия XXI века, когда в переводных произведениях наблюдается тенденция к вольному (свободному) обращению с текстом подлинника, особо актуальной для практикующих переводчиков становится необходимость разработки и при-

менения в практической деятельности критерия допустимого в переводе, что относится к необходимости, уместности и правомерности привнесения в текст оригинала лексико-семантических модификаций с целью сохранения и правильной передачи в переводе авторского идиостиля, личности персонажей и автора, а также умения переводчика абстрагироваться от собственных субъективных языковых предпочтений с целью воссоздать произведение, коммуникативно равноценное подлиннику и полноценно заменяющее оригинал в принимающей культуре.

Перспективы дальнейшего исследования видим в изучении, сравнении и сопоставлении большего количества переводов современной литературы с их оригиналами для дополнительного выявления факторов критерия допустимости, что будет способствовать улучшению подготовки профессиональных переводчиков.

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета (Приоритет-2030).

Литература

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск.ун-та, 2004. 544 с.
2. Гилберт Э. Есть, молиться, любить = Eat, Pray, Love: пер. с англ. Ю.Ю. Змеевой. М.: РИПОЛ классик, 2011. 368 с.
3. Дулалаева И.Ю. Конвенциональная норма и эквивалентность в оценке качества перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2021. № 4. С. 1306 – 1312.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для студ. ин-тов и фак-тов иностр. языков. М.: Высш. шк., 1990. URL: https://classes.ru/grammar/43.Teoriya_perevoda_Ling_victicheskiye_aspekty/extfile/help2/html/unnamed_68.html
5. Муртазина Н.Ф. Морфотемная организация перефразирования сложных словообразовательных и атрибутивных конструкций немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / науч. рук. А.И. Фёфилов. Самара: Ин-т междунар. отношений УГУ, 2005. 26 с.
6. Молчанова А. Перефразирование как способ переводческой адаптации. 2019. URL: <http://e-lib.mslu.by/bitstream/edoc/4327/1.pdf>
7. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учеб.пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2006. 416 с.

8. Поддубнова А.А. Перефразирование как инструмент эффективной переводческой адаптации // Сборник статей Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. 2012. URL: <https://www.alba-translating.ru>

9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков: учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с. (с.29-42) <https://superlinguist.ru/teoriia-i-praktika-perevoda-skachat-knigi-besplatn/fedorov-a-v-osnovy-obshchei-teorii-perevoda-lingvisticheskie-problemy.html>

10. Фролов В.И. Два полюса переводческого идиостиля [Электронный ресурс] // Мосты. 2020. № 2 (66). URL: <http://www.rvalent.ru/most66.htm>

11. Чуковский К.И. Высокое искусство, М., Советский писатель, 1988. 350 с.

12. Gilbert E. Eat, Pray, Love: One Woman's Search for Everything across Italy, India and Indonesia. Penguin (USA), New York, 2006. 352 с.

References

1. Garbovskij N.K. Teorija perevoda: uchebnik. M.: Izd-vo Mosk.un-ta, 2004. 544 с.
2. Gilbert Je. Est', molit'sja, ljubit' = Eat, Pray, Love: per. s angl. Ju.Ju. Zmeevoj. M.: RIPOL klassik, 2011. 368 с.
3. Dulalaeva I.Ju. Konvencional'naja norma i jekvivalentnost' v ocenke kachestva perevoda. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (vhodit v perechen' VAK). Tambov: Gramota, 2021. № 4. S. 1306 – 1312.
4. Komissarov V.N. Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty): uchebnik dlja stud. in-tov i fak-tov inostr. jazykov. M.: Vyssh. shk., 1990. URL: https://classes.ru/grammar/43.Teoriya_perevoda_Ling_victicheskiye_aspekty/extfile/help2/html/unnamed_68.html
5. Murtazina N.F. Morfotemnaja organizacija perefrizirovanija slozhnyh slovoobrazovatel'nyh i atributivnyh konstrukcij nemeckogo jazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / nauch. ruk. A.I. Fefilov. Samara: In-t mezhdunar. otnoshenij UGU, 2005. 26 с.
6. Molchanova A. Perefrizirovanie kak sposob perevodcheskoj adaptacii. 2019. URL: <http://e-lib.mslu.by/bitstream/edoc/4327/1.pdf>
7. Neljubin L.L., Huhuni G.T. Nauka o perevode (istorija i teorija s drevnejshih vremen do nashih dnei): ucheb.posobie. M.: Flinta: MPSI, 2006. 416 с.
8. Poddubnova A.A. Perefrizirovanie kak instrument jeffektivnoj perevodcheskoj adaptacii. Sbornik statej Aktual'nye voprosy perevodovedenija i praktiki perevoda. 2012. URL: <https://www.alba-translating.ru>

9. Fedorov A.V. Osnovy obshhej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): Dlja institutov i fakul'tetov inostr. Jazykov: ucheb. posobie. 5-e izd. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M.: OOO «Izdatel'skij Dom «FILOLOGIJa TRI», 2002. 416 c. (s.29-42) <https://superlinguist.ru/teoriia-i-praktika-perevoda-skachat-knigi-besplatn/fedorov-a-v-osnovy-obshchei-teorii-perevoda-lingvisticheskie-problemy.html>

10. Frolov V.I. Dva poljusa perevodcheskogo idiosilja [Elektronnyj resurs]. Mosty. 2020. № 2 (66). URL: <http://www.rvalent.ru/most66.htm>

11. Chukovskij K.I. Vysokoe iskusstvo, M., Sovetskij pisatel', 1988. 350 c.

12. Gilbert E. Eat, Pray, Love: One Woman's Search for Everything across Italy, India and Indonesia. Penguin (USA), New York, 2006. 352 c.

PARAPHRASING AND FREE TRANSLATION: CRITERIA FOR ACCEPTABLE

*Dulalaeva I.Yu.,
Elabuga Institute,
Kazan Federal University*

Abstract: the aim of the study is to develop criteria for acceptable lexicosemantic transformations in translation. The objectives of the study include: clarifying and delineating the concepts of "paraphrasing" and "free translation" as lexicosemantic modifications of the source text in translation; identifying conditions for the admissibility of using "paraphrasing" and the possibility of practical application of paraphrasing and free translation in the conditions of the transitional period of the conventional norm on the basis of a comparative analysis of modern fiction translations. The article reveals the conditions for lexical-semantic modifications of the original in translation using such methods of linguistic research as the comparative method, the method of establishing the correlation of language systems to identify typological and functional differences in the texts of the original and the translation. The author introduces such a new concept for the general theory of translation as a criterion of acceptability, which includes a description of the conditions for using paraphrasing as a "filter" for the relevance of lexical-semantic modifications of the original text in translation. This allows identifying as a result the factors that make up this criterion and allow the translator to make a reasonable choice of translation option. The practical significance of the study lies in expanding the list of practical translator's "tools" that contribute to the creation of a communicatively equivalent translation text and the adequate functioning of this translation in the host society and culture.

Keywords: literary translation, free translation, paraphrasing, conventional norm of translation, equivalence of translation, criterion of "acceptable" in translation, communicative equivalence of translation

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИТУАЦИЙ НАРУШЕНИЯ ТАБУ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

*Салимова Г.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Лунаева Л.С., ассистент,
Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)*

Аннотация: статья посвящена анализу городских объектов, который проводится на основе метода лингвистического ландшафта. Данный анализ направлен на выявление нарушений норм на объектах визуальной информации. В ходе исследования изучена нормативно-правовая база Российской Федерации, регламентирующая использование норм на коммерческих объектах. В рамках проводимой языковой политики на территории всей страны законодательно закреплены статьи, целью которых является запрет на использование тем, унижающих честь и достоинство человека. Методом свободной выборки отобраны названия вывесок, нарушающие определенные статьи указанных законов. Кроме того, данные названия коммерческих объектов не только нарушают принципы гуманности и морали, но и вызывают общественный резонанс, что свидетельствует о негативном отношении общества к подобной «креативности» владельцев. Как следствие такого неприемлемого употребления слов с негативным значением, порочащие культурно-нравственные ценности, является обращение администрации и жителей городов в вышестоящие инстанции, в частности Роспотребнадзор. Сами владельцы, в свою очередь, преследуют единственную цель – любыми способами привлечь внимание и увеличить спрос на свою продукцию. С применением социологического опроса, выявлены эмоциональные реакции жителей различных городов Российской Федерации. Анализ данных показал, что жители относятся к подобно рода вывескам отрицательно и считают их неподобающими и оскорбительными. В результате исследования сделан следующий вывод: в рамках проведения языковой политики с целью сохранения культурно-нравственных ценностей и ненарушения базовых принципов морали и этических норм, необходимо установить контроль на государственном уровне процесса создания вывесок на коммерческих объектах.

Ключевые слова: табу, лингвистический ландшафт, социологический опрос, стимул-реакция, нарушение, коммерческий объект, языковая политика

Процессы, происходящие в стране, экономические, политические, культурные, так или иначе, имеют свое воздействие на повседневную жизнь людей. Под повседневностью ученые понимают «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира» [1, с. 138]; как «процесс жизнедеятельности индивидов, который разворачивается в общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий» [7]. По мнению А.В. Кириллиной, «в повседневной жизни происходит столкновение старого и нового, своего и чужого, приемлемого и неприемлемого» [5, с. 32]. В связи с этим встает вопрос о качественном анализе норм и ценностей нашего общества во взаимосвязи, т.к. очевидно влияние ценностных ориентиров на формирование системы норм. С позиции приемлемого и неприемлемого представляется интересным исследование табу – негативных предписаний или норм, сформулированных в виде запретов, обусловленных социальными, культурными, этическими и другими факторами [2, с. 345]. Одним из инструментов, позволяющих проследить и выявить изменения жизненных ценностей в сознании людей и норм в обществе, является метод лингвистического ландшафта.

Метод лингвистического ландшафта (далее ЛЛ) предполагает изучение открытого и доступного большому количеству людей общественного про-

странства, под которым чаще всего подразумеваются улицы, городские площади, парки, библиотеки и др. [17]. Согласно определению Р. Ландри и Р. Борхиса, впервые применивших понятие ЛЛ для описания общественного пространства, лингвистический ландшафт – это «видимость и заметность языков на государственных и коммерческих знаках, которые расположены на определенной территории» [18]. Описание ЛЛ также включает анализ языковой политики региона или местности. В зарубежных исследованиях, например, Э. Бен-Рафаэля, Э. Шохами, Н. Трамп-Хекта, П. Баухауса, большое внимание уделяется следующему вопросу: находит ли отражение языковая политика в лингвистическом ландшафте и, если да, то каким образом [16].

В самом общем смысле под языковой политикой понимается комплекс мер, предпринимаемых государством для регламентирования употребления языков [14, с. 168], «выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и соответствующих их целям» [10, с. 265].

Рассматривая вопрос реализации языковой политики в лингвистическом ландшафте Российской Федерации, следует отметить, что нормативно-правовая база страны содержит законы, распространяющиеся на объекты ЛЛ.

Так, например, согласно пункту 6 ст. 5 Федерального закона о рекламе (от 13.03.2006 №38 ФЗ, ред. от 02.07.2021) на государственных и негосударственных, коммерческих объектах, а также вывесках и надписях, запрещено «использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина, официальных государственных символов (флагов, гербов, гимнов), религиозных символов, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия» [13].

Согласно пункту 3 ст. 6 закон РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (от 23.09.1992 N3520-1), не допускается регистрация в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы: являющиеся ложными или способными ввести в заблуждение потребителя относительно товара или его изготовителя; противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали [15].

На основе анализа теоретических источников по теме исследования, а также официально регламентируемых норм законодательного характера, выдвигается предположение, что на объектах визуальной информации пространства городской среды возможны случаи несоблюдения как официальных, так и конвенциональных запретов (табу). Предлагается выявить подобные ситуации и описать реакцию населения на нарушения запретов (табу) в лингвистическом ландшафте городов России. В связи с чем представляется интересным провести опрос общественного мнения.

В онлайн-сервисе Google Forms была создана форма обратной связи в виде анонимного анкетирования [11]. Ссылка на веб-страницу опроса была размещена в социальных сетях (ВКонтакте), чатах известных мессенджеров (WhatsApp, Telegram) и разослана непосредственно на электронные почты возможных респондентов. Проект был осуществлен в небольшом масштабе с ограничением во времени. В течение 2 недель было опрошено 137 респондентов в возрасте от 18 до 70 лет из разных городов РФ (Санкт-Петербург, Екатеринбург, Челябинск, Самара, Снежинск и др.), Республики Башкортостан (Уфа, Стерлитамак, Белебей, Кумертау, Сибай, Октябрьский и др.). Вопросы анкетного характера были включены в опрос для статистических данных и в качестве контрольных вопросов для формирования выборки. Респонденты были поставлены в известность, что опрос ано-

нимный и конфиденциальные данные не будут отражаться в отчетных документах и публикациях.

В данном исследовании применялся метод свободной выборки объектов, основанный не на количественном подходе (зачастую его и используют большинство ученых для анализа ЛЛ), а на качественном подходе: выделяются объекты (немногочисленные), которые по сути являются нарушением норм и в данной связи вызывают общественный резонанс.

Вниманию участников опроса были представлены объекты лингвистического ландшафта, расположенные в общественном пространстве разных городов на территории РФ: 1. Вывеска магазина игрушек «Mr. Pizd*k» в ТЦ «Атлас», г. Обнинск, Калужская область [4]; 2. Торговая точка (цветочный бутик) «Точно даст», Рижский рынок, г. Москва [12]; 3. Сеть кальянных «Ябвдул», г. Салават, Башкортостан; г. Краснодар, Краснодарский край [9]; 4. Вывеска бар-ресторана «Дерни, деточка...», г. Новокузнецк, Кемеровская область [3]; 5. Сеть бургерных «Между булок», г. Москва [8].

Опрашиваемым предлагалось кратко ответить на ряд вопросов: 1) какую реакцию у них вызывают вывески; 2) допускается или неприемлемо привлечение клиентов / покупателей подобными вывесками; 3) являются ли такие вывески способом привлечения внимания клиентов / покупателей, демонстрацией пренебрежительного отношения к существующим в обществе нормам (эпатаж), проявлением невоспитанности или низкой культуры; 4) допустимы или неприемлемы подобные вывески в ЛЛ городов.

Результаты социологического опроса показали, что вывески, содержащие нецензурную лексику, вызывают: 1) негативную реакцию, выраженную в таких эмоциях, как гнев, недоумение, отвращение, ужас, неприязнь, возмущение, шок и др. (65% опрошенных); 2) положительную реакцию: смех, улыбка, веселье и др. (20% опрошенных); 3) не вызывают никаких эмоций (11% опрошенных); 4) другие ответы – 4%.

Большинство респондентов считает недопустимыми вывески, содержащие сексуальный подтекст и оскорбительные намеки в адрес женского пола. Так, вывеска цветочного магазина «Точно даст...» по мнению опрашиваемых унижает женщин (77,4% опрошенных), а также вызывает злость, т.к. демонстрирует неуважение к женщинам (74,2% опрошенных). По этим же причинам негативное отношение к вывескам сети кальянных «Ябвдул» показало 73% опрошенных.

Вывеска бар-ресторана «Дерни, деточка...» у большинства респондентов вызывает недоумение и классифицируется как сравнительно нейтральная по сравнению с остальными (64% опрошен-

ных). Отрицательно отреагировали 28% участников опроса.

Интересной, по нашему мнению, является реакция на вывеску сети бургерных «Между булок»: большинство респондентов отметило неприемлемость подобных названий и считают, что это демонстрация пренебрежительного отношения к еде / пище (82% опрошенных). Данный факт связан с одной из важнейшей нравственных ценностей, присущей практически всем культурам и религиям, а именно, особого (бережного) отношения к хлебу.

На вопрос с какой целью создаются вывески, содержащие нарушения этических норм, респонденты ответили следующим образом: для привлечения внимания клиентов / покупателей – 58,4%; для демонстрации пренебрежительного отношения к существующим в обществе нормам (эпатаж) – 34,3%, проявление невоспитанности или низкой культуры – 52,6%, другие ответы – 0,7%. Привлечение клиентов подобными вывесками считает допустимым 27,7% участников опроса, неприемлемым – 72,3% респондентов.

Заключение. Общественное пространство, в частности объекты ЛЛ, являются отражением культурно-нравственных ценностей и норм, принятых в обществе. Согласно результатам проведенного исследования, объекты ЛЛ, не соответствующие этическим нормам и в некоторых случаях нарушающие нормы законодательства, вызывают негативную реакцию общества. Подобные вывески считаются оскорбительными, провокационными, абсурдными и неприемлемыми. Таким образом, механизмом регулирования и контроля со стороны государства должна быть нормативно-правовая база, касающаяся коммерческих объектов, которая строго регламентирует и запрещает использование запретных слов, тематики и невербальных средств выражения табу в общественном пространстве города.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
2. Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 345 – 346.
3. Вывеска бар-ресторана «Дерни, деточка...», г. Новокузнецк, Кемеровская область. Режим доступа: https://novokuznetsk.yr.ru/detail/id/derni_detochka_sport_bar_3065949/ (дата обращения: 27.03.2022)
4. Вывеска магазина игрушек «Mr. Pizd*k» в ТЦ «Атлас», г. Обнинск, Калужская область. Режим доступа: <http://kaluga24.tv/magazinom-mr-pizd-k-zajmutsya-rospotrebnaya...> (дата обращения: 27.03.2022)

5. Кириллина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник ТвГУ. Серия Филология. 2013. № 24. Вып. 5. С. 159 – 167.

6. Конституция Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 10.03.2022)

7. Российская повседневность в условиях кризиса. Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50279> (дата обращения: 27.03.2022)

8. Сеть бургерных «Между булок», г. Москва. Режим доступа: <https://2gis.ru/nabchelny/firm/70000001030029606?m=52.3732322C55.7175592F20> (дата обращения: 27.03.2022)

9. Сеть кальянных «Ябвдул», г. Салават, Башкортостан; г. Краснодар, Краснодарский край. Режим доступа: <https://newsbash.ru/society/15308-zhiteli-salavata-vozmuscheny-nedvusmyslennym-nazvaniem-kaljannoj-jabvdul.html> (дата обращения: 27.03.2022)

10. Словарь социолонгвистических терминов. М., 2006. 312 с.

11. Социологический опрос. Режим доступа: https://docs.google.com/forms/d/1qDp1JyUjGS0HagBEWB3f1jWcWnHWWOHE-EqCjdsTY_U/edit?usp=drivesdk (дата обращения: 25.04.2022)

12. Торговая точка (цветочный бутик) «Точно даст», Рижский рынок, г. Москва. Режим доступа: <https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/03032020/156487> (дата обращения: 27.03.2022)

13. Федеральный закон о рекламе. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901971356> (дата обращения: 23.03.2022).

14. Шепелев А.Н. Роль языковой политики в современной России // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2015. № 10 (150). С. 168 – 172.

15. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов / Закон «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9003966> (дата обращения: 23.03.2022)

16. Eliezer Ben-Rafael, Elana Shohamy, Muhammad Hasan Amara and Nira Trumper-Hecht: Linguistic Landscape as Symbolic Construction of the Public Space: The Case of Israel // Linguistic Landscape a New Approach to Multilingualism Edited by Durk Gorter. 2006. Vol. 3. № 1. P. 7 – 30.

17. Gorter D. Review of Jaworski A., & Thurlow C. (Eds.) (2010). *Semiotic landscapes: Language, image, space*. London: Continuum (298 pp.) // *Language in Society*. 2012. № 41 (1). P. 130 – 133. doi:10.1017/S0047404511000959

18. Landry R., Bourhis R.Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality // *Journal of language and social psychology*. 1997. P. 23 – 40.

19. Shohamy E. Linguistic Landscape research as a means for broadening language policy theory and practice. 2014. (notes from the unpublished paper presented at the 17th AILA World Congress).

References

1. Berger P., Lukman T. *Social'noe konstruirovaniye real'nosti*. M., 1995.

2. Varbot Zh.Zh. *Tabu. Russkij jazyk: Jenciklopedija*. M., 1979. S. 345 – 346.

3. Vyveska bar-restorana «Derni, detochka...», g. Novokuzneck, Kemerovskaja oblast'. Rezhim dostupa: https://novokuznetsk.yu.ru/detail/id/derni_detochka_sport_bar_3065949/ (data obrashhenija: 27.03.2022)

4. Vyveska magazina igrushek «Mr. Pizd*k» v TC «Atlas», g. Obninsk, Kaluzhskaja oblast'. Rezhim dostupa: <http://kaluga24.tv/magazinom-mr-pizd-k-zajmutsya-rospotrebn...> (data obrashhenija: 27.03.2022)

5. Kirillina A.V. Opisaniye lingvisticheskogo landshafta kak novyj metod issledovaniya jazyka v jepohu globalizacii. *Vestnik TvGU. Serija Filologija*. 2013. № 24. Vyp. 5. S. 159 – 167.

6. Konstitucija Rossijskoj Federacii. Rezhim dostupa: <http://www.constitution.ru/> (data obrashhenija: 10.03.2022)

7. Rossijskaja povsednevnost' v uslovijah krizisa. Rezhim dostupa: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50279> (data obrashhenija: 27.03.2022)

8. Set' burgernyh «Mezhdu bulok», g. Moskva. Rezhim dostupa: <https://2gis.ru/nabchelny/firm/70000001030029606?m=52.3732322C55.7175592F20> (data obrashhenija: 27.03.2022)

9. Set' kal'jannyh «Jabvdul», g. Salavat, Bashkortostan; g. Krasnodar, Krasnodarskij kraj. Rezhim dostupa: [<salavata-vozmuscheny-nedvusmyslennym-nazvaniem-kaljannoj-jabvdul.html> \(data obrashhenija: 27.03.2022\)](https://newsbash.ru/society/15308-zhiteli-</p>
</div>
<div data-bbox=)

10. Slovar' sociolingvisticheskikh terminov. M., 2006. 312 s.

11. Sociologicheskij opros. Rezhim dostupa: https://docs.google.com/forms/d/1qDp1JyUjGS0HagBEWB3f1jWcWnHWWOHE-EqCjdsTY_U/edit?usp=drivesdk (data obrashhenija: 25.04.2022)

12. Torgovaja tochka (cvetochnyj butik) «Tochno dast», Rizhskij rynek, g. Moskva. Rezhim dostupa: <https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/03032020/156487> (data obrashhenija: 27.03.2022)

13. Federal'nyj zakon o reklame. Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/901971356> (data obrashhenija: 23.03.2022).

14. Shepelev A.N. Rol' jazykovej politiki v sovremennoj Rossii. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: gumanitarnye nauki*. 2015. № 10 (150). S. 168 – 172.

15. Jelektronnyj fond pravovyh i normativno-tehnicheskikh dokumentov. Zakon «O tovarnyh znakah, znakah obsluzhivaniya i naimenovanijah mest proishozhdenija tovarov». Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/9003966> (data obrashhenija: 23.03.2022)

16. Eliezer Ben-Rafael, Elana Shohamy, Muhammad Hasan Amara and Nira Trumper-Hecht: *Linguistic Landscape as Symbolic Construction of the Public Space: The Case of Israel. Linguistic Landscape a New Approach to Multilingualism* Edited by Durk Gorter. 2006. Vol. 3. № 1. P. 7 – 30.

17. Gorter D. Review of Jaworski A., & Thurlow C. (Eds.) (2010). *Semiotic landscapes: Language, image, space*. London: Continuum (298 pp.). *Language in Society*. 2012. № 41 (1). P. 130 – 133. doi:10.1017/S0047404511000959

18. Landry R., Bourhis R.Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality. *Journal of language and social psychology*. 1997. P. 23 – 40.

19. Shohamy E. Linguistic Landscape research as a means for broadening language policy theory and practice. 2014. (notes from the unpublished paper presented at the 17th AILA World Congress).

**PILOT STUDY ON TABOO VIOLATIONS (ON THE BASIS OF
LINGUISTIC LANDSCAPE DATA OF DIFFERENT
CITIES OF RUSSIAN FEDERATION)**

*Salimova G.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Lipaeva L.S., Assistant Professor,
Bashkir State University (Sterlitamak branch)*

Abstract: the article is dedicated to the analysis of urban objects which is carried out on the basis of the method of linguistic landscape. The aim of the analysis is to identify the violations of norms on the objects of visual information. The legal and regulatory framework governing the use of languages in the Russian Federation, namely on the commercial signs, has been studied. As part of language policy throughout the country the articles, aimed at prohibiting the use of topics humiliating man's honour and dignity, are enshrined in law. The signs that violate certain articles of these laws have been selected by free sampling. In addition, the names of commercial signs not only violate the principles of humanity and morality but also cause so-called public resonance, which indicates a negative attitude of the society to such «creativity» of shop-owners. As a consequence of this unacceptable use of words with a negative meaning, defaming cultural and moral values, there is an appeal of the local administration and its citizens to higher authorities, in particular Rospotrebnadzor (Federal Service for the Oversight of Consumer Protection and Welfare of the Russian Federation). The shop-owners themselves pursue the only aim: to attract attention and increase demand for their products by any means. Using the sociological survey emotional reactions of the residents were revealed. The analysis of the data showed that the residents viewed such signs negatively and considered them inappropriate and offensive. As a result of the survey it is concluded the following: in the framework of the implementation of language policy with the aim of preserving cultural and moral values and avoiding the violation of the basic principles of morality and ethical norms, there is a necessity to establish state control over the process of creating commercial signs.

Keywords: taboos, linguistic landscape, sociological survey, stimulus-reaction, violation, commercial object, language policy

ВОЗМОЖНОСТИ ТЕКСТОВОГО АНАЛИЗА КАК ИНСТРУМЕНТА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

*Аквазба Е.О., кандидат филологических наук, доцент,
Дюпина Ю.В., кандидат филологических наук, доцент,
Стебунова Е.И., кандидат философских наук, доцент,
Тюменский индустриальный университет*

Аннотация: процесс преподавания русского языка как иностранного сложное комплексное дидактико-методологическое явление, требующее от педагога формирования универсальной структуры языка и миропонимания в сознании обучающегося, развития кросс-культурной составляющей и актуализации социокультурного компонента в межкультурной компетенции. Именно это позволяет говорить о необходимости поисков эффективных способов обучения русскому языку как иностранному, особенно в период цифровизации современной образовательной системы и неизбежности развития дистанционных форм обучения. Описанию такого способа организации языковой практики в процессе изучения русского языка как иностранного и посвящена данная статья.

Авторы последовательно излагают свой взгляд на существующую систему обучения, на сложности и трудности, с которыми сталкивается преподаватель и слушатель в процессе изучения русского языка в дистанционном формате, описывают актуальное состояние объекта исследовательского интереса в сложившихся условиях и предлагают возможные пути преодоления названных трудностей.

Одним из эффективных инструментов для этого авторы статьи видят текстовый анализ дидактических структур, наполненных особым социокультурным содержанием, что позволяет сохранить логику изучения дисциплины, лексико-грамматический компонент и сформировать социокультурный компонент межкультурной компетенции обучающихся.

Ключевые слова: дистанционное обучение, текстовый анализ, социокультурный компонент, русский язык как иностранный, формы образовательного процесса

В общефилософском значении термин «цивилизация» понимают как «социальную форму движения материи, обеспечивающую её стабильность и способность к саморазвитию путём саморегуляции обмена с окружающей средой» [2]. Если опираться на данную трактовку, то бесспорно можно прийти к следующему выводу: современная человеческая цивилизация пытается стабилизировать своё существование в условиях пандемии, которая стала новым глобальным вызовом всему человечеству. Этот процесс затрагивает абсолютно все сферы жизнедеятельности человека: политическую систему, экономику в макро- и микромасштабах, социальную сферу, здравоохранение и другие.

Система образования не стала исключением и вынуждена адаптироваться к новым жизненным условиям и новым социальным требованиям. Одним из важнейших требований адаптации системы образования в условиях пандемии стал формат дистанционного (удалённого) обучения. Стоит отметить, что такая форма обучающего процесса не нова в принципе, но ранее не применялась столь активно и масштабно в нашей стране. Всё это обусловило появление череды новых проблем и соответственно поиск путей их преодоления.

В образовательном процессе иностранных граждан в рамках курса «Довузовская подготовка иностранных обучающихся» также проявились новые требования и новые трудности. Основным

нововведением стал формат online всех видов работ преподавателей и студентов – лекций, практических занятий, семинаров, консультаций, экзаменов.

По результатам первого этапа обучения в новом формате можно вычленить некоторые основные трудности образовательного процесса и наметить пути их преодоления.

В частности, можно отметить следующие трудности. Большинство иностранных обучающихся (примерно 8-9 слушателей из 10), изучающих русский язык как иностранный первый год, не готовы воспринимать новый обучающий материал дистанционно, без помощи и поддержки педагога. Традиционно преподаватель, объясняя новый материал, не только многократно (по требованию слушателей или по необходимости) повторяет наиболее сложные для усвоения постулаты, но и сопровождает их дополнительным комментарием. При этом педагог имеет возможность применять разные методы и приёмы обучения, как например, индивидуальный подход, проблемный метод и другие.

Любой дистанционный урок в большей мере имеет строгое ограничение временными рамками (обусловлено техническими возможностями образовательных онлайн площадок), что усложняет образовательный процесс.

Технические возможности организации дистанционного образовательного процесса и уча-

ствия в нём обучающихся не всегда являются достаточно удовлетворительными и создают определённые затруднения.

Психологическое неприятие новой формы образовательного процесса: неожиданный и резкий переход на дистанционную форму вызвал волну отторжения как у многих иностранных слушателей, так и у некоторых педагогов, поскольку требует временных затрат по переводу содержания образования в визуальный контент для дистанционной образовательной среды.

Неумение и/или нежелание большинства иностранных обучающихся учиться самостоятельно (доля самостоятельной работы при дистанционном формате выросла в 2-3 раза). К сожалению, немногие слушатели курса «Довузовская подготовка иностранных обучающихся» могут активно и результативно осуществлять такой вид образовательной деятельности.

Малоэффективная обратная связь между педагогом и обучающимися: проверка домашней работы (как письменной, так и устной) осуществляется непланово, так как напрямую зависит от субъективных факторов – воли и желания слушателей, которые сначала начинают лениться и не вовремя выполнять все задания преподавателя, затем эти слушатели перестают выходить на связь с преподавателем и не отправляют свои письменные работы на проверку.

Речевая подготовка, фонетический аспект, чтение и письмо – наиболее уязвимые аспекты образовательного процесса в обучении русскому языку как иностранному, поскольку для большей эффективности они должны осуществляться при непосредственном контакте педагога с обучающимся (причём в индивидуальном формате).

Формирование культурно-исторического образа России как основного содержательного элемента социокультурной компоненты изучения русского языка у иностранных обучающихся – архиважный аспект обучения русскому языку как иностранному на первом этапе – в дистанционном формате также оказывается затруднено, поскольку этот аспект предполагает не только непосредственное ознакомление с учебными материалами, но и многочисленные комментарии педагога и ответы на спонтанно возникающие у слушателей вопросы, а так же погружение в среду.

Однако стоит отметить, что данный аспект является одним из наиболее актуальных в процессе формирования у иностранных обучающихся устойчивого и качественного навыка межкультурного диалога в контексте содержания социокультурной компоненты изучения русского языка: в процессе изучения науки, культуры и истории России слушатели проводят параллели с мировой

наукой, историей и культурой, а также с наукой, историей и культурой своих родных стран. В дистанционном формате «живой» диалог нескольких слушателей и преподавателя теоретически возможен, но практически трудноосуществим и зачастую малоэффективен, поскольку требует в разы большие временные затраты. Поэтому перед преподавателем русского языка как иностранного стоит новая методическая и методологическая задача – организовать процесс обучения иностранных обучающихся таким образом, чтобы в дистанционном формате максимально создать эффект «живого» межкультурного диалога, но при этом сохранить обучающий лексико-грамматический компонент. Язык как носитель культурных смыслов лингвокультурного общества предоставляет исследователю информацию о способах осмысления внеязыковой действительности, даёт инструменты для воссоздания картин мира на основании комплексного анализа лингвоспецифических компонентов различных языков [1].

На наш взгляд, одним из возможных приёмов такой работы может выступить метод текстового анализа. Внедрение данного метода может проходить в несколько этапов, что позволит педагогу отслеживать коэффициент усвоения новой информации иностранными обучающимися и при необходимости сделать необходимую коррекцию образовательного процесса.

Рассмотрим примеры дистанционных уроков по внедрению научно-культурно-исторического аспекта в речевую практику иностранных обучающихся.

В образовательную программу курса «Довузовская подготовка иностранных обучающихся» включены несколько лексико-грамматических разделов с темами, в частности, разделы «Праздники в России и в родной стране», «Известные люди России и родной страны». В рамках этих разделов изучаются перекрещивающиеся темы, поскольку зачастую какой-либо государственный праздник этимологически связан с конкретной личностью. Таким праздником, например, является День космонавтики, связанный с именем Юрия Гагарина.

Первый этап работы с текстом предваряется вступительным словом преподавателя о государственном российском празднике, в частности, о Дне космонавтики. Целесообразно и эффективно в дистанционном формате урока данное вступление представить в виде небольшой презентации из 8-10 слайдов формата PowerPoint (можно использовать специальные сервисы для разработки и оформления презентации, в частности Canva, Proff, Press и другие), в которой будут преобладать иллюстрации на космическую тематику и фото-

графии собак Лайки, Белки, Стрелки (как первых живых существ, полетевших в космос), а затем российских космонавтов – Юрия Гагарина, Валентины Терешковой, Алексея Леонова и других известных и узнаваемых символов космических реалий [2].

После просмотра презентации (или же одновременно с просмотром – это на усмотрение педагога в зависимости от уровня подготовленности иностранных слушателей) преподаватель задаёт слушателям вопросы: кого из людей на фотографиях вы узнаете? зачем я показала вам фотографии трёх собак? почему День космонавтики в России отмечают именно 12 апреля? почему День космонавтики в России – это государственный праздник, в чём его значимость?

Иностранные обучающиеся, как правило, очень мало знают о космосе и космонавтике, но возможно, что кто-то даст частично верные ответы на поставленные вопросы. Однако именно это недостаточное знание и является методической уловкой педагога на данном этапе работы с иностранной аудиторией. Далее следует логическое умозаключение о том, что данный пробел в информационной матрице слушателей нужно и можно легко устранить, а параллельно продолжить изучение русского языка как иностранного. Как правило, такое предложение иностранные обучающиеся встречают с одобрением и энтузиазмом, тексты научного и научно-популярного характера представляют больший интерес, чем тексты описательно-повествовательного характера.

После вступительного слова преподавателя начинается собственно работа с предложенным текстом: первичное прослушивание текста (читает преподаватель), затем самостоятельное чтение слушателями текста. После этого следует поочерёдное (поабзацное) чтение текста вслух всеми обучающимися. Если группа иностранных обучающихся среднего или высокого уровня подготовки и может самостоятельно (индивидуально) усваивать этап чтения, то чтение вслух можно сократить или убрать.

Параллельно с чтением следует обратить внимание на иллюстрации и фотографии в тексте: это те же самые фотографии, которые они уже видели в предварительной презентации, но не смогли их идентифицировать. Обычно слушатели сами замечают фотографии и начинают задавать множество уточняющих вопросов: кто это? это первый космонавт Гагарин? Это первая женщина-космонавт? это правда, что сначала в космос летали собаки? и т.п. На этом этапе работы с текстом педагог должен сам определить тактику ведения беседы с группой: или педагог продолжает работу с текстом, не отвлекаясь на вопросы слушателей, объ-

ясняя это тем, что все ответы уже есть в тексте; или же педагог может немного отвлечься и ответить на все вопросы слушателей, но не переводя этот процесс в неформальную беседу «обо всём и ни о чём». Однако не рекомендуется игнорировать реплики обучающихся, поскольку таким образом вы нивелируете важнейший метод интерактивного обучения – информация идёт от студента к педагогу. Можно даже дать возможность обучающимся немного порассуждать на тему космоса, чтобы ещё больше заинтересовать их дальнейшей работой с текстом.

На данном этапе обучения русскому языку как иностранному (примерно на 20-22 неделе учебного процесса) иностранные слушатели знакомы с причастиями и деепричастиями, но пока недостаточно хорошо изучили данные части речи. Поэтому в процессе чтения текста преподаватель даёт пояснения по таким словам, но не углубляется в их анализ. Таким образом мы сохраняем логику изучения лексико-грамматической составляющей и актуализируем социокультурный компонент.

Второй этап работы с текстом представляет собой фонетический, лексический, словообразовательный и грамматический анализ текста, а именно тех его элементов (слов, словосочетаний, предложений, словоформ, фонем, словообразовательных моделей), в правильном произношении, понимании и качественном усвоении и дальнейшем употреблении в речи которых у иностранных слушателей могут возникнуть затруднения. Пристальное внимание рекомендуется уделить именам числительным и грамматическим моделям с числительными, поскольку эта часть речи традиционно вызывает наибольшие затруднения у иностранцев в процессе их запоминания и словоупотребления в речи, что приводит к появлению большого количества различных ошибок. Кроме того, особое внимание следует обращать на словообразовательные цепочки новых слов (выявление употребительных однокоренных слов, образование одних лексем от других с помощью разных суффиксов, анализ новых словообразовательных моделей) и на лексические парадигмы синонимов и антонимов. Такой детальный лингвистический анализ текста позволит иностранным обучающимся расширить научный кругозор, обогатить их русский лексикон новыми словами, систематизировать информацию о лексике и грамматике русского языка, а также закрепит их навыки в устной и письменной речи.

Традиционно лингвоанализ начинаем с выявления наиболее распространённых в речи иностранцев фонетических и орфоэпических ошибок. Безусловно, что на первом этапе работы с текстом во время чтения текста педагог обязательно ис-

правляет все произносительные ошибки своих подопечных. Однако для лучшего закрепления и достижения стойкого эффекта рекомендуется не только исправлять ошибки в произношении, но и анализировать их.

На третьем этапе работы с текстом переходим к анализу и систематизации информации по лексической системе русского языка. Однако одновременно с толкованием новых слов и обнаружением их парадигматических связей обязательно анализируем словообразовательные модели и цепочки и отмечаем минимальные сведения по грамматическим свойствам каждого слова (часть речи, грамматическая форма, лексико-грамматический вопрос, грамматические связи с другими словами и т.п.).

Знакомство с новыми словами, тем более научной и терминологической лексикой, не должно сводиться к простому перечислению этих слов и их толкованию. Для толкования слов лучше использовать Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова или при необходимости можно воспользоваться электронными образовательными ресурсами, такими например, как Википедия, Студопедия и др. Данные электронные ресурсы могут пригодиться иностранным обучающимся в дальнейшем обучении для быстрого поиска нужной информации.

На следующем, четвёртом этапе работы с текстом нам предстоит разобрать наиболее сложные грамматические модели и конструкции. Особо пристального внимания заслуживают конструкции с именами числительными, поскольку они представляют собой объективно сложный уровень грамматической системы русского языка.

На пятом этапе работы по анализу текста переходим на более сложный уровень грамматической системы русского языка – на уровень синтаксиса и пунктуации. Теперь анализу подвергаем синтаксические модели предложений и грамматические конструкции, из которых они состоят. Параллельно обращаем внимание иностранцев на использование в письменной русской речи знаков препинания.

Итак, синтаксический анализ предложений даёт возможность не только узнать/повторить теоретический материал, но и закрепить на практике навык построения предложений по разным синтаксическим моделям, производить при необходимости их трансформацию, использовать разные грамматические конструкциями с разными предикатами. Данные виды работы помогают иностранным обучающимся эффективнее развивать навык устного и письменного общения.

Однако работа с текстом ещё не закончена, переходим к выполнению послетекстовых заданий. Обычно это задания на понимание прочитанного текста, на осмысление полученной в ходе чтения и лингвистического анализа информации, а также задания на закрепления полученных практических умений и навыков. Количество послетекстовых заданий и уровень их сложности – на усмотрение преподавателя.

Литература

1. Аквазба Е.О., Дюпина Т.В., Стебунова Е.И. Массовый открытый онлайн курс «Русский язык как иностранный» – возможность формирования коммуникативной компетенции // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*. 2021. № 5. С. 200 – 204.

2. Стебунова Е.И. О проблеме формирования навыка межкультурного диалога в процессе обучения РКИ методом текстового анализа // *Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: монография / отв. ред. Н.А. Никулина*. Тюмень: ТИУ, 2021. 291 с.

References

1. Akvazba E.O., Djupina T.V., Stebunova E.I. Massovyj otkrytyj onlajn kurs «Russkij jazyk kak inostrannyj» – vozmozhnost' formirovanija kommunikativnoj kompetencii. *Modern Humanities Success. Uspehi gumanitarnyh nauk*. 2021. № 5. S. 200 – 204.

2. Stebunova E.I. O probleme formirovanija navyka mezhkul'turnogo dialoga v processe obuchenija RKI metodom tekstovogo analiza. *Mezhkul'turnaja kommunikacija: voprosy teorii i praktiki: monografija*. otv. red. N.A. Nikulina. Tjumen': TIU, 2021. 291 s.

**THE POSSIBILITIES OF TEXT ANALYSIS AS A TOOL FOR THE
FORMATION OF A SOCIO-CULTURAL COMPONENT IN THE PROCESS
OF LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

*Akvazba E.O., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dupina Yu.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Stebunova E.I., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Industrial University of Tyumen*

Abstract: the process of teaching Russian as a foreign language - this is a complicated complex didactic and methodological phenomenon. It requires the teacher to form a universal structure of language and worldview in the mind of the student, the development of a cross-cultural component and the actualization of the socio-cultural component in intercultural competence. This is what makes it possible to talk about the need to find effective ways to teach Russian as a foreign language. This is especially relevant in the period of digitalization of the modern educational system and the inevitability of the development of distance learning. This article is devoted to the description of such a way of organizing language practice in the process of learning Russian as a foreign language.

The authors consistently state their view on the existing system of education, on the difficulties and difficulties faced by the teacher and the listener in the process of learning the Russian language in a distance format. They describe the current state of the object of research interest in the current conditions. Possible ways to overcome these difficulties are suggested by the authors.

The authors of the article consider textual analysis of didactic structures filled with special socio-cultural content to be one of the effective tools for this. This allows you to preserve the logic of studying the discipline, the lexical and grammatical component, helps to form the socio-cultural component of the intercultural competence of students.

Keywords: distance learning, text analysis, socio-cultural component, Russian as a foreign language, forms of the educational process

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЦИФРОВОЙ ОЛИМПИАДЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ «НОМО DICENS» ДЛЯ ПРОДВИЖЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ МОСКВЫ

*Гребенщиков Ю.Ю., ассистент,
Захарова М.В., кандидат филологических наук, доцент,
Московский городской педагогический университет*

Аннотация: статья посвящена рассмотрению возможностей международной цифровой олимпиады по русскому языку как средства популяризации и продвижения русской культуры и истории в современном мире. В рамках данного исследования рассматриваются типы олимпиадных заданий, которые помогают решить такие задачи, на примере заданий, ориентированных на стимулирование интереса к истории и культуре Москвы и углубление знаний и представлений студентов, изучающих русский язык, о столице России. Особое внимание уделяется роли и статусу Москвы в русском языковом сознании, что делает олимпиадные задания такого типа не только развивающими и полезными для расширения и углубления представлений, изучающих русский язык о Москве и России, но и глубоко лингвистическими, стимулирующими развития языкового сознания и языковой картины мира студентов-иностранцев, что является непреложным условием достижения ими уровня владения русским языком C2 – носитель русского языка.

Ключевые слова: олимпиада по русскому языку, москвоведение, РКИ, культурные концепты, русская языковая картина мира

Китайская мудрость гласит: «Если хочешь победить сильного противника, воспитай его детей». И дело здесь не в военных хитростях. Просто, воспитанный тобой, ребенок не будет твоим врагом. Он будет знать тебя, понимать тебя и слышать то, что ты говоришь. В современном мире главное – найти возможности говорить с людьми другой культуры напрямую, без политики и СМИ, на языке искусства, образования и науки. В Московском городском педагогическом университете мы уже почти десять лет проводим ставшую в 2020 году международной олимпиаду по русскому языку «Номо dicens» [1]. Её цель – создание культурного пространства для школьников и студентов нашей планеты, изучающих русский язык, где они могли бы общаться друг с другом, слышать и узнавать носителей русского языка, учиться лучше понимать русский язык, русский менталитет и русскую культуру. Олимпиада ориентирована не только на студентов, изучающих русский язык как иностранный, но и на русскоязычных студентов (филологов и нефилологов). Уровни, адресованные носителям русского языка, содержат вопросы и задания, направленные на осмысление привычных языковых явлений, углубление понимания процессов, происходящих в живой русской речи, расширения представлений о русском культурном пространстве в целом.

Название «Номо dicens» было избрано для нашего проекта по нескольким причинам: во-первых, латинский язык как язык культуры, образования и науки понятен и приемлем для студентов из любой страны нашей планеты и сразу помещает наших потенциальных участников в классическую академическую среду, во-вторых, наш проект изначально имеет коммуникативную,

когнитивную и гуманистическую направленность: да, в фокусе внимания русский язык, но не язык как система или структура, а язык как способ коммуникации между людьми, ключевое средство формирования картины мира, хранилище системы ценностей и традиций культуры своих носителей. Мы полагаем, что современный человек не может не понимать этого, не может смотреть на язык иначе, потому что сейчас язык – это, в первую очередь, средство воздействия, способ ретрансляции, навязывания, замещения, разрушения или создания представлений о мире и о себе: «Язык народа выступает одним из главных механизмов трансляции менталитета, посредством языка формируется особое национальное мышление» [2, с. 121]. Осознание этого факта в научном пространстве как раз и было связано с появлением термина «*homo dicens*»: «Слова — это следы, несущие в себе результаты осуществленного мышления (к примеру, того же Декарта), поэтому говорение на определенном (любом) языке предполагает соответствие (как соразмерность и как диалог) твоего мышления (и существования в языке) той работе мысли, которая на (в) этом языке была осуществлена до тебя» [3, с. 27].

Неслучайно из всех латинских глаголов со значением говорения для формирования нового представления о современном человеке выбирается именно тот, в котором значение реального действия, практической деятельности, направленной на достижение внеязыкового результата, преобладает над собственно речевым действием: **dicō** – это не только сам процесс говорения во всех его разновидностях, это действия, осуществляемые с помощью речи (например: **d. causam** защищаться на суде;

sententiam d. высказываться, голосовать (в сенате); **d. leges pacis** устанавливать условия мира). Именно такой взгляд на языковую деятельность человека представляется нам наиболее актуальным и продуктивным. Закладывая основы современного представления о языке, В. фон Гумбольдт сказал: «Язык есть не продукт деятельности, а деятельность» [4, с. 70]. Опираясь на это, исследователи XX века сформулировали и развили представления о языковой картине мира, формируемой человеком говорящим – носителем языка – в его собственном языковом сознании, и языковой картине мира, формирующей человека говорящего – носителя языка – в процессе усвоения им национальной культуры своего народа. Альберт Эйнштейн писал: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить нашу реальность воображаемым миром» [5, с. 167], предвосхищая возникшее позже понимание, что совершается этот процесс в языке и посредством языка.

Таким образом, усвоение чужого языка не может состояться без усвоения культуры его народа, системы мышления и миропонимания его носителей. С.Г. Тер-Минасова отмечала: «Путь от внеязыковой реальности к понятию и далее к словесному выражению неодинаков у разных народов, что обусловлено различиями истории и условий жизни этих народов, спецификой развития их общественного сознания. Соответственно, различна языковая картина мира у разных народов.» [6, с. 46-47] Поэтому ключевой задачей нашей олимпиады стало формирование такой системы заданий, выполнение которых подталкивало бы участников олимпиады к погружению в русскую культуру, в русскую языковую картину мира.

В данной статье мы хотели бы представить варианты заданий, нацеленных на активизацию в сознании участников Олимпиады концепта «Москва». Термин «концепт» мы здесь позволим себе понимать следующим образом: «смысловая константа, вбирающая в себя множество сем, которые реализуются в конкретной ситуации или определенном тексте и имеют надличностную природу» [7, с. 87].

Роль Москвы для русской культуры переоценить сложно, в рамках же представлений о России, сложившихся в мире, Москва вообще часто выступает ключевым стимулом, актуализирующим всё русское, например: «Рост влияния Москвы тут <о США – прим.наше> воспринимают как прямую угрозу собственному

доминированию в мире» [8]. Разумеется, концепт этот чрезвычайно сложен и многогранен:

- за рубежом это прежде всего «Москва как символ России» и «Москва как столица России», но есть еще «Москва как европейский город», «Москва как мегаполис», «Москва как олицетворение русского (культуры, языка, менталитета и т.п.)»;

- в России – «Москва как столица», «Москва как культурный концепт», «Москва как Родина» и, в то же время, «Москва как власть», «Москва как символ другой жизни», даже «Москва как антитеза России» [9].

Олимпиада по русскому языку, в рамках которой студентам предлагается задуматься о русской языковой картине мира, русском менталитете и его отражении в языковом сознании носителей языка, в том числе в знаковых культурных концептах, чрезвычайно удобное пространство для формирования интереса к различным аспектам русской культуры, языка, истории. Особую роль здесь играет тот факт, что цифровой формат нашей олимпиады позволяет ее участникам в рамках выполнения заданий искать информацию в любых доступных источниках и, в первую очередь, в интернет-пространстве. Разрабатывая стратегию Олимпиады, мы сознательно отказались от вопросов, ориентированных на глубокие знания предмета, в пользу заданий, предусматривающих поиск и осмысление информации, анализ собственного коммуникативного опыта и, как следствие и ключевая цель этого вида деятельности, получение новых знаний, постижение неизвестных ранее закономерностей, осознание того, как сформировался, как живет и развивается русский язык. Все задания Олимпиады направлены на формирование, актуализацию и развитие у студентов понимания коммуникативной, когнитивной, гносеологической функций языка, а также роли языка в жизни и сознании человека, в целом.

Рассмотрим, как в рамках Олимпиады может решаться задача продвижения национальных культурно-исторических ценностей, на примере московского наследия.

Первый тип возможных заданий – это опознание изображений: участнику Олимпиады предлагается ряд изображений, которые необходимо опознать и соотнести с какими-либо связанными данными или объектами. Например: предлагается 6–8 изображений станций Московского метрополитена, в названиях которых звучат имена русских писателей (Чеховская, Пушкинская, Достоевская, Фонвизинская и т.д.). Участник должен опознать станции по

фотографиям и соотнести со списком предлагаемых названий (элементарный уровень), с именами и отчествами писателей, названиями их произведений, именами героев или цитатами из произведений (более сложные уровни).

В процессе изучения изображений, поиска необходимой информации, соотнесения визуальных и вербальных компонентов задания происходит освоение, осмысление и запоминание элементов культурного наследия российской столицы, формирование представлений о значимости метрополитена для города, страны и культуры в целом, актуализация фоновых знаний о русской литературе, художественном тексте, значимости этого материала для языковой картины мира носителя русского языка: количество станций, носящих имена русских писателей, выбор этих писателей, причины появления таких названий, типы оформления станций в целом и способы представления литературного наследия в оформлении этих станций в частности.

Степень сложности задания легко варьируется путем отбора более или менее распространенных изображений, более или менее сложного для соотнесения вербального содержимого задания. Визуальный материал может быть самым разнообразным: памятники, музеи, исторические здания, улицы, носящие имена писателей, ученых, деятелей культуры или просто содержащие заданные компоненты значений, например: чем занимались люди, первоначально жившие на этих улицах: Толмачевский переулок, Поварская улица, Каретный ряд, Большой Гнезниковский переулок, Малая Бронная улица и т.д. Даже самый простой уровень задания: соотнести названия объектов и их фотографии – позволяет познакомить участников Олимпиады со знаковыми объектами московского культурного пространства, сообщить им запоминающуюся, интересную для них информацию, показать с нужного ракурса материальные фрагменты национальной картины мира. Задания более сложных уровней помогают стимулировать формирование смысловых связей между топонимикой и культурой, литературой, русским миропониманием, в конце концов. Бессмысленные для постороннего, в особенности для иностранного, уха названия в результате выполнения этого задания наполняются семантическим и ценностным содержанием, обретают зримую визуализацию и связь с другими объектами национального языкового и общекультурного сознания.

Еще один тип задания связан с использованием ресурсов языка для формирования визуального

образа и переводом вербального в визуальное и обратно. Носители языка с полностью сформированной коммуникативной компетенцией легко могут узнать изображение по описанию или описать словами предъявляемое изображение таким образом, чтобы его можно было опознать в ряду подобных. Однако даже для носителей языка могут представлять сложности описания, содержащие архаизмы, термины, паронимы, неполные синонимы; метафоры, метонимии; аллегории и иные усложняющие восприятие текста факторы. Для иностранцев, изучающих русский язык, такие задания могут представлять большие сложности, но, в то же время, иметь высокую эффективность в активизации изучаемого языка и актуализации полученных в процессе обучения лингвистических и культурологических знаний.

Данное задание обладает высокой степенью вариативности (как в структурном, так и в содержательном плане) и может иметь любой уровень сложности. На элементарном уровне, например, можно предложить несколько описаний одного изображения, различающихся упоминаемыми предметами или их значимыми признаками (цвет, форма, материал). Выбор правильного ответа в таком случае связан просто с выбором правильного набора слов. Задание можно нацелить и не на лексический, а на грамматический уровень, предложив выбрать или написать верные окончания в тексте. Можно усложнить задание, используя более точные и менее распространенные названия предметов, архаизмы, описания вместо прямых названий. Такие задания являются собственно лингвистическими, направленными на работу с лексикой и грамматикой русского языка, однако визуальный материал, который будет рассматриваться и анализироваться участниками Олимпиады в процессе выполнения задания, может использоваться и для продвижения московского культурного наследия, так как участники вынуждены будут уделить представленному изображению большое внимание. В тексте-описании при этом необходимо назвать изображенный объект, например: «Перед вами фотография Московского Кремля с высоты птичьего полета. Хорошо видны/виден/видна две/три высокая/ие/ими башни//бойницы/крепости разной формы на переднем плане...». Информация, представленная таким образом, хорошо запоминается и позволяет в рамках вполне лингвистического задания рассказать об объектах культурного наследия в том объеме, который необходим организаторам Олимпиады.

Для усиления историко-культурной составляющей можно внести в задание необходимость поиска соответствующей информации. Например, в приведенном примере предложить указать названия изображенных башен, а в задании, заключающемся в выборе верного описания, использовать названия всех башен Кремля, чтобы участник не только выбрал верные названия, но и нашел в интернете изображения и запомнил все башни.

Использование историко-культурной информации в качестве фона для заданий является чрезвычайно полезным вариантом подачи данной информации, поскольку внимание реципиента сосредоточивается на другом объекте, следовательно, все выводы, сделанные на основании анализа фонового материала, воспринимаются некритично, как собственное достижение реципиента. Это особенно важно при работе с иностранными участниками в современных условиях.

Задания, содержащие визуальные элементы, наиболее эффективны для популяризации и продвижения памятников истории и культуры Москвы, но и сугубо вербальные задания могут быть использованы для достижения этой цели. Можно, например, предложить участникам Олимпиады описания московских пространств из различных произведений русской и зарубежной литературы. Здесь также открывается большой простор для вариативности: описание можно использовать для опознания фрагмента города или произведения, текст описания можно включить в лингвистические задания (например, выбор правильной грамматической формы), можно предложить вставить пропущенные слова, обратившись к источнику текста или используя описательные определения пропущенных слов.

Интересным вариантом вербального задания являются и разнообразные маршруты: восстановить маршрут героя произведения, узнать героя или произведение по маршруту, указать конечную, исходную или пропущенную точку и подобное. Задания могут быть лингвокультурными, коммуникативными, связанными с языковой картиной мира или анализом литературного текста, но могут быть и сугубо лингвистическими: выбор слова, выбор формы, исправление ошибок и иные варианты работы с представленным текстом.

Полные названия памятников, адреса зданий, имена знаменитых москвичей и связанные с ними объекты также могут становиться материалом для олимпиадных заданий. Самым простым, но тем не менее интересным и эффективным вариантом является использование заглавных букв. Даже

носители языка испытывают определенные сложности с выбором варианта написания в таких случаях, для иностранных студентов задание такого типа вообще может считаться весьма сложным. Например:

Запишите полностью названия московских театров, представленные в виде аббревиатур: РАМТ, МХТ им. Чехова, ГАБТ, МДМ.

Такое задание позволяет участнику не только более детально разобраться с проблемой написания слов с заглавной буквы, но и познакомит его с миром московских театров (или позволит глубже в него погрузиться, если знакомство уже состоялось).

В целом, хотелось бы подчеркнуть, что олимпиады типа «Номо dicens» – это прежде всего способ вовлечения участника в образовательное и культурное пространство. Наша задача – не проверка знаний и навыков, не выявление лучших из лучших, а стимулирование интереса к русскому языку, русской культуре, русской истории и культуре. Наиболее ценным результатом олимпиады является то когнитивное пространство, которое создается в процессе. Участники Олимпиады должны уходить из нашего взаимодействия более развитыми, лучше и глубже знающими русский язык и русскую ментальность, заинтересованными в дальнейшем изучении русского языка, его глубин и секретов, и мотивированными к глубокому погружению в языковую картину мира носителей русского языка и научное осмысление языковой и культурной действительности. Именно поэтому участники Олимпиады имеют всегда достаточно времени и возможностей, чтобы искать информацию, решать задачи, используя новые знания, приобретаемые в процессе работы над заданиями, а финальным этапом Олимпиады является международная цифровая студенческая научная конференция, позволяющая молодым людям из разных точек земного шара совместно решать научные проблемы и общаться с единомышленниками и коллегами [10].

Литература

1. Гребенщиков Ю.Ю., Захарова М.В. Номо dicens: речь как действие (из опыта международной творческой олимпиады по русскому языку) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 9. С. 103 – 107.

2. Харитонова Е.В. Трансляция менталитета в условиях транзитивного общества // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 121 – 128.

3. Лобанова Н.И. Homo dicens, или человек говорящий // Дискуссия. 2012. № 6. С. 27 – 29.

4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с.

5. Эйнштейн А. Альберт Эйнштейн о науке // Развитие личности. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/albert-eynshteyn-o-nauke> (дата обращения: 28.03.2022)

6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo. 2000. 165 с.

7. Белова Н.А. Концепт «город» в современном литературоведении // Вестник Югор. гос. ун-та. 2012. Вып. 1 (24). С. 87 – 91.

8. Дунаевский И. Топтыгин в топ-новостях: О России в иностранных СМИ – ничего нового // Российская газета – Федеральный выпуск № 61 (6929) от 23.03.2016. URL: <https://rg.ru/2016/03/23/chto-v-inostrannyh-smi-pishut-o-rossii.html> (дата обращения: 30.03.2022)

9. Захарова М.В. Игровой конфликт «Москва vs другие регионы» в русском интернет-пространстве // Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления: сб. ст. II Международной научной конференции (Сургут, 25-26 ноября 2021 года). Сургут: РИО СурГПУ, 2021. С. 130 – 135.

10. Homo dicens – 2021: Сборник научных статей / Сост. М.В. Захарова, отв.ред. И.Н. Райкова. М.: Книгодел; МГПУ, 2021. 174 с.

References

1. Grebenshchikov Ju.Ju., Zaharova M.V. Homo dicens: rech' kak dejstvie (iz opyta mezhdunarodnoj tvorcheskoj olimpiady po russkomu jazyku). Sov-

remennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki. 2021. № 9. S. 103 – 107.

2. Haritonova E.V. Transljacija mentaliteta v uslovijah tranzitivnogo obshhestva. Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 5 (116). S. 121 – 128.

3. Lobanova N.I. Homo dicens, ili chelovek govorjashhij. Diskussija. 2012. № 6. С. 27 – 29.

4. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. M.: Progress, 1984. 398 s.

5. Jejshtejn A. Al'bert Jejshtejn o nauke. Razvitiie lichnosti. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/albert-eynshteyn-o-nauke> (data obrashhenija: 28.03.2022)

6. Ter-Minasova S.G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija. M.: Slovo/Slovo. 2000. 165 s.

7. Belova N.A. Koncept «gorod» v sovremennom literaturovedenii. Vestnik Jugor. gos. un-ta. 2012. Vyp. 1 (24). S. 87 – 91.

8. Dunaevskij I. Topygin v top-novostjah: O Rossii v inostrannyh SMI – nichego novogo. Rossijskaja gazeta – Federal'nyj vypusk № 61 (6929) ot 23.03.2016. URL: <https://rg.ru/2016/03/23/chto-v-inostrannyh-smi-pishut-o-rossii.html> (data obrashhenija: 30.03.2022)

9. Zaharova M.V. Igrovoj konflikt «Moskva vs drugie regiony» v russkom internet-prostranstve. Sovremennaja regionalistika: tradicionnye podhody i novye napravlenija: sb. st. II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Surgut, 25-26 nojabrja 2021 goda). Surgut: RIO SurGPU, 2021. S. 130 – 135.

10. Homo dicens – 2021: Sbornik nauchnyh statej. Sost. M.V. Zaharova, otv.red. I.N. Rajkova. M.: Knigodel; MGPU, 2021. 174 s.

USING THE RESOURCES OF THE INTERNATIONAL DIGITAL OLYMPIAD IN THE RUSSIAN LANGUAGE "HOMO DICENS" TO PROMOTE THE CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF MOSCOW

*Grebenshchikov Yu.Yu., Assistant Professor,
Zakharova M.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Moscow City University*

Abstract: the article is devoted to the possibilities of the international digital Olympiad in the Russian language as a means of popularization and promotion of Russian culture and history in the modern world. Within the framework of this study, the types of Olympiad tasks that help solve such problems are considered, using the example of tasks aimed at stimulating interest in the history and culture of Moscow and deepening the knowledge and ideas of students studying Russian about the capital of Russia. Russian students pay special attention to the role and status of Moscow in the Russian language consciousness, which makes Olympiad tasks of this type not only developing and useful for expanding and deepening the ideas of Russian language learners about Moscow and Russia, but also deeply linguistic, stimulating the development of language consciousness and the language picture of the world of foreign students, which is an indispensable condition for them to achieve Russian language proficiency level C2 – native speaker of the Russian language.

Keywords: Russian Language Olympiad, Moscow studies, RFL, cultural concepts, Russian language picture of the world

ЭКСПЛИКАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА HAND В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Подгорбунская И.Г., кандидат филологических наук, доцент

Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева

Аннотация: статья посвящена исследованию компонентов концепта HAND, включая предметно-образное ядро, которое включает в себя как прямое значение, так и переносное, и периферию, состоящую из нескольких слоев. При этом подчеркивается, что образование концепта – это процесс, при котором инвариантный обобщенный образ является стимулом порождения слова. При этом концепт, который возник благодаря лингвокреативному мышлению, выражает один из основных элементов в этноязыковом сознании. Большое внимание уделяется не только анализу дефиниций лексикографических источников, но и результатов, полученных в ходе психолингвистического эксперимента при опросе носителей английского языка. Иерархия значений в смысловой структуре исследуемого слова была представлена вычислением индекса яркости значений. По результатам исследования была представлена графическая модель полевой структуры концепта HAND. Как выяснилось в результате психолингвистического эксперимента основной ассоциацией, которая связана с концептом HAND, является активная деятельность человека. Рука, как часть тела, как орудие деятельности непосредственно связана с активностью, а также в восприятии пространства и ориентации в нем.

Ключевые слова: концепт, когнитивная лингвистика, фразеологическая единица, психолингвистический эксперимент

Ментальные механизмы понимания наряду с психическими процессами внешне не могут быть доступными, поэтому основной задачей когнитивной лингвистики должно быть не только описание, но и объяснение принципов образования структур механизмов, с помощью которых человек усваивает язык. Языковые образования как структуры представления человеческого сознания могут внести ясность в понимание механизма когнитивной переработки информации. Оперативной когнитивной структурой является концепт, а языковой знак (слово, фразеологическая единица, предложение) представляет языковую структуру, вербализирующую концепт.

В нашем исследовании первичные связи значений фразеологических единиц с компонентом hand детерминированы характером составляющих их элементов. Большинство лингвистов придерживается следующей точки зрения: «таким образом, компоненты ФЕ можно и нужно считать словами, но только специфически употребленными» [9, с. 207]. По теории А.В.Кунина слова можно подразделить на несколько типов, которые показывают характер их значения в ФЕ [7]:

1. *Реальные слова* – это лексемы, которые включают в себя буквальное значение компонентов, например, *wring one's hands; shake hands (with smb.)*.

2. *Потенциальные слова* – лексемы, – лексическое значение которых ослаблено так же, как и синтаксические функции, например, *a helping hand; a firm hand; force sb's hand*.

В остальные типы «бывшие» слова и псевдолексемы исследуемые нами идиомы с компонентом hand не включены.

В.П. Жуков указывает, что у компонентов, входящих в состав фразеологизма, существует неко-

торая доля семантической самостоятельности, так как они в той или иной степени участвуют в образовании значения ФЕ [5, с. 11].

В нашем исследовании компонент HAND представляет ряд основных признаков концепта HAND в языке и в общении.

Ряд исследователей выделяют в структуре концепта одну и ту же область: «обиходную, общеизвестную сущность» [10, с. 195], образную составляющую [1, с. 7], «образно-перцептивный компонент» [6, с. 118], «образ» [8, с. 59].

Многочисленные исследования показывают, что соматические наименования живых организмов и человека представляют самые выразительные образы. «Рукой» как частью тела называют ближайшую к гомеостазису область. По мнению Л. Фон Бергаланфи, живой организм – это организованная и целостная система. Организм, как целое, представляет собой открытую систему, которая находится в состоянии подвижного равновесия, для поддержания которого требуются механизмы управления как внешние, так и внутренние. Рука, как орудие деятельности, которая напрямую вовлечена во внешнюю активность, является одним из внешних механизмов управления. Для любых действий в пространстве и ориентации в нем рука, как часть тела, играет огромное значение.

Изучая язык с помощью семантико-когнитивного подхода, человеческое мышление представляется невербальным и действует с помощью предметного универсального кода. По мнению исследователей, человек мыслит концептами, которые закодированы единицами этого кода [2, с. 67; 4, с. 55; 3, с. 80]. Изучая семантику различных языковых знаков, возможно проникнуть в концептосферу носителей языка, которая

образуется из упорядоченной совокупности концептов. Таким образом, слово – средство доступа к концептуальному знанию. Регулярная вербализация концепта поддерживает его в стабильном и устойчивом состоянии.

По А. Вержбицкой, человеческие представления о мире “Действительность” отражены через концепты, которые являются объектами из мира “Идеальное”. Анализируя ФЕ, мы познаем смысл концепта и выражаем результат в формализованном языке семантики [11, с. 97].

Категоризация знаний формирует первообраз. «Прототипы, – пишет Д. Лакофф, – это наиболее четкие, яркие образы, способные представить класс концептов в целом. На основе важнейших признаков прототипа человек производит классификационную деятельность, выполняет категоризацию знаний» [12, с. 12-21].

По мнению Э. Рош, первообраз – это составляющая с теми же свойствами, что и другие подобные единицы какой-то системы, и реализует их в чистом виде [13, с. 29]. Этим прототипом в нашем случае является рука человека, а реалья его – это то, чем является для нас объект в мире “Действительность” во всех его связях и отношениях. Сам типовой образ – это только “тема” для лексического значения. Описать значение идиом легче на фоне значения слова, представленном в виде информационных блоков.

С точки зрения прагматики «коннотация – это “скрытая”, невыражаемая формально информация о прагматической интенции говорящего, связанная с намерением произвести определенное воздействие, в том числе – эмоционально воздействовать на адресата» [11, с. 109].

Анализ словарных дефиниций лексемы, которые соответствуют имени концепта, является начальной стадией исследования концепта. Так как в системе языка функцию общей репрезентации выполняет значение слова, следует выявить базовые семантические компоненты исследуемой лексемы. В словах и их дефинициях зафиксированы результаты когнитивных усилий коллективного разума.

Исследуемый нами концепт HAND относится к концептам первого круга опыта – сфере собственного тела, относительно функций которого существуют самые надежные представления. Это делает HAND своего рода инструментом познания других существей, более удаленных от непосредственного опыта.

Представим концептуальную карту слова, используя лексикографические источники. За основу были взяты определения из словарей Cambridge, Collins, Longman, Oxford и Webster [14, 15, 16, 17, 18]. В результате сопоставительного анализа сло-

варных дефиниций были выявлены следующие основные семантические компоненты:

1. the part of the human body and a correspondent part of some animals;
2. a side, direction, or position indicated by one hand;
3. a person whose chief work is done with the hands;
4. a pointer; a unit of measurement;
5. an instrument for making or producing the hand as a symbol of its grasping or gripping function;
6. the hand as a symbol of promise;
7. skill; ability; dexterity;
8. handwriting; signature;
9. applause;
10. help;
11. card games.

Анализируя словарные дефиниции лексемы *hand*, удалось выявить ряд показателей признаков концепта HAND. Такие признаки хранятся в сознании говорящих и составляют ядро концепта.

Наиболее частотным является легко выделяемый признак: *an instrument for making or producing the hand as a symbol of its grasping or gripping function*.

Для данного исследования были использованы не только лексикографические источники, но и психолингвистический эксперимент, который явился дополнением к результатам лингвистического анализа.

Ассоциативный эксперимент проводился с группой испытуемых (65 человек) носителей английского языка с исследуемым словом *hand* в качестве стимула. Обработка полученных ответов составила основу для построения ассоциативного поля стимула «hand», которое приобрело следующий вид:

Hand 66 – fingers 5, palm 5, help 4, ball 4, holding hands 4, bag 4, right 4, left 3, foot 3, handmade 3, touch 3, handstand (acrobatic stance) 2, free hand 2, handsewn 2, handcarved 2, hand of friendship, love 2, towel 1, cream 1, skin wash 1, flannel (device for washing hands) 1, work 1, five 1, face 1, up 1, in 1, hand over fist 1, honesty 1, rope 1, hitting 1, manipulation 1.

После проведенного психолингвистического эксперимента мы обобщили полученные результаты. Итак,

hand –
является частью тела 15,
является орудием выполнения определенных функций 45,
выступает в качестве признака 6.

Итак, на основании проведенного эксперимента стало возможным выявить основное значение слова, ближнюю периферию, а также крайнюю

периферию с помощью вычисления индекс яркости значения.

Результаты могут быть представлены в следующем виде: базовое значение слова *hand* – это «орудие выполнения определенных функций» (индекс яркости 68,2%), ближняя периферия представлена значением «часть тела» (индекс яркости 22,7%), значение «качество признака» входит в крайнюю периферию (индекс яркости 9,1%).

По результатам исследования стало возможным представить графическую модель полевой структуры концепта HAND (рис. 1),

где:

1. Ядро – образная составляющая

КП прямое значение (рука, как инструмент человеческой деятельности)

КП переносное значение (символ власти, контроля)

2. Понятийный слой

а) Способность, умение (*handiwork, handwriting, to keep your hand in; to try your hand out; hand over fist; hands down*)

б) Предметная принадлежность (*hand* - стрелка часов, мера длины, карта в карточной игре)

в) Личностная принадлежность (*hand* – человек, нанятый для работы на ферме; член команды на корабле; игрок в карточной игре бридж)

г) Пространственное месторасположение (*at hand; on hand; on all hands; on the one hand... on the other hand*)

д) Рука, как символ власти, контроля (*to have the upper hand; to have sb eating out of your hand; to take in hand*)

Рис. 1. Полевая структура концепта HAND

3. Интерпретационный слой

а) Оценочная зона

1) Положительная оценка образа

Рука может быть умелой, свободной, занятой, чистой, ловкой, твердой, щедрой бережливой, рукой помощи

(*crack (good) hand; a free hand; have one's hands full; clean hands; light hand; a firm hand; open hand; a sparing hand; a helping hand*).

2) Отрицательная оценка образа

Рука может быть могущественной, невидимой (тайной), грязной, кровавой, неопытной, властной, «мертвой», насильственной

(*long hands; invisible (hidden) hand; dirty one's hands; to have blood on one's hands; a bad hand at sth, high hand; dead hand; violent hands*).

б) энциклопедическая зона

Руки можно связать, освободить, пожимать, поднимать, убирать, протянуть, кусать, кормить с

руки, давать из «первых» («из вторых») рук, брать в руку, попасть в руки.

(tie sb's hands; free sb's hands; shake hands; lift one's hand against sb; hands off; extend a hand of friendship to sb; to have sb. eating out of your hand; at first (second) hand; take in hand; hold up one's hands).

4. Эмоциональный слой

Действие рук может иметь отношение к следующим эмоциональным состояниям:

а) Личных потребностей:

Интерес (holding hands; laying hands on)

Удовлетворение (rubbing one's hands)

Радость (glad hand)

Пренебрежение (wash hands of sth; heavy hand)

Горе (wring one's hands; throw up one's hands)

Страх (with cap(hat) in hand)

Гнев (hands up)

б) Личными нормы и правила:

Симпатия (holding hands; ask for sb's hand; glad hand)

Чувство ответственности (hand on heart)

Уважение (with cap(hat) in hand)

Безответственность (hand to mouth)

в) Соответствия или несоответствия стандартам, правилам или нормам:

Восхищение (give a big hand)

Отвращение (hands off).

По результатам психолингвистического эксперимента можем сделать вывод, что полученные при опросе ассоциации, связанные с концептом HAND, информанты выделяют свойство – активная деятельность.

Ядро концепта состоит из предметно-образного кода (HAND). Увеличение объема и «уплотнение» содержания ядра происходит в процессе углубленного познания объекта. Считается, что концепт не имеет четкой структуры, но он не хаотичен, а его компоненты упорядочены определенным образом, что наглядно демонстрирует полевая структура исследуемого концепта.

Литература

1. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Педагогика, 1984. 246 с.
3. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учебное пособие. М.: Из-во "Лабиринт", 2001. 304 с.
4. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 160 с.
5. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов: учебное пособие. М.: Просвещение, 1978. 159 с.

6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.

8. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие. Спб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.

9. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Из-во лит. на иностр. яз., 1956. 269 с.

10. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

12. Lacoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: Chicago Univ. Press, 1980. 242 p.

13. Rosh E. Cognitive Representation of Semantic Categories. Toward an Experimental Psychology: General, 1975. 326 p.

14. Cambridge Essential English Dictionary. Cambridge University Press, 2015. 481 p.

15. Collins English Dictionary and Thesaurus Essential. HarperCollins Publishers, Intangible Press LLC, 2011. 3120 p.

16. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 2005. 1949 p.

17. Oxford Dictionary of English. OUP Oxford, 2010. 2069 p.

18. Webster's Dictionary of English Usage. Springfield, Massachusetts: Marriam – Webster Inc., Publishers, 1989. 974 p.

References

1. Vorkachev S.G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. M.: Gnozis, 2004. 192 s.
2. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. M.: Pedagogika, 1984. 246 s.
3. Gorelov I.N., Sedov K.F. Osnovy psiholingvistiki: uchebnoe posobie. M.: Iz-vo "Labirint", 2001. 304 s.
4. Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informacii. M.: Nauka, 1982. 160 s.
5. Zhukov V.P. Semantika frazeologicheskikh oborotov: uchebnoe posobie. M.: Prosveshhenie, 1978. 159 s.
6. Karasik V.I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004. 390 s.
7. Kunin A.V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka: ucheb. dlja in-tov i fak. inostr. jaz. M.: Vyssh. shk., Dubna: Izd. centr «Feniks», 1996. 381 s.

8. Nikitin M.V. Kurs lingvističeskoj semantiki: učeбноe posobie. Spb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2007. 819 s.
9. Smirnickij A.I. Leksikologija anglijskogo jazyka. M.: Iz-vo lit. na inostr. jaz., 1956. 269 s.
10. Stepanov Ju.S. Koncepty. Tonkaja plenka civilizacii. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. 248 s.
11. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 288 s.
12. Lacoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: Chicago Univ. Press, 1980. 242 p.
13. Rosh E. *Cognitive Representation of Semantic Categories. Toward an Experimental Psychology: General*, 1975. 326 p.
14. *Cambridge Essential English Dictionary*. Cambridge University Press, 2015. 481 p.
15. *Collins English Dictionary and Thesaurus Essential*. HarperCollins Publishers, Intangible Press LLC, 2011. 3120 p.
16. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Longman, 2005. 1949 p.
17. *Oxford Dictionary of English*. OUP Oxford, 2010. 2069 p.
18. *Webster's Dictionary of English Usage*. Springfield, Massachusetts: Marriam – Webster Inc., Publishers, 1989. 974 p.

EXPLICATION OF THE CONTENT OF THE HAND CONCEPT IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

*Podgorbunskaya I.G., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology*

Abstract: the article is devoted to the study of the components of the HAND concept, including the object-shaped core, which includes both direct and figurative meaning, and the periphery, consisting of several layers. At the same time, it is emphasized that the formation of a concept is a process in which an invariant generalized image is a stimulus for the generation of a word. At the same time, the concept, which arose due to linguo-creative thinking, expresses one of the main elements in ethno-linguistic consciousness. Much attention is paid not only to the analysis of the definitions of lexicographic sources, but also to the results obtained in the course of a psycholinguistic experiment when interviewing native English speakers. The hierarchy of meanings in the semantic structure of the studied word was represented by the calculation of the value brightness index. Based on the results of the study, a graphical model of the field structure of the HAND concept was presented. As it turned out as a result of the psycholinguistic experiment, the main association associated with the concept of HAND is the active activity of a person. The hand, as a part of the body, as an instrument of activity, is directly related to activity, as well as in the perception of space and orientation in it.

Keywords: concept, cognitive linguistics, phraseological unit, psycholinguistic experiment

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЕРМИНА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

*Стожок Е.В., кандидат филологических наук,
Омский государственный педагогический университет*

Аннотация: в данной статье содержательная структура термина рассматривается как совокупность компонентов необходимых в терминотворчестве для успешного функционирования терминов в языковой действительности. Целью статьи является исследование терминологической сути термина – тех специфических элементов, которые делают термин термином. Специальный научный компонент, языковая мотивированность, прозрачная внутренняя форма выделяются как необходимые составляющие содержательной структуры термина. Данное исследование носит прикладной характер, так как совокупность данных качеств позволяет терминам удачно встраиваться в терминосистему определенной сферы знаний, быстро и надолго запоминаться, и удачно использоваться в узкоспециальной профессиональной деятельности. Также в статье анализируются особенности обыденных и научных понятий, содержательных и формальных понятий.

Ключевые слова: содержательная структура термина, термин, научное понятие, содержательное понятие, формальное понятие, мотивированность, внутренняя форма слова

Вопрос о содержательной структуре термина, точнее о компонентах терминологической структуры, которые являются необходимыми для успешного функционирования терминов, относится к числу дискуссионных.

Цель данной статьи предполагает определить особые компоненты содержательной структуры термина, которые отличают термин от нетермина.

Обеспечение профессиональной речи качественным терминологическим составом является первостепенной задачей терминоведения, поэтому её актуальность не вызывает сомнений.

Большинство терминов образуется путем вторичной номинации, таким образом, содержательная структура обычного слова, которое в будущем пополнит ряды терминов, должна содержать некую терминологическую сущность – те элементы, которые и делают термин термином.

Главной отличительной чертой термина является его особенное значение, чье ядро составляет узкоспециальный компонент. В качестве значений терминов выступают понятия, появившиеся в результате научно – технического прогресса, т.е. понятия из различных профессиональных сфер деятельности. Обыденные понятия связаны, прежде всего с житейским опытом, научные понятия – с техническим и иными видами прогресса. Обыденные понятия отражают, как правило, «внешние» признаки объектов и явлений. Научные же понятия «смотрят» в глубь вещей и подчеркивают самые существенные их характеристики, основываясь на результатах умозаключений. В этом плане значения терминов сложнее, чем значения нетерминов, поскольку они включают в себя специальный (научный, технический и пр.) компонент [5, с. 34]. И что особенно важно – этот компонент отражает результаты человеческой деятельности. Таким образом, наличие специального значения

является важнейшей отличительной чертой содержательной структуры термина.

Термины неразрывно связаны с понятиями, которые они выражают. Но это не любые понятия, а понятия определенной сферы деятельности или знаний. Исходя из этого факта, при изучении содержательной структуры термина очень важна взаимосвязь между понятием и тем словом или словосочетанием, которым оно выражено, т.е. имеет место быть языковая мотивированность, которая присуща терминам. Терминологическая мотивированность соединяет воедино термин – понятие и термин – слово, его внешнюю оболочку и внутреннюю суть.

В данном контексте особое внимание следует уделить и внутренней форме термина, точнее, ее характеристикам. Внутренняя форма термина транслирует информацию о наиболее существенных признаках характеризуемого объекта, причем признаки могут быть как скрытыми, так и бросающимися в глаза. Таким образом, поставляется необходимая терминологическая информация.

Одним из важных ключевых качеств терминов является «прозрачность» внутренней формы, которая появляется при создании терминов путем вторичной терминологизации слов обыденного языка. Термин с прозрачной внутренней формой является мотивированным, т.е. подчеркивает терминологическую составляющую его понятийной структуры и указывает на отличительный характерный признак.

Л.А. Морозова считает, что в терминологических словосочетаниях прозрачной внутренней формы ориентирующая функция терминов наиболее достоверна, ибо отражает структурные связи с родовидовыми отношениями самих профессиональных понятий [6, с. 32].

«Прозрачная» внутренняя форма обозначает, также, тот факт, что слово не имеет абсолютно

разных значений или оттенков значения, что препятствовало бы его правильному пониманию. Поэтому в процесс терминотворчества следует привлекать слова, семантическая структура которых не изменяется или почти не изменяется в своем диахроническом развитии, так как разные значения одного и того же слова могут препятствовать правильному пониманию термина.

Положительной тенденцией в процессе создания новых терминов является принадлежность используемых слов к общеупотребительному языку. Особенно предпочтительно, чтобы слово принадлежало к категории «ключевых» слов или диахронических констант, которые являются общими для представителей любого языкового сообщества. Такие слова часто встречаются в пословицах, поговорках, песнях, а также в обычной коммуникации, то есть все они являются представителями «наивной» картины мира. Такой «народный» компонент делает их понятными даже в качестве терминов.

Термины, в состав которых входит «ключевое» слово, легче понимаются и запоминаются, так как они содержат «только одно ближайшее значение слова, которое народно, поэтому в момент произнесения подобные слова вызывают четкое представление у говорящего и слушающего.

Другими словами, срабатывает так называемое правило «равнения вниз» (семантическое правило интересубъективного уровня значения): «Если коммуникация с помощью тех или иных слов имеет место между людьми, из которых одни понимают эти слова на более высоком уровне..., другие же... на более низком уровне (переживаемые ими индивидуальные значения менее глубоки, более поверхностны), то общие значения, являющиеся общей платформой взаимопонимания тех и других, представляют всегда этот более низкий уровень, но никогда более высокий» [4, с. 122].

В пользу слов общеупотребительного языка, используемых в качестве терминов, говорит еще и тот факт, что они являются носителями формальных понятий, смысл которых ясен всем членам языкового сообщества. Содержание формальных понятий является простым, отражает бытовые представления о вещах, явлениях, событиях: «Но формальные понятия тяготеют к сфере народного языка и в принципе не терпят индивидуальных отклонений. Они образуют содержание слов, имеющих интересубъективную значимость» [3, с. 23-24].

Таким образом, восприятие общеупотребительных слов задействует только нижний уровень сознания, что очень упрощает их понимание представителями разных культур: «...общеупотребительный язык изменяется медленно. В нем

сохраняются те слова, которые были в древний период и возникает иллюзия отождествления – эти слова нам знакомы, мы понимаем их значение (правда в совершенно ином, современном смысле) и нам кажется, что люди мало изменились с давних времен. Это также указывает на то, что, на нижних уровнях сознания мы во многом подобны, если и не одинаковы с людьми, жившими много веков назад – разница заметнее в высших уровнях рассуждения» [2, с. 94].

Основа мировоззрения любой нации состоит из «универсальных» понятий. Концепты, ключевые слова культуры, диахронические константы – все эти термины обозначают понятия, лежащие в основе любой культуры и, соответственно, любого языка. Все они представляют самый древний пласт языка и, соответственно, самый нижний уровень сознания, на котором все люди подобны. *Время, жизнь, смерть, любовь* – типичные примеры таких понятий. Отдельные детали, которые характеризуют эти понятия, естественно, разнятся и у разных людей, и у разных народов, но суть, которая в них заложена – едина. Являясь частью обычного языка, эти слова являются прекрасным «подспорьем» для создания терминологических выражений, иногда даже их ядровой части.

Да и в целом, не только жизнь человека, но и он сам, является источником вдохновения в терминотворчестве. В данном случае срабатывает принцип антропоцентризма, который очень распространен в лингвистике.

Большое количество примеров таких терминов, в которых присутствуют все вышеперечисленные черты, можно найти в экономической терминологии. Например, терминосистемы со словами, характеризующими периоды жизни человека: *mature / maturity* – зрелый / зрелость, *young* – молодой, *old* – старый *shortening of maturity* – сокращение срока долгового обязательства [1, с. 38], *maturity swap* – своп по срокам: обмен облигаций с более короткими сроками на ценные бумаги с более продолжительными сроками для изменения структуры инвестиционного портфеля по срокам [1, с. 36], *mature economy* – «зрелая экономика»: экономика, которая перестала расти [1, с. 32], *mature stage* – этап, стадия зрелости: стадия в жизненном цикле товара, характеризующаяся замедлением темпов роста сбыта товара [1, с. 33].

old business – давно существующая компания [1, с.40], *old money* – «старые деньги»: деньги, полученные в наследство; семейные деньги, в отличие от денег вновь разбогатевших людей [1, с. 41], *old money preferred* – «старые» привилегированные акции (США): привилегированные акции, выпущенные до 1 октября 1942 года [1, с. 41]ю

young fortune (амер., разг.) – целое состояние [1, с. 42]

Приведенные в качестве примеров терминологические выражения включают в себя слова обиходного языка, имеющие непосредственное отношение к жизни, а точнее к этапам жизни человека. Они относятся к универсалиям, поскольку последовательность жизненных периодов одинакова абсолютно у всех, различия только их наполняемость. Данный факт обеспечивает прозрачную внутреннюю форму этим терминологическим выражениям. Языковая мотивированность и специальный компонент также присутствуют. Совокупность всех этих факторов позволяет этим терминам успешно функционировать как части соответствующей терминосистемы.

Т.о. триединство понятия содержательной структуры термина, предложенное В.М. Лейчиком: «собственно семантика (лексическое значение), мотивированность и сигнификативное значение (обозначение специального понятия (концепта))» [5, с. 47], является незыблемым и неоспоримым, но некоторые компоненты (качества) такие, как формальность понятия и принадлежность слова к общеупотребительному языку («народность слова») являются хорошим подспорьем в процессе терминотворчества и способствуют улучшению коммуникации в узкой профессиональной среде. А мотивированность, в свою очередь, помогает упростить и облегчить процесс усвоения новой лексики, и как следствие, обогатить профессиональный вокабуляр.

В целом, специальная лексика – это слаженная и искусственно созданная часть лексики, независимо от того, складываются ли термины в терминологии или терминосистемы. Это ее ключевое и основное отличие от лексики общеупотребительного языка, так как развитию специальной лексики способствует научно-технический прогресс и социальные запросы общества. Но, будучи регулируемой социальными, юридическими и иными факторами, для профессиональной лексики языковые факторы являются первостепенными. Каждый новый термин, который появляется в той или иной терминосистеме, может как тормозить развитие науки, так и продвигать её вперед. Поэтому создавая новые терминологические выражения нужно руководствоваться совокупностью рас-

смотренных в статье характеристик при выборе слов, которые будут входить в ту или иную терминосистему в качестве терминов.

Литература

1. Англо-русский словарь терминов, передающих понятие жизненного пути объекта в экономике / Сост. Е.В. Стожок. 2011. Омск, Изд-во «Центр полиграфии Пульсар-98», 44
2. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Скопюк Т.Г. Основы антропологической лингвистики (к лингвистическим основаниям эволюции мышления): учебное пособие. М.: Компания Спутник+, 2005. 114с.
3. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / Под общ. ред. В.М. Жирмунского, М. М. Гухман, С.Д. Кацнельсона. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2011. 112с.
4. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. 4-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 192 с.
5. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
6. Морозова Л.А. Терминознание: Основы и методы. М.: ГНО «Прометей» МПГУ, 2004. 144 с.

References

1. Anglo-russkij slovar' terminov, peredajushhij ponjatie zhiznennogo puti ob#ekta v jekonomike. Sost. E.V. Stozhok. 2011. Omsk, Izd-vo «Centr poligrafii Pul'sar-98», 44
2. Grinev-Grinevich S.V., Sorokina Je.A., Skopjuk T.G. Osnovy antropolingvistiki (k lingvisticheskim osnovanijam jevoljucii myshlenija): uchebnoe posobie. M.: Kompanija Sputnik+, 2005. 114s.
3. Kacnel'son S.D. Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie. Pod obshh. red. V.M. Zhirmunskogo, M. M. Guhman, S.D. Kacnel'sona. 3-e izd. M.: Editorial URSS, 2011. 112s.
4. Komlev N.G. Komponenty sodержatel'noj struktury slova. 4-e izd. M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2012. 192 s.
5. Lejchik V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. 3-e izd. M.: Izd-vo LKI, 2007. 256 s.
6. Morozova L.A. Terminoznanie: Osnovy i metody. M.: GNO «Prometej» MPGU, 2004. 144 s.

**TERM DENOTATIVE STRUCTURE (DRAWING ON THE
EXAMPLE OF ENGLISH ECONOMIC TERMS)**

*Stozhock E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Omsk State Pedagogical University*

Abstract: in this paper term denotative structure as a set of components necessary for term successful functioning is described. The aim of the article is to study the terminological essence of the term – the components that make a term. A special scientific component, linguistic motivation and transparent internal form are highlighted as necessary elements of the denotative structure of the term. This research is of an applied nature since the totality of these qualities allows the term to be successfully filled into the term system of a certain area of knowledge and also be remembered quickly and for a long time. All this leads to the successful use of terms in a narrow professional activity. Peculiarities of ordinary and scientific notions, denotative and formal notions are also analysed in the article.

Keywords: term denotative structure, term, scientific notion, denotative notion, formal notion, linguistic motivation, the inner form of the word

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ АББРЕВИАТУР В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ В.С. ВЫСОЦКОГО)

*Узенцова Е.А., кандидат филологических наук, доцент,
Российский государственный университет правосудия*

Аннотация: целью данной статьи является изучение особенностей функционирования аббревиатур в поэтическом тексте. В статье обзорно рассматриваются подходы к трактовке понятия аббревиатуры, обосновывается интерес к изучению данного феномена в различных аспектах, включая функционирование в разных видах текстов. Автор отмечает, что поэтический текст обладает определенной спецификой с точки зрения формы и содержания, в связи с чем каждая лексическая единица приобретает в нем особую значимость. Исследование, проведенное на материалах поэтических произведений В.С. Высоцкого, позволило сделать вывод о том, что функционирование аббревиатур в поэтическом тексте расширяется и трансформируется по сравнению с другими формами текста. В поэтических произведениях аббревиатуры используются для называния предметов и явлений, помогают охарактеризовать отнесенность героев произведений к определенной социальной общности или культурно-исторической эпохе, употребляются для придания тексту экспрессивности. Поэтический текст характеризуется необходимостью соблюдения автором ряда фонетических, лексических, синтаксических и ритмических ограничений. Кодифицированная и некодифицированная вариативность произношения и грамматических характеристик аббревиатур позволяет автору произведения выдерживать нормы метро-ритмической организованности и употребляться для создания рифмы, что свидетельствует о способности аббревиатур служить текстообразующим средством.

Ключевые слова: аббревиатура, функция, поэтический текст, вариативность, орфоэпическая норма, рифма

Появление и развитие языковых явлений стимулирует интерес к лингвистическому исследованию причин возникновения, природы, признаков и особенностей функционирования в речи. Аббревиация как способ словообразования приобрела популярность относительно недавно. Описывая причины появления аббревиатур в языке, ученые упоминают экстралингвальные и внутрилингвальные факторы. К первой группе относят значимые социальные трансформации, развитие межкультурных коммуникаций, научно-технический прогресс. Внутрилингвальными причинами распространения аббревиации ученые считают особенности строя языка, тенденцию к моносилаббизму, стремление произносить аббревиатуры как единые слова, языковую привычку, языковую общность говорящих и др. [4] Значительный вклад в изучение вопросов определения аббревиатуры, выявления механизмов образования, представления различных классификаций внесли Д.И. Алексеев, Е.Д. Поливанов, Е.С. Кубрякова, В.Г. Костомаров, Е.И. Диброва, В.Н. Немченко и др. [16].

Интерес лингвистов обращен и к проблемам функционирования аббревиатур в речи. Аббревиатурные сокращения, изначально характерные для официально-деловой и разговорной речи, постепенно проникают в различные сферы применения языка. При этом функционал таких лексических единиц значительно расширяется [2]. Художественный текст позволяет лексическим единицам выйти за пределы их прямого восприятия. Целью нашего исследования является рассмотрение особенностей функционирования аббревиатурных сокращений в рамках поэтического текста. Материалом для исследования послужили поэтические

произведения В.С. Высоцкого. Методом сплошной выборки в ходе исследования было выявлено 89 примеров аббревиатурных сокращений, которые, в соответствии с классификацией Е.И. Дибровой [15, с.454], можно разделить на следующие группы:

1) звуковые, образованные путем сочетания начальных звуков, – АН, ГАИ, ДЗОТ, ДОТ, ЗИЛ, ЗИМ, ИЖ, ТАСС, ООН, нэп, ЯК и др.;

2) буквенные, представленные объединением начальных букв, – ВЦСПС, КБ, ППШ, ОТК, КГБ, ФРГ, ЧП, ЧК и др.;

3) слоговые, построенные на основе объединения слоговых элементов слов, – бригадмил, комбат, местком, рабфак, филфак, управдом и др.

4) слога-словные. состоящие из сокращенной части слова и целой лексической единицы, – бортжурнал, главврач, капстрана, детдом, завцеха, информбюро, сберкнижка, сельсовет, зарплата и др.;

5) смешанные, основанные на комбинировании элементов разных типов, – торгсин;

6) телескопические, сложившиеся в результате объединения начала одного слова и конца другого, – кванталерист.

Подавляющее большинство выявленных единиц относится к первым четырем группам упомянутой классификации, пятая и шестая группы представлены единичными примерами. 36 аббревиатур из числа выявленных неоднократно повторялись как в пределах одного произведения, так и в разных. Распространенность и частота употребления аббревиатур, наблюдаемая в поэтических произведениях В.С. Высоцкого, объясняет стрем-

ление более детально рассмотреть специфику функционирования таких лексических единиц.

Как и любое слово в языке, аббревиатура имеет все соответствующие характерные признаки. Она обладает цельностью, свободно вычленяется и воспроизводится в речи. Способность аббревиатуры называть предметы, явления и отношения действительности реализует ее *номинативную* функцию [13]. Аббревиатуры, представленные в поэзии В.С. Высоцкого, используются, в первую очередь, с целью названия предметов и явлений из различных сфер жизни. Анализ произведений помог выявить единицы нескольких тематических групп, а именно:

- наименования центральных и местных государственных органов и их отделов (ЗАГС, торгсин, сельсовет, местком и др.);
- наименования политических партий, профсоюзных, молодежных, общественных, хозяйственных и иных организаций, объединений (ВЦСПС, ЦК, стройотряд, СОС и др.);
- наименования государств (США, СССР, ФРГ);
- наименования моделей техники (АН, ТУ, ИЛ, ИЖ, КАМАЗ, МАЗ, ЯК, ЗИЛ, ЗИМ и др.);
- наименования из сферы промышленности и энергетики (ГЭС, КБ, ОТК, ТЭЦ, ТЭЖЕ, завцефа);
- наименования предметов и явлений военной сферы (ППШ, дзот, дот, ФАУ, военкомат, мебсанбат, комбат и др.);
- наименования сферы государственной безопасности (ГАИ, ЦК, КГБ, МУР, ЧК/Чека, ОБХСС, вохр, ОРУД, КПЗ, бригадмил и др.);
- наименования предметов и явлений культурной сферы (ВТО, КВН, МХАТ);
- наименования предметов и явлений образовательной сферы (вуз, иняз (авт. инъяз), филфак, рабфак);
- наименования из сферы информации, связи и телекоммуникаций (SOS, ТАСС, Би-би-си, Информбюро, Совинформбюро и др.);
- наименования спортивной тематики (спортзал, спортлото, спортотдел, физзарядка и др.);
- наименования социально-бытовой тематики (ГУМ, ЖЭК, управдом/домуправ, завмагазином, детдом, сберкнижка, зарплата) и др.

Аббревиация как способ образования новых слов получила свое распространение в недалеком прошлом. Большинство исследователей сходятся во мнении, что появление аббревиатур обусловлено стремлением к экономии речевых усилий. С.А. Никишина отмечает, что массовое распространение аббревиатур в послереволюционное время связано с появлением значительного количества многословных наименований различных организаций и учреждений, плотно вошедших в жизнь

советского народа. В целях экономии речевых усилий длинные наименования сокращались и становились более удобными в процессе коммуникации, что объясняет популяризацию аббревиации в этот период. Таким образом, одной из основных функций аббревиатур целесообразно считать *компрессионную* [11].

Язык произведений художественной литературы является средством словесного отражения сущности окружающей действительности и характеризуется эстетичностью и образностью. При создании произведений авторы умело сочетают всевозможные средства различных языковых уровней, порождая системы образов и вызывая эмоциональное воздействие на читателя. Стихотворная форма художественных произведений в силу «единства и тесноты стихового ряда» [18, с. 66] требует максимально возможной эстетической значимости и емкости всех элементов, составляющих поэтический текст. С учетом данной особенности компрессионная функция аббревиатур реализуется в способности вместить развернутое наименование объекта в сжатые рамки поэтического текста. Так, например, в зависимости от синтаксических и ритмических возможностей текста В.С. Высоцкий в своих произведениях использует разные варианты наименования американского государства:

- Соединенные Штаты:

*Себя от надоевшей славы спрятав,
В одном из их Соединенных Штатов*
(Про Джеймса Бонда, 1974)

- Штаты:

*Если в Англии и в Штатах
Недостаток в меценатах —
Пусть приедут, позаимствуют в Одессе.*
(Куплеты Бенгальского, 1968)

- США:

*Но теория вероятности —
Вещь коварная, как США.
(Быть может, о нём не узнают в стране..., 1966)*

Язык произведений художественной литературы насыщен разнообразными стилистическими фигурами и тропами. Аббревиатуры в поэтических текстах приобретают специфическую способность служить не только для прямого наименования предметов, но и для придания тексту экспрессивности. *Экспрессивная функция* аббревиатур часто реализуется в форме языковой игры, основанной на омонимическом соответствии, при котором аббревиатура совпадает с полнозначной лексической единицей [16]. Так, в стихотворении «Ю. Яковлеву к 50-летию» В.С. Высоцкий использует подобное омофоническое совпадение «...самолеты — «ЯКи»/ И в Азии быки — все те же яки...» в эмоционально-экспрессивных целях. Многократно

усиливает метафоричность текста и то, что в данном стихотворении автор прибегает к употреблению усеченного варианта фамилии Ю. Яковлева, которому посвящено произведение, в форме *Як* и на этом основывает все произведение в целом. Кульминационным в процессе такого употребления видится создание авторской метафоры *Як-50*, одновременно вмещающей образ модели самолета и отсылку к образу Ю. Яковлева накануне 50-летнего юбилея:

*Як-50, желают тебе друзья с Таганки
Счастливого полета, как «ЯКу-42»!
(«Ю. Яковлеву к 50-летию», 1978)*

Еще одним примером языковой игры является каламбур на основе созвучия сокращенного наименования Московского уголовного розыска (МУР) и фамилии английского футболиста Роберта Мура, которого подозревали в краже: *«Здесь бы Мур не выбрался из МУРа...»*.

Целям экспрессивности в поэзии В.С. Высоцкого служат и примеры «вторичной» расшифровки аббревиатур и понимания под сокращениями иных ассоциаций, отражающих эмоциональную окрашенность произведения. Так, в произведении «Я б тоже согласился на полет...» аббревиатуре СССР соответствует последовательность ассоциаций «Союз», «Салют», Смерть, Реквием, которая усиливает экспрессивность при описании трагической гибели экипажа орбитальной научной станции «Салют» во время завершения программы полета на космическом корабле «Союз-11».

Анализируя функционирование в текстах художественных произведений, нельзя не упомянуть о *характерологической* функции аббревиатур. Их использование позволяет автору имплицитно описать литературного героя посредством особенностей его речи. В поэтических произведениях В.С. Высоцкого литературный герой предстает в образах осужденного, шофера, фронтовика, спортсмена, моряка и др. Это объясняет наличие широкого тематического разнообразия аббревиатур в поэтических текстах автора. Одной из самых значимых в творчестве поэта является лагерная тема, которая была распространена в то время в связи с историческими событиями. В.С. Высоцкий «уловил, преобразил и ввел в поэзию, художественно закончил этот своеобразный "шершавый язык плаката" [17]. Исследователи творчества В.С. Высоцкого связывают массовую популярность его произведений с новым для того времени художественным использованием живой, разговорной, часто жаргонной лексики в речи. В произведениях, раскрывающих лагерную тему, речь героя насыщена соответствующими жаргонизмами (скокари, щипачи, майданщик, домушник и др.) и тематически связанными аббревиатурами из сферы охраны об-

щественного порядка и государственной безопасности (ЦК, КГБ, МУР, ЧК/Чека, ОБХСС, вохр, ОРУД, КПЗ, бригадмил). Популярность данной тематики подчеркивается не только разнообразием сокращений, но и частотностью употреблений в текстах (аббревиатура МУР встречается 16 раз). Характерологическая функция аббревиатур не ограничивается указанием на социальный статус или профессиональную принадлежность героев художественных произведений. Важной, на наш взгляд, является и возможность через употребляемые в речи сокращения передать временную отнесенность событий [2]. Так, значительную часть обнаруженных аббревиатур можно отнести к аббревиатурам-историзмам (СССР, ВЦСПС, местком, ЦК и др.) и аббревиатурам – архаизмам (КГБ, МХАТ, ВТО и др.). Регулярное использование таких единиц в речи героев, говорящих не о прошлом, а о настоящем, определяет их принадлежность к определенной культурно-исторической эпохе.

Отечественный литературовед, культуролог и семиотик Ю.М. Лотман в своих трудах отмечал снижение информативности языка, используемого в коммуникационных целях, ввиду наличия определенного ряда ограничений. В поэтическом тексте к общему числу ограничений он справедливо добавлял необходимость соблюдать «метро-ритмические нормы, организованность на фонологическом, рифмовом, лексическом и идейно-композиционном уровнях» [9, с. 35]. Весьма значимую роль в организации стихотворного текста выполняет рифма. Рифма не строго обязательна в поэзии, однако ее наличие придает тексту фоническую и ритмическую организованность. Основанная на схожести звучания концов двух и более строк, рифма позволяет установить границы и связать части стихотворного текста.

Исследования творчества В.С. Высоцкого, посвященные изучению жанрового, тематического и поэтического своеобразия, однозначно выделяют совершенство владения автором стихотворной техникой. Ученые справедливо отмечают мастерство поэта в сочетании традиций и новаторства в стихосложении, уникальное использование полиметрии, строфической изобретательности, переосмысление в использовании глагольной рифмы, выразительность которой ранее воспринималась как недостаточная, широкое применение различных видов неточных рифм [17]. (В рамках проводимого исследования выявлено регулярное использование аббревиатур различных типов в качестве элементов неточных рифм. В большей части созвучий участвуют аббревиатуры, произношение которых соответствует литературной норме, зафиксированной в словаре с учетом официального

названия согласных букв [3], а также типу аббревиатуры. Примером подобного употребления могут служить созвучия *склад – МХАТ, Насер – СССР, привет – сельсовет, за кордон – ООН, свои – ГАИ, МАЗ – увяз* и др. В некоторых случаях В.С. Высоцкий подчиняет произношение аббревиатур законам рифмы. Так, например, буква *ш* в составе аббревиатуры ПППШ приобретает некодифицированный для данного сокращения вариант звучания и произносится как [ше] для соблюдения орфоэпического сходства в рифме *ПППШ – в душе*.

В некоторых случаях кодифицировано разное произношение одних и тех же аббревиатур. Орфоэпическая вариативность наблюдается и в использовании поэтом аббревиатуры *США*. В.Н. Мусатов детально рассмотрел произносительные особенности данной аббревиатуры с учетом фонетических законов и принципов слогаделения [10, с. 181]. Ученый обозначил характерную как для разговорного, так и для литературного употребления тенденцию пренебрежения алфавитным названием букв л, м, н, р, с, ф, к, х, ш, щ в сторону звучания, включающего соответствующий согласный звук и следующий за ним гласный [э] аналогично согласным б, в, г, д и др. Словарь сокращений русского языка под редакцией Д.И. Алексеева фиксирует два варианта произношения: [сша] и [сэ-ше-а]. В стихотворных произведениях В.С. Высоцкого аббревиатура *США* встречается трижды. В двух случаях автор отдает предпочтение первому варианту произношения, создавая рифмы в строках *Вещь коварная, как США... // А приятностей – ни шиша!* и *Сказали кореша... // Можно даже в США*. Третий случай употребления отличен. Аббревиатура не включена в созвучие, но первый вариант ее произношения не вписывается в метрику стихотворной строфы. В связи с этим, автор прибегает ко второму варианту произношения и нестандартному написанию самой аббревиатуры:

*Чем ещё уконтропунишь
Мировую атмосферу?
Мы покажем крупный кукиш
СэШЭА и эСэСэРу!*
(Возле города Пекина..., 1966)

Более глубокую орфоэпическую трансформацию в поэтическом тексте В.С. Высоцкого претерпевает иноязычная аббревиатура *USA*. Данный акроним имеет калькированное русскоязычное соответствие *США*; тем не менее, распространенность ее англоязычной версии, как правило, не вызывает произносительных трудностей, даже у тех, кто не владеет английским языком. Транслитерированный вариант аббревиатуры *USA*, оформленный с помощью средств русской графики, не кодифицирован, хотя встречается в некоторых информационных источниках в виде Ю-ЭС-

ЭЙ (Большая российская энциклопедия, статья об американском периодическом издании «USA Today») [19]. Такой вариант записи аббревиатуры отражает и русифицированную версию ее произношения. В произведении «Про Джеймса Бонда» В.С. Высоцкий придает сокращению *USA* совершенно неожиданное звучание в виде [юса], образуя созвучия *USA – волоса*.

Русская грамматика – 80 поясняет, что звуковые аббревиатуры могут вариативно относиться к несклоняемым или употребляться в падежных формах. В произведениях В.С. Высоцкого отмечается значительное количество рифмующихся совпадений с использованием звуковых аббревиатур в формах косвенных падежей или множественного числа: *Бонне – ООНе, дата – МХАТа, прокуратура – МУРа, забияки – ЯКи, ЗИМе – магазине, КА-МАЗе – в этом разе, ОРУДа – уда*. Единичным является употребление аббревиатуры *ООН* в несклоняемой форме в строках *«Врубил четвертую – и на балкон://«А ну-ка, девушки!» «А ну-ка, парням!»// Вручают премию в О-О-ООН!»*. Полагаем, что использование вариантов связано с необходимостью соблюдения звукового сходства; оно не носит случайный характер и позволяет говорить о реализации аббревиатурой *рифмообразующей* функции.

Подводя итог, целесообразно отметить, что продуктивность аббревиации как способа словообразования и распространение использования аббревиатур в различных сферах позволяет рассматривать сокращения такого рода не только как номинативные единицы, обладающие своеобразной формой и содержанием, но и как текстообразующие средства, способствующие эстетичной организации высказываний в рамках ограниченно-го пространства поэтического текста.

Литература

1. Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка: Около 17 700 сокращений / Под ред. Д.И. Алексеева. М.: Рус. яз., 1983. 487 с.
2. Антонов В.П. Особенности функционирования аббревиатур в современном художественном тексте // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2015. № 11. С. 31 – 35.
3. Белякова Г.В., Гаврилкина Т.Ю. Об особенностях произношения русских аббревиатур // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (113). С. 12 – 14.
4. Блох М.Я., Сергеева Т.С. Аббревиация как продуктивный способ словообразования в истории европейских языков // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 186 – 199.

5. Высоцкий В.С. Собрание сочинений: в 4-х кн. Книга 2-я. Мы возвращаем землю. М.: Изд-во «Надежда-1», 1997. 624 с.

6. Высоцкий В.С. Собрание сочинений: в 4-х кн. Книга 1-я. Грустный романс. М.: Изд-во «Надежда-1», 1997. 560 с.

7. Высоцкий В.С. Собрание сочинений: в 4-х кн. Книга 4-я. Я никогда не верил в миражи. М.: Изд-во «Надежда-1», 1997. 608 с.

8. Горшунов Ю. В. Прагматика аббревиатуры: дис. ... д-ра филол. наук / Моск. гос. пед. ун-т. М., 1999. 299 с.

9. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. М.: Просвещение, 1972. 271 с.

10. Мусатов В.Н. Русский язык: Фонетика. Фонология. Орфоэпия. Графика. Орфография [Электронный ресурс]: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2012. 246 с.

11. Никишина С.А. Аббревиатуры: генезис, словообразовательный статус, морфемная структура, тематические группы, употребление и прогнозы // Вестник НВГУ. 2011. № 4. С. 37 – 47.

12. Светличная Н.О. Аббревиация и дезаббревиация в современном русском языке: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009 15 с.

13. Сергеева Т.С. Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013 № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 174 – 179.

14. Собрание сочинений: в 4-х кн. Книга 3-я. Странная сказка. М.: Изд-во «Надежда-1», 1997. 576 с.

15. Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Николина Н.А., Щеболева И.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / под ред. Е.И. Дибровой. М.: «Академия», 2006. 480 с.

16. Тибилова М.И. Аббревиатуры-инновации: системно-описательный и лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2011 22 с.

17. Шатин Ю. Поэтическая система Высоцкого [Электронный ресурс] // Высоцкий: время, наследие, судьба: [официальный сайт]. 2013. Режим доступа: <http://otblesk.com/vysotsky/i-shat01.htm> (дата обращения: 22.03.2022)

18. Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Л., «АКАДЕМИА», 1924.

19. Ю-ЭС-ЭЙ ТУДЕЙ // Большая российская энциклопедия. Том 35. Москва, 2017. С. 616.

References

1. Alekseev D.I., Gozman I.G., Saharov G.V. Slovar' sokrashhenij russkogo jazyka: Okolo 17 700 sokrashhenij. Pod red. D.I. Alekseeva. M.: Rus. jaz., 1983. 487 s.

2. Antonov V.P. Osobennosti funkcionirovanija abbreviatur v sovremennom hudozhestvennom tekste. Vestnik HGU im. N.F. Katanova. 2015. № 11. S. 31 – 35.

3. Beljakova G.V., Gavrilkina T.Ju. Ob osobennostjah proiznoshenija russkikh abbreviator. Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. Tambov: Gramota, 2016. № 11 (113). С. 12 – 14.

4. Bloh M.Ja., Sergeeva T.S. Abbreviacija kak produktivnyj sposob slovoobrazovanija v istorii evropejskikh jazykov. Izvestija VUZov. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2014. № 1 (29). S. 186 – 199.

5. Vysockij V.S. Sbranie sochinenij: v 4-h kn. Kniga 2-ja. My vrashhaem zemlju. M.: Izd-vo «Nadezhda-1», 1997. 624 s.

6. Vysockij V.S. Sbranie sochinenij: v 4-h kn. Kniga 1-ja. Grustnyj romans. M.: Izd-vo «Nadezhda-1», 1997. 560 s.

7. Vysockij V.S. Sbranie sochinenij: v 4-h kn. Kniga 4-ja. Ja nikogda ne veril v mirazhi. M.: Izd-vo «Nadezhda-1», 1997. 608 s.

8. Gorshunov Ju. V. Pragmatika abbreviatury: dis. ... d-ra filol. nauk / Mosk. gos. ped. un-t. M., 1999. 299 s.

9. Lotman Ju.M. Analiz pojeticheskogo teksta. M.: Prosveshhenie, 1972. 271 s.

10. Musatov V.N. Russkij jazyk: Fonetika. Fonologija. Orfojepija. Grafika. Orfografija [Jelektronnyj resurs]: ucheb. posobie. 2-e izd., ster. M.: FLINTA, 2012. 246 s.

11. Nikishina S.A. Abbreviatury: genezis, slovoobrazovatel'nyj status, morfemnaja struktura, tematicheskie gruppy, upotreblenie i prognozy. Vestnik NVGU. 2011. № 4. S. 37 – 47.

12. Svetlichnaja N.O. Abbreviacija i dezabbreviacija v sovremennom russkom jazyke: lingvopragmaticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2009 15 s.

13. Sergeeva T.S. Abbreviatura v sisteme leksicheskikh sokrashhenij. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota, 2013 № 6 (24): v 2-h ch. Ch. II. С. 174 – 179.

14. Sbranie sochinenij: v 4-h kn. Kniga 3-ja. Strannaja skazka. M.: Izd-vo «Nadezhda-1», 1997. 576 s.

15. Dibrova E.I., Kasatkin L.L., Nikolina N.A., Shheboleva I.I. *Sovremennyj russkij jazyk. Teorija. Analiz jazykovyh edinic: uchebnyj dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij: v 2 ch. Ch. 1. Fonetika i orfoepija. Grafika i orfografija. Leksikologija. Frazeologija. Leksikografija. Morfemika. Slovoobrazovanie.* pod red. E.I. Dibrovoj. M.: «Akademija», 2006. 480 s.

16. Tibilova M.I. *Abbreviatory-innovacii: sistemno-opisatel'nyj i lingvopragmatičeskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* Vladikavkaz, 2011 22 s.

17. Shatin Ju. *Pojetičeskaja sistema Vysockogo [Elektronnyj resurs].* Vysockij: vremja, nasledie, sud'ba: [ofic. sajt]. 2013. Rezhim dostupa: <http://otblesk.com/vysotsky/i-shat01.htm> (data obrashhenija: 22.03.2022)

18. Ju. Tynjanov. *Problema stihotvornogo jazyka.* L., «ACADEMIA», 1924.

19. Ju-JeS-JeJ TUDEJ. *Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija.* Tom 35. Moskva, 2017. S. 616.

ON THE QUESTION OF THE FUNCTIONING OF ABBREVIATIONS IN A POETIC TEXT (ON THE MATERIAL OF V.S. VYSOTSKY'S POETRY)

Uzentsova E.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Russian State University of Justice

Abstract: the purpose of this article is to study the features of the functioning of abbreviations in a poetic text. The article reviews approaches to the interpretation of the concept of abbreviation, justifies the interest in studying this phenomenon in various aspects, including functioning in different types of texts. The author notes that the poetic text has a certain specificity in terms of form and content, in connection with which each lexical unit acquires a special significance in it. The study conducted on the materials of poetic works by V.S. Vysotsky, led to the conclusion that that the functioning of abbreviations in a poetic text is expanding and transforming in comparison with other forms of text. In poetic works, abbreviations are used to name objects and phenomena, help to characterize the attribution of the heroes of works to a particular social community or cultural and historical era, and are used to make the text expressive. A poetic text is characterized by the need for the author to comply with a number of phonetic, lexical, syntactic and rhythmic restrictions. Codified and non-codified variability of pronunciation and grammatical characteristics of abbreviations allows the author of the work to maintain the norms of metro-rhythmic organization and be used to create a rhyme, which indicates the ability of abbreviations to serve as a text-forming tool.

Keywords: abbreviation, function, poetic text, variability, orthoepic norm, rhyme

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

*Рабаданова Л.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет*

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые способы перевода английских неологизмов на русский язык и возможные варианты передачи эквивалентности с одного языка на другой. В частности, в статье рассматриваются такие способы передачи английских неологизмов на русский язык, как транскрипция, транслитерация, калькирование и описательный перевод. Эти способы перевода являются самыми распространенными при передаче неологизмов на русский язык, особенно если это слова из области техники, экономики или финансирования. Соответственно, передача смысла нового слова на русский язык сопровождается определенными трудностями, включающими в себя как чисто языковые аспекты, так и экстралингвистические характеристики. Указанные приемы перевода отличаются друг от друга по степени передачи эквивалентности значения исходного слова. Так, описательный или дословный перевод не всегда может точно передать семантику неологизма, если переводчик не прибегнет к дополнительному толкованию его значения, используя словарные дефиниции этого слова в языке оригинала. В статье приводятся примеры этих способов перевода неологизмов с английского языка на русский. Статья может быть полезна студентам-переводчикам, всем, кто интересуется переводом терминов-неологизмов с английского языка на русский.

Ключевые слова: неологизм, способы перевода, транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод

Неологизмы, как новая лексика языка, всегда занимают одно из лидирующих мест по частоте их изучения. Ряд лингвистов исследовали способы возникновения неологизмов в английском языке, основные модели их построения, их этимологию и вторичную номинацию и т.д. Но вопрос об адекватной передаче значения английских неологизмов на русский язык все еще остается открытым. Межъязыковые контакты, безусловно, способствуют передаче и заимствованию неологизмов из одного языка в другой.

Существует ряд приемов, используемых в практике перевода, в том числе, и неологизмов, с английского языка на русский. Самыми востребованными являются такие приемы, как транскрипция и транслитерация. Этот выбор весьма оправдан, ибо новое слово, и особенно, если это новый термин, может провести не один год на пути закрепления в языке. В таких случаях его транскрипция с языка-оригинала приходится кстати и помогает слову закрепиться в языке перевода. Другими словами, эти приемы являются способом передачи слова на языке оригинала путем воспроизведения его буквами языка перевода. Здесь имеет место процесс замены звукового или графического облика слова с одного языка на другой.

Существует полемика по поводу того, стоит ли использовать такой прием вообще, т.к. некоторые лингвисты считают его повторением, как если бы это было имя собственное. На самом деле, мы считаем, что данный прием должен иметь место, ибо он отражает транскрипционные особенности слова на языке оригинала, а не семантику, которая передается отдельно от произношения.

В любом случае, неологизм после того, как его заимствует другой язык, уже принадлежит к

лексике этого языка, а значит, он эквивалентен оригинальному прототипу и в первом языке. Фактически, именно таким способом и появилось большинство неологизмов в ряде европейских языков, но этот процесс продолжается и в настоящее время.

При переводе неологизмов одним из самых востребованных методов является транслитерация. Она заключается в том, чтобы фонетическими средствами русского языка воспроизвести английское произношение данного слова, например: *dollar* «доллар» (валюта), *Microsoft* «Майкрософт» (компания) и др.

Как указывают авторитетные источники, транслитерация как прием интерпретации при заимствовании неологизмов широко применялся до начала XX века, передавалось лишь графическое написание слова и толковалось его значение [1, с. 120].

На современном этапе развития теории и практики перевода мы пользуемся сочетаемым приемом транскрипции с отдельными элементами транслитерации с языка оригинала. Напомним, что в английском и русском языках система фонем и их графическое воспроизведение отличаются друг от друга, и в силу этого перевод неологизмов всегда имеет приблизительный характер.

Сегодня перед тем, как переводить с одного языка на другой, положено разрабатывать для каждой пары языков особые правила и алгоритм передачи фонетических особенностей исходного языка, с указанием, какие из этих особенностей можно сохранить при передаче неологизма на русский язык.

Следует также иметь в виду, что при интерпретации с английского языка на

русский основные приемы транслитерации заключаются, как правило, в следующем:

1) в правильной передаче непроизносимых или редуцированных звуков, например: *Buckingham* – Буккингем, *McDonald's* – Макдональдс и др.;

2) в сохранении двойного написания букв в словах типа *Philipp Plein* – Филипп Плейн, *John Lennon* – Джон Леннон и др.;

3) в точной передаче письменного облика слов, например:

Kinder Pingu – «Киндер Пингви», *communication* – коммуникация и др.

Одним из самых распространенных способов передачи неологизмов с английского языка на русский является калькирование.

Этот процесс «срабатывает» при условии, что в языке оригинала и языке перевода имеются соответствующие корреляции между корневыми морфемами, несущими на себе смысловую нагрузку, ибо именно они определяют степень точности передачи внутренней формы заимствованного слова [2, с. 195].

Калькирование нередко путают с буквальным переводом, т.к. эквивалент слова в языке перевода образуется при помощи сложения эквивалентов его морфем. Чаще всего в силу этого калькирование «работает» в случае с неологизмами-сложными словами, т.к. их части могут быть переведены отдельно на русский язык. Например:

multicurrency «многовалютный» состоит из лексем *multi* и *currency*, которые могут быть переведены и отдельно каждое, как самостоятельные слова, и как компоненты сложного слова: *multi* «много» и одновременно аффикс, обозначающий множественность; *currency* «валюта»;

interbank «межбанковский»: также состоит из самостоятельных лексем *inter* «между» и *bank* «банк» и др.

Иногда при переводе неологизмов используются оба эти приема одновременно:

trans/national – транс/национальный, *petro/dollar* – нефте/доллар и т.д.

Калькирование широко применяется при переводе неологизмов с английского языка на русский, особенно в политической и экономической сферах жизни общества. Это объясняется тем, что калькирование как переводческий прием имеет преимущество: оно дает возможность кратко и относительно легко передавать смысл слова и находить ему соответствующий эквивалент в языке перевода.

Этот факт, несмотря на то, что калькирование, все-таки, отражает фонетические признаки неологизма, делает калькирование очень распространенным приемом перевода научно-

популярных и общественно-политических текстов. Например:

shadow cabinet «теневой кабинет», *nuclear umbrella* «ядерный зонтик», *air bridge* «воздушный мост» и т.д.

Описательный перевод – это особая трансформация, когда слово из языка оригинала заменяется на словосочетание, описывающее его семантику.

При этом при переводе неологизмов к слову подбираются специальные описательные эквиваленты, отличные от калькирования, т.е. в этом случае неприципиально, чтобы передавалось звуковое оформление слова с языка оригинала, здесь главное – сама семантика слова и максимальное ее приближение к языку перевода.

Иначе говоря, описательный перевод включает в себя отражение семантики английского слова-неологизма посредством распространенного толкования на русском языке. Этот способ перевода используется как при отображении значения неологизма в словаре, так и в переводе неологизма в определенном контексте.

Известны два способа описательного перевода:

1. Объяснительный описательный перевод, когда нужно пояснить цель или смысл данного феномена: *open outcry* «открытый выкрик». Нужно сразу иметь в виду, что это – биржевой термин, т.е. на бирже действительно необходимо громко выкрикивать цены. Но такое перевод не раскрыл бы семантики этой лексемы. Поэтому тут более уместен описательный перевод. Обратимся к толковому словарю английского языка (языка оригинала), где *open outcry* объясняется следующим образом: «a meeting of commodity brokers with dealers in order to form a transaction» [6].

Данный способ передачи значения этого термина можно назвать объяснительным, т.к. в переводе приводятся толкования, объясняющие семантику и сам процесс, который эта фраза означает. Данный вид перевода действительно близок к языку оригинала, но, с другой стороны, он может быть многословным и, тем самым, создавать дополнительные неудобства в употреблении данного термина. Вообще, в каждом конкретном случае необходимо прибегать к более или менее полному описанию данного явления, это зависит от многих сопутствующих факторов, как то: область, в которой этот термин применяется, степень похожести слов в языке оригинала и языке перевода, степень известности данного предмета или явления носителям языка перевода и др.

2. Описательный перевод можно реализовать и вторым способом: подстановочным. Такой способ

часто используется при толковании эквивалентов неологизмов. Суть его в том, что в языке перевода выбирается слово, близкое по значению с неологизмом, и новое слово толкуется уже на фоне известного ранее. Например:

order interval «цикл заказа» (интервал между двумя заказами, следующими друг за другом);

managed floating rate «корректируемый плавающий курс» и др.

Естественно, полное совпадение значений слов в обоих языках – явление относительно редкое. Обычно путем подстановки используется лексико-семантическая трансформация, но разница в объеме значений всегда имеет место.

В ряде случаев возможно сужение или расширение значения слова при переводе (концентрическая трансформация), либо – неполное соответствие в значениях этих двух лексем (смещенная трансформация).

Например:

transition country «страна с переходной экономикой» (сужение значения);

exchange rate «обменный курс» (смещенное значение).

Таким образом, описательный перевод неологизмов способствует более правильной передаче семантики английского слова в его эквиваленте на русском языке.

Литература

1. Лебедева О.Г. Способы перевода неологизмов // *Lingua Mobilis*. 2011. № 5. С. 119 – 122.
2. Линь Е. Прагматические функции неологизмов в современных СМИ // *Вестник ТГУ*. 2015. № 4. С. 193 – 197.
3. Несветайло Ю.Н. Основные способы

образования неологизмов в современном английском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2008. № 1. С. 73 – 75.

4. Шкροгалева Е.В. Прагматический аспект заимствованной лексики английского происхождения // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского*. 2012. № 27. С. 437 – 441.

5. Rets I. Teaching Neologisms in English as a Foreign Language Classroom // *International Conference on Teaching and Learning English as an Additional Language*. Antalya, Turkey, 2016. P. 813 – 820.

6. *The Oxford Dictionary for the Business World*. Oxford, 2013. 2080 p.

References

1. Lebedeva O.G. Sposoby perevoda neologizmov. *Lingua Mobilis*. 2011. № 5. S. 119 – 122.
2. Lin' E. Pragmaticheskie funkicii neologizmov v sovremennyh SMI. *Vestnik TGU*. 2015. № 4. S. 193 – 197.
3. Nesvetajlo Ju.N. Osnovnye sposoby obrazovani-ja neologizmov v sovremennom anglijskom jazyke. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2008. № 1. S. 73 – 75.
4. Shkrogaleva E.V. Pragmaticheskij aspekt zaimstvovannoj leksiki anglijskogo proishozhdenija. *Izvestija PGPU im. V.G. Belinskogo*. 2012. № 27. S. 437 – 441.
5. Rets I. Teaching Neologisms in English as a Foreign Language Classroom. *International Conference on Teaching and Learning English as an Additional Language*. Antalya, Turkey, 2016. R. 813 – 820.
6. *The Oxford Dictionary for the Business World*. Oxford, 2013. 2080 p.

WAYS OF INTERPRETATION OF ENGLISH NEOLOGISMS INTO RUSSIAN

Rabadanova L.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Dagestan State University

Abstract: the given article considers some of the ways of interpreting English neologisms into Russian, as well as possible variants of keeping their equivalence in both languages. In particular, the article deals with such ways of interpreting English neologisms as transcription, transliteration, tracing and descriptive translation. These ways of interpretation are the most widely spread while interpreting neologisms into Russian, especially if these words belong to technique or economy or finance. Consequently, the transfer of meaning of the new word into Russian is followed by certain difficulties, including both proper linguistic aspects and extra-linguistic features. The ways of interpretation mentioned above are different from each other due to the extent of equivalence with the original word. For example, descriptive or word for word translation cannot denote the exact meaning of the neologism unless the interpreter uses additional interpretation of its definition in the special dictionaries in the original language. The article gives some examples of ways of interpretation of neologisms from English into Russian. It can be interesting for translation department students, as well as for all who study the interpretation of new terms from English into Russian.

Keywords: neologism, ways of interpretation, transcription, transliteration, tracing, descriptive translation

**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕРОГАТИВНО
МАРКИРОВАННЫХ ЭТНОНИМОВ-АКРОНИМОВ (ДМЭ-АКРОНИМОВ)
СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

*Цебровская Т.А., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского*

Аннотация: акронимизация ДМЭ используется для упрощения интеграции в лексический состав современного английского языка. Цель настоящей статьи состоит в обосновании антропоцентризма как источника словообразовательной активности дерогативно маркированных этнонимов (ДМЭ) современного английского языка посредством акронимии. Для достижения поставленной цели, необходимо решить следующие задачи: во-первых, изучить и проанализировать теоретические материалы по теме работы. Во-вторых, выделить трёх-, четырёх- и более компонентные ДМЭ-акронимы в составе современного английского языка. В-третьих, осуществить поиск комбинированных способов словообразования на основе акронимии. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые выделены такие комбинированные способы словообразования ДМЭ-акронимов, как акронимия + словосложение, акронимия + аффиксация (диминутивный суффикс), акронимия + конечное усечение + словосложение. На основании ранее разработанных классификаций аббревиатур и акронимов по количественному признаку, нами подтверждено существование трёх- и четырехкомпонентных ДМЭ-акронимов в современном английском языке. В результате доказано преобладание трёхкомпонентных лексических единиц среди отобранных для исследования ДМЭ-акронимов. Применение комбинированного способа словообразования, а именно, сочетание акронимии со словосложением, акронимии с конечным усечением и словосложением, акронимии с диминутивным суффиксом способствует наращиванию словообразовательного потенциала и расширению инструментария продуктивного словообразования для ДМЭ.

Ключевые слова: дерогативно маркированный этноним, ДМЭ, английский язык, словообразование, аббревиация, акроним, антропоцентризм, этимология

Актуальность изучения особенностей феномена акронимии как неотъемлемой части аббревиации в современном английском языке объясняется интересом отечественных исследователей к их рассмотрению и классификации, как в последней трети прошлого века, так и в первой-второй декадах нынешнего столетия. Кроме того, развитие информационных технологий вносит вклад в формирование ДМЭ-акронимов-неологизмов. В то же время, акронимия относится к продуктивным способам словообразования.

Для достижения поставленной цели, необходимо решить следующие задачи: во-первых, изучить и проанализировать теоретические материалы по теме работы. Во-вторых, выделить трёх-, четырёх- и более компонентные ДМЭ-акронимы в составе современного английского языка. В-третьих, осуществить поиск комбинированных способов словообразования на основе акронимии, например, сочетание акронимии со словосложением, акронимии с диминутивными суффиксами, а также акронимии с конечным усечением + словосложением.

Методологический базис настоящей работы определили количественный и статистический **методы исследования**. Применение контент-анализа позволило проанализировать достаточный объём информационных материалов англоязычных онлайн-источников на предмет содержания ДМЭ-акронимов.

Теоретическая база исследования опирается

на работы по аббревиации и акронимии таких учёных-современников, как Е.Н. Ардаматская (статус акронима как единицы номинации), И.В. Арнольд и Г.П. Терентьева (акроним как синоним аббревиатуры), С.С. Барбашёва (двух-, трёх- и т.п. компонентные сочетания как источник образования аббревиатур и акронимов), М.А. Жолтикова и А.П. Шаповалова (аббревиация как процесс и аббревиатура как результат), Т.Г. Нургалева (инициальные аббревиатуры), С.В. Тютина (аббревиатуры и акронимы в дискурсе СМИ) и другие. Обоснование антропоцентрической научной парадигмы и языковой личности находим в трудах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, И.А. Бодуэна де Куртенэ, И.А. Дементьевой [8, с. 176-180] и т.д. Когда «человек становится отправной точкой в исследовании тех или иных явлений, он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы, конечные цели и результаты» [8, с. 176].

Изучением телескопического словообразования на современном этапе занимаются С.Р. Амахина (телескопия в Интернет-дискурсе) [1, с. 34-35], А.С. Бубнова (гибридная телескопия) [6, с. 278-282], В.В. Елисеева (теоретическое обоснование словослияния / телескопии / вставочного словообразования / блендов / слов-слитков) [9, с. 54-55] и др.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы по раскрываемому через антропоцентрический подход словообразовательному потенциалу ДМЭ-акронимов могут

быть использованы на лекционных, семинарских и практических занятиях по теории современного английского языка. Полученные результаты также представляют интерес для междисциплинарных исследований на стыке с языкознанием и теорией языка.

Исходим из понимания языковой личности как создателя и пользователя знаковых образований [7, с. 15-19]. При этом, антропоцентризм как мировоззренческая установка современной лингвистики и социолингвистики играет определяющую роль во взаимоотношениях продуцента-реципиента [5, с. 72-77].

Наука о языке на нынешнем этапе всё чаще ориентируется на субъектно-ориентированную, оценочную (аксиологическую) парадигму языка и речи, в рамках которой речь отражает базисную структуру ценностей общества, основанную на стратификации и разделении индивидов на группы [13, 2008, с. 9], например, по административно-территориальному или этно-расовому признаку.

Как отмечает М.Я. Блох, аббревиация прошла «большой путь поступательного развития, отвечая все более настоятельным и расширяющимся потребностям развивающегося общества» [4, с. 186]. На сегодняшний день, аббревиацию (от лат. *abbrevio* – «сокращаю») относят к одному из самых частотных способов словообразования как, собственно, в английском, так и в других европейских языках [4, с. 187].

Исследователи проводят демаркационную линию между понятиями «аббревиатура» и «аббревиация», подразумевая под последним процесс образования нового слова из начальных букв или звуков двух и более лексических единиц. Т.Г. Нургалеева выделяет, среди прочих, инициальные аббревиатуры как обладающие «наименьшей степенью эксплицитности и мотивированности среди различных типов сокращенных единиц» и понимает под ними «аббревиатурные единицы буквенного, звукового или смешанного типов» [12, с. 3].

Акронимия, являясь неотъемлемой частью процесса аббревиации, участвует как в экспликации, так и в эмпликации этнорасовой принадлежности посредством ДМЭ-акронимов. Акронимы могут служить наглядным доказательством адаптивности языка к изменчивым социальным и технологическим условиям существования общества [14, с. 40], а также позволяют сохранить полноту изложения материалов [15, с. 195].

В наши дни продолжаются дискуссии об определении понятия «акроним». Так, в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина под акронимом (от греческого *akros* – «высокий» + *онута* – «имя») понимается слово либо выражение, образованное от начальных букв [10]. И.В.

Арнольд и Г.П. Терентьева также рассматривают акроним в качестве синонима аббревиатуры, что нивелирует различия между ними [2, 14 с. 40-42]. В то же время, «Толковый переводоведческий словарь» Л.Л. Нелюбина определяет, что ключевое отличие акронима от аббревиатуры состоит в том, что первый «произносится по правилам произношения» [11].

Принимая во внимание вышеизложенные варианты толкования, в данной работе, мы исходим из того, что акроним представляет собой особый вид аббревиатуры, который обладает потенциалом образования номинаций, образованный от первых букв двух-, трёх- и т.п. компонентных сочетаний слов [3, с. 29], но, в отличие от аббревиаций-алфавитизмов, читается как обычное слово, иными словами, является «сходным или совпадающим по своей форме (фонетической структуре) с обычным словом, и которое произносится в речи по правилам произношения» [11].

Вслед за Г.П. Терентьевой [14, с. 40-41] и другими исследователями, которые классифицируют аббревиатуры и акронимы в зависимости от количества первоначальных компонентов, с опорой на изученный эмпирический материал, выделяем следующую наиболее распространенную компонентную структуру и предлагаем следующее деление ДМЭ-акронимов современного английского языка:

- трёхкомпонентные: *Fob / fob* [fɒb] – в американском варианте английского языка, иммигрант любого этнического или расового происхождения, приехавший в США; часто используется для обозначения мигрантов из стран Восточной Азии. Способ словообразования: акронимизация от *“fresh off the boat”* («едва сошедший с судна»), например, *“Lyla is such a fob. She brings chopsticks to school and wears fobby clothing”* [17] («Лайла – самая настоящая иммигрантка. Она приносит в школу палочки для еды и одевается как мигрантка из Азии» – здесь и далее перевод выполнен автором статьи – Т.Ц.). *FOF* [fɒf] – в американском варианте английского языка, нелегальный мексиканский мигрант, который незаконно пересёк границу с США. Способ словообразования: акронимизация от *“fresh off the fence”* («тот, кто только что перелез через забор») [The Racial Slur Database, 2022]. *ROK* [rɒk] – в американском варианте английского языка, кореец. В 1964-1973 годах солдаты Республики Корея принимали участие в войне во Вьетнаме в качестве союзников США. Способ словообразования: акронимизация от *“Republic of Korea”* («Республика Корея») [The Racial Slur Database, 2022; Urban Dictionary, 2022]. *ZIP / zip* [zɪp] – вьетнамец. Способ словообразования: акронимизация от *“zero intelligence potential”* («нуле-

вой интеллектуальный потенциал»), например, “*Richie became enraged and punched the sideview mirror of a parked truck when the ignorant woman called him zip*” [17] («Ричи разозлился и ударил по боковому зеркалу заднего вида, когда невежественная дамочка назвала его глупым вьетнамцем»);

- четырёх- и более компонентные: *PIGS* [pɪgz] – выходцы из Португалии, Италии, Греции или Испании. Способ словообразования: акронимизация от “*Portuguese, Italian, Greek, Spanish*” («португалец, итальянец, грек, испанец») [The Racial Slur Database, 2022]. *Flip* [flɪp] – филиппинец. Способ словообразования: акронимизация от “*funny little island people*” («маленькие веселые островные люди»), например, “*You don't look Cambodian, are you a flip?*” [17] («Ты не похож на камбоджийца. Ты филиппинец?»).

Некоторые учёные-языковеды приводят доказательную базу, подтверждающую существование так называемого “телескопического” образования слов (телескопию) как новейшего и обособленного словообразовательного способа, стоящего отдельно от словосложения, усечения и т.д. В.В. Елисеева ставит знак “равно” между телескопией, словослиянием, вставочным словообразованием, а также блендами и словами-слитками, подразумевая, что в данном случае “словообразовательной единицей ... является не основа, а её произвольный фрагмент”, который не существует отдельно от этой лексемы [9, с. 54-55]. Иными словами, происходит усечение либо аббревиация / акронимия с дальнейшим словосложением произвольных фрагментов.

В ходе исследования выделен комбинированный (телескопический) способ словообразования, а именно,

- акронимия + словосложение: *Gew* [gu:] – немецкий еврей. Способ словообразования – комбинированный «акронимия + словосложение»: словосложение с аббревиацией компонента “*German*” («немецкий») и начальным усечением “*Jew*” («еврей») [16, 17];

- акронимия + словосложение + конечное усечение: *Jewop* – в американском английском, итальянский еврей. Способ словообразования - комбинированный: конечное усечение *Jew* («еврей») + акронимия *wop* (от “*without papers*”) + словосложение;

- акронимия + диминутивный суффикс: *Pommie* [ˈpɒmi] / *Pommy* [ˈpɒmi] – акронимизация от “*prisoner of Her Majesty*” («заключенный Ее Величества») с добавлением диминутивных суффиксов *-ie* и *-y*. Продуцентами выступают американцы, австралийцы, новозеландцы и

южноафриканцы, а реципиентами – жители Соединенного Королевства.

Таким образом, продуктивные способы словообразования ДМЭ-акронимов современного английского языка включают словосложение, усечение и аффиксацию (= телескопию, по мнению ряда учёных).

Опираясь на антропоцентризм, проанализированный эмпирический материал позволяет заключить, что человек выступает главной силой, ответственной за упорядоченность и узус языка. Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Акронимизация ДМЭ используется для упрощения интеграции в лексический состав современного английского языка (*BEAR* / *Bear* – афроамериканец, *Splib* – афроамериканец из Филадельфии). Применение комбинированного способа словообразования, например, сочетание акронимии со словосложением (ДМЭ *Gew* – немецкий еврей), акронимии с конечным усечением и словосложением (*Jewop* – итальянский еврей), акронимии с диминутивным суффиксом (*Pommie* / *Pommy* – британец) способствует наращиванию словообразовательного потенциала и расширению инструментария продуктивного словообразования для ДМЭ современного английского языка.

Наибольшее количество акронимов зафиксировано среди трёх-, четырёх- и более компонентных (95%) и лишь один двухкомпонентный ДМЭ, образованный аббревиацией и словосложением, функционирует как акроним (*Gew* – немецкий еврей). Нами не выявлены случаи акронимизации среди двухкомпонентных ДМЭ, состоящих из согласных букв (*BB* – нелегальный эмигрант из Мексики, *DP* – эмигрант из Польши, *PR* – пуэрториканец).

Из 253 отобранных ДМЭ-акронимов преобладают трёхкомпонентные лексические единицы в следующем процентном соотношении:

- двухкомпонентные ДМЭ-акронимы – 5%;
- трёхкомпонентные ДМЭ-акронимы – 60%;
- четырёх- и более компонентные акронимы – 35%.

Отмечается, что наличие гласной буквы в середине трёх-, четырёх- и более компонентных ДМЭ способствует акронимизации (47,8%). В то же время, отсутствие гласной буквы либо её наличие вначале или в конце трёх-, четырёх- и более компонентных ДМЭ минимизирует вероятность акронимизации (*ABCD* – потомок эмигрантов из Индии, Пакистана, Бангладеш, *BBCD* – потомок эмигрантов из Пакистана, *FBI* – представитель коренных народов США либо ирландец).

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видим в более масштабном изучении

феномена антропоцентризма в контексте аббревиации и других продуктивных способов словообразования.

Литература

1. Амахина С.Р. Новые слова в английском языке в сфере информационных технологий // *Juvenis scientia*. 2018. № 4. С. 34 – 35.

2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Флинта; Наука, 2012. 376 с.

3. Барбашёва С.С. Медицинские акронимы и омоакронимы: классификация, проблемы употребления и перевода // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. Томск, 2017. № 3 (180). С. 28 – 32.

4. Блох М.Я. Аббревиация как продуктивный способ словообразования в истории европейских языков // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. Пенза, 2014. № 1 (29). С. 186 – 199.

5. Болдырев Н.Н., Безукладова И.Ю. Антропоцентризм как принцип категоризации эгоцентрических пространств в языке // *Верхневолжский филологический вестник*. Ярославль, 2018. № 1. С. 72 – 77.

6. Бубнова А.С. О современных словообразовательных тенденциях: гибридная телескопия как проявление лексической гибридизации (на примере японского языка) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. № 3. С. 278 – 282.

7. Гетегежева Ф.В. Этнолингвистическая парадигма в общей системе парадигм знания о лингвистике // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. Пятигорск, 2008. № 3. С. 15 – 19.

8. Дементьева И.А. Антропоцентрический подход к исследованию когнитивной и лингвокультурной деятельности человека // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Самара, 2013. № 2. С. 176 – 180.

9. Елисеева В.В. Лексикология современного английского языка. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2015. 232 с.

10. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.

11. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта; Наука, 2003. 320 с.

12. Нургалева Т.Г. Аббревиация как средство экспрессивного словообразования: автореф. дис. ... кан. филол. наук. М., 2010. 18 с.

13. Старостина Ю.С. Прагматический потенциал негативной оценки в английской стилизованной разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. 21 с.

14. Терентьева Г.П. Аббревиация и акронимы в

терминологии нанотехнологий // *Омский научный вестник*. Омск, 2015. № 5 (142). С. 40 – 42.

15. Тютина С.В. Некоторые особенности использования акронимов и аббревиатур в испанских газетах // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена*. СПб, 2008. № 77. С. 192 – 195.

16. The Racial Slur Database [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rsdb.org/> (дата обращения: 18.05.2022)

17. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 18.05.2022)

References

1. Amahina S.R. Novye slova v anglijskom jazyke v sfere informacionnyh tehnologij. *Juvenis scientia*. 2018. № 4. S. 34 – 35.

2. Arnol'd I.V. Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka. M.: Flinta; Nauka, 2012. 376 s.

3. Barbashjova S.S. Medicinskie akronimy i omoakronimy: klassifikacija, problemy upotreblenija i perevoda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Tomsk, 2017. № 3 (180). S. 28 – 32.

4. Bloh M.Ja. Abbreviacija kak produktivnyj sposob slovoobrazovanija v istorii evropejskih jazykov. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. Penza, 2014. № 1 (29). S. 186 – 199.

5. Boldyrev N.N., Bezukladova I.Ju. Antropocentriзм как принцип категоризации jegocentricheskikh prostranstv v jazyke. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl'*, 2018. № 1. S. 72 – 77.

6. Bubnova A.S. O sovremennyh slovoobrazovatel'nyh tendencijah: gibridnaja teleskopija kak pojavlenie leksicheskoj gibridizacii (na primere japonskogo jazyka). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2019. № 3. S. 278 – 282.

7. Getegezheva F.V. Jethnolingvisticheskaja paradigma v obshhej sisteme paradigm znanija o lingvistike. *Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. Pjatigorsk, 2008. № 3. S. 15 – 19.

8. Dement'eva I.A. Antropocentricheskij podhod k issledovaniju kognitivnoj i lingvokul'turnoj dejatel'nosti cheloveka. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Samara*, 2013. № 2. S. 176 – 180.

9. Eliseeva V.V. Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2015. 232 s.

10. Krysin L.P. Tolkovyj slovar' inozazychnyh slov. M.: Jeksmo, 2006. 944 s.

11. Neljubin L.L. Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'. M.: Flinta; Nauka, 2003. 320 s.

12. Nurgaleeva T.G. Abbreviacija kak sredstvo jekspresivnogo slovoobrazovanja: avtoref. dis. ... kan. filol. nauk. M., 2010. 18 s.

13. Starostina Ju.S. Pragmaticeskij potencial negativnoj ocenki v anglijskoj stilizovanoj razgovornoj rechi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2008. 21 s.

14. Terent'eva G.P. Abbreviacija i akronimy v terminologii nanotehnologij. Omskij nauchnyj vestnik. Omsk, 2015. № 5 (142). S. 40 – 42.

15. Tjutina S.V. Nekotorye osobennosti ispol'zovanija akronimov i abreviatur v ispanskih gazetah. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta imeni A.I. Gercena. SPb, 2008. № 77. S. 192 – 195.

16. The Racial Slur Database [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.rsdb.org/> (data obrashhenija: 18.05.2022)

17. Urban Dictionary [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.urbandictionary.com/> (data obrashhenija: 18.05.2022)

ANTHROPOCENTRICITY OF WORDFORMING POTENTIAL OF DEROGATIVELY MARKED ETHNONYMS-ACRONYMS (DME-ACRONYMS) IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

*Tsebrovskaya T.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University*

Abstract: DME acronymization is used to simplify integration into lexical composition of modern English. The purpose of this article is to substantiate anthropocentrism as a source of word-formation activity of derogatively marked ethnonyms (DME) of modern English through acronymy. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: firstly, to study and analyze theoretical materials on the topic of work. Secondly, to single out three-, four- and more-component DME-acronyms in the modern English language. Thirdly, to search for combined ways of word formation based on acronyms. The scientific novelty of the study lies in the fact that such combined methods of word formation of DME-acronyms as acronymy + compounding, acronymy + affixation (diminutive suffix), acronymy + final truncation + compounding have been identified for the first time. Based on previously developed classifications of abbreviations and acronyms according to a quantitative attribute, we have confirmed the existence of three- and four-component DME-acronyms in modern English. As a result, the predominance of three-component lexical units among the DME-acronyms selected for the study was proved. The use of a combined method of word formation, namely, combination of acronymy with word formation, acronymy with final truncation and word formation, acronymy with a diminutive suffix, contributes to building up word-building potential and expanding the tools for productive word formation of DME.

Keywords: derogatively marked ethnonym, DME, the English language, word formation, abbreviation, acronym, anthropocentrism, etymology

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА НА ПРИМЕРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ЧЕРТ ЛИЦА СО СЛОВАРЕМ

*Гао Мэнлинь,
Хэбэйский университет, Китай*

Аннотация: метафора – это риторический метод, используемый для усиления эффекта языкового выражения, а также основной способ мышления или концептуализации человеческого познания мира. Являясь отправной точкой и основой для человеческого опыта понимания и описания мира, человеческие органы играют жизненно важную роль в метафорическом когнитивном процессе. Под влиянием таких факторов, как культурная география и окружающая среда, разные языки имеют различия в восприятии человеческих слов и отражаются в языке. Идиомы – это языковые единицы, которые люди использовали в течение длительного времени с переносным содержанием. Они являются кристаллизацией народной мудрости и жизненного опыта и несут богатую культурную информацию и коннотации нации. Основываясь на теории метафоры человеческого тела, в данной статье проводится систематическое сравнительное исследование метафорического феномена черт человеческого лица в идиомах русского и английского языков, а также исследуется степень соответствия между метафорическим восприятием черт человеческого лица в двух языках и влияющими факторами, которые вызывают это различие в метафорическом познании.

Ключевые слова: слова человеческого тела, русские и английские идиомы, метафоры, лексика черт лица

Традиционная лингвистика рассматривает метафору как лингвистический феномен, а риторика – как форму языка, но современная когнитивная лингвистика считает, что метафора относится не только к категории чистого языка, но и к более широкой категории мышления и познания. В книге «Метафора, на которой мы живем» Джордж Лаккофф предположил, что метафора – это не способ языкового выражения и не просто способ риторики, а способ мышления людей. Это основной способ человеческого познания и важный способ и мощный инструмент для людей, чтобы понять мир. Метафоры существуют не только в языке, они проникли в мыслительный мир людей.

Метафоры основаны на базовом опыте человека и являются основой и средством, с помощью которых люди формируют, организуют и выражают концепции. Человеческое познание и переживание внешнего мира начинается с познания и переживания собственного тела. Символы человеческого тела распространены во всем мире, но из-за влияния различных географических, культурных и экологических факторов, существуют различия в познании между различными этническими группами, и этот вид познания также отражается в языке. Идиомы – это слова и фразы с фиксированной и богатой семантикой и фиксированными формами на национальном языке. Они в значительной степени отражают национальную культуру и ценностные идеи, содержат много культурной информации и отражают привычки мышления и ценностные ориентации этой нации. Они являются воплощением национальной истории и культуры, а также являются важной частью лексики языка. Поэтому изучение метафорического выражения человеческих слов в идиомах двух языков может

лучше отразить когнитивные различия между двумя этническими группами [1].

1. Определение словарного понятия черт лица в русско-английских идиомах человеческого тела

Идиома – это сочетания слов, которые могут быть воспроизведены в речи, эквивалентные словам, имеющие общее значение. Также они наделены фиксированными компонентами и фиксированной грамматической структурой, обладают стабильностью в составе лексических единиц. «Идиомы человеческого тела» были впервые предложены лингвистом Вакером в рамках лингвистики, затем разные лингвисты сделали разные классификации.

В соответствии с личностными характеристиками русской и британской рас и частотой выражения человеческой лексики на английском и русском языках, в этой статье словарь черт лица определяется как глаза /eye; ухо/ear; нос/nose; рот /mouth; язык / tongue.

2. Степень соответствия между метафорическим восприятием русских и английских человеческих идиом

Форма, положение и динамические характеристики черт лица человека любой этнической группы в основном одинаковы. Одинаковое строение тела, органы восприятия и когнитивно-психологическая основа определяют сходство между различными этническими группами в метафорической системе черт лица и идиом человеческого тела. Однако из-за различий в социальных и культурных условиях и повседневном опыте русских и британских этнических групп, две этнические группы имеют различия в метафорическом познании. В зависимости от степени метафорического соответствия между русским и английским

языками существует три ситуации: полное соответствие, частичное соответствие и полное несоответствие.

(1) Полное соответствие

Человеческий опыт, познание и описание внешнего мира всегда следуют когнитивным законам эгоцентричности, от близкого к далекому, от сущности к не-сущности, от конкретного к абстрактному и от простого к сложному. Такая же физиологическая структура и когнитивно-психологическая основа, которыми обладают люди, заложили основу для формирования в основном одного и того же метафорического выражения черт человеческого лица. Существует полное или базовое соответствие в метафорическом восприятии черт лица между русской и британской этническими группами. Полностью соответствующие идиомы отражают, что две этнические группы имеют одинаковый образ мышления и одинаковое понимание объективных вещей в определенных аспектах.

Например: Глаза – это окна ума и важные органы для восприятия внешнего мира. Если человек активно закрывает глаза, это означает сопротивление внешнему миру. Согласно этой характеристике, русские и британские этнические группы используют *"закрывать глаза на"* и *"close one's eyes to"*, чтобы выразить недовольство чем-то или кем-то. В качестве другого примера, композиционная структура двух высказываний *"из уст в уста"* и *"from mouth to mouth"* одинакова, и оба они выражают значение сарафанного радио и распространения. Точно так же слова *"совать со своим носом"* и *"poke one's nose into sb's affairs"* выражают любопытство.

(1) Частичное соответствие

В связи с тем, что физическое строение и когнитивно-психологические основы разных этнических групп совершенно одинаковы, в метафорических выражениях черт лица человеческого тела в русско-английском языке должно быть много общего. В то же время, из-за влияния социальной культуры, географического окружения, религии и других факторов, когнитивные ориентиры, выбранные русской и британской этническими группами в процессе переживания и познания мира, не совпадают. Это определяет, что между английским и китайским языками неизбежно будет частичное соответствие в метафорическом познании человеческого тела.

Например, два высказывания *"наставлять ухо"* и *"pick up one's ears"* указывают на действие поднятия ушей чтобы слушать, но оба имеют разные эмоциональные значения. Русские идиомы содержат уничижительный подтекст, то есть к ним прислушиваются настороженно, а английские идиомы

содержат похвалу, а это значит, что к ним прислушиваются очень серьезно.

(1) Полное несоответствие

Из-за разных точек зрения или когнитивных ориентиров двух этнических групп англичан и китайцев в отношении внешнего мира существуют различия в образе мышления между двумя этническими группами. Это различие идиом отражается в выражении языка, поэтому неизбежно, что будут разные выражения в русские и английские идиомы. Высказывания, которые вообще не соответствуют друг другу, не могут быть найдены на другом языке, поэтому их можно только объяснить [2].

Например: *"короче ворбыиного нос"* *"нос картошкой"* *"a black eye"* *"set by the ears"* *"have a big mouth"* и многое другое не могут найти свою соответствующую структуру и значение в другом языке.

3. Факторы, влияющие на метафорические различия между русскими и английскими человеческими идиомами

Хотя человеческое познание универсально, это не означает, что человеческое познание мира является последовательным. Каждая этническая группа имеет свою собственную уникальную национальную культуру, и самая центральная ее часть является результатом комплексного действия различных факторов, таких как среда обитания, историческое прошлое и клановая культура этнической группы. Таким образом, люди двух этнических групп имеют разное понимание и взгляды на понятие черт лица, и в русско-английских идиомах, содержащих лексику черт лица, появляются разные метафоры.[3]

(1) Географическая среда

Географическая среда является основой, от которой зависит выживание людей, а люди также являются важным составляющим фактором естественной географической среды. Различные географические условия также привели к возникновению различных человеческих цивилизаций. Понимание мира людьми начинается с них самих и с их окружения. Таким образом, когнитивные различия различных природных и географических сред будут отражены в человеческом языке, что особенно заметно в идиомах [4].

Россия имеет огромную территорию. Есть много видов животных, живущих в России и люди постепенно обнаружили сходство между людьми и животными. Таким образом, словарный запас животных часто появляется в русских идиомах, таких как: *мышинные глаза*, *бараньи глаза*, *орлиные глаза*. Кроме того, Россия богата минеральными ресурсами, богата углем, нефтью, алмазами прочим, поэтому существуют также поговор-

ки типа «агатые глаза», описывающие глаза людей как черные и яркие [5].

Соединенное Королевство является островной страной и со всех сторон окружено морем. Поэтому английские идиомы находятся под глубоким влиянием морской культуры. Жизненный опыт людей отражен в английских идиомах с чертами лица, таких как: *fishy eye* описывает глаза как тусклые и потерянные, как у рыбы; *an eye for a tar* указывает на чувствительность к способности распознавать карты.

(2) Обычай и культура

Обычай и культура – это совокупность привычек и норм группы, создание и соблюдение которых является нормой для указанной группы. Более того, как обычаи, так и культура представляют собой поведенческие модели или нормы, которые люди в определенной социальной и культурной области соблюдали на протяжении веков. Разные этнические группы имеют разную историческую среду, поэтому их обычаи и привычки будут очень разными [6].

Например, погода в большинстве районов России холодная, поэтому люди любят пить, чтобы согреться от холода. Идиом, связанные с выпивкой в русском языке, очень много, например: *с пьяных глаз*, *заливать глаза* и так далее.

За долгую историю Соединенного Королевства оно пострадало от этнической миграции и иностранного вторжения, и его язык также оставил глубокий отпечаток. Например: *bull's eye; for the fair eyes of somebody; bite off one's nose to spite one's face*. Такие поговорки пришли в Англию из французского языка [7].

(3) Вероисповедание

Религиозная вера – это особая форма человеческой культуры, которая пронизывает духовную и социальную жизнь человека и языковое общение. Большинство россиян верят в православие, а большинство британцев – в протестантизм. Обе секты принадлежат к христианской религии, а Библия, как классика христианства, – это вера святых. Есть много высказываний о человеческом теле с чертами лица на русском и английском языках из Библии. Например: *протча во языцех; bow down one's ear to somebody; be condemned out for one's own mouth*.

(4) Литературные произведения

Замечательные сюжетные линии, философские и глубокие слова, написанные литературными гигантами, со временем стали идиомами. В английском языке произведения Шекспира являются одним из важных источников высказываний. Его произведения имеют характерных персонажей, яркие сюжеты, увлекательный, простой и красивый язык и глубокий смысл. Например: *in one's*

mind's eye - из «Гамлета»; *meet somebody in the mouth* - из «Генриха V». В русском языке также есть много идиом, заимствованных из литературных произведений, таких как: *буку бросить в реку* из русских басен; *человек в футляре* из романа Чехова «Человек в футляре» [8].

Основываясь на теории метафоры человеческого тела, в этой статье систематически сравнивается и анализируется метафорическое восприятие черт человеческого лица в русском и английском языках. В результате было обнаружено, что метафорическое восприятие человеческого тела широко присутствует в двух языках. В процессе метафоризации пяти чувств человеческого тела сходство и схожесть физиологической структуры человека, когнитивной психологии и опыта физического восприятия определяют, что метафорическое значение «пяти чувств человеческого тела», сформированное в российско-британской национальной когнитивной системе, проявляется как полное соответствие или частичное соответствие. В то же время, под влиянием таких факторов, как географическая среда, культурные обычаи, религиозная культура и т.д., две этнические группы - России и Великобритании, выбирают разные когнитивные ориентиры в процессе переживания и познания внешнего мира, а перспектива наблюдения за вещами также различна. Следовательно, два языка - России и Великобритании демонстрируют определенную степень несовпадения в метафорическом восприятии черт человеческого лица, что оценивается в качестве феномена.

Литература

1. Lakoff. G, Johnson. M. *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. P. 55 – 60.
2. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 89 – 94.
3. Жуков В.П. Словарь Фразеологических синонимов русского языка. М.: Москва, Русский язык, 1987. С. 45 – 47.
4. Hudson. *Problems in the Analysis of Idioms*. Berkeley: University of California Press, 2011. P. 79.
5. John Clark. *A Dictionary of English Idioms*. London: Harrp Ltd, 1988.
6. Диброва Е.И. Современный русский язык. М.: Академия, 2008. С. 214.
7. 吴君. 与人体有关的俄语熟语 // 中国俄语教学, 2006. № (01). P. 28 – 31.
8. 袁眉. 英汉有关五官的习语比较 // 重庆交通大学学报(社会科学版). 2007. № (06). P. 117 – 120.

References

1. Lakoff. G, Johnson. M. *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. P. 55 – 60.
2. Molotkov A.I. *Frazeologičeskij slovar' ruskogo jazyka*. M.: Covetskaja jenciklopedija, 1968. S. 89 – 94.
3. Zhukov V.P. *Slovar' Frazeologičeskijh sinonimov ruskogo jazyka*. M.: Moskva, Russkij jazyk, 1987. S. 45 – 47.
4. Hudson. *Problems in the Analysis of Idioms*. Berkeley: University of California Press, 2011. P. 79.
5. John Clark. *A Dictionary of English Idioms*. London: Harrp Ltd, 1988.
6. Dibrova E.I. *Sovremennyj russkij jazyk*. M.: Akademija, 2008. S. 214.
7. 吴君. 与人体有关的俄语熟语. *中国俄语教学*, 2006. № (01). P. 28 – 31.
8. 袁眉. 英汉有关五官的习语比较. *重庆交通大学学报(社会科学版)*. 2007. № (06). P. 117 – 120.

**COMPARATIVE STUDY OF THE METAPHORICAL PERCEPTION
OF THE RUSSIAN AND ENGLISH HUMAN BODIES ON THE EXAMPLE
OF STATEMENTS OF FACIAL FEATURES WITH A DICTIONARY**

*Gao Menglin,
Hebei University, China*

Abstract: metaphor is a rhetorical method used to enhance the effect of linguistic expression, as well as the main way of thinking or conceptualizing human cognition of the world. As the starting point and basis for human experience, understanding and description of the world, human organs play a vital role in the metaphorical cognitive process. Influenced by factors such as cultural geography and the environment, different languages have differences in the perception of human words and are reflected in the language. Idioms are language units that people have used for a long time with acute content. They are the crystallization of folk wisdom and life experience and carry rich cultural information and connotations of the nation. Based on the theory of the metaphor of the human body, this article conducts a systematic comparative study of the metaphorical phenomenon of human facial features in the idioms of the Russian and English languages, and also examines the degree of correspondence between the metaphorical perception of human facial features in two languages and the influencing factors that cause this difference in metaphorical cognition.

Keywords: human body words, Russian and English idioms, metaphors, vocabulary of facial features

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ УРОВНЯ ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

*Некрасова М.А., аспирант,
Социально-педагогический институт,
Мичуринский государственный аграрный университет*

Аннотация: каждый предмет, имеет свои особенности, и необходимо учитывать эти особенности в процессе преподавания отдельных предметов. Как и все другие дисциплины, возможности современного курса в преподавании иностранного языка огромны. Преподавание этого предмета в дошкольных образовательных организациях, дает широкие возможности для развития логического мышления детей, развития у них способности к анализу причинно-следственных связей. Основная задача урока современной иностранного языка с точки зрения развития логического мышления – описать процесс мышления и повысить познавательную активность учащихся, а главная задача учителя – обеспечить учащихся знаниями, задав им правильное направление на уроке. Главным вопросом здесь является не только наполнение памяти учащихся теоретическими сведениями, но и развитие их мышления и творческих способностей за счет увеличения использования практических навыков. В настоящей статье, автором предпринята попытка научного анализа и критического осмысления исследования развития уровня логического мышления у детей старшего дошкольного возраста на уроках иностранного языка.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, развитие логического мышления, методика преподавания, инновации в образовании

Развитие познавательных способностей ребенка является одной из самых сложных и актуальных проблем психологии и детского образования в условиях экономики знаний, когда для достижения успеха недостаточно запоминания фактов и процедур. Логическое, системное, критическое мышление необходимо для эффективного приобретения новых теоретических знаний и решения новых практических задач. В то же время родители и учителя ежедневно сталкиваются с ограничениями детей в логическом мышлении. Таким образом, поиск эффективных методов и средств развития познавательных способностей ребенка, особенно абстрактно-логического мышления, имеет принципиальное значение [4, с. 92].

Детям свойственно смешивать доводы и спонтанные желания, когда они не могут отразить собственный мыслительный процесс и отделить логические выводы от мнений, сформировавшихся под влиянием детских желаний или эмоциональных состояний. В этой ситуации взрослым невозможно ни прийти к пониманию, ни вызвать ответ у ребенка. Иногда взрослые могут исправлять логические ошибки в ходе мыслей детей, чтобы помочь детям прийти к осознанным выводам, но эта посторонняя помощь мало способствует развитию у детей способностей к самостоятельному логическому мышлению [2, с. 91].

Относительно низкий уровень саморефлексии и силы воли не позволяет детям предпринимать необходимые субъективные усилия для того, чтобы акцентировать внимание на аргументах, способ-

ных изменить спонтанные мнения и разрушить чувство собственной правоты. Детское желание быть правым провоцирует нечувствительность к непоследовательной аргументации. Такую бесчувственность можно рассматривать как своего рода психологический защитный механизм, позволяющий избежать разочарования и чувства вины, связанных с принятием ошибки. Детское потакание спонтанным желаниям и установкам может вылиться в форму безответственного поведения из-за низких способностей детей к отражению причинно-следственных связей и прогнозированию отдаленных последствий действий. Они концентрируются в основном на немедленных эффектах, например, на удовольствиях [1, с. 52].

На практике эти общепсихологические особенности детского развития варьируются в зависимости от реальных детей и реальных ситуаций. Тем не менее эти особенности объясняют, почему прямая словесная передача информации или смыслов (что ставит под угрозу мнение детей) неэффективна. Нужны иные формы приобретения знаний и развития познавательных структур, соответствующие ведущей деятельности детей и развитию новых психических образований.

В старшем дошкольном возрасте происходит смена ведущей деятельности и развиваются соответствующие новые психические образования в процессе учебной, социально-оценочной деятельности, регламентированных игр и других видов деятельности, основанных на последовательности действий.

В частности, к новым психическим образованиям, развивающимся в старшем дошкольном возрасте, способствующим формированию логического мышления ребенка, относятся: произвольность психических процессов, рефлексия, планирование, развитие силы воли, интеллектуализация психических функций, символическая опосредованность познавательной деятельности, теоретическая мышления. Таким образом, за счет этих новых психических образований в старшем дошкольном возрасте возможно целенаправленное развитие логического мышления [11, с. 230].

Следовательно, целенаправленно развивать логическое мышление необходимо в старшем дошкольном возрасте. Основой развития и дальнейшего совершенствования логического мышления является понимание четырех основных законов логики.

Преподаватель должен в первую очередь мотивировать учащихся в процессе обучения, создавать интерес к урокам, обеспечивать их активность, формировать у них умения и ценности в рамках установленных норм, а также развивать их любознательность и любознательность. Используя различные методы активного обучения на уроках иностранного языка, можно направить учащихся на логические рассуждения, побудить их к поиску, усилить познавательную активность. Урок должен учитывать индивидуальные особенности и интересы каждого ученика, а также заказ сообщества. Для обеспечения интереса урока вся учебно-методическая деятельность должна быть направлена на удовлетворение интересов и потребностей учащихся, развитие их талантов и способностей, потенциальных возможностей [5, с. 16].

Это необходимо учитывать при предоставлении учебных заданий, распределении ресурсов, а также форм и методов обучения. Разнообразие ресурсов и разнообразие содержания урока позволяют сделать урок интересным и достичь поставленной цели.

Как отмечается в стратегически развития образования, формирование личности всесторонне раз-

витого педагога, внедряющего в учебный процесс инновационные методы обучения, обеспечивает эффективное усвоение содержания образования учащимися дошкольного образовательного учреждения.

На занятиях тот факт, что у преподавателя есть техническая поддержка (компьютер, проектор и т. д.), также повышает интерес и эффективность занятий по иностранному языку. Использование мультимедийных технологий на уроках иностранного языка, позволяет повысить эффективность используемых методов обучения для достижения целей, поставленных перед преподавателем. Использование мультимедийных технологий повышает познавательную активность участников. Познавательная деятельность возникает, прежде всего, на основе активизации мышления. Для этого в первую очередь необходимо создавать проблемные ситуации, стимулирующие познавательную деятельность в процессе обучения [14, с. 68].

В ДОО проведено исследование уровня развития логического мышления у детей дошкольного возраста, изучающих иностранный язык.

Первым шагом исследователей стала подготовка исследовательского инструментария в виде 20 заданий теста на навык логического мышления.

Методы анализа данных используются для проверки логического мышления учащихся. Данные были обработаны с использованием количественного анализа данных. Данные получены по результатам тестирования навыков логического мышления учащихся старшего дошкольного возраста. Правильный ответ получает 1 балл, а неправильный ответ – 0 баллов. Затем полученный общий балл был преобразован в значение в диапазоне от 0 до 100 путем умножения общего балла учащихся на 100 [9, с. 189].

Все результаты испытаний были рассчитаны с использованием описательной статистики, затем описательно проанализированы и сделаны выводы.

Таблица 1

Категории способности к логическому мышлению учащихся

Величина	Категория
$0 \leq X < 20$	Очень низкий
$20 \leq X < 40$	Низкий
$40 \leq X < 60$	Средний
$60 \leq X < 80$	Высокий
$80 \leq X \leq 100$	Очень высокий

После того, как каждый учащийся классифицируется в соответствии с его способностями к логическому мышлению, исследователи составляют таблицу частотного распределения, чтобы данные, которые были собраны в большом количестве, могли быть представлены в ясной и хорошей форме. Кроме того, таблицы частотного распределения сделаны для упрощения формы и количества данных, чтобы при представлении данных их было легче понять.

Навыки логического мышления учащихся приобретаются на основе анализа 5 показателей, а именно: управляющие переменные, корреляционное мышление, комбинаторное мышление, пропорциональное мышление и вероятностное мышление. Их логическое мышление классифицируется по пяти уровням, а именно очень низкому, низкому, среднему, высокому и очень высокому [3, с. 108].

Более 70% учащихся получают очень низкие и низкие категории. В целом средний балл логического мышления дошкольников составил 29,84. Основываясь на этих результатах, общие навыки логического мышления учащихся по-прежнему находятся на низком уровне.

Учащихся, получивших очень низкие и низкие оценки, больше, чем учащихся, получивших высокие и очень высокие оценки. Учащихся средней категории нет. Среднее значение умений логического мышления учащихся старшего дошкольного возраста по этому показателю составляет 38,48. На основании этих результатов, навыки логического мышления учащихся старшего дошкольного возраста находятся в низкой категории [12, с. 96].

В результате анализа мы обнаружили, что навыки логического мышления учащихся относятся к низкой категории со средним показателем 29,84. Результаты анализа пяти показателей также получают низкую категорию с наименьшим средним значением по показателю комбинаторного мышления, которое составляет 22,44, и самым высоким средним значением по показателю управляющей переменной, равному 38,48.

В связи с данным исследованием категории логического мышления учащихся могут развиваться в соответствии с ростом возраста и развитием мышления. Рекомендуется, чтобы на ранних этапах обучения, то есть на уровне дошкольного обучения, учащиеся начали обучаться их способности мыслить логически, задавая вопросы или задания, которые побуждают учащихся к логическому мышлению [7, с. 276].

Фактически, при умении логически мыслить учащиеся должны не только правильно отвечать, но и уметь логически обосновывать получение

результатов. Это подтверждается результатами интервью со учащимися старшего дошкольного возраста, представляющими высокие, средние и низкие категории. Учащиеся с высокими способностями могут логически излагать свои доводы. Но в этом исследовании только 1 учащийся получил высокую категорию. Учащиеся со средней категорией могут привести только большую часть логических доводов, в то время как учащиеся с низкой категорией могут привести только небольшую часть логических доводов, отвечая на вопросы. Это видно по результатам, когда учащиеся со средними и низкими способностями правильно отвечают на вопросы, но не могут правильно изложить причины [8, с. 32].

Также учащиеся средних и младших категорий отвечали на вопросы угадывая и небрежно. Теория когнитивного развития, разработанная Жаном Пиаже, также утверждала, что учащиеся, способные логически мыслить и делать выводы на основе доступной информации, находились на стадии формальной эксплуатации, где эта стадия занимала четвертое место. Согласно теории Пиаже, учащиеся все еще находятся на третьей стадии, а именно на стадии конкретных операций, когда учащиеся, находящиеся на этой стадии, начинают рассуждать, но только с конкретными объектами [10, с. 283].

В современной дидактике нет единого метода, применимого ко всем уровням обучения иностранному языку. Кроме того, различные формы обучения оставлены на усмотрение учителя, желающего экспериментировать с методами обучения иностранному языку. Для этого учитель должен разрабатывать новые технологии или использовать лучшее из того, что уже имеется.

В процессе обучения широкое место должно отводиться развитию индивидуальных творческих способностей учащихся. С одной стороны, способность учащихся к пониманию зависит от школы или периода, с другой стороны, она определяется уровнем развития знаний, мышления, умениями учащихся практиковать исторические методы. Чем выше умственные способности, тем эффективнее занятия.

Как отмечается в Стратегии, опыт стран, добившихся значительных успехов в развитии образования, показывает, что более высокие результаты дают современные активные интерактивные методы обучения, развивающие творческое мышление и учитывающие индивидуальные особенности обучения.

Использование метода исследования, стимулирующего познавательную деятельность, предполагает творческое усвоение знаний. В этом процессе

педагогическое мастерство учителя заключается в том, чтобы позволить учащимся выносить независимые суждения и выражать свое мнение. Пусть они знают свои мысли в правильном направлении. Таким образом, не отвергая правильный ответ, а создавая ситуацию, заставляющую учащегося задуматься, и убедительно и аргументированно опровергая неправильный ответ, он может довести ответ до правильного результата [6, с. 127].

Логическое мышление является одной из основных способностей для приобретения новых знаний и повышения ответственности в мышлении и действиях. В то время как развитие новых психических образований в старшем дошкольном возрасте дает возможность целенаправленно развивать логическое мышление детей, их низкие способности концентрировать внимание на абстрактных вещах и относительно низкий уровень саморефлексии требует применения специальных проактивных методов развития способностей и мотивации логического мышления.

Тем не менее, отсутствуют научные усилия по изучению эффективных способов развития логического мышления детей в старшем дошкольном возрасте. В частности, отсутствуют сведения о применении психотехнической сказки как средства стимулирования развития способностей и мотивации логического мышления старших дошкольников при изучении иностранного языка.

Применение психотехнической сказки как инструмента развития способностей ребенка и мотивации к логическому мышлению на уроках иностранного языка дало положительные результаты: ребенок стал обращать внимание на логические ошибки и придавать им значение (ранее он не проявлял этих способностей), использовать словесные конструкции, указывая на применение законов логики в спорах и дискуссиях.

Кроме того, возросшие способности ребенка к логическому мышлению и вербализации мыслей на уроках иностранного языка, его готовность быстрее принимать собственные логические ошибки, согласно теории деятельности, в значительной степени способствуют его личностному росту и ответственности.

Качественные изменения в поведении ребенка привели нас к выводу о необходимости разработки и применения психотехнических сказок на уроках иностранного языка как средства активизации развития способностей и мотивации логического мышления старших дошкольников [13, с. 104].

Данное идеографическое исследование открывает новые исследовательские направления в изучении общих закономерностей логического мышления старших дошкольников на уроках иностранного языка, позволяет конструировать сти-

мульный материал для количественных исследований, направленных на поиск номотетических знаний. Опираясь на этот исследовательский опыт, мы намерены и дальше совершенствовать психотехнические средства развития логического мышления детей и развивать применение психотехнических сказок в образовательном процессе на уроках иностранного языка.

В преподавании иностранного языка учащимся старшего дошкольного возраста, должно формироваться развитие, умение понимать эту информацию, объяснять свою интеллектуальную деятельность на логической основе.

На каждом уроке учащиеся понимают, оценивают, запоминают или применяют определенные элементы системы знаний, относящиеся к предмету, необходимо учитывать, что факты лежат в основе преподавания данного предмета.

В процессе обучения формируются определенные отношения к выявленным явлениям и проявлениям, формируется умение оценивать мир через приобретаемые знания и умения, формируется система подходов и индивидуальных взглядов, основанных на научном мировоззрении, невольно включается в психологическую деятельность, выполняя задачу обучения в практическом уме или в уме.

Каждый урок должен отличаться новым, интересным аспектом, ученики они должны искать информацию, которую они получили, и дополнять ее. Он должен спорить друг с другом по любому вопросу, факту или событию, высказывать свои взгляды и мнения, обосновывать собственное мнение, прислушиваться к мнению своих товарищей и относиться к ним с уважением.

Литература

1. Артеменко А.В. Развиваем логическое мышление // Проблемы педагогики. 2021. № 1 (52). С. 51 – 52.
2. Карипова А.И. Особенности логического мышления старших дошкольников // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 12-4 (68). С. 90 – 92.
3. Ляшук Ю.О., Исаев А.Г. Логическое мышление как ключевой психический процесс // Образование и проблемы развития общества. 2020. № 1 (10). С. 106 – 110.
4. Мерзова Н.Е., Колпащикова И.В. Сущность понятия "логическое мышление" детей старшего дошкольного возраста // Ratio et Natura. 2020. № 2 (2). С. 86 – 99.
5. Можаяев А.В. Актуальные вопросы развития логического мышления у обучающихся // Среднее профессиональное образование. 2019. № 7. С. 13 – 18.

6. Нарзуллоева З.Ш. Логическое мышление и необходимость методов его реализации в системе обучения // Вестник института языков. 2020. № 3 (39). С. 125 – 129.

7. Невоструева И.Л., Клейменов П.И. Развитие логического и образного мышления // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 1. С. 268 – 282.

8. Павловская Н.Г., Байкадамов Д.В. Особенности логического мышления современных подростков // Педагогическая перспектива. 2021. № 2. С. 30 – 35.

9. Шмелева Н.Г., Сулейманова Ф.М., Синдикова Г.М., Косцова С.А. Педагогические условия формирования логического мышления // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 188 – 190.

10. Прохорова Т.П. Логический вопрос как метод развития логических универсальных учебных действий // Kant. 2021. № 3 (40). С. 280 – 284.

11. Процуто М.В. Использование презентаций на занятиях – один из способов формирования логического мышления // Глобальный научный потенциал. 2021. № 12 (129). С. 229 – 232.

12. Расулов С.П. Значение исторических и логических категорий в формировании способа научного мышления // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2019. № 1-1 (59). С. 94 – 97.

13. Старцева А.А. Формирование системного мышления с помощью логических задач // Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании. 2022. № 3 (78). С. 102 – 105.

14. Шишканова Н.А. Развитие логического мышления у дошкольников на логопедических занятиях // Педагогика современности. 2021. № 1 (22). С. 67 – 69.

3. Ljashhuk Ju.O., Isaev A.G. Logicheskoe myshlenie kak kljuchevoj psihicheskij process. Obrazovanie i problemy razvitija obshhestva. 2020. № 1 (10). S. 106 – 110.

4. Merzova N.E., Kolphashhikova I.V. Sushhnost' ponjatija "logicheskoe myshlenie" detej starshego doshkol'nogo vozrasta. Ratio et Natura. 2020. № 2 (2). S. 86 – 99.

5. Mozhaev A.V. Aktual'nye voprosy razvitija logicheskogo myshlenija u obuchajushhihsja. Srednee professional'noe obrazovanie. 2019. № 7. S. 13 – 18.

6. Narzulloeva Z.Sh. Logicheskoe myshlenie i neobhodimost' metodov ego realizacii v sisteme obuchenija. Vestnik instituta jazykov. 2020. № 3 (39). S. 125 – 129.

7. Nevostruева I.L., Klejmenov P.I. Razvitie logicheskogo i obraznogo myshlenija. Voprosy ustojchivogo razvitija obshhestva. 2022. № 1. S. 268 – 282.

8. Pavlovskaja N.G., Bajkadamov D.V. Osobennosti logicheskogo myshlenija sovremennyh podrostkov. Pedagogicheskaja perspektiva. 2021. № 2. S. 30 – 35.

9. Shmeleva N.G., Sulejmanova F.M., Sindikova G.M., Koscova S.A. Pedagogicheskie uslovija formirovanija logicheskogo myshlenija. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2020. № 3 (82). S. 188 – 190.

10. Prohorova T.P. Logicheskij vopros kak metod razvitija logicheskikh universal'nyh uchebnyh dejstvij. Kant. 2021. № 3 (40). S. 280 – 284.

11. Procuto M.V. Ispol'zovanie prezentacij na zanjatijah – odin iz sposobov formirovanija logicheskogo myshlenija. Global'nyj nauchnyj potencial. 2021. № 12 (129). S. 229 – 232.

12. Rasulov S.P. Znachenie istoricheskikh i logicheskikh kategorij v formirovanii sposoba nauchnogo myshlenija. Vestnik Bohtarskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Nosira Husrava. Serija: Gumanitarnye i jekonomicheskie nauki. 2019. № 1-1 (59). S. 94 – 97.

13. Starceva A.A. Formirovanie sistemnogo myshlenija s pomoshh'ju logicheskikh zadach. Informacionno-kommunikacionnye tehnologii v pedagogicheskom obrazovanii. 2022. № 3 (78). S. 102 – 105.

14. Shishkanova N.A. Razvitie logicheskogo myshlenija u doshkol'nikov na logopedicheskikh zanjatijah. Pedagogika sovremennosti. 2021. № 1 (22). S. 67 – 69.

References

1. Artemenko A.V. Razvivaem logicheskoe myshlenie. Problemy pedagogiki. 2021. № 1 (52). S. 51 – 52.

2. Karipova A.I. Osobennosti logicheskogo myshlenija starshih doshkol'nikov. Aktual'nye nauchnye issledovanija v sovremennom mire. 2020. № 12-4 (68). S. 90 – 92.

**STUDY OF THE DEVELOPMENT OF THE LEVEL OF LOGICAL
THINKING IN CHILDREN OF THE OLDER PRESCHOOL
AGE IN FOREIGN LANGUAGE LESSONS**

*Nekrasova M.A., Postgraduate,
Socio-Pedagogical Institute,
Michurinsk State Agrarian University*

Abstract: each subject has its own characteristics, and it is necessary to take into account these features in the process of teaching individual subjects. Like all other disciplines, the possibilities of the modern course in teaching a foreign language are enormous. Teaching this subject in preschool educational institutions provides ample opportunities for the development of logical thinking of children, the development of their ability to analyze cause-and-effect relationships. The main task of a modern foreign language lesson from the point of view of the development of logical thinking is to describe the process of thinking and increase the cognitive activity of students, and the main task of the teacher is to provide students with knowledge by setting them in the right direction in the lesson. The main issue here is not only filling the memory of students with theoretical information, but also the development of their thinking and creative abilities by increasing the use of practical skills. In this article, the author made an attempt to scientific analysis and critical reflection on the study of the development of the level of logical thinking in children of senior preschool age in foreign language lessons.

Keywords: teaching a foreign language, development of logical thinking, teaching methods, innovations in education

ОЦЕНКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ НА ДИСТАНЦИОННЫХ И ОЧНЫХ ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ С ПОМОЩЬЮ ДНЕВНИКОВ САМОКОНТРОЛЯ

*Алёшкин А.Н., старший преподаватель,
Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова,
Попов А.С., старший преподаватель,
Московский государственный университет пищевых производств,
Шолотонов М.А.,
Московский государственный областной университет,
Цеменовский М.А., аспирант,
Московский государственный университет пищевых производств,
Кашикова М.П., старший преподаватель,
Государственный университет по землеустройству*

Аннотация: в данной статье рассматривается повышение мотивации студентов к занятиям физической культурой в различных условиях обучения с помощью дневников самоконтроля. Формы обучения, рассмотренные в статье: очная форма обучения и дистанционная форма обучения. В условиях цифровизации и диджитализации общества в целом и обучения студентов в частности предложена система заполнения дневников самоконтроля с помощью электронных таблиц Microsoft Excel. В статье был проведен параллельный эксперимент между группами студентов. Контрольные группы студентов занимались по обычной программе по физической культуре. Экспериментальные группы студентов занимались по той же программе, но при этом вели электронный дневник самоконтроля. Состав групп – девушки. Основной возраст 18-21 год. Эксперимент продолжался три учебных года. Закончился в мае 2022 года. В конце каждого года студенты, для определения своего функционального состояния, сдавали контрольные нормативы. Для обработки данных контрольных нормативов был применен математический метод. Всего в эксперименте участвовало 202 студента. Цель эксперимента: мотивация студентов к повышению своего функционального состояния с помощью дневников самоконтроля при различных формах обучения. Задачи эксперимента: провести сравнительный анализ показателей контрольных нормативов контрольных групп и экспериментальных групп в течение трех лет: 2019-2020 уч. г., 2020-2021 уч. г., 2021-2022 уч. г.; провести анкетирование студентов на выявление заинтересованности к заполнению электронного дневника самоконтроля.

Ключевые слова: физическая культура, электронный дневник самоконтроля, дистанционное обучение

Введение

Для оценки функционального состояния студентов в вузах используются контрольные тестирования (контрольные нормативы). Нам хочется, чтоб отношение студентов к физической культуре было осмысленным. Не просто сдал нормативы, получил зачет и забыл. Ведь задача преподавателей не заставить студента сдать нормативы, а стимулировать его к осмысленному самосовершенствованию. Очень полезен дневник самоконтроля. Особенно он оказал неоценимую услугу на дистанционном обучении. Когда педагогический контроль учащихся был ограничен. Нашими преподавателями был разработан и предложен электронный дневник самоконтроля. Дневники самоконтроля велись в программе Microsoft Excel. Кроме стандартных граф [5] – субъективные и объективные показатели – в электронные дневники была внесена интегральная модель сдачи контрольных нормативов. При внесении студентами в дневник своих показателей, программа Microsoft Excel автоматически сравнивала эти показатели с интегральной моделью, рассчитывала процент повышения (понижения) результатов. Также программа автоматически рассчитывала все ростовые

весовые индексы, пробы Руфье [3], пробы Штанге и т.д. После обработки всей информации, программа выводила результаты студента в графическом виде.

Цель эксперимента: мотивация студентов к повышению своего функционального состояния с помощью дневников самоконтроля при различных формах обучения.

Задачи эксперимента:

- Провести сравнительный анализ показателей контрольных нормативов контрольных групп и экспериментальных групп в течение трех лет: 2019-2020 уч. г., 2020-2021 уч. г., 2021-2022 уч. г.

Организация и методы исследования

В московских вузах был проведен параллельный эксперимент (далее эксперимент). В эксперименте участвовало 5 (пять) преподавателей и 10 (десять) групп студентов. Состав групп: девушки. Основной возраст: 18-21 год. Группа здоровья – основная и подготовительная.

Каждый преподаватель проводил эксперимент в двух своих группах. Одна из которых – контрольная – занималась по обычной программе по физической культуре. Вторая группа – экспериментальная – занималась по той же программе, ис-

пользуя дневники самоконтроля. Эксперимент продолжался три учебных года: 2019-2020 уч. г., 2020-2021 уч. г. и 2021-2022 уч. г. В 2019-2020 учебном году 10 групп студентов были учащимися первых курсов, в 2020-2021 уч. г. – учащимися вторых курсов, 2021-2022 уч. г. – учащимися третьих курсов.

Количественный состав групп студент, соответственно, по трем годам обучения:

- Контрольная группа №1 – 15, 16, 15 человек;
- Экспериментальная группа №1 – 18, 18, 16 человек;
- Контрольная группа №2 – 18, 18, 18 человек;
- Экспериментальная группа №2 – 17, 16, 14 человек;
- Контрольная группа №3 – 25, 23, 23 человека;
- Экспериментальная группа №3 – 18, 19, 19 человек;
- Контрольная группа №4 – 26, 26, 23 человека;
- Экспериментальная группа №4 – 22, 22, 23 человека;
- Контрольная группа №5 – 23, 22, 20 человек;
- Экспериментальная группа № 5 – 20, 19, 19 человек.

Итого в эксперименте всего в контрольных группах участвовало: 1 год – 107 студентов (далее КГ1); 2 год – 105 студентов (далее КГ2); 3 год – 95 студентов (далее КГ3); в экспериментальных группах участвовало: 1 год – 95 студентов (далее ЭК1), 2 год – 94 студента (далее ЭГ2), 3 год – 91 студент (далее ЭГ3).

Формы обучения в вузах в период эксперимента:

- 01.09.2019 до 27.03.2020 – обучение по предмету физическая культура на очных занятиях;
- 28.03.2020 до конца учебного года – обучение по предмету физическая культура на дистанционной форме обучения [1];
- с 01.09.2020 до 12.11.2020 – обучение по предмету физическая культура на очных занятиях;
- с 13.11.2020 до 06.02.2021 – обучение по предмету физическая культура на дистанционной форме обучения [2];
- с 07.02.2021 до конца эксперимента (май 2022 год) – обучение по предмету физическая культура на очных занятиях.

Электронные дневники самоконтроля в экспериментальных группах велись с 28 марта 2020 года, а также весь 2020-2021 год. В 2021-2022 учеб-

ном году ведение электронных дневников было необязательным.

В конце каждого года обучения студенты сдавали контрольные нормативы: тест на гибкость, тест на выносливость (бег 2000 м), тест на скорость (бег 100 м), тест на силу (отжимания, подъем туловища, приседания)*.

В конце эксперимента студенты экспериментальных групп прошли опрос и заполнили анкету. Анкета содержала в себе следующие вопросы:

1. Было интересно (ответ развернутый);
2. На каком этапе эксперимента захотелось работать над собой, чтобы приблизиться к интегральной модели или превысить ее показатели;
3. Помог ли весо-ростовой показатель выявить: недостаточная масса тела, норма, избыточная масса тела;
4. Повлияли ли показатели пробы Руфье и др. на дальнейшую работу над собой;
5. Продолжили вы вести электронные дневники в 2021-2022 учебном году.

Анкетирование прошли 91 студент (ЭГ3) – учащиеся третьих курсов в 2021-2022 уч. г.

Результаты и их обсуждение

Результаты анкетирования:

Пункт 1. 51,6% с энтузиазмом начали заполнять дневники. 48,4% опрошенных сказали, что сначала было неинтересно, и, казалось, это бесполезным.

Пункт 2. В итоге 48,4%, которым было «неинтересно» во второй половине эксперимента, заинтересовались и втянулись, наглядно увидев повышение своих результатов. И, даже, включился момент состязательности. Незаинтересованными остались лишь единицы.

Пункт 3 выявил, что у 5,5% опрошенных – недостаточная масса тела, 75,8% – масса тела в пределах нормы, 18,7% имели избыточную массу тела.

Пункт 4. 93,4% ответили «да». Опрошенные говорили, что им хотелось приблизиться, а то превысить показатели интегральной модели.

Пункт 5. 30,8% студентов экспериментальных групп продолжили вести электронный дневник самоконтроля и в 2021-2022 учебном году.

Результаты контрольных тестирований трех лет обучения контрольных и экспериментальных групп приведены в табл. 1.

Таблица 1

**Результаты средних показателей КГ и ЭГ контрольных тестирований
в 2019-2020, 2020-2021, 2021-2022 учебных годах**

Год обучения	Сила						Гибкость	Скорость	Выносливость			
	Отжимания (сгибание, разгибание рук в упоре лежа)		Приседания		Подъем туловища (прессе)							
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ		
2019-2020*	20,4	20,6	54,3	56,9	45,9	45,8	14,4	15,8	-	-	-	-
2020-2021	16,4	19,5	51,6	56,1	39,2	43,6	11,1	15,4	18,1	18,3	17,6	17,3
2021-2022	14,2	18,9	51,2	56,8	35,6	41,9	10,9	14,9	17,8	17,5	15,1	14,6

* В конце 2019-2020 учебного года проводился только тест на силу и гибкость, в связи с онлайн обучением

На основании табл. 1 была рассчитана разница между средними показателями по физическим качествам (далее СПФК) контрольных и экспериментальных групп.

2019-2020 учебный год. СПФК сила в ЭГ1 оказались выше КГ1 на 1,9%; СПФК гибкость ЭГ1 выше КГ1 на 2,8%. Хочется отметить, что во всех десяти группах контрольных и экспериментальных показатели контрольных нормативов по физическому качеству сила оказались отличными.

2020-2021 учебный год. СПФК сила в ЭГ2 стали выше КГ2 на 13%. По табл. 1 видно, что процент в ЭГ увеличивается не за счет повышения физического качества сила, а за счет снижения показателей этого физического качества в контрольных группах. СПФК гибкость у ЭГ2 выше КГ2 на 13,7%. Физическое качество гибкость в среднем увеличилось не за счет повышения гибкости у экспериментальных групп, а за счет снижения этого качества у контрольных групп по сравнению с 2019-2020 годом. СПФК скорость КГ2 выше ЭГ2 на 1,1%; СПФК выносливость у ЭГ2 выше КГ2 на 1,7%. Было отмечено, что уровень физического качества скорость и выносливость оказались после дистанционного обучения на очень низком уровне. Известно, что уровень физической активности незаметно снижается в условиях самоизоляции [4].

2021-2022 учебный год. СПФК сила в ЭГ3 стали выше КГ3 на 19%. Но при этом мы отметили, что соотношение силы КГ3 к КГ1 снизилась на 19,5%, у ЭК3 к ЭГ1 снизилось на 6,8%. СПФК гибкость у ЭГ3 выше КГ3 на 9,3%. Соотношение гибкости у КГ3 к КГ1 снизилось на 10,4%, у ЭГ3 к ЭГ1 на 4,7%. СПФК скорость КГ3 выше ЭГ3 на 1,7%; СПФК выносливость у ЭГ3 выше КГ3 на 3,3%.

Заключение

Студенты, ведущие электронные дневники самоконтроля отмечали, что им было очень интерес-

но заполнять таблицу в электронном виде и видеть, как показатели графиков их достижений растут вверх. Они с нетерпением ждали следующего занятия. Старались высypаться, правильно питаться, как на дистанционном обучении, так и на очной форме обучения. При использовании графика студенту более наглядно видна картина своей работы. А визуальность – это еще один «плюс» к мотивации занятиям физической культурой.

Мы отметили, что наивысшая разница в результатах КГ и ЭГ СПФП была в 2020-2021 году в пользу ЭГ. В этот период ЭГ весь год вела электронные дневники.

В 2020-2021 году, когда ведение дневников стало необязательно, и лишь 30,8 % (пункт 5 анкеты) остались вести их, то результаты физической подготовки стали снижаться, хотя и не такими высокими темпами, как у КГ (см. табл. 1).

Вывод

На основании ответов студентов (пункты 1,2,3,4,5 анкеты), а также показателей СПФП (табл. 1), мы считаем, что ведение электронных дневников самоконтроля мотивировало студентов к повышению своих физических качеств, а также к занятиям физической культурой в целом.

Литература

1. Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации: Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 14 марта 2020 г. N 397 // Документы системы Гарант: [website]. URL: <https://base.garant.ru/73745128/> (дата обращения: 08.05.2022)

2. О мерах по снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции в образовательных организациях высшего образования: Приказ Минобрнауки России от 11 ноября 2020 N 1402 // КонсультантПлюс: [website]. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/65692.html/> дата обращения: 08.05.2022)

3. Пастушенко Е.Е., Умаров М.М., Соколов Д.А., Реутин Т.В., Матвиенко А.И. Оптимизация работы преподавателей физической культуры вузов с помощью электронных таблиц на примере использования индексов пробы Руфье // Modern Humanities Success. 2022. № 6. С. 239 – 243.

4. Пастушенко Е.Е., Успенская И.М. Здоровый образ жизни в условиях самоизоляции // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 10 (188). С. 274 – 278.

5. Хоменко И.О. Учебно-методический практикум по дисциплине «Физическая культура для обучающихся всех направлений подготовки и специальностей (Дневник самоконтроля) // Инфоурок: [website]. 2020. URL: <https://infourok.ru/uchebno-metodicheskij-praktikum-po-fizicheskoj-kulture-dnevnik-samokontrolya-4262883.html> (дата обращения: 11.05.2022)

References

1. Ob organizacii obrazovatel'noj dejatel'nosti v organizacijah, realizujushhih obrazovatel'nye programmy vysshego obrazovaniya i sootvetstvujushhie dopolnitel'nye professional'nye programmy, v uslovijah preduprezhdenija rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii na territorii Rossijskoj Federacii: Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya RF ot 14 marta 2020 g. N 397. Dokumenty sistemy Garant: [website]. URL: <https://base.garant.ru/73745128/> (data obrashhenija: 08.05.2022)

2. O merah po snizheniju riskov rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii v obrazovatel'nyh organizacijah vysshego obrazovaniya: Prikaz Minobrnauki Rossii ot 11 nojabrja 2020 N 1402. Konsul'tant-Pljus: [website]. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/65692.html/> data obrashhenija: 08.05.2022)

3. Pastushenko E.E., Umarov M.M., Sokolov D.A., Reutina T.V., Matvienko A.I. Optimizacija raboty prepodavatelej fizicheskoj kul'tury vuzov s pomoshh'ju jelektronnyh tablic na primere ispol'zovanija indeksov proby Ruf'e. Modern Humanities Success. 2022. № 6. S. 239 – 243.

4. Pastushenko E.E., Uspenskaja I.M. Zdorovyj obraz zhizni v uslovijah samoizoljacji. Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2020. № 10 (188). S. 274 – 278.

5. Homenko I.O. Uchebno-metodicheskij praktikum po discipline «Fizicheskaja kul'tura dlja obuchajushhihsja vseh napravlenij podgotovki i special'nostej (Dnevnik samokontrolja). Infourok: [website]. 2020. URL: <https://infourok.ru/uchebno-metodicheskij-praktikum-po-fizicheskoj-kulture-dnevnik-samokontrolya-4262883.html> (data obrashhenija: 11.05.2022)

**ASSESSMENT OF THE FUNCTIONAL STATE OF STUDENTS
IN DISTANCE AND FULL-TIME PHYSICAL EDUCATION CLASSES
WITH THE HELP OF SELF-CONTROL DIARIES**

*Aleshkin A.N., Senior Lecturer,
Sechenov First Moscow State Medical University,
Popov A.S., Senior Lecturer,
Moscow State University of Food Production,
Sholotonov M.A.,
Moscow Region State University,
Tsemenovsky M.A., Postgraduate,
Moscow State University of Food Production,
Kashkova M.P., Senior Lecturer,
State University of Land Management*

Abstract: this article discusses the increase in students' motivation to engage in physical education in various learning environments using self-control diaries. The forms of education discussed in the article: full-time education and distance learning. In the conditions of digitalization and digitalization of society in general and students' education in particular, a system of filling in self-control diaries using Microsoft Excel spreadsheets is proposed. In the article, a parallel experiment was conducted between groups of students. Control groups of students were engaged in the usual physical education program. Experimental groups of students were engaged in the same program, but at the same time they kept an electronic diary of self-control. The composition of the girl groups. The main age is 18-21 years old. The experiment lasted three academic years and ended in May 2022. At the end of each year, students passed control standards to determine their functional state. A mathematical method was used to process the data of the control standards. A total of 202 students participated in the experiment. The purpose of the experiment: to motivate students to improve their functional state with the help of self-control diaries in various forms of learning. The objectives of the experiment: to conduct a comparative analysis of the indicators of control standards of control groups and experimental groups for three years: 2019-2020 academic year, 2020-2021 academic year, 2021-2022 academic year; to conduct a questionnaire of students to identify interest in filling out an electronic diary of self-control.

Keywords: physical education, electronic diary of self-control, distance learning

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ОСНОВЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

*Перницкий И.А., аспирант,
Мичуринский государственный аграрный университет*

Аннотация: иноязычная коммуникативная компетенция будущих преподавателей включает в себя умение на практике применять полученные в вузе навыки и знания с целью осуществления эффективной деятельности профессионального характера с тем, чтобы достичь хорошего уровня взаимодействия как с учащимися, представляющими иную культуру, так и с коллегами, основываясь на принципах взаимопонимания и уважения. При этом иностранный язык выполняет роль важнейшего инструмента, обеспечивающего такое взаимодействие. Применение междисциплинарного подхода при формировании иноязычной коммуникативной компетенции учащихся ВУЗов, в настоящее время является особенно актуальным методом, используемым при обучении иностранным языкам.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, междисциплинарный подход, обучение иностранному языку, межкультурное взаимодействие

Современный цифровой век с его стремительно развивающимся обществом знаний требует междисциплинарного подхода к обучению иностранному языку студентов педагогических специальностей. Чтобы справиться с обществом знаний, преподавание иностранного языка для конкретных педагогических специальностей требует нового подхода к учебной программе, направленного на повышение мотивации к обучению и повышение языкового уровня учащихся. Развитие литературной компетентности студентов педагогических специальностей в анализе и обсуждении художественных и нелитературных текстов, в аргументации за или против определенных теорий и идей, относящихся к литературе, науке и технике, создаст мотивацию для достижения языкового прогресса и освежения знаний иностранного языка [10, с. 38].

В следующем теоретическом документе приводятся доводы в пользу интеграции литературы и дискуссий, основанных на теории литературы, в учебную программу по английскому языку в университете с целью расширения знаний, творчества, мотивации к обучению, непредубежденности и понимания других культур и цивилизаций.

Уделение большего внимания изучению иностранного языка студентами педагогических специальностей посредством междисциплинарного подхода к определенным литературным концепциям, таким как интертекстуальность или творческая реконтекстуализация прошлого, для того, чтобы опираться на их методы аргументации и анализа, добавило бы важный компонент к классической коммуникативной учебной программе по английскому языку.

Аргумент заключается в том, что базовая литературная компетентность должна быть не только атрибутом филолога, но и, в некоторой степени, любой атрибут выпускника. Это объясняет базовые

знания о известных литераторах и литературных произведениях. Расширяя литературные жанры, фигуры речи, дискурсивные стратегии, стратегии письма и говорения, мы повышаем литературную и культурную компетентность учащихся. Освоение иностранного языка и его постоянное освежение для использования в течение всей жизни требует овладения базовой литературной компетенцией как части культурного фона учащегося [9, с. 17].

Использование более глубокого культурного подхода к преподаванию и изучению иностранного языка способствует эффективности изучения и использования языка.

Интернет, электронные книги и электронные библиотеки предоставляют учащимся больше возможностей для закрепления своих знаний после того, как будет развита мотивация и будут развиты некоторые базовые навыки выбора и анализа.

Книги и электронные материалы Google в качестве справочных источников, поднимают две проблемы, которые должны рассмотреть преподаватели языков и инструкторы: 1) как мотивировать учащихся к эффективному использованию источников в своих интересах и для своего культурного развития и 2) как научить их ценить художественный текст на основе литературной компетенции, уже приобретенной в школе и развивались на протяжении всего курса иностранного языка [3, с. 161].

Разработка курсов английского языка с междисциплинарной программой, содержащей литературные и нелитературные тексты, подготовит студентов к глобальному информационному обществу, обществу знаний, в котором политекорректные подходы жизненно важны, независимо от предметной области или обстоятельств:

1) как мотивировать учащихся эффективно использовать источники в свою пользу и для своего

культурного развития;

2) как научить их ценить художественный текст на основе литературной компетенции, уже приобретенной в школе и развитой на протяжении всего курса иностранного языка.

Чтобы соответствовать требованиям рынка труда в настоящее время, учебная программа по английскому языку направлена на повышение коммуникативной компетенции студентов за счет подхода к таким темам, как межкультурность, проведение встреч представителей разных культур, проведение презентаций. Включение литературных курсов в учебную программу по иностранным языкам в университете будет опираться на аргументативные стратегии студентов, развивать их критическое мышление и творческие способности, а также расширять их знания о другой культуре.

Выбирая подходящую библиографию, основанную на педагогических и литературных текстах, которые сосредоточены на схожих концепциях и темах, таких как реконтекстуализированное прошлое, когда-либо улучшенное прошлое в любой области, мы закладываем основу для междисциплинарных дебатов, для мотивации исследовать тему и спорить за свое мнение [7, с. 855].

Таким образом, мы растем интеллектуально, читая, думая, создавая или открывая новые перспективы и технологии, основанные на том, что, как мы знаем, существовало в прошлом. Признавая и цитируя прошлое в искусстве, науке и технике, мы искренне признаем наше наследие. Поэтому, включив критические дискуссии по литературе в программу обучения иностранным языкам, мы помогаем студентам расти интеллектуально и культурно.

Знакомство учащихся с литературой и культурой народа, язык которого они изучают, способствует логическому и мотивирующему обучению. Таким образом, учащиеся должны будут обдумать, сравнить и критически проанализировать обсуждаемые культурные вопросы в хорошо организованных устных беседах и письменных эссе.

При умелом сочетании трех подходов на занятиях по английскому языку: «культурная модель», «языковая модель» и «модель личностного роста», знания учащихся об изучаемой культуре и языке закрепляются, поскольку литература воплощает в себе элементы национальной мудрости, опыта и мировоззрения.

Если стихи – это закодированные репрезентации мира идей, то романы – это вымышленные миры, к которым мы можем относиться, основываясь на собственном опыте. Таким образом, литература превращается в полезный дидактический

материал или в то, что называется особым ресурсом для личного развития и роста.

Литература как «ресурс» также может предоставить множество лингвистических возможностей для учителю языка и позволить многим из наиболее ценных упражнений по изучению языка основываться на материале, способном стимулировать больший интерес и вовлеченность, что может быть в случае со многими текстами для обучения языку.

Литература является законным и ценным ресурсом для обучения языку, а также может предоставить много лингвистических возможностей учителю языка и позволить многим из наиболее ценных упражнений по изучению языка быть основанными на материале, способном стимулировать больший интерес и вовлеченность, что может иметь место со многими текстами для обучения языку [5, с. 104].

Избранные темы дискуссий и эссе, основанные на литературе, способствуют развитию у учащихся мультикультурного сознания, что является важным элементом их образования. Наделенные мультикультурным пониманием, учащиеся развивают культурную толерантность, признавая культурные различия и способные соперничать представителям другой культуры.

Поскольку эта многокультурная перспектива должна быть развита в ограниченное время, предусмотренное учебной программой, способность учителей представить культурный фон языка, который они преподают, сосредоточив внимание на ключевых литературных деятелях прошлого и настоящего с их культурным вкладом и влиянием, должна привести к в мотивации к обучению, в усилении критического мышления и в образном воссоздании учащимися иного культурного пространства.

Противники включения литературы в программу обучения английскому языку студентов педагогических специальностей могут привести следующие минусы: 1) изучение художественных текстов студентов педагогических специальностей не отвечает потребностям и интересам студентов; 2) студенты часто более склонны исследовать абстрактную сторону наукоемких областей, чем абстрактные значения метафор и тонких намеков в художественном тексте; поэтому заикливаться на литературе было бы скучно и бесполезно; 3) обсуждение художественных текстов способствовало бы меньшей языковой практике для конкретных целей педагогических специальностей студентов.

Чтобы возразить против вышеупомянутых минусов, мы должны напомнить оппонентам следующие важные аспекты [8, с. 64]:

1) студенты педагогических специальностей подготовлены к обществу знаний, и их языковые потребности не должны ограничиваться только их областью; их культурное мировоззрение должно быть расширено, чтобы они могли успешно вписаться в мультикультурное общество, в котором они будут работать;

2) преподаватели языка для общества знаний должны тщательно пробуждать интерес студентов педагогических специальностей к чтению и анализу соответствующих литературных текстов, чтобы развивать их аргументативные стратегии и политкорректные подходы, которые необходимы для успешного преодоления поликультурного общества знаний;

3) мы разрабатываем междисциплинарный курс английского языка, и студенты педагогических специальностей не будут в невыгодном положении с точки зрения изучения технического языка, так как будет соблюдаться баланс между чтением художественных текстов и педагогических, фокусируясь на теме реконструированного прошлого в любой домен. Особое внимание будет уделено коммуникативному методу.

Студентам сначала будет назначена тема для обсуждения на основе литературного текста в их библиографии, и они должны работать в группах по четыре / пять, чтобы согласиться / не согласиться с рециркуляцией идей, тем, мотивов, стилей письма в литературе, на когда-либо улучшенное прошлое. Затем им будет назначен технический текст в библиографии курса, и им будет предложено поработать в группах или парах, чтобы сравнить нынешние достижения в области технологий со старыми, объясняя технологическую эволюцию техническими терминами, приводя доводы за или против определенных идей. Таким образом, их мотивация к обучению повысится.

Междисциплинарный курс английского языка в университете, включающий обсуждение художественных текстов, а также обсуждение педагогических текстов, может стать стимулом для написания студентами научно-исследовательских эссе, докладов, меморандумов, структура, содержание и подход которых постоянно учитываются для иностранного языка. преподавание языка и оценка [1, с. 101].

Наличие электронных книг и интернет-ресурсов, доступных в любое время, облегчает смешанное обучение и становится необходимым для достижения наших целей обучения. Экономия времени, не идя в библиотеку, чтобы прочитать книги в библиографии, имея их доступными в Интернете, студенты могут больше сосредоточиться на исследовании различных культурных вопросов, на анализе литературных и нелитературных текстов с

их темами, мотивами, аргументами, стиль, культурное значение.

Они могут иметь эти тексты для обсуждения во время курсов и семинаров английского языка, имея текстовые аргументы в пользу своего мнения. Смешанное обучение повышает осведомленность учащихся о культурном наследии, которое можно исследовать на основе электронных и бумажных источников в библиотеках. Это также повышает их осведомленность о прошлом, следы которого необходимо тщательно признавать, цитировать и развивать.

Успешный междисциплинарный подход должен включать коммуникативный метод с его интерактивным и совместным обучением и преподаванием. Ориентированный на студента коммуникативный подход, предназначенный для поощрения использования студентами языка в реальных жизненных ситуациях, аргументов за или против определенных идей, а также подход, основанный на навыках, с упором на навыки говорения, чтения, письма и аудирования, приведет к мотивации к обучению и совершенствованию знаний. Коммуникативный метод побуждает учителей языка создавать позитивную атмосферу, чтобы приветствовать инициативу учащихся в представлении своих доводов за или против спорного вопроса. Групповая работа и коммуникативная деятельность в паре закладывают основу для развития знаний учащихся путем обмена информацией и аргументации за или против нее [11, с. 156].

Литературная коммуникация на курсе английского языка студентов педагогических специальностей оказывается успешной только в том случае, если предмет обсуждения актуален для области знаний и интересов студентов педагогических специальностей. Для того чтобы пробудить в них интерес к отстаиванию своей точки зрения по заданным концептуальным аспектам, таким как переосмысление прошлого в искусстве, в науке и технике, необходимо предпринять четыре важных шага [2, с. 28]:

1. Отбор подходящих и интересных литературных и нелитературных текстов для включения в библиографию и для обсуждения на курсах английского языка;

2. Объяснение темы обсуждения, наглядно иллюстрируя и расширяя идею о том, что в мире нет ничего совершенно нового, что есть общий знаменатель всех существующих творений настоящего;

3. Подготовка заданий для проверки словарного запаса в обсуждаемых контекстах;

4. Готовность дать совет, разъяснение и помощь в плане анализа текста и обсуждения.

В целях поощрения критического мышления студентов на литературном курсе английского

языка для студентов педагогических специальностей им будет предложено проанализировать концепцию настоящего/прошлого, выраженную в литературных и нелитературных текстах, включенных в библиографию их курса. Избранные тексты, представленные в приведенной ниже библиографии, освещают тему реконструированного прошлого в любой области, от литературы до науки и техники.

Читая и понимая художественные тексты, учащиеся поймут, что литература является носителем закодированной мудрости и ценностей народа, которые они должны расшифровать своими словами и аргументами для своего культурного и языкового совершенства. Более того, читая и анализируя технические тексты, включенные в библиографию, учащиеся смогут описать и сравнить новые и старые технологии, подробно описанные в статьях, и им будет предложено выдвинуть свои новые предположения относительно возможных будущих технологических решений, изменений, представляя свои аргументы в организованном дискурсе [6, с. 249].

Чтобы предложить учащимся взгляд на важность подхода к междисциплинарным дискуссиям в курсе английского языка, мы должны начать с признания их потребностей, с планирования, чтобы оправдать их ожидания с точки зрения преподавания и обучения, с рассмотрения их будущих карьерных целей и стремлений.

Преподаватели и студенты представляют собой сплоченное сообщество, готовящееся к жизни в обществе знаний. Они строят общество знаний, и поэтому они должны быть постоянно открыты для изучения нового и расширения своего культурного кругозора. Профиль студента-педагога, постоянно мотивированного и открытого к изучению нового, к расширению своего культурного кругозора, к общению и аргументации за или против определенных взглядов, аспектов и фактов, идеально подходит для того, чтобы справиться с обществом знаний.

В заключение настоящей статьи, необходимо отметить, что современное общество знаний требует от преподавателей междисциплинарного подхода к обучению иностранному языку студентов педагогических специальностей. Применяя междисциплинарный подход к обучению английскому языку, мы можем справиться с требованиями быстро развивающегося технологического и мультикультурного общества знаний.

Аргументируя важность развития литературоведческой и культурологической компетентности студентов педагогических специальностей для всестороннего образования в области иностранных языков, мы выдвигаем необходимость меж-

дисциплинарного подхода литературоведческих концепций, таких как интертекстуальность или творческая реконтекстуализация прошлого. Таким образом, применяя коммуникативный метод с его интерактивным обучением и преподаванием, творческие способности студентов, критическое мышление и коммуникативная компетентность будут повышены [4, с. 448].

Обучая студентов педагогических специальностей иностранному языку через обсуждение художественных текстов, мы повышаем их культурное сознание и закладываем основу для грамотного и гибкого подхода к различным контекстам общения, текстам, дискурсам и различным точкам зрения. У них улучшатся языковые знания и улучшатся коммуникативные навыки. Развивая знания учащихся об английской литературе, их литературную компетентность и стратегии аргументации, они признают важность подготовки и тщательного выбора и оценки слов для политически корректных подходов в нашем мультикультурном обществе знаний.

Литература

1. Байдикова Н.Л. Модель обучения иностранному языку с учетом междисциплинарных связей // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2019. № 3 (49). С. 96 – 103.
2. Всеволодова А.Х. Личностно-деятельностный подход в обучении иностранным языкам // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 51-1. С. 22 – 31.
3. Дмитриева Н.К. Реализация принципов междисциплинарного подхода в процессе обучения профессионально-ориентированному иностранному языку // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 2. С. 158 – 172.
4. Кучинская Е.А. Междисциплинарный подход к обучению иностранному языку // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 30. № 4. С. 441 – 454.
5. Мелехина А.В. Личностно-ориентированный подход в обучении иностранному языку // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2021. № 2 (44). С. 97 – 108.
6. Оберемко О.Г., Соколова Ю.В. Обучение иностранному языку на начальном этапе в контексте междисциплинарной интеграции // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-3. С. 248 Ц 251.
7. Романова И.В., Минаева Ю.В. Креативный подход в обучении иностранному языку // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 29. С. 850 – 861.

8. Рот Э.В. Междисциплинарный подход к обучению профессиональной коммуникации инженеров на иностранном языке // Среднее профессиональное образование. 2021. № 5 (309). С. 62 – 65.

9. Ковалева А.Г., Дымова Е.Е., Анчугова О.В. и др. Система междисциплинарных проектов в обучении иностранному языку студентов неязыковых направлений подготовки // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2019. № 2 (37). С. 15 – 20.

10. Уланович О.И. Дискурсивный подход как методологическая основа обучения иностранному языку в вузе и технология дидактики перевода // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 35 – 44.

11. Харламова Н.С. Междисциплинарный подход в профессионально ориентированном обучении иностранным языкам (политический дискурс) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 3 (836). С. 151 – 159.

References

1. Bajdikova N.L. Model' obuchenija inostrannomu jazyku s uchetom mezhdisciplinarnyh svjazej. Vestnik MGPU. Serija: Pedagogika i psihologija. 2019. № 3 (49). S. 96 – 103.

2. Vsevolodova A.H. Lichnostno-dejatel'nostnyj podhod v obuchenii inostrannym jazykam. Tendencii razvitija nauki i obrazovanija. 2019. № 51-1. S. 22 – 31.

3. Dmitrieva N.K. Realizacija principov mezhdisciplinarnogo podhoda v processe obuchenija professional'no-orientirovannomu inostrannomu jazyku. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2019. T. 25. № 2. S. 158 – 172.

4. Kuchinskaja E.A. Mezhdisciplinarnyj podhod k obucheniju inostrannomu jazyku. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Filosofija. Psihologija. Pedagogika. 2020. T. 30. № 4. S. 441 – 454.

5. Melehina A.V. Lichnostno-orientirovannij podhod v obuchenii inostrannomu jazyku. Vestnik Lugaenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalja. 2021. № 2 (44). S. 97 – 108.

6. Oberemko O.G., Sokolova Ju.V. Obuchenie inostrannomu jazyku na nachal'nom etape v kontekste mezhdisciplinarnoj integracii. Problemy sovremenno go pedagogicheskogo obrazovanija. 2021. № 72-3. S. 248 C 251.

7. Romanova I.V., Minaeva Ju.V. Kreativnyj podhod v obuchenii inostrannomu jazyku. Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 29. S. 850 – 861.

8. Root Je.V. Mezhdisciplinarnyj podhod k obucheniju professional'noj kommunikacii inzhenerov na inostrannom jazyke. Srednee professional'noe obrazovanie. 2021. № 5 (309). S. 62 – 65.

9. Kovaleva A.G., Dymova E.E., Anchugova O.V. i dr. Sistema mezhdisciplinarnyh projektov v obuchenii inostrannomu jazyku studentov nejazykovyh napravlenij podgotovki. Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika, psihologija. 2019. № 2 (37). S. 15 – 20.

10. Ulanovich O.I. Diskursnyj podhod kak metodologicheskaja osnova obuchenija inostrannomu jazyku v vuze i tehnologija didaktiki perevoda. Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2021. № 1 (40). S. 35 – 44.

11. Harlamova N.S. Mezhdisciplinarnyj podhod v professional'no orientirovannom obuchenii inostrannym jazykam (politicheskij diskurs). Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2020. № 3 (836). S. 151 – 159.

FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS ON THE BASIS OF INTERDISCIPLINARY APPROACH

*Pernitsky I.A., Postgraduate,
Michurinsk State Agrarian University*

Abstract: the foreign language communicative competence of future teachers includes the ability to put into practice the skills and knowledge acquired at the university in order to carry out effective professional activities in order to achieve a good level of interaction both with students representing a different culture and with colleagues, based on principles of mutual understanding and respect. At the same time, a foreign language plays the role of the most important tool that ensures such interaction. The use of an interdisciplinary approach in the formation of foreign language communicative competence of university students is currently a particularly relevant method used in teaching foreign languages.

Keywords: communicative competence, interdisciplinary approach, foreign language teaching, intercultural interaction

**ПРЕПОДАВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «МЕНЕДЖМЕНТ ТУРИЗМА»
В ПРИКЛАДНЫХ ВУЗАХ В АСПЕКТЕ НАПРАВЛЕНИЯ
«ИННОВАЦИИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО»**

*Ли Юнцзюй, старший преподаватель,
Хэйхэский университет, Китай,
Чжан Лэлэ, ассистент,
Харбинский университет коммерции, Китай*

Данная статья является результатом работы исследовательского проекта, посвященного реформе преподавания высшего образования Хэйхэского университета: «Исследование реформы режима практического обучения специальности «Менеджмент туризма» в прикладных высших учебных заведениях в аспекте направления «инновационного предпринимательства»». Номер проекта: XJGY201924

Аннотация: в последние годы государство последовательно издает ряд программных документов, в которых обозначены более высокие требования к инновационному и предпринимательскому образованию в вузах. С внедрением и развитием направления «Инновации и предпринимательство» прикладные вузы бакалавриата сосредоточились на обучении талантливых студентов с инновационным сознанием и способностями к предпринимательской практике. Актуальной проблемой развития образования в прикладных вузах стала интеграция инновационного сознания и предпринимательских способностей студентов в традиционное преподавание туристического менеджмента. Объединение учебных характеристик специальности «Менеджмент туризма» способствует созданию практико-ориентированной системы обучения курсам инновационной и предпринимательской практики. Целью работы является анализ подготовки студентов в области «Инновации и предпринимательство» в рамках направления «Менеджмент туризма». Автор приходит к выводу, что специальность «Менеджмент туризма» должна сочетать в себе социальное развитие и профессиональные характеристики, с помощью которых можно обозначить четкие цели обучения, способствующие достижению совершенности практической системы обучения и практических методов обучения. Кроме этого, развитие у студентов инновационной осведомленности в области управления туризмом и предпринимательских способностей способствует улучшению качественной подготовки талантливых студентов.

Ключевые слова: инновации и предпринимательство, прикладные вузы, практико-ориентированное обучение, «Менеджмент туризма», инновационное предпринимательство, учебная программа

Прикладные вузы бакалавриата основной задачей и целью преподавания ставят воспитание талантливых студентов, а именно их высокотехнологичных прикладных талантов, отвечающих потребностям производства, строительства, управления и обслуживания. Основным направлением образовательного процесса является разработка знаний, способностей, качества и плана обучения студентов с целью адаптации к потребностям общества и развития технических способностей. Если основной функцией образования является применение специальной учебной программы и системы обучения, то особое внимание необходимо уделить развитию технических способностей обучающихся [5, с. 133].

Как отмечает исследователь Б. Лю, инновации являются основой и ядром предпринимательства, а предпринимательство является важной формой инноваций [3, с. 55].

1. Значение практического обучения студентов в аспекте направления «Инновации и предпринимательство».

1) Способствовать самостоятельному обучению студентов

С непрерывным развитием и изменением соци-

альных потребностей требования к практическим способностям студентов становятся все выше. Современные студенты вузов обладают широким спектром знаний и множеством способов получения информации. Многие знания студенты получают из научной литературы, а не только на учебных занятиях. Традиционному обучению все труднее стимулировать интерес студентов к учебе. Если в учебном процессе увеличить долю практических занятий, а также использовать предпринимательские способности студентов в качестве ориентации лекций, то можно значительно повысить мотивацию студентов к самостоятельному обучению, а также усилить их интерес к учебе.

2) Улучшить практические способности обучающихся

Практические навыки – это способность интегрировать различные знания и навыки для решения практических задач [6, с. 47]. Практическая работа студентов, с одной стороны, способствует развитию и укреплению их творческого мышления, а с другой стороны, может своевременно реагировать на усвоение теоретического материала. Например, при преподавании дисциплины «Маркетинг туризма» студентам предлагается проана-

лизировать факторы внутренней и внешней среды на основе теоретических знаний, а также составить план маркетинга туризма. На лекции «Управление туристическими живописными местами» необходимо выполнить исследование развития живописных мест, а также составить план проекта живописных мест. С помощью этих практических упражнений студенты смогут прояснить некоторые неясные проблемы, обнаружить недостатки усвоения материала, а также улучшить свои практические способности.

3) Готовить талантливых студентов, отвечающих потребностям общества

Обществу необходимы талантливые студенты, которые обладают теоретическими и практическими знаниями. Однако текущий процесс обучения в вузах ограничен различными внутренними и внешними факторами, что приводит к отсутствию у студентов способностей к практической деятельности.

Со временем возрастает потребность общества в талантах, обладающих практическими знаниями. С целью получения преимущества в рыночной конкуренции необходимо преобразовать теоретические знания в практические способности, что, несомненно, будет выделять талантливых студентов среди других выпускников. Для этого необходимо усилить освоение предмета «Инновации и предпринимательство», а также способствовать усвоению прикладных навыков студентов в высших учебных заведениях, с целью соответствия потребностям развития времени, что будет стимулировать жизненную силу для реализации стратегии укрепления страны талантами.

2. Недостатки практического преподавания специальности «Менеджмент туризма» в аспекте направления «Инновации и предпринимательство».

1) Доля практического обучения мала, а эффект ограничен.

Одной из характеристик направления «Менеджмент туризма» является ее очень практичный и всеобъемлющий характер. Практическое обучение имеет решающее значение во всей системе преподавания, и если студенты не способны интегрировать теорию с практикой, эффект от обучения будет значительно снижен.

В течение длительного времени многие учебные заведения обращают особое внимание на освоение традиционных теоретических знаний в преподавании менеджмента туризма, уделяя при этом большое количество времени на усвоение традиционного обучения в классе, а не на развитие практических навыков студентов [1, с. 65]. Большая часть обучения ведется в рамках одного курса или единого звена, а учебная программа плохо

структурирована, что неизбежно сказывается на слабом развитии у студентов творческого сознания и навыков предпринимательского мышления.

2) Система преподавания неполная и несовершенная.

Несомненно, что многие учебные заведения уделяют больше внимания разработке практического содержания обучения в своих учебных программах. Однако в процессе внедрения не сформировалась целостная система, поэтому не удалось эффективно связать и интегрировать практические проекты совместно с теоретическими знаниями. Обучение преподавателей в большей мере основано на учебниках и аудиторных занятиях, а попытка достичь преподавания, отвечающего требованиям инноваций и предпринимательства, посредством практической деятельности не является достижимой. В то же время система оценивания практического обучения несовершенна.

Большинство методов оценки основано на лабораторных отчетах, которые являются однообразными по форме. Многие из них основаны на итоговой оценке, оценка инновационных и предпринимательских способностей студентов вузов неясна и не может точно отражать их реальные способности.

3) Недостаточность практической направленности учебных проектов.

В настоящее время направление «Инновации и предпринимательство», в основном, проводится в высших учебных заведениях в форме конкурсов, лекций, при этом в большей степени оно остается на уровне концепций развития предприятий, методов инновационной конкуренции [2, с. 261].

Получается, что содержание этого учебного предмета, которое действительно касается творческого создания и методов, студентам не хватает для получения практического опыта. Практические учебные программы по менеджменту туризма, такие как «Моделирование экскурсий и гостиничных операций в сфере гостиничного бизнеса», могут не соответствовать требованиям обучения студентов направления «Инновации и предпринимательство».

3. Подходы к преподаванию дисциплины «Менеджмент туризма» для удовлетворения практических потребностей учебного предмета «Инновации и предпринимательство».

1) Повышение уровня понимания предмета «Инновации и предпринимательство».

Любой курс должен учитывать возрастные и интеллектуальные особенности студентов, при этом студенты являются субъектом обучения, поэтому подготовка инновационного сознания и предпринимательских способностей обучающихся остается значимой [4, с. 76]. Практическое преподавание

давание любой дисциплины развивается как в соответствии с требованиями предмета и социального развития, так и в зависимости от фактического уровня понимания обучающимися основ дисциплины «Инновации и предпринимательство».

В связи с этим, преподавателям необходимо понимать особенности студенчества, адаптировать свое преподавание к их потребностям, а также разрабатывать обоснованное практико-ориентированное обучение. Например, сочетание тем, критериев и живописных достопримечательностей маршрута в практическом проекте по разработке туристического маршрута должно содержать следующие составляющие:

1) анализ кризисных ситуаций в процессе туризма в разные годы;

2) планирование маркетинговых программ в практических проектах; а также живописных мест в практико-ориентированном проекте управления живописными местами и т.д.

В дополнение к повышению образовательной осведомленности преподавателей необходимо также стимулировать осведомленность обучающихся об инновациях и предпринимательстве. Расширению понимания обучающимися терминов дисциплины «Инновации и предпринимательство» способствует анализ текущей ситуации в области социального развития, а также активное участие в инновационной и предпринимательской деятельности. Кроме этого, знания позволяют студентам принимать участие в социальном эксперименте, получать новейшие знания об инновациях и предпринимательстве с помощью многочисленных каналов, а также изменять концепции занятости. Образовательная осведомленность способствует ориентации студентов на правильное планирование карьеры и создание концепции предпринимательской занятости, составление карьерных планов и формирование концепции самозанятости. Повышению качества образования студентов способствует умение направлять и развивать творческие способности, много думать, больше открывать для себя и постоянно вдохновляться на собственный рост.

2) Укрепить сотрудничество между вузами и предприятием, создавая практическую учебную базу.

В процессе создания практической учебной базы наиболее эффективным методом в настоящее время является укрепление сотрудничества и обменов между вузами и предприятиями для создания совместных усилий, а также комплектование профессиональной команды преподавателей. В эту команду могут входить предприниматели, выпускники с богатым опытом работы, выпускники с опытом предпринимательской деятельности, пре-

подаватели с богатым педагогическим опытом и т.д.

Только таким образом у студентов будет как можно больше возможностей для четкого понимания фактического режима работы предприятий и развития отрасли, и у студентов будет возможность получить практический опыт, а также может дать необходимый опыт и руководство для будущего предпринимательства.

Для вузов прикладного бакалавриата очень маловероятно полностью самостоятельно построить учебную базу. Построение сотрудничества между вузами и предприятиями является наиболее эффективным и работоспособным, но нынешняя часть сотрудничества между ними находится в форме, и ей трудно выполнять функцию практического обучения. Базы, которые берут на себя учебную функцию, далеки от удовлетворения потребностей обучения, они в основном ориентированы на выпускную практику студентов или отработку каких-либо навыков, это также влияет на энтузиазм предприятий в сотрудничестве с вузами.

Учебные базы профессиональной практики по менеджменту туризма обычно располагаются в туристических гостиницах, туристических агентствах, туристических живописных местах и т.д. Большинство студентов занимаются самой основной фронтальной работой на практических занятиях, в основном это квалифицированная работа, связанная с основной деятельностью или из-за отсутствия способностей или из-за коммерческой тайны, редко могут получить доступ. Хотя это также может улучшить способность студентов к теоретическому взаимодействию, оно не может полностью реализовать цель практического обучения, а также влияет на их энтузиазм. Поэтому в процессе создания учебной базы практики сотрудничества между вузом и предприятием мы должны попытаться стоять с точки зрения предприятия, найти способы создать ценность для предприятия и повысить мотивацию предприятия к участию в сотрудничестве.

3) Составить практическую учебную программу дисциплины «Инновации и предпринимательство».

Для того чтобы повысить способность студентов обучению дисциплины «Инновации и предпринимательство», необходимо внедрить «тройное сочетание» образования, то есть интеграцию обучения предпринимательству и инновациям с профессиональным образованием [7, с. 77].

Таким образом, программа обучения должна быть разработана и скорректирована в соответствии с последними требованиями дисциплины «Инновации и предпринимательство», а содержание и часы практических курсов должны быть

обоснованно установлены. Цели практического обучения в прикладных учебных заведениях должны отражать воспитание у студентов всесторонних качеств во всех аспектах морального, интеллектуального и физического развития, включая такие аспекты, как повышение сознания об услугах инновационных и предпринимательских талантов, развитие и совершенствование практических способностей к инновациям и предпринимательству, построение и практика конкретных проектов.

Заключение

В нынешних условиях развитие у студентов знаний об инновациях и предпринимательстве является необходимым требованием для удовлетворения меняющихся потребностей общества. Для достижения этого требования установление целей практического образования может осуществляться с точки зрения профессионального познания, стажировки, трудоустройства и предпринимательства и т. д., от теории к практике, от класса к обществу, выделяя прикладные особенности.

При разработке конкретного содержания обучения можно действовать в трех направлениях, таких как базовое, специализированное и тематическое. Система учебного плана не может быть создана за одну ночь, она требует достаточного изучения рынка и акцента на общении со студентами, поэтому подводить итоги преподавания и обучения после уроков и постоянно пересматривать планы уроков и учебные разработки считаем нецелесообразным.

Кроме того, чтобы повысить осведомленность преподавателей и студентов об инновациях и предпринимательстве, следует поощрять студентов принимать участие в различных национальных или местных конкурсах профессионального мастерства, чтобы стимулировать их энтузиазм к творчеству и развивать практический опыт в конкретных операциях.

В целом, менеджмент туризма, как очень практичная профессия, должен более чутко реагировать на реальные изменения в промышленном развитии. В современных условиях и требованиях к значению инноваций и предпринимательства, цель подготовки талантов в области менеджмента туризмом в прикладных высших учебных заведениях должна быть изменена.

Проведение реформ преподавания в различных аспектах, таких как цели обучения талантов, система учебных программ, создание учебной базы и т. д., чтобы придать новый смысл модели обучения талантов, способствуют раскрепощению сознания, реформированию обучения для удовлетворения потребностей развития талантов в новую эпоху.

Литература

1. Боголюбов В.С. Никитина О.А. Креативное решение современных проблем сферы туризма и гостеприимства: Сборник статей. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2015. 91 с.

2. Инновации в современной системе образования: подходы и решения: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зebra, 2016. 494 с.

3. Лю Баоцунь. Создание концепции обучения инновациям и предпринимательству для развития новаторского духа и практических способностей // Высшее образование Китая. 2010. № 12. С. 54 – 59.

4. Педагогика и методика преподавания в высшей школе: учебно-методическое пособие / Под ред. А.И. Артюхиной. Волгоград, 2016. 246 с.

5. Пу Мин. Исследование построения модели обучения инновационным и предпринимательским талантам в прикладных университетах // Образование для взрослых, 2012. № 6. С. 132 – 137.

6. Салиенко Н.В., Барбашова М.А. Значение лидерства и практических навыков менеджера для устойчивого развития бизнеса // Молодой ученый. 2019. № 7 (245). С. 46 – 51.

7. Ся Ханьцзюнь. Обсуждение реформы преподавания специальности «Менеджмент туризма» на уровне бакалавриата на фоне инноваций и предпринимательства // Reading Digest. 2019. № 5. P. 76 – 79.

References

1. Bogoljubov V.S. Nikitina O.A. Kreativnoe reshение sovremennyh problem sfery turizma i gostepriimstva: Sbornik statej. SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj jekonomicheskij uni-versitet, 2015. 91 s.

2. Innovacii v sovremennoj sisteme obrazovanija: podhody i reshения: Kollektivnaja monografija. Otv. red. A.Ju. Nagornova. Ul'janovsk: Zebra, 2016. 494 s.

3. Lju Baocun'. Sozdanie koncepcii obuchenija innovacijam i predprinimatel'stvu dlja razvitija novatorskogo duha i prakticheskikh sposobnostej. Vyshee obrazovanie Kitaja. 2010. № 12. S. 54 – 59.

4. Pedagogika i metodika prepodavanija v vysshej shkole: uchebno-metodicheskoe posobie. Pod red. A.I. Artjuhinoj. Volgograd, 2016. 246 s.

5. Pu Min. Issledovanie postroenija modeli obuchenija innovacionnym i predprinimatel'skim talentam v prikladnyh universitetah. Obrazovanie dlja vzroslyh, 2012. № 6. S. 132 – 137.

6. Salienco N.V., Barbashova M.A. Znachenie liderstva i prakticheskikh navykov menedzhera dlja ustojchivogo razvitija biznesa. Molodoj uchenyj. 2019. № 7 (245). S. 46 – 51.

7. Sja Han'czjun'. Obsuzhdenie reformy prepodavanija special'nosti «Menedzhment turizma» na urovne bakalavriata na fone innovacij i predprinimatel'stva. Reading Digest. 2019. № 5. P. 76 – 79.

**TEACHING THE SPECIALTY «MANAGEMENT OF TOURISM»
IN UNIVERSITIES OF APPLIED SCIENCES IN THE ASPECT OF
THE DIRECTION «INNOVATION AND ENTREPRENEURSHIP»**

*Li Yuntszyuy, Senior Lecturer,
Heihe University, China,
Zhang Lele, Assistant Professor,
Harbin University of Commerce, China*

Abstract: in recent years, the state has consistently issued a number of policy documents that outline higher requirements for innovative and entrepreneurial education in higher education institutions. With the introduction and development of the direction «Innovation and Entrepreneurship» applied bachelor's universities focused on training talented students with innovative consciousness and abilities for entrepreneurial practice. The actual problem of education development in applied universities was the integration of innovative consciousness and entrepreneurial abilities of students into the traditional teaching of tourism management. Combining the educational characteristics of the specialty «Tourism Management» contributes to the creation of practice-oriented system of teaching innovative and entrepreneurial practice courses. The purpose of the work is to analyze the training of students in the field of «Innovation and Entrepreneurship» in the direction of «Tourism Management». The author comes to the conclusion that the specialty «Tourism Management» should combine social development and professional characteristics, by which it is possible to designate clear learning objectives that contribute to the excellence of the practical learning system and practical teaching methods. In addition, the development of students' innovative awareness in the field of tourism management and entrepreneurial abilities contributes to the improvement of quality training of talented students.

Keywords: innovation and entrepreneurship, applied universities, practice-oriented learning, «Tourism Management», innovative entrepreneurship, curriculum

ВОЗМОЖНЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО ТЕХНИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ НА ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ

*Пастушенко Е.Е., доцент,
Пастушенко Е.Е., доцент, заслуженный тренер России,
Московский государственный областной университет,
Умаров М.М., кандидат технических наук, доцент,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
Балашова Е.Ю., доцент,
Наумов М.В., старший преподаватель,
Московский государственный областной университет*

Аннотация: в статье рассмотрена возможность оказания первой помощи на занятиях физической культурой в условиях дистанционного обучения. Был использован метод анализа научно-методической литературы и документальных материалов. Так же был проведен метод опроса – беседа и анкетирование. В анкетировании приняли участие 127 преподавателей – респондентов. Для отражения наиболее объективной картины анкетирование проводилось у респондентов разнонаправленных должностей (доценты, старшие преподаватели, преподаватели, инструкторы-методисты, тренеры-преподаватели, инструкторы по спорту), работающих в различных образовательных учреждениях (Вузы, колледжи, спортивные школы и др.). В опросе приняло участие 487 студентов и учащихся колледжей. В работе был применен математический метод обработки статистических данных результатов анкетирования и опроса. В расчете статистической ошибки был применен онлайн калькулятор исследовательской компании «Radar». Задачи: разработать дополнительные меры по технике безопасности на дистанционных занятиях по физической культуре. Цель, которых, снизить последствия опасных для жизни и здоровья ситуаций (потеря сознания, обморок, шок) на дистанционном обучении.

Ключевые слова: физическая культура, техника безопасности, дистанционное обучение, оказание первой помощи

Введение

В 2020 году в связи с пандемией коронавируса практически все ВУЗы Российской Федерации стали использовать дистанционные формы обучения (далее ДО). Большинство российских вузов начало использовать эту форму обучения по предмету физическая культура впервые. Хотя сама форма ДО существовала и до 2020 года. Регулируется статьей 16 Федерального закона №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. [3].

В учебных заведениях были разработаны методические материалы по технике безопасности. В том числе и по предмету физическая культура. Естественно, что соблюдение всех пунктов техники безопасности (далее ТБ) как преподавателями, так и учащимися сводит к минимуму травматизм и ухудшение самочувствия. Но, предположим, что при соблюдении всех мер по ТБ ученику (студенту, спортсмену) становится плохо во время занятия онлайн. (Обморок, шок, потеря сознания). И тут встает вопрос: «Как ему помочь?»

Проанализировав документальные материалы и научно-методическую литературу, мы пришли к выводу, что абсолютно нигде не указывается какими должны быть действия учителя, преподавателя, тренера в этой ситуации.

Рассмотрим существующие инструкции.

В каждой инструкции по ТБ есть примерно такой пункт: «Учащийся должен: при получении

травмы или ухудшении самочувствия прекратить занятия и поставить в известность родителей и учителя физкультуры» (Рыжов Е.Е.) [6]; «Во время занятий: при ухудшении самочувствия во время занятия незамедлительно прекратить его, сообщив учителю дистанционно» (Покаев А.Н., Батуев М.М.) [1, 5]. И т.п. Но дальнейшие действия преподавателя нигде не указаны. Во всех этих пунктах имеется в виду, что учащийся находится в сознании. А в нашей работе мы проводим исследование другой гипотетической ситуации. В связи с этим в нашей работе были поставлены следующие задачи: разработать дополнительные меры по технике безопасности на дистанционных занятиях по физической культуре. Цель, которых, снизить последствия опасных для жизни и здоровья ситуаций (потеря сознания, обморок, шок) на дистанционном обучении.

Организация и методы исследования

Для проведения исследования была составлена анкета под названием «Анкета. Дистанционное обучение 2020, 2021 год» (далее анкета). Анкета включала в себя следующие пункты:

1. Должность. Преподаваемая дисциплина;
2. Основной возрастной контингент учащихся: (до 18 лет), (свыше 18 лет);
3. Были ли у преподавателя на ДО данные учащихся групп (фактический адрес проживания);
4. Были у преподавателя на ДО данные учащихся групп (телефоны учащихся);

5. Были у преподавателя на ДО данные учащихся групп (телефоны родителей (опекунов) учащихся);

6. Ваши действия если срочно надо найти данные учащегося (адрес фактического проживания, телефоны родителей);

7. Предположить, сколько эти действия (п. 6) займут времени;

8. Ваши действия, если ученик во время занятия на ДО потерял сознание.

В анкетировании участвовали работники следующих учебных и спортивных учреждений: Московский государственный областной университет, г. Мытищи; Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, г. Москва; Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), г. Москва; Пущинский государственный естественно-научный институт, г. Пущино; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина; Педагогический колледж №18 Митино, г. Москва; Спортивная школа олимпийского резерва по пулевой стрельбе, г. Москва; Дворец спорта «Надежда», г.о. Серпухов. Должности, заполнявших анкету: доценты, старшие преподаватели, преподаватели, инструкторы-методисты, тренеры-преподаватели; инструкторы по спорту. Всего в исследовании приняло участие 127 преподавателей.

Результаты и их обсуждение

В опросе и анкетировании участвовало 127 человек – респондентов. Случайная ошибка выборки $\pm 8,69\%$. [2].

Из 127 респондентов 118 – дисциплина «физическая культура и спорт» (составило 96% от опрошенных), 9 – «нефизкультурные» дисциплины (составило 4% от опрошенных).

Основной возрастной контингент учащихся: ВУЗы – свыше 18 лет (ответило 102 респондента – 80%), колледж и спортшколы – до 18 лет (ответило 25 респондентов – 20%).

На пункт 3 в анкете 99% ответило «нет», 1% ответил «да».

На пункт 4 в анкете 92% ответило «да», 8% ответило «нет».

Пункт 5 – ответ имел зависимость от возрастного контингента обучающихся. Из 102 человек (работники ВУЗов, возрастной контингент свыше 18 лет) – все 100% ответило «нет». Из 25 человек (колледж спортшколы, основной возрастной контингент до 18 лет) 89% ответило «да», 11% ответило «нет». Итого 83% ответило «нет», 17% ответило «да».

На пункт 6 отвечало 99% респондентов (пункт 3) и 83% (пункт 5). Т.к. этот пункт подразумевает описание своих предполагаемых действий, ответы

были разные. Суть ответов сводилось к тому, чтобы сначала узнать у группы, которая присутствует на онлайн занятии, затем связаться с куратором группы (деканатом, замами по учебной работе и т.д.).

Предполагаемое время от 3 до 20 минут.

Вернемся к вопросу как помочь пострадавшему при потере сознания (обмороке, шоке). Если проводить аналогию с очным занятием по физической культуре, то (вкратце) преподаватель должен:

а) обеспечить безопасность пострадавшему;

б) оказать первую доврачебную помощь;

в) вызвать скорую помощь при необходимости либо доставить пострадавшего самостоятельно в медицинское учреждение.

Рассмотрим эти пункты.

Пункт «а»: ранее по тексту, гипотетически мы предположили, что техника безопасности была соблюдена и учащимися, и преподавателями.

С пунктом «б» возникают проблемы. Если пострадавший в сознании, то ему можно попытаться помочь дистанционно. Но у нас случай потери сознания. Здесь хочется отметить, что многие преподаватели в анкете указывали на то, что мы не можем на расстоянии диагностировать пострадавшему потерю сознания. Можем только предположить с той или иной степенью вероятности по внешним признакам этот диагноз. Но тем не менее, если учащийся лежит (находится в ином положении) неподвижно, не реагирует на преподавателя, на внешние раздражители, а также долгое время не появляется на экране, хотя видео и звук включены, то это все не может не насторожить преподавателя, и он должен предпринять возможные для разрешения для этой ситуации действия. Оказать доврачебную помощь в этой ситуации мы не можем.

Пункт «в». Вызов скорой помощи. Да. В этом случае, конечно, надо вызвать скорую помощь. И тут возникает самый главный вопрос. Куда её вызывать? На какой адрес? Из анкет следует, что только 1% респондентов обладал информацией о фактическом местонахождении учащихся. Проще всего связаться с родителями. Но только у 17% опрошиваемых респондентов имелись телефоны родителей. Либо они состояли в родительских чатах. И то, в соответствии с пятым пунктом анкеты, эти 17% приходится на спортшколы и колледжи, где основная возрастная категория – до 18 лет.

Далее был проведен небольшой эксперимент. По нашей просьбе эти 17% (21 респондент) обзвонили родителей, чьи телефоны имелись в наличии. Итого получилось дозвониться до 78% родителей. 22% не отвечали, либо были недоступны. После статистической обработки данных получилось, что только 13% респондентов в нашей гипотетической

ситуации смогли быстро связаться с родителями и вызвать скорую помощь. На эту ситуацию было затрачено времени 3-5 минут.

Остальные 87% респондентов, которые не знали телефоны родителей, и фактический адрес проживания, предлагали разные выходы. В обобщенном виде, это сводилось к тому, чтобы быстро опросить одноклассников* о местоположении потерпевшего, и если ответ отрицательный, то связаться с деканатами, кураторами групп, заместителями директора по учебно-воспитательной работе и т.д. И узнать информацию**.

*Для чистоты эксперимента был произведен следующий опрос. В опросе участвовало 487 студентов ВУЗов и учащихся колледжей. Только 2 студента могли сразу назвать адрес сокурсника. Это всего 0,4%. Ответ практически у 100% был отрицательный. То есть узнать адрес потерпевшего немедленно на онлайн занятии сводится практически к нулю.

**Дальше у нас и наших респондентов начинаются сплошные предположения. Предполагаем, что скорее всего эти данные находятся в договорах в личном деле учащегося. Договоры хранятся в надлежащем виде на работе [4]. Мы не забываем, что у нас рассматривается 2020, 2021 год (разгар пандемии). Все вышеуказанные лица (кураторы, заместители, деканы) тоже находятся на самоизоляции и не имеют доступ к документам. Конечно, в наш век цифровых технологий личные данные студентов скорее всего имеются в электронном виде. Допустим, это программа 1С или иная. Но мы опять же не знаем, есть ли у наших кураторов и др. лиц удаленный доступ к программе и данным студентов (учащихся). Следующее предположение заключается в том, что мы все же связались с работниками, обладающими нужной информацией. Но адрес проживания относится к персональным данным [4] и, наверное, добросовестные ответственные лица не имеют права его разглашать. Тем более по телефону.

С узнаванием телефонов родителей (опекунов) у 83 % (пункт 5 анкеты) наших респондентов тоже могут быть проблемы. Т.к. в Вузы в основном поступают совершеннолетние студенты. И договоры заключены на самих студентов, а не родителей.

Итак, исходя из всего вышеизложенного, пункт «в» - вызов скорой помощи либо откладывается на неопределенное время, либо становится невозможно его осуществить.

Какой же выход из этой ситуации? Естественно, многие преподаватели либо в анкете, прокрутив сразу в голове вышеизложенные предположения, либо потом при разборе с нами анкеты, предложили набрать 112 – служба спасения. Но у большей половины респондентов на это ушло

много времени. Какие дальнейшие действия службы спасения – нам неизвестны, но однозначно, и этой службе понадобится какое-то время, чтобы установить местонахождение пострадавшего. А время – это цена жизни и здоровья!

Заключение

При анализе данного исследования мы пришли к выводу, что необходима разработка дополнительных норм техники безопасности на дистанционном обучении.

На рассмотрение можем предложить ряд мер, которые помогут свести к минимуму вышеуказанные ситуации:

- добавить в пункт по технике безопасности: «вызвать скорую помощь при необходимости, либо доставить пострадавшего самостоятельно в медицинское учреждение», либо связаться со службой спасения;

- информировать обучающихся о необходимых мерах, которые они сами должны принимать для обеспечения техники безопасности на дистанционных занятиях;

- при проведении занятий онлайн обязать учащихся при регистрации на занятие указывать не только фамилию и имя, но и адрес своей локации в данный момент;

- с помощью предварительного опроса иметь все контакты обучающихся: фактический адрес проживания, телефоны родителей (опекунов).

Литература

1. Батуев М.М. Особенности преподавания дисциплины «Физическая культура» в условиях дистанционного обучения // Сборник методических разработок и методических идей. XII часть: [website]. 2020. URL: https://yropk.pf/library/osobennosti_prepodavaniya_disciplini_fizicheskaya_ku_142920.html (дата обращения: 02.05.2022)

2. Калькулятор ошибки выборки / Исследовательская компания «Radar» // [website]. 2020. URL: https://radar-research.ru/software/sample_error_calculator/ (дата обращения: 02.05.2022)

3. Об образовании в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ // Документы системы Гарант: [website]. URL: <https://base.garant.ru/77308190/> (дата обращения: 03.05.2022)

4. О персональных данных (с изменениями и дополнениями): Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ // Документы системы Гарант: [website]. URL: <https://base.garant.ru/12148567/> (дата обращения: 03.05.2022)

5. Покаев А.Н. Методика и организация урока физкультуры в условиях дистанционного обучения // Образовательный сайт Конспект.ru: Методические материалы для педагогов: [website]. 2020. URL: <https://koncept.ru/metodicheskaya-kopilka/obmen-opytom/4618-urok-fizkultury-v-usloviyah-distancionnogo-obucheniya.html> (дата обращения: 02.05.2022)

6. Рыжов Е.Е. Вводный инструктаж по мерам безопасности для учащихся по предмету «Физическая культура» при самостоятельном занятии дома // Техника безопасности на дистанционных уроках. Инфоурок: [website]. 2020. URL: <https://infourok.ru/tehnika-bezopasnosti-na-distancionnyh-urokah-4288205.html> (дата обращения: 03.05.2022)

References

1. Batuev M.M. Osobennosti prepodavaniya discipliny «Fizicheskaja kul'tura» v uslovijah distancionnogo obucheniya. Sbornik metodicheskikh razrabotok i metodicheskikh idej. XII chast': [website]. 2020. URL: https://urok.rf/library/osobennosti_prepodavaniya_dist_ciplini_fizicheskaja_ku_142920.html (data obrashhenija: 02.05.2022)

2. Kal'kuljator oshibki vyborki. Issledovatel'skaja kompanija «Radar». [website]. 2020. URL: https://radar-research.ru/software/sample_error_calculator/ (data obrashhenija: 02.05.2022)

3. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii (s izmenenijami i dopolnenijami): Federal'nyj zakon ot 29 dekabnja 2012 g. N 273-FZ. Dokumenty sistemy Garant: [website]. URL: <https://base.garant.ru/77308190/> (data obrashhenija: 03.05.2022)

4. O personal'nyh dannyh (s izmenenijami i dopolnenijami): Federal'nyj zakon ot 27 ijulja 2006 g. N 152-FZ. Dokumenty sistemy Garant: [website]. URL: <https://base.garant.ru/12148567/> (data obrashhenija: 03.05.2022)

5. Pokaev A.N. Metodika i organizacija uroka fizkul'tury v uslovijah distancionnogo obucheniya. Obrazovatel'nyj sajt Koncept.ru: Metodicheskie materialy dlja pedagogov: [website]. 2020. URL: <https://koncept.ru/metodicheskaya-kopilka/obmen-opytom/4618-urok-fizkultury-v-usloviyah-distancionnogo-obucheniya.html> (data obrashhenija: 02.05.2022)

6. Ryzhov E.E. Vvodnyj instruktazh po meram bezopasnosti dlja uchashhihsja po predmetu «Fizicheskaja kul'tura» pri samostojatel'nom zanjatii doma. Tehnika bezopasnosti na distancionnyh urokah. Infourok: [website]. 2020. URL: <https://infourok.ru/tehnika-bezopasnosti-na-distancionnyh-urokah-4288205.html> (data obrashhenija: 03.05.2022)

POSSIBLE ADDITIONAL SAFETY MEASURES IN PHYSICAL EDUCATION CLASSES AT DISTANCE LEARNING

Pastushenko E.E., Associate Professor,

*Pastushenko E.E., Associate Professor, Honored Coach of Russia,
Moscow Region State University,*

*Umarov M.M., Candidate of Engineering Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Bauman Moscow State Technical University,*

*Balashova E.Yu., Associate Professor,
Naumov M.V., Senior Lecturer,
Moscow Region State University*

Abstract: the article considers the possibility of first aid in physical education classes in the conditions of distance learning. The method of analysis of scientific and methodological literature and documentary materials was used. The survey method was also conducted – a conversation and a questionnaire. 127 respondent teachers took part in the survey. To reflect the most objective picture, the survey was conducted among respondents of multidirectional positions (associate professors, senior lecturers, lecturers, instructors-methodologists, trainers-teachers, sports instructors) working in various educational institutions (universities, colleges, sports schools). 487 students and college students also took part in the survey. The mathematical method of processing statistical data of the survey and survey results was used in the work. The online calculator of the research company "Radar" was used to calculate the statistical error. Tasks: to develop additional safety measures for distance physical education classes. The purpose of which is to reduce the consequences of life- and health-threatening situations (loss of consciousness, fainting, shock) in distance learning.

Keywords: physical education, safety, distance learning, first aid

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЛАВНОСТИ СВЯЗНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ДОШКОЛЬНИКОВ С ЗАИКАНИЕМ И БЕЗ РЕЧЕВЫХ НАРУШЕНИЙ

*Божкова А.А.,
Реутова А.А., ассистент,
Тюменский государственный университет,
Стрельцова М.А., логопед,
ООО «Тюменский центр логопедии и развития речи»*

Аннотация: в исследовании раскрыт подход к определению плавности отечественными учеными. Описывается процедура исследования плавности связных высказываний дошкольников с заиканием и без речевых нарушений. Нами обследовалась плавность связных высказываний на уровне фразы и текста у старших дошкольников: с заиканием и без речевых дефектов. Обследуемым предлагались серии заданий на составление предложения и текста, где наблюдался различный уровень сложности программирования высказывания. Результаты исследования показывают взаимосвязь между степенью сложности программирования высказывания и количеством, многообразием показателей расстройства плавности речи у дошкольников с заиканием и без речевых нарушений. Свидетельствуют о том что плавность речи может выступать как диагностический критерий нарушений темпо-ритмической организации речи.

Ключевые слова: плавность речи, заикание, дошкольный возраст, показатели неплавности речи, связное высказывание, темпо-ритмическая организация речи

В настоящее время вектор внимания отечественных учёных направлен на изучение онтогенеза и дизонтогенеза плавности речи (Л.З. Арутюнян, С.Р. Асланова, Л.И. Белякова, Е.А. Борисова, Т.Г. Визель, Е.А. Дьякова, В.А. Калягин, Р.Е. Левина, Е.Ю. Рау, З.А. Репина, Ю.О. Филатова)[5], [7].

«Плавность речи» определяется как качественная характеристика устной речи, а её расстройство оказывает отрицательное влияние на состояние коммуникативной функции речи дошкольников.

Отечественные ученые «плавность речи» описывают как «артикуляционный комплекс непрерывного произнесения законченного высказывания на одном речевом выдохе» [1]. А также акцентируют внимание на том, что «плавность речи» является свидетельством сформированности разных ритмических показателей речи на уровне слога, слова, фразы [6].

Изучая онтогенез становления плавности речи, Белякова Л.И., Асланова С.Р., выявили характерные для каждого возрастного периода виды неплавности речи. Так в раннем дошкольном возрасте преобладают дыхательные итерации и повторы звуков, в дошкольном детстве – неоправданное паузирование и пересмотры [1, 2].

Однако, несмотря на накопленные данные о состоянии «плавности речи» как российскими, так и зарубежными исследователями остаётся недостаточно изученным вопрос состояния плавности связных высказываний разного уровня у детей с заиканием и без нарушений речи.

С целью изучения состояния плавности связных высказываний у дошкольников с заиканием и без речевых нарушений нами было проведено экспериментальное исследование. Исследование бы-

ло проведено на базе «Ассоциации логопедов Тюменской области» города Тюмени. Нами изучалась плавность связных высказываний у старших дошкольников с заиканием и без речевых нарушений. В исследовании приняло участие два дошкольника. Для количественной и качественной оценки показателей неплавности речи у дошкольников была применена технология Вандербилдта. Серии заданий на составление связных высказываний использовались из методики В.П. Глухова «Обследование состояния связной речи детей с ОНР», которая адаптирована к цели и задачам настоящего исследования [4].

Нами обследовалась плавность связных высказываний на уровне фразы и текста у старших дошкольников: с заиканием и без речевых дефектов. Обследуемым предлагались серии заданий на составление предложения и текста, где наблюдался различный уровень сложности программирования высказывания. Для эффективной оценки показателей неплавности речи дошкольников была осуществлена запись на диктофон и последующая транскрипция их изложения. Применение графических обозначений для фиксации и дифференциации показателей нарушения плавности речи повышало результативность исследования.

Анализ плавности фразовых высказываний у заикающегося дошкольника показал наличие в предложении либо физиологического, либо патологического показателя нарушения плавности речи. Физиологический показатель представлен пересмотром слова, а патологический – повтором звука. Возникновение пересмотра слова связано с тем, что у ребёнка формируется речевой самоконтроль в самостоятельной речи. Присутствие в предложении двух запинок в виде повтора звука

обусловлено тем, что дошкольник испытывал трудности в лексико-грамматическом оформлении данного высказывания. Предложения старшего дошкольника без речевых дефектов характеризу-

ются в основном отсутствием показателей нарушения плавности речи. Речевой материал представлен в табл. 1.

Таблица 1

Плавность фразовых высказываний у дошкольников с заиканием и без

Тип задания	Речевая продукция дошкольника с заиканием	Речевая продукция дошкольника без заикания
1. Составление предложения по сюжетной картине	1. Мальчик ложкой ест кашу. 2. Женщина гладит {одежду-одежду} утюгом. 3. Девочка причёсывает волосы расчёской. 4. Д-девочка копает лопатой с-снег. 5. Дядя пилит дрова пилой. 6. Мальчик ловит рыбу удочкой.	1. Мальчик кушает суп ложкой. 2. Мама гладит утюгом новые вещи. 3. Девочка причёсывает свои волосы. 4. Девочка копает землю лопатой. 5. Папа пилит дерево металлической пилой. 6. Мальчик ловит в реке рыбу удочкой-удочкой.
2. Составление предложения по трём предметным картинкам, связанным по смыслу	1. Девочка с корзинкой собирает ягоды в лесу.	1. Девочка собирает грибы в корзинку в лесу.

Анализ плавности текстовых связных высказываний у дошкольника с заиканием показал наличие как физиологических случаев неплавности речи, так и патологических. Наибольшее количество патологических показателей зафиксировано в составленном на основе личного опыта рассказе, где прослеживается самый сложный уровень программирования изложения для говорящего. В спланированном без наглядной опоры рассказе выделяются следующие показатели расстройства плавности речи: физиологические (пересмотр слова) и патологические (повтор слога, момент заикания, повтор слова, пролонгация). Результаты анализа представлены в табл. 2.

Текстовые высказывания дошкольника без речевой патологии в основном сопровождаются физиологическими показателями нарушения плавности речи. Наибольшее число физиологических показателей, а также присутствие патологических (2 случая), отмечается в пересказе, который характеризуется высоким уровнем сложности программирования для говорящего. В пересказе дошкольника выделяются следующие показатели: физиологические (пересмотр слова, повтор фразы, междометие, пауза) и патологические (повтор слога). Результаты речевой продукции детей представлены в табл. 2.

Таблица 2

Плавность монологической речи у дошкольников с заиканием и без

Тип задания	Речевая продукция ребёнка с заиканием	Речевая продукция ребёнка без заикания
1. Составление пересказа	Мать купила детям сливы. И захотела их отдать детям после обеда. Ваня всё кружил мимо слив {и ходил – и нюхал} их всё время. Когда не было никого на кухне, он одну съел. Мать посчитала сливы и позвала отца. \ Отец ответил детям: \ «Кто съел сливу?». \ Д[е:]ти все-все сказали: «Не я». \ И \ Что, если кто-то не умеет есть сливы и съест косточку, тот умрёт через один день. Ваня п[о:]бледнел и сказа[л:]: «Нет, [я:] не ел косточку, я её выбросил в окно. {Все-а все} засмеялись, а Ваня заплакал.	Мама купила сливы, \ положила их в гостиную. Ваня очень хотел съесть одну сливу. И не удержался, {и съел-и съел её}. Ма-мама посчитала все сливы и одной не было. За обедом. Ой. Она сказала отцу, что-она сказала отцу, что одной не хватило, что одной сливы нету. За обедом отец сказал: «Дети кто из вас не ел сливу?». Вот. Все сказали: «Не я». Ваня {про-поб-покраснел}, как рак. Отец говорит: «Если вы это, просто если кто-то её съел, то это, то ес-если её кто съел с косточкой, то он на следующий день умрёт». Ваня побледнел и сказал: «Я {косточку-ой-косточку} выкинул в окно». И заплакал. Все засмеялись.

Продолжение таблицы 2

2. Составление рассказа по трём сюжетным картинкам	Заяц встретились с утками в лесу. Рядом с ней они стояли на берегу. Рядом с ними {были-была} речка. Заяц стоял на уточках, а уточки везли его. Первая утка за-за лягушкой. Заячик плюхнулся в воду. А вторая уточка тоже за-за лягушкой.	Заяц гулял по лесу и встретил уточек возле речки. Заяц играл с уточками, и залез на них. \ Уткам это не понравилось. Потом припрыгнули две лягушки. Утки поплыли за лягушками. И заяц плюхнулся в воду.
3. Составление рассказа из личного опыта	«На нашем участке в детском саду» 1. Вопрос-инструкция: «Что находится на вашем участке?» Ну корабль, (кото-кото-кото)рый стоит. Песочница, игрушки всякие. Дак-дак выше (к[о:] -ко-ко)раблика на (де-де)ревянной полочке стоят карандаши и бумажки. Качель большая, скамейка. {Две-три} скамейки. {Один-два} пня и стол. И машинка. 2. Вопрос-инструкция: «Что вы делаете на участке?» Ну к[а:]ждый з-заходит порисовать, посидеть, п[о:]-поиграть в машинки, покачаться на качели и поиграть в песочнице, и поиграть на кораблике. 3. Вопрос-инструкция: «В какую игру ты любишь играть на участке?» А прятки и догонялки вот. У меня лучше всего получается игра прятки-догонялки. Там сначала надо найти то-того человека, а потом догнать. А потом этот человек ищет.	«На нашем участке в детском саду» 1. Вопрос-инструкция: «Что находится на вашем участке?» Есть большой корабль. Ещё там стоит горка, все с неё катаются. В песочнице есть много песка. Я люблю там играть. \ На земле тоже есть много песка. \ Ещё на участке есть столик, там мы играем в игры. 2. Вопрос-инструкция: «Что вы делаете на участке?» Я играю в игры со своими друзьями: с Ромой и Костей. Мы играем в догонялки и прятки. \ Ещё мы играем в настольные игры. \ Или мы играем в дочки-матери. 3. Вопрос-инструкция: «В какую игру ты любишь играть на участке?» Я всегда играю в прятки. Я люблю в неё играть. Она самая интересная, потому что я всегда выигрываю. \ Там один человек считает до 10-ти, а остальные прячутся.
4. Составление описательного рассказа на основе наглядного материала	Слона зовут Петя. Он большой. \ Слон серый, у него есть хвост, большие уши, маленькие бивни белые и хобот. \ Он серый. \ Слон ест траву и орешки. \ Он живёт в джунглях.	Это слон. Он большой. У него есть большой длинный нос, большие уши. Он серый. \ Он живёт там, где тепло. У слона есть дети, их зовут \ слоники. Слон ест траву и пьёт воду.

Сравнение состояний плавности в различных по сложности текстовых высказываний показало, что у заикающегося дошкольника наблюдается доминирование патологических показателей в следующих видах монолога: пересказе, составленном по серии сюжетных картин рассказе и в спланированном на основе личного опыта тексте. Их

наибольшее число отмечается в составленном на основе личного опыта рассказе, где присутствует самый сложный уровень программирования текстового высказывания для дошкольника с заиканием. Соотношение показателей нарушения плавности речи в различных текстовых высказываниях представлены на рис. 1.

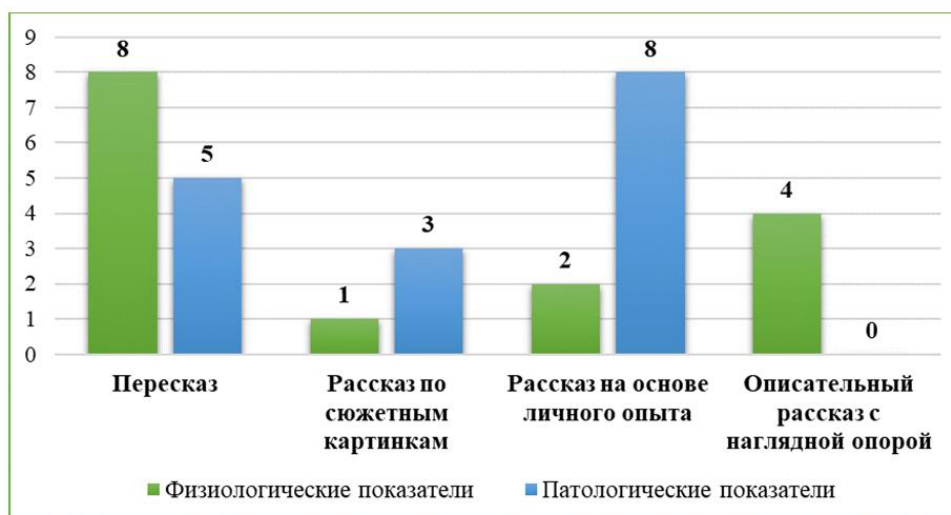

Рис. 1. Результаты количественного и качественного анализа плавности монологической речи у старшего дошкольника с заиканием

Текстовые высказывания дошкольника без речевых нарушений характеризуются в основном наличием физиологических показателей непланности речи. Наибольшее число физиологических показателей, а также присутствие патологических (2 случая), отмечается в пересказе, планирование

которого вызывает высокий уровень сложности для говорящего, который старается соответствовать исходному материалу. Соотношение показателей нарушения плавности речи в различных текстовых высказываниях представлены на рис. 2.

Рис. 2. Результаты количественного и качественного анализа плавности монологической речи у старшего дошкольника без заикания

Таким образом, плавность является ключевым показателем качества устной речи, успешного взаимодействия психофизиологической и психолингвистической программ во время реализации связанных высказываний и может выступать как диагностический критерий нарушений темпоритмической организации речи. Согласно онтогенезу речевого развития приобретению способности плавно воспроизводить предложение и текст всегда предшествует период, характеризующийся определёнными показателями непланности речи. На состояние плавности связанных высказываний дошкольников влияет не только степень сформированности координаторных механизмов между дыхательным, голосовым и артикуляционным от-

делами речевого аппарата, но и уровень сложности их программирования. Также важно различать явление гиперсензитивным фаз речевого развития и нарушение онтогенеза плавности речи у дошкольников. Самостоятельная речь заикающегося дошкольника характеризуется большим количеством и многообразием патологических показателей непланности речи, в том числе и наличием «моментов заикания». Это свидетельствует о нарушении онтогенеза плавности речи и предполагает применение методов по коррекции заикания. Текстовые связанные высказывания дошкольника без речевых дефектов предполагали лишь физиологические показатели непланности речи, преимущественно представленные паузами, кото-

рые связаны с лексико-грамматическим оформлением будущего изложения говорящего. Данное явление характеризуется особенностью протекания онтогенеза плавности речи в старшем дошкольном возрасте.

Литература

1. Асланова С.Р. Показатели неплавности речи у детей дошкольного возраста как фактор риска заикания: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2001. 140 с.
2. Белякова Л.И., Дьякова Е.А. Логопедия: Заикание: учеб. пособие для студ. учрежд. высш. проф. образования. Москва: Издательский центр «Академия», 2012. 224 с.
3. Борисова Е.А. Формирование плавности речи как качественной характеристики устного высказывания детей дошкольного возраста с заиканием // Образование и наука. 2014. № 9 (118). С. 130 – 142.
4. Глухов В.П. Методика формирования связанной речи детей дошкольного возраста с системным речевым недоразвитием: учебно-методическое пособие. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2017. 232 с.
5. Репина З.А., Борисова Е.А. Особенности речевого развития детей старшего дошкольного возраста с заиканием // Специальное образование, 2009. № 3. С. 67 – 73.
6. Филатова Ю.О. Речевые и моторные ритмические процессы и модель их развития у детей с нарушениями речи: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2014. 310 с.
7. Филатова Ю.О., Аксенова А.О. Отечественные и зарубежные подходы к изучению плавности

речи и ее нарушений у детей дошкольного возраста // Современное дошкольное образование; Теория и практика, 2021. № 5 (107). С. 62 – 69.

References

1. Aslanova S.R. Pokazateli neplavnosti rechi u detej doshkol'nogo vozrasta kak faktor riska zaikanija: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Moskva, 2001. 140 s.
2. Beljakova L.I., D'jakova E.A. Logopedija: Zaikanie: ucheb. posobie dlja stud. uchrezhd. vyssh. prof. obrazovanija. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademija», 2012. 224 s.
3. Borisova E.A. Formirovanie plavnosti rechi kak kachestvennoj harakteristiki ustnogo vyskazyvanija detej doshkol'nogo vozrasta s zaikaniem. Obrazovanie i nauka. 2014. № 9 (118). S. 130 – 142.
4. Gluhov V.P. Metodika formirovanija svjaznoj rechi detej doshkol'nogo vozrasta s sistemnym rechevym nedorazvitiem: uchebno-metodicheskoe posobie. Moskva: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2017. 232 s.
5. Repina Z.A., Borisova E.A. Osobennosti rechevogo razvitija detej starshego doshkol'nogo vozrasta s zaikaniem. Special'noe obrazovanie, 2009. № 3. S. 67 – 73.
6. Filatova Ju.O. Rechevye i motornye ritmicheskie processy i model' ih razvitija u detej s narushenijami rechi: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Moskva, 2014. 310 s.
7. Filatova Ju.O., Aksenova A.O. Otechestvennye i zarubezhnye podhody k izucheniju plavnosti rechi i ee narushenij u detej doshkol'nogo vozrasta. Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie; Teorija i praktika, 2021. № 5 (107). S. 62 – 69.

AN ANALYSIS OF THE FLUENCY OF PRESCHOOL-AGE CHILDREN WITH STUTTERING AND WITHOUT SPEECH DISORDER

*Bozhkova A.A.,
Reutova A.A., Assistant Professor,
University of Tyumen,
Streltsova M.A., Speech Pathologist,
LLC “Tyumen Center Speech Therapy and Speech Development”*

Abstract: this study aimed to identify the approaches to the definition of speech fluency employed by Russian scientists. The goals of the present study were to investigate the procedure for studying the fluency of coherent utterances of preschool children who do and do not stutter. We examined the fluency of coherent utterances at the level of phrase and text in preschoolers with stuttering and without speech disorders. The participated children were offered a series of tasks for compiling a sentence and a text, where a different level of complexity of programming an utterance. Results indicated relationship between the degree of complexity of utterance programming and the number and variety of indicators of fluency disorders in preschoolers with and without stuttering. Findings also indicated that the fluency of speech can act as a diagnostic criterion of the tempo-rhythmic organization of speech disorders.

Keywords: speech fluency, stuttering, preschool age, fluency indicators, coherent utterance, tempo-rhythmic organization of speech

АДАПТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

*Журавлёва Ю.И., кандидат педагогических наук, доцент,
Ярошенко Е.В., кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
Пятигорский медицинский фармацевтический институт,
филиал Волгоградского государственного медицинского университета,
Астахова М.В., доцент,*

Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки

Аннотация: в статье представлены итоги исследования, целью которого стала проверка результативности воздействия *адаптивной технологии*, которая была направлена на повышение физической активности учащейся молодежи. В ходе планирования и организации исследования, проводимого с целью подтверждения выдвинутой гипотезы исследования, согласно которой адаптивная технология, выстроенная на основе нелинейного подхода, позволяющего учитывать интервенции всех компонентов, способна положительно отражаться на траектории физической активности студентов.

В исследовании были использованы *следующие методы*: педагогическое наблюдение, тестирование, анализ и статистическая обработка материала. Исследование проходило в течение 3 месяцев, в котором приняли участие студенты Пятигорского медико-фармацевтического института – филиала Волгоградского государственного медицинского университета очного обучения в количестве 60 человек, распределенных на две группы – контрольную и экспериментальную в возрасте $19 \pm 0,8$ лет. Полученные данные в процессе внедрения адаптивной технологии, позволяют учитывать ряд характеристик поведения каждого занимающегося, путем установления адаптированных целей к индивидуальным характеристикам студента. Результаты позволяют констатировать подтверждение выдвинутой гипотезы исследования. Материалы исследования могут быть полезны для специалистов, занятых поиском наиболее оптимальных путей разрешения проблемы повышения физической активности граждан любой возрастной категории.

Ключевые слова: адаптивная технология, студенты, нелинейный подход, траектория физической активности, поведенческие показатели, индивидуальные характеристики

Введение

Изучив рекомендации специалистов в области физической культуры [4, с. 92], в соответствии с которыми можно определить минимальные значения показателей (продолжительность, интенсивность и др.) [15, с. 386], характеризующих физическую активность человека с целью сохранения здоровья [1, 2, 5, 6, 7, 9, 16].

Неразрешенная до настоящего времени актуальная проблема сохранения здоровья многоспектральна (экологический, экономический, социальный, культурный и др. аттракторы) [10, 11, 17, 18], в виду чего требует интеграционного подхода.

На наш взгляд, *адаптивные технологии* в области физической культуры способны существенно повлиять на разрешение вышеназванной проблемы, в частности, среди *учащейся молодёжи*, так как в своей основе содержат механизмы стимулирования инициации одной из переменных – *поведение* индивидуума [14, с. 465]. В ходе настоящего исследования была выдвинута гипотеза, что *адаптивная технология*, выстроенная на основе *нелинейного подхода*, позволяющая учитывать интервенции всех компонентов, определяющих *поведение человека* (мотивации, способности, потребности, физическое развитие и т.д.), способна положительно отразиться на траекторию физической активности занимающегося, так как потенциально повышает его предрасположенность к ней в виду

максимальной совместимости с *индивидуальными характеристиками* человека [8, 12, 13, 19].

Цель исследования – проверка эффективности *авторской адаптивной технологии*, направленной на повышение физической активности студентов.

Материалы и методы. В ходе планирования и организации настоящего исследования были использованы следующие методы: 1) педагогическое наблюдение; 2) педагогический эксперимент; 3) тестирование; 4) анализ и статистическая обработка экспериментального материала.

В исследовании, проходившем с сентября по ноябрь включительно, приняли участие студенты Пятигорского медико-фармацевтического института – филиала Волгоградского государственного медицинского университета очного обучения в количестве 60 человек, распределенных на две группы: контрольная группа (КГ, $n=30$ студентов) и экспериментальная группа (ЭГ, $n=30$ студентов) в возрасте $19 \pm 0,8$ лет. Изменения *поведенческих показателей* фиксировались на основе *процентилей* на констатирующем этапе и формирующем этапе опытно-экспериментальной части исследования.

Результаты

Опираясь на назначения Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), оптимальным количеством шагов для студентов, участвующих в пе-

дагогическом эксперименте является 10000 в день [3, с. 55].

В качестве конечной, долгосрочной цели, предлагаемой всем участникам педагогического эксперимента, являлось выполнение 10000 шагов в день. Ходьба, как форма проявления физической активности, была выбрана по причине её распространенности, легкости и безопасности для здоровья. Студентам КГ рекомендовалось ежедневное выполнение 10000 шагов, а для студентов ЭГ каждый день устанавливались новые цели в показателях физической активности (количестве шагов в день – шагов/день), адаптированные посредством процентильного рангового алгоритма [11, с. 327-331].

За 9 дней было получено: 1000, 1500, 2600, 4500, 5000, 5700, 6300, 8000, 11000 шагов/день, при этом 60-й перцентиль составил 5700 шагов/день, который становится целью 10-го дня [19].

В данном исследовании была осуществлена проверка эффективности *адаптивной технологии*, направленной на повышение физической активности студенческой молодежи [17].

Согласно ранее представленной информации, раскрывающей *организационные основы* построения *опытно-экспериментальной части* исследования, *педагогический эксперимент* реализовывался в группах студентов 1,3,5 курсов. В данной части исследования отображены основные результаты, полученные в ходе реализации всех этапов педагогического эксперимента. Первоначально, остановимся на рассмотрении результатов, отражающих изменения, зафиксированные нами в уровнях развития ведущих компонентов физической культуры студентов 1-го курса (*начальный этап профессиональной подготовки*), 3-го курса (*окончание прохождения базового этапа профессиональной подготовки*) и 5-го курса (*окончание этапа профессиональной подготовки*).

Произведенные нами посредством статистических методов расчеты данных, продемонстрировали изменения в уровнях *мотивации* студентов контрольной группы (КГ) и экспериментальной группы (ЭГ) в ходе реализации всех этапов педагогического эксперимента. Динамика, выстроенная согласно фиксируемому в ходе педагогического эксперимента значению, позволяет констатировать:

1) незначительность произошедших в ходе педагогического эксперимента изменений исследуемого показателя у студентов КГ, что свидетельствует о несущественности влияния подготовки в процессе реализации традиционно использу-

емых образовательных программ на формирование интереса к физической подготовке.

2) значимое положительное влияние содержания экспериментальной системы физической подготовки студентов ЭГ на мотивационную сферу, в частности:

– рост количества студентов, демонстрирующих сформированность высокого уровня познавательного интереса, проявляемого ими к физической подготовке: 1 курс – 22,0%; 3 курс – 25,0%; 5 курс – 27,5%. На данном этапе происходит рост численности мотивированных студентов для физического совершенствования;

– рост числа студентов ЭГ, демонстрирующих высокий уровень сформированности мотивации к занятиям с использованием средств физической культуры: 1 курс – 43,8%; 3 курс – 47,5%; 5 курс – 52,5%;

– рост числа студентов ЭГ, обладающих высоким уровнем сформированности мотивации к занятиям физической подготовкой и познавательным устремлениям: 1 курс – 65,8%, 3 курс – 72,5%, 5 курс – 80,3%.

Представленные данные позволяют нам сделать вывод о высокой эффективности разработанной нами *адаптивной технологии*.

Произведенные нами посредством статистических методов расчеты данных, продемонстрировали изменения в уровнях мотивации студентов КГ и ЭГ в ходе реализации всех этапов педагогического эксперимента к совершенствованию организма студента в физической подготовке.

Динамика показателей мотивации к физической подготовке студентов, выстроенная согласно фиксируемому в ходе педагогического эксперимента значению, позволяет произвести оценку авторской технологии на основе следующих экспериментально подтвержденных фактов:

1) незначительными изменениями в показателях сформированности мотивации к занятиям по физической подготовке студентов КГ вне зависимости от стажа их обучения в вузе позволяет констатировать недостаточность влияния традиционно применяемой в вузах программы физической подготовки;

2) потенциально высокими возможностями экспериментальной системы в формировании мотивации к занятиям по физической культуре студентов на основании следующих фактов:

– ростом количества студентов ЭГ, обладающих высоким уровнем сформированности мотивации к занятиям: 1 курс – 56,1%, 3 курс – 52,5%, 5 курс – 55,0% (1 блок);

– ростом численности студентов ЭГ, имеющей высокий уровень (социальной значимости) сформированности мотивации, основанной на осознан-

ном познавательном интересе к занятиям по физической подготовке: 1 курс – 80,5%, 3 курс – 80,0%, 5 курс – 82,5% (2 блок);

– ростом количества студентов ЭГ, демонстрирующих высокий уровень сформированности мотивации к занятиям по физической подготовке, базирующейся на познавательном интересе: 1 курс – 24,4%, 3 курс – 27,5%, 5 курс – 27,5% (3 блок).

Таким образом, опираясь на данные, свидетельствующие о положительной динамике показателей мотивированных студентов ЭГ, можно говорить об эффективности разработанной нами экспериментальной *адаптивной технологии*.

В ходе анализа данных были получены результаты, характеризующие уровень *физической подготовленности* студентов, свидетельствующие о высокой эффективности экспериментальной *адаптивной технологии*, внедренной в программу занятий со студентами ЭГ.

Согласно результатам анализа динамики интегральных и суммарных показателей, можно сделать следующие частные выводы:

1) значительные преимущества студентов ЭГ по сравнению с исследованными показателями студентов КГ по ряду характеристик, в частности:

– у студентов 1 курса ЭГ значительно выше показатели, характеризующие динамическую выносливость ($P < 0,001$), статическую выносливость ($P < 0,01$), статическое равновесие ($P < 0,001$), скоростно-силовые способности ($P < 0,01$), что в совокупности позволило существенно возрасти суммарному показателю ($P < 0,01$);

– у студентов 3 курса ЭГ значительно выше показатели, характеризующие динамическую выносливость ($P < 0,05$), статическую выносливость ($P < 0,05$), скоростно-силовые способности ($P < 0,001$), гибкость ($P < 0,05$), что в совокупности позволило существенно возрасти суммарному показателю ($P < 0,05$);

– у студентов 5 курса ЭГ значительно выше показатели, характеризующие максимальную мышечную силу ($P < 0,01$), динамическую выносливость ($P < 0,001$), статическую выносливость ($P < 0,01$), динамическое равновесие ($P < 0,05$), статическое равновесие ($P < 0,01$), скоростно-силовые способности ($P < 0,001$), гибкость ($P < 0,001$), что в совокупности позволило существенно возрасти суммарному показателю ($P < 0,01$);

2) достоверные изменения, зафиксированные между показателями внутри каждой группы:

– у студентов 1 курса КГ групп в показателях максимальной мышечной силы ($P < 0,05$), динамической выносливости ($P < 0,01$), статической выносливости ($P < 0,001$), динамическом равновесии ($P < 0,05$), статическом равновесии ($P < 0,01$), скоростно-силовых качеств ($P < 0,01$);

– у студентов 3 курса КГ групп достоверных изменений в исследуемых показателях не выявлено;

– у студентов 5 курса КГ групп достоверных изменений в исследуемых показателях не выявлено, однако зафиксировано снижение значения гибкости.

Процентные соотношения достоверно изменившихся параметров физической подготовленности студентов КГ и ЭГ, позволяют нам сделать вывод о наличии некоторых преимуществ у студентов ЭГ групп перед студентами КГ групп, в частности:

– у студентов 1 курса ЭГ на уровне $P < 0,001$ отмечены изменения в 87,5% исследуемых характеристик, в то время как в КГ изменения на уровне $P < 0,001$ зафиксированы только 12,5%;

– у студентов 3 курса ЭГ на уровне $P > 0,05$ изменения произошли в 12,5% характеристик, а в КГ 100%;

– у студентов 5 курса на уровне $P > 0,05$ зафиксированы изменения в 50% характеристик, в КГ 75,0%, более того, в 25,0% – $P < 0,05$.

Значения показателей, полученных в ходе реализации основного педагогического эксперимента, позволяют сделать следующие выводы:

1) во всех ЭГ зафиксированы ряд преимуществ в показателях, характеризующих уровень физической подготовленности студентов, что, естественно, положительно отразилось на динамике темпа прироста исследуемых характеристик по сравнению с теми же параметрами студентов КГ;

2) у студентов КГ были выявлены отрицательные значения темпов прироста по таким показателям, как гибкость, максимальная мышечная сила, динамическая и статическая выносливость, динамическое и статическое равновесие, что обусловило снижение значения суммарного показателя;

3) отмечен высокий темп прироста суммарных значений показателей физической подготовленности у студентов ЭГ по сравнению со студентами КГ:

1 курс: ЭГ – 252,4%, КГ – 116,8%;

3 курс: ЭГ – 128,4%, КГ – 33,4%;

5 курс: ЭГ – 107,1%, КГ – (-52,1%);

4) представленные значения и их анализ в целом позволяют говорить о низкой эффективности традиционно организованного процесса физической подготовки студентов.

Для облегчения процедуры мониторинга уровня сформированности всех исследуемых показателей, они были приведены к пяти уровням их развития: высокий, выше среднего, средний, ниже среднего, низкий.

Представленные исследования результаты позволяют сделать вывод о наличии достоверных взаимосвязей между всеми исследуемыми компонентами у студентов 1, 3 и 5 курсов (1 курс – $r=0,380$, $P < 0,05$; 3 курс – $r = 0,401$, $P < 0,05$; 6 курс – $r = 0,437$, $P < 0,01$).

Таким образом, выявленное повышение абсолютных значений коэффициентов корреляции, посредством которых характеризуется уровень взаимосвязи между исследуемыми показателями студентов, позволяет нам сделать вывод о высокой эффективности экспериментальной *адаптивной технологии*, разработанной и апробированной в ходе вышеописанного педагогического эксперимента.

Выводы

Проанализировав полученные данные, можно сделать выводы о том, что разработанная нами экспериментальной *адаптивной технологии* организации физической активности учащейся молодежи, выстроенная путем установления ежедневных целей посредством ранжирования количества шагов/день, эффективнее традиционно используемой.

Литература

1. Байгирева Г.У., Алекберов Р.И. Современное представление о технологиях адаптивной физической культуры // Воспитательно-патриотическая спортивная деятельность в вузах: решение актуальных проблем: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. С.И. Хромина. Тюмень: ТИУ, 2019. С. 21 – 25.

2. Власова В.П. Возможности БОС-технологий в адаптивном физическом воспитании и реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья // Теория и практика физической культуры. 2016. № 8. С. 32 – 34.

3. Голикова Е.М. Технология социального развития студентов в системе адаптивного физического воспитания // Вестник Академии энциклопедических наук. 2018. № 4 (33). С. 51 – 56.

4. Дворников Б.Г. Проблемы и перспективы развития инклюзивного образования в адаптивном спорте // Экстрабилити как феномен инклюзивной культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 12 декабря 2018 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2019. С. 86 – 92.

5. Деобальд Н.В. Особенности применения современных оздоровительных технологий в подготовке специалистов по адаптивной физической культуре // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2010. № 1 (1). С. 48 – 51.

6. Масликов А.А., Зибров В.Н. Внедрение новых здоровьесберегающих технологий в адаптивное физическое воспитание // Олимпизм: истоки, традиции и современность: Сборник научных статей Всероссийской с международным участием очно-заочной научно-практической конференции, Воронеж, 30 ноября 2015 года. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015. С. 312 – 317.

7. Наскалов В.М. Педагогические технологии адаптации организма студентов к требованиям избранной специальности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (132). С. 143 – 147.

8. Свечкарев В.Г., Ломакина Е.Д., Поляков С.В., Семенцов М.В. Обоснование педагогической технологии физического воспитания, базирующейся на использовании искусственной среды адаптивного воздействия // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2004. № 3. С. 23 – 26.

9. Казин Э.М., Айдаркин Е.К., Касаткина Н.Э. и др. Социально-педагогические и психолого-физиологические подходы к сохранению и укреплению здоровья в системе образования. (Сообщение 3) // Валеология. 2012. № 4. С. 13 – 24.

10. Федякина Л.К., Кортава Ж.Г., Скорик Н.В. Технология адаптивного физического воспитания студентов на занятиях физической культурой в вузе // Символ науки: международный научный журнал. 2015. № 11-2. С. 167 – 170.

11. Ханжиева А.Я. Особенности адаптивного физического воспитания детей и подростков в Республике Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3, Педагогика и психология. 2009. № 3. С. 327 – 331.

12. Шмелева Е.А., Кисляков П.А. Инновационные технологии в адаптивном физическом воспитании // Инновационные технологии в спорте и физическом воспитании подрастающего поколения: Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, Москва, 20 апреля 2017 года / Общая ред. А.Э. Страдзе, Редколлегия: В.Г. Никитушкин, Г.Н. Германов, И.И. Столов. Москва: Педагогический институт физической культуры и спорта, 2017. С. 466 – 467.

13. Эльгайтаров А.А., Енокаева С.С., Батчаева К.Х.Д., Петьков В.А. Принципы проектирования и условия реализации образовательных технологий в адаптивной физической культуре студентов вузов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 10 (176). С. 386 – 389.

14. Brown H.E., Whittle F., Jong S.T., Croxson C., Sharp S.J., Wilkinson P. et al. A cluster randomized controlled trial to evaluate the effectiveness and cost-effectiveness of the Go Active intervention to increase physical activity among 13-14-year-old adolescents. *BMJ Open* 2017; 7: e014419. doi:10.1136/bmjopen-2016-014419

15. Larsson I., Staland-Nyman C., Svedberg P., Nygren J.M., Carlsson I.M. Children and young people's participation in developing interventions in health and well-being: a scoping review. *BMC Health Serv Res* doi:10.1186/s12913-018-3219-2

16. Martin R, Murtagh E.M. Effect of active lessons on physical activity, academic, and health outcomes: a systematic review // *Res Q Exerc Sport*. 2017. № 88. P. 149 – 168.

17. Owen M.B., Kerner C., Taylor S.L, Noonan R.J, Newson L, Kosteli M.C. et al. The feasibility of a novel school peer-led mentoring model to improve the physical activity levels and sedentary time of adolescent girls: the girls peer activity (G-PACT) project. *Children (Basel)* 2018; doi:10.3390/children5060067

18. Sebire S.J., Banfield K., Campbell R., Edwards M.J., Kipping R., Kadir B. et al. Development and feasibility cluster randomized controlled trial of a Peer-Led physical Activity intervention for Adolescent girls (PLAN-A). Available at: <https://www.journalslibrary.nihr.ac.uk/programs/phr/>

19. Watson A., Timperio A., Brown H., Best K., Hesketh K.D. Effect of classroom-based physical activity interventions on academic and physical activity outcomes: a systematic review and meta-analysis // *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2017. № 14. P. 114. doi:10.1186/s12966-017-0569-9

References

1. Bajgireeva G.U., Alekberov R.I. Sovremennoe predstavlenie o tehnologijah adaptivnoj fizicheskoj kul'tury. *Vospitatel'no-patrioticheskaja sportivnaja dejatel'nost' v vuzah: reshenie aktual'nyh problem: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii*. otv. red. S.I. Hromina. Tjumen': TIU, 2019. S. 21 – 25.

2. Vlasova V.P. Vozmozhnosti BOS-tehnologij v adaptivnom fizicheskom vospitanii i rehabilitacii detej s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja. *Teorija i praktika fizicheskoj kul'tury*. 2016. № 8. S. 32 – 34.

3. Golikova E.M. Tehnologija social'nogo razvitiya studentov v sisteme adaptivnogo fizicheskogo vospit-

tanija. *Vestnik Akademii jenciklopedicheskikh nauk*. 2018. № 4 (33). S. 51 – 56.

4. Dvornikov B.G. Problemy i perspektivy razvitiya inkluzivnogo obrazovanija v adaptivnom sporte. *Jekstrabiliti kak fenomen inkluzivnoj kul'tury: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*, Ekaterinburg, 12 dekabrja 2018 goda. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii, Ural'skij federal'nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina. Ekaterinburg: Ural'skij federal'nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina, 2019. S. 86 – 92.

5. Deobal'd N.V. Osobennosti primenenija sovremennyh ozdorovitel'nyh tehnologij v podgotovke specialistov po adaptivnoj fizicheskoj kul'ture. *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika, psihologija*. 2010. № 1 (1). S. 48 – 51.

6. Maslikov A.A., Zibrov V.N. Vnedrenie novyh zdorov'esberegajushchih tehnologij v adaptivnoe fizicheskoe vospitanie. *Olimpizm: istoki, tradicii i sovremennost': Sbornik nauchnyh statej Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem ochno-zaochnoj nauchno-prakticheskoi konferencii*, Voronezh, 30 nojabrja 2015 goda. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaja kniga», 2015. S. 312 – 317.

7. Naskalov V.M. Pedagogicheskie tehnologii adaptacii organizma studentov k trebovanijam izbrannoj special'nosti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013. № 4 (132). S. 143 – 147.

8. Svechkarov V.G., Lomakina E.D., Poljakov S.V., Semencov M.V. Obosnovanie pedagogicheskoi tehnologii fizicheskogo vospitanija, bazirujushhejsja na ispol'zovanii iskusstvennoj sredy adaptivnogo vozdejstvija. *Fizicheskaja kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 2004. № 3. S. 23 – 26.

9. Kazin Je.M., Ajdarkin E.K., Kasatkina N.Je. i dr. *Social'no-pedagogicheskie i psihologofiziologicheskie podhody k sohraneniu i ukrepleniju zdorov'ja v sisteme obrazovanija*. (Soobshhenie 3). *Valeologija*. 2012. № 4. S. 13 – 24.

10. Fedjakina L.K., Kortava Zh.G., Skorik N.V. Tehnologija adaptivnogo fizicheskogo vospitanija studentov na zanjatijah fizicheskoj kul'turoj v vuze. *Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal*. 2015. № 11-2. S. 167 – 170.

11. Hanzhieva A.Ja. Osobennosti adaptivnogo fizicheskogo vospitanija detej i podrostkov v Respublike Adygeja. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3, Pedagogika i psihologija*. 2009. № 3. S. 327 – 331.

12. Shmeleva E.A., Kisljakov P.A. Innovacionnye tehnologii v adaptivnom fizicheskom vospitanii. Innovacionnye tehnologii v sporte i fizicheskom vospitanii podrastajushhego pokolenija: Materialy VII mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 20 aprelja 2017 goda. Obshhaja red. A.Je. Stradze, Redkollegija: V.G. Nikitushkin, G.N. Germanov, I.I. Stolov. Moskva: Pedagogicheskij institut fizicheskoj kul'tury i sporta, 2017. S. 466 – 467.

13. Jel'gajtarov A.A., Enokaeva S.S., Batchaeva K.H.D., Pet'kov V.A. Principy proektirovanija i uslovija realizacii obrazovatel'nyh tehnologij v adaptivnoj fizicheskoj kul'ture studentov vuzov. Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2019. № 10 (176). S. 386 – 389.

14. Brown H.E., Whittle F., Jong S.T., Croxson C., Sharp S.J., Wilkinson P. et al. A cluster randomized controlled trial to evaluate the effectiveness and cost-effectiveness of the Go Active intervention to increase physical activity among 13-14-year-old adolescents. *BMJ Open* 2017; 7: e014419. doi:10.1136/bmjopen-2016-014419

15. Larsson I., Staland-Nyman C., Svedberg P., Nygren J.M., Carlsson I.M. Children and young peo-

ple's participation in developing interventions in health and well-being: a scoping review. *BMC Health Serv Res* doi:10.1186/s12913-018-3219-2

16. Martin R, Murtagh E.M. Effect of active lessons on physical activity, academic, and health outcomes: a systematic review. *Res Q Exerc Sport*. 2017. № 88. P. 149 – 168.

17. Owen M.B., Kerner C., Taylor S.L, Noonan R.J, Newson L, Kosteli M.C. et al. The feasibility of a novel school peer-led mentoring model to improve the physical activity levels and sedentary time of adolescent girls: the girls peer activity (G-PACT) project. *Children (Basel)* 2018; doi:10.3390/children5060067

18. Sebire S.J., Banfield K., Campbell R., Edwards M.J., Kipping R., Kadir B. et al. Development and feasibility cluster randomized controlled trial of a Peer-Led physical Activity intervention for Adolescent girls (PLAN-A). Available at: <https://www.journalslibrary.nihr.ac.uk/programs/phr/>

19. Watson A., Timperio A., Brown H., Best K., Hesketh K.D. Effect of classroom-based physical activity interventions on academic and physical activity outcomes: a systematic review and meta-analysis. *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2017. № 14. P. 114. doi:10.1186/s12966-017-0569-9

ADAPTIVE TECHNOLOGY FOR INCREASING PHYSICAL ACTIVITY OF STUDENTS

*Zhuravleva Yu.I., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yaroshenko E.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Pyatigorsk Medical Pharmaceutical Institute, branch of the Volga State Medical University,
Astakhova M.V., Associate Professor,
Stavropol State Pedagogical Institute in Essentuki*

Abstract: the article presents the results of a study aimed at verifying the effectiveness of the impact of adaptive technology, which was aimed at increasing the physical activity of students. In the course of planning and organizing a study conducted in order to confirm the proposed hypothesis of the study, according to which adaptive technology, built on the basis of a nonlinear approach that allows taking into account the interventions of all components, is able to positively affect the trajectory of physical activity of students.

The following methods were used in the study: pedagogical observation, testing, analysis and statistical processing of the material. The study was conducted for 3 months, which was attended by students of the Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute – a branch of the Volgograd State Medical University of full-time study in the number of 60 people, divided into two groups: control and experimental at the age of 19±0,8 years. The data obtained in the process of implementing adaptive technology allow us to take into account a number of characteristics of the behavior of each student by setting adapted goals to the individual characteristics of the student. The results allow us to state the confirmation of the proposed hypothesis of the study. The research materials can be useful for specialists engaged in the search for the most optimal ways to solve the problem of increasing physical activity of citizens of any age category.

Keywords: adaptive technology, students, nonlinear approach, trajectory of physical activity, behavioral indicators, individual characteristics

СИНЕРГЕТИКА ОБРАЗОВАНИЯ «СИНЕПЕДАГОГИКА»

**Заманова М.А., доктор философии по педагогике, доцент,
Азербайджанский государственный педагогический университет, Азербайджан**

Аннотация: в научной статье рассмотрены актуальные проблемы синергетического подхода к образованию, была подчеркнута важность проведения диагностического оценивания. В статье анализируются ряд компетенций, которыми должны преобладать наши передовые преподаватели и учителя. Изучаемая проблема в научной статье была разделена на 4 этапа, были использованы интерактивные (наблюдения, анкетирования и интервью) и инновационные методы (кейс-стади, тематические обсуждения, тренинги). В научном исследовании показан синергетический подход к обучению, основанный на установленных принципах, были установлены выполнение нескольких задач для решения проблемы.

XXI век позволяет наполнить синергетический подход к образованию очень интересным и захватывающим содержанием, чтобы определить направление развития человеческого мышления. Синергетический подход к образованию предполагает учет единства общих проблем разных дисциплин через преподаваемые предметы.

Синергетический подход к образованию совершает переходы с микроуровня на системный уровень, т.е. на системный уровень, т.е. на макроуровень или наоборот, которые включают в себя тесно взаимосвязанные аспекты единого процесса. Принимая во внимание свойства элементов, их природу или какие-либо их специфические качества, необходимо говорить об общем измерении, принятом для сравнения многих сходств однотипных элементов.

Ключевые слова: синергетика, интеграция, инновационные методы, синепедагогика и воспитание, мониторинг результатов, дифференциация наук, оценивание

Среди актуальных проблем последнего времени на первый план вышел синергетический подход к образованию. Это связано с необходимостью интеграции наук, развития интеллектуальной самостоятельности и творческого воображения выдающихся личностей. Синергетика, наряду с формированием основной линии научного познания, обуславливает необходимость создания новой модели мыслительных операций. Синергетика образования дает возможность уточнить его методологию. Правильное определение методики стимулирует изучение изучаемой проблемы. Синергетика образования может быть обобщена как «Синепедагогика». Эта идея возникает из-за того, что синергетический подход к образованию облегчает определение его структуры, помогает построить систему науки, вызывает необходимость осмысления проблемы.

Исследование считает целесообразным использование современных методов и технологий при изучении изучаемой проблемы. Их условно можно объединить в три группы:

- I группа – наблюдения, беседы и дискуссии, изучение продуктов деятельности, определение естественных результатов;

- II группа – анкеты, тесты, интервью;

- III группа – эксперименты.

Руководствуясь этими методами в исследованиях, мы считаем целесообразным использовать соответствующие технологии их применения. Ответы на вопросы, которые мы задали 64 учителям начальных классов, участвовавшим в исследовании, позволили сформулировать их методику с точки зрения изучения проблемы в классах, к которым они относятся. Для этого считалось необ-

ходимым сгруппировать работу над изучаемой проблемой в четыре этапа:

- Прежде всего определить место проблемы в литературе и провести по ней соответствующее исследование, обобщить полученную информацию. Для этого используют методы наблюдения, интервью, анкетирования и интервью;

- Определить классы для эксперимента с точки зрения выявленной нами методологии;

- Считают необходимым проверить методологию, использованную в исследовании, с точки зрения результатов.

Исследования показывают, что синергетический подход к обучению, основанный на установленных принципах, считает целесообразным выполнение следующих задач для решения проблемы:

1. Просветить учителей начальных классов по проблеме выполнения задач обучения на основе управленческих технологий;

2. Определить ценность результата, который должен быть достигнут в установленные сроки, держать в повестке дня преемственность синергетического подхода к обучению с учетом развивающей функции обучения;

3. Создать условия для участия учителей начальных классов в обмене идеями;

4. Стимулировать сотрудничество между классными руководителями.

Синергетический подход к образованию предназначен для системного изучения с теоретико-методологической точки зрения в современной синепедагогике. Синепедагогика раскрывает гнессиологическое поле синергетического подхода к воспитанию, умение творчески работать, мыслить,

радость творчества, рост творческого потенциала коллектива, формирование мировоззрения, способов и средств его использования. Синепедагогика рассматривает образование, как динамическую систему и раскрывает ее методологическое направление. Он рассматривает образование, как систему нетрадиционных факторов, а не традиционных. Синергетические прогнозы нетрадиционны с точки зрения актуализации всех аспектов образования. Синергетический подход к образованию

гарантирует систематичность, последовательность, эффективность и качество преподаваемого. Принимая это во внимание, мы посчитали целесообразным разработать программу синепедагогике, которая определит важность синергетического подхода к процессу обучения. Цель состоит в том, чтобы объяснить содержание синергетики образования и определить ее значение. Посмотрим на содержание программы:

Таблица 1

Синергетика образования

Темы	Изучаемые темы
1. Концепция синергетики образования и ее сущность	Наука синергетика и ее сущность. Словарь синергетики. Важность синергетического подхода к образованию
2. История и развитие синергетики образования	Древние педагогические идеи: взгляды Демокрита, Платона, Зенона, Аристотеля на синергетику и их роль в нашем образовании. Образовательная синергетика новой эры
3. Место синергетического подхода к образованию в педагогической, психологической, методической литературе	Место синергетического подхода к образованию в азербайджанской психологической литературе. Педагогическое значение синепедагогике. Проблема синергетики образования в методической литературе. Проблема синергетического подхода к образованию в отечественной педагогико-психологической литературе
4. Принципы синергетического подхода к образованию	Принципы синергетического подхода к образованию и их сущность. Синергетические взгляды на принципы. Формирование знаний по проблеме. Синергетическая интерпретация принципа системности и последовательности
5. Методы синергетического подхода к образованию	Понятие о синергетических методах. Общий подход к синергетическим методам. Математика синергетического подхода к образованию. Пути комплексного использования синергетических подходов в образовании. Роль наблюдения в образовательной синергетике. Место синергетического эксперимента в образовании.
6. Синергетический подход к образованию в процессе обучения	Роль синергетики в преподавании предметов. Синергетический подход к темам на уроках азербайджанского языка. Роль синергетического подхода в преподавании наук о жизни. Технологии, Изобразительное искусство, Важность синергетического подхода на уроках музыки.

Синергетический подход к обучению позволяет учащимся легко идентифицировать результаты своей деятельности, знания и умения в учебных заведениях. Потому что этот процесс требует систематического обучения, устранения хаоса, который может возникнуть в обучении, повышения познавательной активности учащихся, формирования их мировоззрения. Целесообразно проведение диагностики, которая может помочь определить традиционную организацию образования или его синергетическое содержание. Для этого важно провести диагностику, направленную на выявление способностей и самостоятельности мышления. Для реализации этого процесса наши преподаватели должны обладать рядом компетенций:

- творческая деятельность по формированию мировоззрения коллектива;

- уметь использовать новые технологии в учебном процессе;

- ориентация на постоянное совершенствование процесса обучения с проблемной точки зрения;

- доработка и корректировка образовательных программ и их внедрение и т.д.; постоянный интерес;

- определять и добиваться способов вовлечения учащихся в самообразование и т.д.

Следует отметить, что одним из важнейших вопросов является мониторинг результатов, достигнутых при синергетическом подходе к обучению, и определение уровня их развития. Это оказывает существенное влияние на планирование будущей работы, разработку ее методики, устранение недостатков.

Синергетический подход к образованию благоприятствует совместной деятельности учащихся. Однако в этом процессе они предпочитают сосредоточиться на творческом мышлении, поиске и совместном преодолении возникающих трудностей. Естественно, учащимся необходимо контролировать свою работу во время обучения, делиться своими мыслями, готовиться к выполнению задания. Синергетика образования проявляется в двух направлениях: *во-первых*, как обучение, отличающееся от других направлений тем, что оно имеет возможность изучения сложных самоорганизующихся вопросов; *во-вторых*, как научное направление, изучающее сложные вопросы, основанные на самоорганизации и объединяющие их.

Синергетический подход к обучению сосредоточил на объекте исследования следующие вопросы:

- единое, полное понимание изучаемых взаимосвязанных вопросов, областей, в которых они разделены;
- синергетика образования позволяет определить пути достижения качества;
- выявление качественных изменений в этом процессе при необходимости;
- регулирование структуры обучения, предотвращение хаоса;
- обеспечение успеха с помощью математических методов исследования: регистрация, регулирование и оценка

Научный характер синергетического подхода к образованию можно охарактеризовать следующим образом и отнести их к обучению:

1. Синергетика – основа нового типа научного мировоззрения. Мировоззрение, являющееся формой общественного и индивидуального сознания, представляет собой взгляд, выражающий направленность человеческой деятельности, отношение социальных групп и их отношение к действительности. Философские взгляды и убеждения являются частью системы мировоззрения. Уроки азербайджанского языка, играющие важную роль в формировании мировоззрения учащихся, могут решить эту проблему. «В зоопарке», «Сила Единства», «Настольные спортивные игры», «Месяц праздников», «Гёйгёль», «Модельер тетя Жаля», «Наш гимн», «8 марта», «Моя родина», «Карабах», «Этого нельзя делать» (I класс) [1]; «День знаний», «Флаги», «Вечный огонь», «Азербайджанский алфавит», «Древний ковер», «Правила поведения», «Сказка земли», «Ум деда» (II класс) [2]; «Фитна», «Цыганский пастух», «Мудрый вождь», «Почему Ататюрк заплакал?»,

«Шах Исмаил», «Амир Теймур», «Гаджи Зейналабдин», «Дорогой ковер», «Александр Македонский», «18 октября День Независимости», «Страшная Январская ночь», «Первая газета в Азербайджане», «Сила единства», «Кобустан», «Дворец Ширваншахов», «2500-летний ковер», «Древние книги», «Народное имущество не продается народу» (III класс) [3]; «Сила слова», «Сокровищница мудрости», «Мой флаг», «Азербайджан-Турция», «Военный гимн», «Собаке брошу, но не продам», «Основатель», «Бог обеспечивает», «Вода Замзам», «Братство по крови», «Шах Аббас и его везиры», «Вопросы и ответы», «Величайшее государство», «Труд и украшение», «Тайны мироздания» (IV класс) [4] играет важную роль в создании и формировании мировоззрения учащихся. Рассказ является примером сущности синергетики образования. Читаем в рассказе: ...Меня давно интересует такой флаг. Всякий раз, когда я видел его, я останавливался и смотрел на него. Мне так понравились его волны на ветру, луна и звезда, что я не мог налюбоваться на них. ... Пока солдаты шли под звуки марша, я бежал к ним, выискивая глазами наш трехцветный флаг. ...Теперь у меня тоже был флаг. Он часто целовал ее, тер мое лицо о луну и звезду, снова и снова целовал ее и говорил ей: «Милый мой флаг, я бы хотел скорее вырасти и стать солдатом, я бы поднял тебя над головой и защитил нашу славную Родину от врагов».

Инструкция учителя: Нарисуйте и объясните флаги стран мира.

Усвоенные учащими: Уважение и любовь к флагу. Познай мир.

Новое мировоззрение: Выучили флаги стран мира, освоили историю их образования: ученики смогли охарактеризовать страну на основе изученного. Итак, он узнал мир в той или иной степени.

2. Синергетика образования включает методологию нового типа. Методология – это система основ и структуры педагогической теории, принципов и способов подхода к получению знаний, отражающая педагогическую действительность, а также мероприятия по получению таких знаний, программы, логические методы, оценка качества исследования. Таким образом, методологическую основу синергетики образования составляет теория познания, законы развития общества, человека и его воспитания, гармоничного развития и формирования личности, национальные и общечеловеческие ценности, философские, психолого-педагогические теории об их единстве, системный подход к ним [5]. Новая методология – это новый подход к

развитию общества, новые законы, принципы и методы воспитания человека. По мере того как они приобретают новое содержание, подход к ним основывается по новому. Потому что сегодняшний ученик не вчерашний. Их взгляды на жизнь, мысли и мышление облачены в новые одежды. Это делает необходимым новый методологический подход. Это содержание отражено в темах, рассматриваемых в наших учебниках. «Найди», «Почему кошка моется после еды», «Почему у луны нет платья», «Обиженная книга», «Этого нельзя делать», «Легенда о Джахан-шахе», «Азербайджанский алфавит», «Родина» (I класс) [1] «Родина», «Три матери, три сына», «Что такое счастье?», «Как оберегают животных», «Заботливые родители», «Письмо матери-природы к детям», «Крестьянин и змея» (II класс) [2]; «Балабан», «Бережливость», «Добру добром», «Потеря луны», «Да или нет», «Принц и нищий», «Талантливый ученик», «Да здравствуют наши права», «Страшная Январская ночь» (III класс) [3]; «Основатель», «Светский дед», «Вода Замзам», «Три жемчужины», «Дружеская помощь», «Величайшее государство», «Платан. Хан-Платан», «Бассейн» (IV класс) [4] относятся к этому типу.

3. Синергетический подход к обучению приобретает новое научное направление проблемы исследования. Исследования показывают, что процесс дифференциации наук требует возникновения нового интегративного процесса. Каждый изучаемый предмет является качественным, когда он преподается на стыке различных наук. Этот процесс проявляется в единстве их сущности. Тексты, приведенные в учебниках азербайджанского языка, незаменимы в решении этой задачи. «Доверие означает вера», «В Гейгель», «Хлеб – благо», «Родина моя», «Карабах», «Новруз», «Дерево – лекарство от всякой болезни» (I класс) [1]; «День знаний», «Легенда о Джахаргяхе», «Азербайджанский алфавит», «Что такое счастье» (II класс) [2]; «Правила поведения», «Шелкопряд», «Сказка земли», «Пословицы», «Колыбельные», «Баяти», «Игры» (II класс), «Добру добром», «Месть благородного Алы», «Мудрый лидер», «Шах Исмаил», «*Մահի օգնություն*», «Наши религиозные праздники», «День национальной музыки», «Первая газета в Азербайджане», «Сила единства» (III класс) [3]; «Красота меньше говорить», «Азербайджан-Турция», «Братство по крови», «Дружеская помощь», «Праздник Новруз», «Самое большое государство» (IV класс) и другие [4]. Посмотрим на текст «Дорогой ковер», данный в учебнике третьего класса: Мирза Фатали Ахундов отдыхал на балконе своего дома в

Тбилиси (Грузия). Он увидел человека, нерешительно приближающегося к нему.

- Почему ты идешь в страхе, человек? Подойти ближе!

- Если честно, я бедный человек. Я не заслуживаю общения с такими великими людьми, как ты.

- Пусть лицо бедности будет черным...

Мирза Фатали понял, что этот человек очень беден.

Он посмотрел на ковер на балконе и сказал:

- Ты возьмешь этот ковер и продашь его, за вырученные деньги возмись за дело. Попрошайничество - дурное дело..

Мнение учителя: Кто такой Мирза Фатали Ахундов? Что вы знаете о нем? Что такое дорогой ковер? Что вы можете сказать об истории ковров в Шушинском музее? Заполнить таблицу.

Наши ковры и музеи дают подробную информацию в учебнике изобразительного искусства, в учебниках литературы М.Ф.Ахундова: Музей ковра, Музей М.Ф.Ахундова, Художественный музей, Писательско-литературный музей.

4. Синергетический подход к образованию – одна из новых наук. Как следует из названия, эта наука привносит новое дыхание в образование, включая его систематическое и последовательное построение. Тексты, данные в учебниках, систематизированы, и предполагается последовательность между текстами. Заглянем в учебники: «Я иду в школу (I класс) → День знаний (II класс) → Один день в школе (III класс) → Извините, дети опаздывают» (IV класс) → I класс: Семья → II класс : Семья → III класс : Семья и школа → IV класс: Семья и школа такие же.

5. Синергетический подход к образованию основан на самоорганизации. Синергетики искусственно ограничивают ее содержание и трактуют как теорию самоорганизации. В современной ситуации, когда развитие получило широкое распространение, его можно рассматривать как новое направление самоорганизации, оригинальный метод теоретико-методологического подхода к синергетическим аспектам. Тексты, приведенные в учебниках азербайджанского языка для начальных классов, обуславливают необходимость синергетического подхода к ним. Это проявляется как новое направление, стремящееся к созданию самоорганизующегося, сложного, взаимного образа. «Сила единства», «Настольные спортивные игры», «Модельер тетя Жаля», «Воздал» (I класс) [1], «Садовник и его сыновья», «Игры», «мало говори, больше работай» (II класс) [2], «Слышать и слушать», «Фитна», «Цыганский пастух», «Старый каменщик», «Ценность отцовского слова», «Пляска Яллы» (III

класс) [3], «Об ораторском мастерстве», «Красота меньше говорить», «Не меряй по себе», «Строитель», «Кто не может построить печь, тот не может построить дом», «Друзья Маугли» и т. д. (IV класс) [4]. Текст «Фитна», приведенный в учебнике третьего класса, дает основание обосновать наше мнение. «Фитна» интересна с точки зрения проблемы, она является частью поэмы Низами Гянджеви «Семь красавиц». Рассмотрим некоторые моменты из произведения: Бахрам Шах был искусным охотником. Каждый раз после охоты он хвастался своей храбростью. У шаха была красивая служанка по имени «Фитна». Эта служанка никогда не хвалила мастерство Бахрам Шаха. Когда ее спрашивал, почему, она говорила:

- Это не умение, это навык. Вы так много охотились, что привыкли стрелять птицам в глаза.

В конце концов Бахрам-шах рассердился на служанку, вызвал своего полководца и приказал обезглавить Фитну. Командир по дороге передумал. Он сказал себе: Бахрам Шах очень хочет любит Фитну. Теперь он злится на нее. Он пожалеет об этом, когда его гнев утихнет. Вот командир и привел к себе в дом служанку. Это был красивый трехэтажный дом. Фитна стала там жить... Однажды одна из коров отелилась. Горный теленок очень любил Фитну. Каждый день она поднимала теленка, гладила его, кормила на крыльце, а потом опускала. Он стал больше, толще и тяжелее.

Однажды полководец пригласил Бахрам-шаха к себе домой. После того, как они поели и выпили, военачальник сказал королю:

- В моем доме живет красивая девушка. Каждый день она выводит на этот балкон большого быка на шею. За один вздох...

Бахрам Шах не поверил этим словам. Командир отправил сообщение Фитне. Фитна закрыл лицо рубандом (восточный пролупрозрачный платок для закрытия лица). Она взяла быка за шею и подняла прямо на балкон.

Бахрам Шах сказал:

- Это не значит, что ты сильная. Судя по всему, вы привыкли к этому быку с детства.

Фитна сказала:

- Очень странно, поднимать быка это навык, так это привычка, а охотамастекрство? Слово учителя: Что такой горный теленок? Вы видели рубанда? Если видели, дайте описание.

Творческая, наводящая на размышления, логическая работа: Прошли месяцы, теленок превратился в теленка, теленок превратился в бычка. Фитна все еще поднимала его. Было бы уместно добавить эти слова в любую часть текста. Если фитна действительно оправдана, то что

можно считать мастерством?

6. В то же время синергетика образования, трактуемая как новая парадигма, включает в себя такие понятия, как пример, проявление, диалог. Философская основа проблемы, идеи, методы исследования, теории помогают интерпретировать синергетику в педагогическом аспекте.

Парадигма, получившая широкое распространение в XX веке, создает прецедент преподавания всех наук. Выдающийся физик, философ Томас Кун занимался образованием и наукой, считал все достижения парадигмой. Поскольку достижение синергетического подхода к образованию основано на самостоятельности познания и мышления, конечно, целесообразно принять его как парадигму. В учебнике есть тексты, которые имеют возможность подать пример и добиться успеха. «В финале», «Грация», «Пять минут», «Что такое хорошо, что такое плохо?», «Дружба в помощь» (I класс) [1]; «Садовник и его сыновья», «Открытка», «Что такое счастье?», «Сказка о земле» (II класс) [2]; «Колесо», «Событие в парке», «Три мальчика», «Добру добром», «Наби и Тахир», «Ага, или да», «Месть блаородного Алы», «Цыганский пастух», «Гаврош», «Мудрый предводитель», «Подарок от учителя», «Шах Исмаил», «Гаджи Зейналабдин», «Талантливый ученик» (III класс) [3]; «Ойценка пять», «Цитаты Гейдара Алиева», «Благословенные деньги», «Коран», «Тарелка каши», «Величайшее сокровищница», «Первый урок», «Забывтый друг» (IV класс) и другие [4]. Поясним свое мнение текстом «В финале», с которым мы познакомимся в I классе [1]:

Маленький Намик был одним из лучших учеников в классе. Он также проявлял большой интерес к спорту. В возрасте двенадцати лет Намик вступил в спортивный клуб. Здесь он начал бороться.

Прошло семнадцать лет...

Олимпийские игры прошли в Сиднее, Австралия. Капитаном сборной Азербайджана был Намиг Абдуллаев...

Намик также выиграл эти соревнования. Одного за другим он повалил своих противников на землю. В финальном заезде он столкнулся с американским спортсменом... Намик тоже победил американца и завоевал золотую медаль. Во Дворце спорта «Олимпийский» развевался азербайджанский флаг и звучал наш гимн

Что скажет учитель: Как оценивать итоговое слово. Кто может быть примером для Намика Абдуллаева? Можно ли считать эту победу достижением Намика, можно добавить в текст?

Самостоятельное мышление ученика: Помимо текста, возможно одержать и другие победы

спортсмена. Также необходимо было привести в пример работу наших мастеров спорта. Было бы хорошо, если бы такое задание было написано в конце текста:

Какими достижениями мы, ученики, можем гордиться? Давайте познакомимся с нашими спортивными учениками.

7. Синергетика образования взаимосвязана со всеми науками, в том числе и с философией. Философская основа синергетики образования связана с развитием познания. Взаимодействие синергетики с философией, что является очень сложным вопросом, сложно. Философия, являющаяся ключом ко всем наукам, возникла на стыке всех наук и легла в их методологическую основу. Все науки можно рассматривать как неотъемлемую часть синергетики. Кибернетика играет важную роль в синергетическом подходе к образованию. Это внесло новое содержание в синергетику образования. Кибернетика важна в синергетическом подходе к образованию:

- определяет место и возможности методов исследования, в том числе с использованием математических методов;

- делает необходимым использование технических средств в обучении, что создает условия для укрепления сознания обучающихся;

- кибернетика визуализирует изученное, активизируя зрительную память с помощью самоорганизующихся технических средств. Это означает, что синергетический подход к образованию является динамичным и облегчает изучение предметов.

- синергетический подход к обучению позволяет применить его ко всем предметам,

преподаваемым в I-IV классах.

Литература

1. İsmayilov R., Abdullayeva S., Orucova C., Cəfərova D. Azərbaycan dili I sinif, dərslik, Bakı: Altunkitab, 2012. 160 p.

2. İsmayilov R., Orucova C., Xəlilov Z., Cəfərova D. Azərbaycan dili II sinif, dərslik, Bakı: Altunkitab, 2013. 208 p.

3. İsmayilov R., Orucova C., Cəfərova D., Xəlilov Z. Azərbaycan dili III sinif, dərslik, Bakı: Altunkitab, 2010. 208 p.

4. İsmayilov R., Abdullayeva S., Cəfərova D., Qasımova X. Azərbaycan dili IV sinif, dərslik, Bakı: Altunkitab, 2012. 224 p.

5. Qasımova L.N., Mahmudova R.M. Pedaqogika. Dərslik. Bakr: Qaqroğlu, 2012, 548 p.

References

1. İsmayilov R., Abdullayeva S., Orucova C., Cəfərova D. Azərbaycan dili I sinif, dərslik, Bakı: Altunkitab, 2012. 160 p.

2. İsmayilov R., Orucova C., Xəlilov Z., Cəfərova D. Azərbaycan dili II sinif, dərslik, Bakı: Altunkitab, 2013. 208 p.

3. İsmayilov R., Orucova C., Cəfərova D., Xəlilov Z. Azərbaycan dili III sinif, dərslik, Bakı: Altunkitab, 2010. 208 p.

4. İsmayilov R., Abdullayeva S., Cəfərova D., Qasımova X. Azərbaycan dili IV sinif, dərslik, Bakı: Altunkitab, 2012. 224 p.

5. Qasımova L.N., Mahmudova R.M. Pedaqogika. Dərslik. Bakr: Qaqroğlu, 2012, 548 p.

SYNERGETICS OF EDUCATION "SYNEPEDAGOGY"

*Zamanova M.A., Doctor of Philosophy in Pedagogy, Associate Professor,
Azerbaijan State Pedagogical University, Azerbaijan*

Abstract: the scientific article discusses the actual problems of a synergistic approach to education, the importance of diagnostic assessment was emphasized. The article analyzes a number of competencies that should be dominated by our advanced teachers and teachers. The problem under study in the scientific article was divided into 4 stages, interactive (observations, questionnaires and interviews) and innovative methods (case studies, thematic discussions, trainings) were used. A scientific study shows a synergistic approach to learning based on established principles, several tasks were established to solve a problem.

The 21st century makes it possible to fill the synergetic approach to education with very interesting and exciting content in order to determine the direction of the development of human thinking. A synergistic approach to education involves taking into account the unity of common problems of different disciplines through the subjects taught.

The synergetic approach to education makes transitions from the micro level to the system level, i.e. to the system level, i.e. to the macro level, or vice versa, which include closely interrelated aspects of a single process. Taking into account the properties of the elements, their nature or any of their specific qualities, it is necessary to speak of a general measurement adopted for comparing many similarities of the same type of elements.

Keywords: synergetics, integration, innovative methods, synepedagogy and education, monitoring of results, differentiation of sciences, evaluation

О ПРИНЦИПАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ И НЕПРЕДВЗЯТОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЗАЦИИ СПОРТА

Гаврюшкин А.Н.,

Кутимский А.М.,

Восточно-Сибирский институт Министерства Внутренних Дел России

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы справедливости и непредвзятости в контексте политизации спорта. Актуальные допинговые скандалы в отношении российских спортсменов сводят к предпосылкам наличия политической составляющей. В связи с этим важно рассмотреть компетентность деятельности субъектов, которые выносят санкции в отношении спортсменов России. Злободневный характер данной тематики связан с тем, что международные спортивные соревнования всё чаще выступают как инструмент политической борьбы между государствами. С точки зрения деятельности МОК является важным защищать права спортсменов, но практическая реализация данного комитета носит дискуссионный характер касаясь принимаемых решений в отношении российских спортсменов. За последнее время прослеживается принятие решений о недопущении российскими спортсменами выступлений на международных соревнованиях в контексте специальной военной операции на Украине. «Спорт вне политики» – это лозунг, который необходимо соблюдать при проведении спортивных соревнований. Политика постепенно внедряется в спорт, который может рассматриваться как инструмент борьбы на международной арене. В связи с этим необходима грамотная юридическая поддержка в отношении наших спортсменов для справедливости и непредвзятости при участии в международных спортивных соревнованиях.

Ключевые слова: олимпийские игры, справедливость, российские спортсмены, политика и спорт, допинг, санкции

На сегодняшний день спорт имеет важное значение для многих сфер общественной жизни, интерес к нему носит масштабный характер. Отдельным спортивным достоянием являются Олимпийские игры (далее – ОИ), которые характеризуются большим уважением и славой заинтересованных лиц. Такую популярность ОИ берут со своего зарождения в Древней Греции, становление и развитие которое охватывает немалый спектр модификаций. В частности, за последнее время происходит политизация спорта, где ОИ могут выступать инструментом политической борьбы на международной арене.

Одним из основополагающим принципов Олимпийской хартии (далее – ОХ) является соблюдение политического нейтралитета внутри Олимпийского движения. Кроме этого, МОК принимает новых членов во время церемонии, которые дают клятву по соблюдению возложенных на них обязанностей. Касаясь нашей тематики, выделим следующие слова из клятвы: «Я всегда буду действовать независимо от коммерческих и политических интересов...». Данные доводы приводят к выводу, что спортивное движение и его организация должны реализовываться без политической составляющей [6].

Действительно, ОИ являются мировыми спортивными соревнованиями, результаты которых должны содержать в себе постулаты справедливости и непредвзятости. С одной стороны, это определит объективные результаты спортсменов, с другой стороны, это придаст большую заинтересованность со стороны поклонников спорта. Но, как показывает практика, внедрение политики в

спорт является злободневной проблемой на сегодняшний день. В современных реалиях лозунг «спорт вне политики» приводит к сомнениям своей подлинности. Политический контекст имеет своё место во многих ОИ настоящего столетия. Завоёванные золотые медали и результаты соревнований носят индивидуальный интерес каждого государства, который характеризуется возможностью получения определенной политической выгоды. Отсюда важным является учитывать наличие политической составляющей в спорте [9, с. 106].

Невозможно не согласиться с мнением Владимира Путина, который сказал: «мы против политизации спорта, попыток использовать его в качестве инструмента давления, недобросовестной конкуренции и дискриминации». Также глава государства подчеркнул, что спорт способствует интеграции народа, а политизация не должна рассматриваться как средство давления и дискриминации [3].

Несомненно, спорт играет важную роль в нашей жизнедеятельности, для определенной категории людей это хобби, другие просто являются поклонниками, а для кого-то это профессия, которой спортсмен посвящает огромное количество трудолюбия, сил, нерв и т.д. Особенно важным событием для поклонников и спортсменов являются олимпийские игры: их фанаты болеют за своих любимых спортсменов, даже посещают города, где проходят олимпийские игры, чтобы получить колоссальные эмоции от соревнований; для олимпийских спортсменов это большая ответственность, потому что, во-первых, они проходят

немалый путь для выступления на олимпийских соревнованиях, во-вторых, они выступают от имени своей страны и стремятся показать максимальные результаты. Политика же, внедряясь в спорт, создаёт опасения для проведения объективных олимпийских игр, что влияет как на результаты спортсменов, так и на веру поклонников спорта в честные соревнования. В связи с этим является целесообразным рассмотреть вопрос о политизации спорта.

Вопросы внедрения политики в спорт связаны с последними событиями допинг-скандалов и в следствие этого применения санкций в отношении российских спортсменов, что вызвало у учёных-экспертов дискуссию и наличие политического фактора в спортивной сфере [9].

Данная дискуссия имеет место быть. Так, например, в феврале 2022 года МОК сформировал рекомендации, согласно которым международные спортивные федерации должны отстранить белорусских и российских спортсменов от участия в соревнованиях под своей эгидой, в том числе решение затронуло и российских спортсменов Паралимпиады-2022. Ранее до этого многие представители национальных команд отказывались принимать участие с Белоруссией и Россией, что ставило под угрозу проведение соревнований. Исходя из этого было принято решение о их участии в нейтральном статусе, но ситуация изменилась. Можно предположить, что ситуация связана со специальной военной операцией на Украине. Владимир Путин прокомментировал решения МОК следующим образом: «даже олимпийские принципы растоптали. Не постеснялись свести счёты и с паралимпийцами: вот такой вот спорт вне политики» [1]. Запреты и санкции следуют за нарушения, но каким образом паралимпийцы причастны к данному отстранению по решению МОК? Спортсмены преодолевают трудности для участия в олимпийских играх, поэтому если политика действительно вмешивается в спорт, то это является дискриминацией и нарушением принципа справедливости по отношению к российским спортсменам.

Открытым для обсуждения и оценки является скандал с российской фигуристкой Камиллой Валиевой, которая по итогам произвольной программы заняла четвертое место. Пятнадцатилетняя спортсменка перед своими олимпийскими соревнованиями выигрывала чемпионаты Европы и России и потенциально являлась фаворитом на предстоящих олимпийских играх по фигурному катанию. Итоги произвольной программы свели к тому, что со всеми этими спорными моментами с препаратами, возможно чрезмерно жесткой подготовки и вынесения оценок – всё это оказалось

сложным для юного дарования. Напряженным решением для Валиевой являлось проведение церемонии награждения в зависимости от того, вошла бы спортсменка в тройку лидеров по итогам произвольной программы или нет. После оглашения результатов произвольной программы спортсменки, по которым она заняла четвертое место, Валиева сказала своим тренерам: «зато церемонию не отменяют» [8]. Не исключено, что допинговые скандалы повлияли на результаты Валиевой, которая до олимпийских игр выигрывала различные крупные соревнования.

В спортивной историографии не мало примеров о влиянии политики на спорт, приведём некоторые из настоящего столетия: бойкот некоторыми европейскими политиками украинской части футбола из-за дела Тимошенко в 2012 году; в 2014 году были попытки лишить Минск права проведения чемпионата мира по хоккею; бойкот США и ЕС о проведении чемпионата мира по футболу в России 2018 года; запрет некоторым российским спортсменам выступать на ОИ в Рио-де-Жанейро из-за допингового скандала и др. [2]. Политика вмешивается в спорт, вследствие чего спортсмены могут не участвовать в олимпийских играх или данное политическое давление может повлиять на их спортивные результаты. Кроме этого, болельщики теряют веру в "чистый спорт" [5]. Так, например, возможной причиной бойкота некоторых государств в проведении чемпионата мира по футболу 2018 года связан с возвращением Крыма в состав РФ [9]. Весьма дискуссионным является вопрос: не проявляется ли в отношении российского спорта дискриминационные решения из-за политической составляющей?

Целесообразным вспомнить направление деятельности МОК с точки зрения их компетентности. МОК был создан в 1894 году, целью которого является защита прав спортсменов, а также предоставление возможности спортсменам выступать на международных соревнованиях. Противоречивым целевой направленности МОК являлся приезд арбитра М. Дженстлингера, который сказал, что Запад устанавливает санкции в отношении России, чтобы нанести ей экономический ущерб. Подвидом данных санкций выступает не допуск российских спортсменов к участиям в соревнованиях. Дискуссионным является также участие американских спортсменов, которые принимают допинг, именуемые как «медицинские препараты». Объяснение это сходится к тому, что WADA спонсируется за счёт средств США. Спортсмены из США, принимающие данные «медицинские препараты», получают справки из WADA, которые свидетельствуют о их инвалидности. Являются ли действия МОК компетентными, действительно ли их дея-

тельность направлена на защиту прав спортсменов? Возможно это так, но учитывая заявления М. Дженстлингера придём к выводу, что решения в отношении российских спортсменов принимаются с учётом политических интересов [9].

Таким образом, учитывая нынешнюю картину мирового спорта, в частности принимаемых санкций в отношении российских спортсменов, необходимо особо тщательно проверять компетентность субъектов, которые выносят данные решения. Для российских спортсменов важна грамотная юридическая поддержка в свете актуальных допинговых скандалов. Актуальным является пример запрета выступлений для паралимпийцев России и Белоруссии на Паралимпиаде в Пекине. Олимпийские игры и другие международные соревнования должны быть вне политики, потому что международный спорт охватывает огромный спектр поклонников, а спортсмены проходят колоссальный многолетний путь для выступления на спортивных состязаниях.

Литература

1. «Такой вот спорт вне политики». Владимир Путин – о массовых санкциях в отношении россиян. Подробнее на «Чемпионате»: https://www.championat.com/other/news-4638125-takoj-vot-sport-vne-politiki-vladimir-putin-o-massovyh-sankciyah-v-otnoshenii-rossiyan.html?utm_source=copypaste (дата обращения: 02.04.2022)
2. Басюков Г.Т. Порт и политика: спорт как инструмент мягкой силы [Электронный ресурс]: <http://synergy-journal.ru/archive/article2218> (дата обращения: 02.04.2022)
3. Владимир Путин: «Мы против политизации спорта, попыток использовать его в качестве инструмента давления, недобросовестной конкуренции и дискриминации» [Электронный ресурс]: <https://www.sports.ru/biathlon/1106053026-vladimir-putin-my-protiv-politizaczii-sporta-popytok-ispolzovat-ego-v-.html> (дата обращения: 02.04.2022)
4. Грачев С.И., Аксянов А.С. Спорт как фактор политической деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 76 – 80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sport-kak-faktor-politicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 03.04.2022)
5. Есенина Д.Д. Вада как угроза национальной безопасности российской федерации // РПА Минюста России. 2020. С. 4.
6. Олимпийская хатия (в действии с 26 июня 2019 г.). Электронный ресурс: <https://noc.by/upload/New20Folder/charter-26.06.2019-rus.pdf> (дата обращения: 04.04.2022)

7. Толмачев Д.В. Олимпиада как средство геополитической борьбы: взгляд будущего юриста // Ростовский научный журнал. 2018. № 1. С. 165 – 172.

8. Фигуристка Валиева о своем четвертом месте: «Зато церемонию не отменят». Электронный ресурс: <https://yamal-media.ru/news/valieva-o-chetvertom-meste-zato-tseremoniju-ne-otmenjat> (дата обращения: 04.04.2022)

9. Филонов В.И., Юдина А.В. Политический фактор в сфере большого спорта: теоретико-методологические аспекты // Вестник ПАГС. 2018. № 1. С. 106 – 112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskij-faktor-v-sfere-bolshogo-sporta-teoretiko-metodologicheskie-aspekty> (дата обращения: 04.04.2022)

References

1. «Takoj vot sport vne politiki». Vladimir Putin – o massovyh sankcijah v otnoshenii rossijan. Podrobnее на «Championate»: https://www.championat.com/other/news-4638125-takoj-vot-sport-vne-politiki-vladimir-putin-o-massovyh-sankciyah-v-otnoshenii-rossiyan.html?utm_source=copypaste (data obrashhenija: 02.04.2022)
2. Basjukov G.T. Port i politika: sport kak instrument mjagkoj sily [Elektronnyj resurs]: <http://synergy-journal.ru/archive/article2218> (data obrashhenija: 02.04.2022)
3. Vladimir Putin: «My protiv politizaczii sporta, popytok ispol'zovat' ego v kachestve instrumenta davlenija, nedobrosovestnoj konkurencii i diskriminaczii» [Elektronnyj resurs]: <https://www.sports.ru/biathlon/1106053026-vladimir-putin-my-protiv-politizaczii-sporta-popytok-ispolzovat-ego-v-.html> (data obrashhenija: 02.04.2022)
4. Grachev S.I., Aksjanov A.S. Sport kak faktor politicheskoy dejatel'nosti. Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2015. № 8. С. 76 – 80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sport-kak-faktor-politicheskoy-deyatelnosti> (data obrashhenija: 03.04.2022)
5. Esenina D.D. Vada kak ugroza nacional'noj bezopasnosti rossijskoj federaczii. RPA Minjusta Rossii. 2020. S. 4.
6. Olimpijskaja hatija (v dejstvii s 26 ijunja 2019 g.). Elektronnyj resurs: <https://noc.by/upload/New20Folder/charter-26.06.2019-rus.pdf> (data obrashhenija: 04.04.2022)
7. Tolmachev D.V. Olimpiada kak sredstvo geopoliticheskoy bor'by: vzgljad budushhego jurista. Rostovskij nauchnyj zhurnal. 2018. № 1. S. 165 – 172.

8. Figuristka Valieva o svoem chetvertom meste: «Zato ceremoniju ne otmenjat». Jelektronnyj resurs:<https://yamal-media.ru/news/valieva-o-chetvertom-meste-zato-tseremoniju-ne-otmenjat> (data obrashhenija: 04.04.2022)

9. Filonov V.I., Judina A.V. Politicheskij faktor v sfere bol'shogo sporta: teoretiko-metodologicheskie

aspekty. Vestnik PAGS. 2018. № 1. S. 106 – 112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskij-faktor-v-sfere-bolshogo-sporta-teoretiko-metodologicheskie-aspekty> (data obrashhenija: 04.04.2022)

ON THE PRINCIPLES OF FAIRNESS AND IMPARTIALITY IN THE CONTEXT OF THE POLITICIZATION OF SPORTS

Gavryushkin A.N.,

Kutimsky A.M.,

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: the article discusses the issues of fairness and impartiality in the context of the politicization of sports. Current doping scandals against Russian athletes are reduced to prerequisites for the presence of a political component. In this regard, it is important to consider the competence of the entities that impose sanctions against Russian athletes. The topical nature of this topic is due to the fact that international sports competitions are increasingly acting as an instrument of political struggle between states. From the point of view of the IOC's activities, it is important to protect the rights of athletes, but the practical implementation of this committee is of a debatable nature with regard to decisions taken with respect to Russian athletes. Recently, decisions have been made to prevent Russian athletes from performing at international competitions in the context of a special military operation in Ukraine. "Sport is out of politics" is a slogan that must be observed when conducting sports competitions. Politics is gradually being introduced into sports, which can be considered as an instrument of struggle in the international arena. In this regard, competent legal support is needed in relation to our athletes for fairness and impartiality when participating in international sports competitions.

Keywords: Olympic Games, justice, Russian athletes, politics and sports, doping, sanctions

ОБУЧЕНИЕ БАКАЛАВРОВ ПРАКТИЧЕСКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В РИСУНКЕ ПЕЙЗАЖА НА ВТОРОМ КУРСЕ ПЛЕНЭРНОЙ ПРАКТИКИ

*Дроздов С.А., кандидат педагогических наук, доцент,
Благовещенский государственный педагогический университет*

Аннотация: в статье озвучиваются цели и задачи рисунка в период прохождения бакалаврами учебной технологической практики (пленэр) на открытом воздухе. Раскрываются специфика пленэрного рисунка, ключевые понятия перспективы, а также методика ее передачи при изображении пространства в разных видах пейзажа: сельском, городском, с элементами экстерьера и т.д. Предложена схема взаимосвязи обучения бакалавров и развития их компетенций. Теория вопроса подкрепляется практическим анализом, с авторскими графическими иллюстрациями. Апробация материалов статьи при выполнении программы по пленэру подтвердила эффективность их применения в деле комплексного формирования профессиональных компетенций по рисунку в вузе.

Ключевые слова: обучение бакалавров, практическое применение знаний, передача перспективы, рисунок пейзажа, второй курс пленэрной практики

Введение

Обучение изобразительному искусству (далее – ИЗО) на бакалавриате включает в себя изучение специальных художественных дисциплин. Уже стало привычным, когда при подготовке студентов мы обращаемся к проблеме изучения рисунка – как краеугольному камню фундамента базовой художественной подготовки будущего учителя ИЗО. Если занятия в мастерских дают возможность приобретать необходимые знания, умения в рисовании постановок разного типа и сложности, то закрепление приобретенных профессиональных компетенций (далее – ПК) гораздо эффективнее происходит в условиях соприкосновения с природной средой на открытом воздухе. А это уже другая более сложная задача, требующая от рисующих решительных и выверенных действий в реализации творческих идей, при которых постижение законов гармонизации композиции и перспективы приобретает совершенно иные масштабы.

Актуальность проблемы

На академических (лабораторных) занятиях имеют дело с теоретическими основами изобразительной грамоты, с их практической отработкой в рисунках натюрмортов, гипсовых и прочих постановок. Все это выполняется в рамках ограниченного пространства мастерской, с применением на практике, по большей части, знаний линейной перспективы, законов светотени и др. А.П. Барышников писал: «Каждый художник, рисующий с натуры какие-либо предметы, здания, пейзаж, человека или животных, замечает, что *наблюдаемая* им форма любого предмета изменяется в зависимости от точки зрения, от места, с которого художник рисует предмет» [1, с. 5]. Поэтому выходя рисовать на открытый воздух, студенты сталкиваются с проблемой организации больших пространственных планов, а также передачей воздуш-

ной среды и градаций изменения дневного состояния, т.е. с абсолютно иным световым диапазоном.

«Искусство графики, составной частью которого является рисунок, связано со зрительным восприятием действительности. Не вытекает ли из этого, что мастерство заключается в таком изображении, в котором достигается наиболее полная иллюзия живой природы?» – задается вопросом В.П. Пенова [9, с. 4]. И действительно, передача иллюзии природного пространства в целом зависит не только от теоретических знаний и практических навыков рисующего, но также от подготовленности его зрительного аппарата. Этому утверждению придерживаются большинство исследователей по теории и практике перспективы, что подтверждает актуальность и практическую значимость выбранной нами темы.

Практическая значимость исследования

Сегодня в статьях и книгах накоплено немало информации о задачах в рисунке пейзажа. Исследователь В.В. Визер на эту тему пишет: «В пейзаже главной задачей является не изображение отдельно взятых предметов, а передача их в пространстве, показ уходящих в глубину элементов. Именно такие пейзажи привлекают нас своей красотой, поэтому далям часто отводят центральное место, хотя при этом и не прорисовывают их детально» [2, с. 48]. Мы согласны с такой точкой зрения, только полагаем, что данный вопрос требует уточнения. Исходя из этого, можно выделить главные задачи обучения рисунку пейзажа:

- а) выявление в окружающей действительности выразительного мотива;
- б) умение задумывать композицию пейзажа и построение его планов;
- в) отбор главных элементов, с последующим воплощением задуманной картины в материале. Эти вопросы мы постарались озвучить в данной статье.

Основной материал статьи

Термин «пенэ́р» произошел от французского слова «en plein air», что означает – «на открытом воздухе». Большой вклад в популяризацию этого вида деятельности внесли представители французского импрессионизма последней трети XIX – начала XX веков: К. Моне, О. Ренуар, К. Писсарро, А. Сисле́й и др. Перечисленные живописцы творили красками, а как обстоят дела с рисунком?

В первые дни пенэ́ра, рисующие испытывают большие трудности с адаптацией к новым условиям, т.к. им трудно работать с большими масштабами под открытым небом. Учитывая быстрое перемещение солнца и связанное с этим изменение размеров теней и их расположения, каждый пенэ́рист должен успеть в короткий срок выполнить рисунок любой сложности. В.В. Визер советует: «При работе на пенэ́ре ваш сеанс не должен превышать двух часов, т.к. освещение постепенно изменяется, изменяя вид природы» [2, с. 50]. Если же работа рассчитана на большее количество времени, то необходимо научиться сохранять в своем представлении образ первоначального состояния дня.

Чтобы повысить свою мобильность при перемещении по территории выбранной для рисования, студентам приходится использовать раскладные стульчики. Чтобы исключить вероятность срыва бумаги потоком ветра, нужно использовать специальные папки для рисунка, в которых лист крепится не снаружи, а вставляется между рамкой, предусмотренной конструкцией. Если нет таких папок, то ватман закрепляется на планшете при помощи зажима. Также папку можно установить на треноге, а для лучшей устойчивости – на этюднике.

При организации рабочего места не следует располагать свой лист повернутым к солнцу. Важно садиться либо напротив света, или в тени. Если материальные возможности позволяют, то можно приобрести раскладной зонт художника, и под ним расположиться: это поможет избежать прямого попадания света на работу, и как следствие, исключит искажение внешних признаков выполняемого изображения.

Пенэ́ром принято обозначать изображение на картинной плоскости цветовых изменений окружающей среды, передающих атмосферу солнечного света. Но эти задачи распространяются не только на живопись, но и на рисунок. Разница заключается в том, что в графическом исполнении главным будет создание атмосферы пейзажного мотива, посредством светотеневых отношений, передачи прозрачности общего тона среды. В итоге, передача в рисунке пенэ́рного состояния может

быть достигнута благодаря соблюдению линейной и воздушной перспективы, а также технического мастерства.

На сегодняшний день в научных и учебных публикациях приведено множество объяснений понятия перспективы, и как правило их смысл сводится к одному определению: «perspective» на французском языке означает «смотреть сквозь». Оно берет свое начало от латинского глагола «ret-спісере» – ясно вижу.

Русский живописец А.Г. Венецианов писал: «Перспектива есть ... правило, посредством которого художник переносит данный ему предмет на бумагу и на холст в сокращении, но в таком сокращении, которое не изменяет предметов, видимых их в натуре. Предметы оные суть: воздух, горы, леса, реки, животные, строения, человек – словом, все виденное глазами нашими имеет свою перспективу» [6, с. 192]. Таким образом можно заключить, что перспектива – это способ изображения предметов и пространства на плоскости в соответствии с теми кажущимися сокращениями размеров и изменениями очертаний окружающих тел, которые зритель наблюдает в натуре.

Исходя из этого, цель перспективы – построение изображений предметов на картинной плоскости близкими к зрительному восприятию, т.е. такими, какими мы воспринимаем их в реальном пространстве.

Теоретическая часть практического обучения студентов на пенэ́ре

Всем известно, что «точка зрения» – это место, с которого художник рисует постановку. Если мы посмотрим на предметы сначала левым, а потом правым глазом, то зрительные восприятия не совпадут. В этом не трудно убедиться, посмотрев на конкретный элемент пейзажа, находящийся на близком расстоянии, каждым глазом по отдельности. При восприятии более удаленных объектов такое различие практически незаметно, что позволяет рисовать все элементы действительности, считаясь только с одной точкой зрения [4].

Особый вклад в обоснование законов перспективы принадлежит художникам Возрождения: Паоло Учелло, Леонардо да Винчи, Альбрехта Дюрера и др.

Как известно из педагогической науки, для получения изображения с наименьшим искажением рисующему надо находиться от постановки на расстоянии которое в три раза превышает наибольшие измерения объектов восприятия. Опираясь на эти знания, можно весьма серьезно продвинуться в работе над рисунком с натуры, составлением композиции картин и т.д. Поэтому многие исследователи называют перспективу

«теоретической платформой», лежащей в основе большого количества изобразительных искусств. Без этих знаний нельзя создать убедительное реалистическое изображение.

Перспективное изображение в зависимости от его назначения может быть построено на любой проекционной поверхности. Исходя из этого, перспектива подразделяется на несколько видов: линейная перспектива, воздушная перспектива, плафонная перспектива, панорамная перспектива, купольная перспектива, театральная перспектива, наблюдательная перспектива. В станковой графике художники применяют в основном линейную и воздушную перспективы [4].

Линейная перспектива – это изображение, построенное на плоскости, которое делится на два вида: угловую и фронтальную. Угловая перспектива содержит в основе угол и две точки схода на линии горизонта. Фронтальная перспектива имеет у основания плоскость и одну точку схода на линии горизонта.

Воздушная перспектива – применяется для передачи пространственной глубины в изображении [4].

Как отмечает в своей книге исследователь М.Н. Макарова: «Для изображения на картине реальных предметов недостаточно знать только способы построения их объемных форм и взаимного пространственного положения. Важно также передать метрические данные предметов, то есть их общие размеры и размеры отдельных частей, расстояние между ними и взаимосвязь с окружающей средой» [7, с. 82]. В данном случае, приходится сталкиваться с проблемой двух типов измерения в натуре и на рисунке, при задействовании соответствующих видов видения. По формулировке Макаровой – это выполнение прямой задачи (перспективное построение в натуре по заданным точкам) и обратной задачи (определение натуральных размеров и предметов по их изображению на картине). Здесь мы не увидим анализа взаимосвязи двух способов видения – восприятие природы и рисунка, по теории Н.Н. Волкова [3]. Но несмотря на это, с точки зрения практики, данная трактовка задач применительно к использованию теории перспективы в рисунке нам представляется вполне приемлемой.

Мы не будем вдаваться в тонкости геометрических проекций на плоскости разных видов отрезков и фигур, или изображения деревьев, тем более, что для этого существует множество специальной литературы разной направленности, таких авторов, как Барышников А.П., Федоров М.В., Печенежский А.Н., Пенова В.П. и многих других. Нам важно проследить как теория перспективы связана практическим опытом, когда рисовальщик применяет свои знания на пленэре. Апробация предложенных в статье материалов проводилась на базе Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ).

Большой вклад в разработку учебных материалов направленных на подготовку специалистов художественно-педагогического профиля внесли такие художники и исследователи, как Н.Н. Ростовцев, В.С. Кузин, Е.В. Шорохов, Н.Н. Волков, А.А. Дейнека, М.В. Алпатов, И.И. Бродский, И.Э. Грабарь и др.

Как применить знания перспективы на практике? Для начала представим, что студент расположился на рабочем месте для рисования окружающей действительности (см. рис. 1). Проблема в том, что масштаб элементов пейзажа в реальности всегда отличается в числовом эквиваленте – либо М: 1:100 и т.д. (меньше натуры), или М: 20:1 в разном диапазоне (больше чем объекты действительности). И здесь важно указать на один немало важный нюанс. Если в начертательной геометрии эти соотношения следует воспринимать буквально (например, делается аксонометрическая проекция или другое изображение, уменьшенное по отношению к реальному размеру изображаемого предмета, детали и др.), то в рисунке с натуры все иначе. Когда рисующий смотрит в натуре на выбранный фрагмент пейзажа, который он собирается воссоздать на листе, то для начала он измеряет его визуально, а затем прищурив глаз, методом визирования проверяет величины объектов, удаленных от него на определенном расстоянии. Так вот то соотношение размеров, которое будет выверено посредством визирования (зафиксированное большим пальцем на черенке карандаша), и будет натурный масштаб взятый за основу.

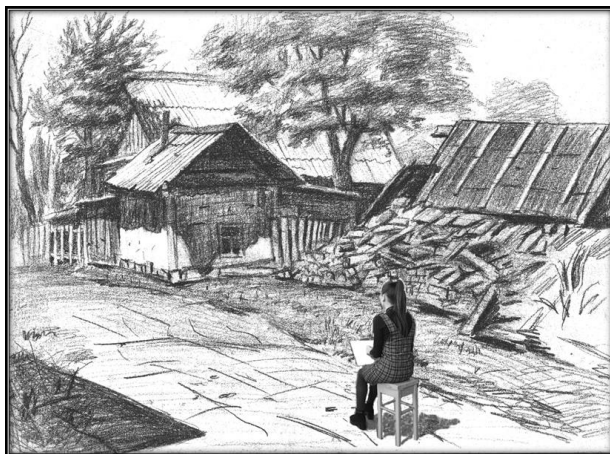

Рис. 1. Организация рабочего места бакалавра для рисунка с натуры на пленэре

Когда студент только начал работу над рисунком пейзажа, важно не только следовать задачам, но еще и понимать, как применить знания перспективы таким образом, чтобы работа не превратилась в безжизненный чертеж. Требуется осмыслить весь ход практического процесса: где и как будут проходить линии, смыкающиеся в точке схода, как выстроить плановость и т.д. На эту тему очень точно в своей книге написал Д.М. Осипов: «Рисующий должен ясно представлять себе, а лучше наметить на листе, где будут находиться линия горизонта, точка схода, как будут располагаться основные плоскости и линии в рисунке. При изображении сложных фигур и предметов необходимо учитывать перспективные изменения отдельных частей и целого в зависимости от изменения точки зрения» [8, с. 21]. Исходя из этого, суть практического применения знаний перспективы заключается ни в повторении механических действий, сопровождающихся строгим вычерчиванием проекции конкретного объекта (под линейку или без), а посредством визуального наложения на видимый (воспринимаемый) элемент пейзажа (дом, дерево и т.д.) законов перспективы, от руки, с целью понимания его выстраивания в пространстве.

Если объекты пейзажа находятся на большом удалении, то они гораздо меньше тех соотношений, которые должны быть определены на листе, будь то формат А3, или А2. И наоборот, в случае, когда рисовальщик близко находится к выбранному мотиву (фрагмент экстерьера и др.), то для ви-

зирования его высоты и ширины потребуется совмещение нескольких величин карандаша, или отдельный черенок большой длины. В обоих случаях не получится увеличить или уменьшить рисунок путем механического переноса зафиксированного на карандаше отрезка. Задача – воссоздать на листе бумаги отобранные для композиции массы натуры. Один из примеров соотношения деталей пейзажа и их изображения на листе бумаги проиллюстрирован нами на рис. 2.

Таким образом, важен не только логический анализ размеров воспринимаемого объекта, но и наш глазомер, от уровня развитости которого зависит правильность рисунка. Во-первых, потому, что учитывается величина объекта с учетом его удаления на определенном расстоянии, а значит в этот расчет уже внесены задачи масштаба. Во-вторых, для художника главное – это пространство, в котором располагаются все элементы пейзажной композиции (строения, деревья и др.) по отношению друг к другу, а не реальный размер каждого объекта в отдельности. «Такие повседневно наблюдаемые нами явления, – отмечает в своей книге Барышников А.П., – зависят от строения нашего органа зрения – глаза и от его способности воспринимать свет, отраженный от рассматриваемого нами освещенного предмета. В результате передачи нервной системой в наш мозг зрительных впечатлений мы и получаем представление о *форме, величине и цвете* любого предмета, попадающего в поле зрения» [1, с. 5].

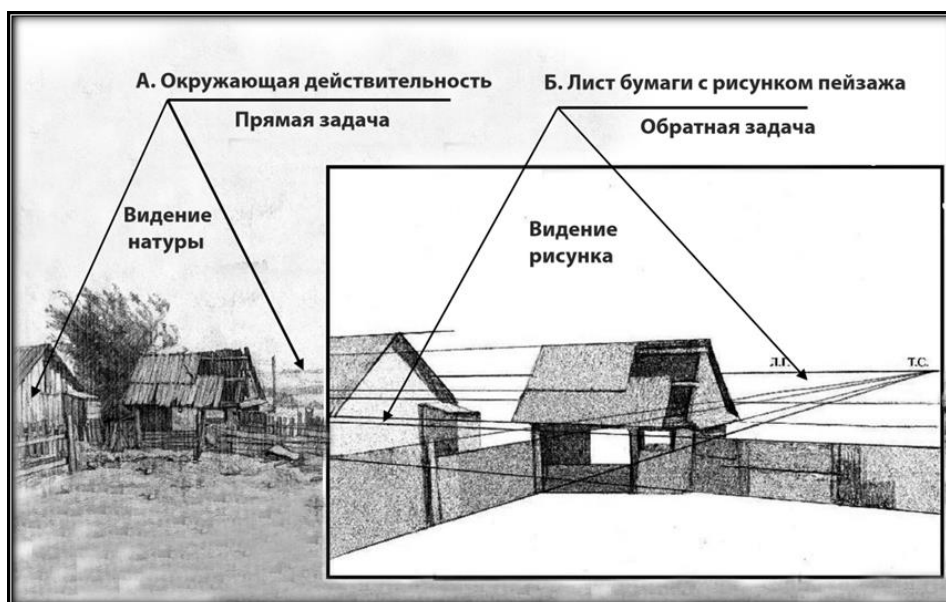

Рис. 2. Схема соотношения удаленных объектов окружающей действительности и их изображения на листе бумаги (рисунок выбранного фрагмента пейзажа)

Процесс апробации педагогических материалов в БПУ направленных на обучение пленэрному рисунку пейзажа имел свою специфику. Он был построен на взаимосвязи между развитием творческих способностей и применением знаний перспективы, посредством компонентов педагоги-

ческого воздействия: целей, задач, средств и методов обучения. Это позволило добиться поставленных целей и сформировать компетенции. Таким образом, весь механизм обучения рисунку пейзажа на пленэре мы представили в виде схемы (см. рис. 3).

Рис. 3. Схема взаимосвязи обучении бакалавров и развития их ПК в рисунке пейзажа, посредством применения теории перспективы на пленэре

После краткого обзора педагогических материалов задействованных в обучении студентов-бакалавров 2-х курсов рисунку на пленэре, считаем необходимым более подробно остановиться на описании поэтапного практического применения знаний перспективы, на примере авторского изображения пейзажа.

На рис. 4-8 проиллюстрирована методика рисования мотива г. Благовещенка: «Вид набережной с архитектурными элементами», в котором в качестве формального центра выступает памятник пограничного катера времен Великой отечественной войны. Контраст и характер теней задания говорят нам о солнечном состоянии дня, а судя по расположению падающих теней и их насыщенности, можно догадаться, что солнце находится практически в зените.

Чтобы нарисовать с натуры этот пейзаж требуется соблюдать ряд стадий:

1. Закомпоновать в листе общую массу тех объектов (элементов) пейзажа, которые студент отобрал в натуре для будущей (задуманной) композиции.

2. Перспективное уточнение мелких форм в найденных массах пейзажа.

3. Завершение перспективного построения, конкретизация частей композиции и выявление планов.

4. Светотеневая проработка с учетом воздушной перспективы.

Задание по рисунку на тему: «Пейзаж», для апробации в практике пленэра

Материал: бумага, формата А3, карандаш 6В, ластик для стирания и др.

Цель темы – формирование ПК по рисунку пейзажа с натуры.

Задача – применение теоретических знаний перспективы в практике выполнения рисунка на пленэре, а также компоновка, построение и светотеневой разбор пейзажного изображения.

Инструкция для бакалавров группы 2 ИД (в количестве 12 чел.):

1. Выбор места (точки зрения), расположение (организация рабочего места) студентов для выполнения рисунка с натуры выбранного мотива пейзажа;

2. Выполнение задания в соответствии с рекомендациями руководителя;

3. Завершение: анализ результатов, разбор ошибок и подведение итогов.

Инструкция для руководителя (преподавателя) группы 2 ИД:

1. Педагог садится рядом со студентами и параллельно с ними выполняет рисунок выбранного мотива, с пояснениями к каждой стадии (рис. 4-8).

2. При изучении темы пейзажа педагог должен применять индивидуально-дифференцированный и комплексный подходы, в соответствии с разработанной схемой взаимосвязи обучения и формирования ПК (рис. 3).

Методическая часть практического обучения студентов на пленэре

Стадия первая: композиционное размещение мотива (рис. 5).

Компоуем мотив пейзажа на листе, с применением знаний *линейной перспективы*. Для этого вначале студент должен выбрать точку зрения (на уровне его глаз), чтобы определиться с высотой линии горизонта (см. 1, на рис. 4).

Далее происходит процесс проецирования: нужно увидеть и мысленно построить элементы (выбранные для композиции рисунка) картинного пространства пейзажа (см. 4, на рис. 4) на условной воображаемой картине (см. 2, на рис. 4). После этого, сохранив в представлении образ полученный от визуального построения, следует перевести взгляд с натуры на рисунок и уже в заданных размерах на листе воссоздать те соотношения масс, которые были мысленно определены и представлены на воображаемой картине (см. 2, на рис. 4). Обязательно учитываются передний, средний и дальний планы. Исследователь Г.Б. Смирнов пишет: «В пейзаже может быть высокий или низкий горизонт. В первом случае художник имеет дело с широким пространством, развернувшимся до горизонта, с многочисленными воздушными планами. Среди них рекомендуется вначале определить три плана (передний, средний и дальний) и затем вводить между ними промежуточные предметы, строго соблюдая тональные отношения. Этот прием облегчит передачу глубины» [10, с. 79].

Рис. 4. Схема проецирующего аппарата центрального проецирования натуры

Методика воссоздания элементов пейзажного пространства на листе требует развитого глазомера. Часто возникают споры, что вначале рисовать – линию горизонта, или компоновку общей массы мотива? Безусловно, общую композицию, и только потом остальное. Для этого линией показываем высоту здания в удалении (см. 1, рис. 5), а ниже очерчиваем силуэт катера (см. 3, 4, 5 на рис. 5).

Следом проверяем соразмерность рекламных стоек и рисуем их с учетом масштаба (см. 6-7, рис. 5). Затем отмечаем линию горизонта (см. 2, рис. 5), а наклонными диагоналями (см. 8, 9 и 10, рис. 5) набрасываем дорожку в перспективе. Под массой дома обозначаем кроны деревьев (см. 11, рис. 5). В конце этапа опять проверяем между собой все размеры.

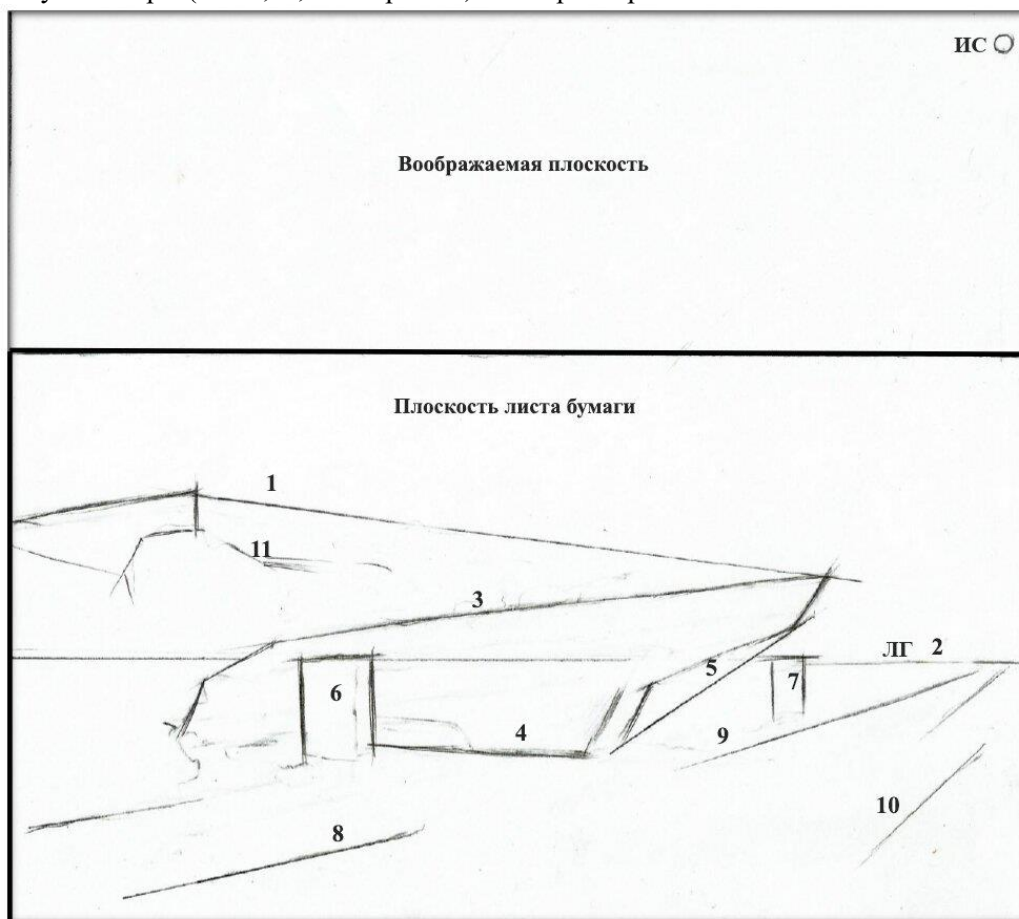

Рис. 5. Композиционное размещение общих масс мотива – этап первый

Стадия вторая: перспективное построение пейзажа (см. рис. 6).

На этом этапе выстраиваем пейзаж с применением знаний перспективы. Для этого представляем на воображаемой плоскости местоположение источника света (см. 1, рис. 6), и опустив перпендикуляр на линию горизонта (см. 2, рис. 6) находим точку схода (см. 10, рис. 6) для всех лучей удаления (см. 3, 4, 5, 6 и 7, рис. 6).

Далее детализируем форму памятника катера (см. А, рис. 6), здания (см. В, рис. 6), масс деревьев (см. Б, рис. 6) и других объектов (см. Г, рис. 6). Следом проецируем все линии от источника света (см. 1, рис. 6) на объекты, для определения правильности проекций падающих теней на земле (см. 8, 9, 11, на рис. 6). По завершению показываем объем каждого объекта посредством штриховки.

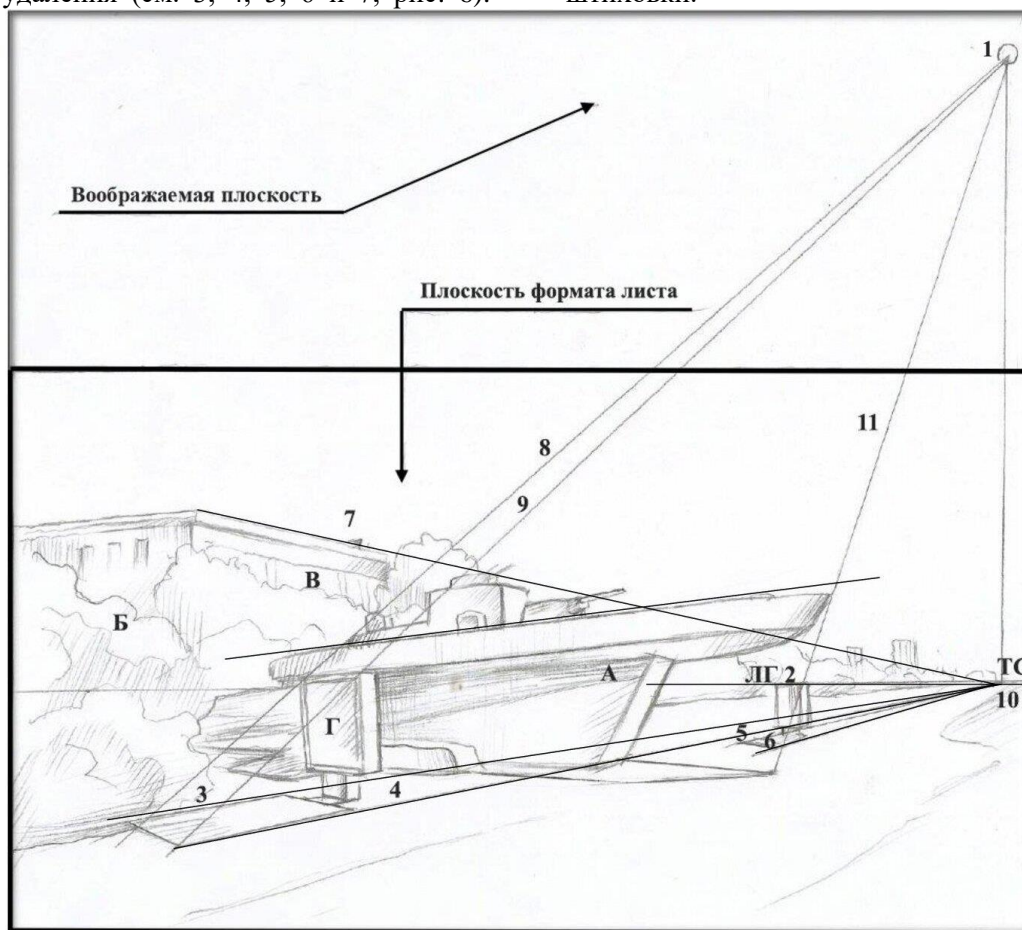

Рис. 6. Перспективное построение всех элементов пейзажа – этап второй

Стадия третья: завершение построения пейзажа и выявление силы освещения посредством штриховки (рис. 7).

Здесь мы переходим к применению на практике знаний *воздушной перспективы*. Для этого определяем силу освещения (контраст), т.е. во сколько тени темнее света. Далее выявляем штриховкой каждый объект (растительность, архитектурное

строение, памятник и др.) в соответствии с его внешними структурными и тональными характеристиками. Кроны деревьев имеют свою фактуру и характер, и их форма отличается от поверхности здания или памятника. Поэтому штришки нужно накладывать по форме объекта, с учетом освещения. На этом этапе все части пейзажа доводятся до светотеневой выразительности.

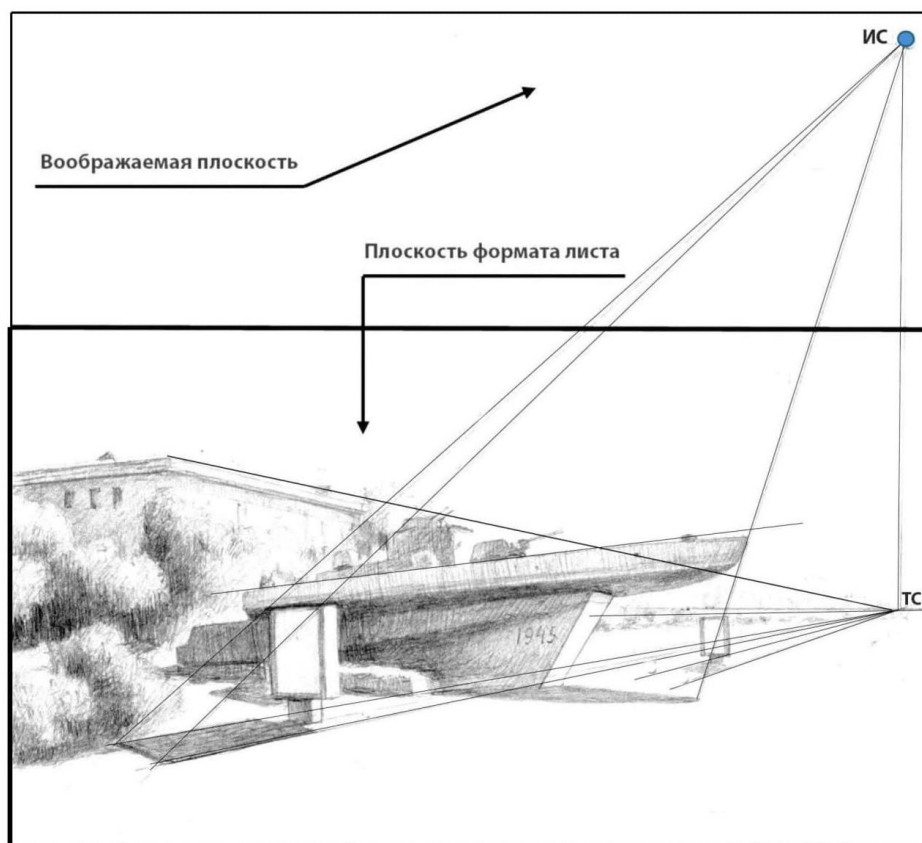

Рис. 7. Завершение перспективного построения пейзажа, разбор светотени – этап третий

Стадия четвертая: тональное проработка рисунка с учетом световоздушной среды, посредством разных типов штриха (см. рис. 8).

Перед тем как перейти к завершающей стадии тонального разбора рисунка, следует стереть все линии (вспомогательные) построения, т.к. они уже выполнили свою функцию. Затем еще раз проверяем пропорции, дорисовываем детали пейзажа и переходим к анализу изменения тона с учетом плановости.

Техническое мастерство рисующих – определяющий навык от которого зависит успех выполнения данного этапа. Владение графическими материалами разной мягкости (в нашем случае карандашом), техникой нанесения штриховки (под разными углами, по форме или поперек ее и т.д.), а также способами набора пятна определенного тона (боковой стороной грифеля или остро заточенным стержнем, посредством растушки и т.д.) – все это важнейшие ПК, обеспечивающие достижение поставленных целей и задач. Ибо применение на практике теоретических знаний линейной и воздушной перспективы требует от рисовальщика технической оснащенности. В противном случае все старания студентов в области овладения ПК по изображению пейзажа на открытом воздухе так и останутся тщетными. С целью максимально облегчить освоение программных заданий по пленэрному рисунку нами была разработана, а затем и

применена на практике схема взаимосвязи обучения и применения ПК по теории перспективы (см. рис. 3).

Начинаем штриховать все тени, сравнивая их между собой по тону. Штрих наносим под разными углами и с таким расчетом, чтобы в каждом пятне (как на объектах, так и в падающих от них тенях) присутствовала прозрачность общего светового тона. И опять-таки концентрируем свое внимание на важнейшей задаче пленэра – передаче ощущения воздушности. Каждый тон, попадающий под воздействие света становится частью среды, а значит должен быть в нее вписан. Среда в свою очередь выражается в общем прозрачном тоне, который должен присутствовать во всех тональных пятнах (объектах пейзажа) независимо от того, в какой плоскости они находятся – в световой, теневой, рефлексирующей от неба или от рядом расположенных предметов и т.д.

Прорисовываем окна на здании, кроны деревьев с учетом распределения на них светотени, а также уточняем уходящие на линии горизонта массы деревьев с легкими силуэтами высоток. Нанося штриховку по форме объекта с целью выявления его внешних характеристик, обращаем внимание на разбор подходов внутри тональных пятен. Особенно это касается темных мест. Можно, например, нанести в падающей от памятника тени тональную подкладку при помощи растушки,

а поверх ее пройти штришками. Таким образом, тон будет просвечиваться сквозь штрих, что придаст ему иллюзию воздушности.

Внутри каждой тени есть участки сосредоточения (сгущения) контрастов и их расслабления. Наличие контрастов в тенях делает их более прозрачными, и в то же время усиливает ощущение пространства. На небе никаких облаков не предусмотрено, поэтому оно решается широко, как

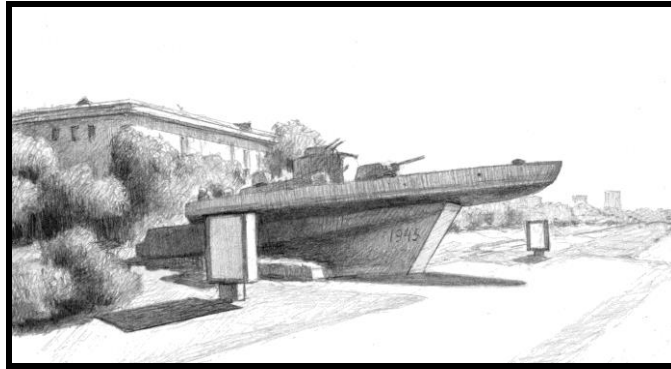

Рис. 8. Тональная проработка пейзажа с учетом воздушной перспективы, обобщение – этап четвертый

После того, как студенты выполнили задание, был проведен коллективный мини-просмотр всех работ. Каждый автор имел возможность высказать свое мнение относительно рисунков других обучающихся. Мы подробно проанализировали имеющиеся в работах ошибки. Те из студентов, кто следовал нашим рекомендациям по применению на практике знаний перспективы, смогли добиться положительных результатов. Были и такие, чьи пейзажи оказались не окончательными. Произошло это по причине слабой сформированности видения природы и рисунка: т.е. из-за того, что при переносе построенных элементов пейзажа с воображаемой картины на плоскость листа не удалось мысленно сохранить выявленные в природе размеры. Это привело к проблемам воссоздания нужных соразмерностей в заданном формате. Как результат, потребовалось большее количество времени для того, чтобы объяснить студентам причины возникновения такой ошибки и найти способы ее устранения.

Подведение итогов

В период прохождения пленэрной практики на примере выполнения одного задания была апробирована специально разработанная нами методика обучения студентов пленэру и применения ими теоретических знаний перспективы в практике изображения пейзажа с природы. Метод личного показа в купе с использованием других средств и методов обучения, воспитания и развития позволили в значительной степени повысить качество рисунков обучающихся. Так как помимо

обобщенное пятно, залитое светом. На катере прорисовываем рубку, военное оснащение и прочие детали.

По завершению работы рисунок приводится к конечному результату методом обобщения: главные детали острее прорабатываются, а второстепенные наоборот, смягчаются, а то и вовсе убираются.

объяснений, рисующие могли наглядно увидеть весь ход выполнения рисунка.

Краткий вывод

Закрепление знаний теории перспективы на практике подтвердило важность развития двух видов восприятия (природы и рисунка), а также совершенствования технических навыков владения графическими материалами. Личный пример педагога по выполнению задания позволил яснее и глубже донести до студентов приемы построения рисунка. Приведенные в статье авторские графические материалы стали составной частью наглядного пособия по пленэру, которое успешно используется другими преподавателями БГПУ.

Литература

1. Барышников А.П. Перспектива. 4-е изд., исправ. и допол. М.: Искусство, 1955. 201 с.
2. Визер В.В. Живописная грамота. Основы пейзажа. СПб.: Питер. 2006. 192 с.
3. Волков Н.Н. Восприятие предмета и рисунка / Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т психологии. М.: Изд-во Академия педагогических наук РСФСР, 1950. 508 с.
4. Дроздов С.А. Рисунок натюрморта из гипсовых геометрических предметов (куб, шар, шестигранная призма): учебно-методическое пособие. Издание второе, дополненное и переработанное. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2021. 32 с.

5. Костерин Н.П. Учебное рисование: учеб. пособие для учащихся пед. училищ по спец. № 2002 «Дошкол. воспитание» и № 2010 «Воспитание в дошкол. учреждениях». М.: Просвещение, 1980. 272 с.

6. Мастера искусства об искусстве: [искусство народов СССР XIV-XIX вв.] / ред. А.А. Федоров-Давыдов. М.: Искусство, 1969. Т. 6. 731 с.

7. Макарова М.Н. Практическая перспектива: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академический Проект. 2005. 400 с.

8. Осипов Д.М. Основы изобразительного искусства. М.: «Советский художник», 1962. 96 с.

9. Пенова В.П. Рисуем карандашом. Деревья. Цветы. Животные. Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Белгород: ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2008. 112 с.

10. Смирнов Г.Б., Соловьев А.М. Начинаящему художнику: О рисовании с натуры. Л.: Художник РСФСР, 1962. 101 с.

References

1. Baryshnikov A.P. Perspektiva. 4-e izd., isprav. i dopol. M.: Iskusstvo, 1955. 201 s.

2. Vizer V.V. Zhivopisnaja gramota. Osnovy pe-jzazha. SPb.: Piter. 2006. 192 s.

3. Volkov N.N. Vosprijatie predmeta i risunka. Akad. ped. nauk RSFSR. In-t psihologii. M.: Izd-vo

Akademija pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1950. 508 s.

4. Drozdov S.A. Risunok natjurmorta iz gipsovyh geometricheskikh predmetov (kub, shar, shestigrannaja prizma): uchebno-metodicheskoe posobie. Izdanie vtoroje, dopolnennoe i pererabotannoe. Blagoveshensk: Izdatel'stvo BGPU, 2021. 32 s.

5. Kosterin N.P. Uchebnoe risovanie: ucheb. posobie dlja uchashhihsja ped. uchilishh po spec. № 2002 «Doshkol. vospitanie» i № 2010 «Vospitanie v doshkol. uchrezhdenijah». M.: Prosveshhenie, 1980. 272 s.

6. Mastera iskusstva ob iskusstve: [iskusstvo narodov SSSR XIV-XIX vv.]. red. A.A. Fedorov-Davydov. M.: Iskusstvo, 1969. Т. 6. 731 s.

7. Makarova M.N. Prakticheskaja perspektiva: uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij. M.: Akademicheskij Proekt. 2005. 400 s.

8. Osipov D.M. Osnovy izobrazitel'nogo iskusstva. M.: «Sovetskij hudozhnik», 1962. 96 s.

9. Penova V.P. Risuem karandashom. Derev'ja. Cvety. Zhivotnye. Har'kov: Knizhnyj Klub «Klub Semejnogo Dosuga»; Belgorod: ООО «Knizhnyj klub “Klub semejnogo dosuga”», 2008. 112 s.

10. Smirnov G.B., Solov'ev A.M. Nachinajushemu hudozhniku: O risovanii s natury. L.: Hudozhnik RSFSR, 1962. 101 s.

TRAINING OF BACHELORS IN THE PRACTICAL APPLICATION OF THEORETICAL KNOWLEDGE OF PERSPECTIVE IN LANDSCAPE DRAWING IN THE SECOND YEAR OF PLEIN-AIR PRACTICE

Drozdov S.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Blagoveshchensk State Pedagogical University

Abstract: the article describes the goals and objectives of drawing during the period of bachelor's degree training technological practice (plein air) in the open air. The specifics of plein-air drawing, the key concepts of perspective, as well as the technique of its transmission when depicting space in different types of landscape: rural, urban, with exterior elements, etc. are revealed. The scheme of interrelation between bachelor's education and the development of their competencies is proposed. The theory of the question is supported by practical analysis, with author's graphic illustrations. The approbation of the materials of the article during the implementation of the open-air program confirmed the effectiveness of their application in the integrated formation of professional competencies in drawing at the university.

Keywords: bachelor's degree training, practical application of knowledge, perspective transfer, landscape drawing, second year of plein-air practice